

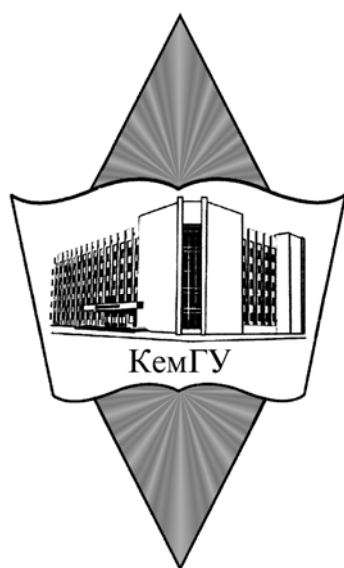
ВЕСТНИК

BULLETIN

ISSN 2078-8975

**КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 3 (47)

**OF KEMEROVO
STATE UNIVERSITY**

Issue 3 (47)

**КЕМЕРОВО
2011**

**ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 3 (47) 2011. Издаётся с 1999 г.**

**Журнал теоретических
и прикладных исследований**

Выходит 1 раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

Члены редакционной коллегии:

Координатор:

Свиридова И. А. – ректор КемГУ, канд. мед. наук, доцент.

Главный редактор:

Афанасьев К. Е. – проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, профессор.

Зам. главного редактора:

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, профессор.

Отв. секретарь – Григорьева О. С.

Редакционная коллегия:

Семенкова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук;

Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент;

Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент;

Захаров Ю. А. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, профессор;

Араева Л. А. – д-р филол. наук, профессор;

Бобров В. В. – д-р ист. наук, профессор;

Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, профессор;

Желтов В. В. – д-р филос. наук, профессор;

Казин Э. М. – д-р биол. наук, профессор;

Карташов В. Я. – д-р техн. наук, профессор;

Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, профессор;

Курбатова М. В. – д-р экон. наук, профессор;

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, профессор;

Осадчий М. А. – канд. филол. наук;

Поварич И. П. – д-р экон. наук, профессор;

Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, профессор;

Шер Я. А. – д-р ист. наук, профессор;

Щенников В. П. – д-р филос. наук, профессор;

Юркевич Н. А. – канд. юр. наук, доцент;

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, профессор.

БИОЛОГИЯ

Минина В. И., Дружинин В. Г., Глушков А. Н., Тимофеева А. А., Ларионов А. В. Молекулярно-генетический анализ полиморфизма генов *hogg1* и *adprt* у коренного и пришлого населения Таштагольского района Кемеровской области 6

Пряженникова О. Е. Целлюлозолитическая активность почв в условиях городской среды 9

ИНФОРМАТИКА

Гудов А. М., Мешечкин В. В., Завозкин С. Ю. Выбор архитектуры системы распределенных информационных хранилищ на основе решения задачи оптимизации стоимости документопотоков 13

ИСТОРИЯ

Агеева Ю. А. «Нидерландский период» в архитектуре Кузбасса и инициативы по его сохранению 20

Иванчук В. В., Михайлов Ю. И. Каменные гробницы андроновского могильника «Косоголь – 3» 26

Крейдун Ю. А. Опыт теоретической реконструкции архитектурного облика Михаило-Архангельского храма (Республика Алтай) 34

Леонов Е. Е. Исторический аспект создания школьных музеев г. Кемерово и их современное состояние 40

Никифорова Е. В. Проблемы медицинского обслуживания заключенных Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 годов) 45

Николаева Н. А. Центрально-европейская линия в развитии бронзового века Северного Кавказа 49

Пьянов А. Е. Статус русского языка в странах СНГ 55

Спитченко Е. В. Система здравоохранения Кемеровской области в период перестройки (1985 – 1991 гг.) 60

Сычева Т. А. Состояние и развитие авиационно-химических работ в Западной Сибири в 1970-е годы 64

МАТЕМАТИКА

Косенкова М. В., Чернова Е. С. Исследование системы образования региона при помощи математического моделирования в контексте устойчивого развития 69

Мешечкин В. В., Богатырева Н. И. Математическое моделирование задачи повышения уровня здоровья населения Кемеровской области с применением интегрального показателя 76

Осинов В. В. Точечные модели многомерных линейных динамических систем 85

Редактор выпуска – **З. А. Кунашева.**

Компьютерная верстка – **В. А. Шерина.**

**Журнал теоретических
и прикладных исследований**

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, ул. Красная 6, к. 225, редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета».

Телефон: (3842) 58-80-24, 58-28-39,

факс (3842) 58-38-85,

E-mail: keafa@kemsu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ ФС77-40023

Со второго полугодия 2004 г. на «Вестник КемГУ» открыта подписка. Подписные индексы: Объединенный каталог «Пресса России» – 42150, Каталог российской прессы «Почта России» – 51944.

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2011.

Подписано к печати 26.09.2011 г.

Формат А 4.

Печать офсетная.

Бумага Sveto Copy.

Усл. печ. л. – 35,5.

Уч.- изд. л. – 31,69.

Тираж 500 экз.

Заказ № _____

Цена свободная.

Отпечатано в ООО ПК «Офсет».

650001, Кемерово,

ул. 40 лет Октября, 1^б.

ПЕДАГОГИКА

Осипова С. И., Соловьева Т. В. Проектирование методической системы обучения дисциплине «мировые информационные ресурсы» на основе личностно-ориентированного подхода 92

Солодова Г. Г. Становление профессионального самоопределения студентов как проблема педагогическая 99

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
И СОЦИОЛОГИЯ**

Барсуков А. М. Перспективы выхода из кризиса и сохранения единства Бельгии 104

Берёзкин А. В. Социологическая интерпретация феномена Интернет-зависимости в контексте теории аномии Эмиля Дюркгейма и Роберта Мертона 107

Бугаец А. А. Оппозиционное издание: поиск роли и места в рамках политического процесса (на материале «Нашей газеты» 2002 – 2006 гг.) 112

Гусев Б. Б. Оценка развития кадрового потенциала молодежной политики в субъектах Российской Федерации 116

Иуков Е. А. Феномен радикального консерватизма как фактор политической деятельности 119

Логунова Л. Ю. Методологические возможности исследования семейно-родовой памяти в русле феноменологической исследовательской программы 124

Малахов И. С. Международный комитет Красного Креста и гуманитарное действие 127

Новикова А. В. Реализация парадигмы государственного управления 132

Нятина Н. В. Дезадаптация и политическое участие несовершеннолетних 137

Рожнов О. А. Противоправное поведение молодежи в условиях адаптационных вызовов трансформирующегося общества 141

ПСИХОЛОГИЯ

Ляхова М. А. Ценностные ориентации личности, воспитывавшейся вне родительской семьи 146

Лебедев А. В., Суботялов М. А., Айзман Р. И. Социотипический портрет студенток вуза с учетом их психофизиологических особенностей 154

Портнова А. Г., Залюбовская Н. С. Личностное и профессиональное развитие студентов: эмпирический поиск показателей 159

ФИЗИКА

Белокуров Г. М. Земля, Солнце – генераторы электронов 165

ФИЛОЛОГИЯ

Васильев В. П. Языковое картирование концепта в традиционном лингвокультурном сообществе 169

Воробьева М. Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка 174

Домрачев М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование актов номинации и речемыслительной деятельности нового лингвистического объекта 181

Евсеева И. В. Комплексные единицы словообразовательной системы 188

Кузнецова Т. Ю. Значение и смысл семантизирующих высказываний (на материале данных психолингвистического эксперимента) 194

Мостовая М. Н. Универсальные и национально-специфические компоненты пресуппозитивной базы знаний в художественном тексте 199

Ресенчук А. А., Рябова М. Ю. Этикетные формулы приветствия в английском языке 204

<i>Шарикова Л. А.</i> Риски войны как концептуальный смысл политического дискурса («человеческий фактор» в языке)	207
ФИЛОСОФИЯ	
<i>Аллахвердиев Г. В.</i> Социально-философская сущность понятия «свобода воли»	214
<i>Игнатюк Ю. Л.</i> Историко-культурологическое осмысление понятия «критерий»	217
<i>Красиков В. И.</i> Конфигурация поля интеллектуального внимания российской философии в 1990 – 2000 гг. XX – XXI вв.	223
ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ	
<i>Хорошилова Л. С., Аникин А. В.</i> Социальная экологизация – залог экологической безопасности	229
ЭКОНОМИКА	
<i>Батиевская В. Б.</i> Институционализация управления приоритетными национальными проектами как механизм реализации государственных и региональных экономических интересов	232
<i>Панюшкин С. В., Шабашев В. А.</i> Оценка взаимосвязи между продуктивными и непродуктивными видами взаимодействия экономических агентов и их инновационной активностью на различных уровнях экономики	238
<i>Ростовский Р. В.</i> О социально-экономическом назначении образования	246
<i>Тышкевич Т. В.</i> Мероприятия по увеличению доходной части местного бюджета (на примере муниципального образования города Кемерово)	251
<i>Унщиков И. А.</i> Интеграция маркетинга для развития электросетевого комплекса региона	255
<i>Щербаков А. И.</i> Инфобизнес как виртуальный фактор экономического роста	263
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Свиридова И. А., Араева Л. А., Денисова Э. С.</i> IV Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного словообразования» (г. Кемерово, КемГУ, 4 – 6 июля 2011 г.)	267
<i>Авторы выпуска</i>	276
<i>Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»</i>	282
<i>Подписка на «Вестник КемГУ»</i>	284

CONTENTS

Members of the editorial board:

Coordinator:

Sviridova I. A. – rector of KemSU, PhD-medicine, associate professor.

Chief editor:

Afanasyev K. E. – vice-rector on scientific work and informatization, doctor of physics-mathematics, professor.

Deputy chief editor:

Sadovoy A. N. – doctor of history, professor.

Responsible secretary – **Grigorjeva O. S.**

Editorial board:

Semenkova T. N. – vice-rector on educational-organizing work, PhD-pedagogic;

Zelenin A. A. – vice-rector on social work and youth policy, doctor of political science, associate professor;

Shadrin A. V. – head of scientific department, doctor of techniques, associate professor;

Zakharov Yu. A. – corresponding member of Russian Academy of Science, doctor of chemistry, professor;

Araeva L. A. – doctor of philology, professor;

Bobrov V. V. – doctor of history, professor;

Danilov N. N. – doctor of physics-mathematics, professor;

Zhelto V. V. – doctor of philosophic studies, professor;

Kazin E. M. – doctor of biology, professor;

Kartashov B. Ya. – doctor of techniques, professor;

Kasatkina N. E. – doctor of pedagogic, professor;

Kurbatova M. V. – doctor of economics, professor;

Nevzorov B. P. – doctor of pedagogic, professor;

Osadchiy M. A. – PhD-philology;

Povarich I. P. – doctor of economics, professor;

Poplavnoy A. S. – doctor of physics-mathematics, professor;

Sher Ya. A. – doctor of history, professor;

Schennikov B. P. – doctor of philosophic studies, professor;

Yurkevich N. A. – PhD-law, associate professor;

Yanitsky M. S. – doctor of psychology, professor.

Issues editor – **S. A. Kunacheva.**

Computer layout – **V. A. Sherina**

BIOLOGY

Minina V. I., Druzhinin V. G., Glushkov A. N., Timopheeva A. A., Larionov A. V. Molecular genetic analysis of hogg1 and adprt polymorphism among indigenous and migrant populations of the Kemerovo region 6

Prjzhennikova O. E. Tselljulozolitichesky activity of soils in the conditions of city medium 9

INFORMATICS

Gudov A. M., Meshechkin V. V., Zavozkin S. Y. Choice of architecture of distributed information stores system based on the solution of the information flows cost optimization problem 13

HISTORY

Ageeva J. A. «Netherlandian period» in Kuzbass architecture and its preservation activities 20

Ivanchuk V. V., Michailov Y. I. Stone tombs of Andronovo cemetery «Kosogol – 3» 26

Kreydun Yu. A. Experience on theoretical reconstruction of the architectural exterior of Mikhailo-Arkhangelskiy temple (Republic of Altai) 34

Leonov E. E. Historical aspect of creation of school museums Kemerovo and their current state 40

Nikiforova E. V. The problems of medical care of Kuzbass prisoners during the great patriotic war (1941 – 1945) 45

Nikolaeva N. A. Central European tradition in the development of the bronze age in the Northern Caucasus 49

Pianov A. E. Status of Russian language in the CIS 55

Spitchenko E. V. The system of public health services in Kemerovo region in reorganization period (1985 – 1991) 60

Sycheva T. A. Status and development of aerial chemical work western Siberia in 1970 s 64

MATHEMATICS

Kosenkova M. V., Chernova E. S. Research of the educational system of region using mathematical modelling in the context of sustainable development 69

Meshechkin V. V., Bogatyreva N. I. Mathematical modeling of the problem concerning increasing of population health level in Kemerovo region using integral indicator 76

Osipov V. V. Point model of multi-dimensional linear dynamical systems 85

PEDAGOGY

Osipova S. I., Solovyova T. V. The design of methodological system of teaching the subject «world information recourses» on the basis of personality-oriented approach 92

Solodova G. G. Performing professional selfdetermination of students as a pedagogic problem 99

POLITICAL SCIENCE AND SOZIOLOGIE

Barsukov A. M. Prospects for recover and preservation of the unity of Belgium 104

Berezkin A. V. The sociological interpretation of the phenomenon of the internet - addiction in the context of the theory of anomie Emile Durkheim and Robert Merton 107

Bugaets A. A. The oppositional edition: search of the role and the place within the limits of political process (on the material «Our newspaper» 2002 – 2006) 112

Gusev B. B. Estimation of development of personnel potential of a youth policy in subjects of the Russian Federation 116

Iukov E. A. The phenomenon of radical conservatism as a factor of political activity 119

The magazine of theoretic and applied researches is published by the decision of scientific-methodic and editorial board of Kemerovo State University. It is issued once a quarter.

None of any parts of the magazine can be republished without the permission of the authors or the editor.

Address: 650043, Ulitsa Krasnaya, 6, room # 225, Editorial office "Vestnik of Kemerovo State University"

Telephone: 8 (3842) 58-80-24, 58-28-39

Fax: 8 (3842) 58-38-85

E-mail: keafa@kemsu.ru

The magazine is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

Registration number is ПИ 12-2098

From the second half-year of 2004 there is opened the subscription for "Vestnik of KemSU". Subscribing indexes: Unity catalogue "The Press of Russia" – 42150, Catalogue of Russian press "The Post of Russia" – 51944.

© Kemerovo State University, 2011.

Signed to printing 24.09.2011 r.

Format A4

Offset printing

Paper Sveto Copy

Printing sheet – 35,5.

Edition sheet – 31,69.

Circulation 500 copies.

Order # _____

Price free.

It is printed in OOO «INT».

650003, Kemerovo,

Ulitsa 40 years of October, 1^b

Logunova L. Yu. Methodological research opportunities family ancestral memory in line with the phenomenological research program 124

Malahov I. S. The international red cross committee and the humanitarian action 127

Novikova A. V. Realization of the public management paradigm 132

Nyatina N. V. Dysadaptation and political participation of teenagers 137

Rozhnov O. A. Illegal behavior of youth in the conditions of adaptable calls of a transformed society 141

PSYCHOLOGY

Lyakhova M. A. Value system of a person raised out of parents' family 146

Lebedev A. V., Subotâlov M. A., Ajzman R. I. Sociotipičeskij portrait of the female students of the university, taking into account their psycho-physiological characteristics 154

Portnova A. G., Zalubovskaya N. S. Personal and professional students development: an empirical finding indicators 159

PHYSICS

Belokurov G. M. Land, Sun – generators of electrons 165

PHILOLOGY

Vasilyev V. P. The concept verbalization in the linguistic picture of the world of the traditional lingua-cultural community 169

Vorobyova M. E. Functioning of juridical terms in ordinary consciousness of native speakers of Russian 174

Domrachev M. A. Die Propositional- Rahmensimulation der Reports der Nennung- und Redegedankentätigkeit des neuen linguistischen Gegenstandes 181

Evseeva I. V. Complex umts of word-formative system 188

Kuznetsova T. J. The meaning and sense of semantizing expressions (on the basis of psycholinguistic experiment data) 194

Mostovaya M. N. Universal and national-specific components of presuppositional knowledge basis in the literary text 199

Resenchuk A. A., Ryabova M. Y. Etiquette formulae of greeting in English 204

Sharikova L. A. Risks of war as a conceptual sense of the political discourse («The human factor» in the language) 207

PHILOSOPHIE

Allahverdiyev G. V. Socio-philosophical essence of the notion of "free will" 214

Ignatyuk Y. L. Historical and cultural comprehension of concept «criterion» 217

Krasikov V. I. Afocus of intellectual attention of Russian philosophy and its inner configuration in the 90-00 years of XX – XXI centuries 223

ECOLOGY. HEALTH

Khoroshilova L. S., Anikin A. V. Social environmental – pledge of environmental safety 229

ECONOMY

Batievskaya V. B. Institutionalization of priority national projects as a mechanism for the implementation of state and regional economic interests 232

Panyushkin S. V., Shabashev V. A. Evaluation of the interrelation between productive and unproductive types of economic agents' interaction and their innovative activity at different economic levels 238

Rostovskiy R. V. About the socio-economic purpose of education 246

Tyshkevich T. V. Measures to increase revenues of local budgets (for example the municipality Kemerovo) 251

<i>Unshchikov I. A.</i> Integration of marketing for development of an electric network complex of region	255
<i>Scherbakov A. I.</i> Infobusiness as the virtual factor of economic growth	263
SCIENTIFIC LIFE	
<i>Sviridova I. A., Araeva L. A., Denisova E. S.</i> IV International scientific conference "Topical problems of modern building" (Kemerovo, KemGU, 4 – July 6, 2011)	267
<i>Authors Edition</i>	276
<i>Formatting in journal KemGU</i>	282
<i>Subscribe to «Gazette KemGU»</i>	284

БИОЛОГИЯ

УДК 577.213

МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИМОРФИЗМА ГЕНОВ *hOGG1* И *ADPRT* У КОРЕННОГО И ПРИШЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАШТАГОЛЬСКОГО РАЙОНА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ*В. И. Мина, В. Г. Дружинин, А. Н. Глушков, А. А. Тимофеева, А. В. Ларионов*MOLECULAR GENETIC ANALYSIS OF *hOGG1* AND *ADPRT* POLYMORPHISM AMONG INDIGENOUS AND MIGRANT POPULATIONS OF THE KEMEROVO REGION*V. I. Minina, V. G. Druzhinin, A. N. Glushkov, A. A. Timopheeva, A. V. Larionov*

Проведено исследование полиморфизма генов *hOGG1Ser326Cys* и *ADPRT Val762Ala* в выборках представителей двух этносов, проживающих в Таштагольском районе Кемеровской области (шорцы, русские). Частота встречаемости минорных аллелей: *hOGG1 Cys* и *ADPRT Ala* в группе шорцев соответствует данным, полученным для монголоидов (в различных популяциях мира) и статистически значимо превышает встречаемость этих аллелей в группе русских Кемеровской области. Эти данные свидетельствуют о большом удельном весе монголоидного компонента в генофонде коренного малочисленного народа Сибири – шорцев.

Gene polymorphism *hOGG1Ser326Cys* and *ADPRT Val762Ala* in two ethnic groups of the Kemerovo region (Shors, Russian) has been studied. The frequency of minor alleles: *hOGG1 Cys* and *ADPRT Ala* group Shors corresponds to data obtained for Mongoloid (in various world populations) and significantly higher than the incidence of these alleles in a group of Russian Kemerovo region. These data indicate a high specific weight of the Mongoloid component in the genome of the indigenous people of Siberia – Shor.

Ключевые слова: генетический полиморфизм *hOGG1*, *ADPRT*.

Keywords: genetic polymorphism *hOGG1*, *ADPRT*.

В настоящее время динамично развиваются молекулярно-генетические методы, позволяющие выявить этнические различия на молекулярном уровне. Индивидуальный набор полиморфных вариантов генов способен оказывать существенное влияние на адаптационные возможности организма. В этой связи активно изучается вклад генов репарации ДНК, в частности, его роль в формировании индивидуальной чувствительности генома к повреждающим мутагенным воздействиям. В настоящее время известно более 150 генов, принимающих участие в различных путях репарации [15]. Считается, что большинство повреждений ДНК удаляется белками эксцизионной репарации оснований (base excision repair, BER). Среди генов, кодирующих ферменты BER, особое внимание привлекают *hOGG1* и *ADPRT*.

Ген *hOGG1* (human 8-oxoguanine DNA glycosylase) кодирует ключевой фермент BER, удаляющий из ДНК остатки 8-оксогуанина, образующегося под действием активных форм кислорода. Один из полиморфизмов гена *hOGG1*, приводящий к замене Ser на Cys в 326 положении, ассоциирован со сниженной активностью фермента 8-оксогуанин-ДНК-гликозилазы [5]. Ген *ADPRT* (adenosine diphosphate ribosyl transferase) кодирует ассоциированный с хроматином фермент поли-АДФ-рибозилполимеразу (PARP). Данный фермент вовлечен в реакции репарации ДНК, поврежденной химическими мутагенами, активными формами кислорода и ионизирующей радиацией. Аллель гена *ADPRT*, который несет трансверсию Т→С в 40 676 положении, приводящую к аминокислотной замене

Val762Ala в кодируемом белке ассоциирован с пониженной способностью связывать XRCC1 и другие белки репарации, сниженной функциональной активностью фермента [8].

В связи с этим целью исследования стал анализ полиморфизма генов репарации ДНК у представителей коренного (шорцы) и пришлого населения (русские) Кемеровской области, а также сопоставление полученных частот аллелей и генотипов с данными мировой литературы.

Материалы и методы

Исследуемая выборка включала 253 человека (117 мальчиков и 136 девочек, средний возраст 13.2±0.24 года). Среди них: шорцев – 141 человек, русских – 112 человек (из них 51 человек проживает в школе-интернате г. Таштагола Кемеровской области, 29 человек проживают в с. Красное Ленинск-Кузнецкого района и 32 – в с. Пача Яшкинского района Кемеровской области).

Шорцы – тюркоязычный народ, имеющий официальный статус «коренного малочисленного народа Севера». Основная территория расселения шорцев – Горная Шория – бассейн среднего течения р. Томи и ее притоков – Кондомы и Мрассу. В отличие от шорцев (коренное население), русские могут рассматриваться как пришлое население Сибири, как представители белой расы (европеоиды). На каждого обследуемого ребенка был оформлен протокол информированного согласия, подписанный родителями либо лицами, осуществляющими опеку над несовершеннолетними.

Для выполнения молекулярно-генетических исследований забирали венозную кровь на антикоагулянты (0,25 мМ ЭДТА-Na) с последующим получением лейкоцезы. Выделение ДНК из этого биологического материала проводили методом фенол-хлороформной экстракции [10]. Образцы ДНК растворяли в 10 мМ Tris/1 EDTA, pH 8.0 и хранили при -20°C .

Для типирования полиморфизмов генов *hOGG1Ser326Cys* и *ADPRT Val762Ala* использовали коммерческую тест-систему «SNP-express» (НПФ «Литех», г. Москва). ПЦР проводили на амплификаторах ТЕРЦИК (НПФ «ДНК-Технология», Россия) по программе, рекомендованной производителем набора. Амплифицированные фрагменты ДНК разделяли электрофоретически в горизонтальном 3 % агарозном геле. После окончания электрофореза гель окрашивали раствором бромистого этидия и визуализировали в проходящем ультрафиолетовом свете на трансиллюминаторе.

Статистический анализ первичных данных осуществляли средствами STATISTICA for WINDOWS v.6. Оценку достоверности различий в распределении полиморфных вариантов проводили стандартным методом χ^2 с поправкой Йетса на непрерывность. Оценку соответствия распределений полиморфных вариантов равновесию Харди-Вайнберга осуществляли с использованием интернет-ресурса: <http://www.genes.org.uk/software/hardy-weinberg.shtml> [9].

Результаты и обсуждение

В изученных выборках детей распределения частот аллелей и генотипов изученных полиморфных маркеров не имели отклонений от равновесия Харди-Вайнберга. Полученные в результате проведенного исследования значения частот аллелей и генотипов у шорцев и русских в сравнении с данными литературы представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Полиморфизм гена *hOGG1 Ser326Cys* в различных этнических группах

Объем выборки	Генотип n (%)			Частота минорного аллеля q (Cys)	Группа	Источник
	Ser/Ser	Ser/Cys	Cys/Cys			
N=134	37(27,61)*	73(54,48)*	24(17,91)*	0,45	Шорцы КО	СД
N=99	56(56,57)#	37(37,37)#	6(6,06)#	0,25	Русские КО	СД
N=159	98(61,63)	53(33,33)	8(5,03)	0,22	Европеоиды (Гавай)	[6]
N=242	154(63,64)	75(30,99)	13(5,37)	0,21	Европеоиды (Чехия)	[12]
N=386	194(50,26)	117(30,31)	75(19,43)	0,36	Европеоиды (Норвегия)	[13]
N=248	141(56,85)	96(38,71)	11(4,44)	0,39	Европеоиды (Ирландия)	[3]
N=150	50(33,33)	74(49,33)	26(17,33)	0,42	Японцы (Гавай)	[6]
N=96	29(30,21)	48(50,00)	19(19,79)	0,45	Коренные гавайцы	[6]
N=197	85(32)	117(54,3)	75(13,7)	0,41	Монголоиды (Япония)	[11]
N=479	184(38,4)	216(45,1)	79(16,5)	0,39	Китайцы Хань	[4]

Примечание. Здесь и далее: КО – Кемеровская область; СД – собственные данные;

* $p < 0,05$ в сравнении с аналогичными генотипами у русских КО и европеоидами Чехии, Ирландии, о. Гавай;

$p < 0,05$ в сравнении с аналогичными генотипами у шорцев КО, китайцев, японцев, гавайцев.

Таблица 2

Полиморфизм гена *ADPRT Val762Ala* в различных этнических группах

Объем выборки	Генотип (%)			Частота минорного аллеля q (Ala)	Популяция	Источник
	Val/Val	Val/Ala	Ala/Ala			
N=141	40(28,37)*	71(50,35)	30(21,28)*	0,47	Шорцы КО	СД
N=112	60(53,57)#	44(39,29)	8(7,14)#	0,22	Русские КО	СД
N=603	413(68,50)	173(28,70)	17(2,80)	0,17	Европеоиды (США)	[7]
N=427	313(73,3)	107(25,01)	7(1,63)	0,14	Европеоиды (Мексика)	[8]
N=449	299(66,6)	140(31,2)	10(2,2)	0,18	Европеоиды (Нидерланды)	[2]
N=1000	359(35,90)	504(50,40)	137(13,70)	0,39	Монголоиды (Китайцы)	[13]
N=479	168(35,1)	230(48)	81(16,9)	0,41	Монголоиды (Китайцы Хань)	[4]

Примечание. * $p < 0,05$ в сравнении с аналогичными генотипами у русских КО, европеоидов США, Мексики, Нидерландов и китайцев [12],

$p < 0,01$ в сравнении с аналогичными генотипами у шорцев КО, европеоидов США, Нидерландов и Мексики.

Частоты генотипов hOGG1 в группе шорцев согласуются с данными, полученными для монголоидов (например японцев, китайцев, гавайцев), а частоты в группе русских сопоставимы с данными, полученными для представителей белой расы (европеоиды). При сравнении представителей коренного (шорцы) и пришлого (русские) населения Кемеровской области были выявлены статистически значимые отличия частоты встречаемости генотипов hOGG1 Ser/Ser ($\chi^2 = 18,71$; $p = 0,00001$), Ser/Cys ($\chi^2 = 6,01$; $p = 0,01$), Cys/Cys ($\chi^2 = 6,11$; $p = 0,013$). Аллель hOGG1 Cys в 1,8 раза чаще встречается в группе шорцев, чем в группе русских ($\chi^2 = 19,58$; $p = 0,00001$).

Распределение генотипов ADPRT в группе русских КО отличается от данных по частотам генотипов, полученных для групп европеоидов США, Мексики, Нидерландов. У русских КО повышена частота минорного аллеля Ala – 7,14 %, тогда как в группах сравнения она составила 2,80; 1,63 и 2,2 %. Требуется дополнительное увеличение объема выборки с тем, чтобы выяснить, не являются ли данные отличия статистическим артефактом. В группе шорцев КО наблюдается сходство распределения генотипов ADPRT с группой китайцев Хань и статистически значимое отличие от распределений в группах европеоидов США, Мексики, Нидерландов и китайцев [13]. При сравнении представителей коренного (шорцы) и пришлого (русские) населения Кемеровской области были выявлены статистически значимые отличия частоты встречаемости генотипов ADPRT Val/Val ($\chi^2 = 15,55$; $p = 0,0001$) и Ala/Ala ($\chi^2 = 8,69$; $p = 0,003$). Аллель ADPRT Ala в группе шорцев встречался в 1,7 раза чаще, чем в группе русских ($\chi^2 = 19,72$; $p = 0,00001$).

Повышенная частота встречаемости минорных аллелей генов hOGG1 и ADPRT в группе шорцев, по сравнению с русскими, может быть вызвана большим удельным весом монголоидного компонента в этногенезе шорцев [1].

Полученные результаты о существовании межэтнических отличий полиморфизма генов репарации ДНК у жителей Кузбасского промышленного региона могут иметь важное значение при проведении ассоциативных исследований. Например, при выявлении генов предрасположенности к различным мультифакториальным заболеваниям или к наследственно обусловленной чувствительности к действию мутагенов.

Работа поддержана государственным контрактом ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 – 2012 годы» № 16.512.11.2062; грантом РФФИ, 10-04-00497-а.

Литература

1. Ульянова, М. В. Динамика популяционно-генетической структуры шорцев Южной Сибири /

М. В. Ульянова: автореф. ... дис. канд. – Кемерово. – 2010. – 23 с.

2. Emonts, M. Polymorphisms in genes controlling inflammation and tissue repair in rheumatoid arthritis: a case control study / M. Emonts, M. Hazes // BMC Medical Genetics. – 2011. – V. 12. – P. 36 – 45.

3. Ferguson, H. R. No Association between hOGG1, XRCC1, and XPD polymorphisms and risk of reflux esophagitis, barrett's esophagus, or esophageal adenocarcinoma: results from the factors influencing the barrett's adenocarcinoma relationship case-control study / H. R Ferguson, C. P. Wild, L. A. Anderson // Cancer Epidemiol Biomarkers Prev. – 2008. – V. 17 (3). – P. 736 – 739.

4. Hao, B. Identification of genetic variants in base excision repair pathway and their associations with risk of esophageal squamous cell carcinoma / B. Hao, H. Wang, Zhou, K. et al. // Cancer research. – 2004. – V. 64. – P. 4378 – 4384.

5. Kohno, T. Genetic polymorphisms and alternative splicing of the hOGG1 gene, that is involved in the repair of 8-hydroxyguanine in damaged DNA / T. Kohno, K. Shinmura, Tosaka, M. et al. // Oncogene. – 1998. – V. 16. – P. 3219 – 3225.

6. Le Marchand, L. Association of the hOGG1 Ser326Cys polymorphism with lung cancer risk / L. Marchand, T. Donlon, Lum-Jones, A. et al. // Cancer epidemiology, Biomarker & Prevention. – 2002. – V. 11. – P. 409 – 412.

7. Li, C. Genetic variants of the ADPRT, XRCC1 and APE1 genes and risk of cutaneous melanoma / C. Li, Z., Wang, Li-E. et al. // Carcinogenesis. – 2006. – V. 27. – № 9. – P. 1894 – 1901.

8. Lockett, K. L. The ADPRT V762A genetic variant contributes to prostate cancer susceptibility and deficient enzyme function / K. L. Lockett, M. C. Hall, J. S. et al. Xu // Cancer research. – 2004. – V. 64. – P. 6344 – 6348.

9. Rodriguez, S. Hardy-Weinberg Equilibrium Testing of Biological Ascertainment for Mendelian Randomization Studies / S. Rodriguez, T. R. Gaunt, I. N. M. Day // American Journal of Epidemiology. – 2009. – DOI 10.1093/aje/kwn359.

10. Sambrook, J. Molecular cloning: a laboratory manual / J. Sambrook // Cold Spring Harbor Laboratory Press. – Cold Spring Harbor, 1989.

11. Sugimura, H. hOGG1 Ser326Cys polymorphism and lung cancer susceptibility / H. Sugimura, T. Kohno, Wakai, K., et al. // Cancer Epidemiology, Biomarkers & Prevention. – 1999. – Vol. 8. – P. 669 – 674.

12. Vodicka, P. Association of DNA repair polymorphisms with DNA repair functional outcomes in healthy human subjects / P. Vodicka, R. Stetina, Polakova, V. et al. // Carcinogenesis. – 2007. – Vol. 28. – No. 3. – P. 657 – 664.

13. Zhang, X. Polymorphisms in DNA base excision repair genes ADPRT and XRCC1 and risk of

lung cancer / X. Zhang, X. Miao, Liang, G. et al. // Cancer Res. – 2005. – V. 65. – P. 722 – 726.

14. Zienolddiny, S. Polymorphisms of DNA repair genes and risk of non-small cell lung cancer /

S. Zienolddiny, D. Campa, Lind, H. et al. // Carcinogenesis. – 2006. – V. 27. – №. 3. – P. 560 – 567.

15. Wood, R. D. Human DNA repair genes / R. D. Wood, M. Mitchell, T. Lindahl // Mutat. Res. – 2005. – V. 577. – P. 275 – 283.

УДК 574.24:582.521.43

ЦЕЛЛЮЛОЗОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЧВ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

О. Е. Пряженникова

TSELLJULOZOLITICHESKY ACTIVITY OF SOILS IN THE CONDITIONS OF CITY MEDIUM

O. E. Prjazhennikova

В данной статье приведены результаты исследований целлюлозолитической активности почв в условиях городской среды. Выявлено действие повышенной концентрации тяжелых металлов в почве на целлюлозолитические процессы.

In given article results of researches tselljulozolitichesky activity of soils in the conditions of city medium are resulted. Action of the raised concentration of serious metals in soil on tselljulozolitichesky processes is taped.

Ключевые слова: целлюлозолитическая активность, тяжелые металлы, микроорганизмы, почвенный покров.

Keywords: tselljulozolitichesky activity, serious metals, microorganisms, a soil integument.

Целлюлоза – главный компонент клеточных стенок высших растений и водорослей. По своей природе она является полисахаридом, линейным полимером состоящим из цепочек молекул бета-D-глюкозы соединенных бета-1,4-гликозидными связями. Цепочки моносахаридов объединены в волокна, окруженные оболочкой, в состав которой входят воск и пектин [3]. Подобное строение делает целлюлозу механически прочной, устойчивой к внешним химическим воздействиям и нерастворимой в воде. Синтез целлюлозы – масштабный природный процесс, наряду с крахмалом, она является самым распространенным на Земле органическим соединением.

В почву целлюлоза попадает вместе с растительными остатками, где её содержание достаточно велико (40 % – 70 %).

Процесс разложения клетчатки в почве осуществляется как в аэробных, так и анаэробных условиях при участии особых групп бактерий и грибов. В ряде современных исследований экспериментально доказано, что их количественное соотношение в почве примерно одинаково [2]. К целлюлозоразрушающим аэробным почвенным бактериям относят миксобактерии родов цитофага (Cytophaga), сорангиум (Sorangium) и полиангиум (Polyangium). Они покрыты эластичной оболочкой, способны менять форму тела (известны кокковидные и палочковидные формы), достаточно подвижны, перемещаются в почве по реактивному принципу, выбрасывая слизь. Миксобактерии не выделяют фермент во внешнюю среду, находится он на поверхности бактериальной клетки. По этой причине разложение целлюлозы осуществляется при непосредственном контакте её волокон с оболочкой миксобактерии.

В анаэробных условиях разрушать целлюлозу в почве способны клостридии (Clostridium). К факультативным анаэробам, разлагающим целлюлозу как в

кислородных условиях, так и без доступа кислорода, относят бактерии рода псевдомонас (Pseudomonas). Наибольшее значение в разложении целлюлозы имеют микроскопические грибы и актиномицеты.

Ферментативное разложение целлюлозы осуществляется при помощи целлюлозного комплекса. На начальном этапе фермент эндо-бета-1,4-глюканаза разрушает гликозидные связи внутри глюкозидной цепочки, образуются фрагменты со свободными концами. Затем экзо-бета-1,4-глюканаза катализирует отщепление дисахарида целлобиозы от конца цепочки. На завершающем этапе происходит гидролиз целлобиозы до глюкозы с помощью фермента бета-глюкозидазы [3].

В почвах любого типа, формирующихся в различных климатических условиях, существуют виды микроорганизмов, которые доводят расщепление клетчатки до конца, образуя углекислоту и воду при условии достаточного количества азота и минеральных элементов, необходимых для обмена веществ.

Процесс разложения органического вещества является важным неотъемлемым звеном мирового биогеохимического круговорота элементов, во многом определяет плодородие почв. Скорость разложения целлюлозы влияет на скорость разложения органики в целом. Данный показатель можно рассматривать как количественную меру почвенного плодородия, а чистую целлюлозу можно рассматривать как модельный субстрат для разложения, на фоне которого можно определить действие факторов внешней среды и изучить свойства почвы.

В настоящем исследовании о целлюлозолитической активности почв мы судили по результатам полевого опыта, основанного на использовании аппликационного метода «cotton strip assay». В литературе описано несколько способов закладки льняных

полотен в почву. Нами использованы полотна чистой, белой льняной ткани массой 1 г, с четырех сторон закрепленные на стеклянной пластине размером 22х10 см. Льняные аппликаторы закладывали в почвенный разрез в вертикальном положении, отмечая местоположение деревянной меткой. Повторность опыта трехкратная. Для исследования выбрано 5 районов города Кемерово: Центральный, Ленинский, Заводский, Кировский, Рудничный. Фоновой была определена, удаленная от действия вредных промышленных и транспортных выбросов, деревня Андреевка. Общее число заложенных в почву аппликаторов за один сезон в соответствии с повторностями составило 72 штуки. Аппликаторы извлекали из почвы в определенной последовательности в

конце каждого месяца. Время экспозиции последних полотен составило 4 месяца. О целлюлозолитической активности почв судили по объему разложившегося субстрата, выраженного в процентах от первоначальной массы. Для этого в лабораторных условиях освобождали полотна от твердых примесей, просушивали и взвешивали на электронных весах. Обработка полевых материалов и результатов опыта осуществлялась в лаборатории «Экологическо-генетических исследований» кафедры ботаники Кемеровского государственного университета.

Результаты экспозиции льняных аппликаторов в почве приведены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Количество неразложившейся целлюлозы после экспозиции в почве, %

<i>2008 г.</i>	<i>Июнь</i>	<i>Июль</i>	<i>Август</i>	<i>Сентябрь</i>
Контроль	35	20	0	0
Центральный	71	40	45	23,3
Кировский	72	44,3	33,3	36,6
Рудничный	70,5	12,5	17,5	16
Ленинский	39,3	43,3	10	6,6
Заводский	65	41	33,3	32
<i>2009 г.</i>	<i>июнь</i>	<i>июль</i>	<i>август</i>	<i>сентябрь</i>
Контроль	30	28	0	0
Центральный	85	50	40	12
Кировский	79,6	48,6	17,2	0,5
Рудничный	72,3	48,3	10	3,3
Ленинский	81	50	25	0,5
Заводский	84,6	79	72	39,3

Таблица 2

Интенсивность разложения целлюлозы в почвах города Кемерово

<i>2008 г.</i>	% разложившейся целлюлозы			
	<i>1 месяц</i>	<i>2 месяца</i>	<i>3 месяца</i>	<i>4 месяца</i>
Контроль	65	80	100	100
Центральный	29	60	55	76,7
Кировский	28	55,7	66,7	63,4
Рудничный	29,5	87,5	82,5	84
Ленинский	60,7	56,7	90	93,4
Заводский	35	59	66,7	68
<i>2009 г.</i>	<i>1 месяц</i>	<i>2 месяца</i>	<i>3 месяца</i>	<i>4 месяца</i>
Контроль	70	72	100	100
Центральный	15	50	60	88
Кировский	20,4	51,4	82,8	99,5
Рудничный	27,7	51,7	90	76,7
Ленинский	19	50	75	99,5
Заводский	15,4	21	28	60,7

Таблица 3
Шкала интенсивности разрушения целлюлозы
(%) за вегетационный сезон

Выраженность процесса разрушения	Оценка
< 10	очень слабая
10–30	слабая
30–50	средняя
50–80	сильная
> 80	очень сильная

В результате проведенных исследований была определена сезонная динамика активности целлюлозоразрушающих микроорганизмов. Пик целлюлозолитической активности почв наблюдался в конце лета – начале осени. В августе и сентябре доля разложившейся целлюлозы в среднем по всем районам города составила 19,3 % и 14,2 % соответственно. В весенний период (в мае) доля утраченного льняного полотна после экспозиции в почве в течение 30 суток в среднем по всем районам города составила не более 5 %.

В мае слабая интенсивность разложения целлюлозы определена низкими температурами атмосферного воздуха и почвы, в данных условиях наиболее активны аэробные целлюлозоразрушающие бактерии, они запускают процесс органического распада в поверхностном слое почвы после длительного зимнего перерыва (рис. 1).

Позднелетний и раннеосенний пики целлюлозолитической активности почв, вероятно, связаны с массовым поступлением в неё органического вещества в виде листового опада, отмерших в конце вегетационного периода наземных частей травянистых растений, а также корневых систем однолетних растений. В конце июня при повышении температуры воздуха и поверхности почвы до 26 – 28⁰С активизируются микроскопические грибы, положительно влияя на ход целлюлозолитических процессов. Их роль в почвообразовательной деятельности возрастает и с глубиной наряду с анаэробными бактериями, факультативными анаэробами, способными существовать без доступа кислорода. Установлена отрицательная коррелятивная связь активности почвенных сапрофитов с величиной атмосферных осадков (табл. 5). Утрата льняных полотен в августе – сентябре 2008 года в среднем по всем исследуемым районам составила 19,2 %, в 2009 году 40 % при среднемесячном слое атмосферных осадков 79 – 42 мм, 60 – 24 мм соответственно. Вторая половина лета – начало осени 2008 года отличались не только большей величиной атмосферных осадков, но и сравнительно низкими температурами атмосферного воздуха. В сочетании сложившиеся погодные ус-

ловия оказывали угнетающее действие на активность почвенной микрофлоры (рис. 1, 2; табл. 5).

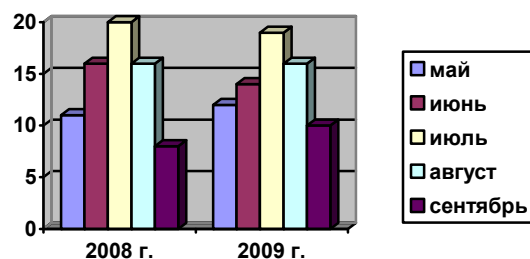

Рис. 1. *Ход среднемесячных температур в период исследований, °С*

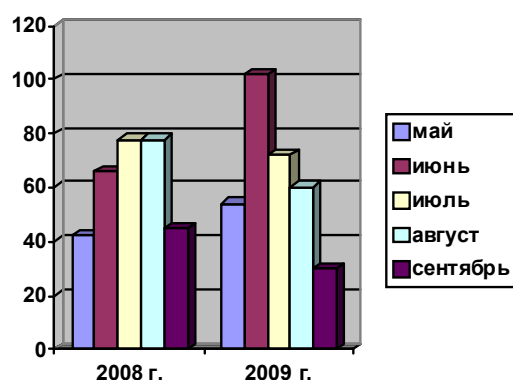

Рис. 2. *Среднемесячное количество атмосферных осадков в период исследований, мм*

В целом за вегетационный сезон интенсивность разрушения целлюлозы оценивается как сильная и очень сильная (табл. 3) [4]. Сравнивая исследуемые районы города с контролем (д. Андреевка), выявили напряжение хода почвенных целлюлозолитических процессов в следующих из них: Центральном, Кировском, Заводском. Доля неразложившейся целлюлозы после 4 месяцев экспозиции составила:

в 2008 г. – 23,3 %; 36,6 %; 32 %;

в 2009 г. – 12 %; 0,5 %; 39,3 % соответственно, на контроле – 0 %.

Угнетение жизнедеятельности почвенной биоты в вышеперечисленных районах города связано со значительной антропогенной нагрузкой.

В ходе проведенного нами в 2008 году при участии Испытательного центра по агрохимическому обслуживанию сельскохозяйственного производства ФГУ ЦАС «Кемеровский» изучения химического состава почвенных образцов полученных с аналогичных экспериментальных площадок города, было выявлено наибольшее загрязнение почв данных районов тяжелыми металлами (табл. 4).

Таблица 4

Уровень химического загрязнения почв

<i>Показатель</i>	<i>*K_C (Заводский район)</i>	<i>K_C (Кировский район)</i>	<i>K_C (Ленинский район)</i>	<i>K_C (Центральный район)</i>	<i>K_C (Рудничный район)</i>
Свинец	4,39	1,38	1,67	1,23	0,85
Кадмий	1,45	0,84	0,61	0,51	0,53
Медь	1,48	0,77	1,30	0,77	0,55
Цинк	14,25	6,33	3,52	3,84	3,15
Хром	3,05	1,45	1,72	1,77	1,05
Никель	0,84	0,43	0,94	0,46	0,36
Марганец	19,63	3,97	14,77	9,36	0,82
Кобальт	1,25	1,07	1,01	1,04	0,85
Железо	0,40	0,16	0,32	0,12	0,23
Суммарный показатель загрязнения Z _C	38,74	8,4	17,86	11,1	0,39

*K_C – коэффициент концентрации химического вещества.

Таблица 5

Взаимосвязь целлюлозоразрушающей активности с концентрацией загрязняющих веществ в почве и погодными условиями

<i>Взаимосвязь целлюлозоразрушающей активности с концентрацией загрязняющих веществ в почве</i>		
<i>Исследуемые районы г. Кемерово</i>	<i>*r (2008 г.)</i>	<i>r (2009 г.)</i>
Центральный	-0,5815	-0,6495
Ленинский	-0,6683	-0,6048
Рудничный	-0,2041	-0,6059
Кировский	-0,2825	-0,6143
Заводский	-0,2644	-0,8940
<i>Взаимосвязь целлюлозоразрушающей активности почв с величиной атмосферных осадков</i>		
Центральный	-0,8789	-0,090
Ленинский	-0,7622	0,0163
Рудничный	-0,9159	0,6032
Кировский	-0,9934	0,0085
Заводский	-0,9962	0,2890
<i>Взаимосвязь целлюлозоразрушающей активности почв с температурой атмосферного воздуха</i>		
Центральный	-0,5957	-0,6655
Ленинский	-0,6212	-0,7502
Рудничный	-0,8284	-0,7100
Кировский	-0,9272	-0,8122
Заводский	-0,8802	-0,40851
*p = 5 %		

*r – коэффициент корреляции;

*p – уровень значимости.

Максимальные значения суммарного показателя загрязнения отмечены в Заводском, Ленинском, Центральном районах. Повышенные концентрации свинца и цинка отмечены в почвах Заводского рай-

она. Угнетающее действие данных химических элементов на ход целлюлозолитических процессов в почве описано и экспериментально доказано в отечественных и зарубежных исследованиях [1]. В на-

стоящем исследовании данный факт подтвержден длительным периодом разложения органического вещества (целлюлозы) в почве. Установлена отрицательная коррелятивная зависимость хода целлюлозолитических процессов от концентрации тяжелых металлов в почве (табл. 5).

Выводы. Целлюлозолитическая активность является важным показателем интенсивности деструкционных процессов в почве. Интенсивность разложения целлюлозы в почве определена совместным действием нескольких факторов: погодными условиями, характером растительного покрова, объемом органического вещества, поступающего в почву, типом почв, её физическими свойствами, химическим составом. В условиях городской среды интенсивность целлюлозолитических процессов регулируется характером и степенью антропогенного воздействия на почвенный покров, атмосферу и растительность.

1. Интенсивность разложения целлюлозы снижается при повышенной концентрации в почве тяжелых металлов. За 120 дней экспозиции льняных полотен в почве: 100 % утрата целлюлозы установлена на фоновой территории (д. Андреевка), минимальная утрата в Заводском районе города – 64 %, который расположен в промышленной городской

зоне, где отмечен наивысший суммарный показатель загрязнения тяжелыми металлами – 38,74.

2. На целлюлозолитические процессы угнетающее действие оказывают пониженные температуры воздуха ($r = -0,9$) и обильные атмосферные осадки ($r = -0,8$).

Литература

1. Ананьева, Ю. С. Влияние загрязнения свинцом на биологические свойства чернозема выщелоченного / Ю. С. Ананьева, Т. Э. Шпис // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – № 10 (72), 2010.
2. Жуков, А. В. Целлюлозолитическая активность техноземов на экспериментальном участке рекультивации земель, нарушенных горнодобывающей промышленностью / А. В. Жуков, И. В. Лядская // Вестник донецкого национального университета, сер. а: естественные науки. – 2009, вып. 2.
3. Филиппович, Ю. Б. Основы биохимии / Ю. Б. Филиппович. – М.: Агар, 1999. – 512 с.
4. Федорец, Н. Г. Методика исследования почв урбанизированных территорий / Н. Г. Федорец, М. В. Медведева. – Петрозаводск, Карельский научный центр РАН, 2009. – 84 с.

ИНФОРМАТИКА

УДК 004.7

ВЫБОР АРХИТЕКТУРЫ СИСТЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ХРАНИЛИЩ НА ОСНОВЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ ОПТИМИЗАЦИИ СТОИМОСТИ ДОКУМЕНТОПОТОКОВ

А. М. Гудов, В. В. Мешечкин, С. Ю. Завозкин

CHOICE OF ARCHITECTURE OF DISTRIBUTED INFORMATION STORES SYSTEM BASED ON THE SOLUTION OF THE INFORMATION FLOWS COST OPTIMIZATION PROBLEM

A. M. Gudov, V. V. Meshechkin, S. Y. Zavozkin

В статье представлена математическая модель для задачи оптимизации стоимости документопотоков в информационных системах и взаимодействующих с ними информационных хранилищах, с учетом выбора различных вариантов их архитектурных решений. Предлагается вычислительная процедура решения построенной задачи на основе метода динамического программирования.

A mathematical model of information flows cost optimization problem in information systems and information stores which are interacting with them is presented in the article taking into consideration the choice of different variants for their architectural solutions. A computational procedure for solving the constructed problem with the help of the dynamic programming method is proposed.

Ключевые слова: информационные системы, электронные документы, оптимизация.

Keywords: information systems, electronic documents, optimization.

Для эффективной работы системы электронного документооборота важно, чтобы она не только автоматизировала управление движением электронных документов, но и делала это по возможности наиболее оптимально, с точки зрения выбранного критерия. Для определения такого критерия можно

использовать решения задачи оптимизации стоимости документопотоков [5, 8].

Построение математической модели оптимизации стоимости документопотоков основывается на методике, использованной в работе [3], в основе которой лежит «структурный» подход, когда рассматривается конкретная структура исследуемой органи-

зации и оптимизируются документопотоки в рамках этой заданной структуры. Однако при создании информационной среды предприятия такая методика накладывает ряд ограничений, в частности, на масштабирование IT-решений и технологий в распределенной организации.

Поэтому при построении математической модели воспользуемся «архитектурным» подходом, суть которого заключается в оптимизации стоимости документопотоков на основе анализа возможного применения различных архитектурных решений при проектировании информационной системы [4, 5].

Часто выделяют следующие основные объекты оптимизации:

- объем занимаемого документами места в базе данных (БД) системы, включая все копии документов;
- время, затрачиваемое на получение документа из БД по запросу пользователя;
- время, затрачиваемое на получение документа из некоторой информационной системы (ИС).

Для этих объектов можно выделить несколько вариантов решений, используемых при выборе критерия оптимизации.

Первый вариант состоит в минимизации времени получения требуемого документа пользователем. Это время складывается из времени, затрачиваемого на передачу запроса, времени поиска или формирования запрашиваемого документа, а также времени его непосредственной передачи пользователю. При таком подходе необходимо оценивать параметры коммуникационной сети и информационных хранилищ (ИХ) системы. Параметры целевой функции будут зависеть от архитектуры хранилищ и архитектуры ИС, использующих данные из этих хранилищ.

Второй вариант предполагает минимизацию стоимости передачи документов между пользователями и хранилищем системы, а также между пользователями и ИС. В этом случае оценка стоимости, как параметры функции, также будет определяться архитектурой распределенной системы.

Третий вариант состоит в минимизации объемов документов, хранящихся в системе. Оптимизация по данному признаку ведет к снижению неперiodических затрат на хранение документов, а также на их обновление, поскольку минимизация дублирования документов приводит к снижению затрат на внесение изменений во все хранилища системы. При этом значительно увеличивается быстродействие поиска документов. Однако уменьшение объемов информации за счет ликвидации дублирования имеет и свои отрицательные стороны – возможность потери информации при неосторожном удалении документа, а также увеличение стоимости передачи всех копий документов между хранилищами. Такой подход напрямую не зависит от архитектуры системы, но имеет ряд существенных ограничений из-за того, что он не учитывает «окружение» системы.

Четвертый вариант заключается в минимизации затрат на обновление документов. При высокой степени изменчивости информации данный вариант приводит к значительному уменьшению количества

копий и одновременно к увеличению стоимости поиска информации из-за необходимости обращения именно к тем хранилищам, где находятся запрашиваемые документы. Если эти хранилища территориально разделены, то время и стоимость передачи могут значительно превысить экономию от уменьшения объемов хранимой информации. Такой вариант значительно снижает показатели надежности системы. Стоимость модификации документа включает в себя стоимость получения нужного документа пользователем, стоимость передачи информации и стоимость непосредственно изменения содержания документа. При выборе хранилища, предназначенного для работы с большими объемами данных, стоимость непосредственного обновления информации будет существенно меньше стоимости поиска нужного документа и его передачи. Поэтому нет смысла рассматривать отдельно задачу минимизации стоимости модификации документа – она решается в рамках второго варианта.

Таким образом, оптимальность стоимости документопотоков может быть достигнута путем выбора интегрального критерия, сочетающего только первые три варианта.

При выборе такого критерия можно использовать экономический подход [3], заключающийся в минимизации суммы затрат на хранение, передачу, поиск и обновление электронного документа (ЭД).

Еще одним важным критерием может служить время передачи информации, которое можно выразить через стоимость передачи ЭД пользователю или за счет введения дополнительного ограничения на максимально возможный временной интервал, в течение которого пользователь может ожидать ЭД по своему запросу. В работе были объединены оба этих подхода.

Определим основной объект исследования следующим образом. Под электронным документом будем понимать информационную пару

$$d_i = \{M_{d_i}, C_{d_i}\},$$

обрабатываемую в информационной среде предприятия и циркулирующую в ней,

где C_{d_i} – содержимое ЭД,

M_{d_i} – метаданные ЭД.

Под содержимым понимается информационное наполнение ЭД, которое представляется в виде вложенного файла или набора файлов произвольного типа и размера, а также в виде ЭД или набора ЭД. Метаданные – описание ЭД, однозначно его идентифицирующее, где отражаются как его статические, так и динамические характеристики. Такое определение позволяет обрабатывать отдельно метаданные и содержимое документа.

Определим интегральный экономический критерий S следующим образом [5]:

$$S = (S^1 + S^2 + S^3), \quad (1)$$

где S^1 – стоимость хранения информации;

S^2 – стоимость получения данных из ИС;

S^3 – стоимость получения данных пользователем из ИХ.

Введем параметр x_{ij} в качестве индикатора, отражающего факт размещения ЭД d_j в ИХ H_i :

$$x_{ij} = \begin{cases} 1, & d_j \in H_i, \\ 0, & d_j \notin H_i, \end{cases} \quad (2)$$

где $j = \overline{1, n_i}$,

n_i – количество ЭД в H_i ,

$i = \overline{1, N}$, N – количество ИХ.

Каждый ЭД может иметь определенное количество копий r_j в различных хранилищах:

$$\sum_{i=1}^N x_{ij} = r_j. \quad (3)$$

Использование выражения (3) в качестве ограничения позволяет управлять избыточностью данных в среде.

Возможность хранения документов в хранилище ограничена объемом этого хранилища:

$$\sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^{n_i} x_{ij} v_{ij} \leq \sum_{i=1}^N O_i, \quad (4)$$

где v_{ij} – объем d_j в H_i ;

O_i – объем, доступный для размещения ЭД в H_i .

Для удобства введем индикаторы m_{ijk} и c_{ijk} , показывающие, из каких метаданных и какого содержимого состоит d_j в H_i :

$$m_{ijk} = \begin{cases} 1, & M_j^k \in H_i, \\ 0, & M_j^k \notin H_i, \end{cases} \quad (5)$$

$$c_{ijk} = \begin{cases} 1, & C_j^k \in H_i, \\ 0, & C_j^k \notin H_i, \end{cases} \quad (6)$$

где M_j^k – k -е метаданное d_j ;

C_j^k – k -е содержимое d_j ;

$$d_j = \{M_j^k, C_j^k\}.$$

Общий объем ЭД можно представить в следующем виде:

$$x_{ij} v_{ij} = \sum_{k=1}^{n'_{ij}} m_{ijk} v'_{ijk} + \sum_{k=1}^{n''_{ij}} c_{ijk} v''_{ijk}, \quad (7)$$

где v'_{ijk} – объем M_j^k

d_j в H_i ;

v''_{ijk} – объем C_j^k d_j в H_i ;

n'_{ij} – число метаданных d_j в H_i ;

n''_{ij} – число элементов содержимого d_j в H_i .

Введем обозначения:

$$m_{ij} = \{m_{ijk} \mid k = \overline{1, n'_{ij}}\}, \quad c_{ij} = \{c_{ijk} \mid k = \overline{1, n''_{ij}}\},$$

$$v'_{ij} = \{v'_{ijk} \mid k = \overline{1, n'_{ij}}\}, \quad v''_{ij} = \{v''_{ijk} \mid k = \overline{1, n''_{ij}}\},$$

$$m_{ij} v'_{ij} = \sum_{k=1}^{n'_{ij}} m_{ijk} v'_{ijk}, \quad (8)$$

$$c_{ij} v''_{ij} = \sum_{k=1}^{n''_{ij}} c_{ijk} v''_{ijk}.$$

Тогда окончательный вид ограничения (4) с учетом (8) будет выглядеть следующим образом:

$$\sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^{n_i} (m_{ij} v'_{ij} + c_{ij} v''_{ij}) \leq \sum_{i=1}^N O_i. \quad (9)$$

Заметим, что формула (9) уже не учитывает доступ к значению каждого метаданного и каждому элементу содержимого ЭД. Данное ограничение регулирует общий объем, занимаемый электронными документами, и зависит только от двух параметров – физического объема ИХ и архитектуры распределенной системы хранилищ. Ограничение не влияет непосредственно на оптимизацию документопотоков, однако может оказаться довольно важным фактором для оценки количества хранилищ в информационной среде и необходимой избыточности хранения информации.

Время получения d_j из H_i складывается из:

– времени, затрачиваемого на передачу запроса в H_i ;

– времени, затрачиваемого на поиск d_j в H_i ;

– времени, затрачиваемого на передачу d_j из H_i пользователю.

Через t_i обозначен период, характеризующий среднее время ожидания d_j по запросу пользователя из H_i . При этом существует максимально допустимое время ожидания T_i , которое не может быть превышено. Таким образом, можно определить следующее ограничение:

$$t_i \leq T_i. \quad (10)$$

Обозначим через Q_i частоту запросов к H_i .

Очевидно, что Q_i будет влиять на эффективность распределения информации в системе, поэтому для включения этого параметра в модель выразим Q_i через x_{ij} :

$$Q_i = \sum_{j=1}^{n_i} \eta_{ij} x_{ij},$$

где η_{ij} – частота обращения к d_j в H_i за единицу времени.

С учетом (5), (6) и (8) выразим $\eta_{ij}x_{ij}$:

$$\eta_{ij}x_{ij} = m_{ij}\eta_{ij}^m + c_{ij}\eta_{ij}^c. \quad (11)$$

Тогда Q_i можно представить как:

$$Q_i = \sum_{j=1}^{n_i} (m_{ij}\eta_{ij}^m + c_{ij}\eta_{ij}^c), \quad (12)$$

где η_{ij}^m – частота обращений к метаданным документа,

η_{ij}^c – частота обращения к содержимому ЭД.

Следует отметить, что время t_i зависит от v_{ij} и Q_i :

$$t_i = \frac{1}{Q_i} \sum_{j=1}^{n_i} t_{ij}\eta_{ij}x_{ij}, \quad (13)$$

где $t_{ij} = \frac{v_{ij}}{R_i}$ – время, требуемое на передачу d_j

объемом v_{ij} из H_i ;

R_i – пропускная способность канала связи для передачи ЭД между пользователем и хранилищем.

Подставляя (11) в (13), с учетом (8) и (7) получаем ограничение:

$$\frac{1}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_i} \left[(m_{ij}v'_{ij}\eta_{ij}^m)^2 + m_{ij}c_{ij} (v'_{ij}\eta_{ij}^c + v''_{ij}\eta_{ij}^m) + (c_{ij}v''_{ij}\eta_{ij}^c)^2 \right] \leq T_i. \quad (14)$$

Через ограничение (14) можно выразить максимальный объем электронных документов, передаваемых по сетям передачи данных между пользователем и ИХ за временной период T_i . Увеличение объема передаваемой информации будет непосредственно влиять на выбор архитектурного решения.

Ограничение для времени получения документов из ИС аналогично ограничению для времени получения документов из ИХ. Отличие заключается в значительно больших временных затратах на поиск и формирование запрашиваемой информации. При этом время передачи документа из ИС может увеличиться за счет более низкой пропускной способности канала передачи данных в случае корпоративной сети, основанной на технологиях Интернет.

Для уменьшения негативного влияния этого фактора на общую работоспособность системы вводится понятие регистрации документа в хранилище без получения его содержимого из ИС. Под регистрацией документа в хранилище понимается формирование в этом хранилище метаданных полученного документа. Поскольку размер метаданных документа мал по сравнению с размером его содержимого,

то время его регистрации в системе также мало по сравнению с остальными временными составляющими. Следовательно, временем регистрации ЭД в данном случае можно пренебречь.

Время получения пользователем d_j из ИС I_i рассчитаем по аналогии с (13):

$$\tau_i = \frac{1}{Q'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \tau_{ij}\mu_{ij}y_{ij} \leq T'_i, \quad (15)$$

где Q'_i – частота запросов к I_i ,

y_{ij} – индикатор размещения d_j в ИС.

Выражая Q'_i через y_{ij} по аналогии с (12), с учетом (8) и (11) получаем:

$$Q'_i = \sum_{j=1}^{l_i} (m_{ij}\mu_{ij}^m + c_{ij}\mu_{ij}^c),$$

где μ_{ij}^m – частота обращения к метаданным документа в ИС за единицу времени;

μ_{ij}^c – частота обращений к содержимому документа;

l_i – количество электронных документов в I_i .

Тогда среднее время передачи представляется в следующем виде:

$$\tau_i = \frac{1}{Q'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \tau_{ij}\mu_{ij}y_{ij},$$

где $\tau_{ij} = \frac{v'_{ij}}{R'_i}$ – время, требуемое на передачу d_j

объемом v'_{ij} из I_i ;

R'_i – пропускная способность канала связи.

Подставляя полученное выражение в (15), окончательно получим:

$$\frac{1}{Q'_i R'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \left[(m_{ij}v'_{ij}\mu_{ij}^m)^2 + m_{ij}c_{ij} (v'_{ij}\mu_{ij}^c + v''_{ij}\mu_{ij}^m) + (c_{ij}v''_{ij}\mu_{ij}^c)^2 \right] \leq T'_i. \quad (16)$$

Смысл этого ограничения такой же, как и (14) с учетом того, что в рассматриваемых ИС ЭД соответствуют введенному понятию.

Исходя из вышесказанного, стоимость хранения документов в ИХ с учетом (7) и (8) выражается следующим образом:

$$S^1 = \sum_{i=1}^N s_i^1 \sum_{j=1}^{n_i} (m_{ij}v'_{ij} + c_{ij}v''_{ij}), \quad (17)$$

где s_i^1 – стоимость хранения единицы информации в H_i .

Стоимость получения данных пользователем из H_i :

$$S^2 = \sum_{i=1}^N \frac{s_i^2}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_i} \left[\left(m_{ij} v'_{ij} \eta_{ij}^m \right)^2 + \right. \\ \left. + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \eta_{ij}^c + v''_{ij} \eta_{ij}^m \right) + \left(c_{ij} v''_{ij} \eta_{ij}^c \right)^2 \right], \quad (18)$$

где s_i^2 – стоимость получения единицы информации из H_i .

Стоимость получения документов из ИС:

$$S^3 = \sum_{i=1}^L \frac{s_i^3}{Q'_i R'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \left[\left(m_{ij} v'_{ij} \mu_{ij}^m \right)^2 + \right. \\ \left. + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \mu_{ij}^c + v''_{ij} \mu_{ij}^m \right) + \left(c_{ij} v''_{ij} \mu_{ij}^c \right)^2 \right], \quad (19)$$

$$f(M, C) = \omega_1 \sum_{i=1}^N s_i^1 \sum_{j=1}^{n_i} \left(m_{ij} v'_{ij} + c_{ij} v''_{ij} \right) + \\ + \omega_2 \sum_{i=1}^N \frac{s_i^2}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_i} \left[\left(m_{ij} v'_{ij} \eta_{ij}^m \right)^2 + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \eta_{ij}^c + v''_{ij} \eta_{ij}^m \right) + \left(c_{ij} v''_{ij} \eta_{ij}^c \right)^2 \right] + \\ + \omega_3 \sum_{i=1}^L \frac{s_i^3}{Q'_i R'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \left[\left(m_{ij} v'_{ij} \mu_{ij}^m \right)^2 + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \mu_{ij}^c + v''_{ij} \mu_{ij}^m \right) + \left(c_{ij} v''_{ij} \mu_{ij}^c \right)^2 \right]. \quad (21)$$

Матрицы $M = \{m_{ij} | i = \overline{1, N}, j = \overline{1, n_j}\}$ и $C = \{c_{ij} | i = \overline{1, N}, j = \overline{1, n_j}\}$ составляют набор переменных задачи. Определяемые элементами этих матриц объемы метаданных и содержания

$$V' = \{v'_{ij} | \forall m_{ij} \neq 0, i = \overline{1, N}, j = \overline{1, n_j}\}$$

$$\text{и } V'' = \{v''_{ij} | \forall c_{ij} \neq 0, i = \overline{1, L}, j = \overline{1, l_j}\}$$

являются известными значениями для каждого конкретного документа.

Тогда полную постановку задачи можно определить как:

$$f(M, C) \rightarrow \min \quad (22)$$

при следующих ограничениях:

$$\sum_{i=1}^N (m_{ij} + c_{ij}) = r_j, \quad 1 \leq r_j \leq N + L, \quad (23)$$

$$\sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^{n_i} (m_{ij} v'_{ij} + c_{ij} v''_{ij}) \leq \sum_{i=1}^n O_i, \quad (24)$$

$$\sum_{i=1}^N \frac{1}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_i} \left[\left(m_{ij} v'_{ij} \eta_{ij}^m \right)^2 + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \eta_{ij}^c + v''_{ij} \eta_{ij}^m \right) + \right. \\ \left. + \left(c_{ij} v''_{ij} \eta_{ij}^c \right)^2 \right] + \sum_{i=1}^L \frac{1}{Q'_i R'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \left[\left(m_{ij} v'_{ij} \mu_{ij}^m \right)^2 + \right. \\ \left. + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \mu_{ij}^c + v''_{ij} \mu_{ij}^m \right) + \left(c_{ij} v''_{ij} \mu_{ij}^c \right)^2 \right] \leq T, \quad (25)$$

$$T = \min(T_i, T_i^*), \quad i = \overline{1, N + L}.$$

Для решения этой задачи необходимо найти такое распределение m_{ij} и c_{ij} , при которых значение

где s_i^3 – стоимость получения единицы информации от ИС.

Для возможности управления вкладом каждой стоимости в итоговое значение целевой функции вводятся весовые коэффициенты $\omega_1, \omega_2, \omega_3$:

$$f(M, C) = \omega_1 S^1 + \omega_2 S^2 + \omega_3 S^3, \quad (20)$$

$$\sum_{i=1}^3 \omega_i = 1, \quad \omega_i \geq 0, \quad i = 1, 2, 3.$$

Окончательный вид целевой функции с учетом выражений (17), (18) и (19) будет выглядеть следующим образом:

$f(M, C)$ в (21) становится минимальным для данного набора коэффициентов при ограничениях объема, числа копий и времени получения ЭД, задаваемых выражениями (23), (24) и (25).

Для удобства дальнейшего изложения введем обозначения:

$$a_{ij} = m_{ij} + c_{ij}, \\ b_{ij} = m_{ij} v'_{ij} + c_{ij} v''_{ij}, \\ d_{ij} = \left(m_{ij} v'_{ij} \eta_{ij}^m \right)^2 + \\ + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \eta_{ij}^c + v''_{ij} \eta_{ij}^m \right) + \left(c_{ij} v''_{ij} \eta_{ij}^c \right)^2, \\ \bar{d}_{ij} = \left(m_{ij} v'_{ij} \mu_{ij}^m \right)^2 + \\ + m_{ij} c_{ij} \left(v'_{ij} \mu_{ij}^c + v''_{ij} \mu_{ij}^m \right) + \left(c_{ij} v''_{ij} \mu_{ij}^c \right)^2. \quad (26)$$

Тогда задача (22)-(25) переписывается следующим образом:

$$f(M, C) = \omega_1 \sum_{i=1}^N s_i^{xp} \sum_{j=1}^{n_i} b_{ij} + \\ + \omega_2 \sum_{i=1}^N \frac{s_i^{nsp}}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_i} d_{ij} + \omega_3 \sum_{i=1}^L \frac{s_i^{minf}}{Q'_i R'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \bar{d}_{ij} \rightarrow \min, \quad (27)$$

$$\sum_{i=1}^N a_{ij} = r_j, \quad 1 \leq r_j \leq N + L, \quad (28)$$

$$\sum_{j=1}^{n_i} b_{ij} \leq O_i, \quad (29)$$

$$\sum_{i=1}^N \frac{1}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_i} d_{ij} + \sum_{i=1}^L \frac{1}{Q'_i R'_i} \sum_{j=1}^{l_i} \bar{d}_{ij} \leq T. \quad (30)$$

На основании достаточно общих рассуждений получена нелинейная задача дискретного целочисленного программирования (ДЦП). Заметим, что переменные M и C являются булевыми (принимают значения $\{0,1\}$), значения V' и V'' являются целыми числами (например, выражаются в мегабайтах, Мб).

Следует отметить, что в соответствии с принятой моделью ЭД значения метаданных представляют собой строго структурированные данные, а содержание – файлы произвольного формата и объема. Тогда вполне оправданно хранить метаданные в табличных структурах данных под управлением реляционной СУБД, а содержимое ЭД – в объектных структурах под управлением объектной или объектно-реляционной СУБД. Такой подход позволит выбрать оптимальную (с точки зрения производительности обработки запросов к ЭД) архитектуру системы и упростить задачу (27)-(30).

Поскольку современные СУБД оптимизируют затраты на поиск данных и обработку запросов в многопользовательском режиме работы, частота обращений к метаданным в СУБД будет зависеть только от конфигурации самой системы. Таким образом, можно оценить коэффициенты d_{ij} и $\bar{d}_{ij}$ в (26):

$$\begin{aligned} d_{ij} &\approx b_{ij} (\eta_{ij}^m + \eta_{ij}^c) \approx m_{ij} v'_{ij} \eta_{ij}^m + c_{ij} v''_{ij} \eta_{ij}^c, \\ \bar{d}_{ij} &\approx b_{ij} (\mu_{ij}^m + \mu_{ij}^c) \approx m_{ij} v'_{ij} \mu_{ij}^m + c_{ij} v''_{ij} \mu_{ij}^c. \end{aligned} \quad (31)$$

Возможно несколько вариантов выбора архитектуры информационных хранилищ и взаимодействующих с ними информационных систем:

1. Метаданные и содержимое документа расположены в разных ИХ. Прикладные ИС поддерживают свою базу данных документов и обмениваются друг с другом только через общую БД электронных документов (модель процесса процессно-ориентированной интеграции).

2. Метаданные и содержимое документа расположены в разных хранилищах. Прикладные ИС поддерживают одну и ту же базу данных, обмениваясь между собой ссылками на общие документы (модель процесса сервисно-ориентированной интеграции).

3. Метаданные и содержимое документа расположены в одном хранилище. Прикладные ИС поддерживают ту же базу данных, используют прямые запросы к данным (модель процесса информационно-ориентированной интеграции).

В первом случае необходимо решать задачу (27) - (30) с учетом представления коэффициентов (31).

$$\begin{aligned} f(M, C) = & \sum_{j=1}^{n_j} \left[\sum_{i=1}^N \left(\omega_1 s_i^{xp} v'_{ij} + \omega_2 \frac{s_i^{nsp}}{Q_i R_i} v'_{ij} \eta_{ij}^m \right) + \sum_{i=1}^L \left(\omega_3 \frac{s_i^{minf}}{Q_i' R_i'} v'_{ij} \mu_{ij}^m \right) \right] m_{ij} + \\ & + \sum_{j=1}^{n_j} \left[\sum_{i=1}^N \left(\omega_1 s_i^{xp} v''_{ij} + \omega_2 \frac{s_i^{nsp}}{Q_i R_i} v''_{ij} \eta_{ij}^c \right) + \sum_{i=1}^L \left(\omega_3 \frac{s_i^{minf}}{Q_i' R_i'} v''_{ij} \mu_{ij}^c \right) \right] c_{ij} = \sum_{j=1}^{n_j} (\alpha_{ij} m_{ij} + \beta_{ij} c_{ij}), \end{aligned} \quad (40)$$

где коэффициенты α_{ij} будут иметь следующий вид:

Во втором случае задача (27) - (30) с учетом (31) преобразуется к следующему виду:

$$f(M, C) = \omega_1 \sum_{i=1}^N s_i^1 \sum_{j=1}^{n_j} b_{ij} + \omega_2 \sum_{i=1}^N \frac{s_i^2}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_j} d_{ij} \rightarrow \min, \quad (32)$$

$$\sum_{i=1}^N a_{ij} = r_j, \quad 1 \leq r_j \leq 2N, \quad (33)$$

$$\sum_{j=1}^{n_j} b_{ij} \leq O_i, \quad (34)$$

$$\sum_{i=1}^N \frac{1}{Q_i R_i} \sum_{j=1}^{n_j} d_{ij} \leq T. \quad (35)$$

Для третьего случая задача трансформируется следующим образом:

$$f(M, C) = \frac{1}{QR} (QRs^1 + s^2) \sum_{j=1}^n b_{ij} \eta_j \rightarrow \min, \quad (36)$$

$$\sum_{j=1}^n (m_j + c_j) = r, \quad r \geq 1, \quad (37)$$

$$\sum_{j=1}^n b_{ij} \leq O, \quad (38)$$

$$\frac{1}{QR} \sum_{j=1}^n b_{ij} \eta_j \leq T. \quad (39)$$

Задача (27) - (30) с учетом (31), как было показано ранее, является линейной задачей дискретного программирования с целочисленными переменными. Для решения задач целочисленного программирования известен целый ряд прямых методов (например, метод последовательного анализа решений, метод ветвей и границ) и приближенных методов (например, метод локальной оптимизации, методы случайного поиска). Описание этих методов можно найти в [6].

Однако работы Р. Беллмана [1, 2] заложили основы для решения задач оптимизации методами динамического программирования, общий принцип которых состоит в том, чтобы свести задачу оптимизации для n переменных к последовательности более простых оптимизационных задач.

Для построения вычислительной процедуры решения задачи оптимизации воспользуемся принципами динамического программирования [7] и идей метода случайного поиска [6].

Перепишем целевую функцию (27) в виде:

$$\alpha_{ij} = \begin{cases} \sum_{i=1}^N \left(\omega_1 s_i^{xp} v'_{ij} + \omega_2 \frac{s_i^{nsp}}{Q_i R_i} v'_{ij} \eta_{ij}^m \right) + \omega_3 \frac{s_i^{nunf}}{Q'_i R'_i} v'_{ij} \mu_{ij}^m, & \text{для случая 1,} \\ \sum_{i=1}^N \left(\omega_1 s_i^{xp} v'_{ij} + \omega_2 \frac{s_i^{nsp}}{Q_i R_i} v'_{ij} \eta_{ij}^m + \omega_3 \frac{s_i^{nunf}}{Q'_i R'_i} v'_{ij} \mu_{ij}^m \right), & \text{для случая 2,} \\ \sum_{i=1}^N \left(\omega_1 s_i^{xp} v'_{ij} + \omega_2 \frac{s_i^{nsp}}{Q_i R_i} v'_{ij} \eta_{ij}^m \right), & \text{для случая 3.} \end{cases}$$

Аналогично можно выписать и коэффициенты β_{ij} . Введем функцию $\phi_k(p_j)$ по следующему правилу:

$$\begin{aligned} \phi_k(p_j) &= \sum_{i=1}^k (\alpha_{ij} m_{ij} + \beta_{ij} c_{ij}), \\ \phi_k(0) &= 0, \\ 1 \leq k \leq N. \end{aligned} \quad (41)$$

Заменим задачу (27)-(30) на последовательность задач:

$$F_k^j = \min \phi_k(p_j), \quad j = 1, \dots, n, \quad (42)$$

$$\sum_{i=1}^k a_{ij} = p_j, \quad p_j = 0, 1, \dots, \min\{2k, r_j\}, \quad (43)$$

$$b_{ij} \leq O_{ij}, \quad i = 1, \dots, k, \quad (44)$$

$$\gamma_{ij} m_{ij} + \lambda_{ij} c_{ij} \leq \min(T, T_k, T_l), \quad (45)$$

где

$$\gamma_{ij} = \sum_{i=1}^k \frac{1}{Q_i R_i} v'_{ij} \eta_{ij}^m + \sum_{i=1}^l \frac{1}{Q'_i R'_i} v'_{ij} \mu_{ij}^m, \quad (46)$$

$$\begin{aligned} \lambda_{ij} &= \sum_{i=1}^k \frac{1}{Q_i R_i} v''_{ij} \eta_{ij}^c + \sum_{i=1}^l \frac{1}{Q'_i R'_i} v''_{ij} \mu_{ij}^c, \\ O_{ij} &= \begin{cases} O_i, & j = 1, \\ O_i - \sum_{j=1}^{n-j} b_{ij}, & j > 1. \end{cases} \end{aligned} \quad (47)$$

Таким образом, для $k = 1$ (третий случай) получаем:

$$\begin{aligned} F_1^j &= \min \phi_1(p_j) = \min(\alpha_{1j} m_{1j} + \beta_{1j} c_{1j}), \\ m_{1j} v'_{1j} + c_{1j} v''_{1j} &\leq O_1, \\ m_{1j} + c_{1j} &= p_j, \\ \frac{1}{Q_1 R_1} (m_{1j} v'_{1j} \eta_{1j}^m + c_{1j} v''_{1j} \eta_{1j}^c) &\leq T. \end{aligned} \quad (48)$$

Здесь возможны только два варианта: нельзя разместить ни одной копии документа ($p_j = 0$) или разместить в единственном хранилище одну копию документа ($m_{1j} = c_{1j} = 1$; $p_j = 2$). Тогда получаем:

$$\phi_1(0) = 0,$$

$$\begin{aligned} \phi_1(2) : m_{1j} &= 1, \quad c_{1j} = 1; \quad \phi_1(2) = \{\alpha_{1j} + \beta_{1j}\}; \\ F_1 &= \min_j \phi_1(p_j) = \min_j \{\alpha_{1j} + \beta_{1j}\}. \end{aligned}$$

Для второго случая ($k = 2$) получаем следующую задачу оптимизации:

$$\begin{aligned} F_2^j &= \min \phi_2(p_j) = \min \sum_{i=1}^2 (\alpha_{ij} m_{ij} + \beta_{ij} c_{ij}), \\ m_{1j} v'_{1j} + c_{1j} v''_{1j} &\leq O_1, \\ m_{2j} v'_{2j} + c_{2j} v''_{2j} &\leq O_2, \\ \sum_{i=1}^2 m_{ij} + c_{ij} &= p_j, \\ \sum_{i=1}^2 \frac{1}{Q_i R_i} (m_{ij} v'_{ij} \eta_{ij}^m + c_{ij} v''_{ij} \eta_{ij}^c) &\leq T. \end{aligned} \quad (49)$$

Для задачи (49) возможны несколько вариантов: нельзя разместить ни одной копии документа при $p_j = 0$; разместить метаданные в одном хранилище, а содержимое в другом при $p_j = 2$ ($m_{1j} = 1, c_{1j} = 0, m_{2j} = 0, c_{2j} = 1$ или $m_{1j} = 0, c_{1j} = 1, m_{2j} = 1, c_{2j} = 0$); целиком разместить документ в каком-либо одном хранилище при $p_j = 2$ ($m_{1j} = 1, c_{1j} = 1, m_{2j} = 0, c_{2j} = 0$ или $m_{1j} = 0, c_{1j} = 0, m_{2j} = 1, c_{2j} = 1$); целиком разместить документ в каждом из двух хранилищ при $p_j = 4$ ($m_{1j} = 1, c_{1j} = 1, m_{2j} = 1, c_{2j} = 1$). Суммируя, приходим к виду:

$$\begin{aligned} \phi_2(0) &= 0, \\ \phi_2(2) : \\ m_{1j} &= 1, \quad c_{1j} = 0, \quad m_{2j} = 0, \quad c_{2j} = 1; \\ \phi_2^1(2) &= \{\alpha_{1j} + \beta_{2j}\}; \\ m_{1j} &= 0, \quad c_{1j} = 1, \quad m_{2j} = 1, \quad c_{2j} = 0; \\ \phi_2^2(2) &= \{\alpha_{2j} + \beta_{1j}\}; \\ m_{1j} &= 1, \quad c_{1j} = 1, \quad m_{2j} = 0, \quad c_{2j} = 0; \\ \phi_2^3(2) &= \{\alpha_{1j} + \beta_{1j}\}; \\ m_{1j} &= 0, \quad c_{1j} = 0, \quad m_{2j} = 1, \quad c_{2j} = 1; \\ \phi_2^4(2) &= \{\alpha_{2j} + \beta_{2j}\}; \\ F_2 &= \min_j \phi_2^s(p_j) = \min_j \{\phi_2^s(2) \mid s = \overline{1, 4}\}. \end{aligned}$$

Далее легко обобщить эти рассуждения для первого случая ($k = 3$) и вообще для любого числа хранилищ ($k = N$). Учитывая, что все коэффициенты α_{ij} и β_{ij} – положительные вещественные числа, m_{ij} и c_{ij} принимают значения из $\{0;1\}$, то среди всех локальных оптимумов найдется глобальный оптимум F^* , который и будет являться решением нашей задачи [7].

Таким образом, решение задачи:

$$F^* = \min_j F_k^j = \min \phi_k(p_j, \min \phi_k(p_{j-1}))^{i+1}; \quad (50)$$

$$j = 1, \dots, n; \quad i = 1, \dots, N - 1$$

с условиями (43) – (45) будет приближенным решением задачи (27) – (30). Эта задача сходна с задачей о размещении предметов с разными весами в многомерном рюкзаке [7]. Начальными параметрами задачи будут являться: фиксированное количество документов n в системе; количество хранилищ k ; начальное распределение объемов метаданных V' и содержимого V'' ЭД в системе; известные значения коэффициентов целевой функции.

Предлагаемую математическую модель можно использовать для организации электронного документооборота так, чтобы оптимизировать выбор архитектуры информационных хранилищ и взаимодействующих с ними информационных систем, а в конечном счете – минимизировать стоимость документопотоков в целом.

Литература

1. Беллман, Р. Динамическое программирование [Текст] / Р. Беллман. – М.: Иностранная литература, 1960. – 400 с.
2. Беллман, Р. Прикладные задачи динамического программирования [Текст] / Р. Беллман, С. Дрейфус. – М.: Наука: Глав. ред. физ.-мат. лит., 1965. – 460 с.
3. Бессонов, С. В. Оптимизация электронного документооборота в корпоративных системах [Текст]: дис. ... канд. экон. наук. / С. В. Бессонов. – М., 2001. – 187 с.
4. Гудов, А. М. Интеграция распределенных приложений при помощи системы электронного документооборота [Текст] / А. М. Гудов, С. Ю. Завозкин // Труды международной конференции «Вычислительные и информационные технологии в науке, технике и образовании». – Павлодар: ЭКО, 2006. – Т. II. – С. 442 – 451.
5. Гудов, А. М. Об одной модели оптимизации документопотоков, реализуемой при создании системы электронного документооборота [Текст] / А. М. Гудов, С. Ю. Завозкин // Вычислительные технологии. – 2006. – Т. 11. Спец. вып. – С. 53 – 65.
6. Ковалев, М. М. Дискретная оптимизация (целочисленное программирование). Изд. 2-е, стереотипное [Текст] / М. М. Ковалев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
7. Мину, М. Математическое программирование. Теория и алгоритмы [Текст] / М. Мину. – М.: Наука: Глав. ред. физ.-мат. лит., 1990. – 488 с.
8. Моисеев, Н. Н. Методы оптимизации [Текст] / Н. Н. Моисеев, Ю. П. Иванилов, Е. М. Столярова. – М.: Наука, 1978. – 352 с.

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.17):711"192"

«НИДЕРЛАНДСКИЙ ПЕРИОД» В АРХИТЕКТУРЕ КУЗБАССА И ИНИЦИАТИВЫ ПО ЕГО СОХРАНЕНИЮ

Ю. А. Агеева

«NETHERLANDIAN PERIOD» IN KUZBASS ARCHITECTURE AND ITS PRESERVATION ACTIVITIES

J. A. Ageeva

В статье тема голландского участия в архитектурном строительстве Кузбасса впервые рассматривается комплексно: с точки зрения имеющихся научных разысканий отечественных и зарубежных исследователей в контексте современных мер по сохранению памятников культуры и архитектуры. Автор впервые вводит в научный оборот уникальные материалы, касающиеся кузбасско-голландского делового сотрудничества в отношении общего архитектурного наследия.

In this article topic of Dutch architectural work is fully considered from the point of view of Russian and foreign scientific research and modern activities concerning preservation of cultural and architectural monuments. The author presents unique materials on Kuzbass and the Netherlands cooperation in preservation of general architectural heritage for the first time.

Ключевые слова: «нидерландский период», архитектура Кузбасса, АИК, сохранение культурного наследия.

Keywords: «netherlandian period», Kuzbass architecture, AIK, preservation of cultural heritage.

В истории молодого индустриального Кузбасса тема архитектурного культурного наследия имеет особый статус. Дело в том, что появление голландских построек на современной территории Кемеровской области связано с функционированием в 1920-е гг. XX века уникальной международной организации «Государственное объединение каменно-угольной, металлургической и химической промышленности Сибири и Урала – Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (далее – АИК «Кузбасс»). Темы АИК и «нидерландского периода» в архитектуре Кузбасса нашли свое отражение в научных и публицистических трудах российских и зарубежных исследователей. Но на сегодняшний день вопрос кузбасско-голландского культурного наследия с анализом ретроспективы событий и современной культурной политики Кузбасса и Нидерландов не получил комплексного освящения.

Основываясь на обширном ряде архивных материалов, публицистики, деловой и частной переписки, отчетной и нормативной документации, материалов конференций, автор приходит к следующему изложению темы: «Нидерландский период» в архитектуре Кузбасса длился с марта 1926 г. по сентябрь 1927 г. [2]. Именно столько работал в Сибири известный голландский архитектор Йоханнес ван Лохем, прибывший сюда по приглашению голландца Себастьяна Рутгерса, главы АИК.

Известно, что к переезду в Кузбасс ван Лохем основательно готовился: изучал положение дел в области старой русской и новой советской архитектуре. И пришел к следующему умозаключению: «...чтобы дать оценку России, нельзя опираться на европейские позиции, необходимо сравнивать старую Россию с новой... Между тем непросто освободиться от сравнения с европейской ситуацией. Однако причиной этому является в основном сама Россия, ставящая себя в технической сфере на одну линию с Америкой и Европой и не видящая, как огромны существующие различия. Это очень ощутимо в строительной области, где большие сооружения перенимают внешний вид современных деловых зданий за границы, не осознавая при этом внутреннего значения их. Свидетельством тому являются совершенно безжизненные и сухие современные сооружения в больших растущих городах в виде то неуместной коробки из зеркального стекла, то мрачного серого бетонного куба... Неудивительно, что Россия, которая на протяжении последних веков не может похвастаться ни одним вызывающим интерес зданием, в это время быстрого обновления и ускоренной индустриализации совершенно сбилась со следа, и не только потеряла всякое чувство пропорций в своих сооружениях, но и запуталась в элементарных понятиях градостроения» [5, с. 39]. Добавим,

что, по мнению отдельных исследователей, ван Лохем был знаком с практикой строительства жилья для шахтеров Донбасса [5, с. 40 – 41].

На месте назначения архитектор увидел грязные улицы, разгуливающий по дорогам домашний скот, отсутствующие канализацию, водопровод и центральное отопление [4]. Полный решимости сделать так, «... чтобы через год в Кемерове не осталось ни одной землянки», ван Лохем приступил к работе [20, с. 221]. Как отмечал сам голландец: «... в Кемерове... уже построено много деревянных зданий, но не по проектам архитекторов, а по чертежам людей, которые абсолютно не разбираются в архитектуре [20, с. 223].

Перед Лохемом стояла задача спроектировать и построить пять индустриальных точек: Кемерово, Щегловск, Прокопьевск, Гурьевск, Ленинск-Кузнецкий. В общей сложности более 800 жилых общественных и промышленных зданий. Свои архитектурные решения Лохем основывал на собранных им демографических данных, расчетном количестве жителей, жилых домов, школ, бань, контор и прочих сооружений [5, с. 40 – 41].

Лохем проектировал Кемерово как «функциональный город» на 250 тыс. человек. Для строительства пяти тысяч жилых домов было выделено 1000 га территории, разделенной рекой на два берега: на низком берегу находились заводы и коксовые печи, на высоком – угольные шахты.

Будучи уверенным, что «...наше время с архитектурной точки зрения является временем жилого дома...» и «...в наших городах памятником архитектуры станет жилой дом...», Ван Лохем основной акцент сделал на строительстве массового экономического жилья – это были первые благоустроенные дома в Кузбассе. И не ошибся: в АИК «Кузбасс» наблюдалась ситуация постоянного притока рабочей силы: за период с 1922 – 1927 гг. здесь работало свыше 700 иностранцев и около 5000 русских из различных губерний России и Сибири. Причем, значительная их часть оседала в Щегловске. Население города с 1923 по 1926 гг. выросло на 60 % [2, с. 66].

Для аиковцев голландец разработал типы домов, различающиеся, во-первых, по материалу, из которого дома строились, – деревянные (бревенчатые) и каменные – и, во-вторых, по социальному назначению – для рабочих и служащих. В первый строительный сезон для Кемрудника и химзавода построили более двухсот квартир. В следующий – вместе с Прокопьевском и Ленинском-Кузнецким – более 600 квартир. Что касается Прокопьевска, то здесь строительство двадцати четырех жилых домов началось летом 1927 г. Эти строения до сих пор стоят в самом центре города, напоминая о «голландском» архитектурном периоде [19, с. 80].

Но наибольший исторический интерес представляют постройки ван Лохема в районе Красной Горки. Из этого архитектурного наследия голландская сторона включила в реестр памятников архитектурного наследия за рубежом объект – школу. Это – Г-образное в плане здание, построенное в 1927 г. в стиле «конструктивизм», расположенное на пересечении улиц Суворова и Абызова и служащее архитектурной доминантой в окружающей застройке [6]. Школа была построена по типу «Ж». Несмотря на предполагавшееся многократное применение, этот проект на предприятиях АИК больше не использовался. Строительство началось летом 1926 г. по проекту, утвержденному только подписью архитектора, без согласования с окружным инженером. Проект был утвержден в Новосибирске 13 мая 1927 г., почти через год после начала строительства. К 30 августа 1926 г. был закончен подвал и фундаменты и начата кладка кирпичных стен. К октябрю 1927 г. были завершены почти все строительные работы, но в эксплуатацию школа была введена только к сентябрю 1928 г. Главной причиной задержки было отсутствие средств и оборудования для устройства парового отопления от котельной, расположенной в подвале. В конце концов было приспособлено оборудование, взятое на Химзаводе. Школа была рассчитана на 400 учащихся, классы на 40 человек. Здание школы скомбинировано с водонапорной башней, с баком емкостью в 150 куб. м. для обслуживания всего Кемеровского рудника. Кроме вестибюля, классных комнат и учительской, в школе предусматривалась сторожка, кухня с отдельным входом и спортивный зал. По всей длине классных коридоров в промежутках между окнами должны были располагаться отдельные туалетные кабинки. Но санитарные службы запретили устройство туалетов внутри здания, и к школе были пристроены две каменные уборные. Первоначальный облик здания сильно искажен поздними перестройками. А в 1990 г. в результате пожара обуглились бревенчатые стены и были полностью уничтожены деревянные конструкции спортзала: перекрытия, кровля, оконные переплеты [3].

Первые благоустроенные дома в Кузбассе, из-за их необычного вида и большой длины домов, местные жители прозвали «колбасами». Ван Лохем строил их по типу «А». В конце 1920-х-начале 1930-х гг. по этому же проекту были построены кварталы жилых домов в Прокопьевске и Ленинске-Кузнецком. Несмотря на предполагавшийся временный (сроком до 25 лет) характер построек, жилые дома до настоящего времени используются по первоначальному назначению. Тип блокированного жилого дома, впервые предложенный ван Лохемом, применялся в различных вариантах в застройке городов Кузбасса до 1950-х гг. [3].

Для специалистов АИК в течение строительного сезона 1926 – 1927 гг. голландец построил два кирпичных четырехквартирных жилых дома по типу

«С». Дома предназначались для проживания семей иностранных специалистов, работавших в АИК, и до настоящего времени используются как жилые здания. В квартирах было предусмотрено печное отопление, туалеты, канализация и холодное водоснабжение. В соответствии с приемом, типичным для жилой застройки Голландии, из каждой квартиры предусмотрено по два выхода: главный, ведущий через маленький индивидуальный садик на улицу, и дворовой, на небольшой приусадебный участок со стороны реки. В конструктивном решении зданий использованы новаторские приемы, типичные для кирпичных построек ван Лохема в Кемерове: облегченная экономическая кладка наружных стен с утепляющей засыпкой, отсутствие надоконных перемычек, легкие дощатые стропила [3].

Жилой Дом ван Лохема, построенный по типу «Д» и разделенный на две квартиры повышенной комфортности, предназначался для инженерно-технических работников. Другой жилой дом «смешанного типа с кирпичным первым и деревянным вторым этажом» служил для иностранных специалистов АИК [3].

До недавних пор безоговорочно считалось, что баню на улице Трубной также построил голландец. Но исследовательская работа научного сотрудника МАУ «Музей-заповедник «Красная горка» Зиноры Волковой сегодня ставит под сомнение данную точку зрения [21].

Таким образом, отмечаем, что «нидерландский период» в архитектуре Кузбасса положил начало кемеровскому градостроению. Голландский архитектор ван Лохем внес новаторские для того времени идеи в архитектурный процесс АИК, грамотно сделав ставку на строительство массового и экономичного жилья, что являлось необходимым условием развития Кузбасса 1920-х гг.

Спустя десятилетия, началось сотрудничество Кузбасса и Голландии в деле сохранения общего культурного наследия, оставленного ван Лохемом. Так, 19 октября 1996 г. глава администрации Кемеровской области Михаил Кислюк, Йеннес де Мол, атташе по культуре посольства Нидерландов, и Президент Фонда архитектурного анализа при Дельфтском технологическом университете (далее STAG), доктор Ян Молема подписали Протокол о намерениях в целях расширения культурного сотрудничества между Королевством Нидерландов и Кемеровской областью [14].

Стороны намеревались учредить Голландско-Кузбасский Фонд «Красная Горка», который бы действовал на территории России и Голландии с целью:

– проведения совместных кузбасско-голландских мероприятий по реставрации, сохранению, содержанию и эксплуатации архитектурного наследия АИК «Кузбасс»;

– дальнейшего научного исследования истории АИК «Кузбасс», и с этой целью при фонде должен был появиться исследовательский центр;

– проведения совместных голландско-кузбасских семинаров, научных симпозиумов по проблемам архитектуры, в том числе и современной истории, культуры;

– организации студенческих обменов и учебы;

– обмена копиями документов, относящихся к истории колонии, между архивами Кемеровской области и Нидерландов;

– сооружения на Красной Горке монумента в память о деятельности голландских идеалистов на Кузнецкой земле.

В этом же 1996 г. в честь 75-летия АИК «Кузбасс» прошел российско-голландский фестиваль. В рамках дней культуры Голландии в Кузбассе состоялась выставка «И. Б. ван Лохем – архитектор оптимистического поколения» [9].

В 1997 г. Йеннес де Мол, атташе по культуре посольства Нидерландов, в официальном письме в адрес администрации Кемеровской области пишет следующее: «Немногим больше года прошло с тех пор, когда 19 октября 1996 г., в целях расширения культурного сотрудничества между Нидерландами и Кемеровской областью, был подписан протокол о намерениях. Вынужден, однако, с сожалением признать, что так успешно начатое сотрудничество с тех пор не проявляло себя в конкретных формах» [7].

Дальше Йеннес де Мол выражает надежду на практическую реализацию намерений в 1998 г. и подчеркивает большую заинтересованность голландской стороны в этом вопросе [7].

В октябре 1997 г. по инициативе Яна Молема, председателя STAG, состоялся следующий визит голландской делегации в Кузбасс [8]. Официальная цель визита – ознакомление с состоянием построек ван Лохема и обсуждение с местными специалистами возможности дальнейшего сотрудничества по их сохранению.

В 1998 г. стартовала «Программа сотрудничества Королевства Нидерландов и муниципального учреждения историко-архитектурного музея – заповедника «Красная Горка» г. Кемерово по реставрации и сохранению зданий – памятников голландского архитектора ван Лохема» [10]. Мероприятия, изложенные в Программе, были расписаны до 2005 г. и предусматривали самую широкую деятельность: издание книг, альбомов, обмен информацией и специалистами.

В октябре 1998 г. в Нидерландах, в рамках «Уральского проекта» и с участием кемеровских представителей, состоялись семинары-практикумы. Начальник Управления культуры администрации города Кемерово О. С. Иванова и Ю. С. Зюзьков – архитектор, доцент Технического университета –

вместе с другими специалистами из Екатеринбурга, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Великобритании, США познакомились с музеями Нидерландов, рукотворными островами, побывали в Гааге, Делфте, Роттердаме, Хилверсуме. Встречали делегатов представители Фонда STAG. Участники совещания решили предложить благотворительным фондам, оказывающим финансовую поддержку, три программы совместной деятельности в качестве основы для создания единого пилотного проекта, который сможет продемонстрировать потенциальные возможности будущего развития соцгородов Урало-Сибирского региона [15]. По каждому городу была выработана специальная программа. По городу Кемерово она предполагала следующие действия:

1. Подготовка экспозиции в основном здании музея-заповедника – в Доме Рутгерса – директора колонии АИК «Кузбасс».

2. Создание информационного центра в Доме-музее Рутгерса. Обеспечение компьютером и оргтехникой.

3. Дальнейшие научные исследования истории АИК «Кузбасс» (выявление потомков колонистов и выявление новых связей, изучение архивных документов в России и в Голландии, дальнейшее пополнение музейных фондов).

4. Подготовка и распространение в СМИ Нидерландов и России публикаций, посвященных историко-культурному наследию Нидерландов в России, создание телевизионных программ, телевизионных фильмов.

5. Издание каталога, буклетов, проспектов, прокатов, плакатов, книг.

6. Проведение обмена копиями документов по истории АИК «Кузбасс», копиями вышедших в России и Нидерландах статей и публикаций о Йохане ван Лохеме и других членах колонии из Нидерландов.

7. Проведение совместных голландско-российских мероприятий: семинаров по проблемам архитектуры, в том числе современной, семинаров по проблемам истории, в том числе на современном этапе, обмен специалистами в области музееведения.

8. Подготовка проектной документации на выполнение реставрационных работ в двух зданиях – школе и бане.

9. Привлечение голландских инвесторов для выполнения реставрационных работ в двух зданиях – школе и бане.

10. Исследование потенциала развития исторического центра города в качестве пилотного проекта для дальнейшего развития городов Урало-Сибирского региона.

11. Опробование различных сочетаний частных и государственных инвестиций как стимула дальнейшего экономического развития [16].

В декабре 1998 г. в Управлении культуры администрации г. Кемерово состоялась встреча Яна Мо-

лема с представителями власти и музейной среды. По итогам встречи была достигнута договоренность о подготовке Договора сотрудничества в области сохранения и реставрации зданий-памятников историко-архитектурного наследия голландского архитектора ван Лохема [13].

В 1998 – 1999 гг. продолжалась деловая кузбасско-голландская переписка, прошел ряд совместных встреч, на которых обсуждались ранее намеченные перспективы развития сотрудничества.

В мае 2000 г. в Кемерове состоялся первый Российско-Голландский семинар-практикум. Цель мероприятия – разработка вариантов реконструкции исторического центра города – территории музея-заповедника «Красная Горка». По итогам семинара голландская сторона отметила следующее: для голландских участников эта неделя имеет значение, особенно из-за ее информативного характера... Русские сосредоточиваются больше на самих проблемах, а голландцы – больше на возможных решениях этих проблем. Несмотря на разные точки зрения, группам удалось разработать единый подход к делу и вместе предлагать идеи для реставрации и реабилитации данного района» [18].

Следующий семинар прошел в октябре 2000 г. По его итогам был подписан «Протокол о намерениях», первостепенными пунктами которого стали вопросы «оживления района «Красная горка» и его «интеграции в социально-экономическую жизнь города» [16]. Началась работа над проектом «Прошлое, настоящее и будущее района «Красная Горка», предполагавшего, что прошлое будет представлено музейными экспозициями и отреставрированными памятниками, настоящее – современными жилыми домами, кафе, магазинами и другими объектами социально-культурной сферы, а будущее – «новаторским центром», включающим в себя демонстрацию новых технологий в области охраны окружающей среды и экономии электроэнергии, строительных технологий, интернет-кафе, различных форм обучающего и развивающего отдыха.

В октябре 2001 г. Кемерово с официальным визитом посетил посол Королевства Нидерландов в России Тидо Хофстее. По этому случаю перед зданием музея был установлен и торжественно открыт памятный знак, посвященный основателям АИК «Кузбасс» [11].

В апреле 2003 г., с целью расширения культурного и экономического сотрудничества, был подписан еще один «Протокол о намерениях и действиях» между кемеровским Департаментом архитектуры и градостроительства, музеем «Красная Горка» и Фондом STAG [23].

В 2005 г. в рамках финансовой кампании Фонда STAG был начат проект реставрации школы ван Лохема. С целью проведения обмеров здания и разработки рекомендаций по реставрации, в июне 2005 г. начала свою работу международная рабочая группа

студентов-архитекторов из Голландии и России, музейщиков и специалистов.

Дальше в вопросах совместного сотрудничества по вопросам реставрации наметился некоторый спад. В 2007 г. Фонд STAG предлагает «второй план реставрации школы» в сочетании с намерениями создать свое экономическое представительство. Переговоры не увенчались успехом [22].

В ноябре 2008 г. в Кемерово с однодневным визитом прибыла делегация членов правительства Нидерландов [1]. Вопросы реставрации школы и переход кузбасско-голландской деловой активности на государственный уровень были обсуждены в рамках круглого стола «Новая жизнь памятников культуры».

С 12 по 17 октября 2010 г. в Кемерово еще раз работала делегация специалистов по сохранению культурного наследия Королевства Нидерландов. Вместе со своими российскими коллегами – представителями администрации г. Кемерово, кемеровскими и томскими архитекторами – гости обсуждали разработку концепции развития территории Красной Горки с учетом ее уникального культурно-исторического наследия, имеющего международное значение. В подписанном по итогам встречи Протоколе отмечается, что «в ходе сотрудничества было достигнуто лучшее понимание истоков Кемерово и потенциала его уникального местоположения для выделения самобытности города как промышленной территории национального значения и органичного развития от изысканий и производства к инновациям и технологиям будущего». «Для того, чтобы проект был успешным, специалисты рекомендуют вывести стадии разработки концепции, проектирования и реализации на международный уровень. Это предполагает применение международных стандартов и подходов, включая аспекты коммерческого маркетинга и туризма» [17].

Также был намечен план совместной работы в рамках подготовки к юбилею Кемеровской области и года Нидерландов в России в 2013 году. Члены делегации приняли участие в первом мероприятии года, посвященном 90-летию Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», встречах с работниками музейных учреждений Кемеровской области и студентами высших учебных заведений г. Кемерово [17].

В продолжение темы в феврале 2011 г. состоялась следующая кузбасско-голландская встреча. Голландская сторона представила свой проект «Redevelopment of the Industrial Heritage in Kemerovo, Russia “Krasnaya Gorka”», основная суть которого сводится к положениям о перспективном развитии района «Красная Горка» [24].

Таким образом, делаем вывод о том, что «нидерландский период» в архитектуре Кузбасса, длившийся в период пребывания в Сибири голландского архитектора ван Лохема, по своим результатам является уникальной эпохой в истории Кузбас-

са. Творчество ван Лохема дало мощный новаторский толчок строительной отрасли Кузбасса того времени. Сегодня культурное наследие ван Лохема в Кузбассе – это предмет более десятилетнего кузбасско-голландского взаимодействия. Начавшись с частных инициатив, это сотрудничество в последние годы вышло на новый государственный уровень.

Литература

1. Агеева, Ю. А. Кузбасс – Нидерланды: сотрудничество в области культуры (1996 – 2008 гг.) / Ю. А. Агеева [Текст] // Научное творчество XXI века: сборник трудов Ежегодной Всероссийской научной конференции учащихся, студентов и молодых ученых «Научное творчество XXI века» (февраль 2009) / Сборник трудов в 2-х томах. Т. 2. – Красноярск: Научно-информационный издательский центр, 2009. – С. 11 – 12.
2. Волкова, З. Ф. Документы рассказывают [Текст] / З. Ф. Волкова // Красная Горка: краеведческое издание. – Кемерово: Кузбассвуиздат. Вып. 2. – 2001. – С. 67.
3. Захарова, И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910 – 1930-х гг. [Текст] / И. В. Захарова. – Кемерово: Агентство рекламных форм, 2005.
4. Зюзьков, Ю. С. Индустриальный Щегловск – «город-сад» [Текст] / Ю. С. Зюзьков // Вестник КузГТУ. – Кемерово. – Вып. 5. – 2001. – С. 73.
5. Невзгодин, И. Истинное призвание [Текст] / И. Невзгодин // Красная Горка: краеведческое издание. – Кемерово: Кузбассвуиздат. – Вып. 2. – 2001. – С. 39.
6. Паспорт памятника истории и культуры «Школа» // Архив научно-исследовательского отдела МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
7. Письмо посольства Королевства Нидерландов на имя начальника отдела культуры В. И. Бедина от 24.11.1997 // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
8. Письмо Ян Молема председателю Департамента культуры Кемеровской области В. И. Бедину // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
9. Программа фестиваля «АИК-Кузбасс-96» // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
10. «Программа сотрудничества Королевства Нидерландов и муниципального учреждения историко-архитектурного музея-заповедника «Красная Горка» г. Кемерово по реставрации и сохранению зданий – памятников голландского архитектора ван Лохема» // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
11. Программа визита посла Королевства Нидерландов в Российской Федерации господина Тидо Хофсте в Кузбасс // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
12. Приложение 2 к Протоколу заключительного заседания голландской и российской сторон в рамках соглашений о сотрудничестве между Королевством Нидерланды и городами Екатеринбург, Кемерово и Новосибирск, Дельфт-Роттердам-Хилверсум, Нидерланды // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
13. Письмо Л. П. Чернова от администрации г. Кемерово в посольство Королевства Нидерландов атташе по культуре Йеннесу де Молю // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
14. Протокол о намерениях от 14 октября 1996 г. // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
15. Протокол заключительного заседания голландской и российской сторон в рамках соглашений о сотрудничестве между Королевством Нидерланды и городами Екатеринбург, Кемерово и Новосибирск. Дельфт-Роттердам-Хилверсум, Нидерланды. 17 – 25.10.1998 // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
16. Протокол о намерениях администрации г. Кемерово, Музея-заповедника «Красная Горка», Фонда анализа зданий от 13 октября 2000 г. // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
17. Протокол от 17.10.10 // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
18. Результаты и рекомендации по итогам семинара, 2000 г. // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
19. Рыбакова, Н. ван Лохем в Прокопьевске [Текст] / Н. Рыбакова // Красная Горка: краеведческое издание. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – Вып. 2. – С. 80.
20. Сухацкий, В. Неизвестный Кемерово [Текст] / В. Сухацкий // Музей-заповедник «Красная Горка». – Кемерово, 2010.
21. Тюшина, Е. И. Хранительница истории [Текст] / Е. И. Тюшина // Балибалоовские чтения: материалы VI научно-практической конференции, посвященной 290-летию открытия Кузнецкого угольного бассейна, 90-летию создания АИК «Кузбасс», 100-летию со дня рождения И. А. Балибалова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Вып. 6. – С. 232 – 233.
22. Information about STAG activity 2000-2010 // Публичный архив Фонда «STAG», Нидерланды.
23. «Protocol of Intentions and Activities», 11th of April 2003 // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».
24. «Redevelopment of the Industrial Heritage in Kemerovo, Russia “Krasnaya Gorka” // Научный архив МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка».

УДК 902.2

КАМЕННЫЕ ГРОБНИЦЫ АНДРОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА «КОСОГОЛЬ-3»

В. В. Иванчук, Ю. И. Михайлов

STONE TOMBS OF ANDRONOVO CEMETERY «KOSOGOL-3»

V. V. Ivanchuk, Y. I. Michailov

Основное содержание статьи посвящено исследованиям каменных гробниц андроновского могильника «Косоголь-3» в Красноярском крае. В этих гробницах были совершены парные захоронения мужчин и женщин. Погребения были совершены по комплексному обряду кремации в сочетании с ингумацией. Каменные и деревянные конструкции гробниц могут быть сопоставлены с образом жилища.

This article is devoted to the results investigations of Andronovo cemetery «Kosogol-3», explored in Krasnoyarsk region. Couple burials men and women contained in this funeral complex. The complex way of burials were inhumations and burning of bodies. Stone and wooden construction of tombs were erected with according of image of house.

Ключевые слова: могильник, гробница, ингумация, кремация, дом.

Keywords: cemetery, tomb, inhumation, burning of body, house.

Введение

История изучения андроновской культуры началась с исследования в 1914 году сотрудником красноярского музея А. Я. Тугариновым аварийного памятника около деревни Андроновой Ачинского округа (ныне ж/д станция Крутояр), обнаруженного при возведении ж/д моста через р. Сereж на трассе Ачинск – Абакан [23, с. 153 – 158].

Исследования археологического комплекса в районе Косогольских озер начались с обнаружения в 1956 г. клада бронзовых предметов в результате вскрышных работ при строительстве насыпной дороги с мостом через р. Сereж. Было выявлено два культурных горизонта с керамикой тагарской и андроновской культур. В 50 м от места находки клада раскопано разрушенное погребение [19]. Начиная с 1976 г., Косогольским отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ под руководством А. И. Мартынова проводились разведочные, а с 1980 г. стационарные раскопки восточной части Косогольского поселения, где была обнаружена как тагарская, так и андроновская керамика. Это позволило говорить о существовании андроновского поселения на первом, самом низком мысе левого берега р. Сereж [16, с. 39 – 51].

Результаты полевых исследований

В 1987 – 1992 гг. В. В. Иванчуком были исследованы погребения ближайшего к нему андроновского могильника в 15 км к западу от ст. Крутояр вверх по течению р. Сereж. Андроновский могильник «Косоголь – 3» расположен в южной части Назаровской котловины на территории Ужурского района Красноярского края в 1,5 км к юго-востоку от дер. Косоголь. Он входит в состав разновременных археологических памятников Косогольского археологического микрорайона, который ограничен рамками характерной для данной местности микрокотловины, вытянутой с юго-запада на северо-восток (6 x 4 км).

На западе котловина примыкает к восточному берегу озера Большой Косоголь. С юга котловина ограничена сопками высотой до 150 м. К северо-востоку гряда постепенно уменьшается. С севера котловину ограничивают сглаженные склоны возвышенности, которые интенсивно распахиваются. Кроме озер Большой и Малый Косоголь, в северной части котловины имеется цепь остаточных озер.

В 1985 – 1992 гг. на территории Косогольского поселения был заложен раскоп № 19 общей площадью более 1500 кв. м., где, в 1987 г. были найдены три андроновских могилы. В 1989 г. в северной части раскопа были исследованы два необычных образования подпрямоугольных очертаний плотной утрамбованной глины. При разборке выяснилось, что они скрывают под собой заполнение андроновских могильных ям. В этом году в экспедиции работали специалисты по электроразведке кемеровского ТИСИЗа, которые указали на резкое изменение электропараметров в западной части раскопа. В результате была обнаружена уникальная каменная двухкамерная гробница-циста. Всего исследовано 35 андроновских погребений. Площадь андроновского могильника, вероятно, гораздо больше, однако для дальнейшего исследования необходимо вскрытие культурного слоя Косогольского поселения. Ниже приводятся описание и анализ трех погребальных комплексов (м. 13, 14, 30), содержащих наиболее сложные каменные конструкции.

Могила 13. Обнаружена на центральном участке погребального поля (табл. 1). Грунтовая яма подквадратной в плане формы. Размеры могилы – 2,6 x 2,45 м. Длинной осью ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Глубина ямы от уровня материка – 1,65 м. В заполнении ямы на глубине 1 м были обнаружены плиты каменного перекрытия двухкамерной комбинированной гробницы. Основу кроющей конструкции составляли три крупные плиты, на которые были плотно уложены плиты меньших размеров. Размеры гробницы 1,75 x 1,65 м. Длинной осью ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Три стенки гробницы

сложены из каменных плиток, положенных в 19 – 20 рядов, а юго-западная была сооружена из двух массивных каменных блоков, установленных вертикально. В верхней части они имеют следы подтески металлическим инструментом. Высота гробницы – 0,75 м. Внутреннее пространство разделено составной стенкой из вертикально врытых крупных каменных плит, которые делили гробницу на два прямоугольных, примерно равных отсека (табл. 2).

В первом из них находился костяк взрослой женщины(?). Погребенная была помещена скорчено на левом боку, головой на юго-запад. На черепе и под ним обнаружены две бронзовых серьги. За го-

ловой находились фрагменты горшка, украшенного геометрическим орнаментом, выполненным оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа. Поверх устья сосуда была положена каменная плитка неправильных очертаний. Рядом с сосудом обнаружена еще одна плитка, а на ней – ребро животного. Во втором отсеке костей погребенного не обнаружено, однако в западном углу был установлен горшок с геометрической орнаментацией, выполненной оттисками гребенчатого штампа. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с так называемым «незавершенным» парным погребением.

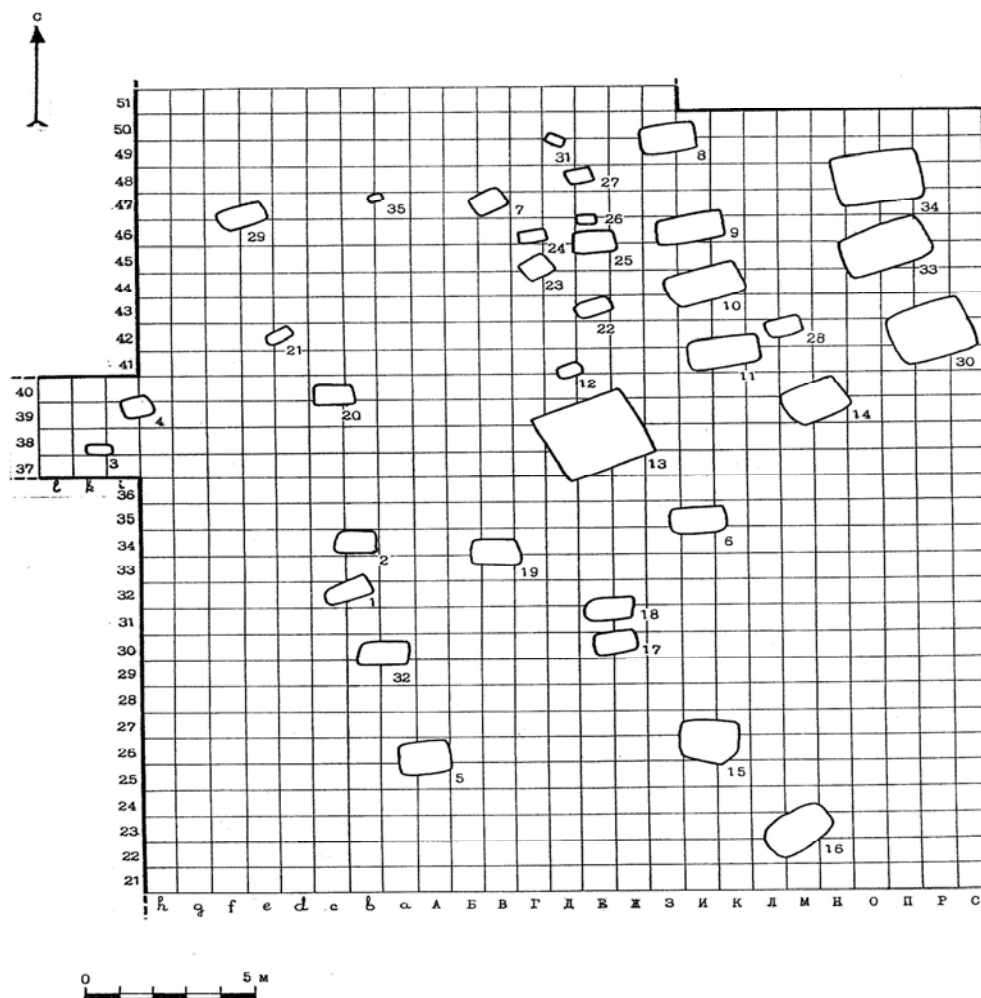

Табл. 1. План андроновского могильника «Косоголь-3»

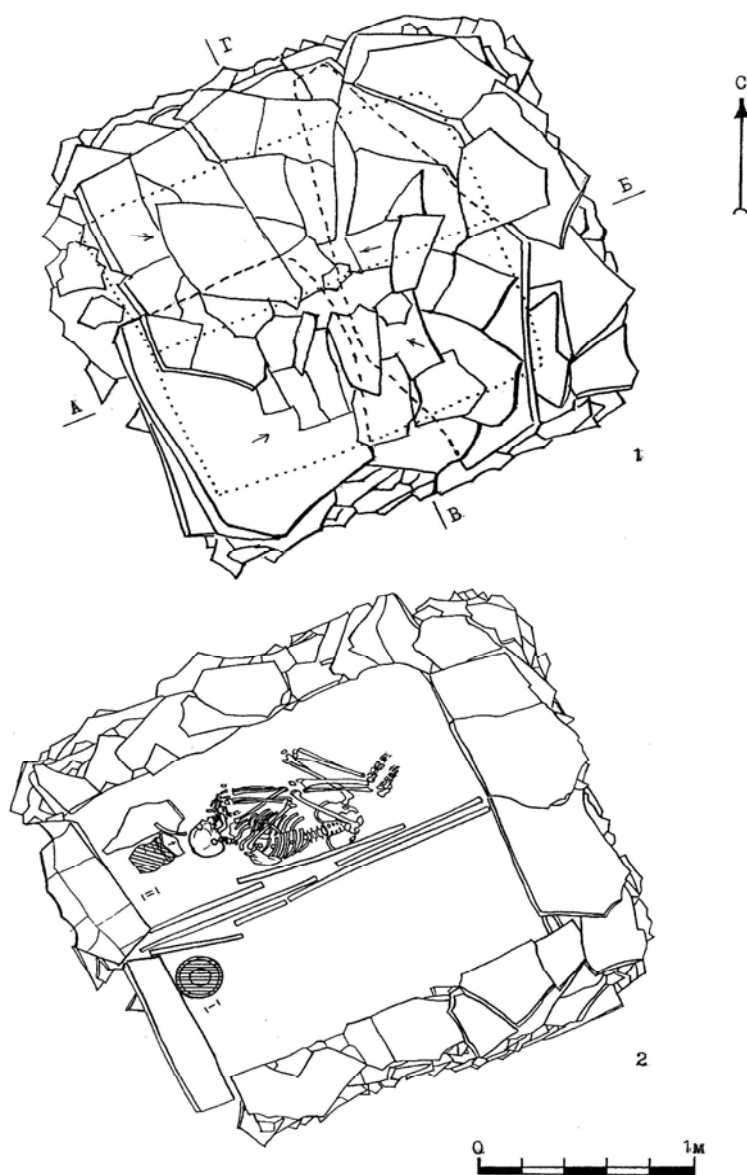

Табл. 2. 1, 2 – план мог. 13

Могила 14. Находилась в 4 м к северо-востоку от вышеописанной. Грунтовая яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами. Размеры могилы: 1,95 x 1,4 м. Длинной осью ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Глубина могилы от уровня материка – 1,4 м. В заполнении могильной ямы на глубине 0,6 м от уровня материка было обнаружено скопление каменных плиток верхних рядов прямоугольной цисты размерами 1,15 x 0,75 м. Длинной осью ориентирована по линии ЮЗ – СВ.

Высота стенок, сложенных из 20 рядов плиток, – 0,8 м. Внутри сооружения обнаружены кости скелета зрелой женщины (?), сохранившие анатомический порядок. Погребенная была помещена скорченно, на левом боку, головой на юго-запад. В южном углу цисты находился сосуд баночной формы, орнаментированный ямочными вдавлениями и оттисками гребенчатого штампа (табл. 3).

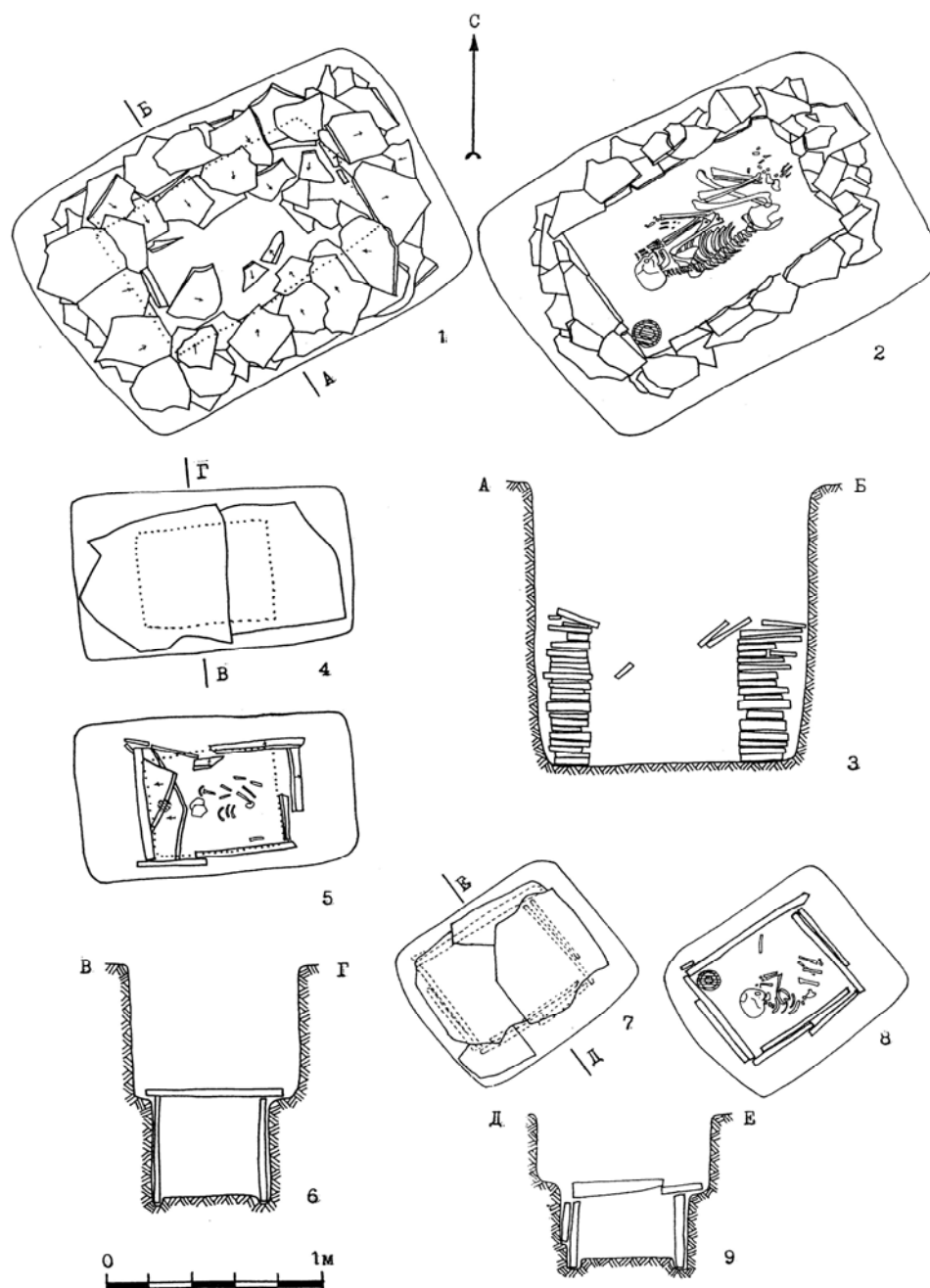

Табл. 3. Планы могил: 1 – 3 – мог. 14; 4 – 6 – мог. 25; 7 – 9 – мог. 23

Могила 30. Открывала ряд могил в северо-восточном секторе погребального поля. Грунтовая яма квадратной в плане формы размерами 2,1 x 2,3 м. Ориентирована углами по странам света. Глубина ямы от уровня материка – 1,6 м. На глубине 1 м от уровня материка находились плиты перекрытия

комбинированной гробницы. Верхняя часть гробницы сооружена из шести рядов каменных плиток, которые опирались на материковые заплечики и прислоненные к ним вертикально каменные плиты. Общая высота стенок гробницы – 0,55 м. Размеры сооружения: 2,25 x 1,25 м. Длинной осью гробница

ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Внутреннее пространство было условно разделено на две равные половины тремя вертикально вкопанными в ряд столбами квадратного сечения, установленными по длинной оси гробницы. Судя по подтесан-

ным уплощенным вершушкам, они поддерживали плиты перекрытия. Высота столбов – 0,7 м. (табл. 4).

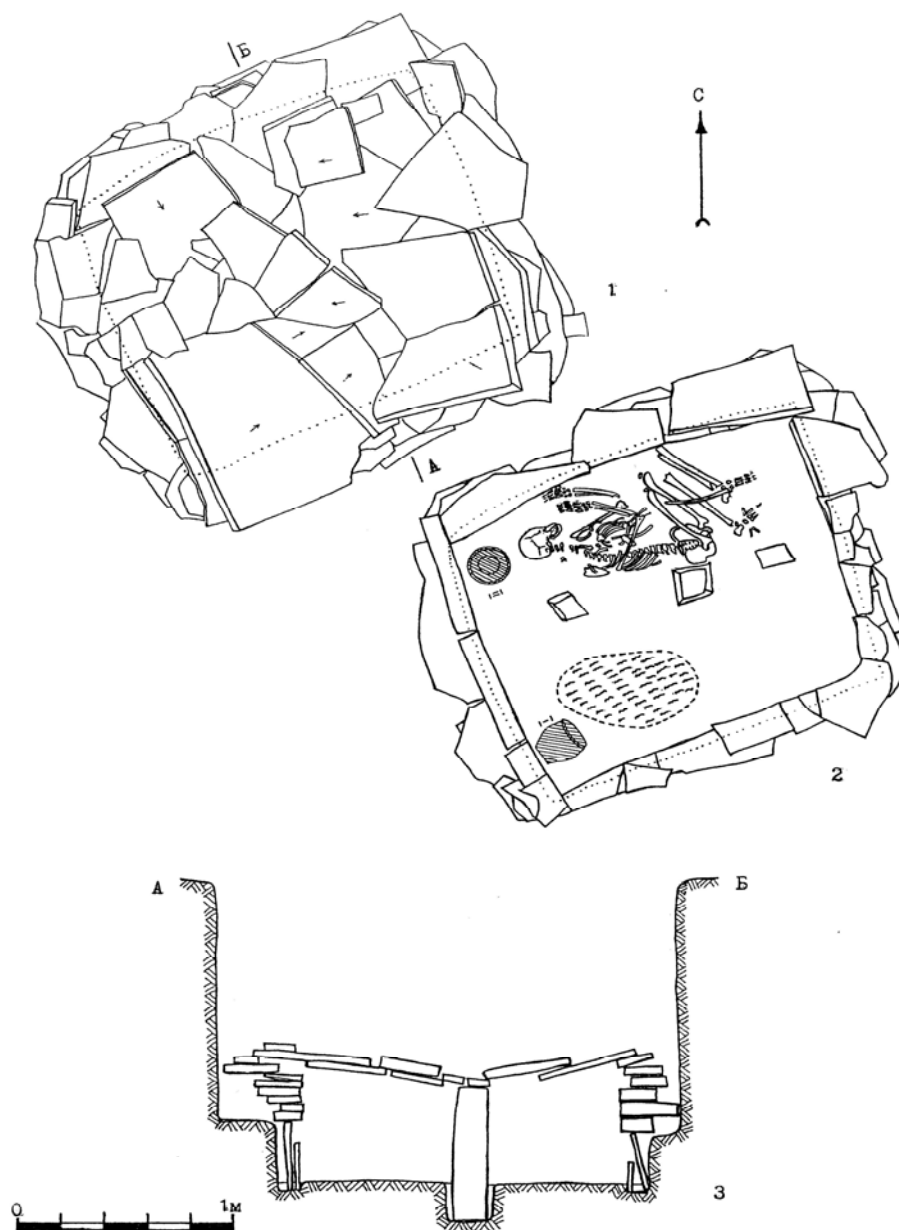

Табл. 4. 1 – 3 – план и разрез мог. 30

Вдоль северо-западной стенки гробницы залежали кости скелета взрослой женщины (?). Погребенная была помещена скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Вдоль юго-восточной стенки, ближе к южному углу, зафиксировано скопление кремированных костей человека. В южном и западном углах могилы находились горшки с геометрической орнаментацией, нанесенной оттисками гребенчатого штампа.

Планиграфия могильника

Наиболее крупные погребальные сооружения располагались на северо-восточном участке погребального поля (рис. 1). Они располагались в два ряда, ориентированные по линии СЗ – ЮВ. Первый ряд составляли могилы 30, 33, 34, которые, судя по размерам, конструктивному оформлению и сопроводительному инвентарю, предназначались для взрослых мужчин. Этот ряд открывала могила 30, где и находилась двухкамерная каменная гробница, содержащая парное разнополое погребение (кремация и ингумация), а в двух других могилах были сооружены каменные ящики, в которых обнаружены одиночные захоронения.

Второй ряд (8 – 11, 14) открывала могила 14, в которой обнаружена каменная циста. В остальных могилах этого ряда были сооружены деревянные рамы. Эти сооружения были предназначены для парного погребения подростков и трех одиночных захоронений взрослых. Размеры материковых ям, внутримогильные конструкции, а также половозрастной состав погребенных свидетельствуют о том, что эти два ряда могил представляют наиболее престижную группу погребений могильника.

Могилы 30 и 14, открывавшие вышеописанные ряды, длинными стенками были ориентированы по линии ЮЗ – СВ. На этой условной оси располагалась и могила 13. Если исходить из взаимной ориентации могил и рядов, то самая крупная в некрополе могила 13 находилась на пересечении двух условных осей: ЮЗ – СВ и ЮВ – СЗ. С учетом этого, данный погребальный комплекс можно квалифицировать как композиционный и ритуальный центр могильника.

В соответствии с этой ритуальной системой координат юго-западный сектор погребального поля занимали могилы: 1, 2, 5, 6, 15 – 19 и 32. Могилы этого сектора составляли два не вполне строгих ряда, ориентированных по линии СЗ – ЮВ. Один из предполагаемых рядов составляли могилы 15 – 19. В могилах обнаружены захоронения взрослых, подростков и детей, причем в детских одиночных погребениях обнаружены бронзовые украшения (м. 16 – височные кольца; м. 19 – серьги с раструбом). В двух погребальных ямах (17, 19) зафиксированы внутримогильные конструкции - деревянные рамы. Второй ряд этого сектора составляли могилы: 2, 1, 32 и 5. В этих комплексах захоронены дети и взрослые, причем в могилах 1 и 32 были совершены

парциальные погребения. Ни в одной из исследованных могил этого сектора не обнаружено каменных конструкций.

Остальные 15 исследованных могил (3, 4, 7, 12, 20 – 27, 29, 31, 35) отличались небольшими размерами и без какого-либо видимого порядка занимали северо-западный сектор погребального поля. Эта группа представлена детскими погребениями. По каким-то, вероятно, ритуальным установлениям, юго-восточный сектор кладбища не использовался для сооружения погребальных комплексов. Аналогии данному обрядовому установлению среди исследованных андроновских некрополей нам неизвестны.

Исходя из охарактеризованной планиграфической ситуации, в составе Косогольского могильника можно выделить три группы погребальных комплексов. Первая занимала северо-восточный сектор некрополя и включала два ряда наиболее крупных могил, в которых, вероятно, находились одиночные захоронения взрослых мужчин. Вторая, занимавшая юго-западный сектор, включала также два ряда могил, но меньших размеров, в которых были, предположительно, погребены женщины и девочки. Третья группа – преимущественно детские могилы в северо-западном секторе погребального поля.

Расположение могил параллельными рядами, при отсутствии оград и курганных насыпей, известно в андроновских некрополях восточных районов культурного ареала [17, с. 87]. Например, ряды могил прослежены и в грунтовом могильнике Рублево VIII, в Кулундинской степи [11, с. 339]. Вместе с тем ряды прослежены в ограде А могильника близ улуса Орак [12, табл. I, VI] и под курганными насыпями в андроновских могильниках Кузнецкой котловины [3]. На наш взгляд, независимо от конкретного способа сакральной разметки погребального поля (ограды или земляные курганные насыпи), над каждой могилой возводилось индивидуальная конструкция. Она размечала контуры погребальной ямы на уровне древней поверхности и служила ориентиром для последующих захоронений. Только в этом случае на площади могилы появлялись строго ориентированные ряды погребений.

Реконструкция надмогильных сооружений должна опираться на строительные приемы и типы внутримогильных конструкций. Определенный порядок в расположении материковых ям, стремление к геометрической строгости их оформления – все это предполагает обрядовую и конструктивную симметрию погребальных сооружений в материковых ямах и на уровне древней поверхности. Для курганных могильников, где отсутствовали каменные ограды, она могла выражаться в возведении наиболее крупных ступенчатых (пирамидальных?) сооружений из дерна над центральными могилами, которые соответствовали глубоким и достаточно обширным материковым ямам.

Необходимо учитывать не только расположение могил в пределах ряда, но и симметрию между рядами, как это прослежено в могильнике «Косоголь-3». В андроновском некрополе ЕК – II также прослежены ряды могил и порядок их сооружения. Установлено, что ряды формировались не последовательно, а одновременно [20, с. 27 – 31]. На наш взгляд, в могильнике «Косоголь-3» прослежена аналогичная ситуация. Для того чтобы соблюсти строгую ориентацию рядов и их пространственную соотнесенность, требовались не просто надмогильные сооружения на уровне древней поверхности, а типовые (морфологически однородные), строго локализованные и геометрически правильные архитектурные сооружения.

Погребальные сооружения могильника

Всего в исследованных пределах погребального поля обнаружено 35 могил, в которых покоились останки 41 погребенного. Из них 17 взрослых и 24 ребенка. Погребения совершены в грунтовых ямах, которые прорезали материковый грунт независимо от их глубины. Внутримогильные конструкции представлены деревянными рамами (12 случаев), каменными ящиками (5), комбинированными гробницами из каменных плит (2). В одном случае была сооружена циста. В составе могильника «Косоголь-3» комбинированные гробницы и циста (м. 13, 14, 30) предназначались для парных погребений взрослых субъектов. Каменные ящики использовались, как для захоронения взрослых (мог. 33, 34), так и для погребения детей (мог. 23, 25, 27). Сходная ситуация прослежена в территориально близком могильнике близ улуса Орак. Там в каменных ящиках погребались и взрослые, и дети, а в цистах совершались парные разнополюсные погребения взрослых субъектов [12].

Культурно-историческая интерпретация погребальных сооружений

Представления о сходстве условий жизни человека до и после смерти зачастую находят воплощение в универсальном образном соотношении могилы и дома. В нашем случае одна из конструктивных особенностей гробницы в могиле 30 – ряд из трех каменных столбов, на которые опиралось перекрытие могилы, весьма показательна. Установлено, что, независимо от типа жилых сооружений, андроновцы использовали каркасную технику строительства, и основой жилых сооружений являлись столбовые конструкции [15, с. 107]. По мнению Е. Е. Кузьминой, срубно-андоновский тип дома – однокомнатное жилище столбовой конструкции с двускатной или с пирамидально-ступенчатой крышей. Его реплики воспроизведены в архитектуре погребальных сооружений, являвшихся домами мертвых [13, с. 39].

Сближение архитектурных деталей погребального сооружения с каменными столбами с конст-

руктивными особенностями андроновских жилищ не встречает препятствий, кроме одного. В поселенческих комплексах на Енисее и в Кузнецкой котловине не зафиксировано остатков жилых сооружений [14; 3]. Нет их и на андроновском поселении на р. Сереж в Косогольской котловине [16, с. 41]. По мнению В. И. Молодина, у андроновцев, заселивших лесостепные территории между Енисеем и Иртышом, могли произойти изменения в конструкции жилища. Подвижный образ жизни стимулировал переход к легким наземным конструкциям, пригодным для транспортировки [18, с. 114].

Тем не менее на поселении Куделька в Присалаирье зафиксирован слегка углубленный в материк котлован андроновского жилища (полуземлянки). Автор исследований В. А. Зах предположил, что подобные жилища существовали также на поселениях Шляпово в Приобье и Каргат-6 в Барабе [6, с. 39 – 41]. Есть и другие данные, подтверждающие использование андроновцами облегченной каркасной конструкции. Подобное сооружение с сильно закругленными углами было исследовано на территории пос. Бишкуль IV. Котлован постройки прорезал погребенную почву и почти не был углублен в материк [7, с. 145, 146]. Использование подобных сооружений на территории андроновских летних поселений допускается и для Верхнего Приобья [10, с. 54]. В Верхнем Прииртышье, на пос. Усть-Нарым, андроновское жилище имело вид продолговатого шалаша [25, с. 158]. Последующие исследования подтвердили предположение о существовании у андроновцев Восточного Казахстана наземных построек [22, с. 158 – 159].

На андроновском (федоровском) однослойном поселении Бишкуль IV, в средней части жилища, были обнаружены два очага и обугленная бревенчатая рама размером 1,3 x 1,8 м. По мнению автора исследований, она являлась центральной конструкцией перекрытия, рухнувшего во время пожара [7, с. 146]. По материалам поселения Павловка реконструировано перекрытие жилища 1, представлявшее собой кладку бревен типа чор-хона [15, с. 111, рис. 2 – 3]. Перекрытие в виде пирамидального сруба из бревен известно по раскопкам других андроновских поселений [13]. Возможно, с переносной каркасной конструкцией связана традиция покрывать деревянные перекрытия могил полотнищами бересты, как это было прослежено в могильниках Кузнецкой котловины – Титово и Танай I [3]. Этот материал мог использоваться и в качестве кроющего материала для андроновских жилищ. Береста в оформлении конструкции двухвенцовой рамы мог. Танай 12 была квалифицирована как гидроизолирующее покрытие, причем ее листы были положены по кругу с чередованием продольных и поперечных слоев. В местах соединения между собой и на участках, крепившихся к раме, были просверлены отверстия [4, с. 220 – 223].

Обрядовая особенность, прослеженная в могильнике «Косоголь-3», – каменные столбы, поддерживающее перекрытие, вероятно, демонстрирует попытку воспроизведения конструкции жилища. В другом варианте погребальной архитектуры этот исходный образец мог только имитироваться с помощью «столбовых» ямок, в которых не были обнаружены остатки самих столбов. Именно этот способ символического воспроизведения каркасно-столбовой конструкции над могилой зафиксирован в мог. Кытманово в Верхнем Приобье. Авторы публикации предположили, что реальные столбы могли составлять конструктивную основу двускатной крыши [24, с. 23, 24]. В Южном Тагискене и Уйгараке символические столбовые ямки восходят к реальным архитектурным деталям мавзолеев Северного Тагискена – деревянным столбам. Причем уже в сырцовых гробницах Северного Тагискена прослежены деревянные столбы, которые не имели конструктивного значения [8, с. 3 – 36].

Применительно к интересующим нас андроновским архитектурным сооружениям, можно говорить об устойчивой семантике. С одной стороны, символика кровли, перекрытия, с другой – символика венца. Отдельные части дома также соотносятся в рамках дуальных противопоставлений. Например, крыша может осмысливаться в числе женских элементов жилища, наряду с другими частями конструкции, имеющими отверстия, в то время как вертикали, прежде всего столбы, наделялись мужской сущностью [1, с. 73, 178]. Конструктивное сочетание столб – циста, ящик или рама с покрытием в андроновских погребальных комплексах можно рассматривать как символическое соотнесение мужского и женского начал, которое было связано и с образом жилых построек.

Литература

1. Байбурин, А. К. Жилище и обряды в представлениях восточных славян / Л. А. Байбурин. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.
2. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 456 с.
3. Бобров, В. В. Андроновские памятники Обь-Чулымского междуречья / В. В. Бобров, Ю. И. Михайлов. – Деп. в ИНИОН 26.06.89., № 38518. – 10 п. л.
4. Бобров, В. В. Андроновские погребальные сооружения из дерева в горных экосистемах Южной Сибири / В. В. Бобров, В. П. Мыльников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 220 – 224.
5. Винокурова, Е. И. Охранные раскопки погребального комплекса около города Усть-Каменогорска / Е. В. Винокурова, Ю. А. Лысенко // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2000. – С. 134 – 138.
6. Зах, В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона) / В. А. Зах. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1997. – 132 с.
7. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г. Б. Зданович. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1988. – 184 с.
8. Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский. – М.: Наука, 1997. – 187 с.
9. Кирюшин, Ю. Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры / Ю. Ф. Кирюшин // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...»: сб., посвященный памяти этнографов Г. Н. Грачевой и В. И. Васильева. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 1995. – С. 58 – 74.
10. Кирюшин, Ю. Ф. Поселение Большой Лог 1 – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья / Ю. Ф. Кирюшин, С. Ю. Лузин // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 1990. – С. 42 – 56.
11. Кирюшин, Ю. Ф. Исследования грунтового могильника Рублево VIII / Ю. Ф. Кирюшин, Д. В. Папин, О. А. Позднякова, А. Б. Шамшин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 336 – 341.
12. Комарова, М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак / М. Н. Комарова // АСГЭ. – 1961. – № 3. – С. 32 – 73.
13. Кузьмина, Е. Е. Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете / Е. Е. Кузьмина // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Изд. Челяб. ун-та, 1988. – С. 31 – 46.
14. Максименков, Г. А. Андроновская культура на Енисее / Г. А. Максименков. – Л.: Наука, Лен. отд-е, 1978. – 190 с.
15. Малютина, Т. С. Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей / Т. С. Малютина // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: Изд. Челяб. ун-та, 1990. – С. 100 – 127.
16. Мартынов, А. И. Исследование Косогольского поселения / А. И. Мартынов // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово: Изд. Кемер. ун-та, 1987. – С. 39 – 51.
17. Матющенко, В. И. Эпоха бронзы. Лесная и лесостепная полоса / В. И. Матющенко // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 1994. – С. 73 – 112.
18. Молодин, В. И. Бараба в эпоху бронзы / В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1985. – 200 с.

19. Нащокин, Н. В. Косогольский клад / Н. В. Нащокин // Археологические открытия 1966 г. – М.: Наука, 1967. – С. 163 – 165.

20. Погодин, Л. И. О планиграфии Еловского могильника / Л. И. Погодин // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. – Омск: Изд. Омск. ун-та, 1987. – С. 26 – 39.

21. Савинов, Д. Г. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири / Д. Г. Савинов, В. В. Бобров // Археологические вести. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – № 4. – С. 83 – 90.

22. Ткачев, А. А. Развитие домостроительства андроновских племен Верхнего Прииртышья / А. А. Ткачев, Ю. А. Лысенко // Четвертые историче-

ские чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд. Омск. гос. ун-та, 1997. – С.158 – 159.

23. Тугаринов, А. Я. Андроновские могилы / А. Я. Тугаринов // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1926, вып. 1 – С. 153 – 158.

24. Уманский, А. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово) / А. П. Уманский, Ю. Ф. Кирюшин, С. П. Грушин. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. – 132 с.

25. Черников, С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С. С. Черников // МИА. – № 88. – 1960. – 272 с.

УДК 726 + 271

ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОГО ХРАМА (Республика Алтай)

Ю. А. Крейдун

EXPERIENCE on THEORETICAL RECONSTRUCTION of the ARCHITECTURAL EXTERIOR of MIKHAILO-ARKHANGELSKIY TEMPLE (Republic of Altai)

Yu. A. Krejdun

В статье изложены результаты комплексного исследования храма и погоста в с. Мыюта Шебалинского района Республики Алтай. С помощью архивных, этнографических, археологических и искусствоведческих изысканий удалось восстановить архитектурный облик церкви и планировку церковного погоста, утраченных в результате умышленного уничтожения во второй четверти XX в.

The article deals with the results of complex research of the temple and the graveyard in village Miyjeta, Shebalinskiy district, Republic of Altai. With the help of archive, ethnographic, archeological and art study it became possible to reconstruct the architectural design of the temple and the plan of the graveyard which had been long lost because of the intended destruction in the second half of the 20th century.

Ключевые слова: миссионерский храм, церковный погост, архитектура православных храмов, Алтайская духовная миссия.

Keywords: missionary temple, church graveyard, architecture of orthodox churches, Altai Orthodox Mission.

Деятельность Алтайской духовной миссии Русской православной церкви на Алтае особенно активно проявилась в XIX - в нач. XX в. За этот период вся территория Горного Алтая покрылась сетью миссионерских станов. Это были большие церковные хозяйства, в состав которых входили храмы, школы, различные жилые, подсобные и другие причтовые помещения. К настоящему времени большая часть этих памятников православной духовной истории и архитектуры утрачена. Тем не менее облик ряда уникальных церковных и миссионерских построек может быть восстановлен по сохранившимся остаткам бутовых фундаментов, полуистлевших деревянных венцов, фотографиям и архивным планам. К числу таковых может быть отнесен комплекс Мыютинского миссионерского стана. Этот стан был организован основателем Алтайской духовной миссии архимандритом Макарием (Глухаревым). Уникальность его заключается, в частности, в том, что при храме был устроен погост, где хоронили преимущественно священнослужителей и членов их

семей. Общее количество могил составило семь. Подобных погостов в других миссионерских станах юга западной Сибири не встречалось, хотя имелись отдельные случаи захоронений за алтарной частью одного-двух священнослужителей. Например, в Онгудае, Балыктуюле (Улаганского района) и Александровском (Майминского района) Республики Алтай.

Полевым работам предшествовал сбор архивных материалов. В ходе исследования удалось выяснить, что храм в селе Мыюта был посвящен Архангелу Михаилу. Миссионерский стан в виде небольшой избы для размещения миссионера был построен архимандритом Макарием (Глухаревым) в 1839 г. В 1845 г. было образовано новое миссионерское отделение с центром в Мыюте, тогда же сюда был назначен первый штатный миссионер - иеромонах Акакий (Левицкий). До появления первого храма в Мыютинском стане богослужение совершалось на антиминсе в честь Одигитрии-Смоленской иконы Божьей Матери. Миссионерская изба была столь

тесной, что священник вынужден был разобрать печь, поскольку к нему нередко собирались для бесед и богослужений местные жители. Требовалось строительство нового миссионерского дома для походной церкви. Первый походный храм был построен в 1847 г. Жертвователями выступили «бийские купеческие дети Хабаров и Мальцевы, часто проезжающие через Мыоту на р. Чую» [4, с. 172]. Они же выступили меценатами в приобретении для Мыотинского стана двух колоколов. Таким образом, миссионерско-богослужебная жизнь в отделении была украшена звучанием колоколов, что достаточно необычно для столь отдаленных мест. Стены походного храма были сложены из лиственницы. Размеры помещения были аналогичны храму в центральном Улалинском (совр. Горно-Алтайск) стане и составляли 15 на 8 аршин (примерно 10 на 5 м). Следом за походным храмом, в 1848 г. был построен миссионерский дом из трех комнат с сенями. С 1856 г. в стане была открыта школа грамоты.

На смену миссионеру Акакию был назначен священник Арсений Ивановский, после него заведовал Мыотинским миссионерским станом священник Василий Постников (позднее протоиерей).

В 1873 г. на средства московского купца А. М. Полежаева в Мыотинском стане был построен Михаило-Архангельский храм [3, л. 171]. Здание прежней походной церкви было передано для миссионерских нужд в д. Чергу. Иконостас храма в 1898 г. был частично заполнен писаными иконами, пожертвованными неизвестными московскими благотворителями. Чаще всего в отдаленных храмах использовались литографические иконы. В 1904 г. на средства растущего прихода храм был заметно расширен, так что площадь собственно церкви почти удвоилась. В 1915 г. храм был обшит тесом и окрашен голубой краской. Новокрещенные Алтая в меру своих материальных возможностей старались отде-

лывать и внутренние помещения храмов. Например, стены храма Всемилошного Спаса в Улае были оклеены тканью и окрашены масляной краской; помещения Улалинского Никольского женского монастыря оклеивались обоями; в Мыоте стены храма были обиты картоном, что также отличало интерьер богослужебного здания от бытовых построек. Таким образом, несмотря на отдаленность и нехватку собственных средств, в течение нескольких десятилетий храм Архангела Михаила был достаточно хорошо обустроен и обеспечен всей необходимой, в том числе дорогостоящей утварью, включая колокола и писанные иконы. Изменению подвергся и общий план мыотинского миссионерского храма, что подтверждается документами, сохранившимися в фотофонде Алтайского государственного краеведческого музея (фотографии церкви Архангела Михаила [1], см. рис. 1.) Стан располагался несколько в стороне от жилой части села на правом берегу небольшой речки Мыоты. Архитектурной доминантой являлся храм Михаила Архангела, который возвышался на уступе, заканчивающемся тупым мысом у слияния рек Мыоты и Семы. Силуэт храма за счет колокольни и четырехскатной кровли с достаточно высоким углом подъема смотрелся гармонично на фоне гор. Благодаря своему местоположению, храм был виден уже на подъезде к селу. Голубой цвет фасадов, позолоченные надкупольные кресты в ясную безоблачную погоду являли собой весьма живописную картину отраженного неба и солнечного света, что служило не только повышению эстетической значимости постройки, но и способствовало реализации в архитектурном облике религиозного предназначения здания. Наличие такого храма заметно преображало облик преимущественно жилой и хозяйственной застройки села.

Рис. 1. Храм Архангела Михаила. Фотография 1920-х гг.

Церковь была деревянная на фундаменте из ди-кого камня, крыта железом, в плане - четырехчаст-

ная: притвор, трапезная, собственно церковь и ал-тарь, что соответствовало типовой планировке хра-

ма-корабля. Алтарь храма имел прямоугольный план, что объясняется большей простотой в бревенчатом исполнении. К северной стене алтаря была пристроена прямоугольная кафельная комната с кирпичной печью. Размеры храма: длина - 33 аршина (23,47 м), наибольшая ширина - 15 аршин (10,67 м), высота до главного карниза - 8,5 аршинов (6,45 м).

Колокольня была красивой, гармоничных пропорций с шатровым завершением. Массивный и высокий четверик над притвором храма служил основанием для восьмигранного объема звонницы с четырьмя просветами. Ее шатровая крыша завершалась небольшой ложной главкой с крестом. Небольшие разорванные фронтоны придавали особенную стройность облику ярусной колокольни. Композиция колокольни включала междуэтажные карнизы, которые играли важную роль в создании образа. Над средокрестием основного объема храма был невысокий неравносторонний восьмигранный барабан с четырьмя небольшими оконными стрельчатыми проемами. Он нес стройное основание для небольшой луковичной главки, увенчанной крестом. Над апсидой алтаря находилась главка на легком стройном барабане. Ритм архитектурных композиций с легкими стройными главками вызывали ощущение гармонии и одухотворенности в окружающем пространстве.

Цоколь здания был сравнительно невысокий, в нем были устроены узкие прямоугольные проемы для вентиляции подполья. Главный западный вход был подчеркнут широким крыльцом-папертью. Центральная ось главного входа была выделена раскреповкой карниза. Имелось два дополнительных входа в боковых стенах ризалитов. Собственно церковь была двухсветной. Все оконные проемы нижнего уровня имели одинаковую прямоугольную форму и были обрамлены простыми рамочными наличниками с большой лобовой доской в виде треугольного фронтона без резьбы. Оконные проемы нижнего уровня были защищены ставнями. Окна второго света были небольшого размера и находились на меньших гранях неравностороннего восьмигранника над четвериком собственно церкви. Для окон была характерна частая расстекловка. В проемах второго света, в фигурной расстекловке присутствуют элементы модерна, которые предполагают витражи, если бы в них были бы вставлены цветные стекла. Углы здания и ризалитов были обработаны глухими пилястрами. Стены были обшиты тесом и покрашены в два цвета. Более светлой краской выделялись наличники, профили карнизов и пилястры,

то есть декоративные детали. Храм отапливался одной чугунной и одной маленькой кирпичной печью. В 1910 г. оценочная стоимость здания составляла 3000 руб. После закрытия храма в советский период здание использовалось как сельский клуб. Впоследствии здание храма было разрушено.

Церковный двор был огорожен высоким штакетником, выкрашенным масляной краской. Парадный вход на территорию храма был оформлен незамысловатым треугольным фронтоном из бруса, увенчанным православным восьмиконечным крестом. По традиции, у южной ограды церкви имелся колодец для утилизации святой воды после крещения. Туда же бросались косы, которые отрезали у мужчин-алтайцев при крещении. В церковной ограде, в юго-западной части усадьбы находилась деревянная церковная сторожка, крытая тесом и состоящая из двух комнат. Она была построена в 1898 г. и в настоящее время находится на историческом месте.

Сразу от западной ограды церкви начиналась усадьба священника, включающая березовую рощу. Дом, построенный в 1870 г., был крыт тесом, имел пять жилых комнат и одну холодную. С южной и восточной сторон дом окружен деревьями. Западный фасад в четыре окна выходил на хозяйственный двор. К северному главному фасаду по центру было пристроено широкое крыльцо и терраса с балюстрадой. Крыльцо имело два марша, один в сторону церкви, другой – на хозяйственный двор. Дом священника, как и церковь, стоял на возвышенном месте. На хоздворе имелись деревянный крытый тесом амбар и такая же баня с кирпичной печью. Кроме указанных построек, на территории миссионерского стана имелись дом дьякона с амбаром, дом псаломщика и школа. Все постройки были деревянными и крыты тесом [6, л. 14]. К началу XX в. в Мыютинском миссионерском стане имелось более десяти миссионерских построек.

Начало исследований остатков храмовых построек Мыютинского миссионерского стана положено в 2000-м г. Тогда нами была совершена первая поездка по Чуйскому тракту с целью выявления мест расположения православных храмов Горного Алтая. В селе Мыюта, по воспоминаниям местных жителей, было установлено место, где располагался Михаило-Архангельский храм Мыютинского миссионерского стана. Это возвышенное место за нынешним сельским клубом, построенным вместо старого клуба, который находился до начала 1970-х гг. в здании бывшего храма.

Рис. 2. Фрагмент бутового фундамента. Фотография 2003 г.

В 2003 г., совместно с д-ром исторических наук П. В. Волковым (Институт археологии и этнографии СО РАН), была осуществлена экспедиция, позволившая провести более детальный поиск и обследование остатков миссионерских храмов. Удалось выяснить, что сохранилась церковная сторожка, а на территории, прилегающей к храму, находились могилы, были и чугунные плиты. Последние были растащены местными жителями для бытовых нужд. Несколько позже нам удалось обнаружить одну из плит (священника Владимира Постникова, ум. 1910 г.). На месте предполагаемой могилы, по указанию местных жителей, был сделан неглубокий шурф. Выяснилось, что в этом месте находится бутовый фундамент разрушенного храма (рис. 2). Было решено в будущем произвести расчистку верхнего слоя грунта для выявления точных размеров фундамента. В октябре 2005 г. были произведены рекогносцировочные работы по поиску остатков Михайло-Архангельской церкви. Для этих целей были использованы методы, применяемые при проведении разведочных работ. Методом визуального осмотра окрестностей, опроса жителей села Мыота и сопоставления данных из архивов, было определено предполагаемое место поиска. В настоящее время - это площадь между жилыми постройками и задним двором сельского клуба, где находится угольная яма. При осмотре данной площадки была замечена каменная кладка из скального рваного камня, которая тянулась по линии восток - запад на протяжении более 5 метров. Это послужило отправной точкой для дальнейшего поиска остатков фундамента церкви.

Основная часть работ по расчистке фундамента церкви и могильных пятен была осуществлена с

4 по 12 июля 2006 г. В результате разведки удалось выяснить основные габариты фундамента и его характеристики. Оказалось, что бутовый фундамент был подведен только под стены средней части храма, а нижние венцы алтарной части и колокольни были положены непосредственно на грунт. Это объяснялось тем, что храм был построен в 1873 г. без фундамента, а в 1903 г. был расширен, и под расширенную часть был подведен фундамент из бутового камня, скрепленного известью. Чтобы определить планиграфию сооружения, были заложены несколько разведочных траншей, которые дали результат, позволивший сделать предварительный план церкви. Сопоставление его с данными архивов дало возможность составить общий план церкви и выяснить внутреннее устройство здания (рис. 3).

В процессе вскрытия грунта в разведочных траншеях постоянно находились материальные остатки в виде битого стекла, древесного тлена, фрагментов бревен, остатки строительного мусора за пределами фундамента и пр. Примечательно то, что в каменной кладке фундамента были найдены два артефакта палеолитического облика. Видимо, строители выделили их и вложили в фундамент. По мнению канд. ист. наук Л. М. Чевалкова, вплоть до начала XX в. в народе было представление о подобного рода вещах как о громовых стрелках, падающих с неба, имеющих «божественное» происхождение и обладающих большими магическими свойствами. Сама каменная кладка образует правильный прямоугольник основной части сооружения. Остальной фундамент изготовлен из лиственничных бревен. Кроме этого, в районе алтаря были обнаружены остатки фундамента печи, который состоял из плотно сбитой и обожженной глины и кирпичей.

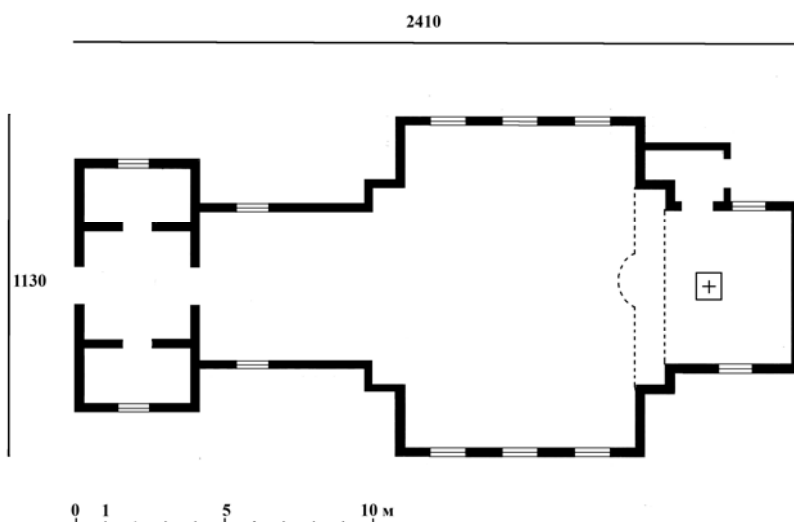

Рис. 3. План храма

При поиске могильных пятен были использованы воспоминания Н. Л. Родионовой-Кумандиной, внуки протоиерея Василия Постникова, сохранившиеся в машинописном виде и полученные нами благодаря д. филол. н. З. С. Казагачевой [5]. В них содержится подробная информация о могилах, находящихся на территории мыотинского храма. Благодаря этим сведениям, за алтарем были обнаружены: могила иерея Владимира Васильевича Постникова (ум. в 1910 г.), левее ее - могильное пятно большего размера (предположительно, могила иерея Иннокентия Степановича Чевалкова, ум. в 1918 г.). Несколько в стороне, к югу - могила купеческой дочери Варвары. В восточной части могильных пятен имелись полуистлевшие остатки надгробных крестов из дерева. Особую сложность представлял поиск группы из трех-четырех могил с южной стороны алтаря (протоиерея Василия Постникова, ум. в 1906 г., его супруги Степаниды, ум. в 1891 г. [2, с. 1], их дочери Ольги с ребенком, умерших при родах). В соответствии с воспоминаниями Н. Л. Родионовой-Кумандиной, была заложена разведочная траншея от южной стены алтаря шириной два метра и длиной 15 м. В непосредственной близости к алтарю находилась яма с остатками гашеной извести, использовавшейся при строительстве нового здания сельского клуба. Далее были обнаружены остатки корней березы, запечатленной на фотографии начала XX в. и основание деревянного столбика церковной ограды. Могильных пятен обнаружено не было. Расширение и удлинение траншеи результатов не принесли. Тогда было принято решение углубить расчистку известковой ямы до ее основания. Срез грунта в верхней части показывал ее строительное происхождение. Засыпка ямы производи-

лась с помощью бульдозера, который, вероятно, снес западную часть бутового фундамента церкви. В итоге, на глубине 1,7 м от существующего уровня земли, фактически под известковой ямой, были обнаружены торцы двух полуистлевших плах, которыми обычно прикрывали гроб покойного перед засыпкой землей. Таким образом, удалось установить, что семейная могила протоиерея Василия Постникова находится в непосредственной близости от остатков фундамента южной стены алтаря Михаило-Архангельской церкви. Планы фундамента храма и погоста представлены на рис. 4.

После проведения расчистки и фиксации ее результатов могильные пятна по просьбе местных жителей были обозначены бутовым камнем. Впоследствии церковный погост был обнесен оградой, установлен памятный крест. Угольный склад, находившийся здесь, был перенесен. По инициативе потомков семьи Постниковых, проживающих в Новосибирске, на месте храма в 2009 – 2011 гг. был построен молитвенный дом в полном соответствии с расположением алтаря бывшего Михаило-Архангельского храма.

В результате проведенного исследования, включающего архивные, этнографические, археологические и искусствоведческие изыскания, восстановлены архитектурный облик и план Михаило-Архангельского храма и погоста, утраченных в результате умышленного уничтожения во второй четверти XX в. На основании выполненной реконструкции может быть восстановлен миссионерский стан как действующий церковный архитектурный комплекс, отражающий черты исторических миссионерских строений конца XIX – нач. XX вв.

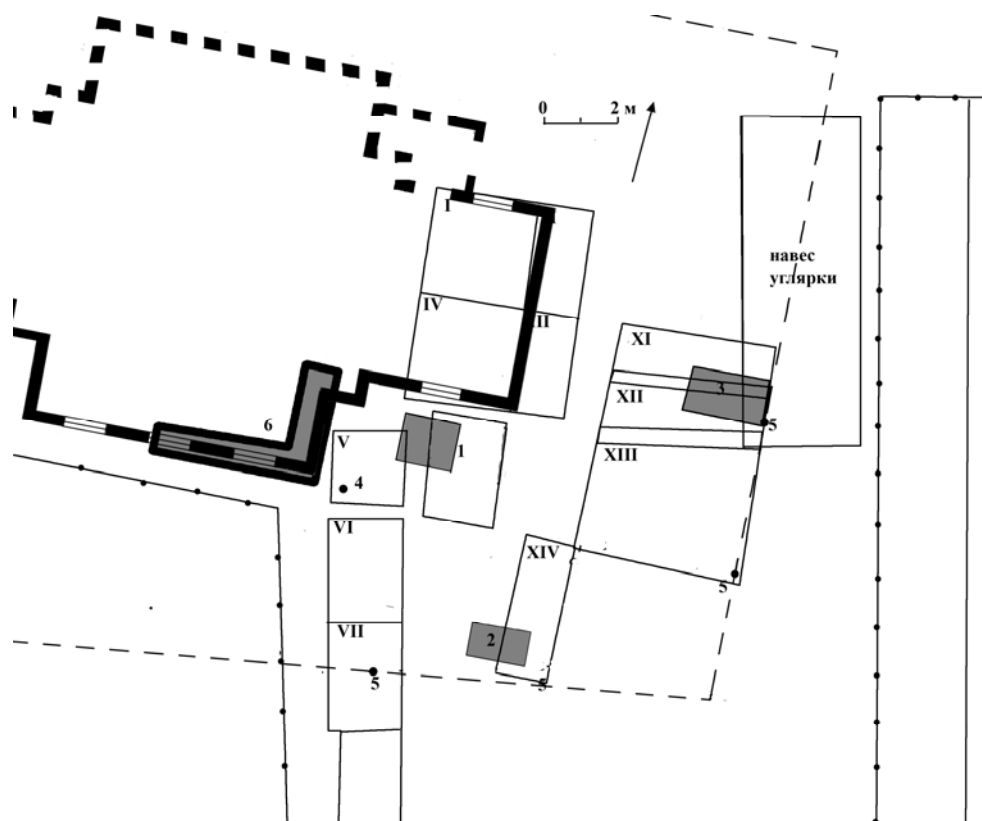

Рис. 4. План церковного погоста:

- 1 - могила прот. Василия Постникова, его супруги и дочери с младенцем;
 2 – могила купеческой дочери Варвары;
 3 – могилы иереев Владимира Постникова и Иннокентия Чевалкова;
 4 – остатки ствола березы;
 5 – остатки деревянных столбов ограды;
 6 – фрагмент бутового фундамента храма

Литература

1. Алтайский государственный краеведческий музей. ОФ. 18929/8.
2. Бенедиктов, П. Из записок Чемальского миссионера, священника Петра Бенедиктова за 1892 год / П. Бенедиктов // Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 году. – Бийск, 1893. – Приложение 1.
3. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 2. Д. 28.
4. Ландышев, С. Из письма прот. Ст. Ландышева к свящ. Н. Д. Лаврову. Из Улалы, от 12 февраля

1847 г. // Памятник трудов благовестников русских с 1793 до 1853 гг. - М., 1857.

5. Родионова-Кумандина, Н. Л. Воспоминания для моих детей (Мир моими глазами). 1971 – 1972 гг. Машинопись. Место хранения: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова / Н. Л. Родионова-Кумандина. – Горно-Алтайск.

6. Российский государственный исторический архив. Ф.799. Оп.33. Д. 2158.

УДК 069.016(571.17)

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЗДАНИЯ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ Г. КЕМЕРОВО
И ИХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ***Е. Е. Леонов***HISTORICAL ASPECT OF CREATION OF SCHOOL MUSEUMS KEMEROVO
AND THEIR CURRENT STATE***E. E. Leonov*

Статья посвящена истории создания и современному состоянию школьных музеев г. Кемерово. Автор предлагает выделить в истории школьных музеев шесть этапов и характеризует особенности каждого этапа, включая будущие перспективы развития сети школьных музеев г. Кемерово.

Article is devoted history of creation and a current state of school museums Kemerovo. The author suggests to allocate six stages in the history of school museums and characterizes features of each stage, including the future prospects of development of a network of school museums Kemerovo.

Ключевые слова: школьные музеи, этапы, проблемы школьных музеев, краеведение, поисковая работа, исследовательская работа.

Keywords: school museums, stages, problems of school museums, study of local lore, search work, research work.

Школьные музеи России в последние десятилетия приобретают всё большую значимость. Они являются не только важным звеном в культурно-образовательном и историческом развитии социально развитой личности, но и приобщают юное поколение к сохранению историко-культурного наследия. В связи с актуализацией развития школьных музеев в современных условиях и проанализировав исторический аспект их деятельности, мы предлагаем выделить свою периодизацию в истории школьных музеев г. Кемерово. Актуальность предложенной периодизации заключается в том, что ранее весь исторический этап школьных музеев не предлагалось выделить в качестве разделения по этапам.

Историю школьных музеев г. Кемерово можно условно разделить на несколько этапов:

1. 1960 – 1970-е гг. – «Становление».
2. 1980-е гг. – «Развитие».
3. Начало 1990-х гг. – «Угасание».
4. 1997 – 2001 гг. – «Возрождение».
5. 2001 – 2008 гг. – «Расцвет».
6. 2008 г. – н. в. – «Движение».

Первый этап связан с появлением школьных музеев в г. Кемерово, что можно охарактеризовать как *этап становления*. Создание первых музеев при школах в этот период не случайно. В это время перед школьными музеями стояла непростая проблема – определение направления поисково-исследовательской деятельности и выбор профиля. Школьные музеи на этом этапе постепенно начинают строиться по отраслевому принципу. Школьные музеи в этот период имели следующие профили: исторический, краеведческий, естественнонаучный, литературный, художественный, музыкальный, театральный, народного творчества. Также школьным музеям было необходимо обеспечить полноту коллекций в соответствии с выбранным профилем. Музеи стремились обеспечить тематическую полноту коллекции, однако здесь была явная проблема – неумение или нежелание проводить серьёзную поисковую и исследовательскую работу. Это приводило

к тому, что многие музеи строились преимущественно на тиражируемом материале, то есть материале, который был типовым для многих музеев соответствующего профиля [7, с. 117].

В г. Кемерово в этот период открываются такие музеи:

- 10 ноября 1968 г. – в школе № 4 им. А. В. Сарыгина, заслуженного лётчика-испытателя СССР;
- 1 сентября 1970 г. – в школе № 16;
- 29 октября 1970 г. – в школе № 5;
- 12 мая 1974 г. – в школе № 31;
- 26 мая 1975 г. – в школе № 89;
- 1 сентября 1976 г. – в школе № 12;
- 19 февраля 1979 г. – в школе № 89 [13, с. 3 – 152].

В это время музеи при школах только начинают усиливать работу по развитию истории внутри школы и приобщению к ней обучающихся. Руководителями музеев становятся энтузиасты, что было характерно не только для этого времени. Отсутствие специалистов в работе школьных музеев прослеживалось на протяжении всего исторического развития [8, с. 65].

В это время школьные музеи начинали приобретать популярность, к ним появляется интерес. Хотя очевидно и то, что появление школьных музеев в г. Кемерово не является фактом уникальным и вызвано лишь «музейным бумом» по всей стране. Поэтому музеи при школах в отдельно взятом регионе не выделялись на фоне развития школьных музеев по стране в целом. Они находились в своеобразном состоянии поиска своего места в «музейном мире». Важно было понять – для чего они нужны? Что требуется от школьного музея? На осознание этого ушло несколько лет, что вполне очевидно, поскольку этап осознания протекал гораздо сложнее этапа развития.

К середине 1980-х гг. в России сформировалась весьма обширная сеть школьных музеев – четыре с половиной тысячи. В количественном отношении они стали преобладать над всеми другими группами музеев, образующими структуру музейной сети страны [7, с. 119 – 120]. В г. Кемерово это время можно условно назвать *этапом развития*. Этот этап логически наступил после завершения процесса осознания роли школьных музеев. Стало очевидно место музея в жизнедеятельности страны – школьный музей был призван занять место в качестве звена по воспитанию исторического самосознания, также влиять на социализацию школьников. Перед музеем ставилась задача не только воспитывать патриотизм у подрастающего поколения, но приобщать любовь к истории и краеведению, что раньше не бралось за основу. В это время в г. Кемерово появляются музеи в школах №№ 44, 24, 74, 11, 18 [13, с. 3 – 152].

Однако в начале 1990-х гг. школьные музеи пережили серьёзный кризис (*этап угасания*), который вытекал из ситуации в стране. Хотя кризис не коснулся крупных музеев, которые продолжали открываться и развиваться по всей стране. Школьные музеи от политической ситуации пострадали гораздо сильнее. Многие из них просто закрывали, а экспонаты выбрасывали или выкрадывали. Коснулось это и музеев школ г. Кемерово. Тем не менее в это время открывается несколько новых музеев, которые сумели пережить волну кризиса. Это музеи школ №№ 19, 54, 55 [13, с. 3 – 152]. Новые школьные музеи в этот период открывались благодаря действиям энтузиастов, которые за счёт собственных усилий искали пути для продолжения краеведческой работы в рамках школьной системы образования.

За последние годы, в связи с повышением роли гражданского и патриотического воспитания в становлении личности, усилился интерес к работе школьных музеев, которые выступают как хранители памяти и истории родного края. Однако за последние десятилетия, под влиянием новых моделей построения структуры воспитания подрастающего поколения, школьные музеи были частично вытеснены за пределы единой модели влияния на социализацию исторического самосознания личности, закладываемую в школе и, в частности, в школьном музее.

Во второй половине 1990-х гг. школьные музеи в г. Кемерово переживают *этап возрождения*. В этот период, который условно можно выделить 1997 – 2001 гг., открывается много новых музеев в школах. За 4 года было открыто более 15 музеев в школах всех районов города [13, с. 3 – 152].

Хотя к 1998 г. в г. Кемерово осталось лишь 15 школьных музеев. Это музеи школ №№ 4, 5, 11, 12, 16, 18, 24, 26, 31, 44, 50, 54, 60, 74, 89 [13, с. 3 – 152]. А по данным на 1 сентября 1998 г., в городе насчитывается уже 17 музеев [12, с. 3]. За период в четыре года в деятельности школьных музеев наметился баланс, которого не наблюдалось за все предыдущие годы.

К этому времени в городе был взят курс за популяризацию роли школьных музеев и их воссоздание как единого звена по работе с историко-культурным наследием. Такая политика привела к появлению ряда новых музеев при школах. За два года (период 1998 – 1999 гг.) в школах города открываются новые музеи. Это музеи школ №№ 49, 55, 71, 90, 96, 70, 15, 94, 34, 42, 48, 35, 99 [13, с. 3 – 152].

Все музеи города имеют разные профили:

- военно-исторические (музеи школ №№ 4, 5, 12, 16, 26, 44, 50, 54, 60, 74, 89);
- краеведческие (музеи школ №№ 11, 35);
- народного быта и культуры (музеи школ №№ 48, 49, 55);
- истории школы, народного образования и детских организаций (музеи школ №№ 42, 94, 90, 99, 71, 15, 96, 70, 34, 31 [13, с. 3 – 152].

Несмотря на указанный перечень профилей школьных музеев, они не ограничиваются им в своей деятельности. В каждом музее, по возможности, есть экспозиции по истории школы и Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

К началу XXI в. школьными музеями города был проделан огромный объём работы, накоплен богатейший опыт военно-патриотического и гражданского воспитания. Большое значение имеют традиционные мероприятия, которые проводятся во всех школах города. Стоит заметить, что в школах, где есть музеи, работа по проведению гражданско-патриотических мероприятий носит более системный характер. К традиционным мероприятиям по гражданско-патриотическому воспитанию в эти годы относятся:

- месячник защитников Отечества;
- встречи с ветеранами Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.;
- праздники, посвященные знаменательным датам Великой Отечественной войны;
- уроки мужества;
- викторины и др. [5, с. 40 – 41].

Коллектив каждой школы и активисты музеев, используя традиционные формы гражданско-патриотического воспитания, вносят в них особенности своей школы, что помогает внедрить новые черты в работу по повышению чувства патриотизма у подрастающего поколения.

Период 2001 – 2008 гг. смело можно назвать *этапом расцвета* в истории школьных музеев г. Кемерово. За 7 лет было открыто около 40 новых школьных музеев [13, с. 3 – 152].

На 1 сентября 2003 г., по данным Управления образования, в городе насчитывалось 54 школьных музея, а к 9 мая 2005 г., 60-летию Победы, музеи были открыты практически во всех общеобразовательных учреждениях. За период 2000 – 2005 гг. созданы и функционируют музеи в следующих образовательных учреждениях:

- в общеобразовательных школах – 73 музея;

- в учреждениях дополнительного образования – 8 музеев;
- в дошкольных образовательных учреждениях – 8 мини-музеев.

Однако школьные музеи имеют и ряд проблем. В конце XX – начале XXI вв. наиболее отчётливо стоят две проблемы:

1. Проблема кадров. К этому времени не определен статус руководителя школьного музея и оплата его труда. Обязанности руководителя школьного музея возлагаются на педагога дополнительного образования.

2. Проблема финансирования музея. Школьные музеи практически не получают средств на сохранение экспонатов в надлежащем состоянии и развитие экспозиционной работы.

С начала XXI в. уделяется больше внимания методической подготовке руководителей школьных музеев, для которых организовываются курсы по повышению образовательного уровня в музейном деле. В 2000 и 2001 гг. были организованы курсы под общим названием «Школьный музей в системе воспитательной работы в школе» [12, с. 5 – 6].

Курсы способствовали обновлению экспозиции музеев, правильному оформлению музейной документации, учёту и хранению школьных музеев. Всем музеям был выдан паспорт на 10 лет, в котором подробно отражена характеристика музея. На основе паспортизации была составлена городская картотека школьных музеев. Каждый год руководители музеев получают рекомендации по планированию на новый год с учётом всех юбилейных дат и памятных дней России [12, с. 5 – 6].

Большую роль в организации функционирования школьных музеев играет методическая учёба руководителей школьных музеев и учёба актива. Именно с начала XX в. начинается практика семинарских занятий. Проходили семинары-практикумы на базе лучших школьных музеев под общей темой: «Формы работы школьного музея». За период 2003 – 2008 гг. было проведено 30 таких семинаров.

Школьные музеи по-настоящему превратились в центры патриотического воспитания в школах города. В своей работе музеи используют разнообразные формы работы: экскурсии, конференции, круглые столы, праздники, уроки мужества, конкурсы, викторины, встречи с ветеранами, предметные уроки на базе музея.

Например, за 2002/03 учебный год (пик развития школьных музеев города) школьными музеями было проведено [12, с. 5 – 6] (табл.).

С 2007 г. в городе в результате реструктуризации школ были закрыты некоторые учебные заведения, что привело и к ликвидации в них музеев. В разные годы были закрыты школы №№ 14, 47, 4. Экспонаты музеев закрытых школ были переданы в другие школьные музеи. Так, например, экспонаты музея школы № 47 переданы на хранение в музей школы № 65, а музея школы № 4 – в музей школы № 10.

Таблица

Вид культурно-образовательной деятельности	Проведено	Участвовало
Экскурсий	более 1200	более 30 тыс.
Конференций	04	более 15 тыс.
Праздников	30	более 14 тыс.
Уроков мужества	20	более 22 тыс.
Конкурсов, викторин	50	более 42 тыс.
Встреч	20	более 42 тыс.
Предметных уроков	12	более 10 тыс.

В 2008 г. начинается новый период в истории школьных музеев. Этот период можно назвать *этапом движения*. В это время происходит смена кадрового состава сотрудников по работе со школьными музеями, что неизбежно привело к смене ориентиров. Был учтён положительный и отрицательный опыт прежних лет, основанный на мнениях самих руководителей школьных музеев и специалистов музейного дела, что привело к изменению программы по патриотическому воспитанию (программа по гражданскому и патриотическому воспитанию «Я – Кемеровчанин») и форме проведения городских массовых мероприятий.

На 1 сентября 2008 г. в городе, по данным Управления образования, насчитывается 73 школьных музея. Определился основной профиль школьных музеев – историко-краеведческий. Экспозиции всех музеев состояли из трёх основных разделов – история школы, военная история, краеведение. Это придавало комплексный характер всей поисково-сборательской, фондовой и экскурсионно-просветительской деятельности музея.

Главной особенностью этого периода является формирование системы школьных музеев города. Система прослеживается и в работе музеев. Появляются планы семинарских занятий на весь учебный год, планы работы каждого школьного музея являются важным аспектом деятельности для руководителя музея. К работе со школьными музеями привлекаются специалисты музейного дела города, которые проводят семинарские занятия с руководителями этих музеев и участвуют в проведении всех крупных мероприятий: конференциях, смотрах, олимпиадах и др.

С 2009 г. возобновляется система проведения семинаров-практикумов для руководителей школьных музеев. Частично меняется тематика проведения таких занятий. С января по май 2009 г. было проведено четыре семинарских занятия:

- понятие «музей», «школьный музей». Основные признаки школьного музея;
- нормативно-правовые основы деятельности школьного музея;
- научно-фондовая работа музея. Формы и виды поисково-исследовательской работы;
- экспозиционно-выставочная деятельность музея.

В 2009 – 2010 учебном году тематика семинарских занятий осталась прежней. За год было проведено четыре семинарских занятия по тем же темам, что объясняется проблемой текучки кадров руководителей школьных музеев, в результате чего было принято решение повторного воспроизведения тем прежних семинаров.

С 2009 г. были внесены изменения в общегородской план проведения крупных городских мероприятий и в саму форму их проведения. С этого времени в основе единой программы общегородских мероприятий основными считаются:

- Олимпиада юных музееведов и экскурсоводов (проводится 1 раз в 2 года, чередуется с конференцией «Я – Кемеровчанин»; декабрь);
- Конференция «Я – Кемеровчанин» (проводится 1 раз в 2 года, чередуется с Олимпиадой юных музееведов и экскурсоводов; декабрь);
- Смотр-конкурс школьных музеев (1 раз в 3 года; март);
- Сбор активистов школьных музеев (каждый год; апрель/май);
- Слёт активистов школьных музеев (1 раз в 5 лет; апрель/май) [1], [2].

В 2009 г. частично были внесены изменения в положение о проведении Олимпиады юных музееведов и экскурсоводов (IV Городская Олимпиада юных музееведов и экскурсоводов «Равняемся на Героев Победы»). В основе Олимпиады – командная соревновательная система, содержащая в себе прохождение за время четырёх станций: экскурсионную, экспозиционную, поисковую, фондовую [1], [2].

В 2010 г. были внесены изменения в проведение конференции «Я – Кемеровчанин» (IV Городская поисково-краеведческая конференция «Я – Кемеровчанин»). Были повышены требования к выступающим и представленным ими работам, в составе жюри были специалисты музейного дела, кандидаты наук и преподаватели вузов, заслуженные работники культуры РФ, аспиранты и студенты специальности «Музейное дело и охрана памятников». Изменения коснулись как требований, так и формы проведения, где изменены названия секций. На конференции было представлено четыре секции: «Страницы истории города», «История образования», «Родословие», «Музейное дело». Требования были максимально приближены к Всероссийской конференции, чтобы лучше подготовить участников к максимально сложным условиям выступления [3], [4].

В г. Кемерово к январю 2010 г., по данным Управления образования, насчитывается 71 школьный музей. Из них 8 носят звание «Народный музей» и 32 – звание «Отличный музей».

К 2010 году школьные музеи г. Кемерово накопили огромный опыт работы по всем направлениям гражданско-патриотического воспитания. Благодаря активной, целенаправленной поисково-исследовательской работе, сегодня в музеях хранится более

15 тысяч подлинных материалов, имеющих историческую ценность, отражающих историю народного образования города, историю предприятий. Это и предметы народного быта, культуры, произведения работников искусства города, экспонаты, отражающие этнографию края, археологию, геологию, флору и фауну Кузбасса. Все они в совокупности имеют огромное значение в воспитании и обучении подрастающего поколения, потому что «музей правомерно считать институтом социально-культурной деятельности, дополняющим и углубляющим работу учебно-воспитательных учреждений, включающим экскурсовода и посетителя в субъект-объектные отношения, реализующим свои образовательно-воспитательные возможности при помощи средств педагогики сотворчества». В школьном музее знания приобретаются апостериори, поэтому эффективность ассоциативного воздействия экспозиционной архитектурой на подсознание социально грамотной личности является весьма важной особенностью в работе любого музея.

В 2010/2011 учебном году вновь были внесены изменения в план проведения семинарских занятий. По новому плану работы считается необходимым провести восемь семинарских занятий и два мастер-класса в один учебный год. По статистике это наибольшее количество семинарских занятий. В предыдущие годы семинары проводились на базе лучших школьных музеев. С 2010/2011 учебного года было решено проводить семинарские занятия на базе лучших музеев города, представители которых проводят семинарское занятие по определённой заранее теме, и на базе лучших школьных музеев города. По плану на текущий учебный год перечень семинарских занятий включает в себя следующие темы:

- экскурсионная деятельность школьных музеев;
- фондовая работа школьного музея;
- эстетика оформления экспозиции;
- экспозиционно-выставочная деятельность музея;
- музейно-образовательная программа;
- экскурсионная работа. Этикетаж в музее;
- нормативно-правовые основы деятельности школьного музея. Документация музеев;
- история музейного дела.

Мастер-классы будут проведены по следующим темам:

- заполнение инвентарной книги в школьном музее;
- методика проведения экскурсий.

В 2011/2012 учебном году планируются очередные изменения в проведении городских массовых мероприятий. Конференция «Я – Кемеровчанин» станет ежегодной и будет проводиться в апреле, а сбор активистов школьных музеев будет ликвидирован как форма. Это позволит сконцентриро-

вать больше внимания на подготовку участников конференции, победители которой отправляются на областную туристско-краеведческую конференцию «Живи, шахтёрская земля!», а наиболее интересные работы рекомендуются для выступления на Городской научной конференции «Балибаловские чтения».

По данным Управления образования, на 1 января 2011 г. в г. Кемерово насчитывается 68 школьных музеев, из них 8 носят звание «народный музей» и 34 – звание «отличный музей», 30 школьным музеям присвоены имена выдающихся соотечественников.

По сравнению с концом XX в., развитие школьных музеев г. Кемерово по-прежнему имеет ряд проблем:

1. Проблема кадров. Несмотря на прошедшее десятилетие, в работе школьных музеев не удалось полностью решить эту проблему. Даже с учётом выделения ставки руководителя школьного музея, проблема должной оплаты труда остаётся не решённой. В результате этого возникает проблема с привлечением кадров для работы в школьных музеях.

2. Проблема финансирования. Школьные музеи не имеют чёткой базы финансирования, несмотря на то, что требования к их работе остаются повышенными, требующими немалых финансовых затрат.

3. Проблема привлечения специалистов музейного дела. Проблема, которая не возникала так остро в прежние годы. На современном этапе к работе со школьными музеями привлекаются специалисты музейного дела, однако финансовая сторона вопроса за проделанный объём работы остаётся открытой.

Мы выделяем три наиболее острые проблемы в работе школьных музеев, хотя помимо указанных проблем есть немало трудностей, препятствующих качественной работе школьных музеев. Несмотря на все трудности, опыт показывает, что в работе школьных музеев г. Кемерово за последние годы наметились сдвиги в положительную сторону. Школьные музеи г. Кемерово на сегодняшний день представляют собой единую систему, объединённую через курирующую организацию – Муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Центр дополнительного образования детей им. В. Волошиной», работа которой соединена с Управлением образования г. Кемерово. Особенность системы не нова, поскольку форма курирующей работу школьных музеев организации представляется наиболее эффективной. Через единую головную систему осуществляется не только контроль за работой каждого школьного музея, но и за формой работы с активом школьного музея, эффективность которой показывает участие музеев в городских массовых мероприятиях.

Такая форма работы школьного музея является чрезвычайно важной, поскольку в ней, в отличие от других музеев, превалирует учебно-воспитательное начало, так как его аудиторией являются дети и подростки. Через экскурсионно-просветительскую

деятельность «музей... позволяет закрепить и углубить имеющиеся знания, преобразовать их в соответствующие убеждения. Этому способствуют два принципиально важных фактора: во-первых, в центре музейного педагогического процесса всегда находится подлинник истории и культуры; во-вторых, здесь проявляется феномен единства информационно-логического и эмоционально-образного воздействия на разум и чувства посетителя. В музее информация приобретает наглядность, образность, активизирует визуальное мышление».

Таким образом, можно отметить, что школьные музеи г. Кемерово развиваются быстрыми темпами. Небывалый рост числа школьных музеев объясняется заинтересованностью местных властей в патриотическом воспитании молодёжи. Именно музеи выполняют функции воспитания и пропаганды знаний.

Из истории культурно-образовательной деятельности школьных музеев г. Кемерово мы выделяем наиболее важные особенности:

– на начальном этапе становления и развития школьные музеи были направлены на образовательный процесс;

– деятельность школьных музеев зависит от политики и идеологии государственной власти и местного административно-хозяйственного управления;

– школьные музеи играют важное значение в подготовке специалистов в области музейного дела и смежных профессий;

– темпы и уровень развития школьных музеев зависят от специфики региона;

– школьные музеи на современном этапе сделали качественный шаг вперёд, о чём свидетельствуют результаты их культурно-образовательной деятельности и темпы развития.

Источники

1. Положение о проведении III Городской Олимпиады юных музейщиков и экскурсоводов. – Кемерово, 2007.

2. Положение о проведении IV Городской Олимпиады юных музейщиков и экскурсоводов «Равняемся на Героев Победы». – Кемерово, 2009.

3. Положение о проведении III Городской поисково-краеведческой конференции «Я – Кемеровчанин». – Кемерово, 2008.

4. Положение о проведении IV Городской поисково-краеведческой конференции «Я – Кемеровчанин». – Кемерово, 2010.

Литература

5. Горбунов, В. С. Школьные музеи г. Кемерово в 1998 – 1999 учебном году [Текст] / В. С. Горбунов // Вестник воспитания. Официальное справочно-информационное издание НМЦ г. Кемерово. – 1999. – № 2. – С. 40 – 46.

6. Горбунов, В. С. Школьный музей и воспитание патриотизма [Текст] / В. С. Горбунов // Вос-

питание школьников. – Кемерово, 2007. – № 5. – С. 3 – 21.

7. Евтушенко, С. В. Школьные музеи Москвы: перспективы развития [Текст]: материалы научно-практических семинаров музейных работников по теме «Музей и дети» в гг. Москве и Сыктывкаре 1995 г. / С. В. Евтушенко. – М., 1996. – С. 110 – 121.

8. История музейного дела в СССР: сборник статей [Текст]. – М.: Роскультиздат, 1957. – 192 с.

9. Музей и школа: пособ. для учителя [Текст] / Е. Г. Ванслова, А. К. Ломунова, Э. А. Павлюченко и др.; сост. Э. А. Павлюченко; под общ. ред. Т. А. Кудриной. – М.: Просвещение, 1985. – 224 с.

10. Очерки истории музейного дела в России [Текст]. – М.: Сов. Россия, 1960. – 166 с.

11. Положение о школьном музее [Текст] // Преподавание истории в школе. – М., 1975. – № 2. – С. 12 – 14.

12. Школьное музееведение: методические материалы в помощь руководителям школьных музеев [Текст] / сост. В. С. Горбунов; под ред. Н. А. Черновой. 1 ч. – Кемерово: МОУ ДПО «НМЦ», 2004. – 164 с.

13. Школьные музеи г. Кемерово: путеводитель [Текст]. – Юрга: Новая типография, 2008. – 152 с.

14. Яхно, Ю. Б. Школьный музей как составляющая открытого образовательного пространства / Ю. Б. Яхно [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php/article=53> (дата обращения: 20.03.2009).

УДК 94(571.17):614.2-058.56 "1941/1945"

ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ КУЗБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е. В. Никифорова

THE PROBLEMS OF MEDICAL CARE OF KUZBASS PRISONERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. V. Nikiforova

В данной статье автор рассказывает о медицинском обслуживании заключенных Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Выполнение трудовых планов, поставленных перед лагерем являлось первоочередной задачей для администрации исправительных учреждений. На этом фоне сохранению физического здоровья заключенных отводилась второстепенная роль.

The author of this article tells about medical care of Kuzbass prisoners during the Great Patriotic War. The primary task of administrative correctional facilities was the execution of plans posed to the camp. In this situation, taking care of physical health of prisoners was on the second place.

Ключевые слова: заключенные, медицинское обслуживание, инвалиды, санитарно-бытовые условия, Кузбасс, Великая Отечественная война.

Keywords: prisoners, medical care, disabled people, conditions of sanitary and life, Kuzbass, the Great Patriotic War.

В военное время в стране наблюдался демографический кризис, который таил в себе серьезную угрозу. Армейские мобилизации, эпидемии, плохое питание, тяжелый труд, болезни, вызванное ими вымирание населения могли сорвать оборонное производство, без которого страна была бы обречена на поражение [9, с. 115].

В связи с этим свою особую актуальную роль начинает играть труд подневольных рабочих. Однако деятельность здравоохранения сибирских лагерей в чрезвычайных условиях относится к малоизученным страницам краевой истории.

Великая Отечественная война крайне усугубила положение заключенных, особенно в плане материально-бытового обеспечения и медицинского обслуживания. Виной тому стала массовая эвакуация лагерных материальных ценностей на нужды обороны и постоянный рост передвижения осужденных, что вызвало большую их концентрацию в учреждениях по месту их новой дислокации [5, с. 232].

Часть производств Сибирского лагеря находилась в труднодоступных местностях Кузбасса. В суровом климате, здесь порой было сложно наладить безопасную организацию труда, что влекло случаи физических увечий на производстве и в быту. Кроме того, в июле 1942 г. начальник ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкин разъяснял, что администрации лагерей дано право при необходимости сокращать количество дней отдыха заключенным, занятым в сельском хозяйстве в период посевной и уборочной кампаний. Продолжительность рабочего дня для невольников устанавливалась в 11 часов. Кроме тяжелого рабского труда, серьезной проблемой для качественного медицинского обслуживания являлись существовавшие в лагере санитарно-бытовые условия.

Как отмечалось на очередном совещании представителей администрации Сиблага НКВД, «Л. П. Берия в своем приказе № 0033 требует от нас сохранить и улучшить физическое состояние заклю-

ченных [3, Д. 12, л. 7]». Однако на том же совещании констатировались факты досрочной выписки людей из санчасти, наличие некачественной питьевой воды, выводы больных людей на работы. Что, в свою очередь, вело к тому, что увеличивалось количество заключенных, не способных к труду по состоянию здоровья [3, Д. 12, л. 8 об.]. Вследствие этого, во многих подразделениях Кузбасса до 50 % работников выходило из производственного строя. Такие случаи наблюдались в Антибесском, Бериккульском, Сусловском отделениях и Летажском Отдельном лагерном пункте [3, Д. 10, л. 5 об.].

Для администрации места заключения, решение проблем санитарно-бытового обслуживания контингента не являлась первоочередной задачей. Убыль рабочей силы в связи с огромной смертностью компенсировалась поступлением новых этапов. К тому же практика постоянной переброски заключенных между подразделениями приводила к незаинтересованности начальства лагерных подразделений в его оздоровлении, так на 1944 год текучесть контингента в Сиблаге достигала 70 % [3, Д. 17, л. 53].

В годы войны ужесточался режим, увеличивались нормы выработки, вводилось продление рабочего дня. Последовательно уменьшались нормы питания, которые и в мирное время были невелики [11, с. 16]. Это сразу же привело к резкому увеличению смертности [8]. По приказу № 315 от 6 июня 1943 года, всех больных, хроников и инвалидов, находящихся в полустационарах, требовалось кормить по более высокому – второму котлу с выдачей 600 г. хлеба. Остальных больных, не подлежащих по своему физическому состоянию переводу в лечучреждения, зачислять на довольствие по норме № 1, с выдачей 400 г. хлеба [1, Д. 10, л. 20].

В этой ситуации, когда каждые рабочие руки были на счету, необходимо было заботиться о физическом состоянии подневольных людей. Важным аспектом проблемы выживания заключенных являлось оказание своевременной и квалифицированной медицинской помощи. Однако, уделяя основное внимание соблюдению режима и выполнению производственного плана, лагерное руководство отводило медицине второстепенную роль. Указания из Москвы противоречили друг другу: с одной стороны, необходимо было оздоравливать людей, с другой – выполнять поставленные сверху производственные планы.

С того момента, как власть в НКВД перешла к Л. П. Берии, в системе ГУЛАГа систематически проводилось массовое перераспределение заключенных. Лагеря различной направленности – строительные, лесные, рудодобывающие – освобождались от контингента не способного к физическому труду, – инвалидов и ослабленных заключенных. Таких заключенных поставляли в оздоровительные лагеря, где практиковались более легкие условия труда, что должно было способствовать постепенному восстановлению здоровья узника.

Лагерная практика привлечения на некоторые административные должности заключенных распространялась и на медицинских работников, что было

связано с нехваткой собственных медицинских кадров. К таким должностям обычно привлекались заключенные, отбывавшие свой срок за бытовые преступления. Но в своей работе врач должен был руководствоваться потребностями лагеря в определенном количестве рабочей силы, необходимой для выполнения производственного плана. В местах заключения обычно существовал лимит на освобождение от работы, превышение которого грозило опасными последствиями для заключенного на должности медика: его могли посадить в карцер, перевести в другой лагерь или направить на общие работы [14].

Особенностью лагерной медслужбы было то, что местный медперсонал, многие работники которого были заключенными, постоянно находился под давлением со стороны лагерного начальства, требовавшего не допустить каких-либо остановок производства, и поэтому серьезные заболевания, такие, как чесотка, венерические болезни, туберкулез и другие, игнорировались до тех пор, пока уровень инфицированности резко не возрастал.

На этом фоне еще очевиднее становится героизм лагерных врачей, которые, несмотря на отсутствие средств и возможностей, с полной самоотдачей, нередко с невероятной изобретательностью, героически старались помочь своим борющимся за жизнь товарищам по несчастью [14].

Проблемой для медперсонала были инфекционные заболевания, в первую очередь, кожные и желудочно-кишечные. На протяжении всего времени существования лагеря на его территории шла постоянная борьба с переносчиками опасных заболеваний – крысами и мышами.

Результатом плохих санитарно-бытовых условий содержания заключенных (недостаток мыла и чистого белья, нехватка бань, скученность контингента) в Сибирском исправительно-трудовом лагере явилось распространение вшивости среди узников [3, Д. 6, л. 54 об.]. Также постоянно шла борьба с такими насекомыми-паразитами, как клопы и тараканы.

Туберкулезом заболевали преимущественно лица в возрасте до 40 лет. Заболеваемость сопровождалась большой смертностью. В год смертность от туберкулеза легких составляла в среднем 5,5 %, и Сиблаг, вместе с такими лагерями как Краслаг, Темлаг и т. д., имел высокие показатели смертности от этого заболевания [11, с. 46]. Имевшиеся перебои с питанием, недостаточное введение белков в пищевом рационе заключенных не могли не вызвать вспышек авитаминозов (пеллагры). Показатель смертности от пеллагры, по сравнению с уровнем смертности от других заболеваний составил только в 1942 году в Сиблаге 73 % [11, с. 48].

Кроме того, среди причин смертности свою роль играл неправильно поставленный диагноз. Под действием голода, пеллагры, физического истощения и психического перенапряжения, клиническая картина многих заболеваний резко менялась, а некоторые болезни протекали совершенно незамеченными.

В Сиблаге на 1943 г. действовало 59 амбулаторий, 44 стационара на 1600 человек, центральный госпиталь на 200 коек, 32 полустационара на 500 мест и 3 оздоровительно-профилактических пункта на 270 мест [3, Д. 13-а, л. 7] на приблизительно 30000 заключенных. Имелись также специальные оздоровительно-профилактические пункты.

Оздоровительные пункты были образованы еще до войны под названием слабосильных команд или оздоровительно-профилактических пунктов. С началом войны они были ликвидированы, но из-за резкого ухудшения состояния здоровья заключенных их пришлось вновь открыть в 1942 году [10].

В 1944 г., после наведения определенного порядка, специальные оздоровительно-профилактические пункты и оздоровительные команды действовали в 22 подразделениях Сибирского лагеря. Они предназначались для проведения оздоровительных мероприятий среди заключенных, улучшения их физического состояния. Сюда направлялись отличники производства, ударники и лица, систематически выполняющие и перевыполняющие производственные нормы. Пунктам выделялись лучшие из помещений. Срок пребывания в них составлял 2 недели. Распорядок дня предусматривал подъем в 7 часов, уборку помещений – 30 минут, завтрак – 30 минут, медосмотр и лечебные процедуры – с 8-30 до 10-30. К передовикам вскоре добавились заключенные с резко выраженным истощением, перенесшие тяжелое заболевание или сложные операции.

Центральный госпиталь в связи с переездом Управления Сиблага НКВД в г. Мариинск, а также в целях улучшения своей работы был выделен в самостоятельную единицу. При нем в Баимском Отдельном лагерном пункте действовал психоизолятор. На местах – родильные комнаты [1, Д. 10. л. 22]. Тяжесть положения в лагерном здравоохранении усугублялась тем, что медики были не подготовлены к приему больных и ослабленных заключенных, численность которых постоянно росла в прибывающих этапах. Врачи оказывались беспомощными перед болезнями, которые там свирепствовали: сыпной тиф, авитаминоз, дизентерия. Частыми случаями были обморожения, разного рода увечья, грыжи, непроходимость кишечника, гнойные инфильтраты и другие болезни, требующие хирургического вмешательства [13].

Лагерные медики нередко становились «крайними», неся ответственность за неудовлетворительные условия содержания, недостаточное питание и чрезмерное физическое использование контингента. При этом следует иметь в виду случаи негативного отношения самих невольников к проводимым санитарной службой лечебно-профилактическим мероприятиям, так как заключенные нередко не только не желали улучшить свое здоровье, но, напротив, всячески стремились усугубить свое болезненное состояние, надеясь таким образом получить возможность освобождения от работ и направления в лечебное учреждение для поправки здоровья с лучшими условиями питания, а также досрочное освобождение от наказания [11, с. 16].

Рецидивисты, стремясь уклониться от работы, особенно на лесозаготовках, добиться досрочного освобождения, попасть на длительный срок в больницу для лечения или выполнения какого-либо задания преступного мира, рубили себе пальцы, руки, ноги, засыпали глаза чернильным порошком из карандаша, делали искусственные флегмоны, разными способами вызывали обострение имеющихся хронических заболеваний или вызывали острое воспаление разных органов, приводящее их нередко к инвалидности, заглатывали гвозди, соски от умывальников, термометры, шпингалеты, вскрывали себе вены и пр. [10].

В этой ситуации медицинский персонал ГУЛАГа должен был обеспечить наибольшее количество людей, годных для использования на основном производстве. Компетентность этого персонала оценивалась при помощи процентных показателей смертности и заболеваемости, количеству неработающих и нетрудоспособных заключенных. Тем не менее сочетание плохих жизненных условий и тяжелой физической работы приводило к тому, что количество больных постоянно превышало допустимую норму [6, 193]. Администрация мест заключения, обязанная контролировать своевременное выполнение планов, поставленных перед лагерем, нередко боролась с этим явлением путем увеличения производственных норм на оставшуюся часть контингента. Усиление эксплуатации здорового контингента, в свою очередь, приводило к его постепенному ослаблению и необходимости медицинской помощи. В результате к тяжелому труду нередко привлекались ослабленные заключенные и инвалиды [3, Д. 1. л. 9].

Из-за нехватки медикаментов, недостатка больниц и лазаретов, рентгенаппаратов, физиоаппаратуры, лабораторного оборудования [3, Д. 17. л. 53], врачей и среднего медицинского персонала узники порой были лишены самой элементарной медицинской помощи. Врачебная помощь в условиях войны не всегда была своевременной из-за транспортных затруднений, что приводило к дефициту лекарственной продукции не только в лагерных медучреждениях, но и в больницах области. В конце 1942 года из-за нехватки лекарственных средств лагерное руководство принимает решение открыть опытную фармакологическую лабораторию санитарного отделения для приготовления лекарственных веществ [13, с. 93 – 94]. Среди заключенных каждое лето организовывались бригады по сбору лекарственных трав [3, Д. 13-а. л. 5]. Но подобные меры не могли решить всех проблем оздоровления контингента.

Часто осужденные, прибывшие на место отбытия своего наказания, сразу попадали в больницу. За счет этого терялась рабочая сила в лагерях. Это было связано с тем, что инфекционная заболеваемость концентрировалась главным образом вдоль железнодорожных магистралей. Основная причина быстрого распространения такой заболеваемости – перемещения населения по территории страны, которые, на фоне слабости санитарного контроля, недостаточной медицинской помощи и пониженной естест-

венной сопротивляемости большинства людей, создавали условия для переноса инфекций из одних районов страны в другие.

В «Отчете о работе политотдела Томской железной дороги» за октябрь 1941 г. его начальник И. Мошук писал: «Медпомощь организована плохо... Проходящие эшелоны с эвакуированным населением находятся в антисанитарном состоянии, отмечается высокий процент завшивленности, санобработке в пути следования и в местах разгрузки не подвергаются... Питание эвакуированных организовано крайне неудовлетворительно...» [Цит. по: 9, с. 126]. Так что, если обычные люди в поездах не могли быть обеспечены надлежащими санитарно-бытовыми условиями, то, что говорить о заключенных. Так, в 1942 году эпидемия сыпного тифа вспыхнула в Антибесском отделении, где количество заболевших достигло 44 человека. Источником болезни явились прибывшие в Сиблаг новые этапы заключенных [2, с. 452]. Также с этапами в лагерь поступало большое количество заключенных больных пеллагрой, нередко эта цифра достигала 60 % [3, Д. 12. л. 51].

После прибытия эшелона в лагерь люди помещались в карантин. По окончании карантина врачебно-трудкомиссия определяла категорию физического труда каждому заключенному. Исходя из медицинской пригодности спецконтингента, все рабочие процессы, характерные для производительного профиля того или иного лагеря, были разбиты по степени тяжести на тяжелые, средние и легкие [4, Д. 77, л. 26 – 27].

Здоровым людям устанавливалась первая категория трудоспособности, допускающая их использование на тяжелых физических работах; имеющих незначительные физические недостатки, относили ко второй категории трудоспособности и использовали на работах средней тяжести; других, имеющих явно выраженные физические недостатки и заболевания, относили к третьей категории трудоспособности и использовали на легких работах; калек, имеющих тяжелые физические недостатки, исключавшие возможность их трудового использования, относили к четвертой категории инвалидов.

Этапы заключенных первоначально сосредотачивались в Мариинском пересыльном пункте. Зона Мариинского пересыльного пункта в августе 1942 г. была разделена на 2 части: в одной содержались заключенные для пересылки, в другой неработающие инвалиды. При поступлении новых этапов заключенные подвергались тщательному медосмотру. Калек направляли в инвалидную зону. Часть из них, способных трудиться, передавали Баимскому лагерному пункту для работы на производстве ширпотреба. Взамен с этого лагерного пункта в Мариинск отсылали инвалидов-хроников [1, Д. 4. л. 35].

Документы свидетельствуют, что инвалидов, а также людей, способных только к легкому труду в Сиблаге, на 1942 год находилось около трети от все-

го контингента [4, Д. 370, л. 90]. Для Сиблага НКВД это было характерной особенностью, так как это был оздоровительный лагерь.

Наличие достаточно большого количества среди заключенных т. н. «слабосилки» приводило к перебоям в выполнении планов по основной производственной деятельности подразделений. Например, как отмечалось в докладной записке начальнику политотдела Сиблага НКВД майору госбезопасности А. П. Зайцеву, по Мариинскому отделению выполнение и перевыполнение производственного плана по выпуску продукции шло не за счет основных предприятий, таких, как ЦРММ (Центральные ремонтно-механические мастерские), ОСЗ (овощесушильные заводы), пимокатный цех, а за счет изготовления художественных изделий и корзиночек, чем занимались наиболее ослабленные люди [3, Д. 11. л. 80].

Но, однозначно говорить о том, что советская медицина плохо обслуживала заключенных, будет неправильно. Неполный объем финансирования тогда осуществлялся не только в здравоохранении лагерей, но и среди гражданского населения, в том числе и в областной столице – в г. Кемерово [7, с. 66; 12, с. 229].

Как отмечает Д. М. Панин, отбывавший наказание вместе с А. И. Солженицыным, «при всех своих недостатках лагерные санчасти в самых уродливых вариациях содержали все-таки в себе элементы милосердия. Достаточно появления одного - двух людей, и санчасть становилась источником спасения. Кого-то устроят санитаром, «лепилой», уборщиком; многих поддержат выданным вовремя освобождением от работ; кого можно — сактируют; кому-то выпишут дополнительный лагерный паек... При этом следует иметь в виду, что деятельность санчасти проходила под бдительным оком «опера», прямого лагерного начальства, надзорсостава и всевозможных стукачей. Большое мужество требовалось врачам, да и вольному начальнику санчасти, чтобы выполнять свой долг, хотя бы и в урезанном и искаженном виде. Конечно, преобладали случаи, когда санчасть сдавалась, шла на поводу у лагерного начальства, и смерть косила ряды заключенных, но даже и такая санчасть все же кому-то облегчала участь, и кто-то поминал ее добрым словом» [Цит. по: 10].

При всем этом необходимо отметить, что военное время потребовало от лагерей более высоких трудовых результатов в более короткие сроки, и подразделения ГУЛАГа добивались их. Так, в целом по лагерю в 1943 г. было посеяно зерновых культур на 1036 га и картофеля на 136 га больше плана [3, Д. 9. л. 111 об.].

Итак, проблемы медицинского обслуживания заключенных в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны были связаны с недостатком финансирования пенитенциарной системы, суровой климатической средой, постоянной передислокацией

контингента, тяжелыми условиями труда, физическим истощением и психическим перенапряжением большинства лагерного населения. Однако и в таких условиях администрация принудительного учреждения любыми путями стремилась выполнить намеченные трудовые планы, что вызывало рост различных заболеваний и повышенный процент смертности подневольных людей. Дешевая рабочая сила стала важной частью военно-экономической структуры государства.

Литература

1. Архив Информационного Центра Главного управления внутренних дел по Кемеровской области (Архив ИЦ ГУВД КО), Ф. 11. – Оп. 263.
2. Гвоздкова, Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе / Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 516 с.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), Ф. П-484. – Оп. 3.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 9414. – Оп. 1.
5. Детков, М. Г. Тюремь, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. – М.: Вердикт-1М, 1999. – 448 с.
6. Джойс, К. ГУЛАГ в Карелии: ГУЛАГ: экономика принудительного труда / К. Джойс. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 177 – 197.
7. Закиров, А. И. Здравоохранение города в годы Великой Отечественной войны / А. И. Закиров // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 156 с.
8. Земсков, В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / В. Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 10 – 27.
9. Исупов, В. А. Социально-демографическая политика сталинского правительства в годы Великой Отечественной войны. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.) / В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука-Центр, 2004. – С. 115 – 144.
10. Нахапетов, Б. К истории санитарной службы ГУЛАГа / Б. К. Нахапетов // Вопросы истории. – 2001. – № 6. – С. 126 – 136.
11. Нахапетов, Б. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа / Б. Нахапетов. – М.: РОССПЭН, 2009. – 192 с.
12. Орлова, Е. А. Шефская помощь предприятий и организаций Кузбасса тыловым госпиталям во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Сибирь в истории России / Е. А. Орлова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – С. 226 – 231.
13. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30 – 50-е гг.) / отв. ред. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – Т. 2. – 248 с.
14. Супады, Е. Врачи в советских лагерях / Е. Супады // Новая Польша. – 2008. – № 6.

УДК – 94.(32).04

ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИНИЯ В РАЗВИТИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Н. А. Николаева

CENTRAL EUROPEAN TRADITION IN THE DEVELOPMENT OF THE BRONZE AGE IN THE NORTHERN CAUCASUS

N. A. Nikolaeva

В статье анализируются проблемы происхождения и периодизации культурной традиции эпохи ранней и средней бронзы центрального Северного Кавказа в контексте индоевропейской истории. Выделены три этапа индоевропейского присутствия в центральной части Северного Кавказа. Первый этап (XXV – XXIV вв.) связывается с индоевропейцами, в составе которых были тохары и индоиранцы (скипетры, курганы, обряд скорченно на спине). Второй этап (XXIII – XXII вв.) связывается с прахеттами, древнеевропейцами и индоариями (культура дольменов Новосвободной и кубано-днепровская культура с повозками). Третий этап (кубано-терская культура) (XXI – XVIII вв.) формируется из местного (картвельского и северокавказского) компонента и пришлого, центрально-европейского, вышедшего из слабо расчлененной на диалекты древнеевропейской этно-лингвистической общности, куда входили предки исторических кельтов, италиков, германцев, балтов, славян.

The Bronze Age in the western and central parts of the Northern Caucasus was formed as a result of the migrations of the Indo-Europeans from the Central Europe. The first stage of the Indo-European tradition in the Northern Caucasus (XXV – XXIV B.C.) is connected with coming the population that brought the custom to bury their deceased in the barrows with the horse-headed scepters. They are called Indo-Iranians and Tocharians. The second stage of the Indo-European tradition in this region (XXIII – XXII B.C.) is connected with the builders of the Novosvobodnaya dolmens. They are archaeological equivalents to the Hittites and coexisted with the Indo-Arians symbolized with the vehicles. The third stage of the Indo-European cultural tradition (XXI – XVIII B.C.) is linked with the Kuban-Terek culture, the archaeological equivalent to the population of northern Central Europe that are called the Ancient Europeans, the ancestors of the historical Celts, Italics, Germans, Balts, Slavs.

Ключевые слова: бронзовый век, Северный Кавказ, индоевропейские миграции, кубано-терская культура, куро-аракская культура, Нартский эпос.

Keywords: Bronze Age, Northern Caucasus, Indo-European migrations, Kuban-Terek culture, Kuro-Araks culture, legends about the Narts.

В развитии раннего и среднего бронзового века Северного Кавказа выделяются три линии, связанные с Центральной Европой, что позволяет говорить о приходе индоевропейцев на Кавказ в середине III тыс. до н. э. и о повторении таких миграционных импульсов в течение еще нескольких столетий до периода стабилизации в период существования каткомбной культуры.

1.1. Центральнo-европейская линия развития на Северном Кавказе XXV – XXIV вв. до н. э.

Энеолитические памятники так называемого «предмайкопского горизонта» от Дона до Кавказа связаны между собой сочетанием трех традиций в их керамическом комплексе (новоданиловской, хвалынско-среднестоговской и майкопской) [9; 22; 30; 34]. Категорией, маркирующей предмайкопский горизонт и синхронный ему доямный горизонт степей Азово-Черноморья, являются зооморфные скипетры [5; 9; 10; 26; 30]. Культурная атрибуция скипетров на западе их ареала не устанавливается из-за отсутствия керамики и закрытых комплексов, но общеизвестно, что они связываются с горизонтом разрушений на поселениях земледельческих культур Юго-Восточной Европы. Роль разрушителей отводили носителям разных культур (Средний Стог II, новоданиловская группа, древнеямная культура). Однако исследователями не учитывалась возросшая активность культур более северных территорий Центральной Европы, которые перешли к пастушескому типу хозяйства. Они образуют горизонт Болераз–Сэлкуца IV – Чернавода I и появляются на поселениях культуры Гумельница [31]. Горизонт этих культур датируется началом периода Триполье C1, и они представляют собой вторичный союз позднепраиндоевропейских культур Лендьел и культуры воронковидных кубков (далее KBK) [25].

На востоке ареала своего распространения скипетры встречены с хвалынско-среднестоговской керамикой, которая по трипольским импортам датируется периодом Триполье B2/C1–C1, связаны с курганами и «древнеямным» обрядом погребения. Время древнейших курганов в Восточной Европе, (период Триполье B1/B2 для погребения Думяны 15/1 в Северном Попрутье), сооруженных над захоронениями по «древнеямному обряду», является основанием отнесения комбинации «курган+ обряд «на спине скорченно» к древнеямной культурно-исторической области, но не к древнеямной культуре (далее – ДЯК). Самое древнее, по Н. Я. Мерперту, курганное погребение ДЯК Бережновка 5/22 [12] относится к хвалынской культуре по керамике [32], а позднихвалынский комплекс включает простые варианты скипетров, балканский металл периода триполье B2 [23]. Хвалынское погребение Бережновка 5/22, таким образом, фиксирует пересечение путей носителей упомянутого курганного обряда и носителей новоданиловско-среднестоговско-хвалынского ком-

плекса, а также определяет направление распространения курганов и скипетров с северо-запада на юго-восток, поскольку в среднестоговско-хвалынских памятниках нет курганов.

Подкурганные погребения классической ДЯК оформились позже новоданиловских и даже животилиловских (позднетрипольских) памятников, согласно стратиграфии курганов Северо-Западного Причерноморья [35], т. е. в конце периода Триполье C2.

Культурная атрибуция погребений со скипетрами, как и всей так называемой новоданиловской группы, неопределенна, поскольку оба варианта скипетров найдены только в трех полноценных комплексах, без ясного керамического сопровождения (Касимча, Архара 27/1-3, хут. Шляховской [5; 10]). Обнаружение нами в кургане у с. Джангр в Северо-Западном Прикаспии, в курганно-холмовом погребении (Джангр 1/3) каменного схематического «конноголового» скипетра со среднестоговскими сосудами типа хутор Попов [26] открывает новые перспективы атрибуции и датировки предмайкопского/доямного горизонта периодом Триполье C1.

Керамика предмайкопского горизонта с накольчато-жемчужной орнаментацией (далее НЖК), кроме новоданиловских погребений, встречена в среднедонском энеолите (репинская культура) [28, с. 8 – 19] и синхронна периоду Триполье C2, поэтому дата конца предмайкопского горизонта может соответствовать и триполью C2, и дате Новосвободной (XX в. по копиям с насадом Аккадского времени). Кремневый инвентарь новоданиловских памятников со скипетрами может указывать на их связь с миграцией населения культуры воронковидных кубков, сформировавшей горизонт Болераз/Баден – Чернавода I.

Отсутствие своей керамики или присутствие местной керамики типа среднестоговской наряду с транзитным металлом и скипетрами указывает на алгоритм индоевропейских миграций, который раскрывается на основе археологических материалов. Сущность его состоит в том, что миграционный импульс, который задан изначально небольшим мигрирующим группам центрально-европейского происхождения, поддерживается по мере продвижения новыми участниками, каковым является автохтонное (неиндоевропейское) население, через территорию которых проходит миграция.

Это может свидетельствовать о частичной синхронности и параллельности движения «владеющих скипетрами» и строителей курганов из близких или одной территории Центральной Европы, вовлечении в этот процесс автохтонного населения (репинская, среднестоговская и хвалынская культуры), на базе которых позже возникли памятники собственно древнеямной, «позднеямной» культуры, а в Южной Сибири памятники афанасьевской культуры, кото-

рую многие исследователи связывали с тохарами [5; 25].

Все сказанное позволяет с известной долей условности говорить о появлении индоевропейской (тохарской) культурной традиции на Кавказе в предмайкопское время, которое синхронно дольменам Новосвободной.

1.2. Центральное-европейская линия развития на Северном Кавказе в XXII вв. до н. э.

Население «предмайкопского» горизонта» сменяется и частично сосуществует с пришедшими из областей Древнего Востока носителями майкопской культуры [25]. Новосвободная и поселения с НЖК, возможно, связаны общим генезисом с неолитическими культурами Центральной и Восточной Европы, о чем можно судить по редкой орнаментации керамики «жемчужинами», которые встречаются как в усатовской культуре Северо-Западного Причерноморья [8], так и в репинской культуре Среднего Подонья [28, с. 8 – 19].

Новосвободненская культура имеет ограниченный ареал, короткий промежуток существования на Кавказе и объединяется с серией дольменов на Северо-Западном Кавказе по мегалитичности гробниц, но отделяется от синхронных и соседних культур своим уникальным керамическим комплексом. Отметив общие черты всего комплекса погребального обряда и инвентаря гробниц Новосвободной в кемпи-обинской культуре (22 признака) Северного Крыма, в усатовской культуре (26 признаков) и в памятниках позднего Триполья (26 признаков), мы сопоставили керамику и черты погребальной обрядности Новосвободной с памятниками культуры шаровидных амфор (далее КША) по 32 признакам [21, с. 181 – 186, табл. 1 – 3].

Анализ керамики из курганов новосвободненского могильника «Клады» показывает, по нашему мнению, более выраженную связь новосвободненской культуры с усатовскими памятниками, явившимися результатом трансформации трипольской культуры под влиянием КВК, КША, Болераз-Бадена [20]. Значение культур баденского горизонта в «восточных» миграциях индоевропейцев было уже показано [25, с. 240]. Позже М. Шмит [37; 38; 39] подтвердила особую роль культуры шаровидных амфор в формировании Бадена. Ранее считали, что импульс, формирующий кемпи-обинские, нижнемихайловские, усатовские памятники исходил с Кавказа или конкретнее – из культуры дольменов Новосвободной [8, с. 148]. В настоящее время появляется все больше сторонников западного происхождения этой свиты культур под влиянием культуры Баден и КША [36; 37].

В настоящее время можно скорректировать зону формирования новосвободненского комплекса в области контактов культуры шаровидных амфор, культур болераз-баденского круга, позднетрипольской культуры, что позволяет рассматривать новосвободненскую культуру как следующий этап (23/22 вв. до н. э.) утверждения центрально-европейской культурной традиции на Северном Кавказе посред-

ством миграции индоевропейцев, в составе которых были и древнеевропейцы, и прахетты, и индоарии.

1.3. Центральное-европейская линия развития на Северном Кавказе в XXI – XVIII вв.

При установлении происхождения кубанотерской культуры (далее КТК) надо исходить из ее древнейших памятников и состава ядра культуры. Поиски аналогий керамике I этапа, составляющей ядро культуры КТК, уводят нас в ареал КША и КШК, т. е. в тот же регион, где мы искали центр сложения новосвободненского комплекса. Этот факт объясняется тем, что культура шаровидных амфор существует, по М. Шмит, в течение 500 лет, и за этот период КША выступала в разном культурном окружении, менявшем форму ее участия в культурогенезе. Радиоуглеродные (некалиброванные) даты, полученные для 18 памятников Польши и Западной Украины, показывают интервал существования КША (восточной группы) от 2400 до 2000 гг. до н. э. [37, с. 109, табл. 3].

Сравнительно-типологический анализ керамики КТК и КША-КШК основан на сопоставлении 200 сосудов КША + КШК и 200 сосудов кубанотерской культуры. В КТК представлены все основные типы КША. Коэффициент сходства культур, рассчитанный по 1/6 части выборки керамического инвентаря двух культур, достигает почти 1.0. Сравнимые формы сложны и исключают возможность конвергенции, позволяя говорить о генетической общности трех керамических традиций КША, КШК и КТК [13; 14].

Аналогии всем формам гробниц КТК и мегалитам раннебронзового века Северного Кавказа существуют в КВК, КША, КШК. Как следует из обзора погребальных сооружений КША, для них характерны и каменные гробницы, и дольмены, и ящики, и грунтовые ямы под курганом. В культуре шнуровых керамик при сооружении ящика гораздо чаще использовалась сухая кладка булыжника, чем обработанные плиты [3], и эта конструкция чаще фиксируется в КТК Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Особое значение для обоснования связи КТК и Новосвободной, КТК и КША является мегалитическая двухкамерная плиточная гробница в Дзуарикау 3/2, где длина покровной плиты – 5 м. [20, с. 475]. Таких гробниц нет в классическом Триполье, но они известны в КВК, КША и КШК.

Из 29 специфических признаков обряда погребения КТК 22 признака присутствовали в памятниках КША [13, табл. 1].

Сходство между КТК и КША по выделенным признакам погребального обряда достигает 70 %, что считается доказательством однокультурности археологических памятников двух любых культуры [29; 33].

Правомерность выделения предгорной кубанотерской культуры подтверждается тем, что почти все керамические типы I этапа КТК доживают почти в неизменном виде до ее последнего этапа. На коротком промежутке (IV этап) существовала кубанотерская КИО степей и предгорий [20].

Комплекс КТК формировался уже на Северном Кавказе из культурных групп, занимающих разные территории Кубано-Терского междуречья в разное время. Эти группы образуют дискретное культурное пространство в виде двух вариантов – предгорный и степной (Суворовская, Терская), и четырех меридиональных микрорегионов (Верхнее Прикубанье, Пятигорье, Кабарда, Северная Осетия), отражающееся в названии кубано-терская культурно-историческая общность.

Если на I – III этапах на первых мигрантов КТК (древнеевропейская атрибуция) оказывало влияние население горной полосы Северной Осетии (куроаракская традиция и картвельская лингвистическая атрибуция), то на IV этапе к предгорьям приблизились степные группы с Западного Предкавказья, керамика которых сигнализирует о принадлежности к центрально-европейским культурам, лингвистическая атрибуция которых определяется как «индоарийская» [16; 25].

1.4. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в контексте индоевропейской истории

С выделением кубано-терской культурно-исторической общности (КТ КИО), открываются новые перспективы в понимании этнокультурных процессов, происходивших на Кавказе в бронзовом веке.

Согласно концепции четырех прародин индоевропейцев, а также концепция прародины носителей древнеевропейских и индоиранских диалектов, археологические культуры КВК, КША. КШК относятся к древнеевропейским, а кубано-днепровская культура с повозками III тыс. до н.э. – к индоарийской. Горизонт культур Болераз-Баден, связывающийся с разрушениями поселений Юго-Восточной Европы, имеет греко-индоиранскую этнолингвистическую атрибуцию.

Древнеевропеизмы, выявленные в картвельских языках [11], по нашему мнению, являются несомненным доказательством присутствия пришедших на Кавказ с Центральной Европы «древнеевропейцев», к тому же по соседству с индоариями.

В работе лингвистов «рассматриваются 15 параллелизмов, претендующих на общекартвельский характер (т. е. датированных ранее 19 в. до н. э.); 40 параллелизмов грузинско-занского хронологического уровня; 40 параллелизмов более позднего, но все еще «доисторического» уровня, т. е. до появления армян, греков, персов». [11]. Существование общекартвельского (южнокавказского) языка Г. А. Климов датирует IV – III тыс. Дифференциация общекартвельского, по данным глоттохронологии, относится им к концу III – началу II тыс. до н. э. Далее грузинско-занский делится на грузинский и занский (колхский) языки не позднее конца II тыс. до н.э. Из 15 параллелизмов между пракартвельским и индоевропейскими языками корнесловы *‘сердцевина, ядро плода’*; *‘четыре’*; *‘игла, колючка’* находят продолжение в кельтских, германских, балтских, славянских языках [11, с. 62, 93]; картвельская основа *‘стоять’* (*о засухе, жаре*) имеет аналогичное

продолжение в кельтских и германских языках. Эти лингвистические данные позволяют датировать появление индоевропейцев/древнеевропейцев на Северном Кавказе не позже XIX в. до н. э. В отмеченных 40 параллелизмах грузинско-занских и индоевропейских языков наиболее близкие аналогии для грузинско-занской основы *‘бурдюк, сума’*, *‘безрогий бык’*, *‘виноградная лоза’*, *‘самец, баран’*, *‘жаба’* *‘поросенок’* *‘тина’*, *‘лиса’*, *‘пыль’*, *‘медь’* [11, с. 99, 108, 109, 111, 124, 126, 133] находятся в двух или нескольких древнеевропейских языках, которые, по выражению Г. А. Климова, «являются диалектным североевропейским соответствием картвельскому архетипу». Особого внимания заслуживает грузинско-занская основа *‘обух топора’*, имеющая аналогии в кельтских, итальянских, германских и балтославянских ветвях индоевропейского праязыка [11, с. 156], а *‘журавль’* в грузинско-занском языке фонетически и семантически особенно близок к славянскому, а также к латинскому и балтийским языкам [11, с. 163].

Таким образом, 18 из 40 параллелизмов между грузинско-занским и индоевропейскими языками находят точные аналогии в кельтских, итальянских, германских, балтийских, славянских языках, т. е. языках, выделившихся из древнеевропейской лингвистической общности. Эти индоевропеизмы были усвоены грузинско-занским языком не позже конца II тыс. до н. э., по Г. А. Климову. Остальные корнесловы грузинско-занского языка представлены в иранских, индоарийских, греческих языках.

Происхождение 50 % заимствований в грузинском-занском из индоевропейских языков, относимых Г. Крае к «древнеевропейским», свидетельствует о непосредственных контактах картвельских племен с «древнеевропейцами», еще слабо расчлененными на отдельные диалекты – кельтские, итальянские, германские и балтославянские.

Такое состояние «древнеевропейской» общности на Кавказе, по данным археологии, отмечается эквивалентной ситуацией в III тыс. до н. э. в Центральной Европе, где существует почти одновременно три культуры древнеевропейской атрибуции – воронковидных кубков, шаровидных амфор и шнуровых керамик.

Существование древнейших индоевропеизмов в грузинско-занском языке позволяет объяснить существование смешанных КТК/КАРК комплексов на II и III этапах КТК.

Данные лингвистики отвечают нашей гипотезе, что кубано-терская культура складывалась во времени на Северном Кавказе из нескольких групп, мигрировавших из западных районов Восточной Европы, и в дальнейшем принимала миграционные импульсы из тех же районов Центральной и Восточной Европы.

Индоевропеизмы в осетинском языке. Исключительно важным доказательством присутствия на Северном Кавказе «древнеевропейцев», среди которых были будущие славяне, являются индоевропеизмы в осетинском языке, названные «скифо-европейскими изоглоссами». В. И. Абаев подчерки-

вайт обособленное положение осетинского языка в иранской группе индоевропейских языков и считает, что осетинский язык противостоит всем индоиранским языкам, и по ряду признаков – лексических, фонетических, грамматических – порывает с другими иранскими языками и смыкается с европейскими языками: германскими, балтскими, итальянскими, кельтскими, славянскими. Это выражается более, чем в 40 лексических, 3 фонетических и 2 грамматических изоглоссах [2].

Эти индоевропеизмы (а точнее «древнеевропеизмы»), в которых доминируют аналогии из славянских языков, относятся к разным аспектам деятельности человека, элементам окружающего мира. Это – слова, связанные с климатом и ландшафтом («непогода», «снег», «мерзнуть», «таять», «море», «гора», «ложбина», «долина»); это – словесная характеристика растительного и животного мира («олха», «кабан», «поросенок», «кобель», «щенок», «лосось», «блота», «моль»); сельскохозяйственная терминология и описание продуктов земледелия («серп», «ярмо», «болт между ярмом и дышлом», «пара упряжных быков», «спица в колесе», «зерно», «колос», «овес», «пиво»). Об уровне металлургии и о ремесленной деятельности можно судить по термину «кузнец». Социальная терминология представлена словами «незнатный, простой», «муж», «судилище, суд, суждение».

Поскольку некоторые обозначения частей тела таких, как «рука», «горло», «мошонка», относятся к категории слов, которые нет необходимости заимствовать из другого языка, поэтому единственно возможной является вторая гипотеза о включении в состав осетин неиранской, но индоевропейской группы кавказского населения. Если устанавливается древнеевропейская этимология 40 слов осетинского словаря, то следует вывод, что они принадлежат группе населения, попавшего на Кавказ в результате миграции из Древней Европы, и дожившего до появления в начале I тыс. н. э. алан, предков осетин, пришедших на Кавказ из Средней Азии, а возможно, и из области тагарской культуры [27]. Сам факт существования осетино-европейских параллелей и отсутствие их в других иранских языках говорит о европейской составляющей в осетинском языке. Речь идет о «кавказском» = «древнеевропейском» субстрате для осетинского языка, отсутствующего в других иранских языках. Термин «кавказский» подразумевает территорию, где существовал этот субстрат, а не его корни.

По мнению В. И. Абаева, «особенно многочисленны и значительны изоглоссы, связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические связи, что указывает на особую длительность и интимность контактов» [2, с. 4].

Скифо-европейские изоглоссы, выявленные В. И. Абаевым, однозначно указывают на приход еще не окончательно разделившихся древнеевропейцев на Северный Кавказ, причем прослеживается определенное доминирование славянской составляющей. Выделение праславян из ПИЕ общности,

возможно, имело место в III тыс. до н. э., исходя из логики рассуждений известных лингвистов [4, с. 238 – 248].

Следовательно, выводы сравнительно-исторического осетинского языкознания подтверждают европейскую атрибуцию памятников кубано-терской культуры Северного Кавказа и показывают древнеевропейскую основу в сложении осетинского этноса.

Данные сравнительно-исторической индоевропейской мифологии свидетельствуют о присутствии древнеевропейцев и индоариев на Кавказе с начала II тыс. до н. э. [1; 6; 7; 20] и являются еще одним убедительным аргументом в пользу миграции древнеевропейцев из Центральной Европы, которую мы обосновали археологически и данными индоевропейского, картвельского и осетинского языкознания [15 – 17]. Они показывают, что все основные сюжеты общекавказского эпоса о Нартах сложились в области обитания «кавказских древнеевропейцев» еще в Центральной Европе. В кельтской, германской, балтской, славянской (т. е. древнеевропейской) и осетинской мифологии существуют общие мотивы и сюжеты, которые доказывают переселение части «древнеевропейцев» на Северный Кавказ. Эти сюжеты убедительны и перечислены в работах культурологов и лингвистов [1; 6; 7] и дополнены нами [17; 18]. Действительно, данные археологии говорят, что центр «древнеевропейской» культурной традиции (кубано-терской культуры) находится на территории Северной Осетии и соседней Кабардино-Балкарии, где были записаны наиболее полные версии «Нартского эпоса». Значит, это древнейшее ядро эпоса появилось на Кавказе вместе с древнеевропейцами, которые также не представляли собой на момент миграции отдельные самостоятельные этнические единицы, хотя находились по соседству с отделившимися к тому времени друг от друга праиранцами и праиндийцами. Присутствие индоевропейцев-древнеевропейцев на Северном Кавказе с III тыс. до н. э. свидетельствует о приоритете древнеевропейцев, как творцов Нартского эпоса, объединяющего народы Северного Кавказа.

Литература

1. Абаев, В. И. Нартовский эпос / В. И. Абаев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Дзауджикау, 1945. – 118 с.
2. Абаев, В. И. Скифо-европейские изоглоссы / В. И. Абаев. – М., 1965. – 166 с.
3. АУССР 1985 – Археология Украинской ССР. Т. I. – Киев: Наукова думка. – 1985. – 564 с.
4. Бирнбаум, Х. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции (перевод с английского В. А. Дыбо) / Х. Бирнбаум. – М.: Прогресс, 1987. – 611 с.
5. Даниленко, В. Н. Энеолит Украины / В. Н. Даниленко. – Киев: Наукова думка, 1974. – 175 с.
6. Дюмезиль, Ж.. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1976. – 275 с.

7. Дюмезиль, Ж. Скифы и нарты / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1990. – 231 с.
8. Збенович, В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья / В. Г. Збенович. – Киев: Наукова думка, 1974. – 174 с.
9. Кияшко, В. Я. Между камнем и бронзой / В. Я. Кияшко // Донские древности. Вып. 3. – Азов, 1994. – 130 с.
10. Клепиков, В. М. Погребение позднэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье / В. М. Клепиков // Российская археология. – 1994. – № 3. – С. 25 – 27.
11. Климов, Г. А. Древнейшие индоевропейцы картвельских языков / Г. А. Климов. – М.: Наследие, 1994. – 249 с.
12. Мерперт, Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья / Н. Я. Мерперт. – М.: Наука. – 1974. – 152 с.
13. Николаева, Н. А. Выделение КТК ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе / Н. А. Николаева // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе: изд. Сев.-Осетинского гос. университета, 1980. – С. 97 – 120.
14. Николаева, Н. А. Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы / Н. А. Николаева: автореф. ... канд. дис. – Л., 1987. – 17 с.
15. Николаева, Н. А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – № 1. – С. 3 – 12.
16. Николаева, Н. А. Индоарии на Северном Кавказе / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – № 1. – С. 3 – 26.
17. Николаева, Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – первой половине II тыс. до н. э. / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – № 3. – С. 119 – 131.
18. Николаева, Н. А. Мифы как источник по реконструкции индоевропейской праистории / Н. А. Николаева // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – № 4. – С. 76 – 84.
19. Николаева, Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III – II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии / Н. А. Николаева // Краткие сообщения Института археологии РАН. – М.: Наука, 2010. – № 223. – С. 121 – 143.
20. Николаева, Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III – II тыс. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока / Н. А. Николаева. – М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2011. – 536 с.
21. Николаева, Н. А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа / Н. А. Николаева, В. А. Сафронов // Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры МК СССР. Вып. VII. – М.: Знание, 1974. – С. 174 – 199.
22. Резепкин, А. Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова Поляна / А. Д. Резепкин // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина. – СПб., 2000. – С. 223 – 235.
23. Рындина, Н. В. Древнейшее металлообработкающее производство Юго-Восточной Европы / Н. В. Рындина. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 208 с.
24. Сафронов, В. А. Проблемы индоевропейской прародины / В. А. Сафронов. – Орджоникидзе, 1983. – 108 с.
25. Сафронов, В. А. Индоевропейские прародины / В. А. Сафронов. – Горький, 1989. – 402 с.
26. Сафронов, В. А. Старые и новые гипотезы об индоевропейской прародине / В. А. Сафронов // Новое о Древнем Востоке (на арабском языке). – М.: Прогресс, 1989. – С. 40 – 58.
27. Сафронов, В. А. Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию. (Программа для исторических факультетов педагогических университетов) / В. А. Сафронов, Н. А. Николаева. – М.: Издательство МГОУ, 1999. – 66 с.
28. Синюк, А. Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона / А. Т. Синюк // СА. – М., 1981. – № 4. – С. 8 – 19.
29. Статистико-комбинаторные методы в археологии / под ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. – М.: Наука, 1970. – 219 с.
30. Телегин, Д. Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы / Д. Я. Телегин // РА. – 2000. – № 1. – С. 18 – 29.
31. Тодорова, Х. Энеолит Болгарии / Х. Тодорова. – София, 1979. – 104 с.
32. Трифонов, В. А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности / В. А. Трифонов // Древности Волго-Донских степей восточно-европейского бронзового века: тезисы докладов Междунар. конф. – Волгоград, 1996. – С. 3 – 6.
33. Федоров-Давыдов, Г. А. Статистические методы в археологии / Г. А. Федоров-Давыдов. – М.: Высшая школа, 1987. – 215 с.
34. Формозов, А. А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья / А. А. Формозов // Российская археология. – 1994. – № 4. – С. 44 – 53.
35. Яровой, Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла / Е. В. Яровой: автореф. ... докт. ист. наук. – М., 2000.
36. Rassamakin, Y. Y. On early elements of the Globular Amphora culture and other Central European cultures in the Late Eneolithic of the Northern Black Sea region / Y. Y. Rassamakin // Baltic-Pontic Studies. V. 4. – Poznan, 1996. – С. 112 – 133.
37. Szmyt, M. Absolute chronology of the Eastern Group of Globular Amphorae Culture / M. Szmyt // Eastern Exodus of the Globular Amphorae People 2950-2350 // Baltic-Pontic Studies. V. 4. – Poznan, 1996. – С. 103 – 111.

38. Szmyt, M. Verbreitung und Kontakte der Kugelamphorenkultur: ein Blick auf die polykulturellen Peripherien / M. Szmyt // *Germania. Yhrh.* 81, Halbband 2. – 2003. – С. 401 – 441.

39. Szmyt, M. Baden patterns in the Milieu of the Globular Amphorae / M. Szmyt // *The Baden Complex and the Outside World.* – Bonn, 2008. – С. 217 – 233.

Сокращения

ДЯК – древнеямная культура.

КАРК – куро-аракская культура.

КВК – культура воронковидных кубков.

КТК – кубано-терская культура.

КТ КИО – кубано-терская культурно-историческая общность.

КША – культура шаровидных амфор.

КШК – культура шнуровых керамик.

МГОУ – Московский государственный областной университет.

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

НЖК – культура керамики с накольчато-жемчужной орнаментацией.

УДК [94:342.725=161.1] (47+57) “1992/2000”

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ СНГ

А. Е. Пьянов

STATUS OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE CIS

A. E. Pianov

В статье исследуются вопросы статуса русского языка на постсоветском пространстве. Выявляются основные функции русского языка, правовой статус русского языка в отдельных странах СНГ. Выявляются основные тенденции и проблемы развития русского языка на постсоветском пространстве, а также некоторые аспекты политики РФ по вопросам русского языка.

This article investigates the status of the Russian language in post-Soviet space. Identifies the main features of the Russian language in the post-Soviet space. The legal status of Russian language in some CIS countries. Identifies major trends and problems of the Russian language in post-Soviet space, as well as some aspects of Russian policy on the Russian language.

Ключевые слова: содружество Независимых государств, статус русского языка, внешняя политика РФ.

Keywords: Commonwealth of Independent States, the status of Russian language, Russian foreign policy.

Неотъемлемой частью культуры каждой страны является ее язык. В свою очередь, язык является инструментом культуры, который формирует личность человека, его видение мира, менталитет, отношение к людям. Русский язык не является исключением. Во второй половине XX века русским языком как родным, неродным или иностранным, владело более 300 млн человек (по некоторым подсчетам – до 500 млн человек) [4, 23]. На русском как основном государственном языке разговаривали 286 млн человек, его изучали в более чем 100 государствах мира. Русский язык был и продолжает оставаться одним из ведущих мировых языков. Сейчас русский язык занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд) и английского (750 млн). Русский язык – это один из 6 официальных языков ООН, официальный или рабочий язык в большинстве авторитетных международных организаций, таких как МАГАТЭ, ЮНЕСКО [6]. В мире на русском языке говорят более 300 млн человек, в том числе более 140 млн считают его своим родным языком. Русский язык является языком общения более 160 народов и национальностей [2].

Распад Советского Союза и образование на его территории самостоятельных и независимых государств породили множество труднейших проблем не только в области экономического и государственного

строительства, но и в области культуры. Особенно сложная ситуация возникла в такой важной сфере, как положение и роль русского языка и его отношение к языкам титульных наций во всех новых государствах Содружества.

С середины 90-х годов XX века положение начинает меняться, но в некоторых государствах оно остается прежним. О себе дает знать советское прошлое, обнаруживающееся в виде имперского комплекса, который испытывает как Россия по отношению к новым суверенным государствам, так и сами эти государства по отношению к России. Не всегда эти страхи перед Россией обоснованы, нередко элиты новых независимых государств создают и поддерживают немотивированные мифы и страхи в отношении России, преследуя свои собственные политические цели и задачи. Наличие этого имперского комплекса не только отрицательно сказывается на отношениях между отдельными государствами, но и мешает адекватно оценить реальную ситуацию с русским языком: старые обиды и идеологические клише препятствует трезвому взгляду на действительно актуальные проблемы современности. Такая ошибочная языковая политика может вызвать серьезные затруднения в развитии сотрудничества как в рамках СНГ (экономическая и научно-техническая интеграция, формирование единого

образовательного пространства и т. д.), так и в сфере взаимных двусторонних отношений.

Русский язык новым независимым государствам достался не как русский, а как советский; язык СССР и язык советского народа. В этой своей функции русский язык проявляет себя в двух основных качествах.

Во-первых, «советский язык» [21] взял на себя роль языка межнационального общения в пределах новых самостоятельных государств. Во-вторых, он выступает в качестве возрастного (поколенческого) средства коммуникации. Таким образом, потребность в русском языке естественным образом будет сокращаться по мере уменьшения «советских» поколений.

Сегодня русский язык пока еще играет роль языка межнационального общения. Русским языком в ряде стран СНГ продолжают пользоваться в деловых кругах, финансовой и банковской системах, в некоторых госструктурах. Большинство населения этих стран (около 70 %) еще достаточно свободно им владеет.

Однако ситуация через поколение может резко измениться, поскольку идет процесс (в последнее время он несколько замедлился, но не приостановлен) разрушения русскоязычного пространства, последствия которого начинают ощущаться уже сегодня. Это происходит в результате внедрения языка титульных наций в качестве единственного государственного, как следствие русский язык постепенно вытесняется из общественно-политической и хозяйственной жизни, области культуры, средств массовой информации; сокращаются возможности получения образования на русском языке. Все меньше внимания уделяется изучению русского языка в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях, в которых обучение ведется на языках титульных наций.

По данным Фонда «Наследие Евразии» в 2004 году население СНГ (без учета России) насчитывало около 139 миллионов человек (что примерно равно по численности населению России), однако русским там активно владели (постоянно использовали на работе, в процессе обучения, в быту), по оценкам экспертов, лишь 61,2 миллиона человек, еще 36,9 миллиона человек владели русским пассивно (в той или иной мере понимали его, но не использовали как средство коммуникации и постепенно утрачивали языковые навыки), а почти 35,6 миллионов уже не владели русским языком [1].

По прогнозам, еще через 10 лет число не владеющих русским языком в странах СНГ, при сохранении нынешних тенденций, увеличится почти в два раза (то есть примерно до 80 миллионов человек) и превысит число в той или иной мере владеющих русским (60 миллионов человек). Особенно быстро сокращается число владеющих русским языком среди молодого поколения многих бывших советских республик [5].

Необходимо проследить, насколько возможно сохранение соответствующего уровня владения русским языком в отдельных регионах Содружества.

В Центральной Азии наиболее устойчивая ситуация владения русским языком наблюдается в Казахстане, несколько хуже в Киргизии. Впрочем, уже в ближайшее время, из-за уменьшения доли свободно владеющих русским языком в Казахстане, произойдет выравнивание позиций русского языка в этих двух странах. В Таджикистане дела обстоят значительно хуже: взрослое население плохо владеет русским языком, а молодежь – почти не знает.

В Закавказье – во всех трех странах (Армении, Грузии и Азербайджане) хорошо знает русский язык менее трети населения. В перспективе быстрее всего русский язык будет терять свои позиции в Армении и Грузии.

Из трех стран – Белоруссии, Молдавии и Украины – самая тревожная ситуация складывается на Украине. Если сейчас подавляющее большинство (70 %) взрослого населения в целом хорошо знает русский язык, то молодежь владеет русским языком значительно хуже (41 %).

Таким образом, на наш взгляд, в Азербайджане, Белоруссии, Киргизии и Молдавии в ближайшей перспективе не произойдет значительного сокращения доли населения, владеющего русским языком. Напротив, в Армении, Грузии, Казахстане, Таджикистане и Украине можно прогнозировать достаточно серьезное ослабление позиций русского языка.

Рассматривая проблему русского языка на постсоветском пространстве особое внимание следует уделить его нормативно-правовому статусу в отдельных странах.

После распада СССР краеугольным камнем в основах государственной политики в области национальной культуры новых независимых государств стала реализованная в законодательстве система мер изменения статуса русского языка и его роли в национальной культуре и межэтническом общении. Проблема придания особого статуса русскому языку очень актуальна и важна, так как положение русского языка в государстве это ключевой фактор сохранения его позиций.

Согласно модельному закону о языках принятого Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 4 декабря 2004 года [15]: Государственным языком является язык, законодательно закрепленный для обязательного использования в политической, экономической, социальной, культурной и других официальных сферах.

Официальным языком является язык, законодательно закрепленный для использования в официальных сферах наряду с государственным.

Языком национального меньшинства является язык этнической группы, проживающей на территории государства.

Таким образом, в полном объеме вопрос о статусе русского языка решен только в Белоруссии. Статус русского языка закреплен по итогам референдума 1995 года, а затем подтвержден в Конституции Республики Белоруссия 1996 года, где он признается государственным наряду с белорусским [12]. Статья 11 союзного договора России и Бело-

русии предусматривает, что официальными языками союзного государства являются государственные языки государств-участников без ущерба для конституционного статуса их государственных языков [18].

В Киргизии русский язык имеет статус официального языка в соответствии со статьей 5 Конституции Киргизской Республики 2007 года и законом «об официальном (русском) языке Киргизской Республики» 2000 года русский язык объявлен обязательным в органах государственной власти и местного самоуправления.

В Казахстане в соответствии с Конституцией Республики Казахстан 1995 года государственным языком является казахский. Статус русского языка определен Законом Республики Казахстан «О языках» [8]. Согласно статье 5 данного Закона, а также статье 7 Конституции «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским языком официально употребляется русский язык» [16].

В Республике Молдова статус русского языка не определен Конституцией Республики Молдавия 1994 года, но определяется право на функционирование и развитие русского языка (статья 13, п. 2). Однако в стране продолжает действовать закон «о функционировании языков на территории Молдавской ССР» 1989 года, согласно статье 3 которого «русский язык как язык межнационального общения в СССР используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения, что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русско-национального двуязычия».

Официальными языками на территории Гагаузии (автономия в составе Молдавии) являются молдавский, гагаузский и русский, а в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике таковыми являются русский, молдавский и украинский.

В стране ведется дискуссия по вопросу придания русскому языку статуса государственного в законодательном порядке. Среди мероприятий правительства, затрагивающих интересы не молдавского населения, наиболее существенным можно считать принятый 19 июля 2001 года «Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций». Помимо подтверждения прав национальных меньшинств, установленных международным правом, закон содержит ряд положений, приближающих русский язык к статусу официального, а также предусматривает пропорциональное представительство национальных меньшинств в структурах исполнительной и судебной власти всех уровней, в армии, органах охраны общественного порядка.

В Таджикистане, в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан 1994 года государственным языком является таджикский, русский – языком межнационального общения. Перевод с 1998 года

делопроизводства в стране на таджикский язык сузил сферу использования русского языка.

В Азербайджане, согласно Конституции Азербайджанской Республики и Закону «О государственном языке», государственным является азербайджанский язык. В республике обеспечивается свободное использование и развитие других языков. Статус русского языка не определен, однако фактически русский язык выполняет функцию языка межнационального общения.

В Армении статус русского языка не определен. В соответствии с «Законом о языке», принятом в марте 1993 года, «в действующих на территории Армении образовательной и учебной системах языком преподавания и воспитания является литературный армянский язык». Однако этот же закон гарантирует «свободное использование языков национальных меньшинств». В 1998 году Армения ратифицировала рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств.

В Грузии статус русского языка не определен. Однако Грузия ратифицировала рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств. В соответствии с действующими законодательными актами, регулирующими вопросы образования в целом, государство «обеспечивает условия гражданам Грузии, для которых грузинский язык не является родным, путем создания общеобразовательных учреждений или секторов, где обучение ведется на их родном языке». Таким образом, русский язык является языком «национального меньшинства».

В Абхазии абхазский язык имеет статус государственного, а русский язык является «языком «государственных» и других учреждений», а в Южной Осетии русский язык является официальным.

В Узбекистане в редакции «Закона о государственном языке» до 1995 года русский язык имел статус языка межнационального общения, но по новой редакции «Закона о государственном языке», принятой 21 декабря 1995 года русскому языку отводится роль языка «национального меньшинства».

В Туркмении статус русского языка не определен, до 1996 года, в соответствии с Конституцией Республики Туркменистан и «Законом о языке» 1990 года, русский язык имел статус языка межнационального общения.

В Украине русский язык обладает сразу несколькими статусами (то есть один не исключает другого). Согласно Конституции статус государственного закреплен только за украинским языком, хотя Конституция Украины гарантирует «свободное развитие, использование и защиту русского, других языков национальных меньшинств Украины» (ст. 10) [13]. Также русский язык имеет статус межнационального общения в соответствии с «Законом о языках в Украинской ССР», согласно которому русский язык является языком «межнационального общения народов Союза ССР».

Важнейшим индикатором положения русского языка на постсоветском пространстве является количество образовательных учреждений с преподаванием на русском языке и число обучающихся в них школьников. С точки зрения государственной политики в сфере образования на русском языке можно обозначить два аспекта: получения образования на русском языке и изучения русского языка.

Нужно отметить, что в Белоруссии и Казахстане значительная часть населения свободно говорит по-русски. И именно в этих странах большая доля обучающихся на русском языке. Однако в Казахстане на русском языке обучается уже менее половины учащихся школ, что стало результатом значительного сужения сферы образования на русском языке.

Напротив, в Армении, Таджикистане, Грузии и Узбекистане доля населения, владеющего русским языком, сравнительно небольшая. На данный момент возможность получить образование на русском языке в этих странах практически отсутствует: здесь мало или вообще нет русских школ, и доля обучающихся на русском минимальна. В то время как в Армении и Таджикистане существует высокая потребность в расширении возможности изучения русского языка в школах.

В других странах имеется противоречие между уровнем владения русским языком и возможностью получать образование на нем. Например, в Украине: здесь больше половины населения владеет русским языком, тогда как в настоящее время образование на русском получает лишь каждый четвертый учащийся школ.

Нужно отметить, что если в 90-е годы XX века в новых независимых государствах СНГ происходило резкое сокращения образования на русском языке (было закрыто несколько тысяч русских школ, а число обучающихся в русских школах сократилось более чем на 2 млн человек), то после 2000-х годов этот процесс продолжается, хотя в некоторых странах он замедлился. Школьное обучение на русском языке сохраняется в большинстве постсоветских государств: в Беларуси – 75 % учащихся, Казахстане – 41 %, Украине – 25 %, Киргизии – 23 %, Молдове – 21 %, Азербайджане – 7 %, Грузии – 5 %, Армении – 2 % [19].

Во всех странах русский язык востребован как средство общения с русскоязычными согражданами на работе и в быту. Это свидетельствует о сохранении и значимости русскоязычной среды во всех новых независимых государствах. Около половины жителей новых независимых государств заявляют, что «знание русского языка в жизни пригодится» и поэтому русский важно изучать [9]. Особо отмечается населением стран СНГ коммуникативная функция русского языка как средства международного общения. При этом русский язык продолжает нести гуманитарную функцию: он необходим для чтения литературы на русском языке, в том числе профессиональной, что отражает его значимость как транс-

лятора научных и специальных знаний, а также дает возможность приобщения к русской культуре.

Нельзя отрицать, что часть населения республик СНГ придает большую значимость русскоязычной среде, русский язык хотят изучать, хотят на нем общаться. Поэтому Россия должна поддерживать русскую культуру и русский язык.

Несмотря на дискриминации и приниженный статус в государствах СНГ, русский язык все еще сохраняет свое мощное присутствие как язык межнационального общения или как язык меньшинств (миноритарный язык) [19].

Рассматривая перспективы развития русскоязычного пространства в СНГ, следует отметить, что основная ответственность за обеспечение статуса и поддержку русского языка, конечно же, должна лежать на государствах, в которых проживает русскоязычное население. При этом РФ как основа русского народа, его языка и культуры может и должна оказывать покровительство и осуществлять защиту русского населения государств СНГ, своих соотечественников. Кроме того, защита языковых прав и прав этнических меньшинств – одно из международных обязательств Российской Федерации. Не следует забывать, что сбережение русского языка – это еще и укрепление престижа Российской Федерации, ее позиций на международной арене.

Осознание необходимости защиты и поддержки своих соотечественников за рубежом, а в особенности в странах СНГ, к руководству РФ пришло не сразу. Лишь в 1999 году был принят закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». В 2001 году президентом была утверждена «Концепция государственной политики Российской Федерации по поддержке соотечественников», развитие которой в 2002 году правительство одобрило.

Основные направления этой деятельности, предусматривающие наряду с защитой прав соотечественников конкретные мероприятия по сохранению и развитию русского языка, культуры, образования, информационного пространства.

Важнейшей основой поддержки русскоязычной среды в государствах СНГ являются проекты, принятые и реализуемые Россией:

- программа работы с соотечественниками за рубежом,
- федеральная целевая программа «Русский язык»,
- государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Таким образом, анализ проблемы статуса русского языка на постсоветском пространстве позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, русский язык выполняет на постсоветском пространстве ряд значимых функций. Пре-

жде всего, это функция языка межгосударственного значения, языка науки, культуры.

Во-вторых, в процессе формирования новых независимых государств на постсоветском пространстве происходит постепенный распад единого языкового пространства.

В-третьих, статус русского языка в каждой стране на постсоветском пространстве имеет свою специфику. Это связано с рядом факторов, таких, как: особенности экономического и политического развития страны в постсоветский период, количество русскоязычного населения, проживающего на территории страны, спецификой внешней политики РФ по отношению к той или иной стране.

В-четвертых, особую роль в поддержании русского языка как средства межнационального общения на пространстве СНГ начинает играть РФ, осуществляя ряд федеральных программ.

Литература

1. Арефьев, А. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве / А. Арефьев // <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema05.php> Электронная версия бюллетеня *Население и общество* (Демоскоп WEEKLY №251-252).
2. Богачев, И. И. Продвижение русского языка / И. И. Богачев // <http://diplomacia.ru/?pl=page&id=67&lng=ru>
3. В России обеспокоены политикой вытеснения русского языка в ряде стран СНГ и Балтии. // <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=56&bulsectionid=4653>.
4. Виноградов, В. В. Русский язык в современном мире / В. В. Виноградов. – М., 1968. – С. 23.
5. Гаврилов, К. Русскоязычие распространено не только там, где живут русские / К. Гаврилов // <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema03.php> Электронная версия бюллетеня *Население и общество* (Демоскоп WEEKLY №329-330).
6. Доклад МИД РФ. Роль русского языка в мире: новые вызовы и решения // http://www.mid.ru/ns-vnpop.nsf/osn_copy/F5503AF2EBBC56EFC325704300315469.
7. Докучаева, А. Правовой статус и реальная потребность в использовании русского языка в странах СНГ и Прибалтики (справка) / А. Докучаева // <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=56&bulsectionid=4683>.
8. Закон Республики Казахстан от 11.07.1997 г. № 151-1 «О языках в Республике Казахстан» // <http://www.zakon.kz/law/pravsys/doc/yazyk.htm>.
9. Информационно-аналитический портал СНГ // http://www.sng-moskva.ru/content/?news/20080305_1414/.
10. Караваев, А. В. Не допустить деградации «русского смысла» / А. В. Караваев // http://www.ng.ru/courier/2008-01-21/18_degradation.html.
11. Карасин, Г. Б. Россия и соотечественники / Г. Б. Карасин // «Международная жизнь». – 2007. – № 12.
12. Конституция Республики Беларусь 1996г. // <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=v19402875>.
13. Конституция Украины // <http://www.president.gov.ua/ru/content/chapter01.html>.
14. Министерство образования и науки РФ // http://ruslang.karelia.ru/file.php/id/f7456-doc_file-original.file/text_6.doc.
15. Модельный закон «О языках». Единый реестр правовых актов и других документов СНГ // <http://www.cis.minsk.by/sm.aspx?uid=7850>.
16. Панарин, Н. И. О роли русского языка в мире / Н. И. Панарин // <http://www.panarin.com/doc/63>.
17. Русский язык – живое пространство «русского мира» // http://www.cscp-pfo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=124&Itemid=34.
18. Союзный договор России и Белоруссии 1997 г. // <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?start=1&RN=N19900343>.
19. Тишков, В. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии / В. Тишков // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html.
20. Челурин, А. Соотечественники как зарубежный ресурс / А. Челурин // http://www.ng.ru/courier/2006-02-13/12_resurs.html.
21. Яценко, Е. Русский язык – советский язык? / Е. Яценко // <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema05.php> Электронная версия бюллетеня *Население и общество* (Демоскоп WEEKLY №329-330).

УДК 61(091)(571.17)''1985/1991''

**СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (1985 – 1991 гг.)***Е. В. Спитченко***THE SYSTEM OF PUBLIC HEALTH SERVICES IN KEMEROVO REGION
IN REORGANIZATION PERIOD (1985 – 1991)***E. V. Spitchenko*

В данной статье рассматривается система здравоохранения Кемеровской области в период преобразований 1985 – 1991 гг. Анализ архивных документов и статистической информации свидетельствует о том, что в период перестройки, достаточно подробно проработанные на теоретическом уровне перемены, на практике происходили медленно. В регионе, как и в целом по стране, не были предприняты меры по совершенствованию кадровой политики и материально-технической базы учреждений здравоохранения. Следствием чего явилось ухудшение здоровья населения.

In this article we have a look at the development of public health service in the Kemerovo region in the period of transformations in 1985 – 1991 years. The analyses of archival documents and statistical information indicates that during the period of Perestroika, the changes that were very good studied at theoretical level, were taking place very slowly in practice. In the region, as well as in the whole country, measures to improving personnel policy and material and technical basis of health-care agencies were not taken. It led to the decline of population's health.

Ключевые слова: здравоохранение, изменение состояния здоровья населения, диспансеризация, новый хозяйственный механизм.

Keywords: the public health service, changes of the state of health of the population, prophylactic, the new economic mechanism.

В истории здравоохранения как СССР, так и Кемеровской области годы перестройки являются одним из самых сложных и противоречивых периодов. Вместе с тем до настоящего времени в историографии отсутствовала обобщенная объективная характеристика медицины Кузбасса 1985 – 1991 гг. Отдельные работы были опубликованы более 20 лет назад в условиях иной идеологии и полностью не отражали данную проблему. В связи с этим, используя прежде всего архивные документы второй половины 1980-х гг., мы постарались представить характеристику здравоохранения данного периода.

К началу 1980-х гг. здравоохранение получило качественное и количественное развитие, имело как достижения, так и существенные недостатки. Меры, осуществленные в годы одиннадцатой пятилетки, способствовали развитию охраны здоровья населения и привели к повышению уровня и качества медицинской помощи и профилактической работы, но при этом не устранили недостатки в работе органов и учреждений здравоохранения. В партийных и государственных документах, периодической печати указывалось на несоответствие уровня медицинского обслуживания постоянно возрастающим потребностям населения. Происходило постепенное снижение выделяемых бюджетных средств. Значительное число больниц нуждалось в капитальном ремонте, оборудование физически и морально изнашивалось.

На апрельском Пленуме ЦК КПСС и XXVII съезде партии (1985 г.) М. С. Горбачев отметил неблагоприятные тенденции в экономике и социально-духовной сфере, которые привели к «застою» в жизни общества и подчеркнул необходимость коренного улучшения качества оказания медицинской по-

мощи, более полного удовлетворения потребностей населения в лекарствах, усиления профилактической направленности здравоохранения [9, с. 5].

Центральным направлением в развитии советского здравоохранения в двенадцатой пятилетке являлась профилактика. Данная тенденция нашла практическое воплощение в Комплексной программе по усилению профилактики заболеваний и укреплению здоровья населения России на 1985 – 1991 гг. В указанной программе сформулирована единая политика профилактической деятельности. Она включала около двух тысяч конкретных мер, направленных на укрепление здоровья всех групп населения, стимулирование рождаемости, снижение общей и детской смертности. Особое значение приобретали региональные программы по охране и укреплению здоровья человека.

По существу, перестройка здравоохранения Кемеровской области началась после принятия региональной комплексной программы «Здоровье трудящихся Кемеровской области на XII пятилетку». Программа стала составной частью политики Кузбасса в области здравоохранения на 1985 – 1991 гг. Ее целью являлось «сохранение и укрепление физического и психологического здоровья трудящихся и членов их семей, увеличение продолжительности активной жизни работающих при одновременном повышении производительности труда» [5, л. 2].

В советской стратегии профилактической деятельности важное место принадлежало всеобщей диспансеризации населения. Она предполагала ежегодное медицинское обследование каждого жителя с целью выявления лиц с ранними проявлениями различных заболеваний, а также подверженных воздей-

ствию неблагоприятных для здоровья факторов среды или образа жизни и проведение необходимых оздоровительных мер. Осуществление этой грандиозной по своим масштабам и социальной значимости программы явилось качественно новым этапом в развитии советского здравоохранения, когда государство брало на себя заботу о здоровье каждого гражданина.

Введение диспансеризации предполагалось осуществить в два этапа: до 1991 г. наряду с хроническими больными диспансерным наблюдением повсеместно охватить детей и подростков, учащуюся молодежь, беременных женщин, ветеранов войны, рабочих и служащих отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства, а к 1995 г. – все взрослое население.

В Кемеровской области охват диспансерным наблюдением рабочих, занятых в ведущих отраслях промышленности, строительства, транспорта, составлял 80 – 86 %, сельского хозяйства 79 – 85 %. В 100 % были взяты на диспансерный учет дети, подростки, инвалиды и участники Великой Отечественной войны [7, л. 4]. При этом для полного охвата населения диспансеризацией предстояло еще многое сделать: детально проработать организационные вопросы, создать и внедрить достаточно простые и унифицированные методы массовых обследований, подготовить кадры, провести разъяснительные работы с населением.

Предпринимались меры, направленные на улучшение условий и охраны труда. Так, в 1988 г. санитарная служба приостановила эксплуатацию 209 предприятий, производств, цехов. В городе Кемерово на коксохимическом заводе прервали работу коксовой батареи № 6 и 3 цехов на НПО «Карболит», производство ряда красителей на анилинокрасочном заводе [5, л. 5].

Все эти меры позволили снизить уровень заболеваемости с временной утратой трудоспособности на 5,2 % или 49 дней на каждые 100 работающих [1, л. 8]. Снизилось количество острых профессиональных заболеваний. В 1985 г. этот показатель составлял 212 человек, а в 1989 г. – 60 человек. При этом проблема хронических профессиональных заболеваний не была решена (1985 г. – 244 человека, 1990 г. – 332 человека) [4, л. 10]. Обобщение результатов обследования рабочих крупнейших предприятий Кемеровской области, полученных лабораторией генетики КеМГУ в 1985 – 1989 гг., позволило установить, что 77,92 % работающих мужчин и 74,5 % женщин страдали различными хроническими заболеваниями системного характера [8, с. 32]. Причина данной динамики обусловлена высокой концентрацией промышленного производства в Кемеровской области.

Не меньше внимания в комплексной программе «Здоровье трудящихся Кемеровской области на XII пятилетку» уделялось проблеме охраны здоровья работающих женщин и их детей. В большинстве

территорий области принимались специальные решения по данному вопросу. Значительно укрепилась материально-техническая база учреждений родовспоможения и детства. Сдан в эксплуатацию родильный дом в городе Кемерово, на базе которого и многопрофильной детской больницы организован перинатальный центр. Под детскую поликлинику передано административное здание в городе Березовском, под женские консультации в городах Прокопьевск и Новокузнецк [6, л. 8]. На крупных промышленных предприятиях городов Кемерово и Новокузнецка беременные женщины бесплатно получали витамины и препараты железа.

Несмотря на это, особое беспокойство вызывало качество лечебной и профилактической помощи женщинам и детям. Родильные дома, детские поликлиники и стационары, женские консультации из-за плохого уровня оснащения не обеспечивали современного уровня профилактики, диагностики и лечения. Многие детские больницы, поликлиники, родильные дома требовали реконструкции и переоснащения, не укомплектовывались квалифицированными кадрами.

Произошли значительные изменения в обеспечении отрасли медицинским персоналом. Обеспеченность врачами в Кузбассе составляла в 1985 г. 40,7 на 10 тыс. населения (в РСФСР – 44,9 на 10 тыс. населения). Этот показатель продолжал расти в течение следующих пяти лет и в 1991 г. увеличился до 42,3 на 10 тыс. населения, в то время как в среднем по РСФСР этот показатель составлял 34,8 на 10 тыс. населения [4, л. 21].

Однако нельзя говорить о том, что проблема дефицита врачей в области была решена. В связи с тем, что в последние годы в основном все врачи направлялись на укомплектование участков и скорой медицинской помощи, обеспеченность «узкими» специалистами несколько уменьшилась.

В Кемеровской области в период перестройки сложилось крайне тяжелое положение с кадрами средних и младших медицинских работников, что затрудняло оказание медицинской помощи населению.

Острая потребность в кадрах обусловила необходимость поиска путей ее решения и погоню за количественными показателями. Так, внедрялась подготовка среднего и младшего медицинского персонала по ускоренной программе без отрыва от работы в городах, где нет медицинских училищ. В 1985 г. были организованы 7 групп в Топках, Березовском, Осинниках, Междуреченске и Киселевске [2, л. 3]. Несмотря на это показатель обеспеченности населения средним медицинским персоналом оставался низким (рис.).

Главными причинами такой ситуации являлась низкая оплата труда работников здравоохранения в сравнении с другими отраслями народного хозяйства и неразрешенность жилищно-бытовых проблем.

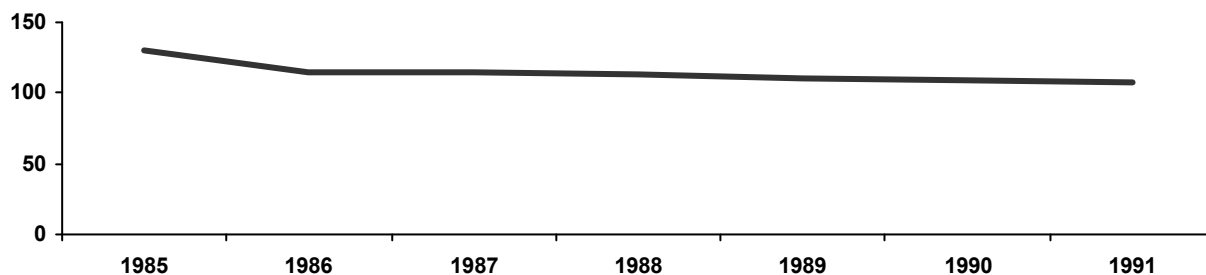

Рис. *Изменение численности медперсонала в Кемеровской области в 1985-1991 гг. **

* Составлено по: ГАКО. Ф. Р-864. Оп.1. Д 1303. Л. 6.; Кузбасс. 1992: стат. сб-к, 1993. – С. 52.

Укрепление материально-технической базы послужило основой дальнейшего совершенствования организации медицинской помощи населению, углубления профилактической направленности, внедрения новых форм диспансерного учета. Планирование здравоохранения в стране осуществлялось на основе так называемых представительных характеристик, среди которых главной являлось число больничных коек. В отличие от почти всех остальных отраслей, здравоохранение демонстрировало способность советской экономики, с одной стороны, реализовывать намеченные планы, а с другой – опережать Запад. Так, в 1988 г. в США на 10 тыс. жителей приходилось 51,2 больничных койки, а в СССР – 131,3 больничных койки [10, с. 145]. В тех случаях, когда выполнение планов по расширению коечной сети сдерживалось несвоевременной сдачей новых больниц, решение находилось за счет установки дополнительных коек на ранее имевшихся площадках.

Проблема заключалась, однако, в том, что в технологическом отношении советское здравоохранение было в целом несопоставимо с западным. План по вводу больниц, поликлиник, родильных домов в Кемеровской области выполнялся на 40 – 60 % [6, л. 12]. Медленными темпами проводились реконструкция и модернизация действующих лечебных учреждений. Значительное число больниц, родильных домов, поликлиник, сельских амбулаторий размещалось в помещениях, нуждающихся в капитальном ремонте.

Другим важным вопросом являлась проблема лекарственного обеспечения населения. В конце 1980-х гг. улучшилась совместная работа органов здравоохранения и объединения «Фармация» по определению потребности в лекарственных препаратах, их рационального использования. Для населения отдаленных сел и деревень стало более доступным приобретение медикаментов. Для этих целей организовывалась работа передвижных аптечных пунктов и круглосуточная аптечная служба в районных центрах. Однако следует отметить, что, начиная с 1988 г., в Кемеровской области сложился большой дефицит в лекарственных препаратах. Комиссия при

участии главных специалистов облздравотдела Кемеровской области выявила перебои с обеспечением гормональными препаратами, ферментами, биопрепаратами, сердечными гликозидами [5, л. 8].

В 1987 г. был спроектирован так называемый новый хозяйственный механизм (НХМ), с целью придать большую гибкость и рациональность экономическому поведению учреждений здравоохранения. Эксперимент по использованию НХМ проводили в лечебно-профилактических учреждениях трех областей: Кемеровской, Ленинградской и Самарской. Сметное финансирование в расчете преимущественно на сетевые показатели заменялось образованием так называемых единых фондов финансовых средств, которые формировались в расчете на численность населения, проживающее в зоне обслуживания. Соответствующие ассигнования передавались в распоряжения амбулаторно-поликлинических учреждений, которые выступали в роли так называемых фондодержателей и расплачивались со стационарами за услуги, оказываемые направляемым поликлиникой пациентам. Возросла самостоятельность в оказании платных услуг, развивались договорные отношения, внедрялись новые формы оплаты и организации труда.

Новый хозяйственный механизм во многом оказался несовершенным. Однако он обладал рядом преимуществ, прежде всего простотой и прозрачностью. НХМ благоприятствовал решению одной из наиболее значимых для отечественного здравоохранения задач: удешевлению лечения, в том числе за счет уменьшения числа и продолжительности госпитализаций. Разумеется, такой подход создавал опасность того, что экономия будет достигаться за счет ухудшения качества медицинского обслуживания. Однако, как показывает опыт Самарской и Кемеровской областей, очевидный характер такого рода риска помог успешнее, по сравнению с другими регионами, внедрить контроль качества. В результате внедрения данного механизма выявились значительные резервы сокращения коечного фонда и средней продолжительности госпитализации. За 1988-1991 гг. показатели обеспеченности населения койками снизилось на 26 % в Самарской и 34 % в

Кемеровской области, среднее число дней пребывания больного на койке уменьшилась соответственно на 12,4 и 6 % [11, с. 78].

Механизм внедрения новых форм организации управления здравоохранением в период перестройки не реализовался полностью, поскольку сохранялись прежние условия функционирования социальной сферы и эксперимент не получил дальнейшего развития. Его практически свернули без соответствующей оценки.

Результатом влияния преобразований периода перестройки стало изменение состояния здоровья населения страны. Демографическая ситуация в Кемеровской области в 1985-1991 гг. характеризовалась сначала ростом, а с 1987 г. снижением численности населения. На 1991 г. количество жителей Кузбасса в целом составляло 3180,4 тыс. человек [7, с. 38].

Наибольшие показатели смертности населения зарегистрированы в 1988 г. в городах Тайга (13,2 на 1000 человек), Анжеро-Судженск (11,4 на 1000 человек), Осинники (11,3 на 1000 человек); в районах – Мариинский (15,3 на 1000 человек), Ленинск-Кузнецкий (13,8 на 1000 человек), Гурьевский (13,7 на 1000 человек) [7, с. 39].

Анализ динамики показателей общей смертности и рождаемости позволил сделать вывод о том, что для Кемеровской области характерны те же особенности, что и в целом для РСФСР: до 1988 г. рождаемость превышала смертность, обеспечивая ежегодно высокий естественный прирост населения. Начиная с 1988 г. и до 1991 г. показатели смертности стали расти, а рождаемости падать.

Структура причин смертности была достаточно стабильна во времени и не претерпела существенных изменений в период перестройки.

Основные причины смертности: сердечно-сосудистые заболевания, новообразования, травмы и несчастные случаи. Наиболее интенсивно в регионе выросла смертность от новообразований. В 1985 г. составляло 14,9 тыс. человек, в 1991 г. – 17,8 тыс. человек [7, с. 42].

В заключение констатируем, что к началу 1990-х гг. социальное развитие Кузбасса, как и в целом страны, было неоднозначным. С одной стороны, осуществлялись разработанные государственные социальные программы, комплексная программа «Здоровье трудящихся Кемеровской области на XII пятилетку» и новый хозяйственный механизм. Однако этого оказалось недостаточно. Многочисленные программы перестройки в основном носили декларативный характер. Отсутствие конкретного

механизма реализации провозглашенных задач привело к обратному результату. В стране стали довольно заметно проявляться сомнения в целесообразности «перестройки» и в способности партийно-государственного руководства страны переломить ход событий: оно оказалось неспособным активно влиять на улучшения процесса.

Достигнутые за годы XII пятилетки рост кадровых и материально-технических ресурсов здравоохранения Кемеровской области не привел к качественным сдвигам – улучшению медицинской помощи и профилактической работы. Начали проявляться серьезные недостатки в модернизации материально-технической базы здравоохранения, в обеспечении лечебно-профилактических учреждений современной медицинской техникой, лекарственными средствами. Эти недостатки сказались прежде всего на демографической ситуации в области.

Общая ситуация к началу 1990 г. стала очевидна – государственные лечебно-профилактические учреждения уже не могли обеспечить даже тот недостаточный уровень медико-санитарной помощи населению, который был достигнут до начала перестройки и реформ в стране.

Литература

1. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1262.
2. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1267.
3. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1303.
4. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1336.
5. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1355.
6. ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1393.
7. Кузбасс. 1992: стат. сб.-к. Кемерово, 1993. – 130 с.
8. Лавряшин, Б. В. Анализ структуры хронических патологий рабочих промышленных предприятий Кузбасса / Б. В. Лавряшин, Т. А. Толочко // Проблемы социальной гигиены и организации здравоохранения. Т. 1. – Новокузнецк, 1991. – С. 32 – 33.
9. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – 352 с.
10. Социальное развитие СССР: стат. сб. - М.: Финансы и статистика, 1990. – 398 с.
11. Чубарова, Т. В. Перспективы реформы здравоохранения в России: необходимость новых подходов / Т. В. Чубарова // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 5. – С. 75 – 85.

УДК 94:632.982.4(571.1)''1970/80''

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ АВИАЦИОННО-ХИМИЧЕСКИХ РАБОТ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1970-Е ГОДЫ

Т. А. Сычева

STATUS AND DEVELOPMENT OF AERIAL CHEMICAL WORK WESTERN SIBERIA IN 1970 S

T. A. Sycheva

В статье исследуются основные направления применения авиации при выполнении авиахимработ в народном хозяйстве. Внимание сфокусировано на динамике выполнения работ на протяжении 1970-х годов и причинах снижения уровня востребованности авиахимработ в сельской местности.

In the article the basic directions of the application of aviation with the fulfillment of aerial chemical operations in the national economy are investigated. Attention is focused on the dynamics of the fulfillment of works for a period 1970-s of years and the reasons for a decrease in the level of the need for rural locality.

Ключевые слова: авиахимработы, сельское хозяйство, Западная Сибирь, борьба с вредителями, борьба с сорной растительностью.

Keywords: aerial chemical operation, agriculture, West Siberia, fight with the wreckers, fight with the waste vegetation.

Развитие современного общества немыслимо сегодня без авиации. Авиация обслуживает многие сферы человеческой жизни. Гражданская авиация, появившись в 1923 году, сегодня занимает одно из ведущих мест в транспортной системе. Однако на авиацию, кроме прямого назначения, связанного с перевозкой почты и грузов, была возложена функция помощи народному хозяйству в обеспечении внесения удобрений, сеникации, борьбе с сорной растительностью и насекомыми-вредителями. В этой сфере авиация была призвана на помощь кол-

хозам и совхозам сохранить и повысить урожаи зерновых и овощных культур.

До 1948 г. для выполнения авиационно-химических работ в стране использовались в основном самолёты ПО-2. В довоенное время объёмы авиахимических работ в целом по стране не превышали 1 млн га. В 1948 г. начали использоваться самолёты АН-2, более высокая производительность которых позволила резко увеличить объёмы авиационно-химических работ. В 1950 – 80 гг. АН-2 выполнял основной объём работ в сельском хозяйстве.

Таблица 1

Развитие авиационно-химических работ в сельском хозяйстве Западной Сибири [1]

Год	Обработано, тыс. га	Год	Обработано тыс. га	Год	Обработано, тыс. га
1950	99,8	1971	20005,4	1976	1816,2
1955	389,0	1972	2283,0	1977	1682,4
1960	652,7	1973	2380,7	1978	1845,6
1965	1609,2	1974	1866,1	1979	1820,2
1969	2525,0	1975	1992,5	1980	1909,3

За 1950 – 1969 гг. приводился общий объём работ, выполненных Западно-сибирским управлением ГА как в Западной Сибири, так и за её пределами.

В 1960 г. в Западной Сибири было обработано 652,7 тыс. га, что в 6,5 раз больше, чем в 1950 г., а к концу шестидесятых годов объём работ превысил 2 млн га [2].

В 1973 г. на территории Западной Сибири был выполнен наибольший объём работ – 2380,7 тыс. га. В последующие годы наметилась тенденция к снижению объёмов авиахимических работ. Причины этого будут рассмотрены ниже.

Авиационно-химические работы (АХР) в Западной Сибири выполнялись авиапредприятиями Западно-Сибирского управления Гражданской Авиации (ЗСУ ГА): Новосибирским, Омским, Барнауль-

ским, Томским, Новокузнецким и Кемеровским.

В связи с увеличением производства химических средств, роль авиации в сельском хозяйстве с каждым годом возрастала. Во многих колхозах и совхозах самолёты в этот период стали такой же необходимой техникой, как тракторы и комбайны. Только на борьбе с сорной растительностью в регионе применяли самолёты ежегодно 270 – 330 хозяйств. Так, в 1979 г. были выполнены работы по борьбе с сорняками на площади 1547,9 тыс. га в 304 хозяйствах, то есть в среднем на одно хозяйство приходится 5100 га авиационных работ. Отдельные хозяйства выполняли работы с помощью авиации на площади 8 – 10 тыс. га и более [3].

Применение авиации в сельском хозяйстве повышало уровень механизации сельскохозяйственного производства, улучшало условия труда на работах по внесению химикатов, высвобождало значительное количество рабочих и наземной техники в напряженные периоды полевых работ, повышало энерговооруженность труда и энергообеспеченность колхозов и совхозов, способствовало росту производительности общественного труда. Благодаря высокой производительности самолётов, работы проводились в оптимальные агротехнические сроки, что способствовало росту урожайности и улучшению качества сельскохозяйственных культур.

Существовали и некоторые недостатки авиационной техники, по сравнению с наземной: ограниченность применения авиации по условиям рельефа, величиной и конфигурацией полей, наличием на полях электрических и телефонных линий; ограниченность применения авиации по метеоусловиям (плохая видимость, ветер); более высокая себестоимость обработки 1 гектара с большими нормами расхода химикатов.

Несмотря на вышеуказанные недостатки, в 1970-е годы в Западной Сибири авиация выполняла существенную долю от общего объема химических работ, но ниже, чем в среднем по стране. Из общего объема авиахимических работ имели тенденцию к снижению работы по внесению удобрений (с 105,4 тыс. га до 72,8 тыс. га) и составляли всего 5,6 % к общему объему выполненных авиацией работ ПАНХ [4]. Эти работы имели наименьший удельный вес в общем объеме работ по внесению удобрений. Наибольший удельный вес занимали работы по борьбе с сорной растительностью – 57,5 % [5].

Значительной была роль авиации и в уничтожении вредителей сельскохозяйственных культур. В 1971 г. только на борьбе с зерновой совкой в регионе было обработано с помощью авиации 192,0 тыс. га, в 1976 г. – 205,4 тыс. га. Во второй половине 1970-х годов численность этого вредителя резко сократилась и объемы авиахимической борьбы составляли 5 – 20 тыс. га. На борьбе с грызунами в 1972, 1973 гг. было обработано авиацией соответственно 146,0 тыс. га и 231,8 тыс. га, а в годы десятой пятилетки объем этих работ не превышал 20 – 40 тыс. га вследствие сокращения численности вредителя [6]. Основная заслуга в этом принадлежит авиации, которая способна была в короткий срок обработать большие массивы.

Таким образом, авиация играла существенную роль в выполнении химических работ в Западной Сибири, являлась составной частью материально-технической базы сельского хозяйства.

В земледелии все производственные процессы связаны с ростом и развитием растений. Этим и сегодня обуславливается сезонность сельскохозяйственного производства, что обрекает большинство сельскохозяйственных машин, особенно специали-

зированных, на длительные простои. Самолёты и вертолёты в меньшей мере зависят от сезонности сельскохозяйственного производства. Они могут быть использованы в других отраслях народного хозяйства.

Однако при анализе выполнения авиационно-химических работ в использовании самолётов и вертолётов наблюдалась такая же сезонность, как и при применении наземных машин. Самым напряженным периодом в условиях Западной Сибири являлись июнь и июль. В этот период проводился весь объем работ по борьбе с сорной растительностью и основная часть работ по борьбе с вредителями и болезнями растений. Так, например, в 1979 г. в июне-июле было выполнено 76,3 % годового объема работ [7]. Основные работы были проведены авиапредприятиями в течение апреля-октября. Если же учесть, что в апреле и октябре работы выполнялись в Поволжье, Белоруссии и Таджикистане, то период выполнения авиахимических работ в Западной Сибири составлял 5 месяцев – с мая по сентябрь.

В зависимости от характера и назначения работ и применяемых химических веществ виды работы можно разделить на четыре группы:

- 1) борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур;
- 2) борьба с сорной растительностью;
- 3) внесение минеральных удобрений;
- 4) дефолиация и десикация сельскохозяйственных культур (в эту группу включаются также работы по сеникации посевов и борьбе с полеганием зерновых культур).

По обработанной площади и удельному весу ведущим видом в регионе во второй пол. 1970-х г. были работы по борьбе с сорняками, которые достигали 1438,8 тыс. га и составляли 79,3 % от общего объема работ [8].

По трудоемкости (по затратам летного времени) они также являлись основным видом. Удельный вес этого вида работ на протяжении второй пол. 1970-х годов возрастал.

Второй по величине группой являлись работы по внесению удобрений, однако их объем по площади и по удельному весу на протяжении 1970-х годов сокращался. Работы по сеникации посевов пшеницы находились в зависимости от климатических и других условий произрастания культур. Они значительно изменялись по годам и четкой тенденции не имели.

Объемы работ по борьбе с вредителями и болезнями в 1970-е г. сокращались и по удельному весу, и по площади. Это объясняется резким сокращением численности таких вредителей, как грызуны, зерновая совка, саранча и луговой мотылек, вследствие уничтожения их с помощью авиации.

Определенный интерес представляет анализ выполнения авиахимических работ по областям. В годы десятой пятилетки в ряде областей объемы авиахимических работ сокращаются. Так, в 1979 г. в Но-

восибирской области выполнено работ в 1,9 раза меньше, чем в 1971 г., в Кемеровской области в 2,1 раза и в Томской в 2,8 раза меньше. В Алтайском крае за этот период объемы работ возросли в

1,4 раза, в Омской области в 1,12 раза. В целом по Западной Сибири объемы авиахимических работ стабилизировались и составлялись ежегодно около 2 млн га [10].

Таблица 2

Динамика объемов авиахимработ по группам и их удельный вес, % [9]

<i>Группа работ</i>	<i>1971 г.</i>		<i>1975 г.</i>		<i>1979 г.</i>	
По обработанной площади,	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Борьба с вредителями и болезнями	308,2	15,4	138,5	7,0	120,5	6,6
Борьба с сорняками	1212,0	60,4	1332,1	66,9	1438,8	79,3
Внесение удобрений	442,6	22,1	514,8	25,8	188,8	10,5
Сеникация и борьба с полеганием	42,6	2,1	7,1	0,3	65,6	3,6
Итого	2005,4	100	1992,5	100	1813,7	100
По затратам летного времени	час	%	час	%	час	%
Борьба с вредителями и болезнями	3431	11,6	1979	6,7	2096	9,5
Борьба с сорняками	13632	46,3	14682	49,7	14413	65,1
Внесение удобрений	11639	39,5	12713	43,1	4424	20,0
Сеникация и борьба с полеганием	761	2,6	152	0,5	1201	5,4
Итого	29463	100	29526	100	22134	100

Таблица 3

Динамика выполнения авиахимических работ по областям Западной Сибири, тыс. га [11]

Область, край	1971	1975	1976	1977	1978	1979	1980
Новосибирская	552,2	577,7	398,0	344,9	363,0	285,1	332,4
Омская	456,6	535,6	531,0	393,3	434,6	514,4	435,7
Алтайский	637,8	624,1	679,1	767,0	884,4	868,8	943,1
Томская	164,4	156,0	124,2	114,7	80,6	57,7	76,7
Кемеровская	194,4	99,1	83,9	62,6	82,9	94,1	94,3
Итого:	2005,4	1992,5	1816,2	1682,5	1845,5	1820,1	1909,3

Наибольший объем работ выполнялся в Алтайском крае. В 1979 г. в крае было выполнено 47,5 % от всего объема работ в Западной Сибири. Незначителен удельный вес Томской и Кемеровской областей, соответственно 3,8 % и 5,2 % [1]. Алтайский край занимал в этот период наибольший удельный вес по всем видам работ, кроме сеникации культур. Борьба с сорняками являлась основным видом работ во всех областях Западной Сибири. Однако удельный вес этого вида работ значительно изменялся по областям и составлял от 53 % до 88 %. Наибольший удельный вес работ по внесению удобрений в Томской области составлял 29,3 % [12].

Значительные различия в структуре и объемах авиахимических работ по областям вызваны различными природно-климатическими условиями. Так, в Томской и Кемеровской областях объемы авиахимических работ ограничиваются малыми размерами полей, их неправильной конфигурацией. В северных районах Томской области авиация не применялась совсем. На полях Новосибирской, Омской областей и в Алтайском крае возможности применения авиации были значительно выше. Все же в Новосибирской области объемы работ снижа-

лись. Существовали объективные причины сокращения авиахимических работ в ряде областей.

Так, работы по борьбе с сорняками были ограничены требованиями охраны окружающей среды. Ежегодно возрастало количество препятствий на полях (линий электропередач), увеличивалось число ветрозащитных лесополос. Работы по внесению удобрений были ограничены наличием удобрений, большая часть которых во второй половине 1970-х г. вносилась под орошаемые культуры большими нормами с помощью наземной техники.

Работы по борьбе с вредителями зависели от их появления. Как правило, авиацией обрабатывались крупные очаги вредителей, число которых сокращалось.

Однако в областях Западной Сибири имелись большие резервы в увеличении объемов авиахимических работ. В условиях Западной Сибири большое значение имели сроки уборки зерновых культур, ускорение их созревания. Авиация позволяла в короткий срок провести сеникацию посевов, что позволяло раньше начинать уборочные работы. Авиация использовалась в ранний весенний период, когда было невозможно применить наземную технику,

провести подсев многолетних трав на пойменных и орошаемых лугах.

Авиацимические работы на протяжении 1970-х годов выполнялись следующими способами: опыливанием, опрыскиванием или способом рассева (удобрений, пряминок). Весь объем работ по борьбе с сорняками выполнялся способом опрыскивания. Работы по внесению удобрений выполнялись способом рассева (основное внесение и внекорневая подкормка) и опрыскиванием (внекорневая подкормка). Рассевом выполнялось до 94 % всех работ по внесению удобрений. Из общего объема работ по борьбе с вредителями и болезнями опрыскиванием выполнялось в среднем 90 %. Способом опыливания работы не выполнялись, так как этот способ имеет ряд недостатков: большой расход химикатов и значительные их потери, сложность механизации загрузки, большая загрязненность воздуха ядохимикатами, более сильная зависимость от метеословий. Если опрыскивание можно проводить при скорости ветра до 5 м/сек, то при опыливании она не должна превышать 2 м/сек. Все это заставляло отказываться там, где это возможно, от авиаопыливания и переходить на проведение работ другими способами.

Авиацимические работы в Западной Сибири выполнялись самолетами АН-2 и вертолетами Ми-2. С помощью вертолетов обрабатывался относительно небольшой объем авиацимических работ. Так, в 1979 г. вертолетами было обработано 32,9 тыс. га [13], что составляло 1,8 % от объема авиацимических работ, выполненных в регионе. Применялись они главным образом на борьбе с сорняками, а также на борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур, на полях с малой длиной гона, где самолеты применить было невозможно.

Производительность самолетов зависела от следующих факторов: нормы расхода химикатов, длины гона обрабатываемого участка, расстояния полета от аэродрома до участка, ширины рабочего захвата и других факторов. Анализ показал, что средняя производительность самолетов АН-2 в летний час на борьбе с сорной растительностью по всем авиапредприятиям возрастала. В целом по управлению она выросла за 10 пятилетку на 14 %. Рост производительности был достигнут за счет роста малообъемного опрыскивания (норма объема 25 л/га, вместо 50 и 100 л/га).

На работах по внесению удобрений производительность в летний час за 1970-е г. имела тенденцию к снижению, так как увеличивалась средняя норма внесения удобрений на 1 гектар.

Использование самолетов и вертолетов характеризовалось и средним дневным налетом часов на машину. За последние годы десятой пятилетки по самолетам АН-2 этот показатель снизился. Так, на работах по борьбе с вредителями и болезнями средний дневной налет за 1979 г. сократился, по сравнению со средним за 1971 – 1975 гг., на 7,1 %, по

борьбе с сорняками, соответственно, на 10,4 % и на внесении удобрений на 9,2 % [14].

От дневного налета часов зависела выработка самолета в рабочий день и в сезон. Этот показатель зависел от метеословий и уровня организации работы на аэродроме.

Сезонная выработка на самолет зависела от часовой и дневной выработки, а также от использования календарного времени. Как показывает анализ, удельный вес простоев в общем количестве календарных самолето-дней на борьбе с вредителями сократился с 6,0 % в 1975 г. до 3,0 % в 1979 г., а на борьбе с сорной растительностью возрос за этот период с 4,2 % до 7,8 %. Увеличение удельного веса простоев на борьбе с сорняками происходило в основном за счет простоев по метеословиям, удельный вес которых в общем количестве простоев возрос с 66 % в 1975 г. до 89,5 % в 1979 г. Простои же по организационным причинам (по вине совхозов и экипажа) сократились за этот период по удельному весу с 34,0 % до 10,5 % [15]. Такая же зависимость наблюдалась и по другим видам работ.

По всем видам авиацимических работ возрастал удельный вес вспомогательных самолето-дней (выходные дни экипажа, перелет к месту работы, оформление документации). Так, на борьбе с сорняками удельный вес вспомогательных самолето-дней возрос за анализируемый период с 6,4 % до 10,8 %, а удельный вес рабочих самолето-дней сократился с 89,4 % до 81,4 %. На внесении удобрений удельный вес рабочего времени за этот период возрос с 82,5 % до 84,4 % [16].

Снижение удельного веса рабочего времени говорит об ухудшении организации работы на оперативных точках в колхозах и совхозах.

Улучшения использования самолетов достигалось совместными усилиями сельского хозяйства и авиапредприятий. Большое влияние на улучшение использования авиационной техники оказывала централизация химического обслуживания сельского хозяйства, организация межхозяйственных пунктов химизации с взлётно-посадочными полосами (ВПП) с твердым покрытием.

Анализ данных показал, что из общего числа простоев по метеословиям около 20 % приходится на простои из-за размывания грунтовых аэродромов. Строительство ВПП с твердым покрытием позволяло значительно сократить простои, начинать работы по внесению удобрений ранней весной, когда было невозможно использовать наземную технику. Это значительно увеличило объемы авиацимических работ и позволило увеличить урожайность сельскохозяйственных культур.

Одним из основных направлений в повышении экономической эффективности работ по борьбе с сорняками являлось применение малообъемного (МО) и ультрамалообъемного (УМО) опрыскивания. К малообъемному относят опрыскивание с нормой расхода рабочего раствора химиката 10 – 25 л/га, а к

ультрамалообъемному – менее 10 л/га [17]. Производительность полётов в обоих случаях повышалась за счет увеличения удельного веса времени работы над участком и сокращения его на подлеты к участку и обратно в общих затратах времени на обработку. Чем меньше норма расхода химиката, тем выше производительность полётов.

В 1979 г. малообъемным способом (25 л/га) было обработано 954,6 тыс. га [18], что составляло 62 % от всего объема работ по борьбе с сорной растительностью, выполненных ЗСУ ГА.

Внедрение сниженных норм рабочей жидкости не требовало дополнительных капитальных затрат, поскольку повышение эффективности производства достигалось за счет более рационального использования лётного времени.

При применении нормы расхода 25 л/га производительность полётов возросла на 19,9 %, а себестоимость обработки гектара снизилась на 16,1 %. Выработка на одного работника, занятого на обслуживании самолёта, возросла на 27,7 %. Народнохозяйственный экономический эффект в гражданской авиации за счет снижения приведенных затрат составил 44 тыс. руб. (в расчете на объем работ 400 тыс. га) [19].

Результаты предварительной экономической оценки: внедрение ультрамалообъемного опрыскивания на работах по борьбе с сорняками на самолётах АН-2 позволило увеличить производительность полётов в 2,2 раза, производительность труда в 1,8 раза, а народнохозяйственный экономический эффект в гражданской авиации на площади 50 тыс. га составил 31 тыс. руб. Экономия сельскохозяйственных предприятий только за счет снижения тарифов за обработку составил 17,5 тыс. руб. [20].

Существовали и другие пути повышения экономической эффективности авиахимических работ. Так, например, применение загонного способа обработки и совмещенного способа обработки нескольких участков за один полёт повышало производительность полетов, по сравнению с челночным способом, на 7 – 13 % и, следовательно, снижало себестоимость работ и приведенные затраты.

Т. о. авиация играла значительную роль в выполнении химических работ в сельском хозяйстве Западной Сибири. Ежегодно с помощью авиации выполнялось около 2 млн га. сельхозугодий, что высвобождало значительное количество рабочих и техники в напряженные периоды сельскохозяйственных работ.

Существовали резервы в повышении экономической эффективности авиахимических работ: дальнейшее расширение объемов работ, выполняемых малообъемным опрыскиванием, что повышало про-

изводительность самолётов и снижало себестоимость и приведенные затраты на один гектар, способствуя росту производительности труда в сельском хозяйстве.

Основное внимание в нач. 1980-х годов было уделено следующим проблемам применения авиации в сельском хозяйстве Западной Сибири:

1) сравнительная экономическая эффективность и рациональное сочетание наземного и авиационного способов внесения химикатов;

2) целесообразность строительства взлетно-посадочных полос с твердым покрытием в условиях Западной Сибири, окупаемость затрат на их строительство;

3) роль авиации в системе централизованного агрохимического обслуживания сельского хозяйства;

4) экономическая эффективность новых технологий авиационного внесения химикатов, их влияние на улучшение экономических показателей авиахимических работ;

5) народнохозяйственный и хозрасчетный экономический эффект от внедрения новых технологий.

Источники

1. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1099. Л. 17 – 18; Д. 1100 Л. 90; Д. 1101. Л. 56 – 57; Д. 1134. Л. 4 – 5; Д. 1589 Л. 1; Д. 1598 Л. 3.
2. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1099. Л. 17 – 18.
3. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1101. Л. 57.
4. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1598. Л. 3.
5. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1100. Л. 90.
6. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1101. Л. 57.
7. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1589. Л. 1.
8. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1134. Л. 4.
9. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1099 Л. 17 – 18; Д. 1100 Л. 90; Д. 1101 Л. 56 – 57; Д. 1134. Л. 4 – 5; Д. 1589 Л. 1; Д. 1598 Л. 3.
10. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1134 Л. 4 – 5.
11. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1100 Л. 90.
12. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1598 Л. 3.
13. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1598 Л. 3.
14. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1134 Л. 5.
15. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1101 Л. 57.
16. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1100 Л. 90.
17. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1134 Л. 5.
18. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1110 Л. 56.
19. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1598 Л. 3.
20. ГАНО Ф. Р.1712. Оп. 1. Д. 1099 Л. 17 – 18; Д. 1100 Л. 90; Д. 1101 Л. 56 – 57; Д. 1134 Л. 4 – 5; Д. 1589 Л. 1; Д. 1598 Л. 3.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.86

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА
ПРИ ПОМОЩИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*М. В. Косенкова, Е. С. Чернова*RESEARCH OF THE EDUCATIONAL SYSTEM OF REGION
USING MATHEMATICAL MODELLING IN
THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT*M. V. Kosenkova, E. S. Chernova*

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы» по лоту шифр «2011-1.4-502-004» «Проведение поисковых научно-исследовательских работ в целях развития общероссийской мобильности в области информационно-телекоммуникационных технологий и вычислительных систем» по теме: «Разработка математических моделей, алгоритмов и Web-приложений для поддержки стратегического управления инновационной организацией (государственный контракт № 14.740.11.0965 от 05.05.11).

В статье рассматривается проблема функционирования системы образования с точки зрения контекста устойчивого развития. Построена математическая модель динамики численности групп населения в сфере образования в виде дискретной задачи оптимального управления. Доказана теорема существования оптимальной траектории и предложен метод ее нахождения, формализовано понятие равновесия.

The article considers the problem concerning functioning of educational system in terms of the sustainable development context. Mathematical model of dynamics of numerosity of the population groups in the educational sector is built in the form of discrete optimal control problem. Theorem of existence of optimal trajectory is proved, method of finding of the solution is proposed, concept of balance is formalized.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальная система, оптимальное управление, равновесие, математическое моделирование, система образования.

Keywords: sustainable development, social system, optimal control, balance, mathematical modelling, educational system.

В настоящее время, в связи с присоединением России к Болонскому процессу и сопутствующим переходом к двухуровневой системе высшего образования, реформированием школьного образования, демографическим спадом в РФ, возникают проблемы набора абитуриентов на различные направления подготовки и в целом выбора стратегических направлений развития системы образования с учетом социально-экономических факторов и региональных особенностей.

Под устойчивым развитием в самом общем смысле понимается такое состояние общества, при котором удовлетворяются потребности настоящего поколения без лишения возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности. Оно включает в себя не только экономические, но также экологические и социальные составляющие, которые являются основой триединой концепции устойчивого развития [16].

Переход к устойчивому развитию РФ в целом возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов [8]. Это предполагает формирование эффективной пространственной структуры экономики страны при

соблюдении баланса интересов всех субъектов Российской Федерации, что предопределяет необходимость разработки и реализации программ перехода к устойчивому развитию для каждого региона, а также дальнейшей интеграции этих программ при разработке государственной политики в области устойчивого развития. Проблемы, решаемые в каждом регионе, в значительной степени должны соответствовать федеральным задачам, но при этом необходим учет местных особенностей.

Социальная составляющая устойчивого развития подчеркивает важность сохранения стабильности существующих социальных систем. Устойчивое развитие предполагает создание такой социально-экономической системы, которая обеспечивала бы на долгосрочной основе не только высокий уровень жизни, но и высокий уровень ее качества, т. е. рост реальных доходов, образовательного уровня, улучшения здравоохранения и т. д. Помимо всего перечисленного, устойчивое социальное развитие означает сбалансированное решение демографических проблем [15], к числу которых относятся упадок в численности коренного населения России, демографическое развитие семьи, миграция, высокий уро-

вень смертности и низкий уровень рождаемости, диспропорция в численности городского и сельского населения и др. Важное место среди них занимает проблема образования.

За это десятилетие ожидается резкое, более чем на 40 %, уменьшение числа выпускников школы и соответственное уменьшение приема во все учреждения профессионального образования [11]. В связи с этим возникает необходимость в определении спроса на учебные места и расчета количества учебных мест для каждого региона, что в значительной мере и определяет уровень образования – один из главных индикаторов уровня жизни. В основу методологии исследования данной глобальной проблемы может быть положено математическое моделирование как способ научного познания, позволяющий охватить все аспекты устойчивого развития [3, 4, 13].

Широкое распространение получили модели формирования учебных групп и прогнозирования числа учащихся, переходящих из одной образовательной категории в другую. Наиболее часто используются регрессионные и в особенности авторегрессионные модели. Кроме того, применяются потоковые модели, а также модели линейного программирования и имитационные модели планирования учебной работы. Поскольку процесс обучения имеет годовой цикл, то широкое распространение получили различные варианты марковской модели. Существуют также работы, в которых рассматривается анализ сочетания классического и дистанционного обучения в школе при помощи систем массового обслуживания. Более полное представление об уровне исследований в рассматриваемой области можно найти в [6].

В Институте прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН в 1995 году были построены структурные модели, показывающие, как будет ме-

няться общая эффективность системы образования при изменении финансового положения при различной структурной политике [7]. При этом выделялось три группы вузов: университеты, обеспечивающие инновационный потенциал; инженерные вузы, ориентированные на поддержание техносферы и социальной структуры; педагогические и медицинские вузы, а также другие институты, готовящие людей массовых профессий. В статье [1] обсуждается проблема экономического анализа роли высшей школы в создании инновационной среды в России.

В данной работе рассмотрим проблему устойчивого функционирования социальной системы образования, где устойчивость понимается через стабилизацию потоков учащихся и выпускников в институциональных структурах системы образования с учетом непрерывности обучения.

С целью моделирования системы образования разобьем население на следующие классы: Q_1 – класс людей, получающих среднее образование, Q_2 – начальное специальное, Q_3 – среднее специальное, Q_4 – высшее, Q_5 – класс людей, не занятых в образовательном процессе.

Будем предполагать, что структура социальной системы остается неизменной на протяжении конечного периода времени $[0, T]$, разбитом дискретными точками $0, 1, 2, \dots, T$ с шагом дискретизации – один год. Тогда её можно представить в виде ориентированного графа $G=(S, F)$ (рис. 1.), где S – множество его вершин, соответствующих классам группировки, а F – множество дуг. Возможность перехода из класса Q_i в класс Q_j определяется наличием дуги $(i, j) \in F$.

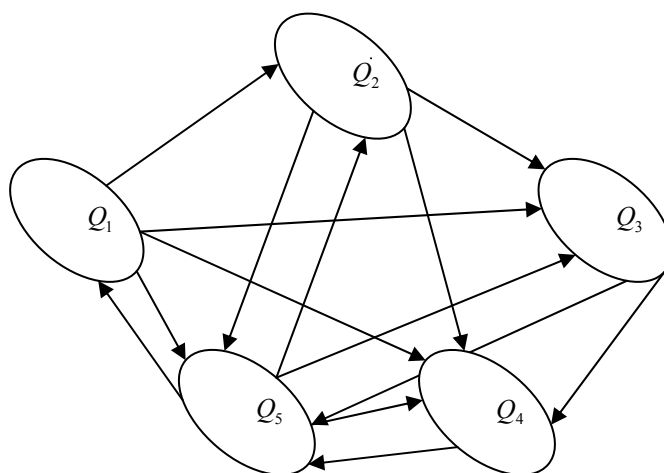

Рис. 1. Общая структура системы образования

Графу $G=(S,F)$ поставим в соответствие матрицу

$$A_G = \|a_{ij}\|_{5 \times 5}, \quad a_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если } (i,j) \in F, \\ 0, & \text{если } (i,j) \notin F \end{cases}$$

и назовем её матрицей смежности для G .

Под динамикой социальной системы будем понимать изменение численности объектов в классах Q_i с течением времени (см. [5, 10]). Обозначим $x_i(t)$ – численность объектов в классе Q_i в момент времени t .

Будем считать, что переход объекта из класса в класс зависит от распределения денежных средств по различным сферам, таким, как образование, поддержка малого бизнеса, содействие занятости населения и т. д.

Тогда $f_{ij}(u(t))$ – численность объектов класса Q_i , переходящих в момент времени t в класс Q_j , где $u(t) = (u_1(t), \dots, u_l(t))$ – это вектор, координаты которого представляют собой инвестиции в соответствующую сферу финансирования.

Тогда в момент времени t в терминах матрицы смежности A_G величина $x_i(t)$ определяется следующим образом:

$$\begin{aligned} x_i(t) &= x_i(t-1) + \\ &+ \sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^5 a_{ji} f_{ji}(u(t)) - \sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^5 a_{ij} f_{ij}(u(t)) + \gamma_i y(t), \\ i &= 1, \dots, 5; \quad t = 1, \dots, T, \end{aligned} \quad (1)$$

где $y(t) = B(t) - D(t)$, $B(t)$ – прирост населения (естественный и механический), а $D(t)$ – убыль населения (естественная и механическая) в году t , которые определяются путем прогнозирования с применением статистических данных региона:

$$\gamma_i = \begin{cases} 1, & \text{если } i = 5, \\ 0, & \text{если } i = 1, \dots, 4. \end{cases}$$

Соотношение (1) будем называть уравнением динамики социальной системы, или социальным процессом. В начальный момент $t = 0$

$$x_i(0) = x_i^0, \quad i = 1, \dots, 5, \quad (2)$$

где $(x_1^0, \dots, x_5^0)$ – известное состояние системы в момент $t = 0$.

Предполагается, что

$$\alpha_i^t \leq x_i(t) \leq \beta_i^t; \quad t = 1, \dots, T; \quad i = 1, \dots, 5, \quad (3)$$

где α_i^t, β_i^t – фиксированные числа, выражающие ограничения на численность класса Q_i .

Очевидно, что из класса Q_i не должно выйти объектов больше, чем в этом классе находится. Тогда:

$$\sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^5 f_{ij}(u(t)) \leq x_i(t-1); \quad t = 1, \dots, T, \quad i = 1, \dots, 5. \quad (4)$$

Так как численность объектов, переходящих из класса Q_i в класс Q_j , не может быть отрицательной, то потребуем выполнения следующих условий:

$$\begin{aligned} f_{ij}(u(t)) &\geq 0, \\ i &= 1, \dots, 5; \quad j = 1, \dots, 5; \quad t = 1, \dots, T. \end{aligned} \quad (5)$$

Будем считать, что экспертным путем определено соотношение мест, выделяемых ежегодно на учреждение начального профессионального, среднего профессионального и высшего образования. Этот факт можно записать в виде следующих соотношений:

$$\begin{aligned} f_{12}(u(t)) &= \lambda_1 f_{13}(u(t)), \quad f_{12}(u(t)) = \\ &= \lambda_2 f_{14}(u(t)), \quad t = 1, \dots, T, \quad \lambda_1, \lambda_2 \in R^1. \end{aligned} \quad (6)$$

Общее количество выпускников учреждений начального профессионального, среднего профессионального и высшего образования должно быть равно количеству вакантных рабочих мест на момент времени t :

$$\begin{aligned} f_{25}(u(t)) + f_{35}(u(t)) + f_{45}(u(t)) &= \\ &= W(u(t)), \quad t = 1, \dots, T, \end{aligned} \quad (7)$$

где $W(u(t))$ представляет собой зависимость количества вакантных рабочих мест от инвестиций в соответствующие сферы, которая при отсутствии финансирования будет принимать нулевое значение.

Кроме того, очевидно, можно предположить, что на момент времени t количество денежных средств, выделяемых на каждую из сфер финансирования, ограничено. Тогда:

$$0 \leq u_k(t) \leq \delta_k^t, \quad k = 1, \dots, l, \quad t = 1, \dots, T. \quad (8)$$

Из содержательной интерпретации устойчивого развития региона необходимо задать цель управления системой (1)-(8) на момент времени T , то есть прийти к заданному состоянию системы, которое можно определить при помощи теоретико-игрового подхода (подробнее см. [3, 14]):

$$x_i(T) = x_i^T, \quad i = 1, \dots, 5. \quad (9)$$

Любую последовательность

$$u(\cdot) = \{u(1), \dots, u(T)\},$$

удовлетворяющую условиям (3) – (8), будем называть допустимым управлением системой (1) – (9).

Последовательность $x(\cdot) = \{x(0), x(1), \dots, x(T)\}$ решений системы (1) – (3), (9) соответствующую допустимому управлению $u(\cdot)$, будем называть допустимой траекторией системы (1) – (9).

В качестве критерия эффективности развития рассматриваемой социальной системы возьмем функционал, отражающий суммарную «полезность» региона от функционирования системы образования:

$$J(x^0, u) = \sum_{t=1}^T \sum_{i=1}^5 \sum_{j=1}^5 w_{ij} f_{ij}(u(t)) \rightarrow \max, \quad (10)$$

где вектор $u(t)$ составлен из управляющих параметров в момент t , а w_{ij} характеризует положительный эффект от перехода одного объекта из класса Q_i в класс Q_j .

Допустимое управление

$$u^*(\cdot) = \{u^*(1), \dots, u^*(T)\},$$

доставляющее максимальное значение критерию (10), будем называть оптимальным управлением, а допустимую траекторию

$$x^*(\cdot) = \{x^*(0), x^*(1), \dots, x^*(T)\},$$

соответствующую оптимальному управлению $u^*(\cdot)$ – оптимальной траекторией системы (1)-(10) [2, 12].

Соотношения (1)-(10) представляют собой математическую модель социальной системы образования в виде дискретной задачи оптимального управления.

Для определения равновесия рассматриваемой социальной системы образования разобьем каждый из приведенных выше классов на группы. Класс Q_1 будет представлен тремя группами: R_1 – учеников первого класса средней школы, R_2 – учеников 2 – 10 классов, R_3 – учеников одиннадцатого класса

(выпускников). Аналогично класс Q_3 разобьем на группы:

R_5 – учащихся первого курса в учреждениях среднего профессионального образования,

R_6 – учащихся второго курса,

R_7 – выпускников.

Будем считать, что процесс обучения студентов в высшем учебном заведении является непрерывным, то есть учащиеся, получившие степень бакалавра, поступают в магистратуру. Тогда класс Q_4 будет подразделяться на следующие группы:

R_8 – студентов первого курса в учреждениях высшего профессионального образования,

R_9 – студентов 2 – 5 курсов,

R_{10} – выпускников.

Для приведения обозначений к единой форме переобозначим класс Q_2 людей, получающих начальное специальное образование, через R_4 , а класс Q_5 людей, не занятых в образовательном процессе, через R_{11} .

Структура полученной социальной системы представлена на рис. 2.

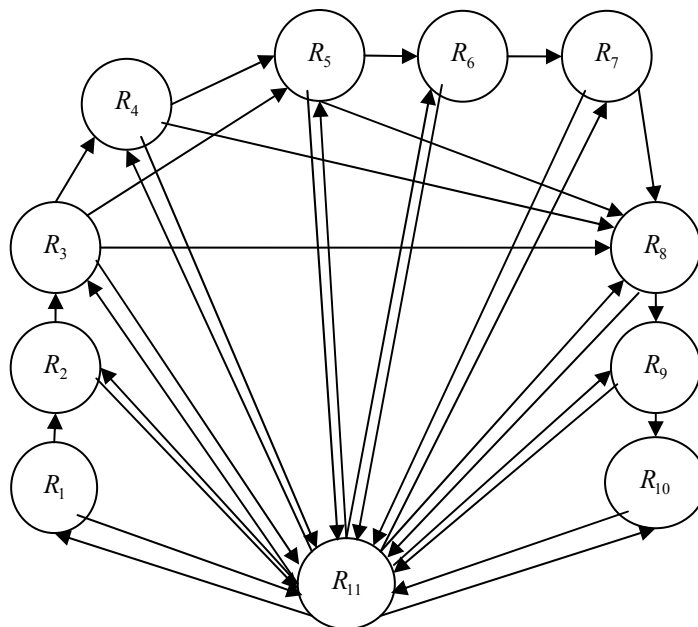

Рис. 2. Детализированная структура системы образования

Обозначим общее количество классов через $m = 11$. Будем предполагать, что функции $f_{ij}(u(t))$, $i, j = 1, \dots, m$, являются линейными по $u(t)$, то есть:

$$f_{ij}(u(t)) = \sum_{k=1}^l \eta_{ijk} u_k(t). \quad (11)$$

Тогда перепишем систему (2)-(10) с учетом новых обозначений:

$$x_i(t) = x_i(t-1) + \sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^m a_{ji} \sum_{k=1}^l \eta_{jik} u_k(t) - \sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^m a_{ij} \sum_{k=1}^l \eta_{ijk} u_k(t) + \gamma_i y(t),$$

$$i = 1, \dots, m; \quad t = 1, \dots, T, \quad (12)$$

$$\gamma_i = \begin{cases} 1, & \text{если } i = 11, \\ 0, & \text{если } i = 1, \dots, 10. \end{cases}$$

$$x_i(0) = x_i^0, \quad i = 1, \dots, m, \quad (13)$$

$$\alpha_i^t \leq x_i(t) \leq \beta_i^t; \quad t = 1, \dots, T; \quad i = 1, \dots, m; \quad (14)$$

$$\sum_{\substack{j=1 \\ j \neq i}}^m \sum_{k=1}^l \eta_{ijk} u_k(t) \leq x_i(t-1);$$

$$t = 1, \dots, T, \quad i = 1, \dots, m; \quad (15)$$

$$\sum_{k=1}^l \eta_{ijk} u_k(t) \geq 0, \quad i, j = 1, \dots, m; \quad t = 1, \dots, T; \quad (16)$$

$$\sum_{k=1}^l \eta_{12k} u_k(t) = \lambda_1 \sum_{k=1}^l \eta_{13k} u_k(t), \quad \sum_{k=1}^l \eta_{12k} u_k(t) =$$

$$= \lambda_2 \sum_{k=1}^l \eta_{14k} u_k(t), \quad t = 1, \dots, T, \quad \lambda_1, \lambda_2 \in R^1 \quad (17)$$

$$\sum_{k=1}^l \eta_{25k} u_k(t) + \sum_{k=1}^l \eta_{35k} u_k(t) + \sum_{k=1}^l \eta_{45k} u_k(t) = W(u(t)), \quad t = 1, \dots, T, \quad (18)$$

$$0 \leq u_k(t) \leq \delta_k^t, \quad k = 1, \dots, l, \quad t = 1, \dots, T, \quad (19)$$

$$x_i(T) = x_i^T, \quad i = 1, \dots, m, \quad (20)$$

$$J(x^0, u) = \sum_{t=1}^T \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m \sum_{k=1}^l w_{ij} \eta_{ijk} u_k(t) \rightarrow \max. \quad (21)$$

Рассмотрим вопрос существования оптимального решения в задаче (12)-(21). Обозначим множество допустимых значений управляющих параметров в задаче (12)-(21) через U_t , $t = 1, \dots, T$.

Теорема 1. Пусть в задаче (12)-(21) выполняются следующие условия:

$$\alpha_i^t \leq x_i^0 + \gamma_i \sum_{\tau=1}^t y(\tau) \leq \beta_i^t; \quad t = 1, \dots, T; \quad i = 1, \dots, m;$$

функция $W(u(t))$ линейна. Тогда в задаче (12)-(21) существует оптимальная траектория.

Доказательство. Проверим, что решение $u_k(t) = 0$, $k = 1, \dots, l$, является допустимым управлением в момент t , т. е. что U_t , $t = 1, \dots, T$, – непустые множества. Условия (16), (17), (19), очевидно, будут выполняться.

Поскольку количество объектов в группе неотрицательно, то условие (15) также справедливо при $u_k(t) = 0$, $k = 1, \dots, l$. Равенство (18) будет удовлетворяться в силу того, что при отсутствии финансирования функция $W(u(t))$ принимает нулевое значение.

Рассмотрим фазовые ограничения (14). Перепишем (12) в следующем виде:

$$x_i(t) = x_i^0 + \sum_{\tau=1}^t \sum_{j=1}^m a_{ji} \sum_{k=1}^l \eta_{jik} u_k(\tau) - \sum_{\tau=1}^t \sum_{j=1}^m a_{ij} \sum_{k=1}^l \eta_{ijk} u_k(\tau) + \gamma_i \sum_{\tau=1}^t y(\tau),$$

$$i = 1, \dots, m; \quad t = 1, \dots, T.$$

При $u_k(t) = 0$, $k = 1, \dots, l$, последнее равенство для $i = 1, \dots, m$; $t = 1, \dots, T$, запишется следующим образом:

$$x_i(t) = x_i^0 + \gamma_i \sum_{\tau=1}^t y(\tau).$$

Тогда ограничения (14) будут выполняться при условиях:

$$\alpha_i^t \leq x_i^0 + \gamma_i \sum_{\tau=1}^t y(\tau) \leq \beta_i^t; \quad t = 1, \dots, T; \quad i = 1, \dots, m,$$

что, очевидно, равносильно условию теоремы.

Кроме того, множества U_t , $t = 1, \dots, T$, задаются системой нестрогих линейных неравенств, следовательно, являются замкнутыми. Докажем ограниченность этих множеств.

Приведем систему ограничений (14) – (19) к векторно-матричной форме:

$$Au(t) \leq \beta^t - x(t-1) - \gamma y(t),$$

$$-Au(t) \leq -\alpha^t + x(t-1) + \gamma y(t),$$

$$Hu(t) \leq x(t-1),$$

$$\Theta u(t) \geq 0,$$

$$\Lambda_1 u(t) = 0, \quad \Lambda_2 u(t) = 0, \quad Cu(t) = 0,$$

$$Iu(t) \leq \Delta^t, \quad u(t) \geq 0,$$

где $u(t) = (u_1(t), \dots, u_l(t))$,

$$x(t-1) = (x_1(t-1), \dots, x_m(t-1)),$$

$$\gamma = (\gamma_1, \dots, \gamma_m), \quad \Delta^t = (\delta_1^t, \dots, \delta_l^t),$$

$$\alpha^t = (\alpha_1^t, \dots, \alpha_m^t), \quad \beta^t = (\beta_1^t, \dots, \beta_m^t),$$

$$A = \|a'_{ik}\|_{m \times l}, a'_{ik} = \sum_{j=1}^m (a_{ji} \eta_{jik} - a_{ij} \eta_{ijk}),$$

$$H = \|\eta'_{ik}\|_{m \times l}, \eta'_{ik} = \sum_{j=1}^m \eta_{ijk},$$

$$\Theta^T = (\Theta_1, \dots, \Theta_m), \Theta_i = \|q^i_{jk}\|_{m \times l},$$

$$q^i_{jk} = \begin{cases} 0, i = j, k = 1, \dots, l, i, j = 1, \dots, m, \\ \eta_{ijk}, i \neq j, k = 1, \dots, l, i, j = 1, \dots, m, \end{cases}$$

$$\Lambda_1 = \|\lambda^1_k\|_{1 \times l}, \lambda^1_k = \eta_{12k} - \lambda_1 \eta_{13k},$$

$$\Lambda_2 = \|\lambda^2_k\|_{1 \times l}, \lambda^2_k = \eta_{12k} - \lambda_2 \eta_{14k},$$

$$C = \|c'_k\|_{1 \times l}, c'_k = \eta_{25k} + \eta_{35k} + \eta_{45k} - c_k,$$

I – единичная матрица.

Составим двойственную систему неравенств к полученной системе ограничений:

$$A^T p(t) - A^T r(t) + H^T h(t) + \Theta^T z(t) + \Lambda_1^T s(t) + \Lambda_2^T g(t) + C^T f(t) + I^T d(t) > 0,$$

$$p(t) \geq 0, r(t) \geq 0, h(t) \geq 0, z(t) \geq 0, d(t) \geq 0,$$

где

$$p(t) = (p_1(t), \dots, p_m(t)), r(t) = (r_1(t), \dots, r_m(t)), h(t) = (h_1(t), \dots, h_m(t)), z(t) = (z_1(t), \dots, z_{m \cdot m}(t)),$$

$$s(t), g(t), f(t) \in R^1, d(t) = (d_1(t), \dots, d_l(t)) \text{ – двойственные переменные.}$$

Непустое множество U_t ограничено в том и только в том случае, если двойственная система неравенств совместна. Таким образом, для ограниченности множества, заданного системой (14)-(19), необходимо и достаточно существование векторов $p(t), r(t), h(t) \in R^m, z(t) \in R^{m \cdot m},$
 $s(t), g(t), f(t) \in R^1, d(t) \in R^l$,

удовлетворяющих системе неравенств-ограничений в векторно-матричной форме.

Покажем, что векторы, удовлетворяющие условиям:

$$p(t) = r(t), h(t) = 0, z(t) = 0,$$

$$s(t) = 0, g(t) = 0, f(t) = 0, d(t) > 0$$

являются решением двойственной задачи:

$$\begin{aligned} A^T p(t) - A^T r(t) + H^T h(t) + \Theta^T z(t) + \Lambda_1^T s(t) + \Lambda_2^T g(t) + C^T f(t) + I^T d(t) = \\ = A^T (p(t) - r(t)) + I^T d(t) = I^T d(t) > 0, \end{aligned}$$

т. е. система ограничений в векторно-матричной форме совместна. Это означает, что множество U_t , $t = 1, \dots, T$ – ограничено.

Итак, мы доказали, что управление $u \equiv 0$ и соответствующая ему траектория будут допустимыми в задаче с фазовыми ограничениями. Поскольку одно допустимое управление существует, функции в правых частях уравнений (12) непрерывны, функ-

ционал качества (21) непрерывен на $R^m \times R^{l \cdot T}$, множество U_t допустимых значений управляющих параметров непусто, замкнуто и ограничено, то задача оптимального управления (12) – (21) будет разрешима, а следовательно, будет существовать оптимальная траектория в этой задаче [12]. Теорема доказана.

Для нахождения решения рассматриваемой задачи воспользуемся методом динамического программирования. Уравнение Беллмана для модели (12)-(21) будет выглядеть следующим образом [2]:

$$\begin{cases} V(t-1, x) = \max_{u(t) \in U_t} \left(\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m \sum_{k=1}^l w_{ij} \eta_{ijk} u_k(t, x(t-1)) + V(t, x) \right), \\ V(T, x) = 0, \end{cases}$$

где $V(t-1, x)$ – функция Беллмана.

Выполняя последовательные вычисления этапа условной максимизации для $t = T, T-1, \dots, 1$, получим условно-оптимальные управления в виде:

$$u^*(t) = u^*(t, x^*(t-1)). \quad (22)$$

Затем на этапе безусловной максимизации определим оптимальные управления $u^*(\cdot)$ и соответ-

ствующую оптимальную траекторию $x^*(\cdot)$ при помощи уравнений движения (12) и условно-оптимальных управлений по формулам (22). Таким образом, будет найден оптимальный процесс $(x^*(\cdot), u^*(\cdot))$ динамики социальной системы, достигающий максимум функционала качества (21).

Перейдем к формализации понятия равновесия. Под равновесием рассматриваемой социальной системы будем понимать такое ее состояние, при котором:

1. Количество учащихся, поступивших в образовательное учреждение, должно по истечению установленного срока быть равно количеству выпускников.

2. Все выпускники 11-х классов средней школы должны поступить в учреждения начального профессионального, среднего профессионального и высшего образования.

Очевидно, данные требования являются достаточно строгими и неосуществимыми на практике, поэтому будем считать, что они выполняются с некоторым минимальным отклонением.

Таким образом, для формализации состояния равновесия социальной системы, описываемой соотношениями (12)-(21), наиболее подходящими являются равенства:

$$x_1(t) = \mu_1 x_3(t + t_1); t = 1, \dots, T - t_1; \quad (23)$$

$$x_5(t) = \mu_2 x_7(t + t_2); t = 1, \dots, T - t_2; \quad (24)$$

$$x_8(t) = \mu_3 x_{10}(t + t_3); t = 1, \dots, T - t_3; \quad (25)$$

$$\begin{aligned} \mu_4 x_3(t) = x_4(t + 1) + x_5(t + 1) + \\ + x_8(t + 1); t = 1, \dots, T - 1, \end{aligned} \quad (26)$$

где μ_i , $i = 1, \dots, 4$, – коэффициенты отклонения,

t_1 , t_2 , t_3 – время обучения соответственно в учреждениях среднего, среднего специального и высшего образования.

Определение 1. Оптимальную траекторию $x^*(\cdot)$, вдоль которой выполняются условия (23)–(26) будем называть равновесной траекторией системы (12)–(21).

Рассмотрим условие (23). С учетом (12) получим:

$$x_1(t-1) + \sum_{k=1}^l (\eta_{11,k} - \eta_{11,k} - \eta_{12,k}) u_k(t) = \\ = \mu_1 \left(x_3(t+t_1-1) + \sum_{k=1}^l (\eta_{11,3k} + \eta_{2,3k} - \eta_{34,k} - \eta_{35,k} - \eta_{38,k} - \eta_{3,11,k}) u_k(t) \right).$$

$$x_5^0 + \sum_{\tau=1}^t \sum_{k=1}^l (\eta_{35,k} + \eta_{11,5k} + \eta_{45,k} - \eta_{56,k} - \eta_{58,k} - \eta_{5,11,k}) u_k(\tau) = \mu_2 \left(x_7^0 + \sum_{\tau=1}^{t+t_2} \sum_{k=1}^l (\eta_{67,k} + \eta_{11,7k} - \eta_{78,k} - \eta_{7,11,k}) u_k(\tau) \right), \quad (28)$$

$$x_8^0 + \sum_{\tau=1}^t \sum_{k=1}^l (\eta_{38,k} + \eta_{48,k} + \eta_{58,k} + \eta_{78,k} + \eta_{11,8k} - \eta_{89,k} - \eta_{8,11,k}) u_k(\tau) = \\ = \mu_3 \left(x_{10}^0 + \sum_{\tau=1}^{t+t_3} \sum_{k=1}^l (\eta_{11,10k} + \eta_{9,10k} - \eta_{10,11,k}) u_k(\tau) \right), \quad (29)$$

$$\mu_4 \left(x_3^0 + \sum_{\tau=1}^t \sum_{k=1}^l (\eta_{11,3k} + \eta_{23,k} - \eta_{34,k} - \eta_{35,k} - \eta_{38,k} - \eta_{3,11,k}) u_k(\tau) \right) = \\ = x_4^0 + \sum_{\tau=1}^{t+1} \sum_{k=1}^l (\eta_{34,k} + \eta_{11,4k} - \eta_{45,k} - \eta_{48,k} - \eta_{4,11,k}) u_k(\tau) + \\ + x_5^0 + \sum_{\tau=1}^{t+1} \sum_{k=1}^l (\eta_{11,5k} + \eta_{45,k} + \eta_{56,k} - \eta_{58,k} - \eta_{5,11,k}) u_k(\tau) + \\ + x_8^0 + \sum_{\tau=1}^{t+1} \sum_{k=1}^l (\eta_{38,k} + \eta_{48,k} + \eta_{58,k} + \eta_{78,k} + \eta_{11,8k} - \eta_{89,k} - \eta_{8,11,k}) u_k(\tau). \quad (30)$$

Приведенные рассуждения доказывают следующую теорему.

Теорема 2. Пусть в задаче (12)–(21) $x^*(\cdot)$ – оптимальная равновесная траектория. Тогда порождающие ее управления $u^*(\cdot)$ будут удовлетворять условиям (27)–(30).

Таким образом, при помощи построенной дискретной модели оптимального управления можно определить оптимальное распределение средств в различные сферы финансирования с целью достижения устойчивого состояния функционирования системы образования. Теорема 2 позволяет определить, является ли найденная оптимальная траектория равновесной в смысле определения 1.

Литература

1. Ахромеева, Т. С. Новые направления системного анализа и компьютерного моделирования образовательной стратегии и политики России [Элек-

Аналогичными последовательными подстановками $x_1(\tau)$, $\tau = t-1, \dots, 0$, и $x_3(\tau)$, $\tau = t+t_1-1, \dots, 0$, из (12) перейдем к соотношению, в обеих частях которого получим функции, зависящие от начальной точки x^0 и управлений u :

$$x_1^0 + \sum_{\tau=1}^t \sum_{k=1}^l (\eta_{11,k} - \eta_{11,k} - \eta_{12,k}) u_k(\tau) = \\ = \mu_1 \left(x_3^0 + \sum_{\tau=1}^{t+t_1} \sum_{k=1}^l (\eta_{11,3k} + \eta_{2,3k} - \eta_{34,k} - \eta_{35,k} - \eta_{38,k} - \eta_{3,11,k}) u_k(\tau) \right). \quad (27)$$

Применяя данную процедуру подстановки, уравнения (24)–(26) перепишем соответственно в виде:

тронный ресурс] / Т. С. Ахромеева, М. А. Капустин, С. А. Кашенко и др. – М. – 2001. – URL: http://www.keldysh.ru/papers/2001/prep89/prep2001_89.html.

2. Данилов, Н. Н. Основы математической теории оптимальных процессов [Текст] / Н. Н. Данилов, В. В. Мешечкин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 219 с.

3. Данилов, Н. Н. Применение математических моделей в исследовании вопросов устойчивого развития региона [Текст] / Н. Н. Данилов, Л. П. Иноземцева // Факторы устойчивого развития регионов России / О. О. Ардасова, С. К. Волков, Н. Н. Данилов и др. – Новосибирск: СИБ-ПРИНТ, 2008. – Р. 1. – С. 11 – 56.

4. Данилов, Н. Н. Устойчивое развитие: методология математических исследований [Текст] / Н. Н. Данилов // Вестник КемГУ. Математика. – 2000. – Вып. 4. – С. 5 – 15.

5. Злобина, С. Л. Исследование математических моделей равновесного и стабильного развития социальных систем [Текст] / С. Л. Злобина: дис. ... канд. физ.-мат. наук: 05.13.18. – Кемерово, 2003. – 185 с.

6. Исследование операций: в 2-х томах: [пер. с англ.] [Текст] / под ред. Дж. Моудера, С. Элмаграби. – М.: Мир, 1981. – Т. 2. – 677 с.

7. Капица, С. П. Синергетика и прогнозы будущего [Текст] / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий // Сер. «Кибернетика: неограниченные возможности и возможные ограничения». – М.: Наука, 1997. – 285 с.

8. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [Электронный ресурс]. – URL: <http://russia-eu.ru/node/14>.

9. Косенкова, М. В. Необходимые и достаточные условия равновесия социальной динамической системы с нелинейным критерием качества [Текст] / М. В. Косенкова // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТТМ-2009): материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (12 – 13 ноября 2009 г.) – Томск: ТГУ, 2009. – Ч. 1. – С. 283 – 286.

10. Косенкова, М. В. Построение математической модели социальной системы в виде дискретной задачи оптимального управления [Текст] / М. В. Косенкова // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТТМ-2010): материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (19 – 20 ноября 2010 г.) – Томск: ТГУ, 2010. – Ч. 1. – С. 106 – 107.

11. Пресса о проблемах образования (обзор подготовлен пресс-центром министерства). [Элек-

тронный ресурс]. – URL: <http://ed.informika.ru/min/press/2004/01/pressa/925,print/>.

12. Пропой, А. И. Элементы теории оптимальных дискретных процессов [Текст] / А. И. Пропой. – М.: Наука, 1973. – 256 с.

13. Чернова, Е. С. Вычисление оптимальной траектории в модели устойчивого развития региона, построенной в форме модифицированной глобальной модели «Мир-3» [Текст] / Е.С. Чернова // Вестник Кемеровского государственного университета: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2009. – № 2. – С. 48 – 51.

14. Чернова, Е. С. Методика определения конечного состояния региона как целевой точки устойчивого развития с помощью теоретико-игрового подхода [Электронный ресурс] / Е. С. Чернова // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2010. – № 6. – URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7051>.

15. Чернова, Е. С. Об одной модели демографических процессов в Кемеровской области в контексте устойчивого развития [Текст] / Е. С. Чернова // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТТМ-2010): материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (19 – 20 ноября 2010 г.) – Томск: ТГУ, 2010. – Ч. 1. – С. 161 – 164.

16. Brundtland, G. H. Our common future: The World Commission on Environment and Development [Text] / G. H. Brundtland. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 400 p.

УДК 519.86

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗАДАЧИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ

В. В. Мешечкин, Н. И. Богатырева

MATHEMATICAL MODELING OF THE PROBLEM CONCERNING INCREASING OF POPULATION HEALTH LEVEL IN KEMEROVO REGION USING INTEGRAL INDICATOR

V. V. Meshechkin, N. I. Bogatyreva

Статья посвящена построению и анализу математической модели, описывающей изменение состояния здоровья населения региона и базирующейся на использовании интегрального показателя оценки уровня здоровья. Объектом исследования выступает Кемеровская область, все расчеты проводятся на основе ее статистических данных.

The article is devoted to the building and analysis of mathematical model describing the change in regional state of population health and based on the usage of integral indicator estimating health level. As the research object of Kemeroovo region appears, all calculations are made on the basis of its statistics.

Ключевые слова: математическое моделирование, оптимальное управление, интегральный показатель.

Keywords: mathematical modeling, optimal control, integral indicator.

Введение

В настоящее время трудные сами по себе проблемы здравоохранения тесно переплелись с социальными проблемами, проблемами загрязнения окружающей среды, эволюции климата, устойчивого

существования экосистем, истощения природных ресурсов и т. д.

В их решении определенную помощь может оказать математическая наука, которая через построение и исследование различных моделей, систем, уравнений может выявить взаимосвязи между

разными факторами и дать рекомендации по улучшению общественного здоровья.

Состояние здоровья населения может измеряться различными параметрами (количество пропущенных по болезни рабочих дней, уровень заболеваемости, общая рождаемость, инвалидность и т. д.). В некоторых случаях для его оценки удобно использовать единый критерий – интегральный показатель, одновременно учитывающий комплексное влияние разных факторов и обобщающий информацию о различных аспектах состояния здоровья населения.

В данной работе используется одна из таких формул расчета интегрального показателя оценки здоровья, на основе которой строится модель максимизации общего уровня здоровья в регионе в виде задачи оптимального управления.

1. Методика расчета интегрального показателя состояния общественного здоровья

Качество или эффективность многих систем различного назначения нередко характеризуют одним интегральным показателем (*ИП*). К таким показателям относятся характеристики надежности функционирования многих технических систем, показатели экономической эффективности и окупаемости в экономике, уровни социально-экономического развития регионов, рейтинги в образовании и спорте и др.

Часто *ИП* задают с помощью линейных моделей, согласно которым он определяется взвешенной алгебраической суммой нескольких существенных, изменяющихся во времени параметров. Достоинством таких моделей является линейная зависимость приращения *ИП* от приращения любого учитываемого им параметра. Кроме переменных параметров или показателей системы (*ПС*), количественно характеризующих соответствующие ее свойства, в выражения для *ИП* входят весовые коэффициенты (веса) этих показателей – неизменные параметры модели. В большинстве случаев линейные алгебраические выражения, задающие класс рассматриваемых многопараметрических моделей *ИП*, имеют вид [4]:

$$ИП = \sum_{i=1}^n K_i \cdot ПС_i, \quad (1)$$

где весовые коэффициенты K_i принимают положительные значения, если увеличение показателей системы, к которым они относятся, вызывает увеличение *ИП*, или отрицательные, если увеличение *ПС* приводит к уменьшению *ИП*. При этом *ИП* и все *ПС* являются безразмерными величинами, т. е. используются относительные значения *ПС*. Обычно к рассматриваемым моделям предъявляется требование нормированности *ИП*, т. е. модель должна обеспечить изменение *ИП* в заданном интервале $[ИП_{мин}, ИП_{макс}]$. В целом подбор значений K_i , учитывающих требования нормированности *ИП*, обеспечения необходимой чувствительности *ИП* в выбранном интервале его изменения, а также степень важности различных *ПС* для оценки качества рассматриваемой системы, является непростой задачей, решаемой экспертным путем.

Каждое слагаемое выражения (1) определяет долю *ИП* (положительную или отрицательную), вносимую в него *i*-м показателем системы (вклад *i*-го *ПС* в *ИП*). Обычно при изменении любого из *ПС* знак его вклада не меняется. Ограничиваясь рассмотрением этого, характерного для большинства систем случая, представим выражение (1) в обобщенном виде [3]:

$$ИП = A - B + C = \sum_{i=1}^m K_i \cdot ПС_i - \sum_{i=m+1}^n K_i \cdot ПС_i + C, \quad (2)$$

где A – сумма вкладов, принимающих только положительные значения,

B – сумма модулей вкладов, принимающих только отрицательные значения,

C – постоянная составляющая (число), которую добавляют в выражение *ИП* для реализации необходимого смещения интервала его возможных значений (сделать, например, эти значения только положительными).

Очевидно, максимальное значение $ИП_{макс}$ достигается в том случае, когда $A = A_{макс}$ и $B = 0$, а минимальное – в случае $A = 0$ и $B = B_{макс}$. Отсюда можно получить величину промежутка изменения *ИП*: $\Delta ИП = ИП_{макс} - ИП_{мин} = A_{макс} + B_{макс}$. Величины A и B можно рассматривать как обобщенные параметры линейной модели *ИП* качества систем.

Расчет *ИП* производится следующим образом. Вначале выбираем значения $ИП_{мин}$ и $ИП_{макс}$ и принимаем $C + A_{макс} = ИП_{макс}$ и $C - B_{макс} = ИП_{мин}$. Промежуток $[ИП_{мин}, ИП_{макс}]$ в соответствии с рекомендацией экспертов делим на части, пропорциональные вкладам BK_i показателей $ПС_i$. При выдаче этой рекомендации эксперты должны указать, сколько процентов от общей суммы вкладов должен составлять каждый BK_i . Затем, используя средние значения показателей системы $\overline{ПС_i}$, находим весовые коэффициенты этих показателей:

$$K_i = BK_i / \overline{ПС_i}. \quad (3)$$

Последним определяем значение числа C . Поскольку интервалом изменения *ИП* чаще всего берется отрезок $[0, 1]$, то среднее значение *ИП* равно 0.5. Тогда

$$C = 0.5 - A + B. \quad (4)$$

Таким образом, расчет параметров модели *ИП* можно выполнить, пользуясь следующей методикой [6]:

1. Определяется максимально возможное значение промежутка $\Delta ИП = A_{макс} + B_{макс}$ изменения *ИП*.

2. С участием экспертов выполняется разбиение суммы $A_{макс} + B_{макс}$ на вклады BK_i параметров системы в эту сумму и согласно выражениям (2) и (4) находятся значения величин A и B модели *ИП* и число C . Используя средние статистические значения переменных параметров системы в целом, согласно выражению (3) вычисляются значения всех весовых коэффициентов модели.

Анализ причинно-следственных связей основных факторов, влияющих на показатели здоровья (*ПЗ*) населения, показывает, что большинство этих

показателей в значительной степени зависит от качества окружающей среды в рассматриваемом регионе, от эффективности работы системы здравоохранения, образа жизни населения и социально-экономических условий жизни [5]. К основным показателям здоровья населения, публикуемым в государственной статистике и зависящим от указанных факторов, можно отнести общую рождаемость (*ОРЖ* – характеризует воспроизводство населения), среднюю продолжительность предстоящей жизни при рождении (*СППЖ* – расчетный показатель, аккумулирующий повозрастные показатели смертности), заболеваемость (общую заболеваемость по обращениям населения в учреждения здравоохранения – *ОЗО*), первичную инвалидность (*ПИНВ*) и общую смертность (*ОСМ*).

Одна из линейных моделей *ИП* общественного здоровья, учитывающая эти показатели, предложена в работах Кириянова Б. Ф. в целом для Российской Федерации [5, 7]. Она задается следующей зависимостью:

$$\begin{aligned} ИП = & K_{ОРЖ} \cdot ОРЖ + \\ & + K_{СППЖ} \cdot СППЖ - K_{ОЗО} \cdot ОЗО - \\ & - K_{ОСМ} \cdot ОСМ - K_{ПИНВ} \cdot ПИНВ + C. \end{aligned} \quad (5)$$

Здесь K_i – весовые коэффициенты *ПЗ*, а C – число, определяемое средним значением *ИП* для рассматриваемой модели.

2. Расчет интегрального показателя оценки здоровья населения Кемеровской области

На основе представленной выше методики построим модель интегрального показателя здоровья населения для Кемеровской области. При этом возьмем значения используемых в (5) пяти показателей за период 1995 – 2009 гг. (табл. 1). Эти данные ежегодно публикуются в соответствующих статистических сборниках (напр., [8]).

Таблица 1
Значения показателей здоровья населения Кемеровской области за 1995 – 2009 гг.

Год	ОРЖ	СППЖ	ОЗО	ПИНВ	ОСМ
1995	8.9	64.6	679.8	3.77	16.6
1996	8.5	65.9	619.2	4.46	16.1
1997	8.4	66.6	612.0	4.84	15.2
1998	8.7	64.1	597.6	5.13	14.3
1999	8.3	63.1	672.0	4.74	15.7
2000	8.9	62.8	734.6	4.91	16.5
2001	9.4	62.7	708.3	5.23	16.8
2002	9.9	62.0	781.9	5.46	17.5
2003	10.3	61.5	734.7	5.72	18.1
2004	10.5	62.2	741.7	5.95	17.7
2005	10.8	61.6	725.3	6.27	16.1
2006	11.3	63.0	816.9	7.12	17.3
2007	12.1	64.0	828.6	7.96	16.6
2008	13.0	62.4	793.8	8.54	16.3
2009	13.4	62.0	784.3	9.13	16.9

Произведем расчет параметров модели.

В соответствии с общепринятой практикой возьмем интервалом изменения значений *ИП* отрезок $[0, 1]$, тогда максимально возможное значение промежутка изменения *ИП* равно:

$$\Delta ИП = A_{\max} + B_{\max} = 1.$$

С учетом рекомендации экспертов по разбивке $\Delta ИП$ на вклады BK_i отдельных показателей здоровья [7], имеем: $BK_{ОРЖ} = BK_{ПИНВ} = BK_{ОЗО} = 0.25$,

$$BK_{ОСМ} = BK_{СППЖ} = 0.125.$$

$$\text{Тогда } A = BK_{ОРЖ} + BK_{СППЖ} = 0.375,$$

$$B = BK_{ПИНВ} + BK_{ОЗО} + BK_{ОСМ} = 0.625,$$

$$C = 0.5 - A + B = 0.75.$$

Средние значения указанных пяти показателей для Кемеровской области на интервале 1995 – 2009 гг. приведены в таблице 2.

Таблица 2
Средние значения показателей здоровья населения Кемеровской области за 1995 – 2009 гг.

Показатель	ОРЖ	СППЖ	ОЗО	ПИНВ	ОСМ
Средние значения	9.95	63.22	709.67	5.72	16.60

По формуле (3) находим значения всех весовых коэффициентов для *ПС* модели *ИП*:

$$B_{ОРЖ} = BK_{ОРЖ} / 9.95 = 0.25 / 9.95 = 0.025126,$$

$$B_{СППЖ} = BK_{СППЖ} / 63.22 = 0.125 / 63.22 = 0.001977,$$

$$B_{ОЗО} = BK_{ОЗО} / 709.67 = 0.25 / 709.67 = 0.000352,$$

$$B_{ПИНВ} = BK_{ПИНВ} / 5.72 = 0.25 / 5.72 = 0.043734,$$

$$B_{ОСМ} = BK_{ОСМ} / 16.60 = 0.125 / 16.60 = 0.007529.$$

В результате выражение (5) для модели *ИП* состояния здоровья населения Кемеровской области с

числовыми оценками всех коэффициентов принимает вид:

$$\begin{aligned} ИП = & 0.025126 \cdot ОРЖ + 0.001977 \cdot СППЖ - \\ & - 0.000352 \cdot ОЗО - 0.007529 \cdot ОСМ - \\ & - 0.043734 \cdot ПИНВ + 0.75. \end{aligned}$$

По этой модели были рассчитаны значения *ИП* для каждого года (табл. 3).

Таблица 3

Ежегодные значения *ИП* здоровья населения Кемеровской области за 1995 – 2009 гг.

Год	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
<i>ИП</i>	0.57	0.56	0.55	0.55	0.52	0.52	0.51	0.49
Год	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	
<i>ИП</i>	0.50	0.48	0.49	0.43	0.41	0.42	0.41	

Как видно из таблицы, интегральный показатель состояния здоровья населения Кемеровской области в 1995 – 2009 гг. имеет четко выраженную тенденцию к убыванию.

3. Построение динамической модели повышения уровня здоровья населения Кемеровской области

Найденный интегральный показатель общественного здоровья количественно оценивает состояние здоровья в Кемеровской области. Поэтому он может быть использован как критерий качества в задаче оптимального управления для повышения уровня здоровья населения.

Для построения этой задачи будем рассматривать промежуток 2001 – 2009 гг., за который имеется более полная статистическая информация о развитии области. Пронумеруем годы индексами $t = 1, \dots, 9$ и запишем формулу интегрального показателя для произвольного t следующим образом:

$$ИП_t = 0.025126 \cdot y_t^{ОРЖ} + 0.001977 \cdot y_t^{СППЖ} - 0.000352 \cdot y_t^{ОЗО} - 0.007529 \cdot y_t^{ОСМ} - 0.043734 \cdot y_t^{ПИНВ} + 0.75,$$

где $y_t^{ОРЖ}$ – общая рождаемость,

$y_t^{СППЖ}$ – средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении,

$y_t^{ПИНВ}$ – первичная инвалидность,

$y_t^{ОЗО}$ – заболеваемость,

$y_t^{ОСМ}$ – общая смертность (за соответствующий год t).

Переменные, от которых зависит интегральный показатель $ИП_t$, будем рассматривать в качестве характеристик, описывающих состояние рассматриваемой системы, т. е. ее фазовых переменных.

В качестве управляющих параметров возьмем инвестиции в основной капитал Кемеровской области по различным видам экономической деятельности:

x_1 – инвестиции в образование,

x_2 – инвестиции в здравоохранение,

x_3 – инвестиции в предоставление социальных, коммунальных и персональных услуг,

x_4 – инвестиции в промышленность,

x_5 – инвестиции в сельское хозяйство.

При этом будем считать, что инвестиции вносятся сразу в начале каждого года. Для указания номера года введем соответствующий индекс времени t : x_{it} , $i = 1, \dots, 5$.

Фактические значения управляющих переменных на рассматриваемом промежутке времени приведены в таблице 4. В последнем столбце таблицы указаны суммарные величины инвестиций во все рассматриваемые виды экономической деятельности региона (X_t).

Таблица 4

Инвестиции в основной капитал по различным видам экономической деятельности Кемеровской области (млн руб.)

Год	x_{1t}	x_{2t}	x_{3t}	x_{4t}	x_{5t}	X_t
2001	260	530	460	12212	453	13915
2002	298	780	530	10800	580	12988
2003	320	870	698	10485	637	13010
2004	448	966	703	9961	722	12800
2005	720	1783	939	13056	1112	17610
2006	1394	1955	1332	9626	2084	16391
2007	1683	1817	1460	11237	2615	18812
2008	2914	3317	1734	9438	2572	19975
2009	2047	2750	1437	7487	1341	15062

Для формулировки закона движения задачи запишем уравнения зависимости показателей здоровья $y_t^{ОРЖ}$, $y_t^{СППЖ}$, $y_t^{ПИНВ}$, $y_t^{ОЗО}$, $y_t^{ОСМ}$ от инвестиций x_{it} , $i = 1, \dots, 5$.

Чтобы учесть динамический аспект, включим в правые части этих уравнений значения показателей здоровья предыдущего периода времени.

В качестве формы зависимости будем использовать нелинейную функцию типа Кобба-Дугласа, которая в общем случае имеет вид:

$$y = a x_1^{\lambda_1} x_2^{\lambda_2} \dots x_n^{\lambda_n}, \quad a > 0,$$

$$\lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_n = 1, \quad \lambda_i \geq 0, \quad i = 1, \dots, n,$$

где y – зависимая переменная,

x_i – независимые переменные.

Оценка коэффициентов производится методом наименьших квадратов (МНК) [1]. В результате получаем следующие уравнения динамики:

$$y_t^j = a_j x_{1t}^{\alpha_{1j}} x_{2t}^{\alpha_{2j}} x_{3t}^{\alpha_{3j}} x_{4t}^{\alpha_{4j}} x_{5t}^{\alpha_{5j}} (y_{t-1}^j)^{\beta_j},$$

где j принимает одно из значений *ОЗО*, *ПИНВ*, *ОСМ*, *ОРЖ*, *СППЖ*.

Величины оценок параметров этих уравнений, найденные с помощью МНК, представлены в таблице 5 (значения индексов j для простоты опущены).

Таблица 5

Оценки параметров уравнений движения

Показатель	a	α_1	α_2	α_3	α_4	α_5	β
ОСМ	0.967	0.002	0	0.004	0	0	0.994
ПИНВ	0.009	0	0.226	0.143	0.381	0	0.250
СППЖ	0.959	0.003	0	0	0.007	0.001	0.989
ОЗО	0.465	0	0.067	0.119	0.165	0.018	0.631
ОРЖ	0.402	0	0	0.073	0.091	0.001	0.835

В силу рекуррентного характера полученных соотношений, к ним необходимо добавить начальные условия вида: $y_0^j = L_j$,

где L_j – заданный исходный уровень соответствующего показателя здоровья.

В рассматриваемой задаче в качестве уровней L_j выбираются фактические значения *ПЗ* начального (2000-го) года (табл. 1).

Сумма инвестиций, выделяемых в различные виды экономической деятельности региона в каждый год t , должна быть ограничена сверху значением X_t (берется из таблицы 4). Отсюда получаем условие следующего вида:

$$x_{1t} + x_{2t} + x_{3t} + x_{4t} + x_{5t} \leq X_t.$$

Кроме того, будем считать, что в связи с необходимостью осуществления всех форм экономической активности, инвестиции в каждый из видов деятельности региона не должны быть меньше некоторого минимального установленного значения:

$$x_{it} \geq x_{i\min}.$$

Минимальные значения $x_{i\min}$, которые могут принимать инвестиции на каждом шаге, определяются экспертным путем, исходя из установок социально-экономического развития региона.

На роль критерия качества возьмем требование максимизации уровня здоровья населения области, оцениваемого через интегральный показатель, к концу планового периода:

$$ИП_T \rightarrow \max$$

при $T = 9$.

Объединяя все приведенные выше соотношения, окончательно получаем следующую математическую модель:

$$y_t^{ОСМ} = 0.967 x_{1t}^{0.002} x_{2t}^{0.004} x_{3t}^{0.004} x_{4t}^{0.004} x_{5t}^{0.004} (y_{t-1}^{ОСМ})^{0.994}, \quad (6)$$

$$y_t^{СППЖ} = 0.959 x_{1t}^{0.003} x_{2t}^{0.003} x_{3t}^{0.007} x_{4t}^{0.001} x_{5t}^{0.001} (y_{t-1}^{СППЖ})^{0.989}, \quad (7)$$

$$y_t^{ОЗО} = 0.465 x_{1t}^{0.067} x_{2t}^{0.119} x_{3t}^{0.165} x_{4t}^{0.018} x_{5t}^{0.018} (y_{t-1}^{ОЗО})^{0.631}, \quad (8)$$

$$y_t^{ОРЖ} = 0.402 x_{1t}^{0.073} x_{2t}^{0.091} x_{3t}^{0.001} x_{4t}^{0.001} x_{5t}^{0.001} (y_{t-1}^{ОРЖ})^{0.835}, \quad (9)$$

$$y_t^{ПИНВ} = 0.009 x_{1t}^{0.226} x_{2t}^{0.143} x_{3t}^{0.381} x_{4t}^{0.018} x_{5t}^{0.018} (y_{t-1}^{ПИНВ})^{0.25}, \quad (10)$$

$$y_0^{ОСМ} = 16.5, \quad y_0^{СППЖ} = 62.8,$$

$$y_0^{ОЗО} = 690.2, \quad y_0^{ОРЖ} = 8.9, \quad (11)$$

$$y_0^{ПИНВ} = 4.91,$$

$$x_{1t} + x_{2t} + x_{3t} + x_{4t} + x_{5t} \leq X_t, \quad (12)$$

$$x_{it} \geq x_{i\min}, \quad i = 1, \dots, 5, \quad t = 1, \dots, T, \quad (13)$$

$$\begin{aligned} ИП_T = & 0.025126 \cdot y_T^{ОРЖ} + 0.001977 \cdot y_T^{СППЖ} - \\ & - 0.000352 \cdot y_T^{ОЗО} - 0.007529 \cdot y_T^{ОСМ} - \\ & - 0.043734 \cdot y_T^{ПИНВ} + 0.75 \rightarrow \max. \end{aligned} \quad (14)$$

Эта задача является задачей оптимального управления с дискретным временем и терминальным критерием качества. Фазовыми переменными в ней являются показатели здоровья, а управляющими переменными – инвестиции в основной капитал по различным видам экономической деятельности Кемеровской области.

Соотношения (6) – (10) являются уравнениями движения. Условия (11) задают начальное состояние

системы. Неравенства (12) – (13) представляют собой ограничения на управляющие параметры задачи. Выражение (14) является критерием качества модели, и, исходя из его вида, можно говорить о задаче оптимизации конечного состояния (задаче оптимального управления в форме Майера) [2].

Таким образом, совокупность выражений (6) – (14) представляет собой модель оптимального управления для повышения уровня общественного здоровья в Кемеровской области.

4. Решение задачи повышения уровня здоровья населения Кемеровской области

Для решения задачи (6) – (14) будем использовать метод динамического программирования, опирающийся на принцип оптимальности Беллмана [9].

Предварительно определим минимальные значения инвестиций в условии (13) следующим образом:

$$x_{1\min} = 260, \quad x_{2\min} = 530, \quad x_{3\min} = 460,$$

$$x_{4\min} = 6800, \quad x_{5\min} = 453.$$

При этом выборе учитывалась информация о минимумах соответствующих величин за рассматриваемый промежуток времени и значения подбирались так, чтобы

$$\sum_{i=1}^5 x_{i\min} \leq \min_t X_t. \quad (15)$$

Применение метода динамического программирования к задаче (6) – (14) приводит к построению уравнения Беллмана с краевыми условиями следующего вида:

$$V(y_T, T) \equiv ИП_T = 0.025126 \cdot y_T^{ОРЖ} + 0.001977 \cdot y_T^{СППЖ} - 0.000352 \cdot y_T^{ОЗО} - 0.007529 \cdot y_T^{ОСМ} - 0.043734 \cdot y_T^{ПИНВ} + 0.75, \quad (16)$$

$$V(y_t, t) = \max_{x_{t+1} \in U_{t+1}} (V(f(y_t, x_{t+1}), t+1)),$$

$$t = 0, \dots, T-1, \quad (17)$$

где $f(y_t, x_{t+1})$ – вектор-функция фазовых скоростей, определяемых правыми частями уравнений движения (6) – (10).

Допустимое множество U_t в (17) для каждого t задается системой неравенств:

$$x_{1t} + x_{2t} + x_{3t} + x_{4t} + x_{5t} \leq X_t,$$

$$x_{it} \geq x_{i\min}, \quad i = 1, \dots, 5.$$

Решение задачи (6) – (14) с помощью соотношений (16), (17) дает оптимальное (в смысле критерия (14)) управление и оптимальную траекторию развития региона, а также определяет максимальное конечное значение интегрального показателя здоровья населения Кемеровской области. Полученные результаты приведены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты вычислений для задачи повышения уровня здоровья населения

t	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Управляющие переменные</i>										
x_{1t}	–	260	280	346	380	398	520	635	799	830
x_{2t}	–	660	623	624	616	3182	2648.6	3762	3995	2559
x_{3t}	–	2783	2577	2516	2440	3384	3018.2	3062	3995	2012
x_{4t}	–	7428	6909	6921	6804	7123	6926	7589	7191	6947
x_{5t}	–	2783	2597	2602	2560	3522	3278.2	3762	3995	2712
<i>Фазовые переменные</i>										
$y_t^{ОЗО}$	690.2	573.3	496.8	452.7	423.7	477.9	499.5	536	576.3	532.9
$y_t^{ПИНВ}$	4.91	5.39	5.24	5.19	5.1	7.86	8.17	9.27	9.87	8.11
$y_t^{ОСМ}$	16.5	16.37	16.25	16.13	16	15.9	15.84	15.76	15.7	15.6
$y_t^{СППЖ}$	62.8	62.77	62.73	62.72	62.73	62.78	62.86	63	63.23	63.39
$y_t^{ОРЖ}$	8.9	10	11	11.9	12.7	13.7	14.5	15.3	16.3	16.2
<i>Значения интегрального показателя</i>										
$ИП_t$	–	0.57	0.63	0.68	0.7	0.59	0.59	0.55	0.53	0.62

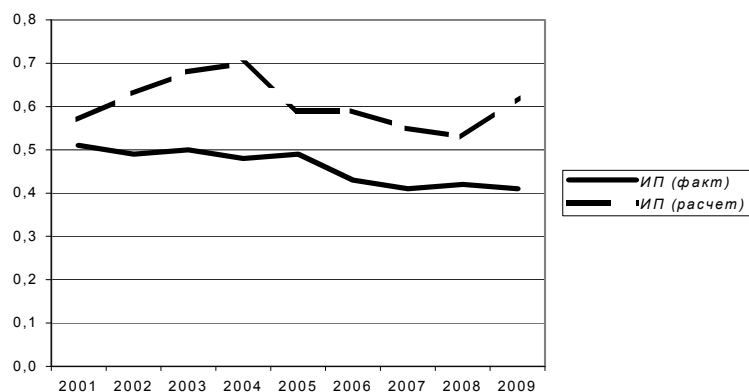

Рис. 1. График фактических и расчетных значений ИП

Таблица 6 показывает, каким образом должны быть распределены инвестиции в различные виды экономической деятельности области, чтобы улучшить состояние общественного здоровья.

На рис. 1 представлен график фактических значений интегрального показателя и график значений ИП, полученных в результате решения задачи максимизации.

Из рисунка видно, что значения интегрального показателя, полученные в результате решения задачи повышения уровня общественного здоровья, больше фактических значений не только в конечный момент времени, но и на протяжении всего рассматриваемого промежутка.

5. Моделирование изменения уровня здоровья населения при различных вариантах развития Кемеровской области

Построив динамическую модель максимизации интегрального показателя здоровья населения Кемеровской области и разработав метод ее решения, можно изучить, как будет вести себя ИП в тех слу-

чаях, когда условия в регионе каким-либо образом будут меняться.

Например, можно проанализировать, какие последствия для здоровья населения вызовет увеличение или уменьшение общего финансирования области или изменение нормативов долей инвестиций в различные виды деятельности, определяемых их нижними уровнями $x_{i\min}$.

Вариант А. Пусть суммарные ежегодные инвестиции в основной капитал Кемеровской области увеличатся на 10 % от величин, принятых в условии задачи (6) – (14). Заметим, что при этом (как и во всех рассматриваемых далее случаях) условие (15) должно быть выполнено.

Проведенные с помощью метода динамического программирования расчеты показали рост терминального значения ИП от 0,62 до 0,65. Найденные для рассматриваемого варианта оптимальные фазовые переменные и управляющие параметры, а также получившиеся значения интегрального показателя здоровья населения Кемеровской области представлены в таблице 7.

Таблица 7

Результаты вычислений для варианта А

t	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Управляющие переменные</i>										
x_{1t}	—	260	280	346	380	774	520	827	878	830
x_{2t}	—	3061	1857	1862	1816	2874	2606	3138	3394	2113
x_{3t}	—	3888	3475	3276	3267	5874	7606	5138	6394	3676
x_{4t}	—	7034	6816	6964	6800	6973	6892	7449	7910	6934
x_{5t}	—	2061	1857	1862	1816	2874	3406	4138	3394	3013
<i>Фазовые переменные</i>										
$y_t^{ОЗО}$	690.2	634.6	585.6	554.8	532.8	581.5	630.3	651.4	690.5	634.5
$y_t^{ПИНВ}$	4.91	7.1	7.5	7.6	7.5	9	9.6	9.9	10.7	8.6
$y_t^{ОСМ}$	16.5	16.4	16.3	16.2	16.1	16	16	15.9	15.9	15.8
$y_t^{СППЖ}$	62.8	62.73	62.66	62.64	62.62	62.78	62.86	63.1	63.32	63.49
$y_t^{ОРЖ}$	8.9	10.3	11.5	12.6	13.5	15	16.7	17.9	19.3	19.6
<i>Значения интегрального показателя</i>										
$ИП_t$	—	0.47	0.51	0.54	0.58	0.53	0.53	0.54	0.53	0.65

Вариант Б. Пусть суммарные ежегодные инвестиции в основной капитал Кемеровской области пропорционально уменьшаться на 5 %. Найденные с помощью метода динамического программирования оптимальные значения фазовых и управляющих переменных, а также значения *ИП* здоровья населения Кемеровской области демонстрируют снижение ин-

тегрального показателя общественного здоровья в момент *T* со значения 0.62 до 0.60 (табл. 8).

Вариант В. Пусть в 2 раза (по сравнению с задачей (6) – (14)) увеличится нижний уровень $x_{t\min}$ затрат в образование. Тогда, как показывают проведенные расчеты, значение *ИП* в момент *T* вырастет до величины 0.64 (табл. 9).

Таблица 8

Результаты вычислений для варианта Б

<i>t</i>	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Управляющие переменные</i>										
x_{1t}	–	260	275	330	365	564	620	790	759	630
x_{2t}	–	2543	2467	2271	2227	4041	3114	4574	4795	2291
x_{3t}	–	1672	1637	1638	1630	2702	2920	3044	3595	2176
x_{4t}	–	6898	6805	6948	6905	7074	7162	6888	7031	6848
x_{5t}	–	1843	1152	1171	1032	2345	1754	2574	2795	2361
<i>Фазовые переменные</i>										
$y_t^{ОЗО}$	690.2	579.1	510.5	470.6	444.8	483.4	503.7	533.3	568.5	526.7
$y_t^{ПИНВ}$	4.91	6.6	7	7	6.9	8.7	8.8	9.5	10.1	8
$y_t^{ОСМ}$	16.5	16.3	16.2	16	15.9	15.8	15.7	15.6	15.6	15.5
$y_t^{СППЖ}$	62.8	62.71	62.61	62.55	62.49	62.59	62.68	62.83	62.98	63
$y_t^{ОРЖ}$	8.9	9.7	10.3	10.9	11.4	12.3	13.2	14.1	15	16.2
<i>Значения интегрального показателя</i>										
$ИП_t$	–	0.5	0.52	0.55	0.58	0.52	0.53	0.51	0.49	0.60

Таблица 9

Результаты вычислений для варианта В

<i>t</i>	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Управляющие переменные</i>										
x_{1t}	–	520	600	615	635	764	720	790	799	830
x_{2t}	–	1783	7797	2802	2360	2522	3278	2762	2995	2012
x_{3t}	–	2764	2767	1768	2060	5195	3070	5762	5995	3310
x_{4t}	–	7064	6805	6817	6800	6850	7243	7004	7191	6896
x_{5t}	–	1783	1017	1007	1045	2278	2078	2492	2995	2012
<i>Фазовые переменные</i>										
$y_t^{ОЗО}$	690.2	602.3	544.2	498.6	475.1	524.7	538	581.2	621.1	579.4
$y_t^{ПИНВ}$	4.91	6.61	7	7.4	7.38	7.57	8.94	9.39	9.83	8.22
$y_t^{ОСМ}$	16.5	16.4	16.3	16.2	16.1	16	15.9	15.9	15.8	15.8
$y_t^{СППЖ}$	62.8	62.86	62.89	62.92	62.96	63.1	63.23	63.37	63.55	63.68
$y_t^{ОРЖ}$	8.9	10	11.1	11.6	12.2	13.6	14.5	15.9	17.3	17.7
<i>Значения интегрального показателя</i>										
$ИП_t$	–	0.50	0.53	0.55	0.57	0.54	0.54	0.53	0.54	0.64

Таблица 10

Результаты вычислений для варианта Г

t	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Управляющие переменные</i>										
x_{1t}	–	260	310	285	364	410	440	520	799	718
x_{2t}	–	1660	1767	1768	1060	2032	2648	2502	2995	2359
x_{3t}	–	3383	2597	2602	3220	5520	4278	5962	5995	3012
x_{4t}	–	6828	6896	6910	6895	7123	6926	7064	7191	6959
x_{5t}	–	1783	1416	1444	1260	2522	2098	2762	2995	2012
<i>Фазовые переменные</i>										
$y_t^{ОЗО}$	690.2	610.6	548.6	513.2	486.4	533.1	533.3	591.9	628.3	584.2
$y_t^{ПИНВ}$	4.91	6.61	6.98	7.1	6.53	8.1	8.66	9.2	9.8	8.4
$y_t^{ОСМ}$	16.5	16.39	16.27	16.16	16	15.98	15.91	15.87	15.84	15.76
$y_t^{СППЖ}$	62.8	62.71	62.64	62.57	62.52	62.56	62.59	62.68	62.85	62.97
$y_t^{ОРЖ}$	8.9	10.2	11.1	12	13	14.5	15.6	16.9	18.2	18.4
<i>Значения интегрального показателя</i>										
$ИП_t$	–	0.5	0.53	0.56	0.62	0.58	0.57	0.57	0.56	0.64

Вариант Г. Пусть на 20 % увеличится минимальный уровень расходов на здравоохранение. В этом случае результаты расчетов по методу динамического программирования показывают рост терминального значения интегрального показателя здоровья населения от 0.62 до 0.64 (табл. 10).

Вариант Д. Пусть на 20 % уменьшится минимально возможное значение инвестиций в промыш-

ленность. Тогда вычисления по методу динамического программирования, результаты которых приведены в таблице 11, свидетельствуют об увеличении интегрального показателя здоровья населения в момент T со значения 0.62 до 0.63.

Таблица 11

Результаты вычислений для варианта Д

t	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Управляющие переменные</i>										
x_{1t}	–	260	305	485	614	704	655	752	897	818
x_{2t}	–	2517	1610	1613	1588	3522	3278	3762	4195	3012
x_{3t}	–	3783	2597	2602	3560	4522	4278	5762	6095	2454
x_{4t}	–	5571	5877	5707	5478	6339	5900	5772	5593	5764
x_{5t}	–	1783	2597	2602	1560	2522	2278	2762	3195	2012
<i>Фазовые переменные</i>										
$y_t^{ОЗО}$	690.2	615.3	539.4	494.2	477.2	523.5	541.2	577.9	609.2	550.9
$y_t^{ПИНВ}$	4.91	6.83	6.49	6.33	6.46	8.5	8.7	9.3	9.6	8
$y_t^{ОСМ}$	16.5	16.39	16.27	16.17	16.1	16	15.98	15.94	15.91	15.82
$y_t^{СППЖ}$	62.8	62.62	62.52	62.49	62.47	62.56	62.59	62.65	62.75	62.81
$y_t^{ОРЖ}$	8.9	10	10.9	11.6	12.5	13.7	14.6	15.7	16.7	16.6
<i>Значения интегрального показателя</i>										
$ИП_t$	–	0.49	0.52	0.59	0.62	0.54	0.55	0.54	0.54	0.63

Таким образом, дополнительно проведенные расчеты показывают, что попытки варьировать параметры модели (6) – (14) порождают адекватные отклики. Так, увеличение в условии задачи суммарных ежегодных инвестиций на 10 % от исходного

уровня вызвало рост терминального значения $ИП$ до значения 0.65, а их снижение на 5 % уменьшило интегральный показатель здоровья населения в момент T до 0.60. Также оказалось, что значение $ИП$ в момент T будет возрастать при увеличении минималь-

ной границы расходов на образование или на здравоохранение, а также будет расти при снижении минимума инвестиций в промышленность.

Заключение

Проведенные исследования продемонстрировали возможность использования интегрального показателя как обобщающей характеристики при построении математических моделей регионального развития в виде задачи оптимального управления, где интегральный показатель выступает в роли критерия качества. В частности, в построенной модели максимизации уровня здоровья населения области он дает комплексную оценку разных аспектов состояния здоровья населения, а управлениями берутся инвестиции в различные сферы экономической активности.

Предложенный подход к применению интегрального показателя может быть использован не только для решения проблем здравоохранения, как это было сделано в данной статье, но и в других сферах деятельности при наличии соответствующих методик расчета и статистического материала.

Литература

1. Айвазян, С. А. Прикладная статистика и основы эконометрики / С. А. Айвазян, В. С. Мхитарян. – М.: ЮНИТИ, 1998.
2. Данилов, Н. Н. Основы математической теории оптимальных процессов / Н. Н. Данилов, В. В. Мешечкин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004.
3. Кирьянов, Б. Ф. К проблеме определения весовых коэффициентов параметров линейных мо-

делей интегральных показателей качества систем / Б. Ф. Кирьянов // Вестник НовГУ. – 2007. – № 44. – С. 33 – 37.

4. Кирьянов, Б. Ф. К теории построения интегральных показателей качества систем на основе линейных математических моделей / Б. Ф. Кирьянов, Д. В. Кирьянов // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 4. – С. 73 – 74.

5. Кирьянов, Б. Ф. Математические модели интегрального показателя здоровья населения / Б. Ф. Кирьянов // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 9. – С. 99 – 100.

6. Кирьянов, Б. Ф. Методика определения значений параметров моделей интегрального показателя общественного здоровья / Б. Ф. Кирьянов // Охрана здоровья населения – национальный приоритет государственной политики (Сборник научных трудов ННЦ Северо-Западного Отделения РАМН, т. 5). – М.: Медицина, 2006. – С. 125 – 130.

7. Кирьянов, Б. Ф. Усовершенствованные многопараметрические модели интегрального показателя общественного здоровья населения / Б. Ф. Кирьянов, В. А. Медик // Охрана здоровья населения – национальный приоритет государственной политики: сборник научных трудов ННЦ Северо-Западного Отделения РАМН, т. 5. – М.: Медицина, 2006. – С. 67 – 73.

8. Кузбасс, 2010: стат. сб. // Кемеровостат. – Кемерово, 2010.

9. Пропой, А. И. Элементы теории оптимальных дискретных процессов / А. И. Пропой. – М.: Наука, 1973.

УДК 517:519.71; 62.50

ТОЧЕЧНЫЕ МОДЕЛИ МНОГОМЕРНЫХ ЛИНЕЙНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В. В. Осипов

POINT MODEL OF MULTI-DIMENSIONAL LINEAR DYNAMICAL SYSTEMS

V. V. Osipov

Применяя метод точечных представлений, строится точечная модель многомерной линейной нестационарной динамической системы, имеющая вид блочного векторно-матричного уравнения, в котором системная матрица играет роль передаточной.

Using the method of point representations, the point model is constructed multivariate linear nonstationary dynamic system, having the form of block vector-matrix equation in which the system plays the role of the transfer matrix.

Ключевые слова: метод точечных представлений, точечное моделирование, многомерные нестационарные динамические системы.

Keywords: method of point representations, the point modeling, multidimensional nonstationary dynamical systems.

Рассмотрим линейную нестационарную динамическую систему [1]:

$$\left. \begin{aligned} \frac{dx(\tau)}{d\tau} + T \cdot A(\tau)X(\tau) &= T \cdot K(\tau)U(\tau); & a \\ Y(\tau) &= C(\tau)X(\tau) + D(\tau)U(\tau), & b \end{aligned} \right\} \quad (1)$$

приведенную к отрезку $[0, 1]$ безразмерного времени τ с параметром T и имеющую q входов, r выходов и n фазовых переменных. Дифференциальное уравнение в (1) может быть заменено эквивалентным интегральным:

$$X(\tau) + T \int_0^{\tau} A(\tau) X(\tau) d\tau = T \int_0^{\tau} K(\tau) U(\tau) d\tau + X_0. \quad (2)$$

Матричные функции $A(\tau)$, $K(\tau)$, $C(\tau)$ и $D(\tau)$ имеют размерности $(n \times n)$, $(n \times q)$, $(r \times n)$ и $(r \times q)$ соответственно, а

$$X(\tau) = \text{Colon}[x_1(\tau), \dots, x_i(\tau), \dots, x_n(\tau)]$$

есть n -вектор состояния (n -вектор – функция фазовых переменных); $X_0 = X(0)$ – вектор n начальных условий.

$$U(\tau) = \text{Colon}[u_1(\tau), \dots, u_i(\tau), \dots, u_q(\tau)]$$

есть q -вектор входных сигналов (q -вектор – функция входа).

$$Y(\tau) = \text{Colon}[y_1(\tau), \dots, y_i(\tau), \dots, y_r(\tau)]$$

есть r -вектор выходных сигналов (r -вектор – функция выхода), причем, в общем случае, $q \neq n$, $r \neq n$ и $q \neq r$.

Будем предполагать, что все координаты векторов функций и элементы матриц в (1) как непрерывные (и, возможно, кусочно-непрерывные) функции определены при любых N в узлах чебышевских N -сеток I и II рода:

$$\left. \begin{aligned} \tau_v^{(N)} &= \frac{2v-1}{2N}; \\ \theta_v^{(N)} &= \frac{v}{N} \end{aligned} \right\} \quad (v = \overline{1, N}) \quad \left. \begin{aligned} a \\ \bar{a} \end{aligned} \right\}, \quad (3)$$

$$\left. \begin{aligned} A(\tau) &\xrightarrow{T_1} D_N[A(\tau_v^{(N)})] = \text{Diag}[A(\tau_1^{(N)}) \dots A(\tau_v^{(N)}) \dots A(\tau_N^{(N)})], \\ K(\tau) &\xrightarrow{T_1} D_N[K(\tau_v^{(N)})] = \text{Diag}[K(\tau_1^{(N)}) \dots K(\tau_v^{(N)}) \dots K(\tau_N^{(N)})], \\ C(\tau) &\xrightarrow{T_1} D_N[C(\tau_v^{(N)})] \text{ и } D(\tau) \xrightarrow{T_1} D_N[D(\tau_v^{(N)})]. \end{aligned} \right\} \quad (5)$$

Найдем точечную модель нашей динамической системы (1).

Имея в виду точечные представления интегральных преобразований вида

$$T \int_0^{\tau} A(\tau) X(\tau) d\tau \xrightarrow{T_1} [J_N(Z) \otimes E_n] D_N[A(\tau_v^{(N)})] \cdot \bar{X}_{T1},$$

где $[J_N(Z) \otimes E_n]$ – блочная матрица реализующая операцию интегрирования в векторном пространстве точно-векторных отображений вектор – функции из $M_n(0,1)$ [2,4,5], будем иметь:

$$\left. \begin{aligned} \bar{X}_{T1} + [J_N(Z) \otimes E_n] \cdot D_N[A(\tau_v^{(N)})] \cdot \bar{X}_{T1} &= \\ = [J_N(Z) \otimes E_n] D_N[K(\tau_v^{(N)})] \bar{U}_{T1}; & a \\ \bar{Y}_{T1} = D_N[C(\tau_v^{(N)})] \cdot \bar{X}_{T1} + D_N[D(\tau_v^{(N)})] \bar{U}_{T1}. & \bar{a} \end{aligned} \right\}$$

Первое из этих векторно-матричных уравнений есть точечная модель рассматриваемой линейно-динамической системы в важном частном случае, когда вектор $X(\tau)$ ее фазовых переменных оказывается и ее вектором выхода, т. е. когда $C(\tau) = E_n$, а $D(\tau) \equiv 0$ и $Y(\tau) = X(\tau)$. В этом случае получаем точечную модель задачи Коши, при нулевых начальных условиях и $K(\tau) \neq E_n$. Это модель вида:

т. е. это функции из $M(0,1)$. Таким образом, будут определены все их точечные представления, в частности, на N -сетке I рода (3 а). Это будут блочные представления с элементами – блоками соответствующей размерности.

Для вектор-функций будем иметь:

$$\left. \begin{aligned} X(\tau) &\xrightarrow{T_1} \bar{X}_{T1} = \text{Colon}[X(\tau_1^{(N)}) \dots X(\tau_v^{(N)}) \dots X(\tau_N^{(N)})]; & a \\ U(\tau) &\xrightarrow{T_1} \bar{U}_{T1} = \text{Colon}[U(\tau_1^{(N)}) \dots U(\tau_v^{(N)}) \dots U(\tau_N^{(N)})]; & \bar{a} \\ Y(\tau) &\xrightarrow{T_1} \bar{Y}_{T1} = \text{Colon}[Y(\tau_1^{(N)}) \dots Y(\tau_v^{(N)}) \dots Y(\tau_N^{(N)})]. & \bar{a} \end{aligned} \right\} \quad (4)$$

Векторные блоки-компоненты этих точно-векторных изображений будут элементами алгебр AR_{Nn} , AR_{Nq} и AR_{Nr} соответственно [2], изометрически изоморфных соответствующим алгебрам AS_{Pn} , AS_{Pq} и AS_{Pr} сплайновых (ступенчатых) представлений, возникающим в результате гомоморфных π_N -отображений функциональных алгебр AM_n , AM_q и AM_r . Существуют, очевидно, и инволютивные элементы как элементы соответствующих алгебр:

$$\left. \begin{aligned} X^*(\tau) &\in AM_n^* \xrightarrow{T_1} \bar{X}_{T1}^* \in AR_{Nn}^*; & a \\ U^*(\tau) &\in AM_q^* \xrightarrow{T_1} \bar{U}_{T1}^* \in AR_{Nq}^*; & \bar{a} \\ Y^*(\tau) &\in AM_r^* \xrightarrow{T_1} \bar{Y}_{T1}^* \in AR_{Nr}^*. & \bar{a} \end{aligned} \right\}$$

Точечные модели матричных функций представляются в виде блочных (квазидиагональных) матриц:

$$\left\{ E_{Nn} + [J_N(Z) \otimes E_n] D_N[A_v] \right\} \bar{X}_{T1} = [J_N(Z) \otimes E_n] \cdot D_N[K_v] \cdot \bar{U}_{T1}, \quad (6)$$

где для сокращения записи обозначено:

$$D_N[A_v] = D_N[A(\tau_v^{(N)})] \text{ и } D_N[K_v] = D_N[K(\tau_v^{(N)})].$$

Умножая обе стороны уравнения (6) на блочную теплицеву матрицу $[(E_n - Z) \otimes E_n]$, получим:

$$\left\{ [(E_n - Z) \otimes E_n] + \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot D_N[A_v] \right\} \bar{X}_{T1} = \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot D_N[K_v] \cdot \bar{U}_{T1}.$$

А последующие преобразования [2] приводят модель к виду:

$$\left. \begin{aligned} D_N[E_n + \lambda_0 A_v] \cdot T_N[B_v] \bar{X}_{T1} &= \\ = \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot D_N[K_v] \cdot \bar{U}_{T1}, & \end{aligned} \right\} \quad (7)$$

где

$$\left. \begin{aligned} A_v &= A(\tau_v^{(N)}); \quad K_v = K(\tau_v^{(N)}) \quad (v = \overline{1, N}); \\ B_v &= (\lambda_0 A_{v+1} + E_n)^{-1} \cdot (\lambda_0 A_v - E_n) = \\ &= \frac{\lambda_0 A_v - E_n}{\lambda_0 A_{v+1} + E_n} \quad (v = \overline{1, (N-1)}); \end{aligned} \right\} \quad (8)$$

$$T_N [B_v] = E_{Nn} + (Z \otimes E_n) \cdot D_N [B_v] =$$

$$= \begin{bmatrix} E_n & & & & \\ B_1 & E_n & & & \\ & \ddots & \ddots & & \\ & & B_v & E_n & \\ & & & B_{N-1} & E_n \end{bmatrix}.$$

Необходимо иметь в виду, что запись матричного произведения (8) в виде дроби сделано ради его сокращения. Матрицы в произведении непостоянны.

Из равенства (7) следует представление для $\bar{X}_T$:

$$\bar{X}_T = T_N^{-1} [B_v] \cdot D_N [(\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_N + Z) \otimes E_n] \cdot D_N [K_v] \cdot \bar{U}_T. \quad (9)$$

Введем блочную матрицу $W_N(A_v; K_v)$, полагая

$$W_N(A_v; K_v) = \lambda_0 T_N^{-1} [B_v] \cdot D_N [(\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_N + Z) \otimes E_n] \cdot D_N [K_v]. \quad (10)$$

Тогда представление (9) запишется в виде

$$\bar{X}_T = W_N(A_v; K_v) \cdot \bar{U}_T = W_N(A_v) \cdot D_N [K_v] \cdot \bar{U}_T \quad (11)$$

и, следовательно, матрица $W_N(A_v; K_v)$ (10), связывающая точечные изображающие вектора входа $\bar{U}_T$ и выхода $\bar{X}_T$ динамической системы, оказывается передаточной матрицей в пространстве точечных представлений временных сигналов, действующих в рассматриваемой динамической системе (рис. 1).

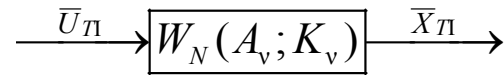

Рис. 1.

Обратные блочные матрицы в (10) имеют явные представления:

$$D_N [(\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}] = \text{Diag} [(\lambda_0 A_1 + E_n)^{-1} \cdots (\lambda_0 A_v + E_n)^{-1} \cdots (\lambda_0 A_N + E_n)^{-1}] \quad (12)$$

$$T_N^{-1} [B_v] = \begin{bmatrix} E_n & & & & \\ -B_1 & E_n & & & \\ \vdots & \vdots & \ddots & & \\ (-1)^{v-1} \prod_{i=1}^{v-1} B_i & (-1)^{v-2} \prod_{i=2}^{v-1} B_i & \cdots & B_{v-2} \cdot B_{v-1} & -B_{v-1} & E_n \\ \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots \\ (-1)^{N-1} \prod_{i=1}^{N-1} B_i & (-1)^{N-2} \prod_{i=2}^{N-1} B_i & \cdots & B_{N-2} \cdot B_{N-1} & -B_{N-1} & E_n \end{bmatrix} \quad (13)$$

Представление (9) для $\bar{X}_T$ (или (11)) есть решение уравнения (7), являющееся точечной моделью интегрального уравнения (2) (при $x'_0 = 0$) – ее гомоморфным алгебраическим образом и, следовательно, оказывается точечным отображением решения этого интегрального уравнения, ассоциированным с чебышевской N -сеткой I рода (3а), при выбранных значениях параметров T и $\lambda_0 = T/2N > 0$.

Это, в частности, означает, что если существует хотя бы одно решение функционального уравнения (2) (и соответствующей задачи Коши), то будет существовать (при заданных N и T) соответствующее решение точечного уравнения (7) – его гомоморфного отображения, в силу отображения алгебр $AM_N \xrightarrow{\Pi_N} ASp_n \xrightarrow{T_1} AR_{Nn}$ [2].

Очевидно, будет верным и обратное утверждение: существование решения точечного уравнения (7) (при всяком конечном N , заданном $T > 0$ и заданной правой части) будет означать существование и его гомоморфного прототипа – решения интегрального уравнения (2), которое затем, по его точечному изображению, может быть представлено приближенно, в частности, в виде сплайновой (ступенчатой) модели [2].

Но существование решения точечного уравнения (3), т. е. представление (11) для $\bar{X}_T$, означает существование и самой точечной модели интегрального уравнения (1), т. е. существование передаточной матрицы $W_N(A_v; K_v)$ (10) рассматриваемой динамической системы.

Возникает вопрос: при каких условиях эта матрица будет существовать, обеспечивая алгебраическую связь вектора входа $\bar{U}_T$ (4б), с вектором выхода $\bar{X}_T$ (4а) в форме точечной модели (11) динамической системы (1). Может быть доказана следующая теорема – теорема о существовании точечной модели линейной динамической системы (о существовании решения соответствующей задачи Коши для уравнения (2)).

Теорема 1. Если матричная функция

$$[\lambda_0 A(\tau) + E_n] = [\lambda_0 A(\tau) + E_n], (n \times n), \tau \in [0, 1] \quad (14)$$

с матрицей $A(\tau)$ ($n \times n$) – системной матрицы динамической системы (2), при некотором $T > 0$ и всяком N (всяком $\lambda_0 = T/2N > 0$) окажется положительно определенной [3], то будет существовать точечная модель (11) такой системы с передаточной матрицей

$W_N(A_v; K_v)$ (10), т. е. представление вектора $\bar{X}_n$, как точечного изображающего вектора решения функционального уравнения (2), описывающего поведение системы на отрезке $[0, 1]$ (на временном отрезке $[0, T]$).

Доказательство: положительная определенность матрицы (14) означает положительную определенность квадратичной формы, построенной на этой матрице, т. е. выполнение условия:

$$([\lambda_0 A(\tau) + E_n] \eta, \eta) = \lambda_0 (A(\tau) \eta, \eta) + \|\eta\|_2^2 > 0$$

при всяком ненулевом n -векторе η . Оно будет выполняться, если все угловые миноры матрицы (14), включая и ее определитель, будут положительными (Критерий Сильвестра) [6]. Таким образом, положительная определенность матрицы (14) означает ее невырожденность и, следовательно, существование обратной матрицы $[\lambda_0 A(\tau) + E_n]^{-1}$ $\tau \in [0, 1]$ и всех обратных матриц – ее значений в узлах N -сетки I рода:

$$[\lambda_0 A(\tau_v^{(N)}) + E_n]^{-1} = (\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}, \quad (v = \overline{1, N}),$$

а также матриц (8):

$$B_v = (\lambda_0 A_{v+1} + E_n)^{-1} \cdot (\lambda_0 A_v - E_n)^{-1} \quad (v = \overline{1, (N-1)}).$$

Это будет также означать и существование блочных матриц $D_N[(\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}]$ (12) и $T_N^{-1}[B_v]$ (13) и системной матрицей $W_N(A_v; K_v)$ (10), а значит, и существование решения $\bar{X}_n$ точечного уравнения (7) при заданной правой части, как блочного вектора N -вектора.

По этому решению при всяком N и заданном T может быть построено единственное сплайновое (в частности, ступенчатое) представление:

$$Sp_N^0(\bar{X}_n; \tau) = [\bar{X}_n, \bar{P}_N(\tau)] \xleftarrow{T_N} \bar{X}_n$$

– элемента алгебры ASp_n , являющегося гомоморфным π_N -образом вектор-функции $X(\tau)$;
– решения уравнения (2) на отрезке $[0, 1]$ и элемента алгебры AM_N . С ростом N гомоморфное π_N -отображение алгебры AM_N на алгебру ASp_n сплайновых форм нулевой степени становится все ближе к их изометрическому изоморфизму, а элементы $Sp_N^0(\bar{X}_n; \tau)$ из ASp_n будут все точнее представлять элемент $X(\tau)$ из AM_N – единственное решение функционального уравнения (2) [3]. Теорема доказана.

Замечание 1. Для выполнения условия теоремы достаточно положительной определенности на временном отрезке $[0, T]$ матрицы $A(t) = A(T\tau) = A(\tau)$ $\tau \in [0, 1]$, т. е. условия: $(A(\tau)\eta, \eta) > 0$, при всяком n -векторе η , отличном от нулевого и всяком $\lambda_0 = T/2N > 0$.

Замечание 2. Для однородной задачи Коши (2), когда $K \equiv 0$, условие теоремы является необходимым и достаточным для существования единственного решения, определяемого заданным начальным условием $X(0) = X_0 \xrightarrow{T_1} I_n^{(N)} \otimes X_0$ и передаточной матрицей:

$$W_{Nn}(A_v; 0) = T_N^{-1}[B_v] \cdot D_N[(\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n],$$

имеющей, в этом случае, ранг Nn .

Рассмотрим теперь n -мерную линейную стационарную динамическую систему, как частный вариант системы (1), когда все ее матрицы (5) оказываются постоянными:

$$\left. \begin{aligned} \frac{dX(\tau)}{d\tau} + TA \cdot X(\tau) &= TK \cdot U(\tau); & a) \\ \tau &\in [0, 1] \\ Y(\tau) &= C \cdot X(\tau) + D \cdot U(\tau). & б) \end{aligned} \right\} \quad (15)$$

Интегральное уравнение, эквивалентное дифференциальному в (15), имеет вид:

$$X(\tau) + TA \int_0^\tau X(\tau) d\tau = TK \int_0^\tau U(\tau) d\tau + X_0 \quad (16)$$

и решение

$$X(\tau) = T \int_0^\tau e^{-A(\tau-\zeta)^T} \cdot K \cdot U(\zeta) d\zeta + X_0 e^{-AT\tau}; \quad \tau \in [0, 1], \quad (17)$$

представляемое при $X_0 = 0$ в виде интеграла свертки матричной функции $e^{-AT\tau}$ ($n \times n$) $\tau \in [0, 1]$ и n -векторной функции $KU(\tau)$.

Найдем точечную модель интегрального уравнения (15) при $X_0 = 0$, которую снова будем рассматривать как модель динамической системы (15), когда $Y(\tau) = X(\tau)$. Это модель (7) в рассматриваемом частном случае, когда матрицы (8) оказываются постоянными:

$$\left. \begin{aligned} A_v &= A(\tau_v^{(N)}) = A(n\pi n); \quad K_v = K(\tau_v^{(N)}) = K(n\pi q); \quad (v = \overline{1, N}); \quad a) \\ -B_v &= \frac{E_n - \lambda_0 A_v}{E_n + \lambda_0 A_{v+1}} = \frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} = -B(n\pi n); \quad (v = \overline{1, (N-1)}) \quad б) \end{aligned} \right\}$$

а блочные матрицы в (7) получают представления:

$$\left. \begin{aligned} D_N[E_n + \lambda_0 A_v] &= D_N[E_n + \lambda_0 A] = \\ &= \text{Diag}[(E_n + \lambda_0 A) \vdots \vdots (E_n + \lambda_0 A) \vdots \vdots (E_n + \lambda_0 A)] = \\ &= [E_n \otimes (E_n + \lambda_0 A)]; & a) \\ D_N[K_v] &= D_N[K] = \\ &= \text{Diag}[K \vdots \vdots K \vdots \vdots K] = [E_n \otimes K]. & б) \end{aligned} \right\}$$

$$T_N[B_v] = T_N[(-B)] = E_{Nn} + [Z \otimes (-B)] =$$

$$= \begin{bmatrix} E_N & & & \\ (-B)E_N & & & \\ & \ddots & \ddots & \\ & & (-B) & E_N \\ & & & \ddots & \ddots \\ & & & & (-B) & E_N \end{bmatrix}.$$

Сама же модель получает вид:

$$\begin{aligned} D_N[E_n + \lambda_0 A] \cdot T_N[(-B)] \cdot \bar{X}_n &= \\ = \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot (E_n \otimes K) \cdot \bar{U}_n & \\ \text{и, следовательно, будем иметь:} & \\ \bar{X}_n = T_N^{-1}[-B] \cdot D_N[(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] \cdot & \\ \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot (E_n \otimes K) \cdot \bar{U}_n &= \\ = W_N(A; K) \cdot \bar{U}_n. & \end{aligned} \quad (18)$$

Блочная матрица

$$W_N(A; K) = T_N^{-1} [-B] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] \cdot$$

$$\lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] (E_n \otimes K) \quad (19)$$

является, очевидно, передаточной матрицей в рассматриваемом частном случае стационарной динамической системы (15). Она имеет блочную нижнетреугольную структуру, причем из (12) и (13), как частные случаи, следует:

$$\left. \begin{aligned} D_N [(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] &= [E_n \otimes (E_n + \lambda_0 A)^{-1}]; & a) \\ T_N^{-1} [-B] &= \sum_{v=0}^{N-1} [Z^v \otimes (-B)^v] = \sum_{v=0}^{N-1} [Z^v \otimes (-B)^v]. & б) \end{aligned} \right\} \quad (20)$$

Предполагается, естественно, существование обратной матрицы $(E_n + \lambda_0 A)^{-1}$, т. е. выполнение условия теоремы 1 в рассматриваемом частном случае.

Все блочные матрицы в представлении (19) оказываются теплицевыми нижнетреугольными и, следовательно, перестановочны, поэтому (19), учитывая (20), может быть записано в виде:

$$W_N(A; K) = \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot$$

$$\cdot \sum_{v=0}^{N-1} [Z \otimes (-B)]^v \cdot [E_n \otimes (E_n + \lambda_0 A)^{-1}] (E_n \otimes K) =$$

$$= \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot W_{NT1}(A; K),$$

где

$$\begin{aligned} W_{NT1}(A; K) &= \\ &= \sum_{v=0}^{N-1} [Z \otimes (-B)]^v \cdot [E_n \otimes (E_n + \lambda_0 A)^{-1}] (E_n \otimes K). \end{aligned} \quad (21)$$

Таким образом, вместо (18) можем написать для $\bar{X}_{\Pi}$:

$$\begin{aligned} \bar{X}_{\Pi} &= W_N(A; K) \cdot \bar{U}_{\Pi} = \\ &= \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot W_{NT1}(A; K) \cdot \bar{U}_{\Pi}. \end{aligned} \quad (22)$$

Этот блочный вектор есть точечное представление n -вектор функции $X(\tau)$ – интеграла свертки в (16) при $X(0) = X_0 = 0$, ассоциированное с Чебышевской N -сеткой I рода (3 а). Возможно точечное представление этого интеграла, ассоциированное с N -сеткой II рода (3 б). Имеем, следовательно, следующую картину по точечным отображениям:

$$\left. \begin{aligned} T \cdot \int_0^{\tau} e^{-AT(\tau-\zeta)} \cdot KU(\zeta) d\zeta &= \\ &= X(\tau) \end{aligned} \right\} \begin{aligned} \nearrow \bar{X}_{\Pi} &= [X(\tau_1^{(N)}) : \dots : X(\tau_v^{(N)}) : \dots : X(\tau_N^{(N)})]; & a) \\ \searrow \bar{X}_{\Pi} &= [X(\theta_1^{(N)}) : \dots : X(\theta_v^{(N)}) : \dots : X(\theta_N^{(N)})]. & б) \end{aligned}$$

Но, как известно [4,5], смежные блочные точечные изображения связаны между собой соотношением:

$$[(E_n + Z) \otimes E_n] \bar{X}_{\Pi} = 2\bar{X}_{\Pi}, \quad (X_0 = 0).$$

Подставляя сюда представление (22) для $\bar{X}_{\Pi}$, найдем следующее представление для $\bar{X}_{\Pi}$:

$$\bar{X}_{\Pi} = 2\lambda_0 \cdot W_{NT1}(A; K) \cdot \bar{U}_{\Pi}. \quad (23)$$

Таким образом, введенная матрица $W_{NT1}(A; K)$ (21) со скалярным множителем $2\lambda_0$ играет роль передаточной матрицы, связывая точечный вектор входа $\bar{U}_{\Pi}$, ассоциированный с N -сеткой I рода, и точечный вектор выхода $\bar{X}_{\Pi}$, ассоциированный со смежной с N -сеткой II рода в точечной модели динамической системы (16). Но такого рода функциональное равенство представляется в виде сверточно-го соотношения (17) ($X_0 = 0$), поэтому будем иметь:

$$\begin{aligned} T \cdot \int_0^{\tau} e^{-AT(\tau-\zeta)} \cdot KU(\zeta) d\zeta &= X(\tau) \xrightarrow{T_{\Pi}} \bar{X}_{\Pi} = \\ &= 2\lambda_0 \sum_{v=1}^N [Z^{v-1} \otimes e^{-AT\tau_v^{(N)}}] (E_n \otimes K). \end{aligned}$$

Сравнивая с (23), можно видеть представление (приближенное) для матрицы $W_{NT1}(A; K)$ (21):

$$\begin{aligned} W_{NT1}(A; K) &= T_N^{-1} [-B] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] (E_n \otimes K) = \\ &= \sum_{v=0}^{N-1} [Z \otimes (-B)]^v \cdot [E_n \otimes (E_n + \lambda_0 A)^{-1}] (E_n \otimes K) \approx \\ &\approx \sum_{v=1}^N [Z^{v-1} \otimes (e^{-AT\tau_v^{(N)}})] (E_n \otimes K), \end{aligned}$$

откуда следует равенство теплицевых матриц

$$T_N^{-1} [-B] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] \approx \sum_{v=1}^N [Z^{v-1} \otimes e^{-AT\tau_v^{(N)}}] \quad (24)$$

и соответствующее равенство их элементных блочных N -векторов, которое получим, если умножим (24) на блочный единичный N -вектор:

$$\bar{e}_1^{(N)}(E_n) = (\bar{e}_1^{(N)} \otimes E_n) = Colon[E_n : 0 : \dots : 0 : \dots : 0].$$

В подробной записи для правой теплицевой матрицы в (24) имеем:

$$\sum_{v=1}^N [Z^{v-1} \otimes e^{-AT\tau_v^{(N)}}] =$$

Можно видеть, что элементный блочный N -вектор этой матрицы (это ее первый столбец) есть точечный изображающий вектор матричной экспоненциальной функции $e^{-AT\tau}$, $\tau \in [0, 1]$, ассоциированный с N -сеткой I рода, т. к. оказывается

нениальной функции $e^{-AT\tau}$, $\tau \in [0, 1]$, ассоциированный с N -сеткой I рода, т. к. оказывается

$$e^{-AT\tau} \xrightarrow{T_1} \text{Colon} [e^{-AT\tau_1^{(N)}} \dots e^{-AT\tau_v^{(N)}} \dots e^{-AT\tau_N^{(N)}}] = \sum_{v=1}^N [Z^{v-1} \otimes e^{-AT\tau_v^{(N)}}] \cdot \bar{e}_1^{(N)}(E_n). \quad (25)$$

Далее для элементного блочного N -вектора левой теплицевой матрицы в равенстве (24) получим:

$$\begin{aligned} T_N^{-1}[-B] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] \bar{e}_1^{(N)}(E_n) &= \\ &= (E_n + \lambda_0 A)^{-1} \text{Colon} [E_n \dots (-B) \dots (-B)^{v-1} \dots (-B)^{N-1}] = \\ &= (E_n + \lambda_0 A)^{-1} \text{Colon} \left[E_n : \left(\frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} \right) : \dots : \left(\frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} \right)^{v-1} : \dots : \left(\frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} \right)^{N-1} \right]. \end{aligned} \quad (26)$$

Равенство блочных элементных векторов (25) и (26) теплицевых матриц в (24) дает точечное представление для матричной функции $e^{-AT\tau}$.

вида рациональных дробей методом точечных представлений. В частности, были найдены точечные представления временных экспоненциальных оригиналов простейших операторных дробей:

В [2,5] были рассмотрены и решены задачи обращения операторных изображений по Лапласу

$$\begin{aligned} F(p; a) = \frac{1}{p+a} &\stackrel{\cdot}{=} e^{-at} \xrightarrow{t=T\tau} e^{-aT\tau} \xrightarrow{T_1} \text{Colon} [e^{-a\lambda_0} \dots e^{-a\lambda_0(2v-1)} \dots e^{-a\lambda_0(2N-1)}] \approx \\ &\approx \frac{1}{1+\lambda_0 a} \cdot \text{Colon} \left[1, \left(\frac{1-\lambda_0 a}{1+\lambda_0 a} \right), \dots, \left(\frac{1-\lambda_0 a}{1+\lambda_0 a} \right)^{v-1}, \dots, \left(\frac{1-\lambda_0 a}{1+\lambda_0 a} \right)^{N-1} \right], \end{aligned} \quad (27)$$

т. е. когда параметр « a » принимает различные комплексные значения и когда над операторным изображением $F(p; a)$ и его оригиналом e^{-at} , как функциями параметра « a », производятся аналитические операции, в частности, операция дифференцирования.

Отображения сохраняются и в том случае, когда параметр « a » окажется квадратной матрицей A , ($n \times n$). В этом случае приближенное точечное отображение в (27) становится блочно-матричным и получает вид:

$$F(p; A) = \frac{E_n}{pE_n + A} \stackrel{\cdot}{=} e^{-At} \xrightarrow{t=T\tau} e^{-AT\tau} \xrightarrow{T_1} \begin{bmatrix} e^{-\lambda_0 A} \\ \dots \\ \vdots \\ \dots \\ e^{-\lambda_0 A(2v-1)} \\ \dots \\ \vdots \\ \dots \\ e^{-\lambda_0 A(2N-1)} \end{bmatrix} \approx (E_n + \lambda_0 A)^{-1} \begin{bmatrix} E_n \\ \dots \\ \vdots \\ \dots \\ \left(\frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} \right)^{v-1} \\ \dots \\ \vdots \\ \dots \\ \left(\frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} \right)^{N-1} \end{bmatrix} \quad (28)$$

Итак, блочно-матричный N -вектор в (28) есть элементный вектор блочной теплицевой матрицы

$$\begin{aligned} T_N^{-1}[-B] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] &= \\ &= \sum_{v=0}^{N-1} [Z \otimes (-B)]^v \cdot [E_n \otimes (E_n + \lambda_0 A)^{-1}], \end{aligned}$$

входящей в роли системной в состав передаточной матрицы (19)

$$W_N(A; K) = T_N^{-1}[-B] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] (E_n \otimes K) \quad (29)$$

линейной стационарной динамической системы (16), связывающей, как уже отмечалось, точечные изображения входа $U(\tau) \xrightarrow{T_1} \bar{U}_n$ и выхода $X(\tau) \xrightarrow{T_1} \bar{X}_n$:

$$\bar{X}_П = W_N(A; K) \cdot \bar{U}_П.$$

В общем случае, нестационарной системы (1) введенное понятие передаточной матрицы сохранится, но системные матрицы (12) и (13) в ее составе уже не будут теплицевыми. Это будет нижнетреугольная блочная матрица вида (10), обобщающая вид (29) в стационарном случае

$$W_N(A_v; K_v) = T_N^{-1} [B_v] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A_v)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] D_N [K_v],$$

а также связывающая точечные изображения векторных сигналов входа и выхода (11) (рис. 1.):

$$\bar{X}_П = W_N(A_v; K_v) \cdot \bar{U}_П.$$

Аналогично можно построить точечную модель динамической системы (1), ассоциированную с Чебышевской 2N-сеткой II рода

$$\theta_k^{(2N)} = \frac{k}{2N}, \quad (k = \overline{1, 2N}).$$

Так, в частном случае динамической системы, когда n-вектор $X(\tau)$ ее фазовых переменных совпадает с ее вектором выхода $Y(\tau)$, т. е. при $C(\tau) = E_n$ и $D(\tau) \equiv 0$, а также будем предполагать нулевые начальные условия: $X(0) = X_0 = 0$ и $U(0) = U_0 = 0$, точечная модель динамической системы, связывающая блочные точечные векторы входа

$$\bar{U}_П^{(2N)} = Colon[U(\lambda_0) : \dots : U(\lambda_0 k) : \dots : U(\lambda_0 2N)] = \\ = Colon[U_1 : \dots : U_k : \dots : U_{2N}]$$

и выхода

$$\bar{X}_П^{(2N)} = Colon[X(\lambda_0) : \dots : X(\lambda_0 k) : \dots : X(\lambda_0 2N)] = \\ = Colon[X_1 : \dots : X_k : \dots : X_{2N}]$$

определенные в узлах 2N-сетки II рода

$$T\theta_k^{(2N)} = \frac{T}{2N} \cdot k = \lambda_0 k, \quad (k = \overline{1, 2N}), \text{ будет совпадать с}$$

моделью для соответствующей $\bar{X}_П^U$ точечного решения рассмотренной ранее задачи при замене в нем $\bar{U}_П$ на $D_{2N}[K_k] U_{П}^{(2N)}$ с квазидиагональной матрицей вида

$$D_{2N}[K_k] = Diag[K(\lambda_0) : \dots : K(\lambda_0 k) : \dots : K(\lambda_0 2N)].$$

Ее матричные блоки $K = (\lambda_0 k)$, $(k = \overline{1, 2N})$ имеют размерность $(n \times q)$.

Т. о., получаем точечную модель рассматриваемой динамической системы:

$$D_{2N}[2E_n + \lambda_0 A_k] \cdot T_{2N}[\alpha_k] \cdot \bar{X}_П^{(2N)} = \\ = [(E_{2N} + Z_{2N}) \otimes E_n] \lambda_0 D_{2N}[K_k] \cdot \bar{U}_П^{(2N)},$$

и, следовательно, представление «вход – выход» запишется в виде

$$\bar{X}_П^{(2N)} = T_{2N}^{-1} [\alpha_k] \cdot D_{2N} [(2E_n + \lambda_0 A_k)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_{2N} + Z_{2N}) \otimes E_n] D_{2N}[K_k] \cdot \bar{U}_П^{(2N)} \quad (30)$$

в котором введенная блочная матрица

$$W_{2N}(A_k; K_k) = W_{2N}(A_k) \cdot D_{2N}[K_k]$$

при

$$W_{2N}(A_k) = T_{2N}^{-1} [\alpha_k] \cdot D_{2N} [(2E_n + \lambda_0 A_k)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_{2N} + Z_{2N}) \otimes E_n] \quad (31)$$

будет иметь смысл передаточной матрицы точечной модели системы (2). Заметим, однако, что, по существу, роль передаточной, т. е. системной матрицы в точечной модели рассматриваемой динамической системы, играет выделенная явно блочная матрица $W_{2N}(A_k)$ (31), т. к. лишь она определяется по блочно точечным значениям $A_k = A(\lambda_0 k)$, $(k = \overline{1, 2N})$, системной матрицы $A(\tau)$ ($n \times n$) в (2).

Отметим еще, что в стационарном случае, когда $A(\tau) = A = Const$, $\tau \in [0, 1]$ и, следовательно, $A_k = A$, $(k = \overline{1, 2N})$, системная матрица $W_{2N}(A_k)$ (31) точечной модели (30) получает более простой вид блочной нижнетреугольной теплицевой матрицы.

Литература

1. Директор, С. Введение в теорию систем / С. Директор, Р. Рорер: [пер. с англ.] под ред. Н. П. Бусленко. – М.: Мир, 1974. – 464 с.
2. Осипов, В. М. Моделирование линейных динамических систем методом точечных представлений / В. М. Осипов, В. В. Осипов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – 296 с.
3. Осипов, В. М. Положительная определенность и положительность функций. Элементы теории и некоторые приложения / В. М. Осипов, В. В. Осипов. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. – 415 с.
4. Осипов, В. В. Точечное моделирование операции свертки / В. В. Осипов // Системы методы технологий. – 2009. – № 4. – С. 56 – 63.
5. Осипов, В. В. О связи точечных представлений функций и их изображений по Лапласу / В. В. Осипов // Вестн. Сиб. гос. аэрокосмич. ун-та: сб. науч.тр. Вып. 1(34). – Красноярск, 2011. – С. 56 – 62.
6. Мишина, А. П. Высшая алгебра / А. П. Мишина, И. В. Проскуряков; под ред. П. К. Рашевско-го. – М.: Физматгиз, 1962. – 300 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЕ
«МИРОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ»
НА ОСНОВЕ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

С. И. Осипова, Т. В. Соловьева

THE DESIGN OF METHODOLOGICAL SYSTEM OF TEACHING THE SUBJECT
«WORLD INFORMATION RECOURCES»
ON THE BASIS OF PERSONALITY-ORIENTED APPROACH

S. I. Osipova, T. V. Solovyova

Рассматривается поэтапно процесс проектирования методической системы обучения дисциплине «Мировые информационные ресурсы», базовым свойством которой является вариативность. Определены уровни ее функционирования: методологический, внутрисистемный, информационный. Детально описан процесс обучения с учетом специфики выделенных в содержании модулей.

The design process of methodological system of teaching the subject "World information recourses", the basis characteristic of which is variability, is considered gradually. Its functioning levels are assigned; they are methodological, internal, and informational. The process of teaching is described thoroughly with regard to specificity of highlighted programme units in the content.

Ключевые слова: процесс обучения, методическая система, вариативность, базовое свойство, уровни функционирования, содержание модулей.

Keywords: teaching process, methodological system, variability, the basis characteristic, functioning levels, programme units content.

В [1] качестве специфических особенностей методической системы обучения (МСО) на основе личностно-ориентированного подхода выделена её вариативность как базовое свойство, адекватное многообразию различий в способностях, потребностях, мотивах и жизненном самоопределении личности обучающихся, выражающаяся в содержательной и процессуальной нацеленности на достижение вариативно-личностного образовательного результата, являющегося итогом одновременно усвоения содержания и развития личности.

Проектирование – это преимущественно мыслительная, интеллектуальная деятельность, результатом которой является образ нового педагогического процесса.

Под педагогическим проектированием понимают процесс отображения строения и структуры функционирования педагогического объекта через раскрытие компонентного состава и внутренних связей, определение параметров, обеспечивающих возможность качественного и количественного анализа динамики изменений исследуемого объекта [2].

Считаем целесообразным выделить в проектировании два этапа: подготовительный и основной. На подготовительном этапе определим уровни функционирования подсистем МСО и принципы их взаимосвязи, основной этап – непосредственное проектирование каждого элемента системы.

Учитывая, что:

1) методическая система обучения, с одной стороны, является идеальной моделью достижи-

сти результата в соответствии с обобщенной целью образовательного процесса по предмету;

2) МСО предмету входит в качестве элемента – подсистемы более низкого иерархического уровня в состав целостной образовательной системы профессиональной подготовки студента;

3) МСО существует в адекватной ей информационной среде, считаем целесообразным выделить три уровня функционирования МСО: *методологический, внутрисистемный, информационный*, которые будем учитывать при проектировании МСО.

Методологический уровень функционирования МСО определяет место дисциплины в целостной системе профессионального образования, в учебном плане специальности и в системе дисциплин информационного блока, позволяет выявить влияние дисциплины на формирование компонент профессиональной компетентности, определить воздействие дисциплины на сферы личности студента, определить социально-личностные компетентности, формируемые в учебном процессе. Анализ межпредметных связей позволил представить схему связи дисциплины с другими предметами учебной программы подготовки бакалавров высшего профессионального направления 230700.62 «Прикладная информатика», выделив перечень дисциплин, на которые опирается дисциплина «Мировые информационные ресурсы» (МИР), и дисциплин, базирующихся на ней.

На *внутрисистемном* уровне, в соответствии с принципом функциональной полноты системного подхода, определяется структура МСО, проводится анализ и определение её компонентов.

Цель обучения соответствует извне заданным требованиям ГОС, личностно-значимый компонент которой корректируется субъектом учебной деятельности и соответствует отбору содержания образования из предоставляемого многообразия. Укрупнённо, в соответствии с требованиями к многообразию и многофункциональности содержания образования, будем представлять его состоящим из двух частей: базовой – инвариантной, освоение которой является обязательной согласно требованиям ФГОС ВПО, и вариативной – расширяющей, углубляющей базовую составляющую, позволяющую удовлетворить познавательные потребности студентов, содержащую возможность приобщить студентов к решению творческих задач в контексте будущей профессиональной деятельности [3]. Использование деятельностного подхода позволяет осуществить выбор форм, учебных задач, средств обучения и определяет организацию контроля результатов обучения.

Исходя из понимания МСО как ориентира системной организации учебного процесса, определяющего содержание и характер деятельности студентов и преподавателей, опираясь на значимость освоения укрупнённых дидактических единиц дисциплины, считаем целесообразным представлять содержание дисциплины в виде системы модулей, отражающих определенный этап педагогического процесса.

Совокупность модулей, каждый из которых выступает как целевой функциональный блок с соответствующим учебным содержанием, мы рассматриваем как программу обучения, индивидуализированную по содержанию, методам обучения, уровню самостоятельности и темпу учебной деятельности. Реализация последовательности четко дозированного в модулях учебного материала, с использованием соответствующего информационно-методического обеспечения позволяет достичь интегрированной дидактической цели конкретной учебной дисциплины.

Управленческий компонент МСО находит свое выражение в четком планировании занятий, учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы студентов, их организации, усилении *обратной связи* в процессе обучения, использовании в каждом модуле познавательных задач как средства активизации учебной деятельности студентов и управления ею. Деятельность студента и преподавателя конкретизируется и определяется целями и содержанием модуля и заложенными в них характером и уровнем деятельности с обязательной рефлексией, обобщающей, систематизирующей способы деятельности участников образовательного процесса.

Обозначив общие положения в построении методической системы обучения, рассмотрим методические аспекты обучения дисциплине «МИР» учебного плана подготовки бакалавров высшего профессионального образования направления 230700.62 «Прикладная информатика» на экономическом факультете ХТИ – филиала СФУ.

Актуальность и особое положение дисциплины «МИР» в цикле специальных дисциплин обеспечивает взаимосвязь и преемственность фундаментальных, профессионально-направленных знаний и умений при подготовке специалистов в сфере информационных технологий.

Целью изучения дисциплины «МИР» является усвоение студентами основных принципов и подходов к восприятию и обработке информации, поступающей к ним в больших объемах и из разных источников; формирование практических навыков по созданию, использованию, анализу информационных ресурсов при решении экономических, управленческих и других задач; теоретическая и практическая подготовка будущих специалистов к новым условиям работы в информационном обществе; развитие самостоятельного и творческого подхода к освоению мирового информационного пространства, объединяющего все человечество в единое информационное сообщество.

В результате изучения дисциплины студенты должны иметь представление об истории развития информации и информационных ресурсов, об их значении в современном мире, о целях и задачах получения и использования информации, о своих возможностях по управлению информационными массивами данных в профессиональной деятельности и о своем месте и роли в информационной среде. В постиндустриальную эпоху производство материальных ресурсов в большей своей части возлагается на машины, в то время как деятельность человека главным образом сосредоточена на создании и использовании информационных ресурсов, поэтому выбор верного пути в лавине информационного потока и отбор необходимой информации для правильного её использования – важная задача разрабатываемой МСО.

МСО студентов дисциплине «МИР» носит вариативный характер и составляется не только с учетом требований ФГОС ВПО, особенностей направления подготовки бакалавров, но и с учетом профессиональных стандартов в области информационных технологий. Содержание и программа названного курса может корректироваться с учетом уровня подготовки студентов. На этапе проектирования преподаватель определяет последовательность изучения материала, уровень его сложности, распределяет время изучения в соответствии с трудоемкостью модуля, обосновывает выбор и реализацию педагогических технологий и организационных форм обучения в соответствии с содержанием и функциями модулей дисциплины.

Включение активных методов в образовательный процесс усиливает познавательный интерес студентов, повышает их мотивацию, развивает способность к самостоятельному приобретению знаний.

В то же время необходимо отметить, что выбор методов обучения зависит от различных факторов. В значительной степени он определяется целью процесса обучения конкретной дисциплины и дидактической задачей и отдельного модуля. Поэтому при разработке и реализации МСО студентов дисципли-

не «МИР» будем использовать различные комбинации активных методов обучения, применяя их к тем модулям дисциплины, в которых они наиболее органично сочетаются с дидактической задачей конкретного модуля (принцип содержательного и процессуального соответствия). В частности, в модулях, содержание обучения которых связано с разработкой сайта или программированием на web-страницах, для формирования навыков проектно-конструкторской деятельности целесообразно применить *метод проектов*, помогающий развить проектировочный стиль мышления, соединяющий в единую систему теоретические и практические со-

ставляющие деятельности студента в соответствии с принципами личностно-ориентированного и компетентного подходов.

Конкретизация компонент, используемых в МСО дисциплины «МИР», базируется на учебной программе дисциплины с выделением в ней модулей и распределением часов по видам занятий.

На рисунке 1 представлена модульная схема содержания дисциплины. В заголовке каждого модуля указано количество часов аудиторных занятий и время, отводимое на самостоятельную работу.

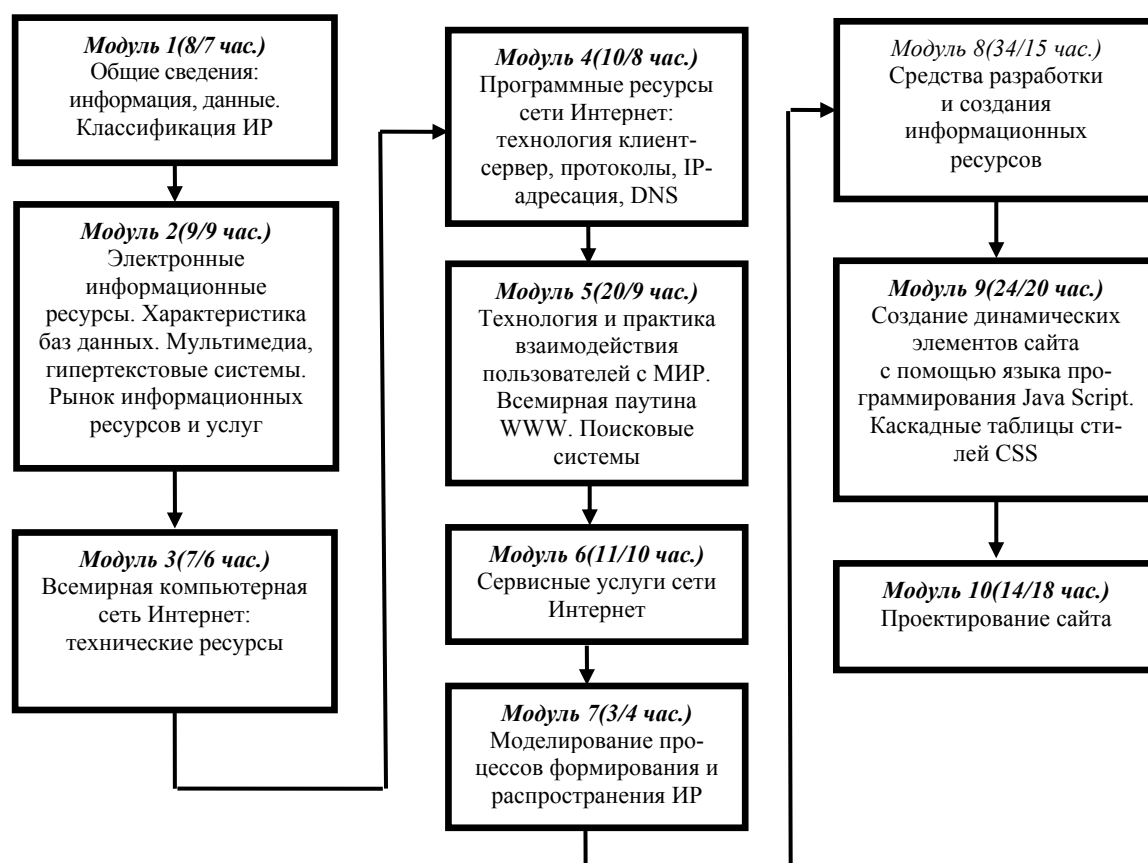

Рис. 1. Модульная структура дисциплины «МИР»

Основной этап связан с проектированием педагогического процесса с учетом специфики выделенных в содержании образования модулей. Опишем процесс обучения студентов данной дисциплины. В рамках ограниченного объема статьи приведем описание нескольких модулей.

Первый модуль МСО формирует понимание терминов *информация, информационные ресурсы*, а также связанные с ними понятия — *данные, сведения, сообщения, знания* и их практическое использование в современном мире информационных преобразований и достижений.

Так как тематика этого модуля является первой лекцией дисциплины «МИР», особое значение здесь имеют содержательное и технологическое представление теоретического материала, которое должно

возбудить интерес и устойчивую потребность студентов к изучению предмета, повысить их мотивацию. Рассматривая все виды лекций: *лекция-визуализация, лекция-дискуссия, проблемная лекция, лекция с заранее запланированными ошибками, лекция вдвоем*, нами было выбрано одновременное сочетание в рамках первой лекции двух её видов: *лекции-визуализации* и *лекции-дискуссии*. В данном случае такая техника преподавания возможна в связи с широким применением термина «информация» в науках, изучаемых студентами ранее: в философии, информатике и программировании, в экономике, в документировании управленческой деятельности и других. Вовлечь студентов в дискуссию позволяют имеющиеся у них знания о понятиях *информационное общество, знания, сведения, массив докумен-*

тов, полученные из других дисциплин. Лекция-визуализация способствует более успешному восприятию и запоминанию наглядно представленного учебного материала, позволяет активизировать умственную деятельность, глубже проникать в сущность изучаемых процессов. Комбинация элементов лекции-дискуссии и лекции-визуализации создает общее поле мыследеятельности, развивает системность и гибкость мышления, формирует представления студентов об информационной картине мира. Таким образом построенная лекция обеспечивает переход от монолога к дискуссии, коллективному анализу и совместным исследованиям. При этом наглядно определялась структура и логика учебного материала. Подготовка данной лекции состояла в том, чтобы изменить, переконструировать учебную информацию по теме лекционного занятия в визуальную и дискуссионную формы для раскрытия студентам основных понятий и сущности информационных ресурсов. Для этого использовался комплекс технических средств обучения, сочетание словесной и наглядной информации.

Интерактивная доска, компьютер, соответствующее программное обеспечение как средства обучения являлись наглядной опорой при изложении нового материала и исполняли роль носителей информации, что позволяло вовлечь студентов в дискуссию, сконцентрировать их внимание на наиболее важных, ключевых моментах содержания лекции. Использование на первой лекции остаточных знаний и практического опыта студентов создает положительный психологический настрой, активизирует их познавательную деятельность, развивает навыки общения с преподавателем и студентами, ориентирует на успех. Совместная учебно-познавательная деятельность субъектов образовательного процесса, организованная на основе согласованных методов, средств и способов деятельности, направлена на достижение совместного результата – систематизацию и выделение наиболее значимых, существенных элементов содержания учебной информации, а также личностное развитие студентов.

Лабораторное занятие проводилось в форме индивидуальной самостоятельной работы, составляющим видом деятельности которой является учебно-исследовательская деятельность, связанная с изучением конкретной темы, предложенной студенту на выбор – по индивидуальному варианту, либо предложенной самим студентом в контексте содержания изучаемого модуля и согласованной с преподавателем. В ходе изучения данной темы студент, используя информационные источники, в том числе ресурсы сети Интернет, учебно-методическую литературу, должен определить актуальность исследуемых вопросов, раскрыть противоречия или проблемы и рассмотреть возможные пути их решения.

На заключительном этапе учебно-исследовательской работы студент представляет презентацию и доклад по изученной теме, отвечает на вопросы, задаваемые преподавателем и студентами. Занятие проводилось в виде «блок-опроса». Студенты самостоятельно заранее готовили вопросы, которые бы-

ли обсуждены и сгруппированы для проведения «блок-опроса». В начале занятия группа студентов делилась на три подгруппы: 1 – информационную, 2 – творческую и 3 – эксперты. Студенты первой подгруппы сообщали теоретическую информацию в виде доклада с презентацией; второй – приводили практические примеры; третья – оценивала ответы других подгрупп в баллах по таблице. Они по очереди принимали участие в каждой подгруппе, поэтому каждый студент получал объективную оценку своих знаний. Занятие проходили на высоком уровне активности, студенты проявляли навыки самоуправления, учились работать коллективно.

Модуль 2. Электронные информационные ресурсы.

Содержание лекционного занятия по данному модулю определяет тип лекции как *лекция-визуализация*. Наглядными средствами обучения служат схемы, таблицы, презентации, цель которых была направлена на систематизацию и структуризацию общего представления студентов о мировых информационных ресурсах, переведенных в электронный формат: *характеристика баз данных, электронных изданий, мультимедиа и гипертекстовых систем*. Лекция выполняла системообразующую функцию, интегрируя межпредметные связи ранее освоенных студентами дисциплин, сводила полученные знания в единую систему, формируя у них целостное представление об электронных информационных ресурсах. Обобщенный обзор и построение содержания данного модуля задает стратегию изучения дисциплины, предоставляя студентам возможность построения индивидуальной образовательной траектории по дальнейшему освоению дисциплины. Привлечение внимания студентов к главным моментам содержания учебного курса позволили студентам быстро ориентироваться в изучении нового материала.

По данному модулю разработано три лабораторные работы по следующим темам: «Работа со специализированными БД в сети Интернет (БД в финансовой сфере, БД библиотечных систем)»; «Рынок электронных сделок, представленный сектором системы заказа товаров и услуг»; «Схемы оплаты и тарифы на услуги Internet-провайдеров. Выбор оптимальной платежной схемы». Лабораторные работы закрепляют теоретические знания, полученные студентами на лекционных занятиях, способствуют развитию практических навыков работы с мировыми информационными ресурсами, представленными разными секторами рынка электронной информации. Первая и последняя лабораторные работы связаны с большой аналитической работой студентов. В первой лабораторной работе требуется проследить динамику курса доллара США (евро), устанавливаемого Сбербанком в течение анализируемого периода и сравнить его с курсом, устанавливаемым за аналогичный период любым коммерческим банком г. Абакана. На основе полученных результатов построить графики в среде Microsoft Office Excel, провести анализ и сравнительную характеристику курса доллара и евро, сделать выводы.

В третьей лабораторной работе необходимо изучить услуги Internet-провайдеров г. Абакана, предлагаемые ими тарифные планы, определить и выбрать для себя оптимальную платежную схему оплаты.

Вторая лабораторная работа больше направлена на развитие практических навыков – освоение системы заказа товаров и услуг через сеть Интернет, знакомство с условиями и видами доставки. Она является альтернативой к третьей работе и предлагается студентам на выбор – заняться практической работой или аналитической.

На заключительном этапе изучения данного модуля студенты оформляют отчет о проделанной работе, представляют его к защите преподавателю в печатном виде. Занятие проводится с элементами *дискуссии и беседы*. Такая форма отчетности позволяет студентам совместно с преподавателем обсудить изученную тему и закрепить полученные знания, выявить сформированность теоретических знаний в данной области.

Модуль 5. Технология и практика взаимодействия пользователей с мировыми информационными ресурсами.

Материал модуля содержит базисные знания, которые необходимы в дальнейшем изучении дисциплины. Цель модуля – познакомить студентов с одним из популярных сервисов сети Интернет – World Wide Web (WWW); с технологией, заложенной в основе WWW; со структурой и основными принципами работы поисковых систем, а также характеристиками качества информационных ресурсов.

Преимуществом 4, 5, 8 модулей требовала от преподавателя направленности на привлечение внимания студентов к главным моментам содержания учебного модуля, поддержания интереса, мотивации, стимулирования творческого мышления. Все это, на наш взгляд, достижимо с помощью сочетания *лекции-беседы, лекции-дискуссии и лекции-визуализации*. Являясь активными формами вовлечения студентов в учебный процесс, данные виды лекций предполагают непосредственный контакт преподавателя с аудиторией, позволяют акцентировать внимание студентов на наиболее важных вопросах темы, выявлять уровень их подготовки, определять содержание и темп изложения учебного материала.

На момент изучения данного модуля каждый студент уже имеет некоторый опыт взаимодействия с информационными ресурсами Web-пространства и владеет определенными навыками работы с поисковыми системами. В связи с этим, групповая беседа позволила расширить круг мнений сторон, привлечь коллективный опыт и знания в данной области, обновить полученные знания, что имеет большое значение в практике повышения эффективности поиска информационных ресурсов, а также способствует обогащению профессиональных знаний.

Успешность достижения цели обеспечивалась взаимодействием преподавателя и студентов. Основная задача преподавателя состояла не только в передаче информации, а в приобщении студентов к объективным закономерностям развития мировых

информационных ресурсов, к квалифицированному пониманию специфичности характеристик качества информационных ресурсов (полезность, важность, актуальность, своевременность, релевантность) и соответственно, связанной с этими характеристиками проблемой оценки качества информации. Это формировало мышление студентов, способствуя их познавательной активности. В сотрудничестве с преподавателем студенты постигали теоретические особенности и базовые знания в сфере информационных технологий.

Лекция-беседа начиналась с вопросов, которые необходимо было решить в ходе изложения материала. Вопросы были информационного и проблемного характера на выяснение мнений и уровня осведомленности студентов по рассматриваемой теме, степени их готовности к восприятию последующего материала. Вопросы адресовались как всей аудитории, так и индивидуально каждому студенту. В беседе важен личный опыт и мнение каждого студента по обсуждаемой проблеме. Ответы давались с места, постепенно переходя в дискуссию. Для раскрытия новых понятий, например, использовались следующие репродуктивные вопросы и проблемные ситуации:

- 1) почему технология гипертекста получила название «Всемирная паутина»;
- 2) почему некорректно использовать в качестве синонимов термины «Интернет» и «Всемирная паутина – WWW»;
- 3) из каких компонентов состоит поисковая система;
- 4) как исключить из результатов поиска информационный шум или ошибочную, избыточную (бесполезную) информацию, например, в следующей проблемной ситуации: пользователю требуется найти материал об окрестностях Парижа, а поисковая система в ответ на запрос выдает миллион ссылок с адресами турагентств, предлагающих путевки в Париж;
- 5) как поисковые системы при ответе на запрос пользователя определяют, какие ресурсы помещать в первую десятку списка результатов поиска, а какие в конец, то есть на чем основан механизм ранжирования поисковых систем и т. д.

Студент, продумывая ответ на заданный вопрос и вовлеченный в проблемную ситуацию, получал возможность самостоятельно, мотивированно прийти к тем выводам и обобщениям, которые преподаватель в форме сообщающей беседы должен представить им в качестве новых знаний. Таким образом, используя педагогически целесообразные действия, в частности, «беседу» с репродуктивными вопросами, «дискуссию» с преднамеренно создаваемыми проблемными ситуациями, достигались основные цели: раскрытие новых понятий и способов учебной деятельности; активизация познавательного общения и побуждение студентов к умственной и практической деятельности; их личностное и профессиональное развитие. Лекции обеспечивали усвоение будущими бакалаврами механизмов и закономерностей изучаемой науки, вызывали потребность

в применении усвоенных знаний на практике как во время аудиторных, так и внеаудиторных занятий.

Лабораторные работы «Знакомство с поисковыми системами», «Исследование возможностей поисковых систем» проводились с использованием частично-поисковых и исследовательских методов и были направлены на развитие практических навыков применения различных видов поиска информационных ресурсов сети Интернет, освоение способов повышения эффективности поиска, закрепление теоретических знаний основных характеристик (полнота, точность, актуальность, скорость поиска, коэффициент «шума») и возможностей поисковых систем. Студенты выполняли индивидуальную са-

мостоятельную работу согласно выданному варианту, которую сдавали в виде расчетно-графической работы. Такая исследовательская работа ориентировала студентов на активный поиск способов решения затрагиваемой проблемы, углубляла знания о принципах работы поисковых систем, создавая фундаментальную основу для дальнейшего освоения материала курса, связанного с разработкой и продвижением сайта (модуль 8).

Фрагмент проекта образовательного процесса в предметно-методической системе «МИР» представлен на рисунке 2, где для каждого модуля указано количество часов, отводимых на аудиторную /внеаудиторную работу соответственно.

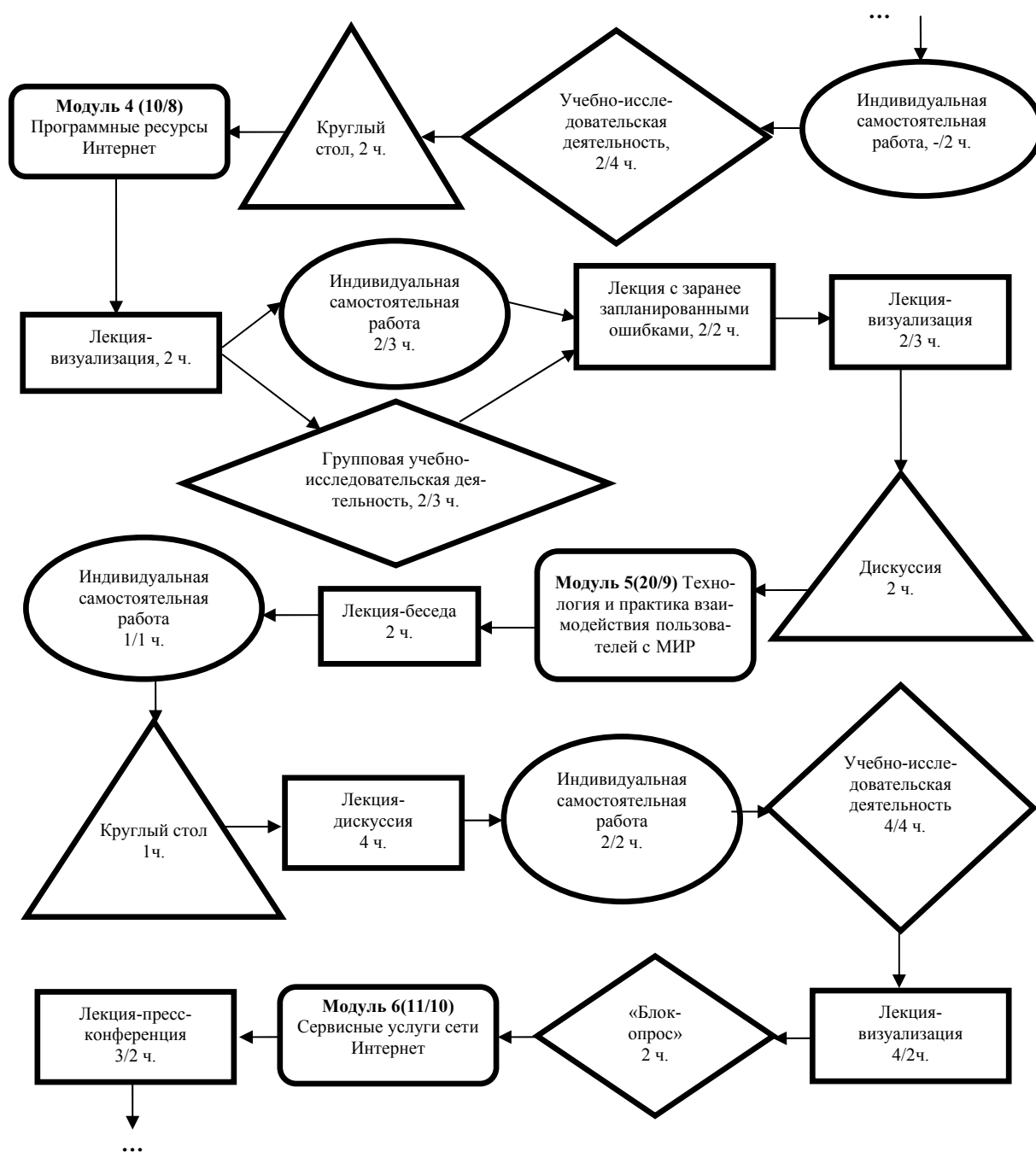

Рис. 2. Фрагмент педагогического процесса с применением инновационных обучающих технологий в соответствии с содержанием модулей МСО дисциплины «МИР»

Сочетание личностно-ориентированного подхода с активными методами обучения на всех уровнях функционирования МСО создает необходимые условия для эффективного достижения студентами профессиональных компетенций по данному предмету и, что наиболее ценно, – способствует их личностному росту: у студентов развиваются навыки самоорганизации и самоуправления, формируются аналитические способности. Реализация такой МСО способствует закреплению, приращению и углублению знаний практического и теоретического характера, студенты учатся выделять главное в выступлениях своего оппонента, уважать его точку зрения, анализировать, критически оценивать полученную информацию, доказывать, формулировать выводы, стремиться к самосовершенствованию.

Основными видами текущего контроля являются – тестирование, аудиторные лабораторные работы, практические и теоретические задания для самостоятельной работы. В качестве альтернативных форм проведения аттестации по дисциплине «МИР» предлагаются защита учебно-исследовательской, научно-исследовательской работы или проекта (индивидуального или группового); написание теста, содержащего теоретические и практические задания; зачет в устной форме. Форма аттестации выбирается студентами и согласовывается с преподавателем.

Информационный уровень функционирования предметно-методической системы обучения составляет информационно-образовательная среда, создающая ближайшее окружение студентов, обеспечивая их необходимыми средствами освоения личностно-значимого содержания и формирования общекультурных и профессиональных компетенций [3]. В состав ИОС входят учебно-методический комплекс дисциплины (УМКД), включающий учебную программу, содержание и методы проведения лекционных и лабораторных занятий; компьютерную демонстрационно-обучающую систему для самостоятельной работы и контроля уровня усвоения учебного материала. Все компоненты УМКД строятся в соответствии с требованиями методологического и внутрисистемного уровней функционирования МСО.

Таким образом, в результате проектирования методической системы обучения дисциплины «МИР» представлен образ инновационного педагогического процесса на основе выделения методологического, внутрисистемного и информационного уровней её функционирования.

1. *Методологический уровень функционирования МСО определяет место дисциплины в целостной системе профессионального образования, в учебном плане специальности и в системе дисциплин ин-*

формационного блока, позволяет выявить влияние дисциплины на формирование компонент профессиональной компетентности, определить воздействие дисциплины на сферы личности студента, определить социально-личностные компетентности, формируемые в учебном процессе.

2. На внутрисистемном уровне определена структура МСО на основе принципа функциональной полноты системного подхода, приведен анализ и определены особенности её компонентов.

3. Исходя из понимания МСО как ориентира системной организации учебного процесса, определяющего содержание и характер деятельности субъектов образовательного процесса, опираясь на значимость освоения укрупненных дидактических единиц дисциплины, обоснована целесообразность представления содержания дисциплины в виде системы модулей, каждый из которых отражает определенный этап педагогического процесса.

4. Личностно-ориентированный подход к разработке и реализации МСО определяет создание условий развития личности в образовании, преимущественное использование различных комбинаций активных методов и форм обучения (метод проектов, групповое обсуждение, деловые и ролевые игры, мозговой штурм, тренинги, анализ практических ситуаций, обучение с использованием компьютерных обучающих программ и др.), при условии их соответствия с дидактической задачей конкретного модуля.

5. Информационный уровень функционирования предметно-методической системы обучения составляет информационно-образовательная среда, создающая ближайшее окружение студентов, обеспечивая их необходимыми средствами освоения личностно-значимого содержания и формирования общекультурных и профессиональных компетенций.

Литература

- Осипова, С. И. Методическая система обучения и её развитие в личностно-ориентированной образовании / С. И. Осипова, Т. В. Соловьева // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 11. – С. 46 – 57.
- Колесникова, И. А. Педагогическое проектирование: учебное пособие / И. А. Колесникова, М. П. Горчакова-Сибирская. – М.: Академия, 2005. – 228 с.
- Осипова, С. И. Многообразие содержания и функций информационно-образовательной среды как условие выбора учащимися индивидуальной образовательной траектории / С. И. Осипова, Т. В. Соловьева // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 13. – С. 105 – 115.

УДК 373.1.013

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ
КАК ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ***Г. Г. Солодова***PERFORMING PROFESSIONAL SELFDETERMINATION OF STUDENTS
AS A PEDAGOGIC PROBLEM***G. G. Solodova*

В статье исследуется проблема профессионального самоопределения студента как субъекта профессионального развития. Автором обоснованы функции профессионального самоопределения, реализация которых в воспитательно-образовательном процессе вуза обеспечивает подготовку студентов к педагогической деятельности в новых социокультурных условиях.

In the article the problem of professional selfdetermination of a student being a subject of professional development is investigated. Functions of professional selfdetermination are argued which if realized within higher school educating process supply students' training for teaching in modern sociocultural conditions.

Ключевые слова: становление, профессиональное самоопределение.

Keywords: performing, professional selfdetermination.

Социальная ситуация развития студента вуза рассматривается нами как ситуация профессионального самоопределения, так как в процессе овладения профессиональной деятельностью для студентов решается проблема бытия в профессии, определения образа жизни, выработки профессиональной позиции и стиля поведения. Переживание неопределённости в восприятии будущего ставит студента в ситуацию поиска ответов на вопросы относительно профессии, других людей, самого себя. «Пограничная» ситуация, которую переживают сегодня студенты в процессе подготовки к педагогической деятельности, характеризуется следующими состояниями:

во-первых, происходит смена социального статуса студента, что приводит к изменению социальной ситуации его развития – это ситуация *переосмысления* основ его жизнедеятельности;

во-вторых, происходит *самоопределение* в социокультурной ситуации, в условиях которой осуществляется педагогическая деятельность;

в-третьих, происходит *самоопределение* в профессиональной среде (педагогической культуре), которое проявляется как ориентация студента в поликультурности и противоречивости педагогической культуры изменяющегося социума, осмыслении социокультурного типа современного педагога и социально-педагогических функций профессиональной деятельности;

в-четвёртых, происходит *самоопределение* в профессии как овладение сущностными механизмами педагогической деятельности, как поиск собственного стиля и образа профессионала, что предполагает познание педагогической профессии, её особенностей, нормативов, ценностей, реализация которых обеспечивает успешность профессионально-педагогической деятельности учителя в условиях изменяющегося социума;

в-пятых, происходит *самоопределение* в самом себе как самопознание особенностей своей личности по отношению к тем объективным требованиям, ко-

торые профессия предъявляет к студенту в целях самоизменения и саморазвития; проявляется как решение проблемы социокультурной адекватности тенденциям изменяющегося социума;

в-шестых, происходит *самоопределение* в учебно-профессиональной деятельности вуза, которое проявляется как способность выбирать те виды учебно-познавательной деятельности, освоение которых обуславливает развитие необходимых качеств личности, определяющих успешность выполнения будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, выбор, который осуществляет студент, это не только выбор конкретной профессии, вуза, факультета, это поиск себя в новых условиях. Переживание неопределённости в восприятии будущего относительно его профессии и социума ставит студента в ситуацию поиска, а процесс обучения в вузе предполагает возможность найти ответы на возникающие вопросы относительно профессии, самого себя, других людей.

Для студентов, которые овладевают профессиональной деятельностью, учебная деятельность только тогда приобретает характер самоопределения, если для них складывается «существование на основе проблематичной неопределённости» [1, с. 93]. Так, для студента как будущего педагога складывается непростая ситуация – он должен уметь выбирать формы и методы своей будущей профессиональной деятельности, соотносить их с особенностями своей личности и социокультурными характеристиками профессиональной среды. Студенту необходимо самоопределяться в многообразии подходов и педагогических практик, выбирать для себя нормативы педагогической деятельности, обосновывать цели и культуросообразность стиля во взаимоотношениях с воспитанниками, решить для себя проблему своей идентичности относительно новых социокультурных условий.

В процессе подготовки к педагогической деятельности студент достаточно часто оказывается в ситуациях выбора, когда ему необходимо самоопре-

деляться, самостоятельно оценивать целе- и культуросообразность принимаемых решений. Так, в процессе овладения основами педагогической деятельности он сталкивается с многообразием подходов и точек зрения относительно того, каким должен быть воспитательно-образовательный процесс в различных типах учебных заведений. Педагогическая наука, посредством которой он осмысливает педагогическую реальность, представляет собой совокупность педагогических теорий, которые, порой, предлагают разные подходы к решению задач развития и воспитания личности.

Учебники и учебные пособия, которыми пользуются студенты, содержат различные определения педагогических категорий, интерпретации и оценки педагогических теорий и концепций, по-разному определяют значимость тех или иных факторов развития, методов и форм в процессе воспитания и обучения, что вызывает у студентов сложности в восприятии педагогического знания. Более того, не умея выбирать и оценивать наиболее целесообразные подходы к решению возникающих проблем, выбор студента становится зависимым от точки зрения автора учебника. На практике оказывается, что такая форма познавательной деятельности не способствует формированию его собственной позиции, а неприятие им известных авторских позиций приводит к отрицанию значимости педагогического знания для практической деятельности. В конечном итоге студент, формально усвоивший педагогические знания, так и не научается анализировать и оценивать педагогическую реальность, осмысливать её проблемы, принимать собственные решения, что негативно сказывается на становлении учителя, способного решать задачи развития личности в соответствии с особенностями социокультурной ситуации.

Итак, анализ социальной ситуации развития личности студента позволяет трактовать проблему подготовки студентов к будущей педагогической деятельности как процесс профессионального самоопределения, обуславливающего поиск новых смыслов их жизнедеятельности. В процессе подготовки к педагогической деятельности личность обогащает свои представления о жизни, о профессии, вносит коррективы в картину собственной жизни, у неё формируются новые представления о себе и своих возможностях. Переживая состояние неопределённости, у личности актуализируется проблема нарушения своей тождественности новым условиям её жизнедеятельности, вынуждающей рефлексировать, принимать решения относительно будущего. Самоопределение студента на этапе его вузовской подготовки проявляется как поиск нового смысла, его проверка, соотнесение с личностными позициями, осмысление и переосмысление, оценка и переоценка традиционного, известного и нового опыта – это то естественное состояние, которое должен испытывать студент в процессе познания. Таким образом, посредством профессионального самоопределения личность становится субъектом профессионального

развития. На этом основании вузовское образование должно рассматриваться как сопровождение студента в процессе его самоопределения в современном мире – идей, жизненных ценностей, других людей, профессии, в самом себе и т. д.

Однако наш многолетний опыт общения со студентами (наблюдения, беседы в ситуациях учебных занятий и педагогической практики) показывает, что не каждое самостоятельное действие, которое проявляет студент в различных видах учебной деятельности, мы можем назвать самоопределением. Изучение данной проблемы позволяет утверждать, что для многих студентов в процессе их подготовки к педагогической деятельности проблемы самоопределения чаще всего не возникает.

Многие студенты не рассматривают ситуацию обучения в вузе как расширение своих возможностей, как выход за пределы самого себя, они не испытывают потребности в переосмыслении собственной позиции. Когда речь идёт о педагогической деятельности, то студентам она во многом кажется ясной и понятной и, как считают многие, не требует особой подготовки. Результаты нашего исследования показали, что для студентов педагогическая реальность является очевидной и знакомой по их школьным годам. Студенты, приступающие к изучению педагогических дисциплин, не знают о происходящей сегодня смене образовательной парадигмы; они, по сути, не знают о тенденциях в развитии системы образования, о потребностях школы в новом социокультурном типе учителя. На практике оказывается, что студенты, не всегда понимая смысл освоения учебных дисциплин, недооценивают их значимость для подготовки к будущей профессиональной деятельности, а потому самоопределение проявляется для них как самоограничение (т. е. как «отсечение» ненужного, незначимого, неинтересного). Для таких студентов характерно состояние самодостаточности, которое не вызывает необходимости изменяться; такой студент, как правило, закрыт для восприятия нового и нестандартного. Мы считаем, что в данной ситуации самоопределение становится для личности недоступным. Это объясняется тем, что студенты чаще всего ориентируются на свой прошлый опыт (школьника), на уже сложившийся образ профессионала и стереотипы его профессиональной деятельности, а потому учебные курсы, освоение которых должно привести в процесс подготовки к практической деятельности необходимые знания и профессиональные компетенции, оказываются невостребованными.

Такое состояние вузовской подготовки позволяет нам сделать вывод относительно того, что самоопределение студента по отношению к будущей профессии и по отношению к самому себе в профессии не происходит. Как показывает наш опыт, для студентов главным моментом их учебно-познавательной деятельности является процесс приобретения знаний. Самодостаточность, которую проявляют многие студенты, мешает полноценно проживать период обучения в вузе, «расширяя» свои

возможности, выходя за рамки самого себя «настоящего», ориентируясь на будущее, овладевая характеристиками, значимыми для новой социокультурной ситуации.

Анализ социальной ситуации развития студентов обосновывает необходимость организации воспитательно-образовательного процесса вуза, в основе которого реализуется субъектность личности, когда становится возможным соотносить познаваемый мир профессии со своими представлениями о том, какой она должна быть; когда у будущего педагога вырабатывается субъективный образ профессии и нормативов профессиональной деятельности, основанный на ценностях субъектной педагогики; когда происходит «развитие отношений к себе как профессионалу» (А. К. Маркова), «усложнение представлений человека о самом себе через осмысление опыта и своего места в профессии» (А. В. Мудрик, Н. С. Пряжников), «преобразование самих себя в новом личностном опыте» (Т. М. Буякас).

Студента вуза отличает определённый уровень развития названных характеристик, однако профессиональное самоопределение обусловлено субъектными характеристиками личности, которые в процессе её жизнедеятельности развиваются и совершенствуются, что требует педагогического сопровождения, обоснования педагогических ресурсов, обеспечивающих более высокий уровень их сформированности. Из этого следует, что применительно к организации воспитательно-образовательного процесса вуза следует акцентировать внимание на становлении профессионального самоопределения студентов вуза.

Обращение к термину «становление» применительно к профессиональному самоопределению студентов вуза объясняется его значением – это процесс, который проявляется как приобретение новых признаков и форм в процессе движения и развития. В философской литературе термин «становление» указывает «на проблематичность человеческой деятельности и раскрывающегося в ней бытия, подчёркивает “незавершённость” самого человека, необходимость для него “достраивать” формы своего мышления, познания и общения с миром» [2, с. 127]. Относительно профессионального самоопределения термин «становление» подчёркивает состояние *непрерывного* развития, *позитивную динамику* уровня готовности студентов к осуществлению педагогической деятельности с учётом положений субъектной педагогики.

Изучая профессиональное самоопределение студентов в условиях изменяющегося социума, мы пришли к выводу о том, что для данного процесса свойственно состояние *незавершённости* и *проблематичности*, что выступает одной из значимых характеристик и для изменяющегося социума, и для личности, проявляющей готовность меняться относительно условий её жизнедеятельности, решать возникающие проблемы, преодолевать трудности и противоречия, возникающие при подготовке к педагогической деятельности.

Наше понимание профессионального самоопределения, как это было отмечено ранее, основывается на субъектной сущности данного процесса. Это значит, что студент, получая новые знания и опыт, в процессе вузовского обучения *самостоятельно* находит личностный смысл в профессии, интерпретирует происходящие в его жизни ситуации, формирует свои ценностные ориентации, соотносит требования профессии со своими возможностями и довузовскими представлениями, т. е. источником развития является сама личность. Следовательно, профессиональное самоопределение – процесс, *обуславливающий* проявление субъектных характеристик личности, а их развитие *способствует* становлению профессионального самоопределения студента на более высоком уровне – он развивает и совершенствует умения анализировать, обосновывать, оценивать, рефлексировать, т. е. выбирать и принимать решения, имеющие значение для будущей профессиональной деятельности.

Резюмируя сказанное, мы считаем, что *становление профессионального самоопределения* следует рассматривать как *процесс развития и совершенствования личностью её субъектных характеристик*, сформированность которых обуславливает проявление *активно-избирательного, инициативно-ответственного, творчески преобразующего отношения к миру, деятельности, другим людям и к себе, что позволяет ей становиться создателем новой педагогической реальности, основанной на принципах субъектной педагогики*. Это даёт нам основание рассматривать студента как развивающуюся личность, которая на этапе вхождения в профессию должна научиться решать ряд задач, значимых для последующего этапа своего профессионального развития.

Становление профессионального самоопределения студента прежде всего предполагает решение вопросов относительно его будущего, а потому в этом процессе важным для осмысления выступают категории «должного» (каким надо стать), «необходимого» (понять важность предъявляемых требований) и «возможного» (т. е. соотносения значимых нормативов с индивидуальными особенностями и возможностями самой личности). В качестве оснований для выделения содержательных характеристик, обеспечивающих становление профессионального самоопределения студентов, мы использовали материалы исследований, в которых нашли отражение:

- 1) изменения в педагогической культуре современного социума и тенденции в обновлении системы образования;
- 2) характеристики социокультурного типа современного педагога как субъекта педагогической культуры;
- 3) характеристики социально-профессиональных функций современного педагога. Освоение данных материалов предполагает не только овладение студентом новыми знаниями, но нацеливает на активизацию его субъектной позиции, посредством

которой он проявляет личное отношение и формирует некий *когнитивный образ будущего* (профессии и себя в рамках данного образа), адекватный современной социокультурной ситуации; студент интерпретирует происходящее и прошедшее через этот образ, задаёт и прогнозирует своё будущее в собственных терминах и понятиях. Такое познание позволяет ему отвечать на вопросы, возникающие в процессе его профессионального самоопределения.

Наше исследование позволяет предположить, что студенты (каждый на своём уровне) уже осознают свои возможности и способности, у них уже сформировалось своё отношение к труду, другим людям, к себе, они уже обладают некоторым личным опытом, который позволяет им высказывать свои предпочтения и точки зрения. Изучение субъектных форм реализации личности в процессе овладения ею педагогической деятельностью, с учётом структуры профессионального самоопределения студента, позволяет наблюдать ряд *противоречий*, которые проявляются между его отдельными структурными компонентами. Это своего рода несоответствия, которые возникают в новых для личности условиях её жизнедеятельности, когда нарушается целостность предшествующего этапа развития и проявляется дисгармоничность между желаниями, мечтами, планами личности, её возможностями и способностями, с одной стороны, и требованиями нового образа жизни, с другой стороны. В нашей практической деятельности мы фиксировали следующие противоречия:

– с одной стороны, студент демонстрирует необходимый уровень готовности к овладению педагогической деятельностью, её личностные качества, общая культура, широта кругозора и др. отвечают требованиям современного педагога, но, с другой стороны, педагогическая деятельность не входит в профессиональные планы студента;

– с одной стороны, представления о современном образе педагога принимаются студентом, он проявляет готовность реализовывать требования изменяющегося социума в будущей профессионально-педагогической деятельности, но, с другой стороны, эталонные представления не совпадают с его личностными качествами (например, он проявляет черты авторитаризма в общении с другими людьми), он демонстрирует стиль поведения, который не соотносится с нормами субъектной педагогики;

– с одной стороны, студент знает о социокультурном типе современного учителя, о требованиях, которые к нему предъявляются, но, с другой стороны, этот эталонный для современной ситуации образ учителя и эти требования не принимаются им как значимые; у студента сложился свой образ эталонного педагога, а потому он не считает нужным овладевать педагогической деятельностью в категориях «должного» и «сущего», для него характерна своя позиция в восприятии педагогической реальности, отличная от той, которая актуализируется в педагогической культуре изменяющегося социума;

– с одной стороны, студент не только знает, но и осознаёт и принимает социокультурный тип современного педагога, причём, этот образ для него лично привлекателен), но, с другой стороны, в силу особенностей своей личности он не может реализовать себя в этом образе. Студент через понимание «должного» и «сущего» понимает необходимость изменений, однако не может этого сделать.

Анализ противоречий, возникающих в профессиональном самоопределении студентов, овладевающих профессиональной деятельностью в условиях педагогической культуры изменяющегося социума, позволяет отметить, что их разрешение обусловлено сформированностью в личности таких субъектных характеристик, в которых отражается её способность к овладению знаниями, осмыслению ценностями субъектной педагогики, рефлексии и т. д.

Мы предполагаем, что становление профессионального самоопределения студентов вуза обусловлено освоением определённых содержательных характеристик, реализация которых в воспитательно-образовательном процессе вуза актуализирует его *функции* – познавательно-ориентационную, ценностно-ориентационную, рефлексивно-оценочную, личностно-ориентированную, практико-ориентированную.

Далее мы представляем значимые для нашего исследования *функции* профессионального самоопределения, которые реализуются при освоении *содержательных характеристик* воспитательно-образовательного процесса вуза и обеспечивают становление студента как субъекта педагогической культуры в изменяющемся социуме:

– *познавательно-ориентационная*, которая реализуется в познавательной деятельности студента как приобретение знаний о сущностных характеристиках педагогических процессов и явлений, которые реализуются в педагогической культуре изменяющегося социума; студент познаёт социокультурный тип педагога, учится понимать и оценивать социальную ситуацию развития личности, выявлять социокультурный смысл происходящего; в контексте педагогической культуры изменяющегося социума создаётся образовательное пространство для выбора, при этом актуализируется необходимость проявлять критичность, избирательность, толерантность относительно поликультурности педагогической реальности; для студента создаётся возможность осмысливать и переосмысливать довузовские представления и взгляды относительно образа профессии и нормативов педагогической деятельности;

– *ценностно-ориентационная* (или *смыслообразующая*), которая проявляется в познании аксиологических оснований педагогической культуры изменяющегося социума, изменении ценностно-смысловой парадигмы современного образования, а также в осмыслении аксиологических оснований инновационных процессов, характерных для педагогической деятельности; в присвоение ценностей

знаний, ценностей-качеств, ценностей-отношений, в которых отражаются целевые установки субъектной педагогики; проявляется как формирование у студентов ценностных установок, являющихся ориентиром и инструментом в их будущей педагогической деятельности; проявляется в осмыслении категорий «должного» и «необходимого» в организации педагогической деятельности;

– *рефлексивно-оценочная*, которая реализуется как проявление студентом субъективно-оценочного отношения в процессе самопознания особенностей своей личности в соответствии с ценностями и требованиями профессиональной деятельности, адекватными социокультурной ситуации в системе современного образования; проявляется в готовности студента меняться в соответствии с требованиями профессии; студент учится контролировать и регулировать своё поведение с точки зрения принципов субъектной педагогики; направлена на изменение студентом самого себя относительно ценностей субъектной педагогики; на поиск условий и возможностей в целях достижения социокультурной адекватности личности относительно изменений, происходящих в педагогической культуре изменяющегося социума; направлена на осознание собственной деятельности, позволяющей видеть в ней успехи и неудачи, выявлять несоответствие личностных характеристик субъектной парадигме образования;

– *личностно-ориентированная*, которая проявляется в самопознании особенностей своей личности относительно требований будущей профессии; акцентируется внимание на развитии личностных качеств, адекватных новой педагогической реальности; результатом самопознания является формирование позитивного отношения к себе как субъекту профессионального развития и решение проблемы своей социокультурной идентичности;

– *практико-ориентированная*, которая проявляется в реализации студентом позиции субъекта педагогической культуры, утверждении найденного смысла в собственной деятельности; в овладении демократическим стилем педагогической деятельности; реализуется в стремлении студента как будущего педагога быть созидателем нового образа педагога и нормативов педагогической деятельности, адекватных ценностям субъектной педагогики; направлена на поиск и разработку новых подходов, технологий, форм и методов, обуславливающих становление новой педагогической реальности; проявляется в стремлении студента предвидеть возможные варианты в развитии системы образования,

обосновывать их целе- и культуросообразность относительно ценностей субъектной педагогики.

Вузовский этап подготовки студентов к педагогической деятельности актуализирует проблему профессионального самоопределения студентов. В нашем исследовании (организации опытно-экспериментальной работы) профессиональное самоопределение выступает ключевым моментом профессиональной подготовки будущих педагогов, так как в нём находит отражение субъектная сущность современного человека, проявляется его готовность меняться в соответствии с изменениями в профессии, что становится значимой характеристикой педагогической деятельности в условиях педагогической культуры изменяющегося социума. С учётом вышеизложенного, мы считаем, что процесс подготовки к педагогической деятельности должен:

– обеспечить студенту возможность осмысления нормативов педагогической деятельности с учётом «актуальной» для изменяющегося социума педагогической культуры;

– сопровождаться переоценкой педагогических ценностей, принципов и стиля поведения, переосмыслением личностных качеств студента как будущего педагога;

– создавать условия для решения проблемы социокультурной адекватности студента принципам субъектной педагогики;

– предполагать не только усвоение уже отработанных форм педагогической деятельности, но и обеспечить поиск, а также разработку новых форм социальности.

Представленные в данной статье функции профессионального самоопределения студента в процессе его подготовки к педагогической деятельности должны найти своё отражение в системе педагогического образования, способствовать осознанию студентом: своего реального уровня развития, определению его соответствия новой ситуации его развития; своих желаний и возможностей, готовности реализовать потенциал своей личности в новых социокультурных условиях; объективности и необходимости нормативов профессионально-педагогической деятельности, обусловленных требованиями изменяющегося социума.

Литература

1. Аббаньяно, Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм / Н. Аббаньяно. – СПб., 1998.
2. Философский словарь. – М., 1999.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
И СОЦИОЛОГИЯ**

УДК 329 (423)

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА И СОХРАНЕНИЯ ЕДИНСТВА БЕЛЬГИИ*А. М. Барсуков***PROSPECTS FOR RECOVER AND PRESERVATION OF THE UNITY OF BELGIUM***A. M. Barsukov*

В статье автор рассматривает перспективы выхода из кризиса и сохранения единства Бельгии. Отсутствие компромисса между различными региональными партиями стало причиной политического кризиса и камнем преткновения в бельгийской политике. Бельгийский федерализм не интегрировал языковые сообщества на основе единого национального союза. Кризис государства-нации свидетельствует о необходимости выработки новой стратегии модернизации бельгийской модели федерализма в целях избегания распада государства в сердце Европы.

This article examines the prospects for exit of crisis and preservation of the unity of the Belgian statehood. The absence of a compromise between the different regional parties has caused a political crisis and the stumbling block in Belgian politics. Belgian federalism is not integrated language communities on the basis of a single national union. The crisis of nation-states illustrates the need to develop a new strategy of modernizing the Belgian model of federalism for the purpose disable breakdown of a nation-state in the heart of Europe.

Ключевые слова: Бельгия, федерализм, Европа регионов, политический кризис, региональные партии.

Keywords: Belgium, federalism, Europe of regions, political crisis, regional parties.

В процессе многолетнего реформирования государственных институтов Бельгии под давлением этнорегиональных движений и политических партий произошла фрагментация общенациональной политической системы с занятием доминирующих позиций этнорегиональными партиями. Режим бельгийской «партократии», имеющей прочную укорененность в регионах, подменил собой интересы бельгийского социума и поставил на грань демонтажа само бельгийское государство. Механизмы формирования политики и принятия политических решений все более подменяются механизмами «торга» между элитами фламандских и франкофонных партий за власть, влияние и ресурсы. При этом, если во Фландрии сложилась партократия «картельного типа» (при идеологических различиях между партиями существует консенсус относительно общих целей фламандской политики), то в случае Валлонии можно говорить о складывании партократии «клиентарного типа», когда «сети влияния» Социалистической партии, охватывающие профсоюзы, организации бизнеса, другие общественные организации, способствуют воспроизведению устоявшегося политического порядка и препятствуют необходимой социально-экономической модернизации региона.

При этом, если фламандская элита, сконцентрированная в партиях, была заинтересована в максимальном ослаблении бельгийского государства и его институтов, то элиты Валлонии и Брюсселя заинтересованы в сохранении более сильного единого бельгийского государства, поскольку для поддержания клиентарного порядка в условиях дотационного статуса их регионов нуждались в «перераспределяющем и дотирующем» государственном центре.

В то же время гипертрофированное влияние партократии на уровне общельгийской политики, опирающейся на региональные сети влияния и группы давления, не позволяет выдвинуться лидеру общенационального масштаба, способному консолидировать нацию и государство. Партократии с региональными корнями не были нужны сильные общенациональные институты, а были нужны лишь структуры, находящиеся в клиентарной зависимости от ее власти и влияния. В этих условиях институциональная реформа в Бельгии была изначально обречена на неудачу.

Современный бельгийский кризис представляет собой одновременно кризис бельгийской модели национального государства, институтов, идеологии и взятой за основу социально-экономической модели.

Федерализм, усугубленный господством партократии с устойчивой региональной базой поддержки исчерпал свои институциональные возможности. Он не является решением проблем бельгийской государственности, которые связаны с более глубокими причинами, корнящимися в особенностях бельгийской модели национального государства. Он лишь институционализировал противоречия, существующие внутри бельгийского общества и его политической системы, но так и не смог добиться их смягчения либо устранения.

Пример Бельгии показывает невозможность в полной мере использовать традиционные стратегии урегулирования противоречий в системе институтов общегосударственной власти, отстаиваемые сегодня некоторыми представителями политической теории. В политической науке и в ряде конфликтологических исследований сегодня прочно утвердились мо-

дели и стратегии, предполагающие урегулирование и разрешение политических противостояний через компромисс. Следуя логике компромисса, в оборот вводится такое понятие, как «признание других» или модель «участия во власти» («разделения ответственности»), предполагающая вовлечение этнических меньшинств и их представителей в систему правительственной ответственности с целью смягчения их политических требований и общего снижения конфликтогенного потенциала [1]. Ранее признанные и апробированные в политической практике концепции урегулирования этнических конфликтов – и прежде всего описанная выше модель «разделения ответственности» (Power-sharing), также известная как консоциализм нуждаются в критическом переосмыслении в контексте проблематики многосоставных обществ, к числу которых относится и бельгийское. Возвращаясь к исследованиям демократии начала 1970-х годов, следует вернуться к вопросу о том, как нужно рассматривать позиции различных общностей и групп в структуре «многосоставного» общества в процессе осуществления ими политического выбора. Вышеназванные же теории исходят из того, что в целях дальнейшего разрешения этнического конфликта все основные группы «многосоставного» общества должны прийти к консенсусу – в том числе через использование «права вето», пропорциональное представительство основных групп в парламенте, в составе общенационального правительства, а также в рамках различных форм территориального самоуправления.

Нидерландский политолог А. Лейпхарт в своем причисляемом к классическим исследованиям о политической системе и политической культуре Нидерландов показал, что его страна может рассматриваться в качестве демократии только до тех пор, пока она воспринимает существующие в ней конфессиональные и мировоззренческие различия как момент политической конкуренции [2]. В Нидерландах существует опыт самоорганизации различных конфессий и «жизненных миров» в закрытые, изолированные субкультуры, начиная с детского сада, вплоть до университета и места работы, что, в свою очередь, требует соответствующего понимания от элит, призванных примирять противоречия и реализовывать «общие интересы» [3]. Однако масштабы сегментации фламандской и валлонской культур в Бельгии нарастают, в то время как необходимые для обеспечения социально-политической интеграции консоциальные механизмы упорно не складываются, что неизбежно переводит вопрос о существовании единого общества и государства в практическую плоскость.

В то же время концепция «разделения ответственности» может выступать не только как инструмент поддержания конфликтности, но и как средство поддержания процесса «политизации этничности». Ее расширенное толкование ведет к утверждению романтизированной концепции «этнически равноправного общества», что на практике означает развертывание процесса социальной регрессии с деградацией многих ключевых политических институ-

тов. Последнее подтверждается, в частности, современным кризисным состоянием институтов бельгийской федерации, пережившей целую серию реформ в духе концепта «разделения ответственности», которые в итоге завели в тупик сам процесс реформирования бельгийских государственных институтов.

На фоне протекающих дискуссий о судьбах «Европы ста языков и ста флагов», назначении и судьбах «европейского регионализма», особого и отдельного внимания заслуживают проекты решения «бельгийского вопроса», которые выдвигают сегодня представители различных политических сил страны.

Так, довольно популярной на форумах франкофонного сообщества Бельгии является идея о возрождении унитарной Бельгии с двумя основными государственными языками (нидерландским и фламандским). Однако в условиях прогрессирующего раскола между этнолингвистическими сообществами и регионами и в ситуации ослабления институтов общегосударственной власти эта идея представляется откровенно утопической и нереализуемой.

Существует и проект возрождения «бельгийского единства» на массовой общедемократической основе, который активно продвигает «Народная партия» Филиппа Модрикамена. Народная партия – одна из первых политических партий, которая официально обнародовала манифест и отстаивает идею конфедеративной модели, считая, что разделение страны в обозримом будущем неизбежно. Однако сам проект «реконсолидации Бельгии» в версии Модрикамена имеет откровенно популистский и неконкретный характер, что лишает его необходимой поддержки в обществе, что, в частности, подтверждается невысокими электоральными результатами самой «Народной партии».

Существуют и более проработанные проекты вывода Бельгии из «институционального тупика». Так, например, план Ги Верховстадта, изложенный им в январском послании 2008 года к королю Альберту II, предлагал заключить «новый федеративный пакт», а также реализовать масштабную реформу государственного устройства, «одновременно усиливающую регионы, лингвистические общины и федерацию» [5]. Однако было неясно, как можно осуществить подобный проект в условиях неравенства и глубоких расхождений по принципиальным вопросам между Фландрией и Валлонией, а также в связи с существующим дефицитом федерального бюджета.

Особого внимания заслуживает уже упоминавшаяся нами программа социально-экономической модернизации и «межобщинного компромисса», выдвинутая лидером Валлонского движения реформаторов, прежним министром экономики, вице-премьером уходящего Федерального правительства Дидье Рейндерсом. По его мнению, франкофоны должны были решиться на совместный экономический проект с фламандцами с целью вывода из депрессивного состояния Валлонии и Брюсселя.

Публично заявленная им программа обращена прежде всего к франкоговорящей общине Бельгии, призывает последних уйти от «культуры «нет», поставившей ее в позицию изолянта. По мнению Рейндерса, франкофоны должны решиться на совместный экономический проект с фламандцами с целью вывода из депрессивного состояния Валлонии и Брюсселя. Но при этом, как считает вице-премьер, франкоязычный «Юг» Бельгии должен разработать и предложить собственную экономическую стратегию.

Однако для реализации этих вполне разумных предложений требуется ряд условий, главными из которых являются отказ фламандцев от односторонней экспансии в направлении Брюсселя и общепольских институтов власти, а также компромисс по основным политическим и социально-экономическим вопросам между франкофонными партиями, которые объективно отсутствуют уже в течение долгого времени.

В отсутствие же стратегического согласия между фламандской и франкофонной общинами каждая из сторон выдвигала более ограниченные проекты реформы, отдающие приоритет региональным интересам. Так, Вильфред Мартене в ноябре 2007 г. представил собственную программу «BPlus», в которой изложил свое политическое кредо: «федерализм союза» должен поддерживать бельгийскую федеративную модель, основываясь на сохранении равновесия в проведении политических реформ [6].

Автором гораздо более проработанного плана институциональной реформы является Марк Эйскенс – видный бельгийский экономист, экс-премьер-министр и один из лидеров партии фламандских демохристиан. В соответствии с его предложениями, новый орган общегосударственной власти – Конфедеральный конгресс должен заменить нынешние Палату представителей и Сенат. Конгресс на две трети должен состоять из депутатов, избранных в парламенты трех территориальных субъектов Бельгии и на треть – из избранных по общенациональному округу. Проблема электорального округа Брюссель-Хал-Вилворде решается «автоматически» посредством упразднения общенациональных выборов как таковых [7].

Предложенный проект институциональной реформы Эйскенса выражает стремление значительной части общепольской элиты обеспечить «мягкий демонтаж» бельгийского федерализма, перейдя в итоге к конфедерализму. При этом игнорируется тот факт, что последний, став политической реальностью, не будет содержать в себе решения ни одной из современных бельгийских проблем – социально-экономических, лингвистических, проблем миграции и т. д.

Можно вспомнить в этой связи и другие значимые проекты институциональных изменений. В их числе предложение лидеров франкофонов (Д. Рейндерс, Р. Демотт) создать федерацию Брюсселя и Валлонии и «укрепить» Брюссель путем переподчинения ему муниципальных образований на его традиционной периферии. Умеренные фламандские

националисты (CD&V и NVA) активно продвигали идею административного переподчинения брюссельской периферии Брабанту и проведение референдума о судьбе Брюсселя. Более умеренные правящие силы Фландрии поддерживали решение об институциональной реформе, трансформирующей Бельгию в конфедерацию на договорной основе (молодой лидер фламандских либералов из Open VLD А. де Кроо). Однако ни один из заявленных подходов не означает решения бельгийского «ключевого вопроса», что дает известные козыри радикалам обеих сторон, призывающим к демонтажу страны по линии «лингвистической границы».

Конструктивный потенциал подобных предложений, как можно заключить, крайне ограничен. Ибо ясно, что и Фландрия, и Валлония не смогут в краткосрочной перспективе стать полноценными государствами – членами ЕС, а выяснение территориальных и иных споров между ними может занять десятилетия; наиболее же сложным может оказаться положение столицы Евросоюза Брюсселя, фактически лишенной периферии и являющегося объектом многочисленных притязаний. Территориальные и межэтнические расколы, разрыв экономических связей в одном из исторических центров Европы нанесут ущерб процессу евроинтеграции в целом.

Единственным путем вывода Бельгии из системного кризиса является переход от конкурентной и параллельной моделей федерализма к его кооперативной модели, опирающейся на разветвленные полифункциональные сети, объединяющие регионы, лингвистические общины и институты местного самоуправления. Именно в пространстве кооперации государства, этнолингвистических сообществ и регионов возможна реализация масштабных программ социально-экономической модернизации, где общегосударственной власти будет отведена роль координатора, а трем регионам Бельгии – роль проводников подобных проектов в жизнь, что в итоге позволило бы реинтегрировать ослабленное сегодня политическое и экономическое пространства страны. Это позволит сделать более прозрачными сложившиеся в сегодняшней Бельгии межрегиональные и межобщинные границы, наполнить федеративные структуры новым содержанием, приступить к формированию качественно новой федеральной публичной политики, не сводящейся только к торгу между политическими элитами регионов за полномочия. В итоге не только отдельные бельгийские регионы, но вся территория страны станет пространством управления различными проблемами – политическими, социально-экономическими, культурно-лингвистическими, утверждая себя как единое пространство публичного действия [8].

При этом нужно помнить, что ключевым условием сохранения единства Бельгии является восстановление и укрепление модели «культурной нации» на наднациональной и культурно-плюралистической основе. Ибо любой лингвистический, этнический и даже коммунальный сепаратизм разрушает Бельгию.

В основу «бельгийского проекта» должна быть положена модель многоуровневой идентичности

(общеευропейской, общебельгийской, национально-лингвистической, коммунальной), которая формируется в рамках социальных сетей соответствующего уровня, пересекающихся в рамках общебельгийского политического пространства. Данная модель, подкрепленная механизмами межрегиональной кооперации, принципы которой должны распространяться на все уровни власти и управления, призвана дать новый шанс единому бельгийскому государству. В любом случае, судьба этого проекта будет зависеть от способности умеренных франкофонных и фламандских партий найти устойчивый и неконъюнктурный компромисс. Проводником в жизнь этой новой программы, по мнению автора, вместо заведших страну в глубокий кризис этно-региональных партий должно стать единое общебельгийское (наднациональное и надрегиональное движение сетевого типа), опирающееся на профсоюзы, объединения предпринимателей, студенческие организации, инициативу о создании которого выдвинула в 2010 году главный редактор столичной газеты «Le Soir» Беатрис Дельво [9].

В противном случае, распад Бельгии под натиском наступающего этнонационализма становится практически неизбежным. В то время как новая стратегия в случае успеха придаст дополнительный стимул для формирования качественно новой политики федеративного строительства и местного развития не только в пределах Бельгии, но и в масштабах всей Европы. В итоге единая гетерогенная Бельгия, опирающаяся на многоуровневую систему

управления с высокой степенью кооперации внутриполитических акторов может стать базовой моделью для строительства «единой Европы».

Литература

1. Schneekener, U. Making Power-Sharing Work: Lessons from Successes and Failures in Ethnic Conflict Regulation [Текст] / U. Schneekener // Journal of Peace Research. – 2002. – № 39. – P. 203 – 228.
2. Lijphart, A. The Politics of Accommodation Pluralism and Democracy in the Netherlands [Текст] / A. Lijphart. – Berkeley: University of California Press. – 1975. – 231 p.
3. Lijphart, A. Democracy in Plural Societies [Текст] / A. Lijphart. – New Heaven and London: Yale University Press, 1977. – 248 p.
4. Vanderbeke, D. La rentree politique de Verhofstadt [Текст] / D. Vanderbeke // Le Soir. – 2008. – 8 Janvier.
5. Delvaux, B. Wilfried Martens, l'«explorateur» a la recherche d'une sortie de crise [Текст] / B. Delvaux // Le soir. – 2008. – 22 decembre.
6. Mabile, X. La Belgique depuis la Seconde guerre mondiale [Текст] / X. Mabile. – Bruxelles: Crisp, 2003. – 309 p.
7. Deshouwer, K. The politics of Belgium. Governing a divided society [Текст] / K. Deshouwer. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 256 p.
8. Delvaux, B. Le plan B, au cas ой... [Текст] / B. Delvaux // Le soir. – 2010. – 13 septembre.

УДК 316.37

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АНОМИИ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА И РОБЕРТА МЕРТОНА

А. В. Берёзки

THE SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF THE INTERNET - ADDICTION IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF ANOMIE EMILE DURKHEIM AND ROBERT MERTON

A. V. Berezkin

В статье рассматривается возможность осмысления феномена Интернет-зависимости в контексте социологической теории аномии по изучению отклоняющегося поведения индивида в современном обществе. В этом значении феномен Интернет-зависимости представляет собой одну из форм поведения Интернет-пользователя. Условием формирования феномена Интернет-зависимости является система взаимодействия общественных и культурных факторов.

The possibility of understanding the phenomenon of Internet addiction in the context of sociological theory of anomie to study the deviant behavior of the individual in contemporary society is discussed in the article. In this sense, the phenomenon of Internet addiction is one of the behaviors form of Internet Users. A system of interaction social and cultural factors is the condition for the formation of the phenomenon of the Internet- addiction

Ключевые слова: Интернет, аномия, Интернет-зависимость, девиантное поведение, пользователь Интернета, функционалистский подход, общество.

Keywords: Internet, anomie, Internet addiction, deviant behavior, the Internet user, functionalist approach, society.

Распространение компьютерных технологий в современном мире привело к трансформации социокультурной реальности и ускорило изменение кана-

лов и практик коммуникации. Резко возросла значимость информационных ресурсов, позволяющих индивидам максимально интенсивно реализовывать

свой личностный потенциал. Особую роль в этих изменениях исследователи отводят Интернет-технологиям. Уже не вызывает сомнений тот факт, что воздействие, которое Интернет оказывает на современное общество и личность пользователя, является более глубоким и системным, чем воздействие какой-либо другой технологической системы.

В настоящее время в научно-исследовательской литературе можно выделить несколько позиций в понимании и объяснении воздействия Интернет на социальное поведение индивида: изучение специфики компьютерного общения; изучение характера влияния Интернет-коммуникаций на сознание пользователя и изучение специфичной поведенческой феноменологии, в качестве которой в основном выступает феномен Интернет-зависимости [10, с. 117]. Последнее направление заслуживает особого внимания. Данной проблеме посвящено, пожалуй, максимальное количество современных прикладных исследований Интернет-коммуникаций, хотя до сих пор не существует однозначно принимаемых критериев Интернет-аддикции, методик её выявления и подходов к её интерпретации [10, с. 176].

Целью данной статьи является попытка осмысления феномена Интернет-зависимости в контексте теории аномии Эмиля Дюркгейма и Роберта Мертона, как специальной социологической теории для анализа условий и причин возникновения и функционирования отклоняющегося поведения в рамках современного общества.

Термин «Интернет-аддикция» впервые ввела английский психолог М. Шоттон (M.A. Shotton) в 1989 г. по отношению к особой группе людей, занимавшихся разработкой компьютерной техники и программного обеспечения [8, с. 75]. Но начало изучению Интернет-аддикции было положено в 1994 году в США, когда группа американских учёных (клинический психолог Кимберли Янг (K. Young) и психиатр Эйван Голдберг (I. Goldberg)), разработав опросник для выявления Интернет-аддиктов, разместили его в Интернете и провели своё первое исследование. В 1996 году Э. Голдберг официально ввел в научный оборот термин «Internet-addiction» для описания непреодолимого желания использовать Интернет, которое влечёт за собой пагубные последствия для бытовой, учебной, социальной и психологической сфер деятельности [5, с. 6].

В переводе с английского языка термин «addiction» означает «пристрастие, склонность (к чему-л.), пагубная привычка» [2]. В сочетании с понятием «Internet» применение термина «Internet-addiction» чаще всего расшифровывается как «феномен психологической зависимости от сети Интернет, проявляющийся в своеобразном уходе от реальности, при котором процесс навигации по сети затягивает субъекта настолько, что он оказывается не в состоянии полноценно функционировать в реальном мире» [11]. Сам термин «зависимость» обозначает навязчивую потребность в использовании привычного вещества, сопровождающегося привыканием и выраженными физиологическими и пси-

хологическими симптомами [6, с. 10]. В специальной литературе употребляется ещё один синоним термина «Internet-addiction» – аддиктивное поведение. Оно понимается как особая форма деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности посредством специального изменения своего психического состояния [1]. Как отмечает российский психолог В. Л. Малыгин, аддиктивное поведение следует рассматривать как добровольную форму девиантного поведения [5, с. 16]. Другой российский психолог А. В. Хомич уточняет: «Аддиктивное поведение представляет собой частный случай отклоняющегося поведения – объём первого понятия включается в объём второго» [13].

В данной статье Интернет-зависимость рассматривается как одна из форм девиантного поведения, суть которого состоит в уходе от реальности путём искусственного изменения своего состояния посредством постоянной фиксации внимания на деятельности в Интернет с развитием и поддержанием ряда определённых эмоций.

Однако единого мнения по поводу природы феномена Интернет-зависимости в научной академической среде на данный момент времени нет, можно только условно выделить несколько областей научного знания, специализирующихся на изучении феномена Интернет-зависимости. Это, в первую очередь, психология зависимого поведения и психология Интернет или киберпсихология, а также комплекс специальных социологических теорий по изучению отклоняющегося поведения индивида в социуме.

Впервые идея рассмотрения девиантных форм поведения в социологическом контексте принадлежит Эмилю Дюркгейму. Понятие «аномия» [фр. *anomie* – отсутствие закона], введённое Э. Дюркгеймом в его работе «О разделении общественного труда», характеризует такое состояние общества, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые ещё не утвердились. В своей книге «Самоубийство: социологический этюд» он формулирует понятие аномии, под которым понимает состояние «социальной дезорганизации, разрушенности или ослабленности нормативной системы общества, которое вызывается резкими изменениями, скачками в развитии — периодами упадка и расцвета» [4, с. 324 – 327]. При этом Дюркгейм специально обращает внимание на то, что в коммерческом и промышленном мире аномия является хронической [4, с. 338].

Тем самым, согласно подходу Э. Дюркгейма, причиной девиантного поведения является потеря нормативных ориентиров в обществе во время общественных кризисов и дезорганизации социума или коллектива. Из наиболее заметных индикаторов аномии в обществе можно назвать рост преступности, социальный хаос, неясность жизненных целей, возрастание значимости ориентации на материальные блага по сравнению с ориентацией на блага нравственные и духовные [12, с. 141].

Дальнейшее теоретическое осмысление и развитие концепции аномии связано с именем американ-

ского социолога XX века, представителя функционализма Роберта Мертон. Он полагал, что «отклоняющееся поведение можно социологически рассматривать как симптом расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений» [9, с. 271].

В этом контексте единственно важным становится вопрос, заключает Мертон, «какая из доступных процедур наиболее эффективна в деле заполнения культурно одобренной ценности. Наиболее эффективной в техническом плане процедуре – вне зависимости от того, узаконена она культурой или нет, – как правило, начинают отдавать предпочтение перед институционально предписанным поведением. По мере продолжающегося размывания институциональных норм общество становится нестабильным, и в нем появляется то, что Дюркгейм назвал «аномией» [9, с. 248]. При этом возникновение и рост аномии следует рассматривать как социальный процесс, который может быть изображен следующим образом: «Имея объективно невыгодную позицию в группе, а также различные личные особенности, некоторые люди более чем другие, подвержены напряжению, возникающему из расхождения между культурными целями и эффективным способом их реализации. Они являются, следовательно, более восприимчивыми для девиантного поведения. В некоторой части случаев, зависящих еще и от управляющей структуры группы, эти отклонения от институциональных норм социально вознаграждаются «успешным» достижением цели. Но эти девиантные способы достижения цели происходят в социальной системе. Девиантное поведение, следовательно, влияет не только на людей, которые сами включаются в него, но некоторым образом также влияют на других людей, с которыми они взаимосвязаны в системе. Возрастающая частота девиантного, но «успешного» поведения стремится уменьшить и (как крайняя возможность) отменить законность институциональных норм для других в системе. Таким образом, этот процесс расширяет степень аномии внутри системы настолько, что другие люди, которые не реагировали в форме девиантного поведения при относительно слабой аномии, сталкиваясь с первыми, начинают поступать таким же образом, так аномия распространяется и интенсифицируется. Это, в свою очередь, создает более острую аномическую ситуацию для остальных первоначально менее восприимчивых людей в социальной системе. Таким образом, аномия и возрастающая интенсивность девиантного поведения могут быть поняты как взаимодействие в процессе социальной и культурной динамики» [9, с. 304]. Далее американский социолог отмечает, что когда «культурная и социальная структура недостаточно интегрированы и в первой содержатся требования к поведению, которым препятствует вторая, возникает стремление к нарушению норм, к их отсутствию» [9, с. 284].

В этом контексте Интернет может быть представлен как сложная, многоуровневая система, ха-

рактеризующаяся всеохватностью и в то же время насыщенностью, избыточностью информации, для которой характерно априорное состояние аномии как в понимании Э. Дюркгейма, так и с точки зрения Р. Мертона. Интернет – это не только техническое средство, с помощью которого индивиды могут взаимодействовать друг с другом вневременных и пространственных границ. Интернет – это реальность, в которой постоянно происходят изменения, как в отношении структуры и содержания информационных потоков, так и в репрезентации человека в качестве пользователя Интернетом. В виртуальной реальности не имеют значения такие способы определения социального статуса, как внешний вид, возраст, пол, что, с одной стороны, позволяет упростить коммуникативное взаимодействие, а с другой – позволяет формировать новую идентичность, создавать новый образ посредством комбинации знаковых систем и аудиовизуальных данных. Тем самым Интернет в своей постоянной изменчивости, нестабильности и отсутствии единой системы, заданных параметров восприятия информации, не только позволяет осуществить нереализованные потребности индивида в личностной и профессиональной самореализации, но и является экспериментальной коммуникативной базой для появления и функционирования новых форм отклоняющегося поведения.

Р. Мертон различает 5 основных индивидуальных способов адаптации в аномическом состоянии общества: конформность, инновация, ритуализм, бегство и мятеж. Характеристики каждого из этих способов можно применить и к интерпретации отклоняющегося поведения индивида в контексте формирования феномена Интернет-зависимости.

Первый способ достижения цели, описываемый Мертоном, – это конформность. Он характеризуется как «чем выше степень стабильности в обществе, тем более типичным и распространенным становится конформность как к культурным целям, так и к институционализированным средствам. Сеть ожиданий, конституирующая всякий социальный порядок, поддерживается модальным поведением его членов, выражающим подчинение установленным, хотя, возможно, и постоянно меняющимся культурным образцам» [9, с. 256].

Поведение Интернет-пользователя при данном способе адаптации не выходит за рамки инструментального отношения к использованию ресурсов Сети. Оно направлено на удовлетворение потребности в поиске и доступе к качественной информации, необходимой для работы, образования или другой профессиональной деятельности.

Второй индивидуальный способ достижения цели, предлагаемый Мертоном, – это инновация: «Сильное культурное акцентирование цели успеха открывает дорогу этой форме приспособления, состоящей в использовании институционально запрещенных, но часто эффективных средств достижения хотя бы подобия успеха – богатства и власти. Эта реакция возникает, когда индивид усвоил культурное акцентирование цели, не интернализовав при этом в равной степени институциональные нормы,

регулирующие пути и средства ее достижения» [9, с. 257].

В поведении Интернет-пользователя это может выразиться, во-первых, в приверженности культурным образцам «хакера» и «крэкера» («взломщика») компьютерных систем, получении доступа к приватной информации, краже телекоммуникационных услуг, денежных средств, электронный вандализм и терроризм. Во-вторых, в создании виртуальных личностей в качестве нового жанра – сетевой литературы, то есть использование возможностей Интернет для самореализации, компенсации профессиональной и творческой неспособности реализоваться в повседневной жизни, приобретения уникального опыта работы с инновациями.

Третий способ – «ритуализм». «Этот тип приспособления будет довольно часто происходить в обществе, где социальный статус человека во многом зависит от его достижений. Ибо, как часто отмечалось, непрерывная конкурентная борьба порождает у людей острую тревогу за свой статус. Один из способов смягчения этой тревоги – постоянное снижение человеком уровня своих притязаний. Страх порождает бездействие, или, точнее говоря, рутинизированное действие. Его скрытая жизненная философия находит выражение в ряде культурных стереотипов: «я стараюсь не выделяться», «я соблюдаю осторожность», «я довольствуюсь тем, что у меня есть, короче говоря, это форма приспособления, состоящая в том, что индивид пытается в частном порядке уйти от тех опасностей и фрустраций, которые кажутся ему неотъемлемым компонентом конкуренции за основные культурные блага, отказываясь от этих целей и тем больше привязываясь к безопасным рутинам и институциональным нормам» [9, с. 269].

Для Интернет-пользователя такой тип поведения чем-то схож с конформностью, существенным отличием может служить лишь тот факт, что здесь поиск информации или работа в Интернете может быть навязана со стороны организации, в которой состоит конкретный индивид. Например, он может заниматься электронным оборотом документов, выполняя предписанный механизм работы, но не превышать свой лимит пребывания в виртуальной реальности, скрывая свои потребности и возможные опасения по поводу использования ресурсов Интернет за формализацией трудовой деятельности.

Четвёртый тип приспособления – бегство или эскейпизм. «Люди, которые приспособились (или неадекватно приспособились) таким способом, строго говоря, находятся в обществе, но при этом ему не принадлежат. Они отвергли предписанные культурой цели, а их поведение не согласуется с институциональными нормами. Этот способ приспособления, учитывая его социально-структурные источники, должен становиться наиболее вероятным в том случае, когда индивид глубоко усвоил и культурные цели, и институциональные практики, вложил в них свои чувства, наделил их высокой ценностью, но доступные институциональные пути не

принесли ему успеха. В результате возникает двойной конфликт: усвоенное моральное обязательство применять только институциональные средства вступает в конфликт с внешними давлениями, побуждающими прибегнуть к противозаконным средствам (позволяющим достичь цели), и индивид оказывается отрезанным от средств, которые одновременно законны, и эффективны. Стало быть, это такое средство, которое рождается из постоянных неудач в стремлении приблизиться к цели законными средствами и из неспособности прибегнуть к незаконным способам в силу интернализированных запретов; этот процесс происходит, пока высшая ценность цели-успеха еще не отвергнута. Конфликт разрешается устранением обоих досаждающих элементов: и целей, и средств. Бегство завершено, конфликт устранен, индивид исключен из общества. В публичной жизни этот тип отклоняющегося поведения осуждается консервативными представителями общества наиболее сурово» [9, с. 273].

Именно данный способ приспособления более характерен для потенциальных Интернет-зависимых. Это находит выражение и в их простом желании отвлечься от проблем, снять с себя ответственность, потребность расслабиться, и в более длительном препровождении времени в сети, замене реального мира на виртуальный с конструированием в последнем всей системы правил и норм реального социума (многопользовательские онлайн-игры) как потребности в компенсации профессиональной и социальной самореализации в повседневной деятельности. Общество в данном контексте в отношении эскейпизма по своему характеру амбивалентно. С одной стороны, оно стимулирует и настаивает на информатизации социума, на эффективном использовании Интернет-технологий практически во всех сферах жизни человека, с другой стороны, оно осуждает чрезмерное «увлечение» Интернет-технологиями человеком, особенно, если это начинает идти вразрез с диктуемой им системой ценностей и целей.

Пятый способ приспособления, описываемый Мертоном, «мятеж». «Он выводит людей за пределы окружающей их социальной структуры и побуждает их представить и попытаться воплотить в реальность новую, в значительной степени модифицированную социальную структуру. Это предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов. Их начинают считать чисто произвольными; а произвольное – не то, что может требовать приверженности и обладать легитимностью, ибо оно могло бы быть и другим» [9, с. 275].

Такой способ приспособления был характерен для создателей виртуального мира Интернет. Первые пользователи Интернета попытались создать новую цивилизацию, основанную на принципах гуманности и справедливости. Девизом этой «новой цивилизации» может служить опубликованная в 1997 году статья Дж. Кац (J. Katz) «Рождение государства «Интернет» [8, с. 32]. В этом же контексте можно дать интерпретацию поведению, которое бы-

ло характерно для первых участников русского сегмента американского сервиса Живого Журнала: «Интернет как заповедная территория безграничной свободы» [7, с. 12].

Для интерпретации аддиктивного поведения в Интернете возможно использовать функционалистский подход в изучении аномии. Теория аномии, с позиции Э. Дюркгейма, акцентирует внимание на переходном периоде развития самого общества, а с позиции Р. Мертон, – на стадии относительно стабильного функционирования социума. Обе стороны функционального подхода описывают и объясняют соционормативные аспекты регуляции поведения, которые самым тесным образом связаны с механизмом детерминации отклоняющегося поведения. Аномия, как в форме безнормности, так и в форме рассогласованности целей и средств, выступает в качестве одной из существенных предпосылок, опосредующих генезис девиантного поведения. Наконец, для отдельных форм отклоняющегося поведения фактор аномии может стать решающим, вследствие чего эти формы поведения можно объяснить преимущественно аномически [3]. И в частности, это относится к поведению в Интернете.

Феномен Интернет-зависимости представляет собой не только статистическую череду случаев проявления девиантного поведения, но и систему взаимодействия общественных и культурных факторов. Показательно, что способы достижения целей, диктуемых обществом, могут варьироваться у одного человека в зависимости от ситуативности происходящего. Так, во время рабочего дня он может быть носителем конформного и/или ритуалистского типа поведения, используя Интернет-технологии только в точно установленных рамках его функциональных обязанностей. При возвращении домой у него, возможно, будет желание уйти в другой, виртуальный мир и потребность реализовать себя через создание нового образа, нового общества посредством Интернет или выражения протеста против существующей общественной системы, что может способствовать реализации индивида через субкультуру киберпанка или протестную субкультуру подонков. Со временем, при усилении некоторых факторов, например роли семьи, грань между вариативностью типов приспособления может стереться в пользу доминирования одного из вышеперечисленных: конформистского, инновационного, ритуалистского, эскейпизма или мятежа. Пользователь Интернета начинает «зависеть» уже от социально сконструированного им и его окружением способа достижения желаемого результата, при этом не вполне отдавая себе отчета в происходящем процессе формирования устойчивой формы девиантного поведения. Таким образом, теория аномии Э.

Дюркгейма и Р. Мертона даёт, в частности, больше возможностей для интерпретации не только феномена Интернет-зависимости, но и других типов поведения в Интернете.

Литература

1. Аддиктивное поведение. Термины на букву «А». Психологический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psibook.com/04/01/24.html>.
2. Англо-русский словарь В. К. Мюллера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Mueller-term-420.htm>.
3. Афанасьев, В. Эволюция аномии в социологии девиантного поведения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.edu.ru/data/601/542/1216/007x20aFANASXEW.pdf>.
4. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд [Текст] / Э. Дюркгейм; перевод с фр. сокр.; под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
5. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика и профилактика [Текст] / В. Л. Малыгин и др. – М.: Арсенал образования, 2010. – 136 с.
6. Королькова, Л. Н. Интернет-сообщество с чертами тотального института как фактор десоциализации [Текст] / Л. Н. Королькова, К. В. Корольков. – Ставрополь: СТИС ЮРГУЭС, 2010. – 149 с.
7. Кузнецов, С. Ощупывая слона: заметки по истории русского Интернета [Текст] / С. Кузнецов. – М.: НЛЮ, 2004. – 387 с.
8. Кузнецова, Ю. М. Психология жителей Интернета [Текст] / Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова. – М.: ЛКИ, 2008. – 224 с.
9. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон. – М.: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. – 873 с.
10. Павлова, Е. Д. Сознание в информационном пространстве [Текст] / Е. Д. Павлова. – М.: Academia, 2007. – 688 с.
11. Словарь Интернет-аддикция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finam.ru/dictionary/wordf0151B/default.asp?n=13>.
12. Смородина, М. С. Аномия общества и самоубийства / М. С. Смородина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2006. – № 2(78,) апрель – июнь. – С. 140 – 147.
13. Хомич, А. В. Психология девиантного поведения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://khomich.narod.ru/DEVIANTNOE-POVEDENIE/Deviantnoe-posobie.htm#_Toc244441184.

УДК 32.019.5:070.1

**ОППОЗИЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ: ПОИСК РОЛИ И МЕСТА
В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(на материале «Нашей газеты» 2002 – 2006 гг.)**

А. А. Бугаец

**THE OPPOSITIONAL EDITION: SEARCH OF THE ROLE AND THE PLACE WITHIN
THE LIMITS OF POLITICAL PROCESS (on the material «our Newspaper» 2002 – 2006)**

A. A. Bugaets

Статья посвящена особенностям критического освещения деятельности органов власти оппозиционным печатным изданием. Выделенные особенности соотнесены с представлениями о качестве информации, которое способствует налаживанию социального диалога. В результате анализа установлено, что информационной политике газеты свойственны черты монолога. Журналисты сосредоточены на поиске виноватых, концентрируют внимание на личных качествах политиков, преимущественно федерального уровня. Обстоятельства, в которых принимаются решения, авторами не учитываются. Не анализируются причины и условия конфликтных ситуаций, почти не сообщаются сведения, как аудитории эффективно противостоять ущемлению интересов.

Article is devoted features of critical illumination of activity of authorities to oppositional printing editions. The allocated features are correlated with representations about quality of the information which promotes adjustment of social dialogue. As a result of the analysis it is established that lines of a monologue are peculiar to the information policy of the newspaper. Journalists are concentrated to search guilty, concentrate attention to personal qualities of politicians, mainly federal level. Circumstances in which decisions are made, aren't considered by authors. The reasons aren't analyzed and conditions of conflict situations, almost aren't informed data as audience effectively to resist to infringement of interests.

Ключевые слова: оппозиционное издание, социальный диалог, качество информации, эмоции.

Keywords: the oppositional edition, social dialogue, quality of the information, emotions.

Демократия невозможна без оппозиции и оппозиционных СМИ. Роль оппозиции, её место в политическом процессе достаточно определённые: оппонировать власти, выступать её противником. В то же время предназначение оппозиционной прессы выглядит не столь однозначным.

Выступая против власти, оппозиция – логически – должна что-то или кого-то поддерживать, выступать «за». Политические объединения поддерживают своих кандидатов, свои идеи, представляемые социальные группы. Оппозиционные СМИ, которые не декларируют себя официальным органом политического движения, как представляется, должны выступать «за» рядового члена общества, выражать его волю и чаяния, отстаивать его интересы. Находиться на позиции простого человека.

Роль оппозиционной прессы передаёт обозреватель киевского бюро «Радио «Свобода» Сергей Киселев: «Во-первых, я хотел бы сказать, что сам термин... «оппозиционная пресса», он, на мой взгляд, не совсем точен. Пресса не должна быть оппозиционная, пресса должна оппонировать власти и оппонировать оппозиции, тогда это есть нормальная пресса. Но я прекрасно понимаю, что в наших условиях пресса действительно оппозиционна, поэтому давайте этот термин держать как рабочий, действительно, оппозиционная пресса» [1].

И всё же в идеале социально ориентированные оппозиционные СМИ, думается, противостоят всем, кто так или иначе ущемляет интересы человека – оппонировать и официальной власти, и любым другим субъектам политического процесса. На практике определить против кого выступает то или иное

издание, обычно легко. Но выявить, чью позицию оно занимает, сложнее. В качестве своеобразного индикатора соответствия позиции издания интересам общества можно рассматривать обратный интерес – аудитории к изданию. А это, в свою очередь, отражает реальный тираж газеты. Редакторы и журналисты оппозиционных СМИ могут привести массу аргументов, рационализирующих, почему публика не желает читать, вроде бы, серьёзную «кусачую» прессу: особенности менталитета, политическая апатия, отсутствие у населения средств и прочее. Однако не последнюю роль, полагаем, играет качество критической информации.

То, что аудитория тоньше и умнее, нежели принято оценивать, доказывает исторический опыт. Так, в Кемеровской области в 1989 году на волне шахтёрского движения начинает издаваться оппозиционное издание «Наша газета». О её становлении историк Л. Н. Лопатин пишет: «...только 9 февраля 1990 г. обком партии, наконец-то, дал официальное разрешение на ее выпуск, сделав, таким образом, «Нашу газету» первым во всем Советском Союзе легальным, массовым, оппозиционным периодическим изданием. Сначала «НГ» выходила раз в неделю, затем – 2 раза, а с июля 1991г. – 3 раза. Кроме кузбассовцев ее подписчиками стали жители более 400 населенных пунктов СССР, посольства всех крупных стран в Москве, частные граждане, живущие в США, Канаде, Австрии, Австралии, Франции, ФРГ и др. Даже, когда в СССР газетный бум упал, «Наша газета» продолжала долгое время оставаться самой массовой газетой Кузбасса» [5, с. 130 – 135].

Подтверждением популярности издания служат и слова тогда ещё председателя Кемеровского областного Совета народных депутатов, будущего губернатора, которого цитирует и комментирует Л. Н. Лопатин: «...Люди за этой газетой в очередь стояли, как за водкой», – с раздражением и упреком обкомовским идеологам говорил А. Г. Тулеев в феврале 1990 г. (Водка тогда продавалась по талонам всего в нескольких магазинах даже крупных городов. Величина очередей и эмоциональный настрой в них были соответствующими)» [5, с. 130 – 135]. «Без большого преувеличения, – приходит к выводу историк, – можно сказать, что газета стала любимой в народе. Как были любимы в то время еженедельная газета «Московские новости» и журнал «Огонек». Потому-то редакторы очень скоро нашли ей блестящее по смыслу название «Наша газета»».

Один из бывших соредакторов газеты В. Б. Попок в своём блоге вспоминает о ситуации 1990 г. – начале выпуска «Нашей газеты»: «К лету тираж достиг 150 тысяч экземпляров. Прошу заметить: наш стартовый капитал составлял 200 рублей. Сейчас, может быть, тысяч 20. Этого хватило на 100 кг бумаги и типографские услуги. Журналистская работа – бесплатно. Экспедирование – бесплатно, на машинах мужиков из рабочих комитетов её возили. Распространение – в рабочих комитетах, кто хотел – брал бесплатно, но просили сколько-нибудь платить. И после нескольких номеров «СТК» мы, можно сказать, заботатели, смогли заарендовать три кабинета и обзавестись мебелью и пишущими машинками» [9].

В последующий период – 1992 – 1997 гг. – «Наша газета» перестаёт быть оппозиционным изданием, поскольку руководящие должности в органах власти и управления занимают многие представители рабочего движения, выразителем интересов которого газета изначально была. Однако после 1997 г. и до настоящего времени газета вновь возвращается к оппозиционной ориентации. При этом читательский интерес заметно утрачивается, тираж снижается. Причиной спада интереса, по нашему мнению, стал переход политики оппозиционного издания в сферу политического монолога. Монологу власти редакция противопоставила монолог её противников, но не более. Внимания к нуждам обычного человека за этой борьбой уделяется недостаточно, что, скорее всего, и понял интуитивно читатель. В то же время фактором социальной стабильности, мы считаем, является именно диалог.

С. Г. Кара-Мурза, рассуждая о причинах разрушения советского строя, отмечает: «Именно невозможность диалога привела к тому, что потенциально плодотворный конфликт ценностей был подавлен и, не давая выхода назревшим противоречиям, толкал инакомыслящих в ряды убеждённых противников строя» [4, с. 75]. В процессе постсоветских (демократических) преобразований условия для полноценного диалога, как видится, так и не созданы, и фактически повторяется прежний сценарий – противостояния политических сил, обостряющегося, в том числе, с помощью СМИ.

Е. В. Гроздова усматривает в оппозиционных СМИ важнейший инструмент реализации ненасильственного воздействия на властные структуры. Но вместе с тем она признаёт, что, «независимо от нашего желания, в современном мире важную роль играет именно партнерство – отношения неконфронтационного характера, основанные на демократических принципах, равенстве и доверии, что и создает базу для согласия и солидарности» [2]. Насколько успешно будет реализован социальный диалог, подчёркивает исследовательница, зависит от понимания его сущности и механизмов как учредителями, владельцами, организаторами СМИ, так и простыми журналистами.

Сущность социального диалога, на наш взгляд, состоит в том, что стороны – общество (граждане) и власть – сосуществуют не параллельно, а координированно, учитывают интересы друг друга. К интересам общества можно отнести потребность знать. Не в последнюю очередь – знать, каким образом и кем осуществляется власть. Очевидно, в первую очередь, читателя будет интересовать информация, связанная с местом его постоянного пребывания: деятельность органов муниципального управления, региональных органов власти. Несколько в меньшей степени – федеральное звено. При наличии таких сведений у людей появляется возможность выполнять, как минимум, контрольную функцию. Кроме того, гражданину важно и нужно быть услышанным, получать отклики на свои проблемы, ощущать реакцию власти на них.

В свою очередь, к интересам власти (до сих пор не совсем ею осознаваемым) стоит отнести адекватное понимание гражданами механизмов, особенностей и, самое главное, трудностей в реализации власти, в принятии решений микро- и макромасштаба. В условиях же, когда стороны противостоят друг другу, предпочитая диалогу монолог, интересы обеих сторон не могут быть удовлетворены.

Монологичность власти проявляет себя, например, в том, что государственные руководители «не опускаются» до объяснения причин, почему принято то или иное решение, почему та или иная ключевая фигура (к примеру, вчерашний соратник) отправлена в отставку и т. д. Традиция, вероятно, унаследована с советских времён, когда использовались дежурные формулировки «в связи с переходом на другую работу», «по состоянию здоровья». Другой характерный признак – игнорирование, а чаще неприятие и подавление критики в свой адрес вместо чёткого объяснения своей позиции, обоснования своих действий, решений. У представителей власти преобладает убеждённость, что объяснение равносильно оправданию, оправдание же – признак слабости. Наиболее распространённая реакция на критику – обращение в суд и правоохранительные органы, работники которых, очевидно, в силу инерции мышления, считают высокий пост заявителя особо значимым фактором, и принимают решения в интересах критикуемого, порой весьма спорные.

Так, в августе 2010 правоохранительными органами по заявлению губернатора Кемеровской области

ти возбуждено уголовное дело по факту клеветы (ст. 129 УК РФ) в отношении журналиста А. В. Сорокина. Основание – критическое высказывание, размещённое в его личном дневнике в сети Интернет. Заместителем прокурора Кемеровской области В. В. Сыровато 23 августа 2010 года подписано постановление об особом порядке производства по уголовному делу: «Учитывая, что преступление в отношении губернатора Кемеровской области Тулеева А. М. совершено в связи с его профессиональной деятельностью и имеет большой общественный резонанс...» [10]. Вот что пишет по этому поводу сам обвиняемый журналист-блогер: «Особого порядка для такого рода его (губернатора. – авт.) заявлений не предусмотрено (а, скажем, для министра, депутата, адвоката или судьи предусмотрен именно особый порядок, т. е. государство берёт их под защиту). Однако прокурор имеет право своим решением включить особый порядок, если сочтёт обиженного «пациента» нуждающимся в особой защите. Скажем, тот – глухой, слепой инвалид, лишённый возможности защититься самостоятельно. Вот эта операция, как обнаружилось из материалов дела, и была проделана в ходе сложной переписки между ГУВД, СУ СК и областной прокуратурой. Приравнили к инвалиду. Лейтмотив обоснования особого порядка – «клеветник», т. е. я обидел не просто какую-то частную персону, а публичного политика, осуществляющего важные государственные функции. Причём «наклеветал» злодей именно в связи с осуществлением этих функций. То есть, как обнаруживается, в деле прямым текстом зафиксировано, что всё личное как бы отринуто, на первый план выдвинута деятельность заявителя как должностного лица и публичного политика» [10].

На наш взгляд, такая практика только увеличивает дистанцию между гражданами и властью. Но особенно, как нам кажется, усугубляет разрыв с народом стремление власти к «некрологизации» своей деятельности: создание таких условий, при которых СМИ вынуждены писать о представителях государства исключительно хорошо. В конечном итоге это приводит к дезориентации населения, непониманию гражданами природы общественно-политического устройства, механизмов государственного регулирования, к представлениям наподобие «булки растут на деревьях», когда государство функционирует как бы само собой. Укрепляется вера в то, что органы власти не прикладывают каких-либо усилий. Усилий не требуется и от самого гражданина.

Характерные признаки монологичности можно выделить и у оппозиционных СМИ. Первое, что отмечено нами в ходе наблюдений, – подверженность авторов фундаментальной ошибке атрибуции. Журналисты сконцентрированы на поиске виноватых, и при этом всё их внимание обращено на личные качества персонажей. Авторы убеждены: чиновники поступают плохо в силу отрицательных черт характера («потому что все чиновники коррумпированы», «чванливы» и т. п.). Крайне редко оцениваются те условия, обстоятельства, в которых представителям государства доводится принимать решения. Итогом

такого отношения становится формирование образа врага в лице власти. Как результат, у аудитории может создаваться обманчивое впечатление, что для решения тех или иных проблем достаточно сменить «плохого чиновника» на «хорошего». Однако обстоятельства, в которых вынужден действовать вновь назначенный, на которые не обращает внимания журналист (и соответственно аудитория), вынуждают назначенца действовать непопулярно. В итоге общество приходит к выводу, что «во власти все одинаково плохи».

Следствием монологичности с концентрацией внимания прессы на виновности представителей власти является возникновение и накопление у аудитории отрицательных эмоциональных реакций. Но отрицательные эмоции препятствуют развитию личности во многих сферах жизнедеятельности, в том числе политической сфере. Такие эмоции, «как правило, обеспечивают сохранение того, что уже достигнуто эволюцией или индивидуальным развитием субъекта» [7, с. 63]. Л. В. Трубицина вообще считает, что ориентация СМИ на поиск причин и виновников происшедшего – ориентация на прошлое – тупиковая, травмирующая психику. Такая ориентация заставляет «фиксировать своё внимание на том, «что было бы, если...», а не на том, как жить дальше, как справиться, какой опыт можно извлечь на будущее, как сделать, чтобы событие не повторилось, как лучше ликвидировать его последствия и т. д. «К сожалению, – констатирует исследовательница, – в СМИ почти никогда не делается подобный акцент на «как», т. е. нет ориентации на будущее» [8, с. 34].

Самостоятельное приспособительное значение между тем имеют положительные эмоции, которые побуждают живые системы активно нарушать достигнутое «уравновешивание» с окружающей средой [3, с. 101]. П. В. Симонов считает, что «важнейшая роль положительных эмоций – активное нарушение покоя, комфорта, знаменитого уравновешивания организма с внешней средой» [7, с. 52].

Как отреагирует читатель на критический материал, будет ли его реакция носить созидательно-активирующий или агрессивно-оборонительный потенциал, всё это, по нашему мнению, определяется политикой редакции: старается она наладить взаимообмен информацией (диалог) или же нацелена на одностороннюю презентацию, пропаганду идей (монолог). Чтобы определить, какие черты – диалога или монолога – в действительности присущи критической информации в оппозиционном издании «Наша газета», мы проанализировали содержание материалов (преимущественно аналитических), направленных против представителей власти, опубликованных в 2002 – 2006 гг. [6]. Всего проанализирована 621 публикация.

Для измерения воспользовались шкалой интервалов: оценка сообщений производилась в диапазоне от «-1» до «+1». Во-первых, оценивалось, содержит ли информация ответ на вопрос «кто виноват» (в координатной плоскости – ось ординат). Если в материале указывалось конкретное лицо, виновное в

нарушении прав граждан, а также описывалось, какие его действия привели к негативному результату, то сообщению присваивалась оценка «+ 1». Отсутствие конкретизации, кто виновен в нарушении прав, ущемлении интересов, при наличии сведений, к какому органу (ветви) власти принадлежит виновное лицо («администрация президента», «администрация области», «депутаты государственной думы» и пр.), давало основание выставить «0». При наличии абстрактных обобщённых обвинений («власть», «чиновники», «бюрократы» и т. п.) сообщению присваивалась оценка «- 1».

Во-вторых, оценивалось, содержит ли информация ответ на вопрос, «что делать» (ось абсцисс). Когда в материале предлагался конкретный план действий, приводился пример, как некий субъект успешно справился с ситуацией, добился защиты своих интересов, победил в противоборстве с властью, сообщению ставилось «+1». При одной лишь констатации факта нарушения интересов, описании конфликта – «0». Когда же автор говорил о бессмысленности проявления политической активности, безнадёжности действий граждан в защиту своих интересов, сообщение оценивалось как – 1.

Значения по каждому фактору суммировались, затем высчитывалось среднее. Материалы также дифференцировались по уровням власти: федеральный, региональный, муниципальный (органы местного самоуправления), а также смешанный – когда критике подвергались представители сразу нескольких уровней.

Исходный посыл: качественный – диалогичный – характер критика будет иметь в том случае, если в выступлениях даются содержательные (со знаком «+») ответы на «извечные вопросы русской интеллигенции»: «кто виноват» и «что делать». В прямоугольной системе координат – это первый координатный угол.

Результаты анализа:

1. Подавляющее большинство критических материалов (79 %) нацелено против представителей власти федерального уровня. На региональный уровень власти приходится 10 % общего числа материалов, на уровень органов муниципального управления – 5 %. Разные уровни одновременно критиковались в 6 % случаев.

2. Критика редко носит персонифицированный характер (+1 по фактору «кто виноват» = 14 %). Чаще всего из журналистских материалов можно установить лишь то, к какому органу (ветви) власти принадлежит объект критики (0 по фактору «кто виноват» = 49 %). Немалую долю в выступлениях оппозиционных журналистов занимает критика абстрактная – власти вообще (- 1 по фактору «кто виноват» = 37%).

3. Из содержания критических сообщений почти невозможно почерпнуть информацию о том, как вести себя, чтобы избежать негативных последствий во взаимодействии с властью (+1 по фактору «что делать» = 5 %). В большинстве случаев журналисты

просто описывают, а не анализируют конфликтные ситуации (0 по фактору «что делать» = 81 %). Нередко до аудитории доводится мысль о бесполезности и бессмысленности какой-либо политической активности, невозможности противодействия произволу власти (- 1 по фактору «что делать» = 14 %).

4. Средние значения по каждому фактору составили: «кто виноват» (ось ординат) = - 0,2; «что делать» (ось абсцисс) = - 0,09. Если отобразить эти данные в координатной плоскости (на своеобразной ментальной карте), то усреднённая критика займёт место в III координатном углу, зеркально отражающем пространство социального диалога.

Таким образом, журналисты «Нашей газеты» (риснём предположить, что тенденция свойственна и другим оппозиционным изданиям) действительно заинтересованы не столько в трансляции качественной критической информации, сколько в дискредитации представителей власти, прежде всего федерального уровня. Из чего следует: пока они недостаточно приблизились к пониманию сущности социального диалога, признанию его важности. Обвиняя моновласть, авторы пользуются её же средством – политическим монологом. Это, мы полагаем, свидетельствует о необходимости повышения политической культуры, по крайней мере, творческих работников данного средства массовой информации.

Литература

1. Власть и пресса. Радио Свобода, 27.04.04 // <http://archive.svoboda.org/programs/avp/2004/avp.042704.asp>.
2. Гроздова, Е. В. Оппозиционная пресса в социальном диалоге / Е. В. Гроздова // Медиаскоп. – № 4. – 2010г. // <http://www.mediascope.ru/node/690>
3. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб, 2001.
4. Кара-Мурза, С. Г. Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. – М., 2005.
5. Лопатин, Л. Н. История рабочего движения Кузбасса 1989 – 1991 гг. / Л. Н. Лопатин. – Прокопьевск: Пласт, 1995.
6. «Наша газета» (Российское издание из Кузбасса). 2002 – 2006 гг.
7. Симонов, П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций / П. В. Симонов. – М., 1970.
8. Трубицина, Л. В. Средства массовой информации и психологическая травма / Л. В. Трубицина // Проблемы медиапсихологии: материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития»: сборник (сост. Пронина Е. Е.). – М., 2002.
9. Vas-pop, 22.11.2010 // <http://vas-pop.livejournal.com/127572.html>.
10. Commentator40, 21.06.2010 // <http://commentator40.livejournal.com/284908.html>.

УДК 329

**ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Б. Б. Гусев****ESTIMATION OF DEVELOPMENT OF PERSONNEL POTENTIAL
OF A YOUTH POLICY IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION****B. B. Gusev**

В статье обсуждаются вопросы, связанные с совершенствованием развития кадрового потенциала молодежной политики в субъектах Российской Федерации.

Автор оценивает уровень обеспеченности региональных органов по делам молодежи кадровым составом и дает рекомендации по совершенствованию кадровой работы в сфере молодежной политики.

In article the questions connected with perfection of development of personnel potential of the youth policy in subjects of the Russian Federation are discussed.

The author estimates level of security of regional bodies on youth affairs by personnel structure and makes recommendations about perfection of personnel work in sphere of a youth policy.

Ключевые слова: молодежная политика, кадровый потенциал, органы по делам молодежи, профессиональная подготовка, перспективы роста кадрового потенциала.

Keywords: the youth policy, personnel potential, bodies on youth affairs, vocational training, prospects of growth of personnel potential.

Минспорттуризмом России совместно с Федеральным координационным центром развития кадрового потенциала молодежной политики Российской Федерации в 2010 году был проведен мониторинг общей оценки кадрового потенциала молодежной политики в субъектах Российской Федерации. Общая оценка кадрового потенциала молодежной политики складывается из совокупности следующих показателей:

- количественный и возрастной состав кадров органов по делам молодежи (далее – ОДМ);
- профессиональная подготовка кадров ОДМ;
- профессиональный опыт работы в сфере реализации молодежной политики;
- перспективы роста кадрового потенциала ОДМ.

Анализ показателей производился на основе статистической информации, предоставленной органами по делам молодежи субъектов Российской Федерации. Объективность сделанных выводов зависит от достоверности предоставленной информации.

При обработке не учитывались данные на технический персонал ОДМ, не специализирующийся на реализации молодежной политики.

1. Количественный и возрастной состав кадров ОДМ

На региональном уровне численный состав специалистов органов по делам молодежи чаще всего невелик – в 35 регионах из 80 он не превышает 10 человек, в еще в 22 регионах составляет от 11 до 20 человек.

Наибольшая численность сотрудников органов по делам молодежи (более 51 человека) была выявлена в 6 регионах России – Иркутская, Ростовская и Омская область, Приморский край, Чеченская Республика и Республика Татарстан.

Численность сотрудников рассматриваемой категории государственных органов незначительно связана с их организационной формой. Некоторое исключение составляют только региональные министерства, которые по своей численности значительно отличаются. К примеру, если в Татарстане, Омской и Иркутской областях численность сотрудников соответствующих министерств превышает 50 человек, то в Хакасии, Калининградской, Нижегородской и Пензенской областях – менее 10 человек.

Региональные комитеты по делам молодежи чаще всего по своей численности не превышают 20 человек (в 9 регионах до 10 чел. и в 10 регионах – от 11 до 20 чел.). Численность сотрудников в региональных органах по делам молодежи не превышает 10 человек.

На муниципальном уровне численность сотрудников органов по реализации молодежной политики значительно ниже и не превышает 5 – 7 человек.

Выявлены три основные закономерности по количественному составу кадров ОРМП:

1. В ОДМ, специализирующихся на культурной работе, среднее число работников резко возрастает и составляет 25 человек на 1 ОДМ.

2. В муниципальных органах по делам молодежи, выделенных в отдельные структуры из состава местных администраций, средняя численность работников составляет 3,5 человека.

3. При отсутствии специализированных на муниципальном уровне отдельных структур в составе местных администраций реализацией молодежной политики занимается в среднем 1 человек.

При анализе возрастного состава кадров ОДМ явных закономерностей не обнаружено.

Выявлены следующие тенденции:

В большинстве субъектов Российской Федерации средний возраст работников сферы государст-

венной молодежной политики (далее – ГМП) колеблется от 35 до 48 лет.

Большая часть высоких возрастных показателей достигается за счет работников государственных и муниципальных образовательных и культурных учреждений.

В субъектах Российской Федерации со средним и высоким уровнем развития сферы молодежной политики средний возраст работников понижается и составляет 23 – 29 лет.

Низкие возрастные показатели характерны для негосударственных органов и учреждений органов по делам молодежи и молодежных организаций и движений.

2. Профессиональная подготовка кадров ОДМ

При оценке показателя учитывался уровень образования кадров ОДМ и соответствие специальности занимаемой должности и характеру работы.

Основной сложностью при анализе стало малое количество достоверных данных и их низкое качество: ряд субъектов прислали общие данные об образовательном уровне кадрового состава без указания специализации.

Выделенные критерии образования кадрового состава ОДМ:

1. Высшее образование по специальности, не соответствующее занимаемой должности: экономическое, финансовое и бухгалтерское, техническое образование; юридическое, философское и филологическое, социологическое образование.

2. Высшее образование, соответствующее по специальности характеру деятельности: педагогическое, психологическое и медицинское образование, социальная работа; государственное и муниципальное управление.

3. Незаконченное высшее, среднее профессиональное, специальное образование по профилю деятельности.

4. Незаконченное высшее, среднее профессиональное, специальное образование, не соответствующее профилю деятельности.

На региональном уровне в абсолютном большинстве регионов более 90 % сотрудников соответствующих органов имеют высшее профессиональное образование.

Дефицит кадров с высшим образованием наиболее остро ощущается в Иркутской области (до 10 % имеют высшее образование), а также Ивановской и Томской областях (от 11 % до 20 % имеют высшее образование).

Хуже обстоят дела с наличием кадров, имеющих высшее образование по профильной специальности (Государственное и муниципальное управление, «Организация работы с молодежью», «Работник сферы молодежной политики»). Только в 9 регионах из 80 эксперты указали, что доля таких сотрудников составляет от 91 % до 100 % в общей численности персонала. Однако в 23 регионах исследования таких сотрудников оказалось не более 20 % в соответствующих органах власти.

В 36 регионах России эксперты указали, что доля сотрудников с ученой степенью кандидата или доктора наук составляет до 10 %. Еще в 36 регионах в целом затруднились ответить на данный вопрос.

В среднем высшее образование имеют 78 % кадров ОДМ, 22 % – незаконченное высшее и среднее образование.

Значительная часть среднего образования приходится на культурные и спортивные учреждения.

Незаконченное высшее образование имеют работники ОДМ в регионах с высоким и средним уровнем развития сети организации работы с молодежью.

Распределение по соответствию деятельности: 60 % – образование по профилю, 40 % – не по профилю.

Среди кадров ОДМ с высшим образованием профильное образование имеют 41 % сотрудников, непрофильное – 59 % сотрудников.

Высшее образование по специальности государственное и муниципальное управление имеют менее 2,5 % кадров ОДМ.

Педагогическое, психологическое и медицинское образование, социальная работа – 38 % кадрового состава ОДМ.

3. Профессиональный опыт работы в сфере реализации молодежной политики

1. Менее 2-х лет опыта работы в сфере молодежной политики – 24,3 % кадрового состава ОДМ.

2. От 2-х до 5 лет опыта работы в сфере молодежной политики – 21,7 % кадрового состава ОДМ.

3. От 5 до 10 лет опыта работы с молодежью – 17,3 % кадров ОДМ.

4. Свыше 10 лет опыта работы с молодежью – 36,8 % кадров ОДМ.

Данная категория кадров ОДМ состоит в основном из работников образовательных и культурных учреждений, что обуславливает ее большую долю по сравнению с другими категориями.

Явной зависимости между уровнем образования и опытом работы не выявлено.

4. Перспективы роста кадрового потенциала ОДМ

В рамках этого показателя рассматривалось соотношение кадрового состава, повышавшего квалификацию в течение последних 5 лет, кадрового состава, нуждающегося в повышении квалификации к общей численности кадров ОДМ.

По собственной оценке ОДМ в повышении своей квалификации нуждаются всего порядка 18 – 20 % кадрового состава.

Вместе с тем по статистическим данным за последние 5 лет в повышении квалификации участвовали всего около 34 % сотрудников ОДМ.

Курсы повышения квалификации для сотрудников региональных органов по делам молодежи оказались распространенным явлением в 35 регионах России, где за последние 5 лет на них обучались более 90 % от общей численности персонала. Однако за прошедший год в 37 регионах повышение квали-

фикации прошли не более 30 % работников исследуемых властных структур.

Отдельным параметром для оценки перспективы роста кадрового потенциала ОДМ стало выявление внутренней потребности сотрудников в повышении квалификации или переподготовке.

Большинство сотрудников ОДМ не только знают основные региональные учреждения повышения квалификации и переподготовки, но и внимательно следят за их деятельностью, инновациями в учебном процессе и т. д.

В ходе проводимых исследований по оценке состояния и перспектив развития системы кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации выявилось, что в экспертной среде, по крайней мере, на региональном уровне, существуют несколько завышенные ожидания, а часть представлений иллюзорна.

Так, по мнению представителей большинства регионов (45 из 80), в их субъектах Федерации существует система развития кадрового потенциала молодежной политики работников органов по делам молодежи и подведомственных учреждений, лидеров молодежных общественных организаций.

Эти данные вызывают некоторые сомнения, так как не коррелируют с данными о составе, численности, возрастном составе и уровне образования работников ОДМ.

Еще в 25 регионах указали, что такая система представлена только ее отдельными элементами. На отсутствие системы развития кадрового потенциала в этой сфере указали 9 регионов, в числе которых: Иркутская, Новгородская, Пензенская, Оренбургская области, Республики Карелия и Алтай, Пермский край и Еврейская автономная область.

Выводы и рекомендации

1. Уровень обеспеченности организаций по реализации молодежной политики кадровым составом можно оценить как средний с тенденцией к уровню выше среднего.

Лучшая кадровая обеспеченность наблюдается у ОДМ с приоритетными направлениями деятельности: образовательная и культурная деятельность.

2. Увеличение численности кадрового состава происходит за счет регионов со средним уровнем развития сети ОДМ, темпы роста и развития которой постепенно возрастают.

3. Вместе с тем в регионах со слабым уровнем развития сети ОДМ и отсутствием специальных органов по реализации молодежной политики в муниципальных образованиях выявлена острая нехватка кадров. Иногда реализацией молодежной политики в муниципальном образовании занимается всего один человек.

Рекомендуется выделение отдельных ОДМ в составе местных администраций и доукомплектование до уровня – в среднем 3 – 5 человек на один орган РМП в каждом муниципальном образовании субъекта РФ.

4. В настоящее время в связи с развитием организаций по реализации молодежной политики на-

блюдается снижение среднего возраста кадрового состава с 48 до 32 лет.

Основную долю кадрового состава старшего возраста составляют работники образовательных и культурно-досуговых ОДМ, существующих более 30 лет.

5. Уровень профессиональной подготовки кадрового состава ОДМ колеблется от среднего до выше среднего.

Высокие показатели уровня образования (78 % кадров ОДМ имеют высшее образование) нивелируются частым несоответствием дипломной специальности занимаемой должности и характеру работы. Только 41 % работников ОДМ имеет образование, соответствующее профилю работы.

6. Основной проблемой является фактически полное отсутствие, менее 2,5 %, специалистов с образованием по специальности «Государственное и муниципальное управление». Это вызывает значительное снижение эффективности управления и результативности деятельности ОДМ.

Целесообразно усилить кадровый состав ОДМ специалистами данного профиля, либо организовать курсы повышения квалификации по ГМУ или краткие образовательные курсы по выпуску специалистов ГМУ.

7. Результаты анализа профессионального опыта кадрового состава ОДМ показывают, что в последние 2 – 3 года идет последовательное развитие организаций по реализации молодежной политики.

Работа в данной сфере постепенно становится востребованной среди молодых специалистов – выпускников педагогических вузов, психологов и социальных работников.

8. В качестве проблемной точки следует отметить ситуацию с потенциалом кадрового роста сотрудников ОДМ.

Очевидно, что сами ОДМ, в первую очередь, муниципальные, серьезно недооценивают необходимость в повышении квалификации своего кадрового состава и не уделяют данному вопросу должного внимания – только треть сотрудников ОДМ за последние 5 лет прошли обучение на курсах повышения квалификации.

Целесообразно усилить мотивацию кадров ОДМ для обучения на образовательных курсах, семинарах и тренингах, участия в различных обучающих мероприятиях.

9. В настоящее время еще недостаточно развиты три основные составляющие системы развития кадрового потенциала ОДМ в области повышения квалификации и переподготовки:

- переподготовка и повышение квалификации работников в сфере государственной молодежной политики и работы с молодежью в целом;

- семинары, совещания, конференции по обмену опытом работников сферы государственной молодежной политики и работы с молодежью;

- программы повышения квалификации работников в сфере государственной молодежной политики и работы с молодежью.

Литература

1. Актуальные вопросы подготовки специалистов молодежной сферы в системе высшего профессионального образования: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2008.

2. Кадровое обеспечение молодежной политики: материалы II Всероссийского фестиваля молодежных инициатив. – М.: Логос, 2002.

3. Сборник методических материалов в сфере государственной молодежной политики. – М., 2009.

УДК 329.11, 329.18, 329.17

ФЕНОМЕН РАДИКАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. А. Иуков

THE PHENOMENON OF RADICAL CONSERVATISM AS A FACTOR OF POLITICAL ACTIVITY

E. A. Iukov

В статье рассматривается феномен радикального консерватизма как политическое движение и мобилизационная технология правых тоталитарных режимов Западной Европы первой половины двадцатого века. Дается определение и характеристика конкретной радикально-консервативной практики, с помощью которой формировались праворадикальные движения в Италии, Германии и Франции.

The article discusses about the phenomenon of radical conservatism as a political movement and Mobilization technology right totalitarian regimes in Western Europe at the first half of the twentieth century. It gives the definition and characteristic of a specific, radical-conservative practices, through which were formed right-wing movements in Italy, Germany and France.

Ключевые слова: радикальный консерватизм, политическая деятельность, трансполитический феномен, интуитивизм, системно-деятельностный подход.

Keywords: radical conservatism, political activity, a phenomenon transpolitichesky, intuitionism, systemically-active approach.

Актуальность данной работы определяется необходимостью обстоятельного политологического осмысления феномена радикального консерватизма как фактора политической деятельности.

Наиболее репрезентативная реализация консервативно-радикальных социально-политических проектов осуществлялась в практике правых тоталитарных режимов в Западной Европе в первой половине XX века. В то же время рост экстремизма, как в мире (феномен “международного терроризма”, современный американский экспансионизм), так и внутри нашей страны, показывает, что в период крупномасштабного социально-политического кризиса и необходимости коренной трансформации политических институтов общества факты радикального консерватизма проявляются вновь и вновь. Таким образом, изучение радикального консерватизма и, в частности, социально-политический анализ особенностей его практики позволяет, во-первых, рассмотреть потенциал его в контексте этнополитической конфликтологии и национально-политических технологий и, во-вторых, выработать осознание мер по предотвращению сползания общества в радикализм и экстремизм.

Конечно, проблема радикального консерватизма весьма значительна. Консервативно-радикальная политика – продукт системных социальных кризисов, реформ и военных конфликтов. Поэтому ее невозможно локализовать региональными рамками. Выбор западно-европейского радикального консерватизма первой половины XX века в качестве объекта нашего исследования обусловлен, во-первых, ре-

презентативностью его манифестации как в мышлении, так и на практике, а во-вторых, тем, что он оказал существенное воздействие на социально-исторические судьбы как Западной Европы, так и мира в целом. Более того, политические программы консервативных радикалов того времени обладают имманентным свойством оказываться знаменем последующего экстремизма и экспрессивной симпатии к социальной и национальной традиции (например, феномен европейских “новых правых”, отечественные проекты в формате “РНЕ”).

Разумеется, объем проявлений радикального консерватизма, особенно в сфере практики, превышает возможности данной работы, поэтому автор останавливается на рассмотрении проблематики этнополитических конфликтных программ и политических технологий, присущих радикально-консервативным идеологиям того времени. По сути, они выступают как основное содержание или “органон” консервативно-радикальной политической деятельности. Существенным обстоятельством для работы является понятие “радикальный консерватизм”, которое, во-первых, позволяет дифференцированно отнестись к феномену тоталитаризма и избежать формального тождества радикальных фактов в различных политических системах. А во-вторых, предоставляет возможность более четко провести разницу между германским, итальянским и другими западно-европейскими радикально-консервативными политическими опытами.

Разработанность темы в научной литературе. Проблема исследования широко отражена в научной

литературе. Автор диссертации здесь останавливается на перечислении тех ученых, работы которых оказали непосредственное влияние на формирование его научной концепции и на содержание диссертационного исследования.

Группу наиболее значимых социально-философских исследований образуют работы Августина, Фомы Аквинского, Аристотеля, Э. Берка, Г. Гегеля, Г. Гроция, Г. Зиммеля, И. Канта, Н. Макиавелли, К. Маркса, Дж. Ст. Милля, Ш. Монтескье, Платона, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсера, А. Токвиля, Г. Фихте, М. Хайдеггера, Цицерона, Ф. Энгельса и др.

Заметную роль в формировании позиций автора исследования сыграли произведения российских философов, политологов, социологов и историков Н. А. Бердяева, Л. Н. Гумилева, И. А. Ильина, М. М. Ковалевского, В. И. Красикова, В. И. Ленина, Н. О. Лосского, А. А. Овчарова, И. Л. Солоневича, С. Л. Франка, В. П. Щенникова и др.

Политологические аспекты анализа общих проблем социально-теоретического познания мы находим в исследованиях таких отечественных авторов, как В. С. Барулина, А. С. Богомолова, И. А. Гобозова, Н. С. Некрасова, Л. В. Николаевой, Л. Н. Самойлова, Ю. Н. Семенова, Л. В. Скворцова и др.

Среди современных авторов следует отметить работы специалистов по методологии системного анализа В. Л. Алтухова, В. Г. Афанасьева, И. В. Блауберга, Э. Г. Винограя, М. С. Кагана, В. П. Кузьмина, В. Н. Садовского, А. И. Уемова, В. П. Фофанова, Э. Г. Юдина и др., определивших методологическую базу исследования.

К группе исследований по методологии политических наук следует отнести работы Г. Алмонда, Ж. Бюрдо, М. Вебера, В. Г. Гречихина, К. Дейча, М. Дюверже, В. В. Желтова, Д. Истона, О. Конта, Т. Парсонса, К. Поппера, П. А. Цыганкова, Р. Шварценберга, В. А. Ядова и др.

Режимы функционирования политической системы и проблемы его регулирования рассматриваются в трудах Р. Арона, Д. Белла, П. Будона, И. Валлерстайна, М. Вебера, Э. Геллнера, Р. Дж. Коллингвуда, Ю. А. Красина, К. Манхейма, Р. Мертона, А. С. Панарина, К. Поппера, Д. Роулза, П. А. Сорокина, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона и др.

Теоретико-методологические вопросы и эвристический дискурс консервативного политического анализа были даны Аристотелем, Э. Берком, Л. де Бональдом, Г. Гегелем, Т. Карлейлем, Дионом Кассием, Ж. де Местром, Платоном, М. Н. Тихомировым, Г. Фихте, Цицероном и др.

Корпус работ в области национальной политической мысли составляют идеи М. Барреса, Р. Генона, Ж. Гобино, К. Лефора, Ф. Листа, Г. Ж. Мишле, Ш. Пеги, Ф. Ратцеля и др.

Группу работ, изучающих феномен утопизма, его влияние на развитие общественного сознания и социально-политических механизмов образуют исследования таких авторов, как Э. Я. Баталов,

Э. Блох, Р. А. Гальцева, М. Дж. Ласки, Г. В. Флоровский, Е. Л. Черткова, Э. Шацкий и др.

Как известно, объектом научного познания феномен западно-европейского радикального консерватизма становится еще в период образования и развития тоталитарных государств в 20-е – 30-е годы XX столетия. В это время его оценки имеют, как правило, либо апологетический, либо критический и даже инвективный, характер.

Так, апологеты усматривают в нем величайшую историческую и социальную справедливость, воплощение ницшеанского идеала о “воли к власти”, свидетельством чему являются “Доктрина фашизма” Б. Муссолини, работы Д. Джентиле, взгляды А. Гитлера, А. Розенберга и др. Среди критических оценок, безусловно, на первом месте находятся классическое определение фашизма XIII Пленумом ИККИ и сближение понятий “социализм” и “фашизм” П. Дрие ла Рошелем [2].

Различные аспекты изучаемого феномена разрабатывали в своих трудах Т. Абель, Дж. Адлер, Х. Арендт, Ф. Бауэлл, Р. Бланк, А. Буллок, Дж. Каррочи, Д. Лукач, Т. Манн, Э. Нольте, И. Фест, У. Ширер, Э. Юнгер и др.

Из отечественных специалистов можно выделить Л. С. Белоусова, Ю. В. Галактионова, А. А. Галкина, Ц. Кин, Н. П. Комолова, Ю. П. Лисовского, Б. Г. Лопухова, Ю. Ю. Пленкова, Г. С. Филатова и др. В данных работах достаточно широко представлена фактография радикального консерватизма, особенно исторические, социологические и экономические аспекты его практики. В то же время существенным недостатком отечественных специалистов видится некоторая односторонность в изучении вышеуказанной проблемы: любые выводы делались либо в русле марксистско-ленинской теории развития общества, либо опираются на современную социокультурную мифологию и публицистические идеологемы (антифашистский априоризм, идеи “общечеловеческих ценностей”, “демократии” и т. д.).

Проблема исследования видится в том, что политологический анализ радикального консерватизма как фактора политической деятельности в исторической и философской литературе не рассматривался как политическое движение и мобилизационная технология. Радикальный консерватизм содержит в себе как позитивные, так и негативные черты. Как позитивный фактор политической деятельности он может способствовать выходу конкретной (национальной) политической системы из критической ситуации. В силу этого, мобилизационные аспекты радикального консерватизма заслуживают серьезного политологического анализа. В то же время, радикальный консерватизм располагает негативными признаками в лице обстоятельств потенциального риска. К таковым относятся: гипертрофированный авторитаризм и антидемократизм, применение этнополитических конфликтных программ (разжигание межэтнической и расовой розни) и активные, наступательные внешнеполитические технологии (поли-

тика военной агрессии, провоцирование международной напряженности).

Основная гипотеза исследования состоит в том, что конкретные национально-государственные образования (страны), равно как и мировая система политических отношений в целом в определенные периоды истории, в силу причин политического, военного, социально-экономического, культурного и иного характера переживает системные кризисы как комплексы крайне сложных политических, социально-экономических, культурных и иных противоречий. Их преодоление может задействовать радикальный консерватизм в качестве политической и, в частности, мобилизационной технологии. Суть ее выражена в политике ускоренной политической реорганизации и социально-экономической модернизации общества на основе реставрации политических институтов и реализации программ, находящихся свое обоснование в традиционалистской идеологии.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложен анализ радикального консерватизма как фактора политической практики западноевропейских политических процессов и технологий первой половины XX века.

2. Данное явление охарактеризовано как трансполитический феномен политической деятельности и исторически политическое движение, стремящееся к тотальной реконструкции общества на основе формальной или косвенной реставрации политической традиции (как правило, в конкретно-национальной форме).

3. Радикальный консерватизм рассмотрен в качестве политической технологии национальной мобилизации общества по преодолению системных социально-политических кризисов.

4. Суть политической технологии выражена в политике ускоренной политической реорганизации и экономической модернизации общества на основе апелляции к политическим институтам и программам, находящим свое обоснование в идеологии традиционализма.

На обсуждение выносятся следующие положения:

– Радикальный консерватизм представляет собой способ политической деятельности, политический курс и политическое движение, возникающее в условиях, когда общество находится в состоянии системного социально-политического кризиса, и его преодоление требует крайних политических средств и технологий.

– Радикальный консерватизм представляет собой революционную политическую силу, реально стремящуюся к тотальному переустройству общества на основе формальной или косвенной реставрации политической традиции (как правило, в конкретно-национальной форме). Так, западноевропейский радикальный консерватизм первой половины XX века оказывается динамически выраженным традиционалистским протестом против ли-

беральной и левой буржуазной модернизации общества.

– Существенной стороной радикального консерватизма является его трансполитичность как феномена политической деятельности, так он является опытом, переводящем теоретико-философские политические программы в конкретные политические программы и технологии. Радикальный консерватизм выступает как технология консервативной революции, стремящейся в форме относительного возврата к традиции осуществить на практике модернизацию буржуазного общества.

– Конкретные радикально-консервативные политики включают в себя технологии мобилизации, с помощью которых формируются праворадикальные движения первой половины XX века имевшие место в Италии, Германии и Франции.

Французский радикальный консерватизм отличается отвлеченным, абстрактным характером. Он, по преимуществу, остался в форме политической идеологии.

Во Франции практическое воплощение радикального консерватизма намного уступало теоретическим “разработкам” его идеологов. Методы политической деятельности “Аксьон Франсез”, ее “осторожная” политика в итоге не смогли создать реальных предпосылок для захвата власти в стране, однако теоретическими разработками французских консерваторов воспользовались практически все фашистские движения и режимы в Европе первой четверти XX века. Можно констатировать, что в консервативно-радикальной политике французского движения “Аксьон Франсез”, разработанной Ш. Моррасом, имплицитно содержатся основополагающие принципы радикального консерватизма в целом. Это традиционализм, антифутуризм, культ антилиберализма и проповедь авторитаризма. Консервативно-радикальная политика также претендует на выражение национального самосознания. И поскольку оно апеллирует к этническому субстрату конкретного народа, постольку национализм приобретает расистские черты, он беременен национальной ненавистью.

Гносеологически здесь очевидно соответствие данной политики социальной реальности, ибо она представляет экзистенциальные переживания носителей традиции и формулирует принципы их возможного протеста. С аксиологической же точки зрения радикальный консерватизм оказывается серьезным социальным недугом, признаком рассогласования социальных интересов и неспособности субъектов, ответственных за состояние общественных дел в целом, то есть демократической власти найти компромисс с частью граждан. Роль Ш. Морраса в разработке идеологической платформы радикального консерватизма неоспорима, однако теоретические изыскания лидера французских праворадикалов намного опережают практические действия “Аксьон Франсез” на политической сцене Франции. Фундаментальность французских теоретических “разработок” в области радикального консерватизма

опиралась на старейшую и важнейшую линию европейского антифутуристического и консервативного мышления [1]. Методы политической деятельности “Аксон Франсез” также имеют исторические корни: феномен буланжизма. Однако причины, по которым радикальный консерватизм не пришел к власти во Франции в первой четверти XX века, как раз и видятся в пассивной социальной агитации широких слоев населения (теория заговора) и в неспособности окончательно порвать с традиционными правобуржуазными партиями. Сказалось также отсутствие харизматического лидера, вождя, способного объединить множество профашистских группировок на французской политической сцене и пойти “до конца”: открыто выйти за рамки легальности и силой захватить власть. Такая “осторожная” политика в итоге оттолкнула от движения как радикально настроенных элементов (разочарование в вождях, неспособных повести их на баррикады), так и умеренных консерваторов (неумение навести порядок в стране).

Итальянский фашизм занимает своеобразное промежуточное место: это опыт корпоративной практики, реорганизации частнокапиталистического общества с использованием архаико-коллективистских технологий мобилизации масс.

В отличие от Франции, в Италии радикальный консерватизм добился официальной власти. Отметим, что показанная природа итальянской консервативно-радикальной политики имеет утопический характер. Ее действительное кредо: попытка обеспечить порядок в анархическом обществе. По сути, объективная заслуга фашизма перед итальянским народом состоит в том, что он предотвратил социальный хаос и позволил стабилизироваться капитализму в Италии. Стремясь к сохранению традиции, фашистский утопизм, по сути, эту полуфеодальную традицию элиминировал из итальянской практики. Пожалуй, при более благоприятных социально-исторических обстоятельствах, о Б. Муссолини и политике его движения можно было бы сказать то, что говорится в отношении правления Ф. Франко в Испании и А. Пиночета в Чили. А именно, что средства негативны, но результат позитивен. Однако данный парадокс диалектики реальной политики не во многом не произошел в Италии. Причина состоит в экспансионистской стороне радикального консерватизма, в его имманентной склонности к агрессивным войнам. Альянс с сатаной (А. Гитлером и его национал-социализмом) привел итальянский фашизм как трансполитический феномен к редукции из итальянского социального опыта, а само понятие “фашизм” превратил в синоним крайне негативной политики.

Национал-социализм, или гитлеризм, представляет собой наиболее институционализированную практику национальной мобилизации. Радикальные принципы в нем получают наиболее конкретное воплощение. Однако радикально-консервативная практика нацизма терпит крах, так как в силу этнополитической конфликтности и внешнеполитического экспансионизма вступает в непримиримое

противоречие как с возможностями собственной нации, так и с интересами других систем политической деятельности.

В германском национал-социализме радикальный консерватизм получил концептуально возможное завершение. Нацистская политика явилась максимально допустимой, с точки зрения эвокации и удержания институтов социальной традиции, программой модернизации буржуазного общества в период системного кризиса. Применительно к западно-европейскому радикальному консерватизму следует отметить, что если в медитациях теоретической трансценденции французов и прожектах “римской” утопии итальянских фашистов превалирует тема национализма, то в германской практике радикального консерватизма происходит практическое функциональное совпадение консерватизма и футуризма. Национал-социализм не просто продукт синтеза социалистических и консервативных идей; в своей расистской интенции он, по сути, выступает радикально инновационным и имплицитно космополитическим проектом, всячески закамуфлированным одеждами германской национальной традиции. Национал-социализм является политикой, противостоящей либеральному и марксистскому футуризму, его представлению об осуществлении универсальной природы человека. Поэтому его практика состоит в том, чтобы обвинять любое мировоззрение в разрушительных тенденциях, так как оно несет в кровное единство расы зародыш разложения, разрушающий его изначальное здоровье. Поэтому западно-европейский радикальный консерватизм — это первый феномен после эпохи идеологической истории, когда частная реальность признает только саму себя. Тем самым ее структуры впервые приходят к самоосознанию. Но сознательным становится лишь то, что уже не является очевидным. Там, где реальность признает саму себя как таковую, она уже ускользает от себя, а потому ведет смертельную борьбу.

В рамках интуитивизма и системно-деятельностного подхода национал-социализм оказывается такой моделью, отображающей динамику германской практики национальной мобилизации в 20 – 40 гг. XX века, который показывает следующие черты данного явления: агрессивность, или ставка на насильственные методы в политике; идеологический суверенитет, или ставка на эвокацию национальной традиции, внутренне противоречивая, вследствие неизбежных радикальных инноваций; корпоративный (групповой) антагонизм, или диссонанс позиций отдельных субъектов-носителей мировоззрения, обусловленный буржуазной природой германского общества. Радикальный консерватизм действительно оказывается практическим и насильственным сопротивлением трансценденции как социальной реальности и выступает важным фактором политической деятельности в Европе первой половины XX века.

Представляется, что тоталитаризм на Западе в первой половине XX века не является эксклюзивным достоянием данного времени. Так, деятель-

ность “новых правых” на современном Западе, распространение исламского фундаментализма, имеющего безусловные черты радикального консерватизма в контексте реалий шариатского общества, показывает, что принцип “консервативной революции” не является презумпцией кабинетных исследований, но оказывается актуальной темой современного политического опыта.

Мы отмечаем, что радикальный консерватизм как фактор политической деятельности представляет интересы тех субъектов политической практики, которые в силу размывания традиционных политических структур лишились их защиты, но при этом оказались в определенный период времени невосприимчивыми к либерально-буржуазным политическим, социально-экономическим и культурным инновациям.

Следует также выделить функционально-временную типологию консервативно-радикальной политики.

Во-первых, имеется еще не полноценно или тотально проявленная консервативно-радикальная политическая деятельность (негативная консервативная мысль), критически относящаяся к политическим инновациям, разрушающим традицию.

Во-вторых, наличествует негативно-конструктивистская консервативная мысль, предлагающая не только инновационную критику, но и выдвигающая проекты сохранения политической традиции (например деятельность немецких “консервативных революционеров”).

В-третьих, присутствует консервативно-радикальная протестная практика или распространение консерватизма в массах при интенсификации ее политических действий.

И в-четвертых, может иметь место консервативно-радикальная революция как политический переворот, осуществляемый консервативно-радикальными политическими силами (например приход НСДАП к власти в Германии в 1933 году).

Характерной чертой западно-европейского радикального консерватизма первой половины XX века является связь националистических и социалистических мотивов. Претендуя на выражение совокупного общественного интереса, радикальный консерватизм, во-первых, националистичен, ибо заявляет себя в качестве выразителя практики политической системы таксономически меньшего порядка, нежели человеческий род в целом. Таковым коллективом является нация. Во-вторых, стремясь к мобилизации политической деятельности нации, радикальный консерватизм стремится к пропаганде принципа “народного сообщества”, к общему делу соотечественников, то есть к социальной мотивации практики. Колебание между этническими и

социальными политическими приоритетами образует фундаментальное противоречие консервативно-радикальной социально-политической практики как динамически выраженного традиционалистского протеста против либеральной и левой буржуазной модернизации общества.

Подведем итоги. Представляется, что политическое исследование радикального консерватизма позволит понять его как объективное следствие конкретного развития системного социального кризиса. В период данного кризиса возможны как консервативный, так и футуристический ответы на вызов социально-исторических обстоятельств. “Нацистские, коммунистические и другие разновидности тоталитарной экономики, управления и образа жизни – это дети критических ситуаций – родителей. Это сильные, но опасные “лекарства”, применяемые для противодействия безнадежной “кризисной болезни”. В условиях этой “болезни” они иногда (хотя и не всегда) полезны в преодолении “болезни” и восстановлении нормального “здоровья” больного социального организма. Как только его здоровье улучшается, такое лекарство не только перестает быть необходимым, но даже становится вредным для общества” [3]. Мы показываем, что радикализм тогда выступает лозунгом социальной практики, когда социальная реальность не адекватна жизненным запросам широких слоев общества. Основная ответственность здесь лежит на социальном истеблишменте, на его способности (или неспособности) выработать политику социального примирения и умиротворения.

Мы полагаем, что общество способно избежать ловушки экстремизма при проведении демократической и толерантной социальной политики и при действительном следовании общим гуманитарным ценностям (правам человека, пацифизму и равновесному экономическому развитию, учитывающему, по меньшей мере, элементарные потребности людей). Иначе черные соблазны прошлого вновь могут стать мрачным опытом будущего.

Литература

1. Моррас, Ш. Будущее интеллигенции [Текст] / Ш. Моррас; перевод с фр. А. М. Руткевича. Серия “Идеология”. – М.: Праксис, 2003.
2. Нестеров, А. Г. История итальянской социальной республики / А. Г. Нестеров: автореф. дис... д-ра ист. наук. – Екатеринбург: Издг. Уральского ун-ва, 2004. – С. 3.
3. Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин. – М.: Наука, 1997. – С. 126.

УДК 101.1:316

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНО-РОДОВОЙ ПАМЯТИ
В РУСЛЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ***Л. Ю. Логунова***METHODOLOGICAL RESEARCH OPPORTUNITIES FAMILY ANCESTRAL MEMORY
IN LINE WITH THE PHENOMENOLOGICAL RESEARCH PROGRAM***L. Yu. Logunova*

В статье автор рассматривает проблему исследования семейно-родовой памяти в контексте феноменологической исследовательской программы социальной философии. Изучены источники и предпосылки формирования философской исследовательской программы, возможности, обоснованы возможности применения междисциплинарного подхода к изучению структур семейно-родовой памяти, показаны преимущества использования исследовательских техник, сохраняющих уникальность и позволяющих выходить на типизацию явлений и процессов социальной памяти.

The author considers the problem of the study of family- patrimonial memory in the context of phenomenological research program of social philosophy. Studied the sources and preconditions of philosophical research program, the possibilities are reasonable possibility of an interdisciplinary approach to study the structures of family-patrimonial memory, research shows the benefits of using techniques that preserve the uniqueness and let you enter the typing of phenomena and processes of social memory.

Ключевые слова: семейно-родовая память, междисциплинарный подход, исследовательские программы социальной философии, феноменологическая исследовательская программа.

Keywords: family-patrimonial memory, an interdisciplinary approach, the research programs of social philosophy, the phenomenological research program.

Структуры социальной памяти становятся одним из направлений социально-философской рефлексии. Они формируют механизмы культурной программы наследования опыта предков и характеризуют особенности ментальностей общностей. При всей актуальности изучения таких структур коллективного сознания современная наука приходит к пониманию, что диалектическими и материалистическими методами такую исследовательскую задачу решить невозможно в силу неоднозначности и нематериальности объекта изучения. Любые попытки свести исследования к проблематике материальности процессов различных сфер жизни приводили бы к механистическому описанию сложных связей мира и переживающего их человека. Методологический плюрализм смягчает жесткие требования объективности, предлагая опору на комплекс исследовательских программ. Постмодернистская парадигма поставила проблему эффективности стратегии научного познания общественных процессов и культурных явлений. Развитие научной мысли в социальной философии привело к формулировке задачи понимания смыслов, которыми люди наделяют свои действия в пространстве повседневности.

Культуроцентристская программа сформировалась как оппозиция натуралистической программе. Она обогатила социальную философию исследованиями духовной стороны жизни. Благодаря оформлению феноменологической теории в философии (Э. Гуссерль) и концепции понимания в социологии (М. Вебер, Г. Зиммель) был подготовлен теоретический фундамент для синтетической исследовательской программы, которая во второй половине XX века развивалась философами Франкфуртской школы социальной философии, герменевтики, пси-

хоанализа, структурализма, аналитической философии (Ю. Хабермас, Г. Маркузе, Э. Фромм). Были выработаны основные стратегии исследования социальной реальности в современной философии. «Жизненный мир» стал пониматься фоном актуальной ситуации. По мнению Ю. Хабермаса, процесс воспроизводства включает новые ситуации в уже существующие состояния жизненного мира, причем не только в семантическом измерении значений или содержаний (культурной традиции), но и в измерении социального пространства (социально интегрированных групп) и исторического времени (сменяющих друг друга поколений).

В рамках культуроцентристской программы феноменологическое направление оформилось в самостоятельную науку, выработав метод исследования процесса осознания человеком «жизненного мира», воспринимающегося в качестве субъективного феномена. Феноменологическая философия предполагала возвращение науки к первоначальному жизненному опыту, чуждому научным истинам. Эта попытка вывести науку из теоретического тупика, с точки зрения требований новой эпохи постмодерна, была понятийной катастрофой (Н. Луман). Такая позиция была названа «трансцендентально-феноменологической реформой» и имела силу революции в научно-теоретическом мышлении благодаря трудам М. Шелера, А. Шюца, К. Мангейма, П. Бергера, Т. Лукмана.

В дальнейшем феноменологическая исследовательская программа развивалась благодаря трудам американских социальных психологов и социологов. Символический интеракционализм Дж. Г. Мида обогатил ее новым теоретическим взглядом на общество, который объединяет микро- и макрособытия в их развитии и изменении во времени. Это по-

зволило изучать реальности в «жизненных мирах» людей, которые, взаимодействуя, не задумываются об объективности своих мыслей и реальности существования объективного мира. Они живут, общаются, придают значения и смыслы «объективной реальности», превращая ее в субъективную. Понять жизнь группы, значит, принять смыслы и значения, которыми пользуется данная группа по отношению к данным объектам. Люди вольны поменять свое отношение к объектам и придать им новые смыслы. Поэтому исследователь *вынужден* изучать не объективный мир, каким он представляется в терминах науки, а «миры», которые существуют в субъективных сознаниях разных групп (Г. Бламер). В этих мирах идет активное переживание индивидами событий, определение новых смыслов.

В 1960-е гг. символический интеракционализм дополнился драматургическим подходом благодаря Э. Гофману. Феноменологическая исследовательская практика получила оригинальный метод, предполагающий наблюдение и научное описание тонких проявлений повседневной жизни, не осознанных самими действующими людьми. Э. Гофман рассматривал «под микроскопом» нюансы жизни людей, простые жизненные ситуации, в которых находится ключ к пониманию сложных сторон общества.

Феноменологическая исследовательская программа конкретизировалась в методологии качественных исследований и развития методик интерпретативного подхода в Чикагской школе социологии. Была поставлена задача разработки методов, с помощью которых изучение частных повседневных практик могло бы стать основой для широких научных обобщений (У. Томас, Ф. Знанецкий). Объединение микропотоков жизни в структуры типизации повседневных практик позволило изучать широкие слои реальности, не теряя из поля зрения уникальность и разнообразие жизни. Появилась возможность осмысления субъективности, через которую проходит и которой наполняется объективное событие, отражая представления, характерные для социальной группы или для общества в целом, проявляя культурно-историческую специфику своего времени. Можно говорить об органическом соединении традиций американской социологии и социальной психологии с немецкой философией и социологией.

Сегодня становится актуальным использование в исследованиях комплекса достижений концептуальных и компаративистских подходов, которые накоплены в социально-гуманитарных дисциплинах в XX в. Характерной чертой постмодерна в науке стала разработка теорий исследования переживающего мир субъекта во всех связях и отношениях этой субъективности, с последующим обобщающим научным объяснением легитимности, уникальности и типичности подобных переживаний. На классических основах социально-философских исследовательских программ создаются новые комплексные программы, предполагающие использование информационных и компьютерных возможностей нового времени.

Исследование памяти человечества является одним из актуальных направлений философского анализа культурной программы наследования опыта старших поколений. Оно вышло из-под доминантного психологического подхода в начале XX века. Современные общественные науки выработали два основных подхода к исследованию социальной памяти: социально-исторический и культурно-антропологический. Однако, несмотря на сформированность социально-философских исследовательских направлений и исследовательских программ, в вопросах изучения коллективных представлений, отражающих событийность повседневной жизни и общественной истории, существуют методологические проблемы. Стремление наук гуманитарного цикла собственными методами решить эти задачи в рамках их предметных областей привели к формированию нового научного дискурса в рамках феноменологической исследовательской программы.

В частности, названные проблемы могут быть сформулированы следующим образом:

- баланс объективности-субъективности: проблема интерпретации фактов, запечатленных в сознании людей;
- механизм социокультурного наследования: проблема селективности, востребованности и актуализации опыта;
- соотношение памяти коллективной и памяти личностного уровня: проблема примата, особенностей взаимовлияния и механизма подобного рода связей;
- неочевидность жизненных процессов: проблема поиска реальных форм для субъективных, вообразимых событий или фактов, а также для определения границ и специфики объекта исследования;
- научное описание объекта: проблема разработки терминологического аппарата с точки зрения переживания и интерпретации мира в терминах внутренней жизни (Г. Зиммель. Философия культуры, 1911 г.);
- формирование методики: проблема признания методов исследования (в частности, методов микроанализа), выработанных науками в рамках непозитивистских и неклассических парадигм.

Первым исследованием памяти в социально-историческом контексте стала работа французского социолога и антрополога М. Хальбвакса («Социальные рамки памяти», 1925 г.). М. Хальбвакс обратил внимание на различие между индивидуальными свойствами памяти (она может нести отпечаток его жизненной ситуации и его мировоззрения) и конструкциями памяти социальной группы. Индивиды помнят физически, естественным образом, а социальные группы закладывают в коллективное сознание *что* и с каким смыслом запомнить. Коллективная память представлялась ученому как социальный конструкт, создающийся или изменяемый в соответствии с системой ценностей и «писаной» историей («Коллективная память», 1938 г.).

В дальнейшем категорию «коллективная память» исследовал основоположник Школы «Анналов» М. Блок в контексте исторических исследований. Согласно М. Блоку, особенности коллективной памяти отражают характер мировоззрения людей той или иной эпохи. При этом коллективная память рассматривалась им в смысле системы ценностно-смысловых характеристик, передающихся от старшего поколения младшим. Общечеловеческая память («память мира») множественна: она структурируется из ячеек социальной памяти этносов, социальных общностей, семейно-родственных групп.

Представители Школы «Анналов» обосновали актуальность интерпретативного подхода к исследованию исторических документов, сохраняющих вехи коллективной памяти, и личных документов, отражающих индивидуальное отношение к событиям истории. Был разработан особый исторический подход к изучению ментальностей, который содержал особенности интерпретации прошлого с позиции реконструкций мира в воображении людей, понимания ими настоящего (Л. Ферв, Ж. Ле Гофф). В конце 1980-х Ф. Бродель предложил новую концепцию повседневности, учитывающую дифференциацию исторического времени, изменчивую в разных социальных структурах. Разрабатывая идею создания «тотальной истории», философы Школы «Анналов» перенесли акцент с «истории-повествования» на «историю-проблему» (Л. Февр), разработали принципы антропологически ориентированной истории (М. Блок, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф). Для комплексного описания истории общества они привлекали к исследованиям эклектический материал: археологические данные, документы по истории техники, тексты жития выдающихся личностей и т. п. Изучение истории, по их мнению, предполагает особое интеллектуально-ценностное отношение к документу или событию с позиций объяснения, интерпретации, а не оценки его истинности-ложности. Прогресс развития был представлен науке как умение слушать и понимать прошлое.

Изучение семейно-родовой памяти еще более конкретизирует связь памяти индивида с глобальной памятью человечества через структуры родства. Современная наука признает, что исследование незримых нитей, связующих одного человека с другим, так же важно, как и внешнее описание сети этих связей, которые формируются в общественные структуры. Неочевидное в человеческих отношениях проявляется в законах жизни, которые влияют на формирование очевидных структурных форм. Эта неочевидность долгое время отрицалась наукой не столько в силу отсутствия ее материально выраженной формы, сколько из-за отсутствия комплекса методик, адекватных для ее изучения.

Семейно-родовая память, благодаря особенностям ее функционирования, демонстрирует причудливые образы исторических событий, заявляя о реальности воображаемых переживаний. Избирательные, селективные возможности памяти, сопряженные с реконструкциями и ошибками, формируют образ исторической реальности, субъективно вос-

принимаемый, социально и культурно дифференцированный и передаваемый в качестве символического капитала и социального опыта последующим поколениям. Эта ирреальность откладывает отпечаток на структуры ментальности, являясь для потомков индикатором при осмыслении последующих жизненных ситуаций. Структуры семейно-родовой памяти формируют ценности, установки, образцы поведения, наследуемые потомками, открытые для трансформационных процессов.

Сегодня можно констатировать, что неоднозначный путь развития качественной методологии, возникшей в контексте изменения научной теории постмодерна, сформировал новое научное мышление, которое отличается остротой внимания к микропроцессам социальной реальности. В результате наука признала, что повседневная жизнь наполнена вещественностью, телесностью, фактичностью, методология обогатилась комплексом методов исследования структур, находящихся «за подкладкой» очевидности. С помощью феноменологических методов появляется возможность изучать личностные смыслы и образы сознаний индивидов и выходить на обобщения, дополняя микроанализ теоретическими положениями и тактиками макроисследований. Такой методологический подход позволяет проследить особенности многоуровневости жизни, связать понимания событий людьми с процессом влияния этого понимания на дальнейший ход истории. Опираясь на методологию антинатурализма, экзистенциально-феноменологическая стратегия в исследовании семейно-родовой памяти стремится отразить многообразие традиционности и событийности, фрагментарности, уникальности и глубинной ментальности людей.

Данная методологическая задача предполагает использование исследовательского потенциала смежных наук и выход на парадигму междисциплинарности. Это позволяет выявлять и анализировать схемы интерпретации реконструкции событий, сохраненных в памяти, расширяя пространство научных поисков и интерпретаций, помогает объяснить природу социокультурных норм, особенностей идентичности, историчность значений и форм обыденного поведения. Междисциплинарность не противоречит феноменологической исследовательской программе, она сочетает изучение социальной сконструированности жизненных миров человека с возможностями макроскопических историко-социальных и социально-культурных исследований. Применение междисциплинарного подхода помогает объединить макропроцессы культуры и личностный уровень понимания данных процессов.

Мы подчеркиваем востребованность изменения исследовательской практики, основанной на новых связях с теорией, на позициях соотнесенности исследовательской практики с практикой социокультурной. Наука может в таком случае отрефлексировать сама себя, найдя нужную дистанцию между повседневностью и теориями высокого уровня обобщения. Это позволит ученым «вторгаться» в латентные структуры жизни, имея адекватный инструмент

для исследования феноменов сознания и культуры, позволяющий измерять микропроцессы функционирования смыслов семейно-родовой памяти и выстраивать теории любой степени абстракции. Это приобретает актуальность в период социальных трансформаций, когда формируется новый тип социальной реальности, основанный на смыслах, заложенных в информационных потоках семейно-родовой памяти. Акцент на семейно-родовой памяти

подчеркивает децентрализацию социальной памяти, отраженной в сознании субъектов на уровне конкретной общности (родственной или территориальной). Семейно-родовая память понимается как социокультурный механизм наследования, в котором онтологическая составляющая синтезируется с теоретическим уровнем ее познания, с позициями комплексного характера ее изучения.

УДК 327.7: 341.33

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА И ГУМАНИТАРНОЕ ДЕЙСТВИЕ

И. С. Малахов

THE INTERNATIONAL RED CROSS COMMITTEE AND THE HUMANITARIAN ACTION

I. S. Malahov

В статье рассматриваются основные направления реального проявления гуманитарного действия в современных условиях. Показана актуальность данного действия, его незаменимый характер. Раскрывается роль Международного комитета Красного Креста в деле гуманизации конфликтов и оказании помощи жертвам военных столкновений, террористических актов, стихийных бедствий.

The main directions of actual humanitarian operations are considered in this article. The Essence of the given action and its irreparable character is shown in this article. The role of International Red Cross Committee in humanization of conflicts and assisting the victims of military conflicts, terrorist acts and disasters are shown by the author.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, гуманитарное действие, конфликты, терроризм, гуманитарные организации, жертвы конфликтов.

Keywords: international human Law, humanitarian action, conflicts, terrorism, humanitarian organizations, the conflict's victims.

Международный комитет Красного Креста (МККК) на протяжении ряда десятилетий является не только хранителем, но и последовательным исполнителем всех положений, которые лежат в основе Женевских конвенций 1949 г., определивших содержание и направление деятельности всех организаций Красного Креста. За время, прошедшее с момента принятия указанных конвенций, юристы МККК внесли значительный вклад в обогащение целого комплекса вопросов Международного гуманитарного права. При этом основное внимание, как и прежде, уделяется вопросам защиты гражданских лиц в условиях нового характера военных действий. Это особенно наглядно проявилось на рубеже веков, в частности, в военных действиях США и их союзников по НАТО в Югославии, а потом в Ираке и Афганистане.

Незаменимая роль МККК в выполнении им и его различными подразделениями гуманитарной функции, как показывает практика, определяется тем, что Красный Крест как организация сохраняет свою независимость и автономность. Как отмечают исследователи и сами работники Красного Креста, такая деятельность нередко испытывает на себе влияние попыток прямого политического и финансового давления. Эти попытки, как отмечают специалисты, направлены на то, чтобы придать деятельности этой гуманитарной организации некий

новый смысл, выходящий за рамки положений Женевских конвенций.

В то же время было бы политически ошибочно (и это нанесло бы ущерб идее и практике гуманитарного действия), если бы деятельность Красного Креста строилась без учета тех изменений, которые характерны для переходного состояния всей системы международных отношений. Пример тому – события августа 2008 г., когда Грузия осуществила вооруженную интервенцию в Южной Осетии. При этом изначально международному сообществу навязывалась идея о том, что Грузия – не агрессор, а жертва. И соответственно гуманитарная помощь на первых порах шла только в адрес Грузии. Потребовалось время, чтобы более здравый взгляд на характер данного конфликта возобладал.

Говоря о положении МККК, не следует забывать того факта, что сама эта организация является частью международной системы, которая находится в переходном состоянии. К сказанному добавим, что в переходном состоянии находится и идея гуманитарного действия [1; 2].

В этих условиях претерпевают изменение и приоритеты в деятельности Красного Креста. Это наглядно проявляется в последние два-три десятилетия в деятельности МККК, руководство которого приложило немало усилий по взвешенной оценке своей гуманитарной деятельности, а также по даль-

нейшему совершенствованию своей структуры и своего менеджмента.

В первой половине 1980-х гг. МККК провел значительную работу по изучению содержания и формы ставок гуманитарного действия в новых исторических условиях. Это целенаправленное действие получило наименование *«Изучение Будущего»*.

Данная инициатива была вызвана к жизни рядом важных международных событий. Речь идет, например, о таких событиях, как введение чрезвычайного положения в Польше; военное столкновение между Великобританией и Аргентиной по вопросу принадлежности Фолклендских островов; война в Ливане, а также многочисленные конфликты в Африке и Азии. Все это потребовало от организаций Красного Креста и Красного Полумесяца усилий по развитию диалога с правительствами многих стран, а также интенсификации деятельности и этих организаций в средствах массовой информации. Параллельно с этим осуществлялась модернизация деятельности самих гуманитарных организаций.

В конце 1990-х гг. начал осуществляться второй этап акции «Изучение Будущего», в рамках которого предполагалось выработать детальный план действия нового руководства Международного комитета Красного Креста, что получило свое выражение в Программе на 2003 – 2006 гг.

Трудности, связанные с выработкой новой стратегии и тактики гуманитарного действия в начале нового XXI столетия, были связаны прежде всего с тем, что по окончании холодной войны мир столкнулся с новыми формами конфликтов. Это особенно наглядно проявилось 11 сентября 2001 г., когда была совершена террористическая атака на небоскребы торгового центра в Нью-Йорке.

Утверждение о появлении новых форм конфликтов не означает, что годы холодной войны были периодом спокойного политического развития. В этот период деятельность организаций Красного Креста была весьма активной. Достаточно в этой связи сказать о том, что во второй половине XX в. мир стал свидетелем целого ряда событий: геноцид в Камбодже и Руанде; военный конфликт в Корее; арабо-израильский конфликт, продолжающийся и в наши дни; трагические события в Венгрии 1956 г.; национально-освободительные войны в Африке и Азии; гражданская война в Ливане и т. д. В этих конфликтах пострадали тысячи и тысячи людей. И эти страдания были бы кратно больше, если бы не гуманитарная помощь, которая была оказана движением Красного Креста и многочисленными гуманитарными организациями.

С окончанием холодной войны осталось в прошлом утвердившееся в послевоенное время известное равновесие между великими державами, а это открыло небывалые прежде возможности для возникновения новых напряженностей на международной арене, в том числе и связанных с применением военной силы. Об этом свидетельствует война в Персидском заливе, конфликты на Балканах и на Кавказе, кровопролитные столкновения в Централь-

ной и Западной Африке (Конго, Сьерра-Леоне, Либерия, Эфиопия и т. д.).

После трагических событий 11 сентября 2001 г., унесших жизни ни в чем не повинных примерно 3000 человек, претерпела существенные изменения вся система международных отношений, на передний план в которых вышла борьба с терроризмом. При этом сам терроризм, в свою очередь, претерпел к началу третьего тысячелетия существенные изменения. Он приобрел, что называется, сетевой характер. При этом сеть не управляется из единого центра [4, с. 60 – 65; 6, с. 272 – 274]. В современных условиях невозможно, к примеру, четко определить структуру и местонахождение террористических организаций. Правда, нередко террористические организации отождествляются с некими экстремистскими религиозными структурами.

Появление новых форм вооруженных действий с новой силой подняло вопросы о том, что такое гуманитарные действия в современных условиях. Не меньшей остроты достигают и вопросы содержания международного гуманитарного права, которое оказалось под вопросом не столько в силу действий неэтических акторов, но, главным образом, в силу действий государств, в том числе и тех, чьи подписи стоят под Женевскими конвенциями.

В этих условиях перед Международным комитетом Красного Креста встает задача отыскания адекватного ответа на новые вопросы международной практики на основе идентификации этой самой небывалой прежде практики.

Легитимность или подтверждение гуманитарного действия

Принципы, которыми руководствуется Красный Крест, ясны. Они, по сути дела, не меняются во времени, т. к. коренятся в ценностях, которые никто не может оспорить. Однако только этих принципов недостаточно для легитимации гуманитарного действия в глазах тех, кому оно адресовано, в суждениях тех, кто поддерживает его морально или финансово, а также в глазах тех, кто через посредство СМИ выступает своеобразным арбитром деятельности гуманитарных организаций.

МККК всегда утверждал, что его легитимность определяется статусом своеобразного охранителя Женевских конвенций, дух и букву которых подавляющее большинство государств обязалось уважать и заставлять уважать, если в этом возникает необходимость. Именно на этом легальном основании МККК отстаивал свое право приходить на помощь жертвам конфликта без какой-либо дискриминации в отношении жертв. Отметим при этом, что именно через реальные действия гуманитарных организаций шло становление международного гуманитарного права.

Гуманитарное право сначала опиралось на 10 статей Женевской конвенции по улучшению судьбы раненных военных воюющих армий, которые были сформулированы основателями МККК еще в августе 1864 г. Данной конвенцией, в частно-

сти, утверждалось право раненных на получение помощи вне зависимости от национальности.

Впервые Женевская конвенция была применена в 1866 г. во время Пруско-австрийской войны. При этом Пруссия, к тому времени поставившая свою подпись под Женевской конвенцией, действовала, что называется, в одностороннем порядке. И только в 1885 г., в ходе Сербско-болгарской войны, Женевская конвенция соблюдалась обеими сторонами вооруженного конфликта [5, с. 12 – 13].

В настоящее время международное гуманитарное право опирается на четыре Женевских конвенции, принятые в 1949 г., и два Дополнительных протокола, вступивших в силу в 1977 г., а также договоры и законы, которые регламентируют использование классических вооружений, вовлечение детей в военные действия [7, с. 20 – 21]. Скажем и о том, что в духе Женевских конвенций разрабатывалось и Международное уголовное право.

Совокупность документов, являющих собой международное гуманитарное право, как показывает реальная политическая практика, оказывает существенное влияние на процессы урегулирования современных вооруженных конфликтов.

Однако не документы сами по себе определяют эффективность деятельности МККК. Главное – это результативность гуманитарных действий, осуществляемых, в том числе и МККК, в самой гуще конфликтов. В последние годы данная деятельность происходит в обстановке острой конкуренции с организациями ООН и разного рода неправительственными организациями (НПО). Как известно, Международный союз ассоциаций насчитывает в своих рядах 35000 НПО. Только в ООН консультативную функцию при Экономическом и социальном совете этой организации выполняют 3500 НПО [8, р. 199]. В такой обстановке достижение позитивных результатов гуманитарной деятельности предполагает необходимость развивать новые подходы и совершенствовать технику осуществления гуманитарных акций.

Стремление к утверждению новаций в гуманитарной деятельности – это не забегание вперед, не стремление заблокировать усилия конкурентных организаций. Здесь следует выделять главное – выяснение подлинной миссии МККК как института, конкретные акции которого всегда, во всех ситуациях должны соответствовать принципам организации [3, с. 151 – 167].

Нужно сказать, что с подобными проблемами сталкиваются и многочисленные гуманитарные организации, не относящиеся к движению Красного Креста. И это открывает перспективу сотрудничества между всеми гуманитарными организациями на одном и том же поле совместной деятельности.

Среди инициатив, предпринятых МККК в последние десятилетия, есть немало таких, что позволили и даже, можно сказать, потребовали развития сотрудничества между разными гуманитарными организациями. В итоге был сделан значительный прогресс в деле признания необходимости коорди-

нации и согласования действий гуманитарных организаций, от чего, как показывает практика, все указанные организации только выигрывают. Согласованная деятельность гуманитарных организаций содействовала тому, что в поле зрения этих организаций оказались вопросы, связанные с судьбами перемещенных лиц и лиц, пропавших без вести, с защитой женщин и детей в ходе военных конфликтов, а также с запретом использования противопехотных мин.

Перемещенные лица. Длительное время МККК был одной из немногих международных организаций, которые занимались судьбой «внутренних беженцев», которые не подпадали по формальным признакам под опеку Комиссариата ООН по беженцам. Этот комиссариат, как известно, занимается судьбами только беженцев, которые по соображениям безопасности вынуждены были бежать из своей страны. Однако международное сообщество на протяжении последних десятилетий не раз сталкивалось с фактами возникновения беженцев, которые не покидают пределы своих стран. Речь, значит, идет о перемещенных лицах внутри той или иной страны. В этих случаях их судьбами чаще всего занимаются национальные организации Красного Креста и местные социальные службы.

Нужно сказать, что защита лиц, перемещенных внутри страны – один из сложных видов гуманитарной деятельности. Принятие МККК в 1998 г. «Руководящих принципов по вопросам перемещенных лиц внутри страны», по утверждению Президента МККК Я. Келленбергера, внесло важный вклад в укрепление Международной правовой базы в области защиты лиц, перемещенных внутри страны [9]. О масштабах деятельности МККК в этом направлении свидетельствуют такие данные: в 2006 г. Комитет в той или иной форме оказал помощь примерно 4 миллионам перемещенных лиц в 32 странах [10]. Всего же в мире насчитывается 42 млн перемещенных лиц, в том числе 26 млн человек – это перемещенные лица внутри своих стран [8, р. 230].

Свой вклад в оказание помощи перемещенным лицам вносит и ООН. В 1992 г. решением Генерального секретаря ООН была введена должность ответственного за вопросы перемещенных лиц, что существенно актуализировало эту проблематику. В частности, были выявлены явные упущения международного сообщества в деле перемещенных лиц и в тех действиях, которые следовало предпринимать для решения данной проблемы. В 1999 г. в ООН был создан постоянный комитет, призванный объединить усилия международного сообщества в рамках программ ООН по развитию (PNUD), Всемирной продовольственной программы (РАМ), Детских фондов ООН (UNICEF), Организации ООН по продовольствию и сельскому хозяйству (FAO), Всемирной организации здравоохранения (OMS), Верховного комиссариата ООН по делам беженцев (HCR) и Бюро по координации гуманитарных проблем (ОСНА), а также МККК, Международной федерации, Верховного комиссариата ООН по правам че-

ловека (HCDH), представителя Генерального секретаря, Всемирного банка (ВМ), Международного совета агентств волонтеров (ICVA), Международной организации мигрантов (ОИМ) и комитета по вопросам гуманитарного вмешательства. В итоге был осуществлен комплекс мер и создан ряд структур, таких, например, как межорганизационная сеть высокого уровня по внутренне перемещенным лицам (2000 г.) и Объединение лиц перемещенных внутри страны (IDP Unit – 2002 г.). Эта сеть объединяет представителей основных институтов ООН и неправительственных организаций. Относительная комплексность этих органов не помешала тому, чтобы некоторый порядок был привнесен в решение вопросов перемещенных лиц. Так, определенный прогресс был достигнут в Демократической Республике Конго – на пути кооперации усилий с Организацией ООН по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО) – и в Анголе, где МККК работает в тесном сотрудничестве с Всемирной продовольственной программой (РАМ), Фондом спасения детей (SCF), Оксфордский комитет помощи голодающим (Oxfam), Врачи без границ, Международный медицинский корпус.

Женщины и война. Миллионы женщин и девочек страдают от последствий современных вооруженных конфликтов. Они в особой степени подвержены риску сексуального насилия, а также других физических и психологических травм. Война часто оборачивается для женщин вынужденным переселением и разлукой с родными, отнимает доступ к продовольствию, питьевой воде и медицинской помощи. Иногда женщины остаются единственными кормильцами в семье, и многие из них вынуждены единолично принимать на себя ответственность за финансовую поддержку своих родных.

Не случайно десять лет назад Советом Безопасности ООН была принята Резолюция 1325 о женщинах, мире и безопасности. Этот документ ставил своей целью привлечь внимание мирового сообщества к непропорциональным и болезненным последствиям вооруженных конфликтов для женщин [11].

В рамках Международного гуманитарного права мужчины, женщины и дети, не принимающие участия в вооруженных действиях, защищаются как гражданские лица международными договорами. Исследование, проведенное МККК в 2000 г., показало, что потребности женщин как жертв войны выходили за привычные прежде рамки. И дело не только в особой уязвимости женщин или матерей в условиях военных действий, а в том, что женщина все чаще оказывается в положении заключенной, а то и пропавшей без вести.

Новизна ситуации заключается и в том, что в последние годы женщины все чаще стали принимать участие в военных действиях или даже террористических актах. Словом, женщина в современных условиях является не только жертвой насилия, что было всегда характерно для представителей данной группы населения в прежние годы. Все больше представителей этой группы населения при-

нимают участие в военных и насильственных действиях. Кроме того, в современных условиях женщины все чаще оказываются в положении беженцев.

Проведенное исследование является мужественным актом, которое как бы разоблачает былое утверждение о том, что женщина беззащитна перед лицом разного рода событий, в том числе и военных действий. Это исследование позволило лучше узнать подлинное положение женщин в период военных действий, а также вовлечь женщин в выработку программ помощи женщинам по линии МККК и неправительственных организаций.

Показательно, что программа «Пекин+5» на период с 2001 по 2006 гг., которая была принята на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в июне 2000 г. предусмотрела на 2004 г. тему «Women's equal participation in conflict prevention, management and conflict resolution and in post-conflict peace-building», т. е. вопросам равноправного участия женщин в предупреждении, управлении и разрешении конфликтов, а также в деле обеспечения мира в постконфликтный период. В этой сессии принимали участие 2 600 неправительственных организаций.

В документации МККК о женщинах и войне не говорится об особом сотрудничестве с международными или неправительственными организациями по этому вопросу. И это не случайно. Как показывает политическая практика, весьма трудно выбрать партнеров в такой многомерной и комплексной проблематике. Следует сказать и о том, что в документах МККК подчеркивается, что особый акцент надлежит делать на предотвращение преступлений, что является более важным делом, чем просто наказание виновных.

Дети и война. Международное гуманитарное право уделяет особое внимание вопросам защиты детей как незащищенным и уязвимым лицам. Среди опасностей, подстерегающих детей, особенно в военное время, наиболее очевидными является опасность остаться сиротой, умереть, получить увечье, оказаться в числе вынужденных переселенцев или потерять связь со своими родными. Дети, оставшиеся без присмотра взрослых, подвергаются риску стать жертвами самых различных форм дурного обращения.

Поддержка детей, оказавшихся в ситуации вооруженного конфликта, является приоритетом для МККК. Целый ряд программ МККК специально разработан с учетом потребностей детей. Более того, не менее чем 25 статей, посвященных детям в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах, определяют содержание деятельности Красного Креста. МККК на протяжении ряда десятилетий не распространял принцип беспристрастности как в отношении детей, так и женщин как к категориям населения, нуждающимся в срочном содействии и гуманитарной поддержке. В настоящее время ситуация существенно изменилась [11].

Это наглядно демонстрируют решения чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2002),

после которой МККК решительно высказался в пользу необходимости всемерного содействия детям, оказавшимся в опасной для себя ситуации и прежде всего, волею судеб и определенной политики, оказавшихся в зоне конфликта. Более того, беспокойство международного сообщества вызывали факты вовлечения детей в боевые действия.

Справедливости ради, следует сказать, что проблематика детей-солдат всегда находилась в поле зрения МККК. Международный комитет Красного Креста издавна решительно выступал против вовлечения детей в военные действия. Участие в военных действиях возможно лишь для лиц старше 18 лет от рождения. В поддержку своей позиции МККК использует довольно широкое сотрудничество с различными правительственными организациями, Кооперативом помощи и поддержки (CARE), Детских фондов ООН (UNICEF) или Верховного комиссариата ООН по делам беженцев (HCR).

Противопехотные мины. До подписания Оттавской конвенции, которая высказалась за полный запрет противопехотных мин, право и военные доктрины руководствовались некими правилами, которые вешали об «ответственности» за использование смертоносных снарядов. Конвенция ООН о запрещении или ограничении обычного оружия от 1980 г., как известно, высказалась за запрещение или ограничение конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие [12].

Такой подход быстро выявил свои границы, особенно если учесть, что ответственность или предотвращение страданий становилось уделом воюющих сторон. Противопехотные мины миллионами были установлены в различных регионах мира, и они убивали и калечили в течение ряда десятилетий тысячи людей, включая женщин и детей, вне зависимости от того, участвовали они или нет в военных действиях. По данным ООН, за последние 10 лет каждый год в результате взрыва мин или других неразорвавшихся боеприпасов по-прежнему гибнут или получают увечья почти 15 тысяч человек [13]. Мины поражали любого человека, включая и женщин, и детей, даже тогда, когда они занимались самыми мирными делами. Многие из них оказывались покалеченными. И из гуманитарных соображений во многих странах стали выпускать разного рода протезы. Но даже при наличии протезов искалеченные люди не могли далее быть в физическом смысле полноценными людьми как участниками, например, трудового процесса.

Нужно сказать, что данная проблема оказалась неразрешимой для дипломатии. Так, на конференции в Вене (1995), а потом в Женеве (1996), где обсуждались вопросы, связанные с содержанием Конвенции 1980 г., международное сообщество пришло к выводу о том, что улучшить судьбу жертв противопехотных мин, а тем более предотвратить появление этих жертв, невозможно сделать на пути только выработки неких правовых положений. И потому в

октябре 1996 г. было положено начало «Оттавскому процессу», который по инициативе канадского правительства, собрал в столице Канады представителей правительств 50 стран, представителей МККК и ООН, а также ответственных лиц Движения за запрет противопехотных мин. Этому процессу существенное внимание уделяли многочисленные средства массовой информации и электронной коммуникации. И уже менее чем через год, 18 сентября 1997 г., была принята «Конвенция о запрете использования, хранения, производства и трансфера противопехотных мин и их уничтожения».

Это был большой успех гражданского общества. И это нашло свое выражение в том, что представитель Движения за запрет противопехотных мин Джуди Вильяме был удостоен в 1997 г. Нобелевской премии. При этом общепризнанным является и вклад МККК как в становление движения за запрет противопехотных мин, так и в принятие указанной выше Конвенции.

В настоящее время Оттавский процесс продолжается и набирает силу, о чем свидетельствуют, например, постоянные международные форумы, на которых рассматриваются различные аспекты реализации Концепции, вступившей в силу 1 марта 1999 г. На этих форумах принимают участие не только представители государств, подписавших Конвенцию, но также и представители различных секторов мирового сообщества и гражданского общества, заинтересованных в реализации данной проблемы.

Нужно сказать, что наблюдатели отмечают существенное улучшение в данном вопросе. Речь идет о том, что уменьшается число жертв от противопехотных мин, в частности, благодаря активной кампании против этих мин в СМИ.

Главная трудность в реализации Конвенции заключается в том, что ее применению противятся такие страны, как США, Китай, Россия, Украина, Польша и Южная Корея. Правда, некоторые страны встали на путь частичного осуществления положений Конвенции. Так, США не использовали противопехотные мины в Афганистане и Ираке; Россия объявила об уничтожении 17 млн снарядов, тогда как Украина уничтожила 400 000 мин.

Пропащие без вести. В то время как виновные массовых уничтожений людей в Сребренице признаются в своих преступлениях и находятся в качестве обвиняемых в суде по преступлениям в Югославии, выявилась еще одна крупная проблема – проблема пропавших без вести. Для решения данной проблемы на Балканах был создан специализированный офис МККК, который занимается данной проблемой. Результаты этой работы невысокие. Ибо пропавшие без вести, как показывают факты, чаще всего оказываются неживыми, как правило, умерщвленными. И это выводит данную проблематику за пределы деятельности МККК, который, как известно, занимается только живыми людьми.

Одним из противоречивых расследований в данном вопросе стали события на Кипре в 1975 г. В

этом островном государстве после военной операции Турции пропало без вести большое количество людей. Это в последующем стало камнем преткновения в процессе переговоров между турецкой и греческой общинами.

В настоящее время сотни тысяч лиц стали относиться к категории пропавших без вести в итоге международных и внутренних конфликтов. Многие из них были подвергнуты насильственным воздействиям.

Вмешательство с целью прекращения таких воздействий является весьма затруднительным делом. Это в полной мере относится и к деятельности гуманитарных организаций. Не всегда в этом вопросе проявляют активность и правительства, из-за чего тысячи семей оказываются в ситуации неопределенности. Между тем в вопросе о пропавших без вести лицах усилия из гуманитарных соображений должны предприниматься не менее существенные, чем в вопросах прямых и косвенных жертв военных действий.

В итоге контактов с кругами лиц, связанных с защитой прав человека и врачебной деятельностью, МККК немало сделал для того, чтобы «заставить говорить тела» умерших. Для этого стали проводиться эксгумации, процедуры идентификации на основе проведения анализов ДНК. Все это затем используется как доказательства о преступных деяниях тех или иных лиц созданными международными судами.

Но дело не только в том, что пропавшие без вести лица становятся аргументами обвинения в преступлениях против человечности. Установленные факты такого рода преступлений оказывают большое психологическое воздействие в среде живущих и не только из числа родственников погибших. Подобные действия стали широко использоваться в Руанде после массового геноцида, обрушившегося на эту страну в недавнем прошлом.

В феврале 2003 г. МККК провел Конференцию правительственных и неправительственных экспертов по всему комплексу вопросов практики и методов, используемых в отношении судеб персон, исчезнувших в период конфликтов. В целях достижения необходимых решений около 300 участников

из почти 90 стран пришли к выводу о необходимости осуществления постоянного сотрудничества между национальными правительственными организациями, международными организациями и правительствами в выяснении всего того, что связано с многочисленными исчезнувшими в конфликтах лицами.

Литература

1. Желтов, В. В. Гуманитарное действие: дефиниция и современная трактовка / В. В. Желтов, И. С. Малахов // Сибирский социологический вестник. – 2007. – № 6. – С. 59 – 79.
2. Малахов, И. С. Основания и критерии гуманитарного действия / И. С. Малахов // Политика регионального развития: проблемы и подходы: сб. науч. тр. – Кемерово, 2009. – С. 143 – 151.
3. Малахов, И. С. Нейтралитет как базовый принцип Красного Креста / И. С. Малахов // Политика регионального развития: проблемы и подходы: сб. науч. тр. – Кемерово, 2009. – С. 151 – 167.
4. Платонов, Ю. П. Геополитика в паутине технологий власти / Ю. П. Платонов. – М., 2010.
5. Buirette, P. Lagrange Ph. Le droit international humanitaire / P. Buirette. – 2008. – P. 12 – 13.
6. Chautard, S. L'indispensable de la geopolitique. Levallois-Perret. – 2009. – P. 272 – 274.
7. Mercier, M. Le Comité International de la Croix-Rouge. L'action humanitaire dans le nouveau contexte mondial. – Lausanne, 2004. – P. 20 – 21.
8. Rubio, F. Dictionnaire pratique de l'humanitaire. / F. Rubio, C. Hure // Dictionnaire pratique de l'humanitaire. P., 2010. – P. 199.
9. <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/html/ihl/development-statement-210910>.
10. <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/htmlall/displacement-update-3107077OpenD...> 14.11.2010.
11. <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/htmlall/children-interview-171109?OpenDo//07.11.2010>.
12. <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/htmlall/ihl-ccw-271004?OpenDocument&sty...> 14.11.2010.
13. <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/htmlall/day-mine-action-0404077OpenDocu...> 07.11.2010.

УДК 342.5(11.15.45)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. В. Новикова

REALIZATION OF THE PUBLIC MANAGEMENT PARADIGM

A. V. Novikova

В статье анализируются факторы обеспечения государственного управления: социальные, кадровые, технологические, под которыми автор понимает средства осуществления государственных целей и управленческих решений. Исследуются политические методы государственного управления – принуждение и убеждение, их состав и механизм применения.

The article provides an analysis of factors ensuring public management: social, personnel, technological, which the author sees as the means of accomplishing public goals and managerial decisions. The author examines political methods of public management – coercion and persuasion, their composition and mechanism of application.

Ключевые слова: государственное управление, социализация, политические методы.

Keywords: public management, socialization, political methods.

На рубеже XXI века происходит переосмысление парадигмы государственного управления, что вызвано глобальными реформами, осуществляемыми в разных странах. Процессы трансформации привели к переходу цивилизации на постиндустриальные рельсы. Общество становится все более информационно открытым, при этом происходит принципиальное обновление понимания роли государственного управления, его социальной обусловленности, масштабности и эффективности, а самое главное – положения человека в государственном управлении.

Определяющим фактором обеспечения рациональности, т. е. целесообразности, обоснованности, результативности и эффективности государственного управления, выступает социальность – насыщенность, «наполненность» государственного управления общественными запросами и ожиданиями, реальным бытием людей.

Если нет соответствия государственного управления и его основного проявления – управляющих воздействий – потребностям жизни, а наоборот, оно оторвано от нее, замкнулось в своих искусственных конструкциях, более того, противостоит естественности общественных процессов, то трудно, да и напрасно надеяться на то, что государственное управление, несмотря на всю силу государственного механизма, способно придать общественному развитию демократизм и гуманизм, гармоничность и динамику, справедливость и бескризисность.

Вопрос о методах государственного управления как средствах достижения правителями своих политических целей, всегда интересовал исследователей. Если попытаться кратко определить понятие методов государственного управления, то они представляют собой, во-первых, средства осуществления государственных целей и управленческих решений, во-вторых, способы поддержания стабильности политической системы и воспроизводства институционального порядка в обществе, в-третьих, инструменты мобилизации ресурсов и руководства людьми.

Исторический опыт политического развития подводит к выводу о том, что существует два базовых типа методов государственного управления: убеждение, опирающееся в основном на манипулирование механизмами сознания и установками поведения граждан, и принуждение, в целом основывающееся на использовании силы, а то и крайних форм насилия. Эти два "идеальных типа" образуют двухполюсную шкалу «принуждение-убеждение», на которой располагаются все промежуточные оттенки применения инструментов руководства людьми со стороны государственной администрации.

Политические методы государственного управления подвергаются пересмотру, модернизируются, изменяются. Усложнение социально-экономических и политических отношений в период проведения в стране кардинальных реформ повышает необходимость использования всей совокупности ресурсов, обеспечивающих модернизацию политико-управленческой деятельности. Очевидно, что «нужно углубление и расширение обратной связи с электоратом органов власти и аппарата управления, и, прежде всего, предоставление гражданам реальной возможности принимать участие в обсуждении через средства массовой информации законопроектов, разрабатываемых верховной властью, а также вносить свои замечания и предложения по этому поводу в специальные отделы государственного аппарата и местного самоуправления» [1, с. 79].

Существуют следующие политические методы государственного управления в региональном контексте. Единственная возможность региона выжить – резко, на порядки сократить число решаемых внутренних и внешних проблем, примитивизировать общество и круг его потребностей, работать в простом мобилизационном режиме [2, с. 46]. Но как только общество, достигая определенной фазы развития, расширяет сферу индивидуальных и социальных потребностей, жесткая система управления, частным случаем которой является тоталитарная система, не справляется со своей задачей. В попытках решить неразрешимую задачу система управления, а вместе с ней государство, ослабляются. Становится неизбежным переход к построению других – адаптивных методов – политической организации общества и системы управления. Именно требованию эффективности и устойчивости, порождаемой гибкостью и адаптивностью, отвечает демократия. Демократизация российского общества и построение в России реальной Федерации неизбежно ведет к радикальной замене системы государственного управления, которая формируется в условиях полного разрыва со старой партийно-советской политической системой и тоталитарным режимом [3, с. 81].

Необходимо формирование принципа ответственности власти, который включает:

- а) комплекс политико-юридических норм, требований, установок, определяющих ответственность субъектов власти за качество политики, за принимаемые решения, действия и поведение;
- б) государственные и общественно-гражданские институты, обеспечивающие контроль и способность добиться от власти выполнения установленных для нее требований;
- в) систему развития духовно-нравственных мотивов, стимулов, побудителей к добросовестному выполнению долга у субъектов власти;

г) способность общества предупреждать и устранять безответственность, произвол и беззаконие из действий и поведения власти;

д) сама ответственная деятельность субъектов власти, обеспечивающая наибольшие результаты на благо общества и граждан [4, с. 248].

Государственное управление, которое мы получили в наследство от предыдущих этапов социалистического строительства, не удовлетворяет общественным запросам и ожиданиям, во многом оторвано в собственно социальном отношении от трудящихся масс, глубоко поражено вирусом бюрократизма, корпоративно замкнуто и не оказывает должного влияния на общественную жизнедеятельность. Более того, оно нередко противостоит естественно-историческому движению, пытается его тормозить, а если это не удастся, придает ему извращенный, неполноценный вид. Под воздействием подобных негативных моментов, длившихся десятилетиями, родилось настороженное, в известной мере, отчужденное отношение к аппарату государственного управления, его решениям и действиям.

Поэтому перестройка государственного управления требует восстановления отношений доверия, взаимопонимания, искренности и честности между государством и гражданами, между государственными органами и всеми общественными структурами. Необходимо достигнуть разумного соответствия между государственно-правовым регулированием и естественностью жизни, ее опытом и традициями, устойчивостью и адаптивностью, многослойностью и самоуправляемостью.

Таким образом, речь идет о широкой социализации государственного управления, в процессе и результате которой оно сблизится, сольется с обществом, станет общественно актуальным компонентом его свободной, демократической и эффективной организации и функционирования. Представляется, что государственное управление не может быть просто изжито, отброшено в условиях углубления самоуправления народа, а должно быть трансформировано в него, стать его составной частью и занять то место, которое объективно обусловлено современным уровнем общественного развития и его собственными организующее-регулирующими возможностями.

Как в государственном, так и в политическом управлении должны быть реализованы инновационные процессы. Государственная инновационная политика РФ формируется и осуществляется исходя из следующих основных принципов:

- 1) приоритет качества жизни населения;
- 2) концентрация государственных ресурсов на создании и распространении базисных инноваций;
- 3) создание условий для развития рыночных отношений;
- 4) активизация международного сотрудничества РФ в инновационной сфере;
- 5) укрепление обороноспособности и обеспечение национальной безопасности государства.

В Федеральной целевой программе "Исследования и разработки по приоритетным направлениям

развития научно-технологического комплекса России 2007 – 2012» можно увидеть четкую линию Правительства РФ структурировать инновационные усилия в рамках государства, выбрать приоритетные и организовать их финансирование. Это очень важный шаг для России, он отражает понимание требований времени и необходимости адекватного ответа на них. «На нанотехнологии (а это один из приоритетных проектов), в рамках данной программы, планируется израсходовать 4,4 млрд руб. за 6 лет, то есть около 27 млн долларов в год» [5, с. 78].

Наряду с совершенствованием законодательной базы в современном российском государственном устройстве формируется новый тип управления субъектами. Во-первых, создан список лиц, включенных в резерв управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента РФ, так называемые «президентская сотня» и «президентская тысяча». Во-вторых, наблюдается тенденция назначения на должности высших должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах не представителей силовых ведомств, как было ранее, а современных управленцев, «топ-менеджеров», проявивших себя в сфере народного хозяйства.

Новые управленческие решения государственной власти в виде создания федеральных округов, назначения Президентом высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, наряду с созданием списка лиц, включенных в резерв управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента РФ [6], безусловно, укрепляют федеральную власть, способствуют сохранению целостности России и ее дальнейшему прогрессивному развитию.

При решении вопросов разграничения компетенции могли бы существенно помочь наработки в данной области теории управления, особенно в части вопросов делегирования. Так, чтобы делегирование стало эффективным инструментом управления, оно должно охватывать все организационные уровни, все виды деятельности. При этом сам процесс делегирования начинается, как правило, снизу. Девиз делегирования полномочий: «Контролируй, но не мешай». В рамках процесса делегирования делегирующий должен освободиться от части своих обязанностей в пользу более «низких» уровней управления. Обратный процесс передачи полномочий снизу вверх не является, по сути, делегированием, – это централизация, создание монолитной структуры, существование которой оправдано лишь на очень небольшом временном участке исключительно для выполнения узко очерченного круга задач. Для делегирования полномочий характерно горизонтальное распределение задач [7].

Реализуются следующие направления опережающего регионального развития: формирование новых территориально-производственных кластеров энерго-сырьевой специализации (Нижнее Приангарье, Забайкальский край, Республика Тыва); развитие новых зон добычи полезных ископаемых Восточной Сибири на основе активных геолого-

разведывательных работ; освоение зоны БАМа и прилегающих территорий (прежде всего Южной Якутии и Забайкальского края); реализация крупных проектов на Сахалине. Восточные регионы получают импульс опережающего развития. При росте ВВП России в 2 раза к 2020 году, темп роста ВРП регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока повышается до 2,4 – 2,5 раза [8, с. 3 – 4]. Сценарий инновационного развития характеризуется многополярностью распределения региональных точек роста.

Разумеется, экстраполяция институтов менеджмента на государственное управление – это непростой и неоднозначный процесс. Однако применение инструментов управления способно внести некоторую ясность в процессы размежевания предметов ведения и полномочий на государственном уровне, помогает сделать выбор той или иной модели разграничения компетенции более осознанным, способствует правильной оценке состояния и перспектив разграничения компетенции в конкретном государстве.

В условиях проведения административной реформы особую актуальность приобретают проблемы, касающиеся организации исполнительной власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. При этом становление и успешное функционирование единой системы исполнительной власти в РФ невозможны без создания слаженного механизма взаимодействия всех ее звеньев. Формирование и дальнейшее развитие целостной, эффективно работающей единой системы исполнительной власти страны, которая в условиях административной реформы еще только складывается, невозможно без определения правового статуса органов исполнительной власти субъектов РФ и решения тех проблем, которые возникают в ходе этого процесса.

23 сентября 2010 г. на пленарном заседании Законодательного собрания Забайкальского края в первом чтении был принят закон «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года» и программа социально-экономического развития на 2010 – 2014 годы. Проект закона разработан по инициативе губернатора края Равиля Гениагулина в связи с образованием Забайкальского края. Он определяет основные направления деятельности правительства и органов исполнительной власти региона на долгосрочную перспективу. Стратегические направления развития края определены в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года и Стратегией национальной безопасности РФ 2020 года [9].

Основные цели программы – повышение качества жизни населения до среднероссийского уровня, развитие горнорудного и агропромышленного комплексов, строительной индустрии, транспортно-логическое, инфраструктурное и инновационное развитие.

Одной из важных особенностей, происходящих в процессе преобразования, является смещение центра тяжести управленческой деятельности в регионы. Функции и роль государственных органов

управления в регионе в таких условиях принципиально меняются. Необходимость исследования политико-управленческих вопросов в регионе определяется, прежде всего, внутренними противоречиями перехода к гражданскому обществу с рыночной экономикой. Традиционно на государственное управление возлагается двойная задача: обеспечивать современный уровень экономического развития, а также воспроизводство, ротацию политической элиты. Сегодня реальным фактом становится множественность независимых агентов экономической и политической деятельности. Это влечет за собой возможность глубоких изменений в характере управленческой деятельности. В то же время, с помощью экономических, психологических, идеологических и иных средств субъекты социального действия нередко превращаются в объекты манипуляции. В условиях неустойчивости социальной среды имеет место резкое ослабление управляемости системы [2, с. 108]. Реформационные процессы разрушили прежнюю модель государственно-административного управления.

В регионах наиболее остро стоит вопрос формирования основ нового демократического режима. То, что в центре приобретает системный характер, в регионах во многом зависит от случайных характеристик действующих политических субъектов, личных качеств лидеров и т. д. Новые модели регионального управления только начинают формироваться. Сегодня особенно важны попытки обобщения управленческой практики, направленной на поиск оптимальных путей регионального развития. Регионализация в Российской Федерации во многом обусловлена переходом от преобладания вертикального типа отношений внутри экономического и политического пространства к укреплению горизонтального типа отношений (регионы в качестве партнеров федерального центра), автономизацией региональных сфер общественной жизни.

В российской государственности называют серьезные перекосы, отставание форм и методов политического управления, которые, если их оставить без внимания, могут застыть, превратиться в норму, угрожая государству перерождением в такие формы, которые весьма далеки от демократических и конституционных. Вдобавок к этому, в самой территориальной структуре Российской Федерации набирают темп процессы все большего расхождения регионов друг от друга, притом не только по социально-экономическим параметрам, но даже по самому складу общественной жизни [10, с. 178].

Развивается децентрализация – явление непривлекательное, связанное не с демократией, а с неуправляемостью государством, более того, опасное, подрывающее целостность единого политического, экономического и правового пространства. Вместе с тем отказаться от децентрализованного управления для современного федеративного демократического государства не реально, поскольку законы социального развития объективны и функционируют независимо от того, какие последствия (позитивные или не очень) порождают. Кроме того, системы децен-

трализованного управления в нашей Федерации уже сложились и работают, и «отменить» их просто не представляется возможным. Отсюда вывод – с явлением децентрализации нужно не бороться, а изучать его, анализировать и осмысливать, формировать концепции дальнейшего развития «разумного децентрализованного управления», что позволит не только преодолеть существующую слабую управляемость государством, но и сделать систему государственного администрирования более экономической, эффективной, отвечающей современным представлениям о качественном управлении в правовом демократическом государстве. Поиск оптимальной для Российской Федерации модели организации властного пространства предполагает выявление как общих, так и специфических закономерностей, определяющих форму правления, форму государственного устройства и политический режим. Прежде всего, речь должна идти о закономерностях, определяющих политико-правовые процессы централизации и децентрализации государственной власти в ее горизонтальном и вертикальном измерении. Децентрализованная управленческая подсистема – это такая система, в которой в основу отношений между ее элементами положен принцип координации. При этом каждый отдельный или комплексный элемент децентрализованной подсистемы может быть рассмотрен в качестве самостоятельной централизованной или централизованно-децентрализованной системы.

Главной целью государства как политического центра принятия решений является сохранение власти правящего режима, независимости и территориальной целостности страны. Его институты относятся к гражданам государства как к подвластным, в результате чего в основу отношений с ними закладываются идеологические подходы и приоритеты, отражающие, в конечном счете, направленность использования высшей политической власти. Утверждая данную управленческую ориентацию, государственные структуры осуществляют анализ общественных проблем и соответствующую постановку задач, прежде всего, на основе внеэкономических критериев, оценивая хозяйственные и даже международные проблемы по преимуществу в координатах политического выбора, и тем самым сохранения у власти определенной элитарной группы. Преследуя эти цели, власти могут отклоняться от законодательных норм и пренебрегать интересами всего населения.

Политические механизмы государственного управления в значительной мере подчинены и известным циклически проявляющимся зависимостям, которые также не прибавляют рациональности принятию решений. Например, ориентировочно за полгода до выборов решение практически всех вопросов государственного управления начинает подчиняться избирательным задачам. Вот почему к концу срока пребывания у власти правящие группы обычно делают акцент на меры, которые могут повысить их популярность и позволить им сохранить свои властные позиции. При этом аппарат управления

как бы «застывает», стремясь не выказывать свою лояльность существующим правителям, понимая возможность прихода новой власти. Но после выборов, особенно после прихода сторонников нового политического направления, аппарат переформируется с учетом новых приоритетов и потому также мало внимания обращает на текущие вопросы.

Развивается «административная фаза» государственного управления, которая характеризует особенности внутри – и межорганизационных взаимоотношений исполнительных и законодательных структур, вовлеченных в процесс подготовки конкретного решения, во внутриведомственные процессы подготовки, обсуждения и согласования проектов, определяющих порядок прохождения документов по различным управленческим инстанциям и другие аспекты управленческих отношений подобного типа.

Государственная политика представляет собой целенаправленное решение задач в социальной, экономической, оборонной и других сферах общественной жизни, выражающее доминирующие приоритеты и ценности применения власти. Технологии формирования и проведения государственной политики определяются в зависимости от выбора предмета и характера государственного регулирования, финансовых возможностей государства и ряда иных факторов. В то же время универсальными технологическими звеньями принятия решений, лежащими в основе разработки государственной политики и направленными на согласование интересов, соотношение целей и средств и т. д., являются политическое прогнозирование, планирование и программирование. Цели и характер государственной политики определяют масштабы прогнозов. По этому признаку различают: макро- (экономический), региональный, прогноз, осуществляемый на уровне отдельной организации (учреждения), по производству отдельного вида услуг и т. д. Кроме того, прогнозы дифференцируются на долго-, средне-, краткосрочные и оперативные, каждый из которых способствует формированию соответствующей государственной политики.

Содержание ведущих технологий формирования государственной политики неразрывно связано с предотвращением риска, представляющего собой универсальное свойство любой деятельности по управлению и руководству социальными процессами. По своей сути риск – это либо отклонение действий субъектов (или развитие ситуации) от поставленных целей, либо увеличение возможности неблагоприятных последствий для управляющей системы.

Литература

1. Комаров, Е. С. Социальная политика / Е. С. Комаров. – М.: Зерцало, 1997. – 305 с.
2. Батанина, И. А. Политическая типология регионов современной России / И. А. Батанина. – М.: Мысль, 2004. – 179 с.

3. Сенатова, О. Г. Региональный авторитаризм на стадии его становления / О. Г. Сенатова. – М.: Рид Групп, 2003. – 114 с.

4. Гринин, Л. Е. Политика и государство / Л. Е. Гринин. – М.: КомКнига, 2004. – 275 с.

5. Волков, Ю. Б. Социальность / Ю. Б. Волков // Социологическая энциклопедия. – М.: Мысль, 2003. – 542 с.

6. Дубик, С. Список лиц, включённых в резерв управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента России (кроме «первой сотни») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6409>.

7. Глигич-Золотарева, М. В. Некоторые аспекты зарубежного опыта разграничения компетенции в федеративных государствах [Электронный ресурс].

– Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2003/vestniksf211-18/vestniksf211-18050.htm#p2>.

8. Артемьев, И. А. Россия в цифрах / И. А. Артемьев // Экономический журнал ЭКО. – 2009. – № 64. – С. 3 – 4.

9. Закон Забайкальского края «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и Программы социально-экономического развития на 2010 – 2014 годы» № 295 – 33К от 10 декабря 2009 г.

10. Черняк, В. 3. История государственного и муниципального управления в России / В. 3. Черняк. – М.: РДЛ, 2001. – 223 с.

УДК 316.614-053.6+329.78

ДЕЗАДАПТАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Н. В. Нятина

DYSADAPTATION AND POLYTICAL PARTICIPATION OF TEENAGERS

N. V. Nyatina

В статье анализируются процессы социальной адаптации и дезадаптации несовершеннолетних с помощью междисциплинарного подхода. Рассматриваются причины неадаптивного поведения. Описываются направления социально ориентированной коррекции дезадаптации несовершеннолетних с участием общественных организаций.

Processes of social adaptation and dysadaptation of teenagers are being analyzed in the article with the help of interdisciplinary approach. The reasons of nonadaptive behavior are being discussed. Tendencies of socially oriented amendment of teenagers with non-government organizations-aided are being described.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптация, общественные организации, политическое участие, социально ориентированная коррекция.

Keywords: adaptation, dezadaptation, non- political participation, government organizations, socially oriented amendment.

Для социальной адаптации важно согласование притязаний социального субъекта с его возможностями и реальным состоянием среды. Рассматривая понятия «социальная адаптация» и «дезадаптация», мы обращаем внимание на то, что они относятся к разряду междисциплинарных.

При анализе понятий с точки зрения междисциплинарности, необходимо соблюдать ряд принципов: *выработка единых и приемлемых для всех участников исходных представлений об объекте изучения; принцип базовой дисциплины* (то есть в основе исходного построения концепции должен быть логический аппарат социологии); *принцип всестороннего изучения объекта* (объект со всеми присущими ему внутренними и внешними связями, его объективное строение); *принцип одновременности* – специфический принцип данного подхода. Междисциплинарный подход ставит участников исследования перед проблемой координации методов, выяснения места и значения каждого из них во взаимосвязанном решении познавательных задач.

Адаптация несовершеннолетних – сложный и многоплановый процесс. На становление личности

подростка оказывают влияние многие факторы социальной среды на различных уровнях. На макроуровне органы государственной власти принимают законодательные акты, которые определяют границы законности в поведении подростков и их потенциальные права (право жить и воспитываться в семье, право на образование, право на защиту и т. п.). На мезоуровне социальные институты способствуют формированию у несовершеннолетних адаптивного потенциала в процессе социализации. На микроуровне ближайшее окружение (семья, родственники, друзья) влияет на закрепление у подростка образцов, традиций и правил поведения. Результатом адаптации является выработка устойчивых образцов поведения в определенных социальных ситуациях.

Причины неадаптивного поведения человека многообразны: ошибочность в выборе средств и способов поведения в новой социальной среде, бесполезность тех или иных действий в данных условиях, непредвиденность всех актуальных последствий реализованного действия, изменения во внешней среде (включая «правила игры»), институционально-правовая незащищенность, изменения самого

индивида в ходе предпринятых социальных действий. Вынужденная адаптация (М. А. Шабанова) характерна для тех ситуаций, когда направления преобразований, новые ценности и способы социального действия противоречат ценностным ориентациям и/или возможностям социального субъекта, однако он вынужден использовать их с тем, чтобы реализовать (удовлетворить) свои жизненно важные цели (потребности).

Л. В. Корель выделила и описала четыре типа адаптивных механизмов, характеризующихся существенными различиями:

- 1) адаптация как развитие;
- 2) адаптация как защита;
- 3) адаптация как уход (уклонение);
- 4) адаптация как реверсия [5, с. 174].

Нарушение механизмов социальной адаптации ведет к дезадаптации. Ее проявления многообразны: от деструктивных последствий, которые выражаются в патологиях общественной жизни до реализации индивидуального творческого потенциала в виде общественно значимых инноваций.

Дезадаптация может проявляться как аффективное (ситуативное) действие (ответ на внезапно возникший вызов внешней среды); как систематическое, появляющееся время от времени, действие; укорененное в поведении подростка. Социальная среда предъявляет к подростку совокупность требо-

ваний, которые он должен выполнять. В. В. Гарилюк отмечает, что в общественном сознании происходит отчуждение от представлений о долге перед государством, страной, чем бы это отчуждение ни мотивировалось [1].

Понятие «социальная дезадаптация» отличается от таких понятий, как «социальная деградация» и «социальная дезорганизация». Общим для дезадаптации и деградации является потеря значимых социальных качеств индивидом или группой. Однако в первом случае у человека есть возможность вернуться в первоначальное положение при реализации своей положительной социальной роли. Социальная дезадаптация не всегда подразумевает деградацию, но является основой для потери индивидом значимых качеств.

Дезорганизация (нарушение общественного равновесия, привычного социального устройства, порядка) наблюдается в среде несовершеннолетних чаще, чем в других возрастных группах.

Сопоставление понятий «адаптация» и «дезадаптация» можно проводить по нескольким критериям: нормы (правила поведения), характер социальных изменений, особенности социального взаимодействия, возможности субъекта, последствия для общества (таблица 1).

Таблица 1

Отношение к существенным критериям социальных состояний с позиций адаптации и дезадаптации субъектов

<i>Критерии</i>	<i>Адаптация</i>	<i>Дезадаптация</i>
Нормы (правила поведения)	Одобрятся, принимаются и передаются из поколения в поколение	Не позволяют приспособиться к ситуации
Характер социальных изменений	Постепенные	Резкие и/или неожиданные для субъекта
Особенности социального взаимодействия	В пределах нормы	Выходят за пределы нормативности
Возможности субъекта	Ограничены	Разнообразны
Последствия для общества	Положительные	Отрицательные и положительные

Дезадаптация появляется как ответ субъекта на запросы общества. При этом может возникнуть ситуация, когда человек самостоятельно не может приспособиться к условиям существования. И тогда необходимо подключение деятельности социальных институтов и организаций.

Особенности социального пространства, масштабы и характер социальных изменений приносят в повседневную (рутинную) жизнь человека значимые преобразования.

Современный этап развития российского гражданского общества характеризуется отсутствием устойчивых и эффективных форм вовлечения подростков в политическую жизнь. Отсутствие системной работы по вовлечению личности в общественно-политическую жизнь способствует фрагментарному

восприятию тенденций политического развития общества, мифическому взгляду на политические события, ограничивает инициативность и личное участие в подготовке к взрослой жизни.

Современный ученый В. Т. Лисовский пишет, что коррекция общественного потенциала связана с анализом, оценкой и прогнозированием качества жизни молодого поколения, вопросами формирования и реализации научно обоснованной, эффективной молодежной политики, учитывающей особенности нынешних социально-экономических (кризисных) условий [7].

Социально ориентированная коррекция представляет собой специализированную деятельность агентов политической социализации для эффективного усвоения подростками норм гражданской куль-

туры, формирования гражданской ответственности и построения личностно-целевого отношения к политической жизни общества.

Весной 2011 года принят закон «О взаимодействии органов государственной власти Кемеровской области с некоммерческими организациями» [2]. В соответствии с положениями данного нормативно-правового акта органы государственной власти Кемеровской области могут оказывать государственную поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими деятельности, направленной, в том числе, на защиту семьи, детства, материнства и отцовства, развитие детского и молодежного общественного движения, поддержку детских, молодежных общественных объединений и общественных объединений, работающих с детьми и молодежью; развитие институтов гражданского общества. Данный закон впервые определяет формы взаи-

модействия органов государственной власти и некоммерческих организаций.

В ходе экспертного опроса, проведенного автором весной-летом 2011 года, было выявлено мнение 20 респондентов, представителей 5 некоммерческих организаций политического характера, 4 политических партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», «Либерально-Демократическая партия России», «Коммунистическая партия России») и специалистов, сопровождающих социализацию дезадаптированных подростков. Кроме того, нами изучены 119 «досье» на несовершеннолетних, рассмотренных Комиссиями по делам несовершеннолетних г. Кемерово (таблица 2). Эмпирической опорой для наших выводов служит также опрос 245 кемеровских старшеклассников и 105 школьников того же возраста, состоящих на учете ПДН ОВД г. Кемерово, о политическом участии, отношении к политике (см. таблицу 3).

Таблица 2

**Виды правонарушений, совершаемые несовершеннолетними г. Кемерово
(анализ личных дел несовершеннолетних, состоящих на учете в ПДН ОВД г. Кемерово,
весна-лето 2011 г., 119 личных дел – 100 %)**

<i>Вид правонарушения</i>	<i>Пол правонарушителя</i>		<i>Итого фактов в документах</i>
	<i>женский</i>	<i>мужской</i>	
В состоянии алкогольного опьянения	39	18	57
Пропуск школьных занятий без уважительных причин	13	14	27
Мелкое хулиганство (оскорбление, употребление нецензурной брани в общественном месте, оскорбительное приставание к гражданам)	3	16	19
Мелкое хищение	0	6	6
Употребление наркотических средств	3	1	4
Угроза движению транспорта	0	3	3
Угроза личной безопасности	0	2	2
Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской свастики	0	1	1
Всего правонарушений	58	61	119

¾ школьников признают, что не принимают никакого личного участия в политической жизни города, региона, страны, но все же только пятая часть респондентов не проявляет никакого интереса к политическим событиям. Каждый четвертый из опрошенных старшеклассников совсем не доверяет никакому политическому институту и лидеру в стране. Замечено, что социальная и педагогическая дезадаптация оказываются во взаимосвязи с низким уровнем заинтересованности в политике.

По мнению экспертов, нет единого набора гражданских качеств, которые характеризовали бы современных подростков. Молодые люди проявляют себя как ответственная часть общества, которую отличают патриотизм, гражданская солидарность, четкая гражданская позиция, гордость за свой город и регион.

Но в то же время большинство подростков реализуют дезадаптивные формы непосредственного участия в политике. К дезадаптивным формам во-

влеченности в политическую жизнь относятся социально-паразитические настроения, бесцельное существование, основанное на подражании негативным примерам Запада, потребительское отношение к социальным ресурсам, отсутствие социальной ответственности за свои действия, этническую нетерпимость, политическое невежество.

Общество способствует созданию такой обстановки, когда нет единой системы сопровождения социализации личности подростка в политической сфере. Политика через семью, референтную среду входит в круг интересов подрастающего поколения, но не всегда получает реальную поддержку со стороны взрослых. В подростковом возрасте появляются первые попытки рассуждать на общественно значимые проблемы и предлагать пути их разрешения.

Таблица 3
**Интерес к политическим событиям у подростков
(анкетный опрос несовершеннолетних,
состоящих на учете в ПДН ОВД г. Кемерово,
весна 2011 г., 105 чел. – 100 %)**

Варианты ответов	Число отве- тивших (чел.)	(%)
Да, интересуюсь	4	3,8
Иногда обращаю внимание на полити- ческие события	30	28,57
Не интересуюсь	71	67,63
Всего опрошено: (чел. – 100 %)	105	100,0

Эксперты отнесли к факторам, которые способствуют дезадаптации в процессе политической социализации несовершеннолетних, следующие:

- процессы «отчуждения» между детьми и родителями. Занятость родителей сужает их влияние на использование свободного времени подростком. Главное влияние – средств массовой информации и Интернет-ресурсов. Подросток оказывается в таком положении, когда абсолютно самостоятельно составляет приоритеты, в которых ценность семьи и образования не на первом месте;

- неэффективная деятельность общественных структур, которые способствуют адаптации подростка в общественно-политической среде;

- информационный вакуум, который означает, что для подростков часто информация не доступна в результате ее фильтрации со стороны агентов политической социализации.

- несовершенство законодательной базы;

- социальные изменения в обществе, темпы которых не позволяют подросткам своевременно реагировать на преобразования и вырабатывать соответствующие модели поведения.

Политическое участие несовершеннолетних понимается как осознанная и целенаправленная деятельность, прямая или опосредованная вовлеченность детей и подростков и их объединений в разработку и реализацию проектов социально-политического характера.

Главными задачами политического участия являются политическое и патриотическое воспитание, усвоение основ действующего политического режима, воздействие на подготовку и характер принимаемых политических решений, выполнение функций социального контроля «снизу» за деятельностью политической власти.

Среди возможных форм политического участия несовершеннолетних выделяются: готовность вступить в общественно-политическую организацию (19,17 % респондентов), посещать совместно с родителями избирательные участки в период проведения выборов (1,63 %); готовность участия в митингах, акциях проявляют 0,81 % из числа опрошенных.

Протестная форма участия включает в себя широкий круг явлений: отрицание всей социальной действительности, оспаривание принципов общественного устройства, неприятие лишь каких-то отдельных сторон общественно-политической жизни, выступление против некоторых тенденций в политике. Протест является показателем социального самочувствия и развития динамики социальных ожиданий населения.

Участие подростков в политической жизни общества является выгодным для его личностного развития, так как формируется уверенность в собственных силах и происходит становление /трансформация жизненной позиции и целей. Как отмечают эксперты, имеется невостребованный потенциал общественной активности. Молодое поколение имеет желание влиять на события, принимать участие в значимых мероприятиях, выступать с инициативами перед образовательными, политическими организациями.

Вовлечение подростков в общественно значимую деятельность является важным фактором преодоления дезадаптивных форм поведения. Отсутствие возможности родителей уделять должное внимание своему ребенку, бесконтрольное увлечение Интернет-ресурсами формирует зачастую такое социальное отношение к обществу, которое строится на принципах потребительства, эгоцентризма, противодействия внешним воздействиям. Неуправляемое самоопределение приводит к формированию радикальных взглядов, несогласию с общественным устройством.

Общественными организациями как агентами политической социализации может осуществляться социально-ориентированная коррекция по следующим направлениям:

1. Семейно-развивающая коррекция, ориентированная на сопровождение политической социализации всех членов семьи. Как отмечают эксперты, низкая степень политической активности подростков (3 балла из 5 возможных) является прямым следствием аполитичности взглядов и поведения родителей.

2. Информационно-компенсаторная коррекция, рекомендуется для применения в определенных местах организации досуга подростков с проведением выездных мероприятий в учебных заведениях. В г. Кемерово активную деятельность в данном направлении осуществляют молодежные подразделения политических партий «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Либерально-демократическая партия России».

3. Стимулирующая. Эта коррекция активизирует политическое участие. К основным формам активности подростка, реализуемых в г. Кемерово, относятся такие формы: образовательные проекты «Школы молодого политика», участие в добровольческих акциях; выступление с законодательной инициативой; обсуждение значимых государственных и международных событий на Интернет-площадках, волонтерство; участие в спортивных мероприятиях. Для того чтобы привлечь несовер-

шеннолетних к деятельности общественных организации, необходимо, чтобы они рассматривали ее как престижную, значимую и востребованную сверстниками. Включенность в общественные организации подростками рассматривается как деятельность, которой занимаются сверстники, у которых много свободного времени, а сами не готовы к ним присоединиться.

4. Психолого-профилактирующая коррекция применяется к тем подросткам, у которых фиксируется эффект социального одиночества. Отсутствие интереса к политике показывают данные анкетного и экспертного опросов несовершеннолетних. Эмоциональная замкнутость, отсутствие друзей, недоверие к институтам власти и признание общественной деятельности как незначительной являются тревожным показателем политической пассивности и бездействия многих подростков.

5. Сопроводительно-социализационная коррекция, которая в настоящее время применяется к значительной части молодого поколения Кузбасса. Воздействие на формирование общественно-политических взглядов и установок осуществляется через включенность подростков в кружки, секции по интересам, с помощью встреч с общественно-политическими лидерами по месту учебы подростка.

Оценивая деятельность агентов политической социализации, эксперты пришли к выводу, что самой эффективной является работа, проводимая общественными организациями. В микрогруппах у подростка имеется возможность лично апробировать и самостоятельно оценить исполнение роли в организации и получить первоначальный опыт участия в самоуправлении. Несовершеннолетний не может влиять на ход общественно-политических событий, но начинает критически относиться к политическому поведению сверстников и взрослых.

Литература

1. Гаврилюк, В. В. Маскулинность в социализации городских подростков / В. В. Гаврилюк // Социс. – 2004. – № 3. – С. 98 – 103.
2. Закон Кемеровской области от 05.04.2011 № 30 «О взаимодействии органов государственной власти Кемеровской области с некоммерческими организациями» принят Советом народных депута-

тов Кемеровской области 30 марта 2011 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/ZAKON/viewzakon.asp?C56736=On>. (дата обращения: 21.02.2011).

3. Кареев, Н. И. Письма к учащейся молодежи / Н. И. Кареев. – СПб. Типография М. М. Стасюлевича, 1895. – 203 с.

4. Копцева, О. А. Детские общественные организации и социальное творчество учащихся / О. А. Копцева // Социс. – 2005. – № 2. – С. 113 – 120.

5. Корель, Л. В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс / Л. В. Корель // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 169 – 185.

6. Левичева, В. Ф. Неформальная волна: монография / В. Ф. Левичева. – М.: Ин-т молодежи, 1990. – 271 с.

7. Лисовский, В. Т. Социальные изменения в молодежной среде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/lisovskiy_soc/?search=%eb%e8%f1%ee%e2%f1%ea%e8%e9#st (дата обращения: 14.07.2011).

8. Малькевич, А. А. Политическая социализация: основные теоретические подходы [Электронный ресурс] / А. А. Малькевич. – Режим доступа: http://www.terrahuma.ru/arhiv/10_02/10_02_15. (дата обращения: 17.03.2011)

9. Политическая активность молодежи: результаты социологического исследования / под ред. В. И. Добренькова, Н. Л. Смакотиной. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 220 с.

10. Тощенко, Ж. Т. Кентавр-проблема. (Опыт философского и социологического анализа): монография / Ж. Т. Тощенко. – М.: Новый хронограф, 2011. – 562 с.

11. Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»: принят Государственной думой Рос. Федерации 26 мая 1995 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 27. – С. 56 – 65.

12. Шпак, Л. Л. Деадаптация в контексте повседневной жизни: монография / Л. Л. Шпак, Н. А. Заруба. – Кемерово: Издат-во КемГУКИ, 2009. – 446 с.

УДК 354316

ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА *О. А. Рожнов*

ILLEGAL BEHAVIOR OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF ADAPTABLE CALLS OF A TRANSFORMED SOCIETY

O. A. Rozhnov

В статье обсуждаются вопросы, связанные с совершенствованием государственной системы управления профилактикой девиантного поведения молодежи.

Автор указывает на необходимость внесения постоянных изменений как в законодательную базу, так и в государственную систему управления.

In article the questions connected with perfection by the state control system by preventive maintenance of deviating behavior of youth are discussed.

The author specifies in necessity of entering of constant changes both in legislative base, and in the state control system.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, противоправное поведение молодежи, наркомания.

Keywords: youth, the youth policy, illegal behavior of youth, a narcotism.

В процессе трансформации нашего общества радикально изменяются экономические, политические, социальные отношения, уклад жизни большинства индивидов, модифицируются формы власти и управления, вместо разрушенных старых социальных структур и институтов создаются новые [1, с. 15 – 25].

Успешность такого преобразования общества, на наш взгляд, не в последнюю очередь, а, скорее, напрямую зависит от непосредственного и активного участия молодого поколения в проводимых преобразованиях. Особую актуальность это приобретает для современной России, когда молодежь на первых стадиях радикальных реформ ощутила по отношению к себе безразличие, невостребованность государством и обществом и была вынуждена самореализоваться, различно проявляя свою активность, в том числе в девиантных формах.

В настоящее время на государственном уровне уделяется большое внимание вопросам молодежной политики и поддержки социально незащищенных групп населения, особую категорию которых составляют несовершеннолетние. Молодежь признают социально-возрастной группой населения в возрасте 14 – 30 лет (возрастная классификация ООН – 14 – 25 лет). Понятие «молодежь» в специальных нормативных актах и специальной юридической литературе не рассматривается. Эта возрастная группа одной своей частью относится к детям (несовершеннолетним), другая (старше 18 лет) по праву признается взрослой. Правовой статус молодежи, как и несовершеннолетних, прежде всего обуславливается двумя важными факторами: возрастными особенностями и социальным положением. Установление возрастных критериев в праве позволяет определить степень реализации прав и законных интересов, а также меру ответственности несовершеннолетних. По данным Росстата, численность детей в возрасте от 0 – 17 лет в 2009 году составила 26055 млн человек, или 19 % от общего населения. Численность молодежи в возрасте 14 – 30 лет – 36,6 миллионов человек или 25,8 % от общей численности населения страны. Численность учащейся в общеобразовательных учреждениях молодежи порядка 3 млн человек (возраст 14 – 17 лет).

Эффективная государственная молодежная политика – один из важнейших инструментов развития страны, роста благосостояния ее граждан и совершенствования общественных отношений.

Как отмечено в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р, «практика последних десятиле-

тий убедительно доказывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно развивать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь». Одним из ключевых приоритетов государственной молодежной политики на среднесрочную перспективу в соответствии с указанной Концепцией и Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р, является обеспечение эффективной социализации молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации.

В настоящее время Минспорттуризмом России разработан проект концепции Федеральной целевой программы «Молодежь России», в которой предусмотрена реализация мероприятий в рамках данного направления, ориентированных на решение одной из задач ФЦП «Развитие различных форм социальной поддержки, реабилитации и адаптации молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, профилактика асоциальных явлений в молодежной среде, молодежной преступности и правонарушений, в том числе повторных».

Под активностью молодежи в период трансформаций нами подразумеваются все виды её социальных действий, являющиеся следствием и причиной как продуктивных, так и контрпродуктивных для общества трансформационных процессов. Контрпродуктивными процессами определяются такие, которые формируются в условиях отсутствия или недостаточного государственного регулирования социальной политики, в т. ч. молодежной, когда индивиды и их группы в условиях аномической ситуации в обществе перехватывают инициативу по созданию новых социальных структур, в т. ч. незаконных, преступных, по сути, бросают адаптационный вызов всему обществу.

Адаптационные вызовы рассматриваются нами как сложнопредсказуемые изменения в социальных отношениях индивидов, групп, обществ, актуализирующиеся в процессе трансформации общества и вынуждающие акторов искать пути выхода из сложившейся действительности. Адаптационные вызовы нарушают или разрушают определенный социальный порядок, препятствуют достижению целей акторов и вводят их в состояние неопределенности. Данная социальная неопределенность может стать фактором проявления и развития патологических процессов. Помимо этого, в силу своего социального происхождения, адаптационные вызовы обладают свойством принуждения и являются *предпосыл-*

кой к преобразованиям существующей реальности. Вызывающей стороной может быть как индивид и группа, так и общество, посылающие адаптантам испытания для их адаптационных ресурсов, т. е. *адаптационный вызов – это доминанта процесса трансформации к адаптационным стратегиям индивида*. В процессе трансформации общества формируются определенные препятствия или проявляются различные расстройства уже исполняемым адаптационным программам, где адаптационные вызовы образуются как дискурс между процессом трансформации и выбором адаптационной стратегии индивида, которая может быть как активная (социально позитивная или негативная), так и пассивная. Зачастую пассивная стратегия адаптации развивает соответствующий синдром у адаптантов.

Результат реакции молодежи на адаптационные вызовы трансформирующегося общества отражается, прежде всего, в выборе определенного адаптационного поведения в условиях, когда становятся неэффективными большинство традиционно ранее принятые способы поведения. Причиной этому являются нестабильные или не действующие общепринятые нормы и ценности, и поэтому активность индивидов направляется на поиск и освоение новых временных способов действий, помогающих быстро приспособиться к быстроизменяющимся социальным условиям.

Подобная активность, как считает Т. И. Заславская, является особенной, т. к. проявляется и приобретает актуальность в период трансформаций, которую определяет как «трансформационную активность» – совокупность социально-инновативных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом социальных акторов на вызываемое реформами изменение условий их жизнедеятельности и ведущих к изменению базисных социальных практик. Типы трансформационной активности, по Т. И. Заславской, различаются направленностью на рационализацию и повышение эффективности институтов, на их ослабление и разрушение или реставрацию прежних институтов в зависимости от целеположения и мотивации акторов. В содержательном плане это понятие не знает ограничений: оно охватывает практические и духовные, созидательные и разрушительные, легальные и криминальные, моральные и аморальные виды активности [2, с. 420 – 425]. Кроме того, в качестве специфической «минусовой» характеристики трансформационной активности рассматривается и отказ части социальных субъектов от активной борьбы за свои интересы в условиях, когда их права бесосновательно ущемляются, за счет которых, на наш взгляд, и происходит повышение ранее существовавших девиантных социальных фактов – сироты, инвалиды, многодетные семьи, одинокие матери и т. д. Прежде всего, у социально незащищенных слоев населения, не сумевших справиться с адаптационными вызовами, наблюдается в значительной степени неадаптивность, перерастающая в синдром.

В период трансформаций возбуждается и процесс возникновения новых негативных социальных фактов (адаптационных вызовов), не существовавших в дореформенном периоде – это финансовые и политические кризисы, массовые увольнения, безработица, невыплата и задержки заработной платы, пенсий, отмена социальных гарантий, платные медицинские и образовательные услуги, нестабильность национальной денежной единицы, криминальный вызов – по сути, являющиеся общим адаптационным вызовом трансформирующегося общества, который породил другие негативные социальные факты, так называемых «новых бедных», к которым относится большая часть населения страны. Другими словами, процесс трансформации общества есть социальный факт, который порождает различные формы девиации и соответствующее им поведение.

Так, по мнению Н. Римашевской [3, с. 28 – 35] в результате происходящих процессов трансформации возникли три формы бедности – устойчивая, плавающая и «новая». В круговорот кардинальных изменений оказались втянутыми даже те слои населения, впоследствии попавшие в группу так называемых «новых бедных», которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическому положению никогда ранее не входили в нижний слой общества. Следствием подобного бедственного положения населения стало разрушение в процессе трансформации общества прежней государственной социальной политики.

Иного мнения относительно социальных бедствий и катастроф придерживался П. Сорокин. Он видел в них не только отрицательные, но и положительные составляющие, сыгравшие конструктивную роль в научении человечества новым способам адаптации и разрешения кризисных ситуаций [4, с. 53]. Наш современник С. А. Кравченко рассматривает подобную позицию прежде всего как амбивалентный характер адаптации к катастрофе, сравнивая ситуацию с современной Россией, когда процессы адаптации проходят во взаимосвязи с радикальными реформами [5, с. 63].

В результате, как показывают исследования многих специалистов, за счет людей, неспособных адекватно реагировать на адаптационные вызовы и негативные социальные факты в процессе трансформации общества, формируются и укрепляются иные ретризские социальные факты, как беспризорность, безнадзорность, проституция, наркомания, алкоголизм, преступность и т. д., перерастающие в синдром.

Социальные девиации количественно и качественно характеризуются как уровнем, так структурой и динамикой. Еще раз вернемся к статистике. По данным Росстата в настоящее время насчитывается более 30 млн несовершеннолетних. Среди них только беспризорных 2 – 4 млн (по данным социологических исследований). То, что фактическое положение дел может быть значительно хуже, свидетельствует огромный разрыв между полученными различными исследователями данными: 2 и 4 млн. Но, да-

же если взять нижнюю планку (2 млн), то она примерно равна уровню беспризорности в России времен начала Первой мировой войны (1914 г.), когда, по некоторым данным, беспризорных детей насчитывалось 2,5 млн. Среди именно такой категории подростков в настоящее время значительно распространены пьянство и наркомания, которых можно отнести к несправившимся с адаптационными вызовами так же, как их родителей.

Примеров, отражающих проблему решения адаптационных вызовов, аналогично безнадзорности и беспризорности, можно привести бесчисленное множество. То, что на такую ситуацию влияют трансформационные процессы в стране – факт общеизвестный, однако существует и другой объективный фактор, как неадаптированная к трансформационным процессам государственная система управления профилактикой девиантного поведения молодежи.

Одним из показателей, подтверждающих данный факт, является криминализация сознания молодежи. Так, свыше 40 % опрошенных молодых людей считают криминальную деятельность вполне приемлемой, особенно в трудных жизненных условиях. Только 14 % опрошенных молодых людей предпочитают решать возникающие проблемы «по закону», а 86 % – «по совести». И все это при весьма низком уровне правосознания и правоорганизующей основы поведения [6, с. 254].

Подобная дезинтеграция моральных, нравственных и правовых устоев рассматривалась П. Сорокиным как результат неадаптированности, отсутствия общепризнанных ценностей и моделей поведения, вследствие которых люди превращаются в существа, управляемые, главным образом, бессознательными рефлексам и биосознательными регуляторами – своими страстями и вождениями. В этих факторах, по его мнению, кроется причина обострения борьбы за существование, агрессивности, роста преступности.

Действие данных факторов обусловлено аномической ситуацией в стране, вследствие которой актуальнейшей проблемой современности становится увеличивающийся в постперестроечное время уровень такого социального факта, как девиантное поведение подростков и молодежи. Расчеты исследователей показывают, что число молодых россиян, хотя бы раз совершивших преступление (по установленным фактам), в данный момент составляет примерно 6 млн человек, или одну шестую часть молодежи в возрасте 14 – 30 лет. По данным ФСИН России, на 1 июня 2010 г. в учреждениях Уголовно исполнительный системы содержалось 850,8 тыс. человек, в том числе: в 755 исправительных колониях отбывало наказание 714,8 тыс. человек; в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних 5,0 тыс. человек. Также на учёте уголовно-исполнительных инспекций состояло 517,8 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Озабоченность вызывает в условиях адаптационных вызовов трансформирующегося общества и

состояние здоровья молодежи. Наибольшую тревогу вызывают актуализировавшиеся в 90-х годах прошлого века болезни, которые можно отнести к категории адаптационных, и связаны они в основном с социальным неблагополучием большей части населения страны. Из этих заболеваний острейшими проблемами являются широкомасштабное распространение таких негативных социальных фактов в молодежной среде, как наркомания, токсикомания и алкоголизм. Данные факты подтверждаются оценками МВД РФ, согласно которым уровень заболеваемости наркоманией среди молодежи в 2,5 раза выше, чем у взрослых. Число случаев смертности от употребления наркотиков, в сравнении с восьмидесятыми годами прошлого века, в целом увеличилось в 12 раз, а среди несовершеннолетних – выросло в 42 раза. Явный рост уровня наркомании, имевший место также в начале 2000-х годов, подтверждает факт – насколько наркотики под натиском вновь возникающих адаптационных вызовов в последнее десятилетие стали свойством быта и частью культуры молодежи. Факт злоупотребления наркотиками для большинства молодых людей является одной из главных причин, из-за которой резко изменились социальные отношения в молодежной среде.

За 5 лет к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, привлечено полмиллиона граждан, почти половина из которых – молодежь в возрасте до 30 лет. В течение этого периода доля лиц, совершивших наркопреступления, в общем количестве осужденных удвоилась – с 7,2 % до 12 %.

За последние два десятилетия в нашей стране наблюдались высокие темпы роста числа больных наркоманией. Начиная с 1996 года, количество только официально зарегистрированных в стране лиц, потребляющих наркотики, увеличилось в 9 раз. Количество наркопотребителей, состоящих под диспансерным наблюдением, на 1 января 2010 года составило 621 тысячу человек, что соответствует 437,9 больных на 100 тысяч населения. По данным Минздравсоцразвития России, 34402 наркопотребителя состоят на учете в возрасте от 15 до 19 лет.

Реальное число наркопотребителей в Российской Федерации оценивается экспертами примерно в 2 – 2,5 млн человек или почти 2 % населения страны.

Необходимо учитывать при рассмотрении этой статистики, что в Советском Союзе потребители наркотиков приравнивались к разряду преступников и выявление лиц с диагнозом наркомании, вероятнее всего, происходило на поздних стадиях заболевания. То есть, как в советский период, так и в современный российский официальные данные не отражают действительной ситуации. По данным Я. И. Гилинского, в 80-е годы: «Потребление наркотиков было значительно распространено среди лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях ...среди группы лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях, получен следующий ответ на вопрос, где впервые были приняты наркотиче-

ские средства: в местах лишения свободы – 57,6 %, на улице 10 %, в армии – 0,7 %» [7, с. 233].

Однако в настоящее время, согласно данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, отмечается постепенное изменение модели первого потребления наркотика (в процентах от всех случаев) – по сравнению с предыдущими годами первое потребление чаще происходит по месту жительства (с 4,6 % до 18,3 %), при этом решение о пробе наркотиков чаще стало приниматься под влиянием членов семьи (с 2,2 % до 5,8 %). В этой связи отдельно необходимо отметить, что решение о пробе наркотиков под влиянием членов семьи чаще принималось женщинами, а также представителями возрастной группы 11 – 14 лет. Реже первое потребление наркотика стало происходить в клубах/на дискотеках (с 15,7 % до 11,7 %) и в учебных заведениях (с 16,3 % до 9,5 %). Кроме того, в ходе анализа каналов получения наркотиков отмечается незначительное уменьшение случаев приобретения наркотиков у друзей/знакомых (с 53,7 % до 51,8 %), а также относительно частое обращение в аптеки (рост с 3,3 % до 13,8 %) [8, с. 20].

Новые адаптационные вызовы актуализируют также проблему безопасности в учебных заведениях, куда беспрепятственно проникают наркотики, холодное и огнестрельное оружие, преступные элементы, которые впоследствии фигурируют в молодежных «разборках». С увеличением числа лиц, потребляющих наркотики, резко возрос уровень распространения ВИЧ-инфекции.

Учитывая все эти социальные факты, для их всестороннего анализа нам потребуется структурировать девиантное поведение, важность которого отмечается Романовым В. Л.: «Любые структуры имеют свои временные параметры. Для одних из них раньше, для других позже наступает время расхождения с изменяющимся содержанием деятельности социальных систем и внешними условиями их жизни. Запредельное рассогласование приводит к структурному кризису, в котором социальная система вынуждена переорганизовываться в креативном варианте» [9, с. 40].

В результате такого взаимодействия в социуме обычно происходит становление новых социальных фактов, обладающих определенными свойствами.

Изучая проблемы девиаций, необходимо отметить существующие сходства и отличия социальных девиаций и девиантного поведения личности. В первом случае имеет место социальный феномен, а во втором – психологический. Однако некоторые социальные девиации в то же время являются и девиантным поведением личности: самоубийство, алкоголизм, преступления и т. п. Необходимо учитывать и социальные девиации, которые выступают только в качестве социального феномена – бюрократизм,

коррупция, геноцид. Из этого следует, что девиантное поведение выступает и как индивидуальный акт, и как элемент социального бытия.

При этом актуальным для исследования является также разделение девиаций по характеру (свойствам) и степени общественной опасности, а с учетом трансформационных процессов можно рассмотреть новые их формы: рэкет, организованную преступность, финансовые пирамиды, хакерство, мошенничество с «электронными деньгами», экстремизм, террор, которые вносят соответствующие изменения в поведение человека, девиантно адаптирующегося к вызовам трансформирующегося общества. Стремительное развитие подобных социальных фактов, в свою очередь, диктует необходимость внесения постоянных изменений как в законодательную базу, так и в государственную систему управления.

Литература

1. Заславская, Т. И. Социентальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002.
2. Заславская, Т. И. Социентальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002.
3. Римашевская, Н. Либерализм и социальные гарантии в условиях переходной экономики / Н. Римашевская // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». – 1999. – № 1.
4. Сорокин, П. Человек и общество в условиях бедствия / П. Сорокин // Вопросы социологии. – 1993. – № 3.
5. Кравченко, С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход / С. А. Кравченко: монография. – М.: МГИМО – Университет, 2006.
6. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. – МАТИ, 2008.
7. Гилинский, Я. И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Я. И. Гилинский. – СПб.: Алтей, 2000.
8. Информационно-аналитические материалы к заседанию научно-технического совета ФСКН России «Об итогах мониторинга масштабов распространения и незаконного потребления наркотиков на территории Российской Федерации в 2007 году» // Нет наркотикам: информационно-публицистический ресурс. – М., 2008. – URL: http://narkotiki.ru/gnk_6643.html.
9. Романов, В. Л. Социальная самоорганизация и государственность / В. Л. Романов. – М.: РАГС, 2003.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.8:37.015.3

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ,
ВОСПИТЫВАВШЕЙСЯ ВНЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

М. А. Ляхова

VALUE SYSTEM OF A PERSON RAISED OUT OF PARENTS' FAMILY

M. A. Lyakhova

Приводятся результаты исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи. Рассматриваются особенности ценностных ориентаций личности, воспитывавшейся вне родительской семьи.

The article shows the results of research of students' value system. The peculiarities of value system of a person raised out of parents' family are under analysis.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; ценностные типы; личность, воспитывавшаяся вне родительской семьи.

Keywords: values; value system; value types; person raised out of parents' family.

Трансформационные процессы сфер общественной жизни становятся сущностными характеристиками современного общества, следствием являются изменения ценностных ориентаций, появление новых социальных норм, правил и образцов социального поведения, изменяются социальные представления, отношения, ожидания и идеалы, на которые личность и разные социальные группы начинают ориентироваться, по-другому их оценивают [5; 9; 14; 16]. Центральную роль проблема ценностных ориентаций занимает в психологических исследованиях. К данному аспекту в своих работах обращались: Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, Л. Н. Антимова, А. Г. Асмолов, Л. И. Божович, Б. С. Братусь, Г. Л. Будинайте, С. Б. Дагбаева, А. М. Двойнин, Л. Г. Десфонтейнес, Н. А. Журавлева, Г. Е. Залесский, Е. И. Исаев, В. Н. Карандашев, Л. В. Карпушина, А. В. Капцов, Д. В. Каширский, Е. В. Корнилова, Ю. И. Кузнецова, Д. А. Леонтьев, В. Г. Морогин, В. Н. Мясисев, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, Р. Д. Санжаева, А. В. Серый, В. И. Слободчиков, Я. А. Сурикова, И. А. Сурина, М. С. Яницкий и др.

Как отмечает П. С. Гуревич, понятие ценности употребляется в современной психологической литературе в различных значениях:

1. Ценность отождествляется с новой идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира.
2. Ценность воспринимается как распространенный субъективный образ или представление, имеющее человеческое измерение.
3. Ценность синонимизируется с культурно-историческими стандартами.
4. Ценность ассоциируется с типом «достойного» поведения, с конкретным стилем жизни [7, с. 41].

Отечественные психологи, придерживаясь разных направлений исследования, при раскрытии

ядерной составляющей структуры личности, всегда ссылались на ценности разделяемые людьми, особенно при описании высшего уровня мотивационно-смысловой регуляции. Так, Б. Г. Ананьев отмечал, что «психологическое исследование мотивации поведения личности невозможно без социолого-философского (аксиологического) и социально-психологического изучения самих ценностей...». А. А. Бодалев справедливо подчеркивает, что «человек как личность не по названию, а по сути, в своем целеполагании в своем повседневном поведении... всегда выступает как выразитель общечеловеческих ценностей» [цит. по: 20, с. 222].

Ценности выступают как регуляторы социального поведения личности и группы. Однако они не действуют непосредственно: ценности реализуются в системе ценностных ориентаций человека как важнейшего элемента общей структуры диспозиций личности. Так, Ю. М. Жуков определяет ценностные ориентации как «хорошо осознанные ценности» [2, с. 181]. Как отмечает В. Г. Морогин, жизнь человека опосредована системой общественных ценностей, которая, в свою очередь, определяется той социальной средой, в которой он живет и действует. Каждая из этих ценностей связана с удовлетворением определенной группы потребностей личности. Общественные системы ценностей формируются спонтанно, под влиянием социально-экономических факторов и являются своеобразными рамками, которые ограничивают реализацию потребностей каждой личности, придавая им социально-приемлемую форму. Наполняясь индивидуальным потребным содержанием, они в каждой личности превращаются в индивидуальную систему ценностей, которую автор обозначает термином «ценностно-потребностная сфера» [13].

Значимой проблемой является механизм принятия человеком ценностей, которые выстраиваются в определенную иерархическую систему, обладаю-

шую конкретно-историческим смыслом и содержанием, интериоризируясь в той или иной степени во внутреннюю структуру личности. Принимая наиболее важные ценности, действующие в данном обществе, индивид становится неотъемлемой частью социума, закрепляя их в своем сознании в ходе деятельности [12]. Важность ценностного выбора подчеркнута американским социологом А. Тоффлером: «Перед человечеством сегодня открыты богатые и разнообразные возможности дальнейшего будущего. Но какое будущее оно выберет, будет зависеть, в частности и в конечном счете, от ценностей, которые определяет процесс принятия им решений» [цит. по: 18, с. 33].

Формирование ценностных ориентаций личности происходит в процессе социализации и во многом зависит от конкретной социальной ситуации, в которой оказывается человек [12; 19]. Исследователи [1; 2; 3; 8; 10; 16; 21; 24; 27] отмечают, что во всех культурах семья является для ребенка основным социализирующим агентом. По выражению П. Бергера и Т. Лукмана, в семье осуществляется первичная социализация, когда биография человека начинает «наполняться смыслом» [цит. по: 2, с. 277 – 278]. И.С. Кон выделяет несколько относительно автономных психологических механизмов социализации в семье: подкрепление – выработка привычки к соблюдению норм посредством поощрения либо наказания; идентификация, отождествляемая с подражанием; понимание, связанное с формированием самосознания [8, с. 28]. Именно в семье дети приобретают первые навыки взаимодействия и общения, осваивают первые социальные роли (в том числе – половые роли, формирование черт маскулинности и феминности), осмысливают первые нормы и ценности [2]. П. Массен пишет, что источником ценностей является интернализация собственной тревожности, как следствие реакции взрослых на поведение ребенка. Наряду с В. С. Мухиной, он считает, что ценности первоначально наследуются у родителей и других взрослых [25, с. 29]. Так, М. М. Иванова, Ю. М. Мерзлякова, А. М. Прихожан и др. единодушны в том, что именно семья служит детям той первичной моделью, которая способствует образованию у них определенных образцов, эталонов мужских и женских качеств, поведенческих форм реакций, стиля отношения друг к другу и т. д., дает возможность непосредственного познания семейно-бытовых отношений, прав и обязанностей супругов, родителей [16]. С одной стороны, семья транслирует нормы и ценности общества, с другой – представляет свои собственные семейные нормы и ценности [2; 3].

С целью исследования ценностных ориентаций личности, воспитывавшейся вне родительской семьи, нами в 2008 – 2010 гг. было проведено исследование, эмпирическую базу которого составили студенты Кемеровского государственного университета с 1 по 5 курс факультетов: юридического, экономического, романо-германской филологии, исторического, биологического, социально-психологического, физкультуры и спорта, физиче-

ского и химического факультетов. В исследовании приняли участие 240 человек, в возрасте от 17 до 23 лет, средний возраст испытуемых составил 20,1 полных лет. Среди испытуемых 12,9 % мужского пола (N = 31) и 87,1 % – женского (N = 209). При проведении исследования на основе анкетирования все респонденты были разделены на экспериментальную и контрольную группы. В свою очередь, экспериментальная группа разделена на 2 подгруппы: первая – респонденты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении (данная группа условно обозначена нами как ЭГ1, N = 25), и вторая – респонденты, имеющие статус сироты, воспитывавшиеся опекунами (ЭГ2, N = 37). В контрольной группе выделено 2 подгруппы: первая – респонденты, воспитывавшиеся в полной семье (КГ1, N = 133), и вторая – респонденты, воспитывавшиеся в неполной семье (КГ2, N = 45). В качестве методик сбора данных использовались:

1. Методика ценностных ориентаций М. Рокича. Для более точной оценки и прогнозирования развития личности нами использовался подход, предложенный А. В. Серым и М. С. Яницким, основанный на вычислении расхождения между реализованностью инструментальных и терминальных ценностей как показателя ценностного развития личности, для этого вводятся следующие коэффициенты:

– средний процент реализованности предпочитаемых (т. е. первых шести в индивидуальной иерархии) терминальных ценностей (Тр);

– средний процент реализованности предпочитаемых (т. е. первых шести в индивидуальной иерархии) инструментальных ценностей (Ир);

– расхождение между реализованностью предпочитаемых терминальных и инструментальных ценностей (рассчитывается как вычитаемая разница величин Тр и Ир: $\Delta\text{ТрИр} = \text{Тр} - \text{Ир}$) [26].

2. Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, модифицированный А. В. Серым для диагностики актуальных смысловых состояний [26].

3. Методика Р. Инглхарта, модифицированная М. С. Яницким [26].

Исследование ценностей по методике М. Рокича показало, что иерархия значимых ценностей респондентов ЭГ1 включает в себя блок ценностей профессиональной самореализации: продуктивная жизнь (реализованность – 60,44 %), интересная работа (реализованность – 48,04 %), активная деятельная жизнь (реализованность – 57,24 %); индивидуальные ценности: уверенность в себе (реализованность – 57,72 %), здоровье (реализованность – 71,36 %), также в этот блок можно включить активную деятельную жизнь. К ценностям личной жизни могут быть отнесены любовь (реализованность – 61,43 %) и здоровье. Отвергаемыми являются ценности межличностных отношений: наличие хороших и верных друзей (реализованность – 64,68 %), счастье других (реализованность – 43,76 %); пассивные ценности: жизненная мудрость (реализованность – 44,44 %), красота природы и искусства (реа-

лизованность – 52,80 %), а также индивидуальные ценности: творчество (реализованность – 57,88 %) и развлечения (реализованность – 62,04 %). Предпочитаемыми ценностями респондентов ЭГ2 являются следующие: любовь (реализованность – 63,43 %), здоровье (реализованность – 71,51 %), материально обеспеченная жизнь (реализованность – 39,86 %), уверенность в себе (реализованность – 72,70 %), свобода (реализованность – 69,68 %) и счастливая семейная жизнь (реализованность – 42,03 %). Таким образом, можно выделить блок ценностей личной жизни (здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь) и индивидуальных ценностей (здоровье, свобода, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь). Отвергаемыми являются пассивные ценности: познание (реализованность – 61,62 %), красота природы и искусства (реализованность – 40,19 %); индивидуальные ценности развлечения (реализованность – 59,59 %), творчество (реализованность – 44,49 %); ценности профессиональной самореализации: продуктивная жизнь (реализованность – 53,30 %) и творчество, а также ценность межличностных отношений – счастье других (реализованность – 36,95 %).

Структура значимых ценностей респондентов КГ1 представлена ценностями личной жизни: любовь (реализованность – 61,84 %), здоровье (реализованность – 68,29 %), счастливая семейная жизнь (реализованность – 54,34 %), наличие хороших и верных друзей (реализованность – 71,11 %), а также блоком индивидуальных ценностей: материально обеспеченная жизнь (реализованность – 50,93 %) и уверенность в себе (реализованность – 67,32 %). Ценности счастливая семейная жизнь и наличие хороших и верных друзей также можно отнести к ценностям межличностных отношений. Отвергаемыми являются пассивные ценности, такие, как: красота природы и искусства (реализованность – 47,18 %), познание (реализованность – 62,86 %); индивидуальные ценности – творчество (реализованность – 49,71 %), развлечения (реализованность – 59,11 %), а также ценности общественного признания (реализованность – 60,23 %) и счастья других (реализованность – 40,89 %). Респонденты КГ2 так же как и респонденты КГ1 значимыми для себя считают ценности личной жизни: любовь (реализованность – 55,73 %), здоровье (реализованность – 66,20 %), счастливая семейная жизнь (реализованность – 44,27 %), наличие хороших и верных друзей (реализованность – 66,78 %); ценности межличностных отношений: счастливая семейная жизнь и наличие хороших и верных друзей и индивидуальные ценности, к которым относятся уверенность в себе (реализованность – 60,31 %) и материально обеспеченная жизнь (реализованность – 48,73 %). Отвергаемыми являются пассивные ценности – познание (реализованность – 55,69 %), красота природы и искусства (реализованность – 47,51 %); индивидуальные ценности – развлечения (реализованность – 52,29 %), творчество (реализованность – 39,42 %); продуктивная жизнь (реализованность – 49,13 %), счастье других (реализованность – 34,31 %).

Сравнительный анализ всех групп показал, что общим является включение в структуру ценностей личной жизни («любовь», «здоровье»), а также индивидуальной ценности («уверенность в себе»). Еще А. Адлер писал, что любовь как элемент социального чувства является необходимым компонентом в сохранении общества [1]. Несмотря на то, что ценность «любовь» является значимой для всех групп, обращает на себя внимание тот факт, что в ЭГ2, КГ1 и КГ2 данная ценность занимает 1 место, в то время как у респондентов ЭГ1 данная ценность находится только на 4 месте. Объясняя данную особенность, сошлемся на труды А. Адлера, З. Фрейда, К. Хорни, Э. Эриксона [1; 11; 24; 27], раскрывающие судьбоносное влияние родителей на способность любить. Именно респонденты ЭГ1 выросли в условиях интернатного учреждения, где были лишены родительской любви и заботы, в отличие от респондентов других групп, которые воспитывались в полной семье, опекунами или одним родителем. Справедливо в этой ситуации замечание А. Адлера: «О ребенке должны заботиться в течение длительного периода, его должны учить и развивать до тех пор, пока он сам не будет в состоянии позаботиться о себе» [1, с. 365]. И. С. Кон утверждал, только непосредственная родительская ласка и забота могут обеспечить то эмоциональное тепло, в котором так нуждается ребенок, особенно в первые годы жизни [3].

Следует отметить, что у респондентов ЭГ1 одновременно к отвергаемым, а у респондентов ЭГ2 к индифферентным, относятся ценности межличностных отношений, такая, как наличие хороших и верных друзей. Теория К. Хорни, на наш взгляд, может пояснить данную ситуацию. Рассматривая стратегии взаимодействия с людьми, автор пишет: «Когда ребенок движется навстречу людям, он признает собственную беспомощность и, несмотря на свою отчужденность и страхи, пытается завоевать любовь и привязанность других людей и пробует опираться на них» [24, с. 47]. Так, человек, избегающий других, бессознательно использует все способы удерживать от себя людей на безопасном расстоянии, потому что теряется в любой ситуации, требующей тесного взаимодействия с другими людьми. Человеческие взаимоотношения имеют столь решающее значение, что они с необходимостью формируют те качества, которые развиваются в нас, те цели, которые мы ставим перед собой, те ценности, которых мы придерживаемся [там же, с. 49 – 53]. Обращаясь к концепции А. Адлера заметим, что жизнь требует от каждого определенного поведения и развитой способности к установлению контактов с окружающими [1, с. 362]. И. С. Кон доказывает, что воспитанники даже самых лучших дошкольных детдомов отстают в некоторых аспектах от детей того же возраста, воспитывающихся в семье. Причина заключается в том, что они практически изолированы от откровенных разговоров взрослых, и это затрудняет их ознакомление с некоторыми сторонами жизни: отношения между взрослыми на работе и т. д. [3]. В то же время ценность межличностных отношений («наличие хороших и верных друзей») является

приоритетной обеих контрольных групп, что обусловлено тем, что респонденты выросли в условиях родной семьи.

Ценность «здоровье» входит в число значимых всех групп, поскольку является центральным компонентом, позволяющим осуществить свои личные цели. Ряд исследователей [5; 9; 14; 15; 16] отмечают схожие результаты, где ценность здоровья входит в число приоритетных. Так, например, в исследовании В. А. Попова и О. Ю. Кондратьевой, где среди устремлений студенческой молодежи преобладает желание «иметь хорошее здоровье» (80 % от числа опрошенных, N = 180) [15]. Следующей предпочитаемой ценностью для всех групп является «уверенность в себе». Можно сделать предположение, что все респонденты расположены к планированию собственной жизни, что, по мнению исследователей [6; 8; 9; 10; 17; 27], является закономерностью юношеского возраста, связанного с выбором жизненного пути.

Обратим внимание на ценности имеющие различное значение в группах. Иерархия значимых ценностей ЭГ2, КГ1, КГ2 включает в себя ценности счастливой семейной жизни, материально обеспеченной жизни, в то время как у ЭГ1 данные ценности относят к индифферентным. Отметим, что нередко выпускники интернатных учреждений имеют значительные трудности в создании семьи и сохранении ее стабильности [16]. Следует заметить, что ценность «счастливая семейная жизнь» у респондентов, выросших в полных семьях (КГ1) и с одним родителем (КГ2) (т. е. в условиях родной семьи) занимает 3 позицию, в то время как у респондентов ЭГ2 находится на 6 месте. Исследуя ценностные ориентации студентов по методике М. Рокича Н. А. Журавлева отмечает, что более значимой (с 2003 г.) стала ценность семьи, которая занимает 2-е место [9]. Отмечена важность семьи для студенческой молодежи в исследовании А. В. Петрова (N = 512). Важность ценности семьи признают до 90 % респондентов, отводя ей «очень важную» и «довольно важную» роль. Почти три четверти респондентов считают, что семейные отношения – неперемennое условие счастья [14]. Как справедливо замечают Т. В. Фоломеева и И. И. Серегина, признаком благополучия является наличие семьи, приобретающее еще большее значение в нестабильном обществе, переживающем серьезный многоаспектный кризис [23].

Ценность материально обеспеченной жизни является приоритетной для ЭГ2, КГ1 и КГ2. Данные, полученные нами относительно ценности материально обеспеченной жизни, не противоречат результатам многих исследований [5; 9; 14; 23], где значимой ценностью является материальная обеспеченность. В упоминавшемся исследовании Т. В. Фоломеевой и И. И. Серегин, в группе двадцатилетних ценность материального благополучия отражает такие элементы, как успех, уважение, работа, удовольствия, счастье, радость, путешествия и опосредованно – здоровье [23].

Следующим отличием является присутствие в структуре значимых ценностей у ЭГ1 продуктивной жизни, активной деятельной жизни и интересной работы. Присутствие данных ценностей в числе значимых, возможно, связано с тем, что респонденты, выросшие в условиях интернатного учреждения, лишены существенной поддержки со стороны значимых взрослых (родителей, бабушек, дедушек, родственников), следовательно, полагаться могут только на себя, а поэтому в числе приоритетных, в большей степени, присутствуют ценности профессиональной направленности, в отличие от других групп, где значимыми являются ценности личной жизни. Мы можем предположить, что ценность интересной работы (в остальных группах) является незначимой, а также степень ее реализованности невелика, поскольку основным видом деятельности студентов является учебная.

Еще одним отличием является присутствие ценности «свобода» у ЭГ2, тогда как у представителей остальных трех групп данная ценность относится к безразличным. Полагаем, что в ситуации потери родителей данные респонденты были подвержены со стороны опекунов (бабушки и дедушки) гиперопеке.

Групповая иерархия значимых инструментальных ценностей в ЭГ1 представлена следующим образом: жизнерадостность (реализованность – 73,16 %), аккуратность и чистоплотность (реализованность – 62,20 %), образованность (реализованность – 61,20 %), независимость (реализованность – 59,52 %), эффективность в делах (реализованность – 68,08 %), твердая воля (реализованность – 65,28 %). Отвергаемыми являются высокие запросы (реализованность – 54,44 %), честность (реализованность – 59,44 %), самоконтроль (реализованность – 55,48 %), чуткость (реализованность – 61,52 %), терпимость (реализованность – 60,40 %), непримиримость к недостаткам в себе и других (реализованность – 59,76 %).

Респонденты ЭГ2 в число значимых инструментальных ценностей включают ответственность (реализованность – 72,11 %), образованность (реализованность – 66,05 %), независимость (реализованность – 71,54 %), жизнерадостность (реализованность – 76,16 %), воспитанность (реализованность – 79,54 %), честность (реализованность – 72,95 %). Отвергаемыми являются такие ценности как смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов (реализованность – 71,16 %), терпимость (реализованность – 64,30 %), широта взглядов (реализованность – 74,03 %), чуткость (реализованность – 73,49 %), высокие запросы (реализованность – 64,11 %), непримиримость к недостаткам в себе и других (реализованность – 46,43 %).

Иерархия значимых инструментальных ценностей КГ1 выглядит следующим образом: воспитанность (реализованность – 79,44 %), образованность (реализованность – 65,83 %), жизнерадостность (реализованность – 76,33 %), ответственность (реализованность – 76,96 %), независимость (реализованность – 60,92 %), аккуратность и чистоплотность (реализованность – 76,65 %). К отвергаемым рес-

понденты относят следующие: широта взглядов (реализованность – 69,44 %), смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов (реализованность – 68,53 %), терпимость (реализованность – 62,35 %), чуткость (реализованность – 72,02 %), высокие запросы (реализованность – 64,75 %), непримиримость к недостаткам в себе и других (реализованность – 49,94 %).

Предпочитаемыми ценностями респондентов КГ2 являются ответственность (реализованность – 71,64 %), жизнерадостность (реализованность – 72,02 %), образованность (реализованность – 60,84 %), воспитанность (реализованность – 77,11 %), честность (реализованность – 74,29 %), независимость (реализованность – 66,69 %). Группа отвергаемых выглядит следующим образом: чуткость (реализованность – 67,86 %), широта взглядов (реализованность – 67,44 %), терпимость (реализованность – 61,44 %), исполнительность (реализованность – 70,18 %), высокие запросы (реализованность – 64,44 %), непримиримость к недостаткам в себе и других (реализованность – 50,04 %).

Групповая иерархия инструментальных ценностей всех групп имеет как общее, так и отличное. Общим в структуре ценностей всех групп является присутствие ценности «жизнерадостность». Следует заметить, что данная ценность занимает 1 место у ЭГ1 и 2 место у КГ2, что связано с меньшей реализованностью данной ценности в этих группах. Респонденты ЭГ2 и КГ1 отвели данной ценности 3 и 4 места. Интеллектуальная ценность «образованность» (т. е. широта знаний, высокая общая культура) важна для всех исследуемых групп. Данная ценность занимает 2 место у ЭГ2 и КГ1 и 3 место у групп ЭГ1 и КГ2. Индивидуалистической ценностью, имеющей приоритетное значение для всех групп, является независимость, т. е. способность действовать самостоятельно, решительно. Опираясь на Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапко, заметим, что в студенческой среде возрастает стремление к самостоятельности, автономности, независимости [6].

Ценность «ответственность», которая понимается (в данной методике) как чувство долга, умение держать слово, считают значимой для себя три группы респондентов (ЭГ2; КГ1; КГ2). Следует заметить, что данная ценность занимает также различные позиции в иерархии значимых ценностей. Так, респонденты ЭГ2 и КГ2 отводят ценности 1 место, в то время как у КГ1 ответственность занимает 4 место. Возможно, это связано с тем, что степень реализованности данной ценности выше в КГ1 (76,96 %). Респонденты ЭГ1 отнесли данную ценность к безразличным. Ценность «честность» предпочитаема для двух групп (ЭГ2 и КГ2), где занимает 4 и 5 места. Важно заметить, что данная ценность в КГ1 относится к безразличным, в то время как респонденты ЭГ1 отвергают ее.

Различием является присутствие ценности «воспитанность» (т. е. хорошие манеры) в группах ЭГ2, КГ1 и КГ2, в то время как респонденты ЭГ1 отнесли данную ценность к индифферентным. Несмотря на присутствие ценности «воспитанность» в трех груп-

пах, она все же имеет различное значение: так, респонденты КГ1 отвели данной ценности 1 место. Заметим, что именно они выросли в условиях полной семьи. Данная ценность занимает 4 место у респондентов КГ2, а респонденты ЭГ2 присвоили ей 5 место. Объясняя данное обстоятельство, сошлемся на результаты современных исследований, в которых отмечено, что в России на протяжении ряда десятилетий отмечается ослабление воспитательной функции института семьи, что находит свое выражение в росте числа родителей, не исполняющих должным образом свои обязанности по воспитанию и содержанию детей, выражающаяся в увеличении численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Требуют поддержки семьи, состоящие из бабушки и/или дедушки и внуков, возникшие в результате лишения родительских прав, смерти родителей, вследствие асоциального образа жизни родителей, которые страдают алкогольной и наркотической зависимостью. Как правило, бабушки/дедушки в таких семьях берут на себя функции опекунов [21]. Как мы видим, по полученным нами результатам, ценность «воспитанность» менее значима для респондентов, выросших в неполных семьях и семьях, где опекунами выступали бабушки и дедушки, по сравнению с респондентами, воспитанными в полной семье.

Аккуратность и чистоплотность, понимаемая в рамках данной методики как умение содержать в порядке вещи, порядок в делах, имеет значимость для ЭГ1 и КГ1, для остальных групп эта ценность безразлична. Следует отметить, что у респондентов ЭГ1 данная ценность занимает 2 место, а степень ее реализованности намного ниже, чем в трех других группах. Ценности «аккуратность и чистоплотность» респонденты КГ1 присвоили 6 место, при этом степень ее реализованности выше, чем в остальных группах.

Интересные результаты получены при анализе структуры значимых ценностей ЭГ1. Респонденты, выросшие в условиях интернатного учреждения, значимыми для себя считают ценности «эффективность в делах» и «твердая воля», занимающие в иерархии 5 и 6 место, в то время как респонденты остальных групп отнесли данные ценности к индифферентным. На наш взгляд, данная особенность объясняется тем, что респонденты, выросшие в условиях семьи (полная, неполная, опекуны) надеются на помощь родителей (одного из родителей) или опекунов, поскольку в современных экономических условиях растет значение родительской семьи для студентов, усиление их зависимости от нее [6]. Так, по мнению Л. В. Карпушиной и А. В. Капцова, сегодня в нашем обществе отмечается эмоциональная и материальная поддержка молодого поколения со стороны родителей, увеличилось время пребывания молодежи в родительском доме, наблюдается большая доверительность межпоколенных отношений [10].

Расчет расхождения между реализованностью инструментальных и терминальных ценностей рес-

пондентов описываемых групп представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Показатели расхождения
в реализованности терминальных
и инструментальных ценностей (%)**

Показатели	Группы			
	ЭГ1	ЭГ2	КГ1	КГ2
Тр	59,37	59,87	62,31	57,00
Ир	64,91	73,06	72,69	70,43
ΔИрТр	5,54	13,19	10,38	13,43

Типы расхождений между реализованностью предпочитаемых терминальных и инструментальных ценностей всех четырех групп соответствуют оптимальному ($0 < \Delta \text{ИрТр} < 23,2$), что говорит об оптимальном опережении развития личностных качеств (реализации ценностей-средств) над процессом достижения жизненных результатов (реализации ценностей-целей), являющимся необходимым для эффективной самореализации [26]. Показатели ЭГ1 значимо ниже, чем в трех других группах. Сокращение потенциала личностного развития отражает показатель расхождения – степень реализованности терминальных ценностей сближается со степенью реализованности инструментальных ценностей. Психологический смысл этого расхождения заключается в том, что освоенность субъектом средств достижения жизненных целей перестает соответствовать сложности этих целей, что свидетельствует о преобладании жизненных целей и несформированности способов их достижения.

Сравнительный анализ результатов по методике СЖО позволил выявить достоверные различия между группами по всем шкалам, кроме ЛК – Я (см. таблицу 2). Охарактеризуем респондентов каждой группы по полученным результатам. Как видно из таблицы, наиболее высокие показатели общей осмысленности жизни демонстрируют респонденты КГ1. Представители данной группы демонстрируют самые высокие показатели по шкале «Цели в жизни», что позволяет говорить о наличии целей в будущем, придающие жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Шкалы «Процесс жизни» и «Результат», а также «Локус контроля – Я» и «Локус контроля – жизнь», говорят о том, что респонденты воспринимают процесс жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, пройденный отрезок жизни воспринимается как продуктивный и осмысленный. Группе присущи представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Отмечается убежденность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Обнаружены статистические различия по шкале «Результат» при сравнении данной группы с КГ2, в которой показатель несколько ниже.

Полученные данные по ЭГ2 позволяют говорить о наличии целей в будущем, придающие жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Процесс жизни воспринимается как эмоционально насыщенный, наполненный смыслом и интересный, прожитый отрезок жизни как продуктивный. Свойственны суждения о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Присутствует убежденность в способности контролировать свою жизнь (шкалы «Процесс жизни» и «Результат», ЛК – Я и ЛК – Ж). Статистически значимы различия по шкале «Цели» и «Результат» данной группы с КГ2, в которой показатели несколько ниже.

Были обнаружены значимые различия по шкалам (ОЖ, цель, процесс, результат, ЛК-жизнь) при сравнении данной группы с КГ1, ЭГ2, несмотря на то, что показатели ниже, чем в группах (КГ1 и ЭГ2), все же можно говорить о наличии у респондентов целей в будущем, восприятии процесса жизни как насыщенного и интересного. Как видно из таблицы 2, все показатели респондентов ЭГ1 намного ниже, чем в остальных группах. Самый низкий показатель общей осмысленности жизни характерен для респондентов ЭГ1, по каждому временному локусу (Цели, Процесс, Результат) ЭГ1 демонстрирует более низкие показатели, чем в остальных группах. Статистические различия были обнаружены по временному локусу «цель» и при сравнении данной группы с остальными; по шкале «Цели в жизни» данная группа демонстрирует самые низкие показатели, что может говорить об отсутствии в жизни респондентов целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Данное обстоятельство находит свое подтверждение в показателе расхождения терминальных и инструментальных ценностей (см. таблицу 1). Шкала «Процесс жизни» характеризует респондентов ЭГ1 как неудовлетворенных своей жизнью в настоящем, обнаружены статистические различия при сравнении с группами ЭГ2 и КГ1. Статистические различия выявлены при сравнении временного локуса «Результат» ЭГ1 с ЭГ2 и КГ1. Несмотря на то, что значимых различий по локусу контроля – Я обнаружено не было по данным таблицы 2, можно заметить, что у ЭГ1 самые низкие показатели по этой шкале, что может означать неверие в свои силы контролировать события своей жизни. Обращаясь к показателям по шкале «Локус контроля – жизнь» можно сделать заключение о том, что для представителей ЭГ1 характерен фатализм, убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее. По результатам анализа смысловых ориентаций можно сделать предположение, что большая часть респондентов ЭГ1 не видят собственных перспектив и низко оценивает возможность построить жизнь в соответствии с жизненными целями.

Таблица 2

Усредненные результаты по тесту СЖО

Шкалы СЖО	Группы								Различия при $p < 0,05$ в парах
	ЭГ1 (1)		ЭГ2 (2)		КГ1 (3)		КГ2 (4)		
	<i>М</i>	<i>δ</i>	<i>М</i>	<i>δ</i>	<i>М</i>	<i>δ</i>	<i>М</i>	<i>δ</i>	
Общий показатель ОЖ	89,68	14,48	102,65	13,77	103,68	17,14	97,29	14,56	1-2; 1-3; 1-4; 3-4
Цель	29,60	7,15	36,81	6,35	37,23	6,76	34,02	6,12	1-2; 1-3; 1-4; 2-4; 3-4
Процесс	27,12	6,35	30,81	4,88	30,77	6,54	28,69	6,17	1-2; 1-3
Результат	22,16	4,90	26,65	4,49	25,91	5,09	24,33	4,77	1-2; 1-3; 2-4
ЛК-Я	24,64	3,50	26,19	3,89	26,43	4,88	25,20	3,99	
ЛК-Жизнь	26,72	5,39	30,30	5,59	31,18	6,61	28,09	5,56	1-2; 1-3; 3-4

Типы актуального смыслового состояния (АСС) по группам представлены в таблице 3.

Таблица 3

Представленность типов АСС в исследуемых группах (%)

Группы	Типы АСС							
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й
ЭГ1	44	8	20	8	12	-	4	4
ЭГ2	18,92	2,70	5,41	8,11	8,11	16,22	5,41	35,12
КГ1	20,30	1,50	3,00	6,02	4,51	6,02	11,28	47,37
КГ2	35,55	6,66	8,89	6,66	11,11	4,44	4,44	24,44

Как видно из таблицы, большинство респондентов 8 типа АСС, который характеризуется более высоким уровнем развития, присутствует в КГ1. Состояние определяется ощущением того, что прошедший отрезок жизни был продуктивным и значимым, процесс жизни в настоящем воспринимается как интересный, эмоционально насыщенный, а наличие целей придает всей жизни человека осмысленность, направленность и временную перспективу. Критический анализ своих мотивов, потребностей и чувств позволяет человеку вести себя естественно, раскованно, уважать себя и принимать таким как есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков, воспринимать природу человека и действительность в целом без антагонистических и непреодолимых дихотомий. Стремление к реализации познавательных потребностей и творческой направленности реализуется в субъект-субъектном характере общения [26]. Всего 4 % респондентов ЭГ1 были отнесены к 8 типу АСС, в то время как 35,12 % в ЭГ2 и 24,44 % в КГ2. Соотношение частично продуктивного типа выглядит следующим образом: ЭГ2 – 29,74 %; КГ1 – 23,32 %; КГ2 – 15,54 % и ЭГ2 – 12 %. Класс непродуктивных

состояний составляют АСС с блокированными для сознания двумя или более временными локусами смысла. Таким образом, большинство респондентов ЭГ1 (84 %) относятся к классу непродуктивных состояний. Для остальных групп соотношение класса непродуктивных состояний составляет: КГ2 – 62,21 %, в ЭГ2 данный показатель 35,14 % и КГ1 – 29,31 %. При сравнении типов актуальных смысловых состояний, на первый взгляд, нами были получены противоречивые данные, значительно большее присутствие непродуктивного типа в КГ2 по сравнению с ЭГ2. Однако, обратившись к анкетным данным и опираясь на литературные источники [1; 3; 11; 24; 27], данное обстоятельство мы можем пояснить тем, что отсутствие одного из родителей (респонденты КГ2 с детства воспитывались только матерью) может рассматриваться как фактор лишения. Как пишут М. С. Астоянц и О. А. Троцкая, проводя интервью среди студентов, имеющих статус сирота, и их педагогов, что дети из опекунических семей – это практически те же «домашние» дети [4].

Результаты, полученные по методике Р. Инглхарта, представлены в таблице 4 [26].

Таблица 4

Распространенность ценностных типов в описываемых группах (% от числа исследуемых, N=240)

Группы	Ценностный тип			
	адаптирующийся	социализирующийся	индивидуализирующийся	промежуточный
ЭГ1	32	40	-	28
ЭГ2	18,92	54,05	-	27,03
КГ1	39,85	41,35	3,01	15,79
КГ2	31,11	51,11	-	17,78

Адаптирующийся тип, выражающий ориентацию на высокий доход, карьеру и создание семьи, выражен в большей степени у респондентов КГ1 (39,85 %), практически одинаковое соотношение данного типа представлено в ЭГ1 (32 %) и КГ2 (31,11 %), и меньше всего представителей данного типа в ЭГ2 (18,92 %). Социализирующийся тип, отражающий ориентацию на высокий доход, карьеру и образование выражен в большей степени в ЭГ2 (54,05 %), чуть меньше в КГ2 (51,11 %), КГ1 (41,35 %) и в ЭГ1 (40 %). Следует заметить, что индивидуализирующийся тип, ориентированный на образование, самосовершенствование, свободу, выявлен только в КГ1, т. е. у респондентов, выросших в условиях полной семьи. Промежуточный тип практически в одинаковом соотношении представлен в экспериментальных группах, ЭГ1 (28 %) и ЭГ2 (27,03 %), далее 17,78 % присутствует в КГ2 и меньше всего представителей данного типа в КГ1 (15,79 %).

Подводя итог, можно констатировать, что ценностные ориентации личности, воспитывавшейся вне родительской семьи, имеют свои особенности. Ситуация утраты семьи сказывается на незначимости ценностей межличностных отношений (наличие хороших и верных друзей), счастливой семейной жизни, материально обеспеченной жизни, низкой значимости, по сравнению с другими группами, ценности «любовь». Присутствует значимость только ценностей профессиональной реализации, другие сферы жизни личности игнорируются. Респонденты, воспитывавшиеся вне родительской семьи, относят к безразличным ценности «ответственность» и «воспитанность», в отличие от других групп, отвергают ценность честность. А также характеризуются низкой осмысленностью жизни, убежденностью, что жизнь неподвластна сознательному контролю, отмечается значимое снижение осмысленности настоящего, прошлого и будущего, что говорит о слабости целеполагания личности, воспитанной вне родительской семьи. Большинство респондентов находятся в непродуктивных актуальных состояниях, характеризующихся либо низкой осмысленностью двух временных локусов смысла, а большая часть из них – низкой осмысленностью всех временных локусов одновременно.

Таким образом, следует учитывать семейные условия, которые оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Как показало наше исследование, личность, воспитывавшаяся вне родительской семьи, игнорирует ценности личной жизни. Помимо материальных выплат, оказываемых студентам, имеющим статус сироты, в первую очередь данной категории должна быть оказана психологическая поддержка. Компенсировать дефекты семейного воспитания может психологическая служба вуза, одним из основных направлений которой должна стать помощь интеграции в самостоятельную жизнь личности, воспитывавшейся вне родительской семьи, поскольку возможны затруднения самореализации в сфере личной жизни. Следовательно, работа должна быть направлена на выяс-

нение представлений о различных сферах жизни, поскольку при субъективном ощущении невозможности повлиять на свою судьбу личность выбирает непродуктивные стратегии, оказывается не способной противостоять трудностям, встречающимся на ее пути.

Литература

1. Адлер, А. Воспитание детей. Взаимодействие полов [Текст] / А. Адлер; пер. с англ. А. А. Валеева и Р. А. Валеевой (The Education of Children. Gateway Editions, Ltd. South Ben Indiana, 1978). – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 448 с.
2. Андреева, Г. М. Психология социального познания: учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Г. М. Андреева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 303 с.
3. Андреева, Т. В. Семейная психология [Текст]: учеб. пособие / Т. В. Андреева. – СПб.: Речь, 2004. – 244 с.
4. Астоянц, М. С. Социальная инклюзия студентов-сирот в учреждении высшего профессионального образования / М. С. Астоянц, О. А. Троицкая. [Электронный ресурс]. – URL: pi.sfedu.ru/rspu/science/grants/social_orphanry/Izvestiya_UFU.doc.
5. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории [Текст]: монография / Л. В. Баева. – Астрахань, 2004. – 277 с.
6. Вишневский, Ю. Р. Парадоксальный молодой человек [Текст] / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. – № 6. – 2006. – С. 26 – 36.
7. Гуревич, П. С. Преображение ценностей как чрезвычайная ситуация [Текст] / П. С. Гуревич. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 120 с.
8. Дагбаева, С. Б. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект: монография [Текст] / С. Б. Дагбаева, Р. Д. Санжаева; Забайкал. гос.-пед. ун-т. – Чита: изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 135 с.
9. Журавлева, Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе [Текст] / Н. А. Журавлева. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. – 335 с.
10. Карпушина, Л. В. Психология ценностей российской молодежи [Текст] / Л. В. Карпушина, А. В. Капцов. – Самара: СНЦ РАН, 2009. – 364 с.
11. Мадди, С. Теории личности: сравнительный анализ [Текст] / С. Мадди; пер. с англ. И. Авидона, А. Батустина, П. Румянцевой. – СПб.: Речь, 2002. – 539 с.
12. Матвеева, В. М. Роль ценностей в социально-экономическом развитии [Текст] / В. М. Матвеева, Ж. Б. Онзимба Ленюнго // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2007. – № 4. – С. 62 – 67.
13. Морозин, В. Г. Ценностно-потребностная сфера личности: концепция и методология исследования [Текст] / В. Г. Морозин // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 37 – 52.

14. Петров, А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений [Текст] / А. В. Петров // Социологические исследования. – № 2 (286). – 2008. – С. 83 – 90.
15. Попов, В. А. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи [Текст] / В. А. Попов, О. Ю. Кондратьева // Социологические исследования. – № 6. – 1999. – С. 96 – 136.
16. Психология личностных проявлений в процессе жизнеосуществления человека [Текст]: монография / под ред. Л. Д. Деминой, И. А. Ральниковой, Д. В. Труевцева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 359 с.
17. Реан, А. А. Психология адаптации личности [Текст] / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.
18. Румянцев, В. А. К вопросу о ценностях и ценностных ориентациях молодежи [Текст] / В. А. Румянцев // Социальные технологии, исследования. – № 3 (35). – 2009. – С. 31 – 41.
19. Самыкина, Н. Ю. Динамика ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации [Текст]: монография / Н. Ю. Самыкина, М. Е. Серебрякова. – Самара: Универс. групп, 2007. – 148 с.
20. Смирнов, Л. М. Уровень ценности в структуре личности [Текст] / Л. М. Смирнов // Мир психологии. – 2007. – № 4. – С. 220 – 230.
21. Социальная политика и мир детства в современной России [Текст]: кол. монография; под ред. Е. Р. Ярской – Смирновой и Е. П. Антоновой. – М.: Вариант, 2009. – 272 с.
22. Тухватуллин, Р. М. Влияние общественного мнения на ценностные ориентации личности в сфере национального развития и межнациональных отношений [Текст] / Р. М. Тухватуллин. – Уфа, 1997. – 258 с.
23. Фоломеева, Т. В. Социальные представления о благополучии [Текст] / Т. В. Фоломеева, И. И. Серегина // Мир психологии. – № 3. – Июль – сентябрь 2004. – С. 122 – 132.
24. Хорни, К. Наши внутренние конфликты [Текст] / К. Хорни; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2003. – 320 с.
25. Эрштейн, Л. Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов [Текст] / Л. Б. Эрштейн. – СПб., 2008. – 122 с.
26. Яницкий, М. С. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности [Текст]: учебное пособие / М. С. Яницкий, А. В. Серый. – Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. – 102 с.
27. Erikson, E. *Childhood and Society*, 2nd ed. – New York: W. W. Norton & Co, 1963.

УДК 612.821+159.9+378+316.6

**СОЦИОТИПИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТОК ВУЗА
С УЧЕТОМ ИХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ**
А. В. Лебедев, М. А. Суботялов, Р. И. Айзман

**SOCIOTIPIČESKIJ PORTRAIT OF THE FEMALE STUDENTS OF THE UNIVERSITY,
TAKING INTO ACCOUNT THEIR PSYCHO-PHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS**
A. V. Lebedev, M. A. Subotâlov, R. I. Ajzman

В статье приводится психофизиологический портрет студенток вуза в зависимости от социотипа. Обследованы 494 девушки 18 – 20 лет – студентки естественно-научных и гуманитарных факультетов. На основании цифрового теста все обследуемые были поделены на четыре группы: гуманитарии, исследователи, социалы и управленцы. Проведенное психофизиологическое обследование разных групп социотипов показало, что управленцы характеризуются высокими показателями памяти, внимания, умственной работоспособности, подвижности нервных процессов, вербального мышления, стрессоустойчивости, мотивации к успеху, тенденцией к доминированию, но средними техническими способностями, что в результате обеспечило высокий уровень социально-психологической адаптации. Для социалов характерна выраженная мотивация к успеху, подвижность нервных процессов, развитое вербальное мышление, при низких стрессоустойчивости, стремлении к доминированию и технических способностях; показатели памяти и продуктивность работы были средние. Исследователи обладали высокой стрессоустойчивостью, смысловой памятью, вниманием, а технические способности, механическая и образная память, подвижность нервных процессов и продуктивность работы на среднем уровне. У гуманитариев описанные показатели были на среднем и низком уровнях.

In article the psychophysiological portrait of students of high school depending on a social type is presented. 494 girls of 18 – 20 years – students of naturally-scientific and humanitarian faculties are studied. On the basis of the digital test all surveyed students have been divided into four groups: humanists, researchers, socials and managers. The carried psychophysiological investigation of different groups of social types has shown that managers are characterized by high indicators of memory, attention, intellectual working capacity, mobility of nervous processes, verbal thinking, a resistance to stress, motivation to success, a tendency to domination, but average technical abilities that has as a result provided high level of socially-psychological adaptation. For socials the expressed motivation to success, mobility of the nervous processes, the high verbal thinking is characteristic, at a low resistance to

stress, tendency to domination and technical abilities; indicators of memory and efficiency of work were at average level. Researchers possessed a high resistance to stress, semantic memory, attention, and technical abilities, mechanical and figurative memory, mobility of nervous processes and efficiency of work at the average level. At humanists the described indicators were at average and low levels.

Ключевые слова: социотип, психофизиологические особенности, память, внимание, мышление, стрессоустойчивость, социально-психологическая адаптация.

Keywords: a social type, psychophysiological features, memory, attention, thinking, a resistance to stress, socially-psychological adaptation.

Появление новых профессий и специальностей, возросшие запросы общества к уровню профессиональной подготовленности кадров требуют от выпускников школ особой ответственности и осознанности при выборе будущей профессии. Правильно выбранная область профессиональной деятельности способствует формированию гармоничной личности, реализации ее творческого потенциала, процессу социальной адаптации [1, 15, 5].

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), рейтинг удовлетворенности россиян своей профессией составляет только 15 % населения, в США – 47 % [16].

Успешность адаптации индивида к выбранной профессиональной деятельности и конструктивное взаимодействие с коллегами по работе после обучения в вузе будет зависеть от соответствия психофизиологических особенностей человека выбранной профессии.

В этой связи приобретает особое значение правильная диагностика профессиональной направленности личности в соответствии с её индивидуальными особенностями и возможностями. В настоящее время в литературе имеется много классификаций, описывающих типологические особенности ВНД, темперамент, поведение людей, их взаимодействие между собой, склонность к заболеваниям и т. д. Учитывая тему исследования, нами была взята за основу классификация, разработанная А. Аугустинавичюте (1998) [3], которая характеризует социотипы, или направленность на определенный вид деятельности.

Социотип – устойчивая структура личности человека, основанная на пропорциях между основными компонентами его психики – сенсорикой, интуицией, мышлением и чувствованием. Выделяют 4 социотипа (или установки на вид деятельности) – гуманитарии, исследователи, социалы и управленцы. Социотип человека на протяжении всей жизни остается неизменным, хотя отдельные его параметры могут изменяться в разной степени в зависимости от фактора времени и среды [10].

В то же время социотипические характеристики еще очень мало обоснованы с точки зрения психофизиологических особенностей человека. Имеющиеся работы [7, 10, 14] содержат разрозненные данные о социотипических особенностях, основанные, главным образом, на психологических и социологических исследованиях.

Однако представление о психофизиологических особенностях каждого социотипа, так называемый социотипический «портрет», в литературе

отсутствует. Восполнение этого пробела и послужило целью нашей работы.

Цель исследования: Изучить психофизиологические особенности девушек в зависимости от социотипа.

Задачи исследования:

1. Выявить распределение социотипов среди девушек юношеского возраста.

2. Изучить психофизиологические показатели девушек 18-20 лет в зависимости от социотипа.

3. Выявить корреляционную зависимость психофизиологических параметров у студенток вуза в зависимости от социотипа.

Контингент и методы исследования

Обследованы 494 девушки 18 – 20 лет – студентки Новосибирского государственного педагогического университета естественно - научных и гуманитарных факультетов. Все обследования проводили в первой половине дня (с 9 до 12 часов).

Исследование психофизиологических показателей проводили с помощью компьютерных программ «Комплексная оценка здоровья и развития студентов высших и средних учебных заведений» [2] и «Оценка психофизиологического состояния организма человека «Status PF» [11].

Социотипы и типы темперамента определяли с помощью цифрового теста [13]. Когнитивные функции оценивали по объему механической памяти на 2-значные числа; объему смысловой памяти (запоминание связанных по смыслу слов); объему внимания (по таблице Шульте). Умственную работоспособность определяли с помощью корректурной таблицы В. Я. Анфимова [9]. Для изучения вербального и технического мышления использовали тесты Д. Равена и Беннета. Самооценку психических состояний, базовых черт личности, стрессоустойчивости проводили по методикам Г. Айзенка. Для оценки уровня реактивной и личностной тревожности использовали опросник Ч. Д. Спилбергера – Ю. Л. Ханина. Уровень агрессивности и враждебности определяли при помощи опросника Басса-Дарки [12]. Уровень мотивации изучали по шкале оценки потребности в достижении успеха Т. Элерса. Оценку социально- психологической адаптации проводили при помощи методики К. Роджерса, Р. Даймонда.

Полученный материал обработан методами вариационной и разностной статистики с применением t-критерия – Стьюдента и непараметрического критерия Манна-Уитни для независимых выборок при уровне значимости $p \leq 0,05$, метода Краскала-Уоллеса для трёх и более выборок. Для оценки взаимосвязи психофизиологических показателей

проведен корреляционный анализ с использованием пакета компьютерных программ STATISTICA (версия 6.0).

Результаты исследования и их обсуждение

При оценке распределения социотипов среди девушек – студентов разных факультетов педагогического университета г. Новосибирска оказалось, что наиболее часто среди данной популяции встречались гуманитарный и социальный социотипы, реже всего – управленческий и исследовательский (табл. 1).

Таблица 1

Количественный состав обследованных студенток по социотипам

Гуманитарии (Г)	Исследователи (И)	Социалы (С)	Управленцы (У)
чел. (%)			
231 (46,8)	52 (10,5)	139 (28,1)	72 (14,6)

По данным В. Н. Васильева и др. [8], у жителей г. Томска аналогичной социальной группы (160 женщин и 90 мужчин) меньше всего было выявлено интуитивно-логических экстравертов (по психологической классификации), соответствующих социотипу исследователя.

По данным А. В. Букалова и соавт. [6], у работников разных профессиональных групп, работающих на Крайнем Севере России, отмечалось преобладание социалов, тогда как среди студентов педагогического университета преобладали гуманитарии. Это можно объяснить, с одной стороны, направленностью вуза, с другой – спецификой выборки, половыми особенностями обследуемого контингента, регионом проживания, профессиональной направленностью обследованных. Однако

по количеству исследователей и управленцев принципиальных различий не выявилось.

По-видимому, в процессе эволюции в человеческой популяции формируется разное соотношение социотипов, в котором количество исследователей и управленцев представлено меньше по сравнению с другими социотипами, независимо от сферы деятельности.

Как показала Т. А. Холоднюк [15], существует соответствие индивидуально-типологических особенностей школьников выбранному профилю обучения (гуманитарному, физико-математическому, химико-биологическому), однако особенности когнитивной сферы в зависимости от социотипа изучены недостаточно.

В нашей работе полученные результаты исследуемых видов памяти (механической, смысловой и образной) свидетельствовали о наибольших их значениях у девушек исследовательского и управленческого типов, меньших – у девушек гуманитарного типа. У социалов показатели всех видов памяти оказались ниже, чем у остальных групп.

При выполнении теста на переключение внимания минимальное время было затрачено в группах управленцев и исследователей, что свидетельствует о более высокой скорости переключения внимания у них по сравнению с гуманитариями и социалами.

Таким образом, у обследованных девушек показатели памяти и внимания оказались выше в группах управленцев и исследователей (табл. 2).

При выполнении девушками простых заданий на вербальное мышление наилучшие результаты обнаружены у социалов. По мере усложнения задания продуктивность работы снижалась в большей степени у гуманитариев и исследователей, тогда как управленцы и социалы показали более высокие результаты. В то же время лучшие технические способности продемонстрировали представители исследовательского социотипа по сравнению с другими группами (табл. 2).

Таблица 2

Психофизиологические показатели девушек 18 – 20 лет в зависимости от социотипа (M±m)

Показатели		Г	И	С	У	Достоверность
Показатели памяти и внимания						
Память, баллы	Механическая	5,5±0,1	5,6±0,2	5,2±0,1	5,6±0,1	С-У*, Г-С*, С-И*
	Смысловая	7,3±0,1	7,9±0,2	7,2±0,2	7,7±0,1	Г-И*, И-С*, С-У*, Г-У*
	Образная	6,0±0,1	6,4±0,3	5,9±0,2	6,7±0,2	С-У**, Г-У**
Переключение внимания, сек		81,7±1,6	72,4±3,7	77,8±1,7	69,8±1,8	Г-И*, С-У**, Г-У***
Вербальное мышление (по тесту Равена), баллы						
Серия 1		11,0±0,05	11,4±0,1	11,6±0,1	11,3±0,1	Г-И**, С-У*, Г-С***, Г-У**
Серия 5		3,7±0,2	3,3±0,4	6,1±0,2	7,0±0,1	И-С***, С-У**, Г-С***, Г-У***, И-У***

Продолжение таблицы 2

Технические способности (по тесту Беннета)					
Количество баллов	34,3±0,3	39,6±0,9	33,7±0,7	36,3±0,6	Г-И***, И-С***, С-У*, Г-У*, И-У**
Корректурная проба					
Количество просмотренных знаков в обоих заданиях	425,8±3,0	428,0±2,0	436,3±4,6	458,0±6,0	Г-У**, С-У*, И-У*
Кол-во ошибок в обоих заданиях	21,2±0,5	19,8±1,2	22,1±0,9	19,4±1,2	
Коэффициент подвижности нервных процессов	1,8±0,01	1,7±0,007	2,0±0,05	2,4±0,1	Г-И***, И-С***, С-У**, Г-С***, Г-У***, И-У***
Коэффициент продуктивности работы	46,0±0,3	44,7±0,9	45,8±0,6	44,7±1,0	
Стрессоустойчивость, баллы					
Стрессоустойчивость	2,43±0,04	3,05±0,02	2,47±0,05	2,59±0,05	Г-И***, И-С**, С-У*, Г-У***, И-У*
Уровень социально-психологической адаптации (по А. К. Осницкому), %					
Адаптация	63,7±0,5	60,4±1,0	70,0±0,5	70,9±0,9	Г-И*, И-С***, Г-С***, Г-У***, И-У***
Самопринятие	81,3±0,4	79,4±1,1	82,0±0,6	80,0±1,0	И-С*
Принятие других	73,1±0,5	69,7±1,6	72,7±0,7	72,0±0,9	Г-И*
Эмоциональная комфортность	66,7±0,6	71,5±1,3	70,3±0,9	55,8±1,8	Г-И**, С-У***, Г-С**, Г-У***, И-У***
Интернальность	73,4±0,6	70,2±1,3	70,8±0,8	52,8±1,6	Г-И*, С-У***, Г-С*, Г-У***, И-У***
Стремление к доминированию	71,5±0,6	71,8±1,7	66,4±0,9	72,8±1,0	И-С*, С-У***, Г-С***
Эскапизм, баллы	11,3±0,2	11,5±0,4	14,9±0,3	9,2±0,4	И-С***, С-У***, Г-С***, Г-У***, И-У**
Мотивация к успеху (по Т. Элерсу), баллы					
Мотивация к успеху	17,8±0,2	18,4±0,4	19,1±0,2	19,4±0,3	Г-С***, Г-У***, И-У*

* - достоверные различия между социотипами

*- p<= 0,05; **- p<=0,01; ***- p<=0,001

Оценивая умственную работоспособность исследуемых девушек, мы установили, что наибольшее количество просмотренных знаков выполнено управленцами. В группах управленцев и социалов, по сравнению с другими типами, наблюдался максимальный коэффициент подвижности, тогда как минимальная подвижность нервных процессов выявлена у исследователей. По количеству ошибок достоверных отличий между группами не установлено.

Значимые различия между социотипами были получены при изучении стрессоустойчивости и социально-психологической адаптации девушек (табл. 2).

Большее количество баллов по шкале стрессоустойчивости набрали девушки исследовательской группы, что свидетельствует о высоком её уровне по сравнению с другими социотипами.

Максимальный уровень психо-социальной адаптации отмечался у управленцев и социалов, минимальный – у исследователей (табл. 2). При анализе параметров, определяющих этот показатель, оказалось, что у исследователей выявлена тенденция к низким показателям уровня самопринятия и принятия других, но при этом высокая эмоциональная комфортность. У управленцев высокий уровень адаптации был получен в результате низкого эскапизма, интернальности, эмоциональной комфортности и тенденции к доминированию. У социалов об-

наружен высокий уровень эмоциональной комфортности, самопринятия и эскапизма, при низком уровне стремления к доминированию.

Поскольку профессиональная реализация и успешность индивида связана с мотивацией к достижению успеха, важно было оценить данный показатель в зависимости от социотипа. Проведенный анализ данного качества позволил установить наибольший уровень мотивации в группах управленцев и социалов, а наименьший – в группе гуманитариев (табл. 2).

Таким образом, на основании полученных результатов психофизиологического исследования девушек можно сформировать психофизиологический «портрет» социотипа. Так, у гуманитариев основные психофизиологические показатели (память, внимание, подвижность нервных процессов и продуктивность работы) были средние, показатели вербального и технического мышления, стрессоустойчивость и мотивация к успеху низкие. Исследователи отличались от других групп более высокой стрессоустойчивостью, смысловой памятью, вниманием, а

технические способности, механическая и образная память, подвижность нервных процессов и продуктивность работы были на среднем уровне. Для социалов характерна выраженная мотивация к успеху, эскапизм, подвижность нервных процессов, развитое вербальное мышление, при низких стрессоустойчивости, стремлении к доминированию и технических способностях; показатели памяти и продуктивность работы были средние. Группа управленцев характеризовалась высокими показателями памяти, внимания, умственной работоспособности, подвижности нервных процессов, вербального мышления, стрессоустойчивости, выраженной мотивацией к успеху и тенденцией к доминированию, но средними техническими способностями, что в результате обеспечило высокий уровень социально-психологической адаптации.

На следующем этапе работы мы провели корреляционный анализ психофизиологических показателей.

Девушки 18 – 20 лет

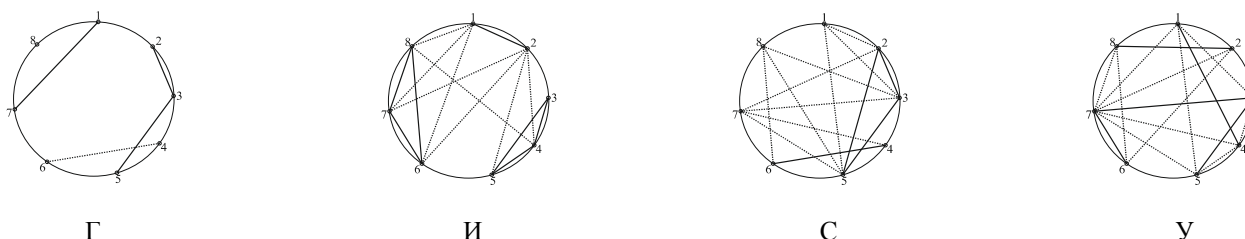

Рис. 1. Достоверные корреляции психологических показателей у девочек и девушек в зависимости от социотипа

Примечание:

1. Механическая память, баллы.
2. Смысловая память, баллы.
3. Образная память, баллы.
4. Переключение внимания, сек.
5. Вербальное мышление (по тесту Равена).
6. Стессоустойчивость.
7. Мотивация к успеху.
8. Адаптация.

При анализе достоверных корреляций между психофизиологическими показателями у девушек максимальное количество достоверных связей обнаружено в группе управленцев (16 связей), минимальное – у гуманитариев (4 связи) (рис. 1). Максимальное количество связанных элементов системы свидетельствует об их жестком взаимодействии и низкой адаптивности, и наоборот, малое количество связей свидетельствует о более высокой пластичности, адаптивности [4]. Следовательно, можно предположить, что управленцы характеризуются высокой устойчивостью психофизиологических параметров и стабильностью внутрисистемных связей, тогда как гуманитарии – более высокой пластичностью и адаптивностью. Социальный и исследова-

тельский социотипы занимали промежуточное положение в этом распределении по уровню адаптивности.

Результаты корреляционного анализа позволяют предположить, что каждый социотип формирует специфические взаимосвязи между психофизиологическими показателями, отличающиеся у представителей разных групп.

Вывод. Анализ психофизиологических показателей у студенток педагогического вуза позволяет говорить о наличии специфических различий между группами социотипов, которые необходимо учитывать в учебно-воспитательном процессе, при профессиональном и спортивном отборе.

Литература

1. Айзман, Р. И. Психофизиологические основы профориентации учащихся [Текст] / Р. И. Айзман, Н. И. Айзман, М. А. Суботьялов. – Новосибирск, 2009. – 154 с.
2. Айзман, Р. И. Программа комплексной оценки здоровья и развития студентов высших и средних учебных заведений [Текст] / Р. И. Айзман, Н. И. Айзман, А. В. Лебедев, В. Б. Рубанович // ФГУП НТЦ «ИНФОРМРЕГИСТР», регистрационное свидетельство № 13930 от «18» августа 2008 г. (г. Москва).
3. Аугустинавичюте, А. Соционика: Введение [Текст] / А. Аугустинавичюте. – СПб.: Terra Fantastica, 1998. – С. 25 – 32.
4. Бехтерева, Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека / Н. П. Бехтерева. – Л.: Медицина, 1971. – 118 с.
5. Будук-оол, Л. К. Состояние сердечно-сосудистой системы при адаптации студентов, проживающих в условиях Южно-Сибирского региона [Текст] / Л. К. Будук-оол, Р. И. Айзман // Гигиена и санитария. – 2010. – № 1. – С. 84 – 87.
6. Букалов, А. В. О распределении соционических типов в различных производственных коллективах [Текст] / А. В. Букалов, О. Б. Карпенко, Г. В. Чикирисова // Соционика. – М. – 2000. – № 1.
7. Букалов, А. В. Потенциал личности и загадки человеческих отношений [Текст] / А. В. Букалов. – М.: Чёрная белка, 2009. – 592 с.
8. Васильев, В. Н. Познай других – найди себя [Текст] / В. Н. Васильев, А. П. Рамазанова, С. А. Богомаз. – Томск, 1996. – 185 с.
9. Великанова, Л. К. Физиолого-гигиенические критерии рациональной организации учебно-воспитательной работы в школе [Текст] / Л. К. Великанова. – Новосибирск: НГПУ, 1993. – 93 с.
10. Гуленко, В. В. Юнг в школе. Соционика – межвозрастной педагогике [Текст] / В. В. Гуленко, В. П. Тыщенко. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1997. – 270 с.
11. Иванов, В. И. Автоматизированные методы психодиагностики: методические рекомендации [Текст] / В. И. Иванов, Н. А. Литвинова, М. Г. Березина; Кемеровский государственный университет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 28 с.
12. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов [Текст] / А. Карелин. – М.: ЭКСМО, 2008. – 416 с.
13. Мегедь, В. В. Характеры и отношения [Текст] / В. В. Мегедь, А. А. Овчаров. – М.: Армада-пресс, 2002. – 704 с.
14. Филатова, Е. С. Соционика в портретах и примерах [Текст] / Е. С. Филатова. – М.: Чёрная белка, 2009. – 448 с.
15. Холоднюк, Т. А. Роль индивидуальных психофизиологических показателей школьников в процессе адаптации к условиям предпрофильной подготовки и профильного обучения [Текст] / Т. А. Холоднюк: автореф. дис. ...канд. биол. наук. – Кемерово, 2009. – 25 с.
16. <http://www.jankoy.org.ua>

УДК 159.923

**ЛИЧНОСТНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ:
ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОИСК ПОКАЗАТЕЛЕЙ**

А. Г. Портнова, Н. С. Залубовская

**PERSONAL AND PROFESSIONAL STUDENTS DEVELOPMENT:
AN EMPIRICAL FINDING INDICATORS**

A. G. Portnova, N. S. Zalubovskaya

В статье представлено описание теоретического и эмпирического поиска комплексных показателей личностного и профессионального развития студентов вуза. По результатам исследования, проведенного в Кемеровском государственном университете, авторами выявлено, что уровень субъективного контроля является ведущим показателем личностного и профессионального развития студентов.

This article describes the theoretical and empirical finding indicators of personal and professional development. According to a study, conducted in the Kemerovo State University, the authors found that the level of subjective control is a leading indicator of personal and professional development students.

Ключевые слова: личность, развитие личности, взрослость, личностное и профессиональное развитие, социальная и личностная зрелость.

Keywords: person, personal development, adulthood, personal and professional development, social and personal maturity.

Организация многоуровневой системы высшего образования раскрывает возможности реализации индивидуально-творческого, личностно ориентированного подхода при получении профессии.

В контексте современных тенденций общественного развития особую актуальность приобретает проблема личностного и профессионального развития в студенческом возрасте. Данная проблема те-

сным образом связана с характером происходящих изменений в образовательной политике как на национальном уровне, так и в международном масштабе.

Студенческий возраст, или возраст ранней взрослости – не только возрастная, но и социальная категория. Следовательно, возрастные границы во многом зависят от действия социальных факторов. Так, К. Д. Ушинский считал молодежный период в жизни человека самым решающим и ограничил его 16 – 23 годами. Д. Б. Бромлей признавала периодом поздней юности и ранней взрослости интервал от 18 – 21. Б. Г. Ананьев называл возраст от 18 – 21 ранней взрослостью. В среднем большинство авторов нижней границей молодежного периода считают 16 – 17 лет, когда приобретает первичная социализация. Верхним пределом называют 24 – 25 лет, когда приходится завершение социализации, то есть усвоение профессиональных, семейных, культурных функции [1].

Одним из главных моментов в социальной ситуации развития этого возраста выступает изменение социальной позиции, места взрослого человека в системе объективно заданных социальных отношений, которое происходит по линии профессионального развития. В данный возрастной период он начинает осуществлять реальную профессиональную деятельность. Такого рода изменение социальной ситуации развития по освоению новых профессиональных ролей приводит к включению в новые социальные взаимоотношения. В то же время изменение объективного места в системе социальных отношений происходит по линии брачно-семейных отношений, с возникновением соответствующих задач развития.

Тенденция к самореализации и саморазвитию у многих молодых людей выступает в качестве важнейшего стимула к повышению уровня образования и формированию познавательных интересов. Поэтому развитие когнитивной сферы людей в возрасте 20 – 40 лет неразрывно связано с развитием и формированием личности.

Самым важным новообразованием молодости можно считать достижение социальной зрелости. Поскольку в этот период человек впервые непосредственно вступает в контакт с обществом, то, как уже говорилось, главной задачей его становится решение социальных задач: приобретение профессии, определенного социального статуса, создание семьи. Таким образом, в отличие от подростка, молодой человек не только в своем сознании включает себя во взрослую жизнь, но и начинает принимать в ней реальное участие. Поэтому под достижением социальной зрелости нужно понимать, с одной стороны, возможность выполнения социальных обязанностей, с другой – принятие ответственности за собственную жизнь, решения и поступки на самого себя. Иными словами, это овладение полным комплексом социальных функций взрослого человека, формирование новой взрослой идентичности [11].

Социальная зрелость, по мнению Н. А. Федоровой, выражается в том, насколько адекватно понимает человек свое место в обществе, каким мировоззрением или философией руководствуется, каково его отношение к общественным институтам (нормы морали, нормы права, законы, социальные ценности), к своим обязанностям, своему труду [7].

Для достижения социальной зрелости молодому человеку нужно решить проблему личностного и профессионального самоопределения.

Этап выбора профессии сменяется этапом первоначального профессионального становления в начале трудовой деятельности. Если на предыдущем этапе шло выстраивание ценностных аспектов «профессионального Я», то теперь идет выстраивание его на деятельностном уровне. При этом происходит осознание результатов сделанного выбора профессии и возможности кардинально влиять на собственную жизнь. Это сопровождается накоплением первоначальных профессиональных умений. Реальное подтверждение получает теперь собственное чувство взрослости. Меняются групповые ориентации, формируется новое профессиональное пространство общения. Выделяется и начинает развиваться новая форма общения – деловая. Становятся интересными не только те люди, с которыми можно вступать в эмоциональный контакт, но и те, кто обладает профессиональной информацией. Появляется принадлежность к профессиональной группе.

Этап профессионального становления можно также назвать исследовательским, поскольку идет активное экспериментирование формами профессиональной деятельности, и через них осуществляется исследование различных сторон своего Я, углубление самопознания.

Фактором, затрудняющим профессиональное становление молодых людей, является страх начала профессиональной деятельности, который выражается в сомнениях по поводу своей профессиональной компетентности, а также способностей, умений, знаний. Страх начала трудовой деятельности может не осознаваться самим молодым человеком, принимать различные внешние формы. Некоторые люди, к примеру, занимают позицию вечного студента, то есть постоянно обучаются на различных курсах. Они, казалось бы, повышают свое мастерство, но на самом деле так и не приступают к его реализации. Другие не предпринимают активных поисков места работы, и отсутствие работы является оправданием того, что к ней можно не приступать [2].

Важнейшим критерием профессионального осознания и продуктивности профессионального становления личности является ее способность находить личностный смысл в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить свою профессиональную жизнь, ответственно принимать решения о выборе профессии, специальности и месте работы.

Необходимость оптимизации личностного, социального, профессионального, нравственного раз-

вития специалистов на вузовском этапе продиктована, как уже говорилось ранее, условиями реформирования современной системы высшего образования. Эта система становится важнейшим институтом социализации личности, где образование и воспитание личности специалиста представляет собой единый процесс, направленный на формирование культурных, образованных, способных к творчеству, к созидательной активности в обществе, к адаптации в меняющихся социальных условиях конкурентоспособных специалистов. От выпускника ожидают оптимального выполнения деятельности в сложных с наименьшими психологическими и социальными потерями, что предполагает высокий уровень развития личности, способность к творчеству и профессионализм.

Личностное развитие на вузовском этапе обусловлено задачами обеспечения эффективности будущей профессиональной деятельности. Зрелость личностной, социальной, профессиональной, гражданской сферы выпускников, разработка внутренних субъективных и внешних объективных оснований ее оценки – важная задача высшего профессионального образования.

Таким образом, подготовка специалистов предполагает не только передачу научной информации и овладение студентами специальными знаниями, умениями, навыками, но и формирование у них профессионально значимых качеств личности [4].

Высшая школа является основным механизмом воспроизводства духовного, культурного потенциала страны и развития личности, основой для передачи новому поколению культуры, научных достижений, условием национальной безопасности и прогресса в развитии общества.

В молодости могут возникнуть серьезные проблемы с развитием самосознания. Затянувшийся период обучения зачастую приводит к инфантилизму, аномии (низкой степени воздействия на человека социальных норм). К концу периода молодости нередко возникает кризисное состояние, связанное с тем, что при уже сложившейся жизни личность еще несовершенна, много времени потрачено впустую. Этот кризис свидетельствует о том, что человек переходит на новую возрастную степень зрелости. Кризисное состояние дает импульс к дальнейшему совершенствованию личности, ее развитию.

Таким образом, можно предположить, что система ценностей молодых людей и их жизненные ориентации играют первостепенную роль в их жизнедеятельности в данный период.

В связи с этим на базе Кемеровского государственного университета было проведено пилотажное исследование личностного и профессионального развития студентов-выпускников психологического факультета.

В ходе исследования целевых характеристик развития по методике М. Рокича, направленной на измерение ценностных ориентаций личности, были выявлены следующие показатели.

На первое место среди всех предложенных терминальных ценностей определяют уверенность в себе – 48 %, 16 % опрошенных – интересную работу и творчество.

На второе место из наиболее значимых выбранных ценностей – здоровье – 40 %, 32 % – наличие хороших и верных друзей, 16 % – красоту природы и искусства.

На третьем месте среди терминальных ценностей оказалась счастливая семейная жизнь – ее выбрали 40 %, 16 % – интересную работу и творчество, 16 % – счастье других.

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что почти половина респондентов стремятся быть уверенными в себе и считают ее за основу личностного развития, далее важной для респондентов является ценность здоровья, как одна из характеристик зрелой личности, и на третьем месте ими обозначена счастливая семейная жизнь, что является основной задачей данного возрастного периода.

На первое место среди всех предложенных инструментальных ценностей выдвигается жизнерадостность – 44 %, 12 % – честность, 12 % – исполнительность.

На второе место из наиболее значимых выбранных ценностей определяется образованность – 32 %, 16 % – воспитанность и смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов.

Также выявлено, что на третьем месте среди инструментальных ценностей располагается смелость в отстаивании своего мнения и своих взглядов – 24 %, 24 % – ответственность, 12 % – независимость.

Анализируя выбор инструментальных ценностей респондентов, можно судить об оптимистическом взгляде на жизнь, о признании образования как ведущего вида деятельности. В период ранней зрелости это дает основание для выбора такой ценности, как образованность, которая является также фактором личностного и профессионального развития, кроме того, респондентами подчеркивается значимость такой ценности, как отстаивание своего мнения, что свидетельствует о выработанной собственной жизненной позиции личности.

В начале исследования предполагалось, что уровень ответственности личности, диагностируемый как показатель субъективного контроля, является самым значимым в определении степени личностного и профессионального развития студентов вуза. Для доказательства этого предположения произведено разделение респондентов на 2 группы по характеристикам уровня субъективного контроля: с низким показателем общей интернальности (≤ 22) и с высоким показателем общей интернальности (≥ 22). Результаты приведены в таблице.

Таблица

Сравнительный анализ показателей УСК 1-й и 2-й группы

Параметры	гр. 1	гр. 2	t-value	p
Самоуважение	57,0±6,33	65,0±10,86	-2,096	0,047
Шкала принятия агрессии	55,0±7,28	60,67±6,23	-2,01	0,056
Внутренняя мотивация	3,55±0,83	4,2±0,90	-1,82	0,08
Шкала общей интернальности	20,6±1,07	29,47±4,16	-6,56	0,000
Шкала интернальности в области достижения	6,6±0,84	8,27±2,19	-2,29	0,031
Шкала интернальности в области межличностных отношений	3,6±2,83	5,8±0,94	-2,81	0,010
Шкала интернальности в отношении здоровья (болезней)	1,5±1,08	3,0±0,85	-3,89	0,000

Статистически значимые различия (при $p \leq 0,05$) мы получили по следующим 7 шкалам:

- шкала самоуважения, регистрирующая степень принятия человеком себя таким, какой он есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков;
- шкала принятия агрессии, свидетельствующая о способности индивида принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы;
- шкала внутренней мотивации, которая обуславливает интерес личности к деятельности как таковой, что свидетельствует о сформированном профессиональном развитии;
- шкала общей интернальности, высокий показатель по которой свидетельствует о наличии высокого уровня субъективного контроля и интерналь-

ности личности, позитивного отношения к миру, а также об осознанности смысла и целей в жизни;

- шкала интернальности в области достижения. Высокие показатели по данной шкале свидетельствуют о высоком уровне субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями;

- шкала интернальности в области межличностных отношений, высокие показатели по данной шкале свидетельствуют о том, что человек считает именно себя ответственным за построение межличностных отношений с окружающими;

- шкала интернальности в отношении здоровья и болезней. Принявшие участие в исследовании студенты считают себя ответственными за свое здоровье.

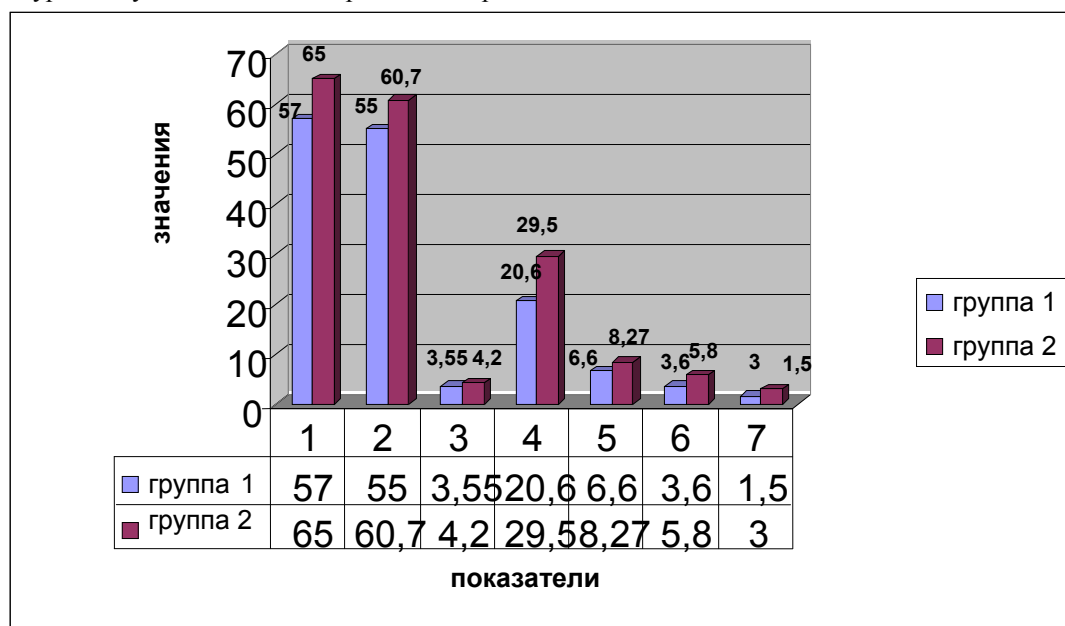

Рис. 1. Соотношение показателей УСК 1 и 2 группы

Анализ полученных результатов (рис. 1) позволил определить, что для испытуемых с высоким уровнем субъективного контроля характерно высокое самоуважение, большая способность к принятию агрессии, более выражена внутренняя мотивация, а также на достаточно высоком уровне находятся показатели субъективного контроля в области межличностных отношений и отношения к собственному здоровью.

Таким образом, было доказано, что уровень субъективного контроля является ведущим показателем личностного и профессионального развития в исследуемом возрасте.

Анализируя данные, полученные по тесту самоактуализации (САТ), который во многих современных исследованиях используется для оценки количественных и качественных характеристик личностной зрелости, определено: показатели выше средне-

го выявлены по следующим шкалам: «поддержки», «ценностных ориентаций», «спонтанности», «самоуважения», «самопринятия», «принятия агрессии», «познавательных потребностей», «креативности»; ниже среднего по шкалам: «гибкости поведения», «сензитивности к себе», «синергии».

В результате проведенного анализа были выявлены статистически значимые различия по шкале «компетентности во времени», минимальное значение в данной выборке составляет $35,0 \pm 7,62$, максимальное значение – $65,0 \pm 7,62$, среднее значение – $49,6 \pm 7,62$.

Высокий балл по этой шкале свидетельствует о способности субъекта жить настоящим, то есть переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, то есть видеть свою жизнь целостной, воспринимать процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Именно такое мироощущение, психологическое восприятие времени субъектом свидетельствует о высоком уровне самоактуализации личности, что обуславливает высокий уровень личностного и профессионального развития.

Низкий балл по шкале означает ориентацию человека лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее) и (или) дискретное восприятие своего жизненного пути. Результаты данного эмпирического исследования также свидетельствуют о сниженных показателях целостного восприятия жизни у испытуемых. Также обнаружена связь показателей ориентации во времени с уровнем личностного развития.

На основании стеновой шкалы мы разбили выборку на две группы, в первую группу вошли респонденты, имеющие показатели по данной шкале

ниже среднего (< 50), во вторую группу вошли респонденты, показатели которых по стеновой шкале были средние и выше среднего (≥ 50).

Таким образом, первая группа составила 36 % от всей выборки, а вторая группа – 64 %.

Такое распределение испытуемых по группам свидетельствует, что основная часть респондентов имеет достаточно высокий уровень личностного развития для исследуемого периода.

Далее в ходе корреляционного анализа получены результаты, которые позволяют сделать вывод о взаимосвязи показателей личностного развития (при $p \leq 0.05$) таких как: «спонтанность», «самоуважение», «креативность», «контактность», «сензитивность к себе», «самопринятие», «принятие агрессии», «ценностные ориентации», «гибкость поведения», «компетентности», «представлений о природе человека», «познавательные потребности», «синергия» с показателями профессионального развития: «внутренняя мотивация», «показатель общей интернальности», «интернальности в области неудач», «интернальности в области производственных отношений» (рис. 2).

На основе корреляционного анализа исследуемых показателей нами была получена 1 корреляционная плеяда сетевого типа, а также 4 цепочечные плеяды,

где S – шкала «спонтанности»,

Sr – шкала «самоуважения»,

Cr – шкала «креативности»,

C – шкала «контактности»,

Ио – шкала «интернальности общей»,

Ид – шкала «интернальности в области достижений»,

Инеуд – шкала «интернальности в области неудач».

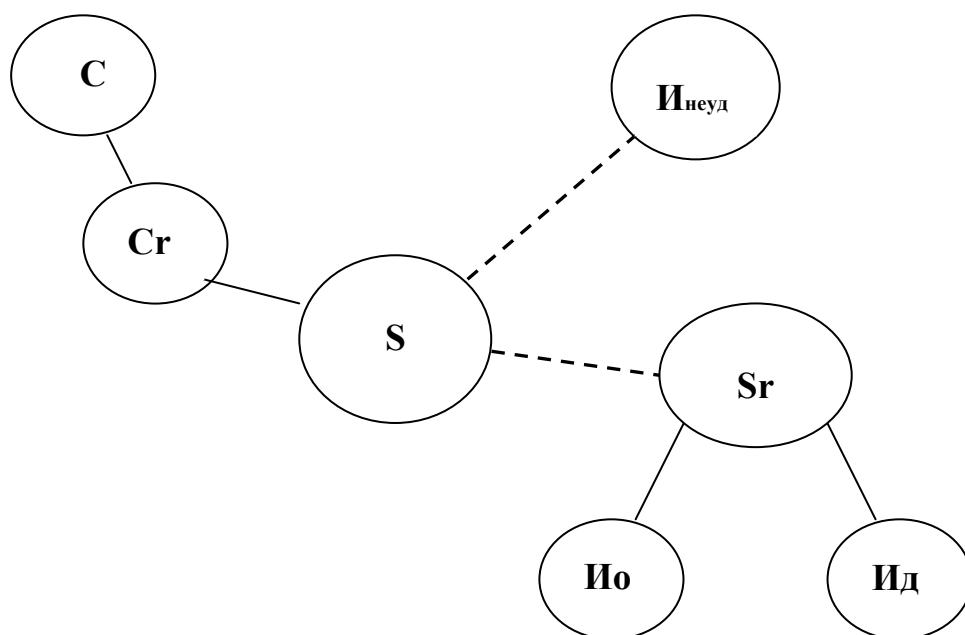

Рис. 2. Корреляционная плеяда исследуемых показателей

Центрами сетевой корреляционной плеяды стали 2 показателя: Sr – шкала самоуважения (3 связи), диагностирующая способность субъекта ценить

свои достоинства, положительные свойства характера, имеющая прямую положительную связь с показателями общей интернальности ($r = 0,5$, при

$p \leq 0,005$), а также с показателями интернальности в области достижений ($r = 0,48$, при $p \leq 0,005$); и шкала спонтанности (3 связи), показатели по которой свидетельствуют о возможности другого, не рассчитанного заранее способа поведения, о том, что субъект не боится вести себя естественно и раскованно, демонстрировать окружающим свои эмоции, который коррелирует отрицательно со шкалами самоуважения ($r = -0,50$, при $p \leq 0,005$) и шкалой интернальности в области производственных отношений ($r = -0,45$, при $p \leq 0,005$), и положительно со шкалой креативности ($r = 0,45$, при $p \leq 0,005$). В свою очередь, показатели по шкале креативности положительно коррелируют с показателями по шкале контактности ($r = 0,47$, при $p \leq 0,005$), характеризующей способность человека к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми или, используя ставшую привычной в отечественной социальной психологии терминологию, к субъект-субъектному общению.

Цепочечные связи показали нам, в основном, положительные взаимосвязи.

В заключение заметим, что личностное развитие на вузовском этапе обусловлено задачами обеспечения эффективности будущей профессиональной деятельности. Зрелость личностной, социальной, профессиональной, гражданской сферы выпускников, разработка внутренних субъективных и внешних объективных оснований ее оценки – важная задача высшего профессионального образования. Поскольку подготовка специалистов предполагает не только передачу научной информации и овладение студентами специальными знаниями, умениями, навыками, но и формирование у них профессионально значимых качеств личности. Личностная зрелость студентов, будущих профессионалов, выступает как качественная характеристика субъекта труда, отражающая уровень развития профессиональных, личностно-деловых качеств, адекватный уровень притязаний, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направленные на прогрессивное развитие будущего специалиста.

Социально-нравственная зрелость есть условие и результат практической реализации целей воспитания и самовоспитания. С одной стороны, необходимо формирование знаний и способов учебно-познавательной деятельности, мотивации и личного опыта в ведущей деятельности, культуры и опыта общения личности, с другой – важно саморазвитие субъективно – личностных, рациональных и эмоциональных отношений в социуме и деятельности [5].

По мнению современных исследователей проблемы личностного и профессионального развития, личностное пространство шире профессионального и оказывает на него существенное влияние. В ближайшем обновляющемся обществе становлению профессионала способствуют следующие черты личности: следование профессиональной этике; ин-

дивидуальная социальная и экономическая ответственность; внутренний локус контроля; помехоустойчивость и конкурентоспособность; гибкость и оперативность и т. д. [7].

В нашем исследовании мы подтвердили предположение о том, что крайне сложно выделить специфические критерии профессиональной зрелости, не учитывая все аспекты зрелости человека, поскольку они проявляются совместно. Процесс становления профессионала связан, прежде всего, с личностными качествами, способностями и интересами, формированием субъекта труда, проблемой жизненного пути и самоопределения, выявлением требований, предъявляемых профессией к человеку, становлением профессионального сознания и самосознания.

Литература

1. Абрамова, Г. С. Возрастная психология [Текст] / Г. С. Абрамова. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 704.
2. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 1968. – С. 287.
3. Божович, Л. И. Этапы развития личности в онтогенезе [Текст] / Л. И. Божович // Вопросы психологии. – 1979. – № 2.
4. Деркач, А. Акмеология [Текст] / А. Деркач, В. Зазыкин. – СПб.: Питер, 2003. – С. 256.
5. Кошелева, А. О., Личностная зрелость как фактор успешности профессиональной деятельности: монография [Текст] / А. О. Кошелева, А. С. Вершков, И. В. Родных; под общ. ред. А. О. Кошелевой. – Орел: Академия ФСО России, 2008. – 109 с.
6. Крайг, Г. Психология развития [Текст] / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2008. – 992 с.
7. Портнова, А. Г. Онтопсихология зрелости: монография / А. Г. Портнова; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2009. – 206 с.
8. Портнова, А. Г. Личностная и профессиональная зрелость специалистов социальной сферы как критерии качества высшего профессионального образования [Текст] / А. Г. Портнова, Н. С. Залюбовская // Профессиональная подготовка кадров для социальной сферы: Региональный аспект: колл. монография под ред. Т. Н. Мартыновой; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2009. – 420 с. – С. 173 – 187.
9. Трофимова, Н. М. Возрастная психология [Текст] / Н. М. Трофимова, Т. Ф. Пушкина, Н. В. Козина. – СПб.: Питер, 2005. – С. 240.
10. Фельдштейн, Д. И. Психология взросления [Текст] / Д. И. Фельдштейн. – М.: Флинта, 1999. – С. 128.
11. Хухлаева, О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость [Текст] / О. В. Хухлаева. – М.: Академия, 2005. – С. 213.

ФИЗИКА

УДК 52,53,55,56

ЗЕМЛЯ, СОЛНЦЕ – ГЕНЕРАТОРЫ ЭЛЕКТРОНОВ

Г. М. Белокуров

LAND, SUN – GENERATORS OF ELECTRONS

G. M. Belokurov

На основании анализа гидросферных, атмосферных и космических электромагнитных процессов и явлений предложена модель образования магнитного поля Земли. Объясняется причина искажения магнитного поля Земли в космическом пространстве и механизм влияния корональных выбросов Солнца на электромагнитные явления в земной атмосфере. Суммарное взаимодействие всех электромагнитных процессов и явлений свидетельствует, что Земля и Солнце обладают очень большим отрицательным зарядом.

On the basis of analysis of hydrospheric, atmospheric and cosmic electromagnetic processes and effects the model of formation of magnetic field of the Earth is suggested. The reason of distortion of the magnetic field of the Earth in cosmic space and the mechanism of influence of the Sun coronal surges to electromagnetic phenomena in the Earth's atmosphere are explained. Complete interaction of all electromagnetic processes and effects results in a fact that the Earth and the Sun have a very large negative charges.

Ключевые слова: атмосферное электричество, магнитное поле Земли.

Keywords: atmospheric electricity, magnetic field of the Earth.

Вводная часть

В [1] приведены электрические параметры Земли: Земля имеет постоянный отрицательный заряд $5,7 \cdot 10^5$ Кл; средняя поверхностная плотность электрического заряда Земли – $1,15 \cdot 10^{-9}$ Кл/м²; напряженность электрического поля над поверхностью Земли 130 В/м; плотность электрического тока в атмосфере при хорошей погоде $(2 - 3) \cdot 10^{-12}$ А/м²; при спокойных дождях $10^{-7} - 10^{-6}$ А/м²; при грозовых ливнях 10^{-4} А/м²; плотность электрического тока в гидросфере 10^{-2} А/м². Расчётный потенциал бесконечно удаленной точки космоса относительно Земной поверхности 800 миллионов вольт.

В XIX и XX веках было разработано множество теорий об атмосферном электричестве, объясняющих происхождение электрического заряда Земли за счёт разделения зарядов в атмосфере. Наибольшее признание получили две теории: английского учёного Чарлза Вильсона и советского учёного Якова Ильича Френкеля [2].

Ни одна из множества теорий не подтверждена конкретным механизмом, возвращающим электроны на Землю. Так, в [3] объясняется, что «поскольку нижняя часть облака заряжена отрицательно, то подавляющее число молний переносят с облака на землю отрицательный заряд». Но уже через две страницы написано: «Заряд и длительность отрицательной молнии обычно меньше, чем положительной», и дальнейшее описание параметров отрицательных и положительных молний полностью включает молнии как генераторы Земного заряда.

Все описания этих механизмов изложены как предположения на основе чисто теоретических моделей. За счёт атмосферных токов Земля должна потерять свой заряд. «Время, в течение которого заряд Земли за счёт токов проводимости атмосферы уменьшился бы до $1/e = 0,73$ от своего первоначаль-

ного значения, равно – 500 сек. Т. к. заряд Земли в среднем не меняется, то **очевидно**, что существуют «генераторы» атмосферного электричества, заряжающие Землю» (цитата из [4]). Эта цитата подтверждает, что реального объяснения происхождения заряда Земли не существует. Так, в работах уже XXI века измеренные атмосферные токи объясняются как следствие **сторонних токов** [5, 6]. Эти **сторонние токи** являются генератором для атмосферных токов, но природа и механизм их образования не объясняются и где они протекают не известно. Существование открытых в 90-х годах прошлого века электрических явлений над грозовыми облаками (спрайты, джеты и эльфы) также выходит за рамки существующих теорий, и реального объяснения их природы нет.

На сегодняшний день ни одна теория не объясняет природу токов в гидросфере, направление которых совпадает с атмосферными токами, а плотность как минимум на два порядка больше максимальных атмосферных. Анализ грозовой статистики показывает, что именно грозовые разряды являются той дополнительной ветвью, которая на границе атмосферы с гидросферой приводит токи в соответствие с законом Кирхгофа, т. е. молнии не заряжают Землю отрицательным зарядом, а уносят электроны в космос. Существование гидросферных токов свидетельствует, что электрические свойства планеты не объясняются только атмосферными процессами. Глубинные геофизические процессы также участвуют в формировании электрического поля Земли. Исходя из того, что на Земле не найдены генератор и обратная электрическая ветвь цепи, возвращающей электроны на Землю, следует предположить, что недра Земли являются тем однополярным генератором электрической энергии, обеспечивающим отрицательный заряд Земли. Для такой модели пока нет

объяснения в современной физике. Но именно такая модель даёт объяснение всем геофизическим, атмосферным и космическим взаимодействиям, процессам и явлениям, выстраивая их в единый логический ряд. Некоторые из них приведены в этой статье.

Магнитное поле Земли

Существующая теория о железном намагниченном ядре в недрах Земного шара, которое своими магнитными свойствами определяет существование магнитного поля Земли, имеет серьёзные недостатки. Во-первых, по данным гравиметрии, плотность ядра значительно ниже, чем предполагаемый железоникелевый состав. А во-вторых, железо при температуре выше $769\text{ }^{\circ}\text{C}$ изменяет свою кристаллическую структуру и теряет магнитные свойства. И нет доказательств, что при температуре $5\,000\text{ }^{\circ}\text{C}$ и давлении более 3,5 млн атм. железо сохраняет свои магнитные свойства.

И образование магнитного поля, и несовпадение его полюсов с географическими, и перемещение и смена магнитных полюсов – всё это вполне объяснимо в рамках законов электротехники, если Земля является генератором электронов.

При объёмном движении электрического заряда, кроме поперечного магнитного поля, за счёт движения элементарных частиц по спиралевидной траектории, создаётся продольное магнитное поле, направление полюсов которого зависит от случайных начальных процессов, или от первоначального воздействия внешнего магнитного поля.

Спиралевидная траектория движения иона в магнитном поле – это некое подобие соленоида (рис. 1). Независимо под каким углом ион влетает в магнитное поле (φ_{VF}), угол между магнитными линиями поля, создаваемого ионным, и линиями внешнего поля (φ_{FF}) всегда будет острым. При взаимо-

действии иона с магнитным полем траектория иона изменяется, совмещая собственное поле ионного соленоида с внешним магнитным полем. При этом поле иона вносит искажение во внешнее поле и добавляет ему энергии. Чем мощнее поток ионов, тем сильнее магнитное поле будет отклоняться, совмещая направление своих силовых линий с направлением ионного потока. И тем мощнее становится само магнитное поле, т. к. энергия электрического поля, разгоняющего ионы, преобразуется в энергию магнитного поля.

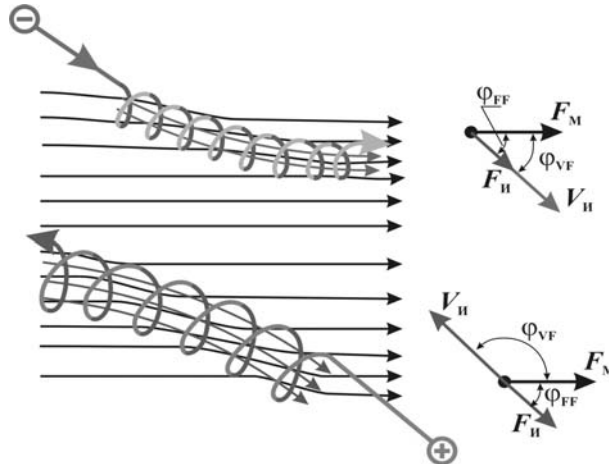

Рис. 1. Взаимодействие иона с магнитным полем

Магнитное поле Земли создано потоком электронов, идущим из недр Земли в космос. Энергия электрического поля, создаваемая отрицательным зарядом Земли, за счёт спиралевидного движения электронов в этом поле преобразуется в энергию магнитного поля (рис. 2).

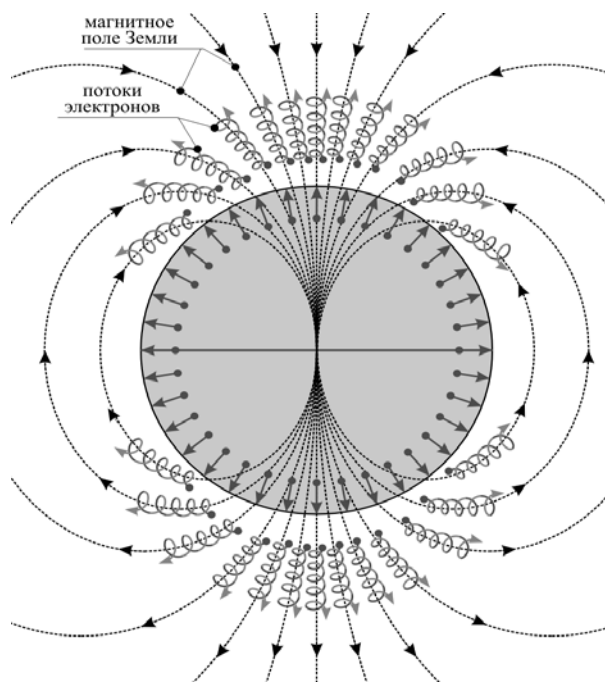

Рис. 2. Схема преобразования электрической энергии электронных потоков в энергию магнитного поля Земли

Интегральной характеристикой магнитного поля Земли является магнитный момент $M = I \cdot S$ (где I – ток, охватывающий контур сечением S), который в настоящее время составляет $7,812 \cdot 10^{22}$ А·м² [7]. Подсчитано, что радиус сечения зоны, в которой действует механизм «магнитное динамо», составляет 0,25-0,3 радиуса Земли. Следовательно, электрический ток «космос – Земля», создающий магнитное поле, имеет величину от 6 800 000 000 до 9 800 000 000 ампер. Энергия суточного вращения поверхностного заряда Земли незначительна, но она создаёт эффект неустойчивого равновесия при приближении полюса к зоне экватора. Поэтому магнитные полюса стремятся сблизиться с полюсами географическими.

Литосферные плиты состоят в основном из гранитов и базальтов, которые являются очень хорошими изоляторами. Поэтому проводимость земной коры зависит от толщины плиты, наличия разломов, дроблённости, химической неоднородности. Неравномерности в проводимости мантии и земной коры нарушают симметрию магнитных полюсов относительно полюсов географических, а также могут создавать локальные магнитные полюса (что наблюдается в южной Атлантике). Глубинные тектонические подвижки изменяют проводимость в мантии и в коре, такие изменения перераспределяют плотность электронных потоков, что, в свою очередь, влечёт к смещению магнитных полюсов. Такие смещения могут привести к смене полюсов.

На интенсивность и распределение плотности электронных потоков из недр Земли сильное влияние оказывают внешние электрические поля, создаваемые зарядами корональных выбросов Солнца. Такое взаимодействие, вызывающее магнитные бури и полярные сияния, возможно только в том случае, если корональные выбросы Солнца представляют собой поток отрицательно заряженной плазмы.

Искажение магнитного поля Земли. Электрический заряд Солнца

Никакие термодинамические процессы Солнца не могут придать корональным выбросам кинетическую энергию, способную преодолеть гравитацию Солнца. Только кулоновское взаимодействие заряженной отрицательно плазмы корональных выбросов с зарядом Солнца способно преодолеть гравитацию Солнца.

За пределами атмосферы Земли на расстоянии примерно трёх земных радиусов симметрия магнитного поля Земли искажается воздействием на него Солнечного ветра, а на расстоянии десяти радиусов разворачивается от Солнца в обратную сторону (рис. 3).

Существующая модель, объясняющая механизм искажения магнитного поля Земли «солнечным ветром», не даёт бесспорного ответа на вопрос: «Почему магнитное поле развёрнуто от Солнца?» Электромагнитное излучение – свет не может воздействовать на постоянное магнитное поле и отклонить его, нет в электротехнике такого механизма. Искажать поле может поток ионов. Но если этот поток только солнечный, то конфигурация магнитного по-

ля, согласно схеме взаимодействия рис. 1, должна быть раскрытой (рис. 4б) в обе стороны. Угол между силовыми линиями магнитного поля Земли и полем, создаваемым ионами солнечного излучения, острый (рис. 4а), и взаимодействие полей должно раскрывать поле Земли в сторону Солнца. Т. е. направление силовых линий магнитного поля стремилось бы совместиться с направлением движения ионного потока (рис. 4б) как по ходу движения ионного потока, так и навстречу его движению, от Земли к Солнцу.

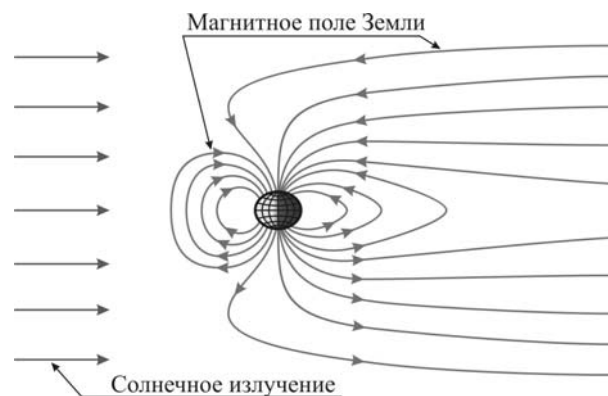

Рис. 3. Искажение магнитного поля Земли солнечным излучением

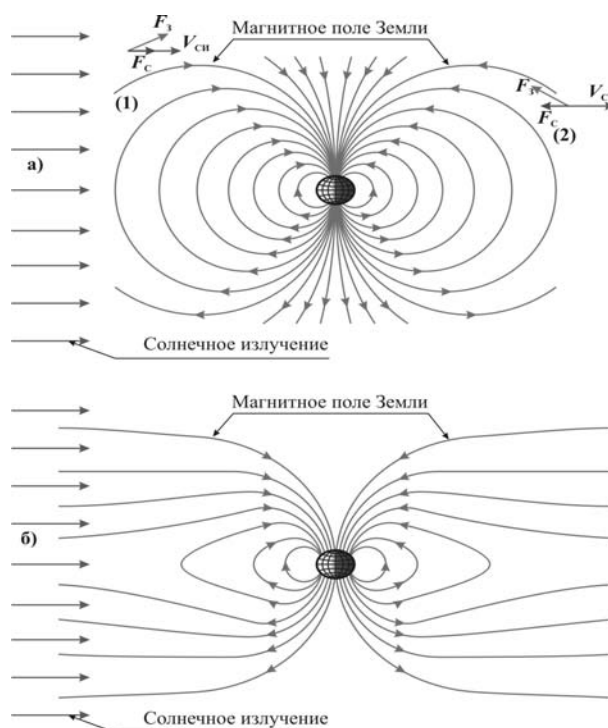

Рис. 4. При векторном суммировании магнитного поля Земли F_z и магнитного поля, создаваемого ионным потоком солнечного ветра F_c , и в области (1) и в области (2) (рис. а) магнитное поле Земли должно разворачиваться симметрично (рис. б)

Реальная конфигурация магнитного поля Земли (рис. 3) могла образоваться только при условии, что Солнце, как и Земля, имеет отрицательный заряд, и

солнечное излучение несёт поток отрицательно заряженных ионов.

Поток солнечных ионов на порядки мощнее земных потоков. Точка взаимного равновесия между кулоновским взаимодействием электрических зарядов и ионных потоков Земли и Солнца находится приблизительно на расстоянии десяти земных радиусов в сторону Солнца, там, где заканчивается магнитное поле Земли.

Схема взаимодействия потоков ионов изображена на рис. 5. Потоки земных ионов, под воздействием солнечного потока и при взаимном кулоновском взаимодействии, разворачиваются в стороны и затем увлекаются солнечным потоком в обратную сторону.

Если совместить рисунки 3 и 5, то видно, что магнитное поле Земли разворачивается от Солнца по траектории ионного потока, т. е. электрическая энергия ионных потоков преобразуется в магнитную по схеме рис. 1. Магнитное поле Земли разворачивается от Солнца только потому, что и Земля и Солнце имеют огромные отрицательные заряды, и потоки отрицательно заряженных ионов, испускаемых и Землёй и Солнцем, своим взаимодействием определяют направление магнитного поля Земли.

Конфигурация магнитного поля Земли за пределами атмосферы свидетельствует о том, что Солнце, как и Земля, имеет огромный отрицательный заряд. Этот вывод подтверждается следующими физическими параметрами Солнца:

- существующий в солнечной атмосфере и не встречающийся в земной природе отрицательный ион водорода [8], который представляет собой протон с двумя электронами, такое образование возможно при очень мощном избыточном отрицательном заряде;

- пониженная плотность солнечной атмосферы не соответствует гравитационному распределению по высоте [9], такое разряжение может быть создано только за счёт кулоновского взаимодействия объёмного заряда рассредоточенного в атмосфере Солнца;

- с высотой температура солнечной атмосферы растёт, в хромосфере с 4 000 К до 15 000 К, выше в короне температура достигает более 2 000 000 К [10], такой разогрев может быть обеспечен только электрическим током, создаваемый стекающим с Солнца зарядом;

- корональные выбросы – это огромные массы солнечного вещества, вылетающие из корональных дыр и достигающих окраин Солнечной системы. Никакие термодинамические процессы не способны придать этим выбросам энергию на преодоление гравитационного притяжения Солнца, тем более, что корональные дыры – это разуплотнённые области солнечной поверхности. Только кулоновское взаимодействие заряда вырывающихся масс с зарядом Солнца может обеспечить такой энергией эти выбрасываемые массы;

- солнечная поверхность на тысячи километров в глубину состоит из диамагнетиков. Образование столь мощных магнитных полей на поверхности Солнца возможно только за счёт мощных вихревых потоков электрических зарядов, выталкиваемых из

внутренних областей Солнца за счёт кулоновского взаимодействия.

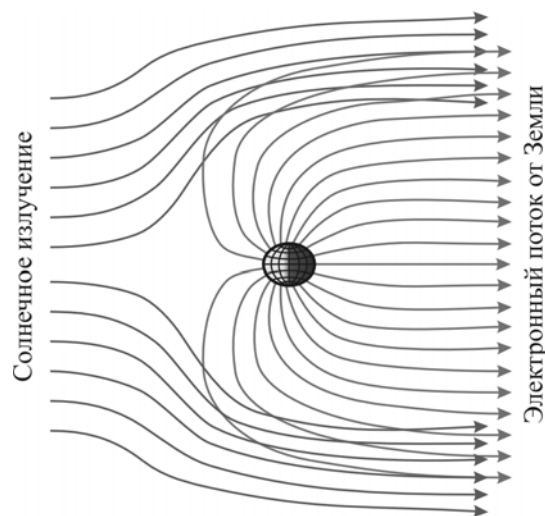

Рис. 5. Схема действия ионного потока Солнца на электронный поток Земли

Литература

1. Кошкин, Н. И. Справочник по элементарной физике / Н. И. Кошкин, М. Г. Ширкевич. – М.: Наука, 1965.
2. Френкель, Я. И. Теория явлений атмосферного электричества / Я. И. Френкель. – Л., Гостехиздат, 1949.
3. Техника высоких напряжений: теоретические и практические основы применения: [пер. с немецкого]; под ред. В. П. Ларионова. – М.: Энергоатомиздат, 1989.
4. Имянитов, И. М. [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovari.yandex.ru/Теория%20явлений%20атмосферного%20электричества/БСЭ/> Атмосферное%20электричество.
5. Сорокин, В. М. Возмущение электрического поля, обусловленное увеличением проводимости в результате роста атмосферной радиоактивности, связанного с сейсмичностью / В. М. Сорокин, А. К. Яценко // Химия атмосферы / Химическая физика. – М., 2007. – Т. 26. – № 4. – С. 39 – 44.
6. Сорокин, В. М. Плазменные и электромагнитные эффекты в ионосфере, связанные с динамикой заряженных аэрозолей в нижней атмосфере / В. М. Сорокин // Химия атмосферы / Химическая физика. – 2007. – Т. 26. – № 4. – С. 45 – 80.
7. Магнитное поле Земли. [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Магнитное_поле_Земли.
8. Солнечная атмосфера. [Электронный ресурс]. – URL: <http://galspace.spb.ru/index63-4.html>.
9. Солнечная атмосфера – корона. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.o8ode.ru/article/timy/xfi/cun/colne4naa_atmocfera_korona.htm.
10. Атмосфера Солнца. [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Атмосфера_Солнца.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'282

ЯЗЫКОВОЕ КАРТИНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА
В ТРАДИЦИОННОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ

В. П. Васильев

THE CONCEPT VERBALIZATION IN THE LINGVISTIC PICTURE
OF THE WORLD OF THE TRADITIONAL LINGUA-CULTURAL COMMUNITY

V. P. Vasilyev

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 11 - 14 - 42003 а / Т

Статья посвящается исследованию фрагмента культурно-языковой картины мира крестьянства как определяющего для русского этноса сословия. В ней предлагается анализ системы языковых представлений, объективирующих базовый концепт *роса*, с точки зрения стоящих за ними специфических черт сельского мира, его культуры и менталитета.

Статья продолжает публикацию «Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира», выполненную в рамках этого же гранта.

The article is dedicated to the fragment of lingua-cultural picture of the world created by peasants as the main social layer of the Russian ethnic community. Here the analysis of the system of linguistic notions, which help to objectivize the basic concept *dew* is given from the point of view of the specific features of the rural world, its culture and mentality.

The article continues the «The denotative class as a categorical fragment of the linguistic picture of the world» publication, fulfilled in the frames of the same grant.

Ключевые слова: диалектная картина мира, денотативный класс, метоним, концепт, ментальность, традиционная культура русского социума.

Keywords: the world dialectal map, denotative class, metonym, concept, mentality, traditional culture of the Russian society.

В изучении языковой картины мира (ЯКМ) как совокупности эмпирических знаний о мире, запечатлённых в лексике, фразеологии и грамматике [1, с. 66], в настоящее время выдвигаются различные подходы, среди которых обращают на себя внимание лингвистический (лингвокогнитивный) и культурологический [2, с. 76 – 130].

Лингвистический подход к описанию картины мира реализуется через реконструкцию её фрагментов исключительно на основании языковых данных. Путём структурно-семантического анализа лексики определённого языка воссоздаётся цельная система представлений, отражённых в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной или универсальной [3; 4]. С развитием когнитивизма в лингвистике ценностно-смысловое пространство языка раскрывается путём воссоздания объективированных в нём концептов. Стремление учёных к исчерпывающему пониманию природы ЯКМ побуждает рассматривать её в контексте смежных категорий, таких как обиходные представления (или наивная КМ) [5; 6], языковая модель мира [7, с. 135], научная [2, с. 3 – 75] и концептуальная картины мира, а также со стороны обнаруженных в ней уникальных и универсальных признаков в отображении реальной действительности.

При лингвокультурологическом подходе, учитывая неразрывную связь культуры народа и его языка, ЯКМ рассматривается как источник зна-

ния о национальной культуре, национальном характере и менталитете. В исследованиях подобного типа [8; 9; 10, с. 282] намечаются принципы лингвокультурологического анализа и определяются единицы объяснения и описания ЯКМ. Её этнокультурное своеобразие раскрывается на основе анализа слов и неоднословных номинаций с особыми культуроспецифичными значениями, которые «отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления» [10, с. 268]. Языковые единицы, соотносимые с «ключевыми культурными концептами», изучаются на материале отдельно взятых языков [9] или неблизкородственных языков [10]. Критическое осмысление полученных результатов позволяет культурологам от лингвистики внести в исследовательскую ориентацию ощутимые поправки, которые расширяют картину мира за счёт включения концептов «материального мира» и предостерегают от вульгаризаторских суждений о национально-культурной самобытности, сделанных на одноязычном материале [7, с. 136].

Наличие в отечественном языкознании существующих подходов со своими установками и достижениями актуализирует идею синтеза лингвокультурологических и когнитивно-семиологических методик, отвечающую потребности «полномасштабного моделирования ЯКМ, а также выявления тех ме-

ханизмов, которые определяют её этнокультурное своеобразие» [7, с. 137].

В наших работах, поддерживающих установку учёных на создание интегративной теории ЯКМ, анализ метеонимической лексики русского языка осуществляется в её сопряжённости с традиционным типом культуры и диалектной подсистемой национального языка [11; 12]. Настоящая статья посвящается исследованию фрагмента культурно-языковой картины мира крестьянства как определяющего для русского этноса сословия. В ней предлагается анализ системы языковых представлений, охватывающих базовый концепт *роса*, с точки зрения стоящих за ними специфических черт сельского мира, его культуры и менталитета.

Основу источниковой базы исследования образует корпус лексико-фразеологических средств, извлечённых из словника «Словаря русских народных говоров» [13] и подготавливаемого к печати недифференциального «Сибирского метеорологического словаря» [14].

Изучение метеорологической лексики русской деревни (равно как и других слоев натурфактонию) в связи с её социокультурной реальностью мыслится необходимым в том отношении, чтобы, с одной стороны, показать, как «в процессе приспособления к условиям природной среды закрепляются соответствующие психологические установки, эмоциональные реакции, нормы и идеалы культуры... народа» [15, с. 76], а с другой стороны, понять деревенское общество с теми традициями, которые присущи громадной части человечества и которые направляли, формировали, а иногда и препятствовали развитию России [16, с. 92].

Опираясь на идею о том, что «каждый фрагмент действительности является неотъемлемым элементом культуры» [17, с. 3], мы соглашались с тем, что в метеоним «одинаково входит и творение мира, и наша психика» [18, с. 34]. При этом этнокультурная окрашенность метеонима проистекает из проекции в его концепт элементов культуры по трём составляющим. К ним относятся:

а) цивилизационная составляющая, символизирующая собой результаты хозяйственной деятельности людей в соответствии с прохождением различных ступеней технического и технологического развития данного сообщества;

б) социально-психо-логическая составляющая, вбирающая в себя национальный характер, менталитет (особенности мышления), проявления нравственности;

в) модусная, или деятельностная, составляющая, указывающая на способы освоения действительности, восприятия и передачи информации [19, с. 14].

Средством хранения культурной информации, сосредоточенной в языке «чаще всего в латентном... состоянии» [20, с. 14], оказываются различные звенья ассоциативно-семантической сети метеонима. Таким «участком» ЯКМ, развёртывающим культурную специфику метеонима-концепта, признаётся денотативный класс (ДК) [11]. В межчастеречном составе ДК как особой разновидности категориаль-

но-идеографической группировки [21] удерживаются знания о реалиях метеорологической действительности, обусловленные не-однородными компонентами традиционной русской культуры – с одной стороны, материальной культуры, всегда бытующей только как крестьянская, земледельческая; с другой – духовной культуры, характеризующейся сплавом языческих воззрений с ортодоксально-христианскими [21, с. 367].

Исследуемый ДК включает в себя содержательные специализированные языковые единицы, которые по отношению к его опорному метеониму *роса*, обозначающему базовый концепт, характеризуются как семантические (смол., ср.-обск. *медовая росица* ‘роса во время выделения нектара медоносными растениями’, ворон., липец. *зароситься* ‘выпасть (о росе)’, алт., новг. *росовый* ‘собранный из капель росы (о воде)’ и др.), грамматические (кемер., том. *съесть* ‘перен. причинить вред сельскохозяйственным культурам. О росах, туманах и под.’), тематикоситуативные (пск., твер. *росинец* ‘мелкий осенний дождь’, олон. *росяница* ‘...болотное растение росянка’, свердл. *ходить под Иванову росу* ‘купаться в Ивановой росе’) и прагматико-семантические (казан., орл., ряз., смол. фольк. *росица* ‘ласк. к роса’) ассоциаты.

Вместе с тем перечисленные типы ассоциатов неоднoplanовы и по своей нацеленности на выражение концепта, и по вкладу в его объективацию: одни из них обеспечивают эндогенную (греч. *endon* ‘внутри’) направленность в картировании концепта росы, а другие – экзогенную (греч. *ekhō* ‘снаружи, вне’). Значения номинаций первого типа складываются из сем, которые в сочетании с идентификатором конкретизируют инвариантное содержание лексемы *роса* либо вычленяют в его границах соответствующие сегменты (ср. карел. *мокруша* ‘мелкая роса’, енис., кемер., ленингр., том. *ивановская роса* ‘роса на траве в ночь на Ивана Купалу; по народным поверьям, обладает целебными свойствами’, волог. *обросеть* ‘покрыться росой’, диал. *роснополье* ‘поле на заре, когда роса ещё не высохла’ и т. п.). Они были предметом культурно-когнитивного анализа в предшествующей статье [11].

Содержание экзогенных языковых средств сводится к такому семантическому составу, которым определяется их положение на границе ДК (ср. арх. фольк. *росистый* ‘частый мелкий. О дожде’, *каменная роса* ‘папоротник *Asplenium trichomanes*’). Центробежный характер этих языковых единиц, участвующих в раскрытии семантико-когнитивного потенциала лексемы *роса*, реализуется в русских говорах словами и устойчивыми оборотами, относящимися к человеку и его духовно-практической деятельности, растениям и явлениям природы, абстрактным понятиям (времени, количеству) и др.

Установленные понятийные сферы манифестируются в разной степени наполненными лексическими множествами. Из них для наблюдений избираются натурфактоны, с которых начинается описание экзогенных средств выражения концепта. «Природ-

ные» имена включают в себя названия видов дождей, их свойств и функциональных состояний:

арх. *роса*, калуж., курск., орл., тул. *рось* – ‘мелкий моросящий дождь; морось’, перм. *божья роса* ‘о тёплом мелком дожде, благотворно влияющем на растения, на урожай’, арх. *вместо росы пало только* ‘о коротком мелком дожде’, пск., твер. *росинец* ‘мелкий осенний дождь’, ряз. *как росица* ‘о небольшом дожде’, арх. фольк. *росистый* ‘частый мелкий (о дожде)’, кемер., ряз. *росить* ‘идти, падать мелкими частыми каплями; моросить’;

оптического явления: калуж. *роса* ‘туман, поднимающийся от реки (признак хорошей погоды)’;

растений из различных семейств: олон. *росяница* ‘травянистое многолетнее болотное растение росянка’, диал. *солнечная роса* ‘растение *Drosera*, трава двулетняя’, *росянка* ‘растение *Drosera rotundifolia* L., сем. росянковых;

урал. *росник*, перм. *росенка* – ‘растение *Alchemilla vulgaris* L., сем. розанных; манжетка обыкновенная (в складках листьев этого растения, сложенных воронкой, собираются крупные капли влаги)’, урал. *христовая роса* ‘манжетка?’, волог. *росянка* ‘растение *Alchemilla vulgaris* L., сем. розовых, *Rosaceae*’, волог. *росинник* ‘растение *Cotoneaster vulgaris* L., сем. розанных; кизильник’;

вят., твер. *росопас* ‘растение *Chelidonium majus* L., сем. макоцветных; чистотел’, *каменная роса* ‘папоротник *Asplenium trichomanes*’ (споровые), а также сельскохозяйственно значимой сезонной травы – урал. *юрьева роса* ‘наиболее сочная весенняя кормовая трава’.

Метеонимы и их роль в моделировании культурно-когнитивных представлений о росе

Устойчивое сопряжение понятий *роса* и *дождь* объясняется их (а) генетической отнесённостью к благодатной небесной влаге, а следовательно, к ряду сакральных явлений: ср. чит. *божья вода*, новосиб. *божья капля* ‘экспр. роса’ и – иркут. *божья воля* ‘дожди’, перм. *божья роса* ‘о тёплом мелком дожде, благотворно влияющем на растения, на урожай’, арх. *святовода* ‘дождевая вода’; (б) благоприятным воздействием на урожайность злаков: см. смол. поговорка «не дожждём, так росами хлеб растёт», а также высказывание «Не ударит дожжж в налив, росой пашеница может налиться» (Кемер.).

Современное описание дождя в свойствах и признаках росы – *Дождь затяжной бывает мелкий, как ро-са. Может идти полсутки и полмесяца* (Кемер.), – проявляющее доминирующую позицию дождя в иерархии атмосферных осадков и его подчиняющее влияние, восходит к пониманию однородности этих атмосферных явлений в древности. В связи с этим роса воспринималась скорее как вид дождя (см. *роса* < прасл. **rosa* < и.-е. **rōs-* : **rēs* – ‘течь’, ‘истекать’, ‘литься’ [23, с. 123]), что генетически подтверждается сходством этимологического значения этого метеонима с принципом номинации, характерным для плювионимов (< лат. *pluvia* ‘дождь’): ср. волог., вят., яросл. *морох* ‘мелкий частый дождь’ < прасл. **morx* < **morgh* < и.-е.

**meregh* ‘увлажнять, окроплять, течь, струиться’ [24, с. 222], а также моментом типологии: англ. *dew* ‘роса’ < др.-англ. *deaw* (ср. осет. *doġ* ‘молоко первого удоя’; др.-сакс. *dou*; др.-в.-нем. *tou*; нем. *Tau*; др.-сев. *dōgg* соотносятся с др.-инд. *dhavate* ‘течёт’; греч. *Θέειν* ‘течь, быстро двигаться’ (<Θέειν) < и.-е. *teu-* ‘раздуваться, подниматься, плести’ (плетение вод). Подобной интерпретации лексемы отвечает как устойчивое выражение перм. *дать, послать тёплую т и х у ю росу* ‘моление, просьба (во время первой грозы) послать хорошую погоду, уберечь от природных напастей’, так и ряд речевых произведений, создаваемых диалектоносителями во время беседы с ними: *Дожджы какие? Лучшие без ветру – заливной. Он не секёт ничего, он может прямой. Говорили: «Господи, спусти тиху росу»* (Кемер.). *Появление росы от перепада. Вот, значит, к утру похолодает и, значит, оттуда льётся с неба. Господь нам даёт, нам эту росу* (Кемер.). Закономерным семантическим продлением лексемы, включённой в идеализированную когнитивную модель «осадки – покров», является значение, обуславливающее современное речевое сочетание *дождевая роса* ‘покров капель воды на растениях..., образовавшийся в результате дождя’. Ср. *Росы дожжжевые, если нет ветра, так и будут стоять на хлебу. Земля без дожжжей не может существовать. Это же земля* (Кемер.), а также: *Роса грести мешает. Мелкий дожжжичек перед утром – роса* (Кемер.).

Корнеслов *рос-а*, единицы которого интерпретируют *pluvia*-объект в виде явления (арх. *роса* ‘мелкий моросящий дождь; морось’), качества (арх. фольк. *росистый* ‘частый мелкий. О дожде’) и функционального состояния (кемер., ряз. *росить* ‘идти, падать мелкими частыми каплями; моросить’), по сути результат когнитивно-языковой обработки родо-видового бинама *дождь*: *роса* путём приведения в действие механизма языка, образуемого координацией системных аспектов слова [25] *ро-са* в таком порядке, как парадигматика → эпидигматика → синтагматика: *дождь*: *роса* → *росит...дождь* (ср. *ветер*: *пурга* → *пуржит... ветер*); *дождь*: *роса* → *росистый ... дождь* (ср. *ветер*: *буран* → *буранный... ветер*); *дождь*: *роса* → *росяной... дождь* (≥ *росинец* ‘мелкий осенний дождь’).

Вместе с тем эволюция образа, вошедшего в язык древним взглядом, обнаруживается в новом видении росы, в ракурсе которого она не только влага, оставшаяся после дождя, и не только «пот земли», но и самостоятельное явление, отличное от дождя и инея. Ср. *Чуть-чуть утром приснувши было, росичку нагнало* (Новг.). *Дождж дожжжом. Она из земли, роса, выходит* (Кемер.) и – *Роса появляется от самого воздуха. Дожджа, допустим, вечером нет, ничего нет, и роса. Мокрая, на траве сырость* (Кемер.). Таким образом, вместе с психологически ярким образом росы, воспринимаемой в виде капель воды, покрывающей растения в утреннее время, что оказывает благоприятное воздействие на выполнение сельскохозяйственных работ и губительное влияние на растительность [26], в метеорологиче-

ской КМ русского крестьянства уживаются отголоски её одновременных осмыслений.

Характеристика тумана по росе (ср. калуж. *роса* 'туман, поднимающийся от реки ...'), вызванная метонимическим принципом «атмосферное явление → источник образования» (*роса* → *туман*) его категоризации, вскрывает феноменологическую особенность народного восприятия явления росы, в соответствии с которым не принимается в расчёт различная природа её происхождения. Ср. *Ночью туман падает, получается роса...* (Кемер.). Между тем в оседаниях воды на наземные предметы при тумане или при влажном воздухе научная метеорология видит два совершенно самостоятельных явления – росу и наморось 'водяной налёт на тонких или выдающихся предметах (проводах, ветвях, выступах, углах и т. п.), оседающий из тумана при соприкосновении капель тумана с поверхностью предмета, способной смачиваться' [27, с. 90]. Следовательно, крестьянская картина мира зиждится на прагматических началах: что не важно для практического опыта, то и не осознаётся.

Фитонимы в аспекте объективации культурно-языковых знаний о росе

Связанность росы и растений непреложным законом естества подчёркивается народной поговоркой: «*Без росы и трава не растёт*». В своей слитности они образуют тот компонент естественного базиса, на котором замыкаются определённые стороны крестьянского бытия. Факторы выделенности дикорастущих травянистых растений, покрытых росой, в общем объясняемой сохранением в крестьянском сообществе культуры потребления природы, далеко не полностью проясняются через внутреннюю форму фитолексем. В основном они выявляются в процессе функционирования фитонимов в тексте, где значимость называемых ими реалий оценивается с точки зрения пригодности для корма, использования в лечении различных болезней, наличия привлекательных особенностей и т. д. Приведём лишь некоторые контекстные подтверждения: *Где сырость, там и он [лягушатник 'манжетка']*. *На покосе коровы не едят* (Том.). *Росенка* [манжетка] – *хорошая трава; росенку рвём, когда чирей садится* (Перм.). *Встанеш пораньше, помолишица и на луг, она [христова роса 'манжетка'] тамо одна сверкат изо всех, вот и берёш* (Урал.).

При разборе номинационных структур фитолексики проследим, отображение каких аспектов связи росы и растений представляется необходимым для хозяйствующего земледельца и какой задаётся уровень осмысления росы.

Так, мотивирующим образом для возникновения разных обозначений фитонимического объекта семейства росянковых служит взгляд на него как на мелкое дикорастущее насекомоядное травянистое растение, круглые листья которого покрыты ярко-красными ресничками с блестящими клейкими капельками на концах, похожими на капли росы. Ср. *Росянка..., потому что роса на ней очень долго держится* (Том.). *Мы росянкой зовём... Стрелку*

[стрекозу] *поймат усиками и высосет сок из неё, а та кричит. Росянка от росы растёт. Вся скользка* (Том.). Этот образ, взятый в аспекте покрытия растения якобы каплями росы, явился базой для номинации данного растения, с одной стороны, расчленённым выражением *росяная трава*, деривативно свёрнутым в лексемы *росянка* 'растение *Drosera rotundifolia* L., сем. росянковых, *Droseraceae*' и олон. *росяница* 'травянистое многолетнее болотное растение росянка', а с другой стороны, устойчивым сочетанием *солнечная роса* 'растение *Drosera*, трава двулетняя', метафорический атрибут которого мотивирован сходством с солнцем его круглых листьев с ярко-красными ресничками (желёзками).

Названия растений семейства розоцветных (*Alchemilla vulgaris* L.) «возглавляются» общерусским фитонимом *манжетка* 'травянистое растение... с зеленовато-жёлтыми цветками и складчатыми листьями'. То примечательное свойство растения, что в середине каждого листика даже в жаркие дни сверкает капелька росы, составило мотивирующее основание для дополнительного метонимического обозначения, характеризующего растение по росе как его покрову: ср. урал. *росник*, перм. *росенка* – '...манжетка обыкновенная (в складках листьев этого растения, сложенных воронкой, собираются крупные капли влаги)', волог. *росянка* 'растение... семейства розовых': *У ей [христовой росы 'манжетки'] листочки-те таким бы кружавицкам, а посерёдке копелюшекка есть* (Урал.). В множественности именований проявляются и факторы субъектного порядка, обусловленные суевериями и поверьями носителей крестьянской культуры, их религиозными убеждениями. Так, поводом для присвоения растению названия *приворот* (*приворотник*, *приворотное зелье*) < *приворотить* / *приворожить* 'в суеверных представлениях – ворожкой привлечь кого-, что-либо, внушить любовь к кому-либо', бытующего в уральской фитонимике, послужила практика использования росы, собранной с манжетки в полдень и в полночь в течение трёх дней тайно от чужого глаза, для приготовления приворотного зелья, предназначенного для того, на кого произносился заговор [28, с. 168]. Ср. *Приворотное зелье трава ешь и пиво на хмелю, ну, понятно, и чтоб привезать ково* (Урал.). О манжетке как наиболее ценной лекарственной траве – см., к примеру: *С роснику [манжетки] капельку слизи, снулость [сонливость, вялость] пройдёт*. (Урал.), – «траве, обладающей необычными, волшебными свойствами», свидетельствует её связь с культом Иисуса Христа [29, с. 37, 58-59], что отражается в номинативном сочетании урал. *христова роса* 'манжетка?': *со христовой росой глазки промывают, благостна трава* (Урал.).

Через номинационную структуру вят., твер. *росопас*, обозначающую чистотел, вскрывается объектный взгляд селянина на него как на растение, долго хранящее (*насущее*) росу по причине густого ветвистого стебля.

Папоротник (*Fsplenium trichomanes*) получил название *каменная роса* по месту произрастания (ка-

менистые расщелины гор) и способу питания (за счёт оседания на него росы). Ср. *Папорт – это тако растение. Растёт оно на больших утёсах. Душистое-душистое, сабирають иво ходять. Если на ём пад Бвана-Купала итти, шыпка страина. Оно аганьком гарит. А кады ближы падайдёш, то камни падать начинают и звуки раздаюцца, пугают усах* (Бурят.).

Уральский фитоним *юрьева роса* 'наиболее сочная весенняя кормовая трава, (которой может быть по разным говорам и папоротник, и фиалка трёхцветная, и чистотел, и др.)', возникшее в результате синекдохи на базе номинативного значения 'первые весенние травы с юрьевой росой', восходит к словосочетанию, порождённому обычаем «на Юрьев день... собирать росу с травы и протирать ею глаза и другие больные части тела, а также окроплять домашний скот» [29, с. 36]. В нём в свёрнутом виде содержится цепь семантических переходов, в результате которых сакральная сторона в освоении росы сменяется профанной: 'роса, образовавшаяся на растениях в день святого Георгия (Юрия), поэтому считающаяся целебной' → 'растения, с которых собирают росу в день святого Георгия (Юрия)' → 'первые весенние травы с юрьевой росой' → 'наиболее сочная весенняя кормовая трава'. Ср. *В первый раз на поскотину выгоням, когда юрьева роса с под снега вылазит* (Урал.). *Юрьева роса на Юрьев день поевлеться* (Урал.) [29, с. 50]. Анализируемое название опосредованно отражает поверья, связанные с народным календарём природы, фиксирует имя святого, якобы покровительствующего скоту и плодородию.

Исследуемые номинативные структуры, типологизуясь по двум совмещённым основаниям их классификации – по характеру признаков, положенных в основу названия [30, с. 23], и по факторам, обуславливающим выбор мотивирующих признаков [29, с. 28], – подразделяются на:

а) отоъектные квалификативные номинации (*росянка* = *росяница* = *солнечная роса*; *роса* 'морось');

б) отоъектные релятивные номинации (*манжетка* = *росник* = *росенка*; *каменная роса* 'папоротник');

в) отоъектные квалификативно-релятивные (*росопас* 'чистотел');

г) отсубъектные релятивные номинации (*приворот* 'манжетка');

д) отсубъектно-оъектные релятивные номинации (*христова роса* 'манжетка');

е) отсубъектно-оъектные квалификативно-релятивные номинации (*божья роса* 'о тёплом мелком дожде...').

В своей совокупности они являются способом поддержания концепта и обнаружения его содержательных сторон, связанных с такими концептуальными аспектами и образующими их признаками, как «составные частицы осадков»: 'капли'; «агрегатное состояние осадков»: 'вода'; «способ существования осадков»: 'выпадать'; «расположение осадков относительно других объектов»: 'покрывать'; «объекты

покрова»: 'травянистое растение'; «величина составных частиц осадков»: 'значительный по величине', 'незначительный по величине'; «плотность расположения частиц осадков при их выпадении»: 'близко расположенные друг к другу'; «температура осадков»: 'относительно высокая температура'; «яркость освещённого покрова»: 'имеющий блеск'; «эстетическая оценка»: 'красивый' (ср. *солнечная роса*); «утилитарная оценка»: 'приносить пользу (здоровью человека)' или 'благоприятствовать росту и развитию растений'. Отоъектные номинации, будучи преобладающими, вскрывают «естественную установку» в отношении крестьянства к миру, или «открытое и доверчивое восприятие мира, что свойственно "донаучному человечеству" и представителям восточных культур» [31, с. 252]. Субъектно маркированные номинации воплощают сакральный мотив наименования природных реалий (*юрьева роса*, *христова роса*, *божья роса* 'о тёплом мелком дожде...') или мифологический (*приворот*), отражающий магические действия с росой.

Рассмотренные натурфактоны (метеонимы и фитонимы) показывают объективированные образцы познавательной деятельности [30, с. 21] крестьянства, вбирающие в себя представления о росе в тех или иных её аспектах и тем самым иллюстрирующие менталитет познающего субъекта. В осмыслении реального познавательного опыта, связанного с росой, вскрывается эмпирически ориентированный способ постижения явления, отягощённого мифолого-религиозными переживаниями живительной силы росяной влаги и ритуальными действиями с ней, следами её разновременных пониманий. Категориально-эмпирический способ познания росы не составляет всей полноты знаний о росе. Более всего они раскрываются в динамических проявлениях концепта *роса*, реализующихся в разнообразных синтаксических конструкциях.

Литература

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001.
2. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003.
3. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27 – 35.
4. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37 – 67.
5. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs. общеходные представления / Е. В. Урысон // Вопр. языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3 – 21.
6. Норман, Б. Ю. Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики / Б. Ю. Норман // Рус. яз. в школе. – 2007. – № 5. – С. 20 – 27.
7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010.

8. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира: на материале русской грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М.: Языки рус. культуры, 1997.
9. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. – М.: Языки слав. культуры, 2005.
10. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки рус. культуры, 1999.
11. Васильев, В. П. Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Вестн. Кемер. ун-та. – Кемерово, 2011. – Вып. 1. – С. 155 – 161.
12. Васильев, В. П. Моделирование метеорологической картины мира в отраслевом диалектном словаре / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Васильев, В. П. Тематическая концептосфера в лингвистическом представлении: Вестн. Том. ун-та: бюллетень операт. научн. информации, № 46. – Томск, 2005. – С. 92 – 113.
13. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб: Наука, 1965 – 2007. – Вып. 1 – 41.
14. Васильев, В. П. Когнитивно ориентированный толково-идеографический словарь русских метеонимов Сибири / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – Вып. 10. – С. 182 – 198.
15. Милов, Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. В. Милов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 40 – 56.
16. Левин, М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи / М. Левин // Крестьяноведение, 1977. – М.: Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук, 1977. – С. 84 – 127.
17. Бижева, З. Х. Культурные концепты в кабардинском языке / З. Х. Бижева. – Нальчик: Кабардино-Балкар. гос. ун-т, 1997.
18. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. – СПб: Наука, 1998.
19. Иванова, С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм / С. В. Иванова. – Уфа: БашГУ, 2004.
20. Вендина Т. И. Словообразование и «сокрытые» смыслы культуры / Т. И. Вендина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 14 – 32.
21. Васильев, В. П. Межчастеречное семантическое поле как идеографический способ представления знания о мире / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Русский язык: историческая судьба и современность. – М.: МАКСПресс, 2010. – С. 240 – 241.
22. Толстой, Н. И. К реконструкции древнеславянской духовной культуры / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание. – М.: Наука, 1978. – С. 364 – 385.
23. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – 3-е изд, стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 2.
24. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1992. – Вып. 19.
25. Васильев, В. П. Языковая картина мира в аспекте координации системообразующих параметров лексики / В. П. Васильев // Язык. Культура. Человек. Этнос. – Кемерово: Графика, 2002. – Вып. 3. – С. 59 – 67.
26. Васильев, В. П. Освоение природного мира диалектоносителями / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда: Легия, 2008. – Ч. 2. – С. 13 – 22.
27. Заморский, А. Д. Атмосферный лёд / А. Д. Заморский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
28. Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Урал. пед. ун-т, 2000.
29. Коновалова, Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001.
30. Берестнев, Г. И. Слово, язык и за их пределами / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.
31. Бряник, Н. В. Введение в современную теорию познания / Н. В. Бряник. – М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

УДК 811.161.14:34

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

М. Е. Воробьева

**FUNCTIONING OF JURIDICAL TERMS IN ORDINARY CONSCIOUSNESS
OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN**

М. Е. Vorobyova

Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422.

В статье рассматривается проблема множественности интерпретации содержания юридических терминов рядовыми носителями языка, которая обусловлена объективными языковыми и субъективными лингвоперсонологическими факторами. В результате исследования выявляются дифференцирующие признаки

обыденного языкового толкования, разрабатываются стратегии повышения эффективности правовой коммуникации.

The article is concerned with the problem of plurality of interpretation of the meaning of juridical terms by the ordinary native speakers, which is caused by objective language and subjective lingopersonological factors. As a result of the research differentiating features of ordinary language interpretation are found, strategies of increasing of effectiveness of legal communications are developed.

Ключевые слова: толкование (интерпретация), юридические термины, реальное (психолингвистическое) значение, лексикографическое значение, обыденное сознание.

Keywords: interpretation, juridical terms, real (psycholinguistic) meaning, lexicographic meaning, ordinary consciousness.

Юридические тексты, конструкции, термины, составляющие содержание юридического языка, являются амбивалентными. С одной стороны, они представляют собой продолжение естественного языка и не могут не быть таковыми, поскольку закон обращен к рядовым гражданам и призван регулировать их социальное поведение. С другой стороны, они имеют узкоспециализированное содержание, предназначенное для специалистов, поскольку вытекают из системы права, юридических презумпций. Особенно актуализируется амбивалентность такого рода, когда юридический текст и термин как его компонент объединяют одновременно специальные и обыденные смысловые компоненты. Совпадение широко используемых общенародных слов со специальными терминами вызывает трудности их практического понимания рядовыми носителями языка. Представления, характерные для обыденного сознания, весьма неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями, заключенными в юридическом тексте.

Объектом данного исследования является в широком смысле юридический язык, в узком – юридическая терминология, предметом – функционирование юридических терминов в обыденном сознании. Основной аспект рассмотрения – вариативность смысла терминов, иными словами, предметом исследования выступают различные варианты интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка.

Проводимое исследование ставит перед собой следующую цель: выявление и описание особенностей толкования (интерпретации) юридических терминов рядовыми носителями русского языка. Толкование и интерпретацию мы рассматриваем как аспектуальные синонимы, отражающие сущность данных феноменов с юридической и лингвистической стороны соответственно.

Под **толкованием (интерпретацией)** понимается целенаправленная когнитивная деятельность и одновременно результат в установлении смысла речевых произведений. Результат может быть воспринимаемым внешне – в виде воспроизведения, истолкования – или быть исключительно внутренним – как понимание (уяснение «для себя»). Итогом интерпретации (толкования) является смысл выражения – актуализированное речевое значение в рамках ситуационной ситуации. Деятельность интерпретатора рассматривается как самостоятельный когнитивный процесс, обусловленный знанием языка,

контекста, конвенций общения, стратегий интерпретирования и процедурой интерпретации, что приводит к неоднозначности интерпретации языкового выражения.

В основе работы лежит гипотеза о неизбежной вариативности интерпретации содержания юридических терминов, функционирующих в обыденном сознании, которая является естественным и необходимым способом существования истины. Мы полагаем, что множественность интерпретации обусловлена как объективными факторами – универсальными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения и т. д.), – так и индивидуально-психологическими особенностями реципиента, активным и креативным характером его рецептивной деятельности.

Методика обоснования гипотезы – лингвистический эксперимент, в ходе которого рядовым носителям языка предлагались для толкования (интерпретации) юридические термины. Для обработки полученных результатов исследования использовался метод научного описания, включающий наблюдение, классификацию, сопоставление и количественную обработку данных.

Эмпирическая база исследования составляет 8 терминов, 200 испытуемых, 200 анкет, 1100 реакций-ответов.

Онтологической основой проблемы является противоречие между требованием юридической техники однозначности уяснения и толкования юридических текстов и неизбежным отсутствием однозначности в герменевтике естественной коммуникации.

В гносеологическом плане необходимость такого рода исследований обусловлена, с одной стороны, недостаточным вниманием в лингвистике к процессам детерминологизации («обыденнизации») специальной лексики и, с другой стороны, – практическим отсутствием в теории права системного изучения особенностей обыденного толкования. Изучение толкования юридических терминов и текстов сосредоточено на сугубо юридической, нормативной стороне, тогда как их реальное функционирование остается в тени. Также следует отметить, что в юридической герменевтике в основном представлено официальное толкование, неофициальное – чаще всего в варианте доктринального и специального, но не обыденного. Особенно нуждается в изучении проблема множественности интерпретации юридических терминов и текстов закона и разнообразия ее

результатов. Потребность в таком изучении усиливается тем обстоятельством, что юридическая техника возникла и существует как основная стратегия преодоления вариативности понимания и интерпретации текстов, однако это в принципе невозможно для всех форм неофициального толкования закона, которое не может не существовать в формах субъективной и, следовательно, множественной интерпретации. Обыденное сознание имеет много вариантов своего бытия и форм его проявления: от интенционально обусловленной, принципиально рассудочной, актуализованной и вербализованной рефлексии до неинтенциональной интуитивной, неактуализованной и молчаливой [2, с. 70]. Поэтому законодатели, если они заинтересованы в том, чтобы тексты закона достигали сознания адресата – законопослушного гражданина, должны иметь сведения о реальном функционировании юридических терминов и текстов в ментальном пространстве общества, устроенного не по предписаниям законодателя, а по общим законам функционирования естественного языка. К ним относятся, в частности, отчуждение текста от автора («Смерть Автора») и функционирование по законам, определяемым адресатом. Содержание текста и внутренние интенции автора могут заметно расойдтись между собой, порождая «конфликт интерпретаций» [8, с. 26]. В письменном тексте происходит освобождение и от автора текста, и от ограничений ситуации общения, текст начинает жить собственной жизнью. Автор и его речевое произведение – это только первые звенья коммуникативной цепочки, личность адресата далеко не второстепенный компонент в ее структуре. Онтологическая сущность коммуникативного процесса – это не только событие реализации авторской интенции, но и процесс мыслительной активности адресата, его интерпретационно-семантизирующей реакции на получаемое речевое произведение.

Необходимость решения обозначенной проблемы определяется также противоречием двух научных подходов: традиционного, предписывающего взгляда на норму (т. е. как должно быть), провозглашающего однозначность взглядов высшей ценностью науки, и современного, описывающего (т. е. как есть на самом деле), признающего плюрализм и вариативность научного знания III тысячелетия.

Важно подчеркнуть, что современное сознание отдалается от однозначности и правильности как критериев истины, оно все более погружено в пространство интерпретационной вариативности (разнообразии научных школ, учебников, интернет).

Таким образом, данное исследование непосредственно связано с традиционной философской герменевтикой, философией постмодернизма и рецептивной эстетикой. Оно выполнено, с одной стороны, в рамках таких научных направлений лингвистики, как вариантология, антропоцентрическая лингвистика, лингвистический интерпретационизм, с другой стороны, юриспруденции, в частности – с позиций толкования закона.

Правильное толкование правовых норм – необходимое условие их верного и эффективного применения и, следовательно, соблюдения законности.

Проблема толкования является одной из традиционных проблем юридической науки. Она имеет самостоятельное значение в процессе научного или обыденного познания государственно-правовой жизни. В особенности необходимо исследование обыденного языкового толкования в аспекте множественности интерпретации правового текста, т. к. через механизмы понимания смысла и содержания закона всеми гражданами осуществляется господство закона во всех сферах жизни – основополагающий принцип любого правового государства.

Естественный язык, попадая в пространство правовой коммуникации, может быть как **средством юридической деятельности**, так и **объектом**.

Аспект «язык – средство юридической деятельности» реализуется в законотворческой деятельности (при создании законов) и законоприменительной (при толковании текста закона). В данном случае преобразование естественного языка в юридический предполагает в первую очередь преодоления потенциала множественной интерпретации терминов и текстов, к чему направлена юридическая техника.

Словарная статья «Юридическая техника» определяет **юридические термины** следующим образом: «словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [12, с. 4].

В соответствии с правилами юридической техники к юридическим терминам предъявляются следующие требования:

- 1) однозначность: термины должны однозначно употребляться в одном и том же нормативно-правовом акте;
- 2) общепризнанность: термины должны употребляться в обиходе;
- 3) устойчивость: термины должны сохранять свой особый смысл в каждом новом правовом акте.

Особенностью многих юридических терминов является то, что подавляющее их большинство создано на базе словаря общелитературного языка. Терминологизация общелитературных слов происходит двумя способами:

- 1) моносемичное слово литературного языка становится основой образования моносемичного термина с тем же, но более глубоким и широким по содержанию значением (например термины «преступление», «наказание», «бездействие»);
- 2) терминологическое значение развивается на основе одного из значений полисемичного слова, также путем расширения и углубления его содержания.

В связи с этим возникает вопрос о глубине различий семантики «естественного» слова и этого же слова в качестве юридического термина. Лингвистический эксперимент направлен на выявление специфики реального (психолингвистического) значения юридического термина. Под **реальным значением** понимается «упорядоченное единство всех

семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [7, с. 67]. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ядрах, ядерных и периферийных.

Реальное значение противопоставлено лексикографическому – специальному значению, зафиксированному в словаре юридических терминов. Такое значение является воплощением системного подхода к языковой норме: лексикограф предписывает, как законоприменитель и рядовой реципиент должны понимать то или иное слово, какой минимум семантических признаков должен быть для них актуален. Лексикографическое значение создается в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае как логический и как описательный. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлеченных признаков называемого явления, отражающий сущность явления. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности. Поэтому лексикографическое значение в большинстве случаев не дает представления о реальном функционировании слова в речи (оно не предназначено для этого); выявление субъективного смыслового компонента, возникающего при интерпретации юридических терминов обыденным сознанием, предполагает специальные исследования, в том числе экспериментальные, в результате которых будет выявлено реальное (психолингвистическое) значение.

Лингвистический эксперимент проводился в два этапа: дефиниционный и свободный ассоциативный эксперимент.

Дефиниция – форма репрезентации лексического значения слова, предполагающая перечень его признаков-сем, следовательно, связанная с понятийным содержанием [1]. Пояснения значения слов информантом складывается из трех составляющих: восприятие внешней (звуковой) оболочки слова; мыслительные декодирующие процессы, состоящие в соотношении звукового образа слова с обозначаемым им понятием; вербализация результатов декодирования, т. е. языковая объективация собственной мысли субъектом рефлексии [10, с. 119].

При построении дефиниции информант стремится объяснить значение слова, оперируя, на его взгляд, наиболее характерными для этого слова признаками, не исключая выделение субъективно-ситуативных признаков. По словам А. Н. Ростовой, «акт осознания значения – это всегда интерпретационный акт, основывающийся преимущественно на рационально-логических, но не лишенный и иных (иррациональных, сублогических) способов познания, воплощенный в креативных формах» [9, с. 190].

В сознании носителей языка представление о том или ином объекте имеет относительно устойчивую структуру. «Значение – это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности» [6, с. 10].

Ассоциация – форма репрезентации лексического значения слова, представляющая собой спонтанную словесную реакцию на слово-стимул. Слово-реакция характеризует смысловую область, в которой данное слово находится в сознании носителя языка, а также говорит о том признаке объекта, который актуализируется в ситуации немедленного ответа.

Выделяются два основных типа ассоциаций: 1) «внешние», 2) «внутренние» [5, с. 110 – 112].

Под «**внешними**» ассоциативными связями понимаются «ассоциации по смежности», когда данное слово вызывает какой-либо компонент той наглядной ситуации, в которую входит названный объект (дом – крыша).

Под «**внутренними**» – те связи, которые вызываются включением слова в определенную категорию (дуб – дерево). Эти ассоциации в классической психологии называются «ассоциациями по сходству» или «ассоциациями по контрасту».

Ассоциативный эксперимент имеет целью построение ассоциативного поля слова-стимула (описание совокупных реакций, упорядоченных по убыванию частотности), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации. Набор обыденных дефиниций и ассоциативное поле одного и того же слова имеют как зону пересечения, связанную с тем, что и то, и другое являются формами экспликации содержания слова, так и зону расхождения, определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания – понятийного и концептного.

В ходе лингвистического эксперимента испытуемым для толкования (интерпретации) были предложены общезначимые юридические термины, т. е. термины, функционирующие не только в юридической сфере, но и в сфере общего употребления, следовательно, их юридический смысл должен был бы соотноситься с обыденным.

На первом этапе студентам предлагалось дать определение следующим юридическим терминам: *гражданин, государство, беженец, таможня, собственность*. После чего проводился семный анализ полученных толкований. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в определениях, зафиксированных в словаре юридических терминов. Выявление и описание закономерностей обыденного толкования юридических терминов.

При толковании значения слова осуществляется акт **семантизации** – «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значения» [10, с. 120].

Таблица

Обыденное толкование юридических терминов

Государство	1. В теории права: 1.1) определенный способ организации общества, 1.2) основной элемент политической системы, 1.3) организация публичной политической власти, 1.4) распространяющаяся на все общество, 1.5) выступающая его официальным представителем, 1.6) опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения	1) территориально закрепленное общество (2), 2) орган политической власти (3), 3) – , 4) – , 5) – , 6) имеет законы, порядок (7), 7) определенная территория (16), 8) объединение городов (1), 9) стадия развития общества (1), 10) территория, имеющая границы (5), 11) суверенитет (4), 12) наличие символики(3).	Релевантные семы для юридического толкования: 1, 2, 6, 2.1, для обыденного – 6, 7, 10, 2.1; в обыденном сознании отсутствуют характеристики организации публичной политической власти, распространяющейся на все общество, выступающая его официальным представителем», «участник международных отношений», но имеют место дополнительные семы 7, 8, 9, 10, 11, 12.
	2. В конституционном праве: совокупность официальных органов власти, действующих в масштабе страны или субъекта федерации либо территориального сообщества	2. Наличие управляющих органов власти (8).	
	3. Международное право: основной участник международных отношений	3. –	

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности реального значения юридических терминов (в таблице представлены результаты толкования (интерпретации) термина «государство»):

1) многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот, некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть периферийными, т. е. слабо отражаться или вообще не отражаться в сознании носителей языка;

2) использование общеупотребительной конкретной лексики (человек вместо лица, индивида; орган политической власти вместо элемента политической системы);

3) употребление видовых понятий взамен родовых (закон и порядок взамен средств и мер принуждения; имущество/благо вместо средств и продуктов производства);

4) редукция специфических юридических понятий в обыденном сознании рядовых носителей языка (правоспособность, правоотношений, публичная власть);

5) степень сложности формальной организации при обыденном толковании выше, чем при толковании, данном в словаре юридических терминов, т. к. используются развернутые синтаксические конструкции вместо синтетических форм (человек, который был вынужден, вместо человек, вынужденный).

Таким образом, для юридического толкования характерно воплощение в емкой структурной форме сложного содержания, поэтому преобладают лаконичные синтаксические конструкции, что приводит

к большей концентрированности и обобщенности информации в тексте, следовательно, к усложнению алгоритма понимания его смысла. При обыденном толковании происходит адаптация текста к условиям его восприятия менее осведомленным, чем сам законодатель, рядовым носителям языка, для этого используются развернутые, описательные синтаксические конструкции, отражающие каждый элемент семантики в отдельности.

На втором этапе лингвистического эксперимента испытуемым был задан вопрос: «Какие ассоциации вызывают у Вас следующие слова: *гражданин, государство, беженец, таможня, собственность!* При этом учитывались только первые ассоциативные реакции как наиболее достоверные, т. к. остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на слово-стимул, а на предыдущую реакцию.

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула «государство».

Государство – власть (8), страна (6), Россия (5), президент (4), Путин (4), Родина (3), границы (2), держава (2), независимое (4), закон (2), население (1), язык (1), гражданин (1), правительство (1), защита (1), отдельное (1), политика (1), управление (1), древнерусское (1), современное (1).

2. Семная интерпретация ассоциатов:

а) Территориально закрепленное объединение (страна – 6, Россия – 5, держава – 2, границы – 2, население – 1);

б) исторически сложившейся (современное – 1, древнерусское – 1);

в) имеющее аппарат управления (власть – 8, президент – 4, Путин – 4, правительство – 1, закон – 2, политика – 1, управление – 1);

г) обладающее суверенитетом (независимое – 4, отдельное – 1, защита – 1);

д) определяет статус человека как носителя прав (гражданин – 1);

е) наличие государственного языка (язык – 1).

3. Полевой анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляют семы а, в; ближнюю периферию – г, дальнюю – б, д, е.

По сравнению с первым этапом в результате ассоциативного эксперимента в реальном значении юридических терминов появляются специфические элементы значения:

во-первых, стремление к самоидентификации, персонализации (гражданин – я, собственность – моя);

во-вторых, семы, обусловленные своеобразием индивидуального жизненного опыта (гражданин – Маяковский, беженец – Афган, из бывших республик СССР);

в-третьих, сужение понятия, использование видовых эквивалентов (собственность – квартира, машина, дом, дача, деньги);

в-четвертых, подмена одного понятия другим (беженец – бомж).

Как показывает исследование, реальное значение юридического термина далеко не всегда совпадает с его лексикографическим вариантом. Здесь можно выделить две тенденции:

1) слово в сознании носителя языка имеет больше значений, чем это отмечают словари;

2) количество значений, представленных в словарях, богаче, чем в языковом сознании [11, с. 335].

Кроме того, может различаться структура семантемы – иерархия ядерных и периферийных значений.

Аспект «язык – объект юридической деятельности», актуализируется в ситуации законодательной деятельности, когда функционирование естественного языка подлежит юридическому регулированию (например, при принятии законов о государственном языке) и в ситуации законоприменительной – в следственных действиях и судебном разбирательстве, когда они, во-первых, стали предметом правонарушений, т. е. нарушений законов, регулирующих использование языка, или, во-вторых, в случаях, когда речевые действия оказались средством осуществления различных правонарушений [4, с. 140].

Ситуация, когда язык выступает средством правонарушений, объектом судебной лингвистической экспертизы и судебного разбирательства, возникает в случаях, например, когда язык используется для нанесения морального ущерба личности, манипулятивных действий, плагиата и т. д. Особый тип отношений языка с правом образуется в идентификационных экспертизах, когда речевые произведения сами по себе не являются средством правонарушений, но их анализ позволяет провести те или иные следственные и/или судебные действия.

С юридизацией связан наиболее высокий уровень социализации языковых конфликтов, т. к. юридизация предполагает необходимость их регулирования через нормы права. Элементы естественного языка юридизируются в силу необходимости квалификации состава преступления, т. е. «подведения» их к определенной статье закона, которая регулирует их применение. В этом смысле в данном аспекте можно говорить о языковом злоупотреблении и правонарушении как о единице юридического функционирования языка, которую по аналогии с другими единицами можно назвать «лингвоюридемой» [4, с. 150]. Например, лингвоюридема «оскорбление» (ст. 130 УК РФ «Оскорбление»), «клевета» (ст. 130 УК РФ «Клевета»), унижение чести и достоинства личности (ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Юридизация языковых средств (например инвективных лексем) заключается здесь в необходимости их лингвистической оценки на шкале этико-языковой нормативности (приличное/неприличное), которая в суде переводится на шкалу их юридической оценки как оскорбления/не оскорбления. При этом следует отметить, что интерпретация лингвоюридемы в сфере обыденной коммуникации существенно отличается от их официального толкования.

Для выявления специфики обыденного функционирования лингвоюридемы по сравнению с их официальным толкованием, как и при установлении особенностей реального значения юридических терминов по сравнению с лексикографическим, был использован метод лингвистического эксперимента. На первом этапе студентам предлагалось дать определение лингвоюридемам «оскорбление», «клевета», «порочающие сведения»; определить главные семантические признаки, отличающие их от неюридизированных слов-синонимов (клевета – злословие, оскорбление – обида, порочащие сведения – позорящие). После чего проводился сем-ный анализ полученных толкований. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в определениях, зафиксированных в соответствующих законодательных статьях и в Постановлении (ст. 129, 130 УК РФ, ст. 152 ГК РФ).

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности реального функционирования юридизированного термина «оскорбление»:

1) расширение семантики термина за счет конкретизации сем. Во-первых, в обыденном толковании обобщенный характер семы «унижение чести и достоинства другого лица» приобретает конкретную выраженность, форму осуществления (слова, речь, высказывание, фразы, гневные выкрики, сведения, информация, дело, действия, поведение, жесты); во-вторых, сознанием рядового реципиента фиксируется причина оскорбления (обида, зависть адресанта), а также перлокутивный эффект (обида адресата, испорченная репутация, унижение чести и достоинства, воли, моральных качеств, снижение самооценки, задевание гордости, чувств);

2) 91 % испытуемых отмечают вербальный характер оскорбления; в официальном толковании фиксируется, что оскорбление может быть нанесено как в устной форме (словами), так и в письменной форме (в письме), а также физическим действием;

3) 80 % опрошенных отмечают целенаправленный характер оскорбления (в ст. 130 этот признак присутствует лишь имплицитно);

4) ядерную сему для официального толкования «неприличная форма» фиксируют лишь 6 % испытуемых («ненормативная лексика»); отмечается лишь негативный характер высказывания/действия;

5) ориентация на субъективное восприятие адресата, т. е. слова, действия считаются обидными именно с точки зрения адресата, в зависимости от его концептуальной сферы;

6) испытуемые не осознают возможность юридических последствий, воспринимают оскорбление на бытовом уровне;

7) отсутствует разграничение синонимов «оскорбление» – «обида» по сферам употребления (юридическая – обиденная); 70 % опрошенных устанавливают причинно-следственные связи между словами; 17 % отмечают личный, индивидуальный характер обиды, ее наличие «в душе»;

8) смешение понятий оскорбление/клевета, оскорбление/порочащие сведения.

На втором этапе лингвистического эксперимента испытуемых просили написать ассоциации, которые вызывают у них термины «клевета», «оскорбление», «порочащие сведения». Также необходимо было привести свои примеры.

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула «оскорбление».

Оскорбление – унижение (10), обидные слова (3), обида оскорбленного (5), неприятные слова (2), грубое слово (4), ругательство (2), злоба (2), слабость (2), зависть (2), матерные слова, обидные выражения, негатив, глупость, злость, неуважение, агрессия, горечь, удар по больному.

2. Семная интерпретация ассоциатов:

а) унижение другого лица (унижение – 10);

б) вследствие определенных причин (злоба – 2, зависть – 2, слабость – 2, глупость – 1, злость – 1, неуважение – 1, агрессия – 1);

в) выраженное в конкретной форме (обидные слова – 3, неприятные слова – 2, грубое слово – 2, ругательство – 2, матерные слова – 1, обидные выражения);

г) приводящее к отрицательному эффекту (обида – 5, горечь – 1, удар по больному – 1, негатив – 1).

Примеры: дурак/дура (11), урод, глупый, тупой/тулая (7), идиот/идиотка (5), дебил, ничтожество, наивный, чмо, клоун, неудачник, истеричка, стерва (2), шлюха, врунья, жадная, некрасивая/некрасивый (2), страшный, дичь, синяк, курица, козел, овца (2).

Таким образом, видим, что главной характеристикой семантической стороны оскорбления опрашиваемые называют резко негативный характер слов, высказываний, адресованных человеку. При

этом наиболее «уязвимыми» качествами считаются интеллект (в широком смысле), далее – внешний вид и поведение человека. Также следует отметить, что внешние (социальные, этические) нормы для рядовых носителей языка оказываются более значимыми, чем внутренние (например, функционально-стилистические), в частности, оскорбительной им видится даже нейтральная лексика (наивный, глупый, клоун и т. д.).

Разнообразные стратегии интерпретации юридических терминов можно свести к двум основным принципам: холистическому и элементаристскому. Как отмечает Н. Д. Голев, «русское обиденное метаязыковое сознание скорее предпочитает холизм – непосредственное обращение к сущности целого, элементаризм же – выведение целого из его компонентов – менее присущ русской метаязыковой ментальности» [3, с. 386].

Также следует отметить, что при интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка чувственная форма познания (образная) преобладает над рациональной (понятийной), т. к. для понятийной формы мышления характерно отражение только существенных признаков объекта, отличающих его от всех других, обиденное же сознание фиксирует и незначительные признаки.

Реальное значение юридического термина, его лексикографическое значение, а также официальное значение, закрепленное в законе, может быть использовано в качестве базы для дальнейшей когнитивной интерпретации, после которой его можно продолжить уже в аспекте описания соответствующего концепта. В содержание концепта будут входить «не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, являющиеся достоянием личного или коллективного опыта» [7].

В результате проведенного исследования были выявлены дифференцирующие признаки обиденного языкового толкования. На основе сопоставительного анализа толкования юридических терминов рядовыми носителями языка и их канонического толкования выделены и описаны основные особенности и тенденции обиденниции данных терминов в обиденном сознании.

Обиденное толкование существенно отличается от других способов реализации смысла правового текста. Поэтому законодатель, выражая свою мысль в тексте закона, должен учитывать его реальное понимание рядовыми реципиентами.

Повышение эффективности правовой коммуникации должно включать не только и не столько упрощения юридического языка для достижения некой социальной гармонии профессионального и обиденного правового сознания, но и следующие стратегии:

1) повышение уровня метаязыкового сознания юридической стороны правовой коммуникации, прежде всего уделение гораздо большего внимания

к механизмам обыденного функционирования языка и текста и, как следствие, – достижение понимания глубинных закономерностей устройства и функционирования естественного языка – источника многих конфликтов в законоприменительной деятельности;

2) повышение уровня правовых знаний населения, позволяющее рассчитывать на относительное преодоление обыденных презумпций, трансформацию их в юридические на основе понимания специфичности юридического текста;

3) укрепление юрислингвистической парадигмы в лингвистике; лингвисты также должны все более осознавать, что те их теоретические и практические исследования, которые направлены в сферу права (и/или юриспруденции), никак не могут быть механической трансформацией одной парадигмы в другую.

Литература

1. Ветров, А. А. Расчлененность формы как основное свойство понятия / А. А. Ветров // Вопросы философии – 1958. – № 1. – С. 19 – 32.
2. Голев, Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул, 2007. – С. 92 – 104.
3. Голев, Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2009. – С. 378 – 410.
4. Голев, Н. Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии / Н. Д. Голев // Юрис-лингвистика-9: истина в языке и праве. – Кемерово; Барнаул, 2008. – С. 136 – 155.
5. Лурия, А. Р. Язык и сознание // А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.
6. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М.: МГУ, 1988. – 208 с.
7. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 320 с.
8. Рикер, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: Медиум: Академия-Центр, 1995. – 415 с.
9. Ростова, А. Н. Обыденная семантизация слов / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. – Ч. 1. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С. 182 – 201.
10. Ростова, А. Н. Стратегия толкования значения слов говорящими: обусловленность языковыми факторами и когнитивными способностями / А. Н. Ростова // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2000. – С. 187 – 194.
11. Фридман, Ж. И. К вопросу о психологически реальном значении слова / Ж. И. Фридман // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – Вып. 2. – Пятигорск, 2005. – С. 335 – 340.
12. Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова, Е. Б. Ганюшкина, Б. В. Ганюшкин и др.; отв. ред. М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2006. – 816 с.

УДК 81'33

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АКТОВ НОМИНАЦИИ И РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

М. А. Домрачев

DIE PROPOSITIONAL-RAHMENSIMULATION DER REPORTS DER NENNUNG-UND REDEGEDANKENTÄTIGKEIT DES NEUEN LINGUISTISCHEN GEGENSTANDES

М. А. Domrachev

В статье приводятся результаты экспериментального исследования актов номинации не знакомого / мало знакомого лингвистического объекта носителем русского языка через построение пропозиционально-фреймовых структур, отражающих взаимодействие потенциала языковой системы с сознанием носителя языка в форме лингвокреативной деятельности последнего.

The article presents results of experimental investigation of nomination acts of new language objects, through the construction of a propositional-frame structures that reflect the interaction potential of a language system with knowledge of native speakers in the language creativity form.

Ключевые слова: пропозиция, фрейм, номинация, стереотип, метафора.

Keywords: proposition, frame, nomination, stereotype, metaphor.

Проблемы гносеолого-семиотического освоения реальности человеческим сознанием рассматривались с Античной эпохи Платоном, Гермоденом, Со-

кратом и другими представителями философских школ. Большой вклад в изучение данного вопроса внесли работы К. Огдена и А. Ричардса, которые ка-

сались процесса взаимодействия различных компонентов слова, и позволили выполнить дифференциацию знака по структуре, представив различные компоненты в виде целостной системы. В современной русистике данным вопросам посвящен раздел ономазиологии. На сегодняшний день можно назвать таких крупных лингвистов и психологов, авторов работ в данной области, как Н. Д. Арутюнова, Б. А. Абрамов, А. Вежбицкая, Л. Выготский, В. Г. Гак, Н. Д. Голев, О. И. Москальская, Г. В. Колшанский, Е. Кубрякова, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев и другие.

Языковая номинация тесно связана с лингвокреативным моделированием реальности, так как с помощью средств языковой системы создается образ мира. Зарождение представлений о возможности моделирования реальности с помощью языковой системы связано с работами В. Гумбольдта, посвященными роли языка, определяющего то, как народ и отдельный его представитель воспринимают и интерпретируют окружающий мир. В русской лингвистической традиции его идеи были развиты в трудах А. А. Потебни, П. Флоренского, Г. Г. Шпета и других.

Э. Кассирер, Й. Трир, Э. Сепир, Б. Уорф, У. Л. Чейф, С. Пинкер рассматривают язык как призму, через которую человек видит окружающий мир. Проблема соотношения языка и окружающей действительности нашла свое отражение в работах представителя аналитической философии Л. Витгенштейна. В начале своей карьеры он придерживался взглядов, согласно которым: «Имя обозначает объект. Объект – его значение... На первый взгляд, предложение – как оно, например, напечатано на бумаге, – не кажется картиной действительности, о которой в нем идет речь. Но и нотное письмо, на первый взгляд, не кажется изображением музыки, а наше фонетическое (буквенное) письмо – изображение нашей речи. И все-таки эти языковые знаки оказываются даже в обычном смысле слова того, что они представляют» [1, с. 24]. Как отмечает Р. Г. Авоян, в дальнейшем Витгенштейн рассматривал язык как «... нечто сложное, обладающее своей особой логикой, которую мы не всегда понимаем правильно, совокупность конкретных речевых актов в определенных сферах процесса практической деятельности, которым не присущи какие-либо общие закономерности, соответствующие всеобщим логическим формам человеческого мышления» [2, с. 35]. В «Философских работах» Витгенштейн говорит о языке как об игре, а о значении слова, как его употреблении: «Для большого класса случаев – хотя и не для всех, – где употребляется слово «значение», можно дать следующее его определение: значение слова – это его употребление в языке... Не ищите смысл, ищите употребление» [3, с. 99, 174]. На основе таких характеристик речи, как конкретность, индивидуальность, ситуативность, вариантность Л. Витгенштейн построил концепцию «языковых игр». Правила «языковой игры» напрямую определяются той ситуацией, в которой происходит функционирование языка, а также особенностями мыш-

ления и общения его носителей. Следовать правилу, значит подчиняться социальной команде по употреблению того или иного компонента языковой системы. Таким образом, использование слов превращается в привычку, контролируемую и формируемую прежде всего социальными институтами и группами. Игры могут различаться как по значениям лексем, так и по грамматическим правилам: «Представь себе многообразие языковых игр на таких вот и других примерах: – Отдавать приказы или выполнять их; – Описывать внешний вид объекта или его размеры; – Изготавливать объект по его описанию (чертежу); – Информировать о событии; – Размышлять о событии; – Выдвигать и проверять гипотезу; – Представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах; – Сочинять рассказ и читать его; – Играть в театре; – Распевать хороводные песни; – Разгадывать загадки; – Остричь; рассказывать забавные истории; – Решать арифметические задачи; – Переводить с одного языка на другой; – Просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить» [3, с. 89]. Однако употребление, превращенное в привычную необходимость, ограничивает возможности использования и потенциал слов. В связи с этим Витгенштейн отмечает: «Я предлагаю предположить и даже изобрести другие способы его использования. Я выдвигаю возможности, о которых вы никогда и не думали. Думаете, что есть одна, максимум две возможности. Я предлагаю вам подумать о других. Более того, я доказываю, что абсурдно ждать, что понятие приспособляется к таким тесным возможностям» [3, с. 186].

С нашей точки зрения, исследования Л. Витгенштейна правил и принципов употребления языка выявили две доминантные тенденции в практике использования языковых единиц человеком. Мы вполне можем говорить о типах обработки информации языком, поступающей из внешнего мира в сознание носителя языка. Как отмечал Витгенштейн, употребление в соответствии с правилами и нормами, которые приняты в конкретном социуме, сильно ограничивают потенциал как человеческого сознания (творческого начала), так и языковой системы. При этом возникает ситуация, при которой привычка и правила употребления могут вступать в конфликт с динамично меняющейся реальностью.

Платон, Д. Беркли, А. Мейнонг, А. Кожбицкий, А. Рапорт, С. Хаякава, С. Чейз, Ж. Бодрийяр делают акцент на парадоксальном несоответствии между образом мира, который создается в сознании человека с помощью языковой системы, и реальностью, считая, что язык или символ, такой термин употребляет Э. Кассирер, является причиной так называемого «ухода» человека от реальности в виртуальный мир грез, фантазий и эмоций. Таким образом, человек оперирует не реальными предметами, а лишь знаками, которые имеют косвенное отношение к предметам или же теми, которые полностью потеряли связь с референтом. На первое место выходит не передача данных о предмете, то есть рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизирующего скорее аффективные коннотации.

С развитием кибернетики в XX веке произошло переосмысление миромоделирующей функции языка. Дж. Лили, Фон Фостер, Г. Бейтсон, Р. Эшби, Т. Лири, М. Стюарт, С. Эш, Л. Фестингер, Р. Дж. Лифтон рассматривали человека как некий биокомпьютер, а сознание – в качестве его программы. При этом язык понимался не только как призма, через которую индивид воспринимает мир, а как программа действий этого индивида, формирующая его характер, выступающая причиной совершения поступков.

Эпоха информационных технологий, принеся огромные и бесконтрольные объемы различной информации, еще больше сократила возможности познания и творчества для рядового человека. Следование правилу использования слов сделало стереотипный тип познания окружающего мира доминантным. В XX веке американский журналист У. Липпман употребил типографский термин «стереотип» (текст отливается в застывшие формы стереотипа, чтобы потом быть тиражированным много раз) для обозначения важного элемента общественного мнения. Любой стереотип формируется под воздействием двух факторов: бессознательной коллективной переработки информации и индивидуально-коллективной социокультурной среды, а также при целенаправленном идеологическом воздействии с помощью СМИ. Социальные группы, в которых находятся люди, превращаются во внешний мир человека, функционирующий по законам, которые сильно отличаются от природных. Индивид не в состоянии познать окружающий мир в его колоссальном объеме, поэтому большинство информации о нем он получает из социума, используя свои многочисленные каналы и связи. Эта ограниченность дополняется и неискоренимой способностью человека принимать в качестве реальности не то, что ею является, а то, что он считает реальным: «...мир отчасти становится таким, каким его представляют... их собственные плохие привычки по-прежнему будут вводить их в заблуждение... если нечто остается верным дольше, это значит, что оно остается верным дольше чего-то другого, что остается верным не так долго» [4, с. 169]. Т. Лири также отмечает факт иллюзорности многих убеждений людей: «...Все наши убеждения – это фильтры, ограничивающие более глубокое понимание» [4, с. 7]. Однако у сознания человека не остается другого выхода из создавшейся ситуации. Находясь в одной или нескольких социальных группах, индивид вынужден считаться с теми целями и задачами, а также традициями и, что самое важное, взглядами, которые в них существуют. Это не означает того, что индивидуальность человека полностью стирается. Все зависит от нескольких факторов: культурная среда, индивидуальные психологические особенности человека. Большинство информации мы получаем из социальной реальности, а не при непосредственном контакте с фактами и участием в событиях: «Именно в рамках социальной сети идеи, усваиваемые при чтении, услышанные на лекциях и в разговорах, унифицируются, классифицируются, принимаются,

отвергаются, оцениваются и санкционируются. Именно здесь формируются окончательные решения, какие авторитеты и какие источники информации допустимы, а какие нет» [6, с. 69].

Однако кроме стереотипного типа анализа и интерпретации информации существует еще один, который связан с «другими способами использования понятия» [2, с. 186]. Это метафорический тип. Данный механизм сознания человека проявляется в первобытную эпоху. Н. В. Крушевский: «Для младенческого ума достаточно весьма ничтожное основание, чтобы связать две вещи – это можно считать общей формулировкой всех логических особенностей первобытного мирозерцания» [7, с. 27]. В. Г. Гак также отмечает факт связи метафоры с эволюцией человеческого мышления: «...в метафорах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека, связывают метафорические переносы с недифференцированными понятиями, с генетически ранними этапами эволюциями мышления» [8, с. 12]. При этом оба объекта приобретают новые свойства, формируя синтетическую сущность. Механизм метафоры не только способствует социальному развитию человека посредством коммуникации и идентификации. Скорее это можно интерпретировать в качестве результата ее функционирования. Метафора раздвигает границы познания не за счет простого увеличения количества информации, но посредством ее новой качественной обработки.

На сегодняшний день существует большое количество работ, посвященных феномену метафоры: Ю. Аллик, Н. Д. Арутюнова, М. Блэк, К. Бюлер, Е. М. Вольф, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, С. С. Гусев, Д. Дэвидсон, Дж. Лакофф, Ю. И. Левин, Х. Ортега-и-Гассет, З. И. Резанова, П. Рикер, В. Н. Телия, А. М. Шахнорович, Ф. Уилрайт, Т. З. Черданцева, Т. Хелп и другие.

С точки зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора это то, что «...пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии... наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер» [9, с. 387].

Ричардс обращает внимание на процесс синтеза двух разных и иногда противоположенных вещей: «...Взаимодействие двух идей для порождения новой идеи, отличной от каждой из них» [10, с. 277]. А. М. Шахнорович говорит о том, что в результате взаимодействия появляется что-то принципиально новое: «В метафоре при сопоставлении двух содержаний продуцируется новое содержание, основой которого является мобилизация компонентов данных содержаний» [11, с. 111]. Аналогичной точки зрения придерживается и М. Блэк [12], говоря о том, что выражение типа человек-волк несет в себе не только новую информацию о человеке, но и новые характеристики волка.

Как отмечает Р. Солсо: «Когнитивная особенность метафорического мышления, заключающаяся в глубоком синтезе и перекомбинировании различных пластов информации, обеспечивает развитие

человеческого сознания посредством качественных изменений его представлений о мире: «в каждом состоянии организм может усваивать некоторую конкретную входную информацию; она разрушает его и воссоздает вновь таким образом, чтобы он мог развиться в новое состояние» [13, с. 355].

Задачи нашего исследования заключаются в том, чтобы выявить и описать функционирование, отличительные признаки, типы лингвокреативного моделирования реальности носителем русской языковой ментальности, а также выполнить фреймово-пропозициональное моделирование актов интерпретации, полученных в ходе экспериментального исследования.

Различные методики когнитивного моделирования, включающие построение фреймов, выделения пропозиций, концептуальных и ономазиологических структур направлены на обнаружение важных знаковых форм категоризации, обусловленных как системными связями внутри языка, так и экстралингвистическими факторами. В связи с этим важно отметить работы профессора Л. А. Араевой [14, 15], посвященные анализу словообразовательного типа, понимаемого как семантическая микросистема, построенная по принципу естественных категорий. Данное исследование позволило дать когнитивное описание различных видов полисемии, синонимии и производных слов, множественной мотивации и явления идиоматичности семантики дериватов. Данную тему разрабатывала в своих работах И. В. Евсеева [18]. П. А. Катышев [16], С. В. Оленев, Ю. С. Паули занимаются разработкой проблемы множественной мотивации. А. Г. Антипов [17] в своих исследованиях использует методику моделирования на основе формальных прототипов, описывая изменения в морфодеривационной структуре слова. К. М. Аносова исследует акты номинативной деривации в аспекте познавательной деятельности индивида на материале психолингвистических экспериментов, с детальным рассмотрением роли ассоциации в процессе познания новых слов: «...ментальное функционирование форманта представляет собой стратегию выбора ассоциативных опор, в соответствии с которой ориентация на форму грамматической категоризации (морфемную последовательность) имеет номинативное значение» [19, с. 11]. Т. Ю. Сазонова [20] осуществляла моделирование процессов идентификации слова человеком с точки зрения психолингвистического подхода.

В ходе исследования испытуемым предлагалось описать предмет, опираясь на его незнакомое название. В данном эксперименте респонденты были поставлены в ситуацию «свободной» интерпретации, так как никаких дополнительных условий ответа не было. Предлагаемые в анкете знаки не поддерживаются напрямую каким-либо внешним контекстом, хотя, как покажут последующие ассоциации на эти слова, роль контекста в их осмыслении достаточно велика. С помощью простого ассоциативного эксперимента выявляются когнитивно-психологические особенности взаимодействия слова и индивидуального языкового сознания человека. Главной целью

нашего эксперимента был анализ типологии познания окружающего мира человеческим сознанием. Для этого необходимо было выявить психологическую и языковую специфику реакции респондентов, проследить тенденции в выборе тех или иных фреймовых структур, а также провести корреляцию в зависимости от возраста респондентов, так как в нашем исследовании существовали две группы людей: 14 – 15 лет в количестве 40 человек и 18 – 21 год 40 анкетированных соответственно. В результате проведенного экспериментального исследования было получено около 600 интерпретаций 7 предметов.

Для моделирования человеческого сознания в ситуации анализа нового предмета мы использовали направленный ассоциативный эксперимент. Он состоит из 7 заданий. Каждое требует от респондента описание предмета, используя его имя. В каждом задании по одному имени: космическая вода (1), горячий дождь (2), комариная плешь (3), полная пустышка (4), жгучий пух (5), ведьмин студень (6), гремучие салфетки (7). Слова из заданий № 3, 4, 5, 6, 7 взяты нами из ранее проанализированного произведения А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» [21]. Остальные слова принадлежат автору работы. Семантически эти слова ничем не связаны. Их объединяет лишь то, что объектов, которые они обозначают, не существует.

Предложенные непривычные словосочетания слов, обозначающие по легенде некоторые неизвестные объекты, будут восприняты как своего рода метафорические сочетания. В этом случае могут быть следующие типы их толкования. Первый заключается в том, что на первый план выйдет наиболее знакомый компонент или образ, который затмит собой остальную информацию об объекте: «...объяснение метафоры относится к одному основному субъекту метафоры, второй же член метафорической пары как бы не замечается» [11, с. 114]. Это объясняется особенностями строения и функционирования различных фреймов: «В простых случаях все достаточно ясно: некоторые фреймы легко идентифицируются как сходные в силу того, что их терминалы присоединяют объекты одних и тех же видов. Эти фреймы могут быть обнаружены и объединены с помощью простого алгоритма, например алгоритма поиска оптимального соответствия» [22, с. 292]. Поэтому человек, пользуясь доступной информацией об объекте, просто перебирает похожие по избранному признаку предметы: «Что, если человек столкнулся с ситуацией, которая не активирует ни одного из имеющихся фреймов? Скорее всего, в этом случае имеет смысл прибегнуть к какому-то общему методу, состоящему, например, в сопоставлении данной ситуации с некоторым широким набором фреймов и выборе наиболее подходящего из них» [22, с. 293].

Возможен вариант, при котором человек выделит два предмета, но ему не удастся соединить их в своем представлении: «Интерпретации, в которых восстанавливаются два субъекта смысловой структуры метафоры (основной и вспомогательный), но не восстанавливается общий признак...» [11, с. 114].

Наконец, третий тип восприятия метафоры заключается не только в выделении двух предметов с их функциями, но и соединением их в третьем предмете, имеющем их некоторые характеристики, а также оригинальные черты: «Интерпретации, в которых уже частично передается переносное значение метафоры; предмет метафоризации характеризуется через разъяснение «чужого» признака, хотя вспомогательный субъект метафоры (настоящий носитель этого признака) в интерпретациях вербально не присутствует» [11, с. 116]. С точки зрения А. М. Шахнаровича: «Интерпретации, представленные в пунктах 3 и 4, на наш взгляд, отражают переход к подлинному схватыванию метафорического значения» [11, с. 117]. Объяснение, почему были выбраны именно эти признаки для синтеза объектов, с точки зрения Минского не имеют алгоритмизированного объяснения: «В более тонких случаях, при озарениях, которые случаются раз в жизни, силы аналогии кроются в глубине действующих процедурных структур. Здесь нет необходимости в общей теории, поскольку — подобно полезным эволюционным мутациям — такие озарения посещают отдельных конкретных людей и только потом сформировавшаяся идея получает распространение через культуру» [22, с. 292].

В анализе результатов экспериментального исследования мы будем использовать метод представления интерпретаций реципиентов в форме фреймовых структур, соединенных с помощью пропозиций.

Существуют несколько моделей процессов, связанных с конструированием содержания: Ф. Джонсон-Лэрда [23], Г. Скрэгга [24], У. Л. Чейфа [25]. Последний вариант мы рассмотрим подробнее. Чейф представляет процесс создания содержания в контексте коммуникативного акта, выделяя такие этапы, как: «расчленение эпизода на подэпизоды», «пропозиционализация», «категоризация». Любую информацию человеческое сознание разделяет на составляющие компоненты или части, образуя тем самым структуру, которая организуется иерархически (этап выбора пропозициональной структуры), так как он выделяет те области объекта и их роли, которые, с его точки зрения, являются наиболее важными. Каждая единица информации, образовавшаяся в результате декомпозиции объекта, представляет определенную категориальную структуру со своим набором прототипичных членов, организующих ядро категории, и периферийную область. Соответственно, на данном этапе важна роль категориальных отношений между выделенными компонентами объекта.

В результате проведения эксперимента в возрастной группе 18 – 20 лет (студенты) были выявлены следующие результаты и закономерности. Из 297 единиц, полученных в ходе анализа объектов, было установлено, что преобладающим типом лингво-креативного моделирования действительности является стереотипный (193) – при котором построение фрейма, описывающего объект, происходит на основании одного компонента предмета через соотнесение его с наиболее актуальным в созна-

нии человека стереотипом. В этом случае остальные области предмета переходят в разряд «слепых пятен» и не принимают активного участия в познании объекта, несмотря на свою потенциальную важность. В некоторых случаях они могут выступать в роли так называемых маркеров, условий терминалов, частично определяющих направление интерпретации.

Метафорический тип лингво-креативного моделирования, выделяемый по структуре фрейма, ориентированной на соотношение > 1 компонентов предмета, обнаружено в 23 единицах.

Явление неоднозначности, ситуацию, когда человек не может сделать выбор в пользу той или иной интерпретации предмета, обнаружено в 14 единицах.

Нарушение механизма номинации предметов выявлено в 82 единицах.

Проанализировав количество предметов с выявленными угрозами или положительными качествами в метафорическом типе, обнаружилась следующая закономерность: 30 % единиц, имеющих оценку потенциальной опасности / полезности, и 70 % такой оценки не имеющих.

В стереотипном типе лингво-креативного моделирования реальности из 193 единиц лишь 35 % имеют подобную оценку и 65 % ее не имеют.

Во второй возрастной группе 14 – 15 лет (старшие школьники) выявлены следующие результаты и закономерности. Из 314 единиц, полученных в ходе анализа объектов, установлено, что преобладающим типом лингво-креативного моделирования действительности является стереотипное (225 единиц) – при котором построение фрейма, описывающего объект, происходит на основании одного компонента предмета через соотнесение его с наиболее актуальным в сознании человека стереотипом. В этом случае остальные области предмета переходят в разряд «слепых пятен» и не принимают активного участия в познании объекта, несмотря на свою потенциальную важность. В некоторых случаях они выступают в роли так называемых маркеров, условий терминалов, частично определяющих направление интерпретации.

Метафорический тип лингво-креативного моделирования, выделяемый по структуре фрейма, основанной на соотношении > 1 компонентов предмета, обнаружен в 35 единицах.

Явление неоднозначности, ситуацию, когда человек не может сделать выбор в пользу той или иной интерпретации предмета, обнаружено в 13 единицах.

Нарушение механизма номинации предметов выявлено в 42 единицах. При этом существует следующая дифференциация: пропозициональный радикал, заключающийся в перестановке компонентов предмета, найден в 11 единицах, отсутствие любой интерпретации – в 29, отрицание существования объекта – в 2 единицах.

Если проанализировать количество предметов с выявленными угрозами или положительными качествами в метафорическом и стереотипном типах, то

обнаружится следующая закономерность. Из 35 единиц первого типа 16 имеют отрицательную оценку как несущие угрозу для человека, 3 оценены как положительные и 16 не имеют оценки данного типа. В процентном соотношении это равно 65 % единиц, имеющих оценку потенциальной опасности / полезности и 35 % такой оценки не имеющих. В стереотипном типе лингво-креативного моделирования реальности из 225 единиц лишь 40 % имеют подобную оценку и 60 % ее не имеют.

Следовательно, первый тип лингво-креативного моделирования реальности позволяет более объективно и целостно воспринимать новую информацию за счет фреймовой структуры, состоящей из > 1 компонента предмета. Данное состояние, являясь более гибким, позволяет при дальнейшем анализе исключить характеристику опасности для человека, что невозможно в случае со стереотипным типом, так как доминирование только одной области предмета делает невозможным ее исключение без разрушения сложившегося образа объекта.

Результаты экспериментального исследования свидетельствуют о том, что человеческое сознание выработало определенный механизм для анализа и восприятия новой информации, схожий с механизмом метафорического переноса. Это не значит, что необходимо трактовать предложенные респондентам единицы как метафоры, а успешность или ошибочность их точки зрения на эти объекты воспринимать в качестве какой-либо оценки их интеллектуальных способностей. Уникальность метафоры не заключается в ее формальной представленности в виде совокупности слов в рамках контекста. Процесс познания неизвестного с помощью соединения ранее несопряженных единиц языка и образов сознания, который мы наблюдали лишь в нескольких случаях, является ярким примером абстрактного мышления человека, той фундаментальной способности, которая позволила виду «человек разумный» достичь высот цивилизации за короткий промежуток исторического времени.

В ходе психолингвистического эксперимента обнаружено несколько вариантов частичной перекombинации информации, при которой человек выделяет два предмета, но ему не удастся соединить их в своем представлении в один, имеющий их некоторые характеристики, а также оригинальные черты: интерпретация первого объекта как *пищи или воды с необычными характеристиками для космонавтов* является самой распространенной в обеих группах. Существуют следующие трактовки данного объекта: вода из космоса, привезенная космонавтами, вода, которую пьют космонавты, грязная, вонючая вода в тюбиках, вода в тюбиках, которая летает, холодная и синяя вода из космоса, вода из космоса необычного цвета, вода с другой планеты, вода из космоса, привезенная космонавтами, вода цвета звездного неба, вода цвета расплавленного металла, находится в кратерах планеты, вода из космоса, и другие; трактовки второго объекта: теплый дождь, вода из чайника и другие; трактовки третьего объекта: лысина размером с комара, лысина комара, лысина, кото-

рую проели комары, маленькая плешь, комар, который не моет голову, комар без крыла, человек в годах с лысиной, тело, покрытое укусами комаров, рана после укуса комара, проблемы со здоровьем у комара, плешь у комара из-за укусов комара, и другие; наиболее популярными трактовками четвертого объекта являлись девушка с нулевым коэффициентом интеллекта (IQ), недалекий (возможны разные вариации пустой, глупый и т. п.) человек, глупая девушка, толстая, тупая женщина, пустой человек, умная блондинка, духовно не обогащенный человек, девушка с небольшим умом, девушка с минусовым интеллектом, без чувств, сердца, разума, человек, который не может сказать, что-то по существу, бездарный человек, тупой, но с деньгами, глупый человек, а также понятие соски для маленьких детей: пустышка с молоком, пустышка, наполненная чем-либо, пустышка со слюнями младенца, бутылочка с соской, пустышка набитая ватой, толстая соска; трактовки пятого объекта: аллергия на пух, пух с перцем, горчицей, пух, который жжет, пух, который нагрелся летом, из-за высокой температуры, пух из подушки, пух от тополя, пух с перцем, пух, который жгут, недоброкачественный пух с колючими перьями, пух, который жжет, теплый пух, аллергия на пух, и другие; трактовки шестого объекта еда на Хэллоуин, еда, приготовленная ведьмой, холодец с магическими свойствами, холодец, приготовленный ведьмой, холодец, приготовленный из ведьмы, студень, приготовленный ведьмой, отравление чем-либо, отравы, студень, вызванные ведьмой, холодец из ведьмы, холодец с ядом, и другие; трактовки седьмого объекта салфетки с гремучим звуком, салфетки, окрашенные в яркие цвета, салфетки из гремучей змеи, салфетки, пропитанные ядом змеи, салфетки с колокольчиками, салфетки с мусором или мелочью, салфетки с мусором, салфетки с мелочью, салфетки из твердого материала, когда вытирают руки гремят, салфетки с бубенчиками, пропитанные ядом, салфетки, которые кусаются, салфетки, которые постоянно роняют со стаканом, в котором они стоят, и другие.

В качестве примера третьего типа восприятия метафоры, который заключается не только в выделении двух предметов с их функциями, но и соединением их в третьем предмете, имеющим их некоторые характеристики, а также оригинальные черты, можно привести следующие ответы респондентов: трактовка первого объекта как замёрзшие частички воды, находящиеся на Марсе, алкогольный напиток после употребления которого ты оказываешься в «космосе», вода, от которой улетаешь (в данном случае респондент имеет в виду состояние алкогольного опьянения), метеоритный дождь на далекой планете, жидкость в космическом пространстве не газ, не вода, комета; трактовка второго объекта как ситуация экологической катастрофы, в ходе которой выпадают радиоактивные осадки, душ (душевые – пыточные камеры, душевая кабина, душ с паром), атака огнем (имеется в виду применение каких-либо оружейных систем), пепел вулкана (либо огненный дождь на планетах с вулканами), водопад

нагретый кипятивником, батарея, в которой утечка кипятка, пот в жару, дождь в долине гейзеров, пепел (горячие, черные хлопья) во время извержения вулкана, кислотные осадки, дождь в городе с АЭС; трактовка третьего объекта как болезни, буддийского монаха, злой и старый вампир, участки (прорехи) на одежде, шапка из комара; трактовка четвертого объекта как воздуха, растения, наполовину полный стакан; трактовка пятого объекта искры от огня, вещь, которая кажется не тем, что она на самом деле, колючее растение, зимние снежинки, пух-Казанова, ледяной снег, который обжигает замерзшие руки; трактовка шестого объекта растение, мороз, коктейль, желеобразное вещество в радиоактивной зоне, костюм, коктейль, растения, день студента, мороз жгучий, русский холодец, магическое зелье; трактовка седьмого объекта женское платье для концерта, детские тарелочки, носовой платок, телефон, обернутый салфеткой. Побочный эффект данной методики познания, заключающийся в ломке устоявшихся представлений на различные сферы окружающей реальности, может привести к серьезным психологическим нарушениям человека, который использует ее бесконтрольно и безгранично.

Таким образом, аналитические возможности метафорического типа лингво-креативного моделирования реальности позволяют более объективно и адекватно воспринимать новую информацию. Знания о потенциальной угрозе, которую содержит объект, трудно обнаружить, используя стереотипные представления как основной гносеологический способ. Результаты эксперимента подтверждают тот факт, что использование метафорического типа, основанного на перекомбинации информации, позволяет обнаружить потенциальную опасность или гипотетическую полезность изучаемого объекта.

Противоположенностью данного типа лингво-креативного моделирования является стереотип. При функционировании стереотипного типа на первом плане находится наиболее знакомый компонент или образ, который нивелирует остальную информацию об объекте: «...объяснение метафоры относится к одному основному субъекту метафоры, второй же член метафорической пары как бы не замечается» [1, с. 114]. Остальная информация об объекте автоматически переходит в категорию «белых пятен».

Тем не менее стереотипный тип является важным фактором, поддерживающим каждодневное нормальное функционирование человеческого сознания в мире информации. Этот универсальный механизм упрощения и категоризации с выделением прототипических компонентов позволяет человеческому сознанию избегать многих парадоксов окружающей реальности. Примером, показывающим гипертрофированную функцию упрощения поступающей извне информации, являются факты нарушения механизма номинации предметов: *что-то странное, кто-то высоко реагирует на температуру дождя, отравление чем-либо, салфетки из чего-то тяжелого, пустышка, наполненная чем-то,*

что-то интригующее, но опасное и тому подобные примеры.

Неспособность создать стереотипное представление об объекте, выражающееся в виде перемены мест компонентов объекта, либо отрицания его существования, свидетельствует об отсутствии развитых механизмов адаптации к новым условиям, вызванное не критическим отношением человека к знакомой информации: «...факты языка составляют для говорящих на данном языке часть их повседневного опыта и поэтому эти факты не подвергаются критическому осмыслению и проверке» [25, с. 172]. Это же отмечает и Т. Е. Васильева: «...стереотипность приобретает как бы обратное значение: она тормозит полноту ...информационного накопления путем активизации какой-то одной зоны психологических реакций...» [27, с. 357]. В то же время: «...стереотипность является важной чертой интерпретации, благодаря которой осуществляется максимальное информационное накопление разнообразия образующихся в организме психологических комбинаций, получаемых в ответ на нескончаемую реактивность организма и воздействия на него раздражителей» [27, с. 357].

Таким образом, для нормального функционирования человеческого сознания, то есть адекватного восприятия окружающей реальности, необходима ситуация паритета, при которой большая часть информации находится в стереотипных категориях и прототипах, но существует механизм, который позволяет это знание трансформировать для различных гносеологических целей.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994.
2. Авоян, Р. Г. Значение в языке. Философский анализ [Текст] / Р. Г. Авоян. – М.: Высш. шк., 1985. – 103 с.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994.
4. Бейтсон, Гр. Природа и разум [Текст] / Гр. Бейтсон. – Новосибирск, 2005.
5. Лири, Т. Технологии изменения сознания в деструктивных культах [Текст] / Т. Лири, М. Стюарт. – СПб.: Экслибрис, 2002. – 224 с.
6. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман. – М., 1972.
7. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию [Текст] / Н. В. Крушевский. – М.: Наследие, 1998.
8. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое [Текст] / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11 – 25.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 415.
10. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44 – 68.

11. Шахнарович, А. М. К проблеме понимания метафоры [Текст] / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева // Метафора в языке и тексте: сб. статей / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 108 – 119.
12. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153 – 173.
13. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология [Текст] / Р. Л. Солсо. – М.: Либерея, 2002. – 600 с.
14. Араева, Л. А. Словообразовательный тип в антропоцентрической парадигме (на материале языковой игры) // Русский язык: Теория. История. Риторика. Методика: материалы X филологических чтений памяти проф. Р. Т. Гриб. – Красноярск, 2005. – С. 27 – 31.
15. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема (суффиксальные субстантивы) [Текст] / Л. А. Араева. – Кемерово, 1994. – 223 с.
16. Катышев, П. А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы [Текст] / П. А. Катышев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 130 с.
17. Антипов, А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских народных говоров) [Текст] / А. Г. Антипов. – Томск, 2001. – 188 с.
18. Евсеева, И. В. Словообразовательный тип как экспонент когнитивных процессов (на материале отсустантивов с -ница) / И. В. Евсеева: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2000. – 217 с.
19. Антипов, А. Г. Акты номинативной деривации в аспекте познавательной деятельности индивида / А. Г. Антипов, К. М. Аносова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1. – Ч. 1. – С. 8 – 11.
20. Сазонова, Т. Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход [Текст] / Т. Ю. Сазонова. – Тверь, 2000. – 134 с.
21. Стругацкие, Аркадий, Борис. За миллиард лет до конца света. Улитка на склоне. Отель «У погибшего альпиниста»: повести. [Текст] / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М., 1996. – 464 с.
22. Минский, М. Структура для представления знания [Текст] / М. Минский // Б. Хорн, М. Минский, Й. Сираи, Д. Уолц, П. Уинстон. Психология машинного зрения. – М.: Мир, 1978. – 344 с.
23. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения [Текст] / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1998. – С. 234 – 256.
24. Скрэгг, Г. Семантические сети как модели памяти. [Текст] / Г. Скрэгг // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С. 228 – 271.
25. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. – М., 1983. – С. 35 – 74.
26. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 135 – 168.
27. Васильева, Т. Е. Стереотипы в общественном сознании [Текст] / Т. Е. Васильева // Реклама. Внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – М., 2001.

УДК: 8Г373.612

КОМПЛЕКСНЫЕ ЕДИНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

И. В. Евсеева

COMPLEX UMITS OF WORD-FORMATIVE SYSTEM

I. V. Evseeva

В статье рассматриваются комплексные единицы словообразовательной системы: от самых простых к наиболее сложным. При обсуждении их природы важно различать (1) численный и структурный состав этих единиц и (2) их когнитивную сущность. На наш взгляд, для раскрытия механизмов порождения и хранения знаний о мире лучше приспособлены такие комплексные единицы, как словообразовательный тип и словообразовательное гнездо. Словообразовательная категория, являющаяся одной из самых многочисленных в количественном отношении, значима для дериватологии как метаязыковая единица, в рамках которой можно проследить взаимодействие разных словообразовательных типов.

In this paper the complex units of word-formative system are analyzed. We distinguish the numerical and structural composition of these units from their cognitive entity. To appropriately expose the mechanisms of generation and storage of knowledge the complex units such as wordbuilding type and family of words are used. Wordbuilding category is one of the most profound in this respect, it is also important for the derivatology as a metalinguistic unit. The framework of this category enables the researcher to trace the interactions of different wordbuilding types.

Ключевые слова: словообразовательная пара, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо, морфонологическая модель, словообразовательный тип, словообразовательная категория.

Keywords: wordbuilding pair, wordbuilding chain, wordbuilding paradigm, family of words, morphonological model, wordbuilding type, wordbuilding category.

1. Постановка проблемы

На начальных этапах становления словообразования как науки (50 – 70-е гг XX века) вскрывались противоречивые воззрения на комплексные единицы, объединяющие производные слова. В выборе основной единицы словообразовательной системы взгляды дериватологов существенно расходились. Так, А. Н. Тихонов отмечал, что «в качестве такой единицы рассматривались: производное слово (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова и др.), формант – компонент производного слова (В. В. Лопатин, И. С. Улукханов), деривационный шаг (П. А. Соболева), словообразовательный образец (Н. А. Янко-Триницкая), словообразовательный тип, модель (Б. Н. Головин, В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, Л. В. Сахарный)» [20, с. 71].

П. Джамбазов в качестве основных единиц предлагал рассматривать сразу несколько: «Основными единицами словообразовательной подсистемы языка можно признать словообразовательную структуру мотивированной лексической единицы, словообразовательный тип и словообразовательное гнездо» [3, с. 58].

В Русской грамматике-80 словообразовательная система определяется двояким образом: 1) совокупности словообразовательных типов в их взаимодействии и как 2) совокупность словообразовательных гнезд [13, с. 137]. Здесь, как нам представляется, в определении содержится внутреннее противоречие: если типы – это совокупность и их взаимодействие, то гнезда – это лишь совокупность; получается, что гнезда в пределах словообразовательной системы не взаимодействуют. Указанное противоречие имеет свои корни. Оно вызвано тем, что описание словообразовательных типов и гнезд в Русской грамматике-80 проводится на разных основаниях, что не дает возможности целостного описания деривационной системы через взаимодействие комплексных единиц.

В то же время необходимость системного подхода к изучению разных словообразовательных явлений неоднократно подчеркивалась в советском языкознании. «Научное понимание системной сущности словообразования является залогом успешного решения всех остальных более частных вопросов изучения о словообразовании как в его синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Можно без преувеличения сказать, что различие точек зрения по целому ряду вопросов, относящихся к области изучения о словообразовании, объясняется степенью глубины наших знаний о системной сущности языка вообще и его словообразовательного яруса – в частности» [7, с. 10].

Сказанное свидетельствует о том, что изучение словообразовательной системы связано с методологическими трудностями выбора единицы описания системного объекта словообразования. Как отмечает Л. А. Араевой, одни лингвисты под основной

единицей словообразования понимают элементарные (при этом среди дериватологов нет единого подхода в понимании элементарной единицы словообразования), другие – такие, которые выводятся из элементарных [2, с. 11].

Современная дериватология выделяет достаточно большое количество комплексных единиц, иерархия которых (наряду с понятийным и терминологическим аппаратом, обслуживающим деривационную систему языка) окончательно не определена. В словаре-справочнике «Основные понятия словообразования в терминах» В. Н. Немченко выделяет сразу несколько комплексных единиц словообразования, которые в период становления словообразовательной науки вводились в научный обиход. Это словообразовательная модель, вариант словообразовательной модели, словообразовательная подмодель, словообразовательный образец, словообразовательный тип, вариант словообразовательного типа, словообразовательный подтип, лексико-словообразовательный тип производных слов, словообразовательная категория, гиперкатегория, суперкатегория, словообразовательная подкатегория и др. [10, с. 3]. Из перечисленных В. Н. Немченко терминов можно выделить такие, которые обозначают одно и то же понятие. Таковы, например, сочетания «словообразовательная модель» и «словообразовательный тип», ср.: «Семантика производного слова опирается на семантику производящего и словообразующей морфемы, на значение словообразовательного типа (модели) и т. д.» [19, с. 177].

В данной работе мы не будем останавливаться на подробной характеристике каждого из названных терминов и на выяснении правомерности выделения тех или иных единиц в качестве базовых. Этого мы не делаем, главным образом, по той причине, что такие характеристика и оценки уже неоднократно давались разными лингвистами. Скажем лишь, что значительное число выделенных и активно употребляемых в 70-е годы прошлого века понятий и терминов, порой подменяющих друг друга, оправдывается лишь становлением в то время словообразования как самостоятельного раздела языкознания. Этому непосредственно способствовали исследования, описывающие деривационные единицы, явления и процессы с разных сторон. И сегодня в нашей науке имеет место сходная ситуация. Актуальным становится когнитивное направление в языке, и понятийный аппарат его находится в стадии становления. Достаточно заметить, что даже такие центральные для когнитивистики понятия и термины, как «фрейм», «слот» или «концепт», понимаются по-разному.

Поэтому уже на новом витке развития науки для функционального и концептуального анализа единиц словообразования опять становится чрезвычайно актуальной и важной классификация единиц словообразовательной системы. Из разработанных ра-

нее одной из наиболее перспективных считаем классификацию, предложенную Е. А. Земской и Е. С. Кубряковой. В работах этих ученых выделено в качестве самостоятельных три типа словообразовательных единиц. Это (1) **элементарные единицы** (производящая основа и формант), (2) **простые единицы** (производные слова) и (3) **комплексные единицы** (словообразовательные типы, гнезда, ряды, цепочки, парадигмы, категории, подкатегории) [4; 8]. Основными, или центральными, элементами в данной классификации считаются производные слова, которые (а) состоят из ещё более простых – элементарных – единиц и (б) объединяются по особым правилам в единицы комплексные.

В свою очередь, выделение среди комплексных единиц нескольких разновидностей провоцирует постановку вопроса: может ли, и если да, то какая из них, быть признана основной словообразовательной единицей. Этот вопрос представляется нам весьма важным, и не случайно расхождения ученых во мнениях здесь особенно ощутимы. Кроме этого, значимым является установление между комплексными единицами связей, подчеркивающих системность словообразования.

2. Комплексные единицы дериватологии и их понимание

Комплексными единицами в словообразовании принято называть такие, которые включают в себя другие, более мелкие. При этом «комплексные единицы системы словообразования формируются противопоставлениями разного рода: соотношением однокоренных слов и соотношением слов, имеющих разные корни, но одно и то же словообразовательное строение» [5, с. 390].

Из множества единиц, признававшихся в истории словообразовательной науки комплексными, сегодня остаются следующие: словообразовательная пара, словообразовательная цепь, словообразовательное гнездо, словообразовательная парадигма, словообразовательный тип, морфонологическая модель, словообразовательная категория. Остановимся на понимании каждой из них. Именно их считают комплексными большинство отечественных лингвистов.

2. 1. Начнем с понятия **словообразовательной пары** (СП), которая является самой простой единицей из комплексных, но вместе с тем одной из наиболее значимых для теории словообразования. Понятие словообразовательной пары тесно связано с понятием словообразовательной производности, которое основывается на формальной и семантической выводимости свойств производного из свойств исходных, или производящих, единиц. Что представляет собой словообразовательная пара для теории словообразования – вопрос далеко не праздный.

В большинстве вузовских учебников и учебных пособиях [см., например, 11; 15; 16 и др.], в энциклопедических словарях и грамматиках [13; 22 и др.] четкое определение словообразовательной пары отсутствует, а если и представлено, то вызывает вопросы и возражения. Так, авторы раздела «Словооб-

разование» Т. Н. Волынец и И. А. Карабань в учебнике [17] отмечают, что словообразовательная пара (СП) – это «простейшая двухкомпонентная единица словообразовательной системы. Образуют ее два однокорневых слова, связанные между собой отношениями словообразовательной мотивации: *дрессировать* – *дрессировка* ('действие по глаголу *дрессировать*')» [там же: 63]. Такое понимание СП провоцирует вопрос: если пара *дрессировать* – *дрессировка* «простейшая двухкомпонентная единица словообразовательной системы», то тогда какой единицей по степени сложности является, например, дериват *быстро*, который состоит из двух компонентов – отсылочной базы (производящая основа *быстр-ый*) и форманта (суффикс *-о*). Не ясно и то, как связаны между собой два однокорневых слова отношениями словообразовательной мотивации (выводимости), какими формальными свойствами обладает двуместное отношение «быть словообразовательной парой» / «входить в словообразовательную пару». Те же вопросы можно задать и по прочтении следующего определения СП – «сочетание мотивирующего и мотивированного слов: *лес* – *лесник*» в учебнике [18, с. 517]. Из приведенных определений остается непонятным, является ли отношение производящего и производного слов в СП симметричным, т. е. верно ли, что если пара *<a, в>* является СП, то и пара *<в, а>* тоже является СП. Ответ на этот вопрос отрицательный, т. к. **отношение словообразовательной производности в СП одностороннее**. Иными словами, словообразовательной парой будет являться *дрессировать* – *дрессировка*, но не *дрессировка* – *дрессировать*. Сравните в связи с этим наличие взаимной семантической обусловленности однокоренных слов *слесарь* 'тот, кто слесарничает' и *слесарничать* 'выполнять работу слесаря', между которыми, по сути, отсутствуют иерархические отношения. Данное свойство лексем было отмечено М. Н. Яценецкой. Ею же были сформулированы отличия лексической мотивации от словообразовательной; лингвист подчеркивает, что «игнорирование словообразовательной структуры слова при установлении эпидигматических связей однокоренных слов приводит к тому, что эти связи не всегда совпадают со словообразовательными» [23, с. 11]. М. А. Осадчий, рассматривая взаимонаправленные отношения между лексемами внутри гнезда однокоренных слов, предлагает такие отношения называть *полиреляцией* [12, с. 25].

Под словообразовательной парой мы понимаем формальную и семантическую соотнесенность двух однокоренных слов, из которых первым компонентом пары считается производящее слово, а вторым – производное, причем производное слово всегда сложнее своего производящего ровно на один формант.

На множестве словообразовательных пар отношение транзитивности в общем случае не выполняется. Это означает, что единицы *a* и *b* могут образовывать СП, единицы *b* и *c* могут образовывать СП, а единицы *a* и *c* – нет. Например, слова *гадать* и *загадать*, *загадать* и *загадка* образуют словообразова-

тельные пары, а слова *гадать* и *загадка* словообразовательной пары не образуют, так как дериват *загадка* ('то, что загадали') формально и семантически выводится из глагола *загадать*, а не из глагола *гадать*. Слово *загадка* сложнее, чем *загадать*, на один формант (*-к(а)*) и на два форманта (1. префикс *за-* и 2. суффикс *-к(а)*) сложнее глагола *гадать*, а по определению производное не может быть сложнее производящего более, чем на один формант.

В русской словообразовательной системе есть, впрочем, также случаи, когда и *<a, в>*, и *<в, с>*, и *<a, с>* являются словообразовательными парами. Иными словами, свойство транзитивности может выполняться. Так, дериват *лесник* может входить в две словообразовательные пары *лесной – лесник* ('лесной сторож', *лесн(ой)* + *-ик*; значение слова взято из толкового словаря русского языка С. И. Ожегова.), *лес – лесник* ('сторож леса', *лес* + *-ник*; в данном случае мы трансформируем значение 'лесной сторож'. В повседневной языковой практике по данным проведенного нами опроса люди определяют значение слова *лесник* не как 'лесной сторож' или 'сторож леса', а как 'человек, охраняющий лес'), т. е. дериват *лесник* формально и семантически оказывается соотносительным и с *лесной*, и с *лес*; кроме того, по сравнению с каждым производящим *лесник* сложнее ровно на один формант.

2. 2. Понятие словообразовательной пары является «строительным кирпичиком», на котором основывается определение понятия словообразовательной цепи. Действительно, **словообразовательная цепь** (СЦ) – это ряд последовательно расположенных словообразовательных пар. Примером словообразовательной цепи является ряд *сахар – сахарить – засахарить – засахаренный*, в который входят следующие СП: *<сахар – сахарить>*, *<сахарить – засахарить>*, *<засахарить – засахаренный>*. Эти СП условно записываются, как это принято в словообразовании, в форме цепи.

Здесь важно учитывать, что если имеет место отношение «образовывать СП» для пар *<a, в>*, *<в, с>* и *<с, d>*, то эти пары организуют СЦ (*гадать – загадать – загадка*), в то время как пары *<a, в>*, *<в, с>* и *<a, с>* не всегда входят в СЦ. Например, пары *лес – лесной* и *лесной – лесник* создают одну СЦ (*лес – лесной – лесник*), а пары *бороться – борьба*, *бороться – борец* и *борьба – борец* не могут организовывать одну СЦ, так как (1) дериваты *борьба* и *борец* равноправны по отношению к производящему слову *бороться*, отсюда они входят в разные СЦ, образуя второй элемент в каждой цепи, (2) каждый из них сложнее своего производящего ровно на один формант – *борь-б(а)*, *бор-ец*; отсюда, слово *борец* не может быть третьим компонентом СЦ. При анализе СП *борьба – борец* мы видим, что *борец* сложнее *борьба* тоже ровно на один формант, что согласуется с понятием словообразовательной пары. Это важно учитывать, так как СП и СЦ участвуют в образовании словообразовательного гнезда. Дериват *борец* формально и семантически может образовывать СП как с глаголом *бороться* (*борец* – 'тот, кто профессионально борется'; *бороться – бор-ец*), так и с су-

ществительным *борьба* (*борец* – 'тот, кто профессионально занимается борьбой'; *борьба – бор-ец*). Здесь наблюдается усечение производящей основы до части *бор'*- и прибавление суффиксального форманта *-ец*).

2. 3. **Словообразовательная парадигма** представляет собой совокупность всех производных слов, образованных от одного и того же производящего. Например, словообразовательная парадигма глагола *сахарить* включает дериваты *сахарить-ся*, *за-сахарить*, *на-сахарить*, *об-сахарить*, *пере-сахарить*, *подсахарить* и некоторые другие.

2. 4. **Словообразовательное гнездо** (СГ) – это совокупность всех словообразовательных пар, словообразовательных цепей и словообразовательных парадигм, имеющих одно и то же исходное слово, которое является вершиной гнезда. Иными словами, СГ – это множество однокоренных слов, упорядоченных отношениями производности (выводимости) (примеры словообразовательных гнезд в большом количестве содержатся в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова).

2. 5. **Морфонологическая модель** (ММ) – это формально-семантическая схема построения дериватов, объединенных тождеством семантики, части речи производящих слов и конкретного формантного варианта. Один вариант форманта может отличаться от другого (1) наличием/отсутствием чередования фонем на границе морфов: *таганрож-ский – таганрог-ский*; *риж-ский – лейпциг-ский*; (2) наличием /отсутствием интерфиксов – вставных элементов, выполняющих соединительную функцию: *ленинград-ский*, *орл-(ов)ский*, *ялт-(ин)ский*; (3) усечением /отсутствием усечения основы: *манилов-щина* и *прямолиней-щина*, *самбо* и *самб-ист*, *каноз* и *каноз-ист* или (4) наложением /отсутствием наложения морфов: *манго – манговый* и *банан – банановый*).

2. 6. **Словообразовательный тип** – это совокупность производных слов, объединенных тождеством семантики, части речи производящих слов и словообразовательного форманта (тождеством основного форманта в отличие от тождества формантного варианта – показателя словообразовательной модели).

Данное определение словообразовательного типа с некоторыми модификациями дано в большинстве вузовских учебников. Иными словами, словообразовательный тип объединяет в себе разные морфонологические модели с тождественным словообразовательным формантом. Например, в один словообразовательный тип «основа сущ. + формант *-ец*» входят:

1. ММ «основа сущ. + формант *-ец*»: *ленинград-ец*, *валаам-ец* (Валаам – город в России) и др. – присоединение форманта к производящей основе без морфонологических изменений.

2. ММ «основа сущ. + формант *-(ин)ец*»: *амударь-(ин)ец* (Амударья – река в Ср. Азии) – присоединение форманта к производящей основе при помощи интерфикса *ин*.

3. ММ «основа сущ. + формант *-(ан)ец*»: *амерж-(ан)ец* – присоединение форманта к производящей основе при помощи интерфикса *ан*.

4. ММ «основа сущ. + формант *-(н)ец*»: *бэнбу-(н)ец* (Бэнбу – город в Китае) – присоединение форманта к производящей основе при помощи интерфикса *н*.

5. ММ «основа сущ. + формант *-(зан)ец*»: *вале-(зан)ец* (Вале – кантон в Швейцарии) – присоединение форманта к производящей основе при помощи интерфикса *зан*.

6. ММ «основа сущ. + формант *-(иан)ец*»: *венец-(иан)ец* (Венеция – город в Италии) – присоединение форманта к производящей основе при помощи интерфикса *ИАН*.

7. ММ «основа сущ. + формант *-(с)ец*»: *висбю-(с)ец* (Висбю – город в Швеции) – присоединение форманта к производящей основе при помощи интерфикса *с*.

8. ММ «основа сущ. + формант *-(ев)ец*»: *гус-(ев)ец* (Гусь-Хрустальный – город в России) и др. – присоединение форманта к производящей основе при помощи интерфикса *ев*.

9. ММ «основа сущ. + формант *-ец*»: *краснояр-ец*, *лесосибир-ец* и др. – присоединение форманта к усеченной производящей основе.

Как видим, словообразовательный тип «основа сущ. + формант *-ец*» содержит в себе большое количество морфонологических моделей. Это говорит о продуктивности данного типа.

Такое понимание словообразовательного типа, признанное в структурной лингвистике, в настоящее время уточняется. Ученые предлагают сохранить в определении словообразовательного типа все тождества, выделенные ранее, на основании которых дериваты объединяются в тип, но каждое из них конкретизируется с учетом достижений современной лингвистики. Наиболее значимой, на наш взгляд, представляется конкретизация тождества словообразовательной семантики.

В рамках традиционного подхода Л. В. Сахарный, анализируя словообразовательные типы с лексикологических позиций, относительно лексем *утренник* (праздник), *дневник* (особая тетрадь), *вечерник* (учащийся), *ночник* (лампа) пишет, что «все эти слова объединены одним суффиксом и даже основы представляют собой тесно связанную семантически группу, но сами основы не образуют в данном случае ряда, а входят в состав различных рядов. Поэтому все они принадлежат разным моделям и не связаны между собой по словообразовательным признакам» [14, с. 149]. В противовес приведенным лексемам, производные *ржище*, *пшеничище*, *ячменище*, *гороховище*, *гречушище*, *льнище*, *коноплянище* Л. В. Сахарный относит к одной словообразовательной модели, так как все они обозначают 'название поля, с которого убраны растения' [14, с. 148]. В 1992 г. Е. А. Земская отмечает уже, что «в семантике слова для словообразования важна не его лексическая конкретность, а то общее, что отражено в строении ряда слов, наделенных семантической общностью и имеющих общие формальные показате-

тели в структуре... Словообразовательные значения обладают разной степенью абстрактности. Среди них есть достаточно конкретные (типа 'невзрослость', 'маленький') и очень абстрактные (типа 'относящийся к тому, что названо базовой основой')» [6, с. 27 – 28]. Учитывая разработанные положения в области деривационной семантики, Л. А. Араева предлагает при определении словообразовательного типа говорить не о тождестве словообразовательной семантики, а об особой, специфичной для каждого типа реализации различных видов словообразовательной семантики – от грамматико-словообразовательного до индивидуального лексико-словообразовательного [1]. Данное положение дает право относить к одному словообразовательному типу дериваты *утренник* (праздник), *дневник* (особая тетрадь), *вечерник* (учащийся), *ночник* (лампа), т. к. все эти дериваты (1) образованы от существительного (или прилагательного в зависимости от мотивации), (2) при помощи одного форманта, (3) объединены тождеством обобщенного значения – 'предмет (в широком смысле), названный по предмету'.

Рассмотрение словообразовательного типа с данных позиций позволяет говорить об этой комплексной единице как о сложно структурированной формально-семантической микросистеме, устроенной по принципу естественных категорий с размытыми формально-семантическими границами. Единицы одного словообразовательного типа (как ядерные, так и периферийные) пересекаются с единицами другого типа, поэтому между ними невозможно провести четкую границу. В то же время в пределах практически любого словообразовательного типа находится ядро, включающее в себя так называемых «лучших представителей».

2. 7. **Словообразовательную категорию (СК)** образует совокупность словообразовательных типов с общим словообразовательным значением. Например, в СК с общим словообразовательным значением 'субъект, названный по месту, названному производящим словом' входят дериваты разных типов: *ленинград-ец*, *москв-ич*, *харьков-(чан)ин*, *ветлуг-ай* и др.; в СК со словообразовательным значением 'обладающий свойством, характерным для объекта, названного производящим словом': *труб-чат(ый)*, *сирот-лив(ый)*, *серебр-ист(ый)*, *золот-0(ой)*. Как говорилось выше, одни из перечисленных комплексных единиц словообразования образуют другие единицы – как правило, более высокого уровня и более сложного строения. Так, структурными единицами словообразовательного гнезда считаются единицы двух планов – синтагматического и парадигматического [21, с. 41]. К синтагматическим единицам относятся словообразовательная пара и словообразовательная цепь, парадигматической единицей считается словообразовательная парадигма.

В одном словообразовательном типе могут объединяться слова, произведенные по разным морфонологическим моделям (см. примеры выше); для одних типов это характерно, другим это не свойственно.

Словообразовательная категория, в свою очередь, является единицей более сложной, чем словообразовательный тип. Она «формируется совокупностью типов (а значит, и морфонологических моделей, входящих в типы) (Вставка наша. – И. Е.), объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения» [5, с. 391].

3. Основные комплексные единицы словообразования

С учетом всего сказанного возникает вопрос: какие комплексные единицы из вышеназванных являются основными?

Иерархия единиц, включение менее сложных в более сложные по строению позволяет говорить о двух, самых больших по объему, комплексных единицах словообразовательной системы – словообразовательном гнезде и словообразовательной категории. Именно они являются наиболее крупными структурами, объединяющими дериваты, с одной стороны, на основании тождества корня (так создаются гнезда), с другой – на основе семантического тождества (так образуются категории).

Здесь важно различать количественный состав комплексных единиц и их антропоцентрическую значимость, когнитивную сущность. На наш взгляд, на раскрытие механизмов порождения и хранения знаний о мире направлены такие комплексные единицы дериватологии, как словообразовательный тип и словообразовательное гнездо. В границах типов происходит процесс образования производных слов, что отражает особенности мыслительной деятельности человека. Когнитивная сущность словообразовательных гнезд объясняется тем, что гнезда – наиболее удобные хранилища дериватов, объединенных по общности корня. Потенции, заложенные в корне слова, заметнее всего прослеживаются именно в гнезде: дериваты, группируясь вокруг базового слова, вбирая в себя частично или полностью семантику этого базового слова, формируют концептуальную структуру фреймового типа, в которой все дериваты взаимосвязаны. Производные слова, занимая в гнездах свою ячейку, в нужный момент без труда извлекаются говорящими.

Словообразовательный тип – это единица, которая на протяжении всей истории развития словообразования признавалась самыми разными лингвистами (Л. А. Араева, Е. А. Земская, Е. В. Красильникова, В. В. Лопатин, Л. С. Сахарный, И. С. Улуканов и др.) важнейшей комплексной единицей, основной ячейкой словообразовательной системы языка, ядром ее изучения. Более того, Е. А. Земская в учебном пособии для вузов «Современный русский язык. Словообразование» (1973 г.) даже не упоминает ни о гнездах, ни о словообразовательных категориях, в то время как словообразовательному типу посвящает отдельную главу. Большинство лингвистов отводят словообразовательным типам среди комплексных единиц дериватологии главенствующую роль по той важной причине, что новые производные слова образуются именно в пределах типа – по ана-

логии с дериватами, которые уже давно вошли в данный тип. Так, трехлетний ребенок на вопрос: «Где живет лиса?» – мгновенно отвечает: – «В лисятнике» (пример взят из семейного архива автора работы; здесь *лисятник* имеет значение 'вольер для содержания лис в зоопарке'). Обычно дети к трем годам уже понимают и воспроизводят в речи такие производные слова, как *телятник*, *коровник*, *курятник*, *цыплятник*, построенные по единой модели, и при необходимости эта модель начинает «работать» по принципу аналогии. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что единицы языковой системы существуют не сами по себе, не отдельно друг от друга, а находятся во взаимосвязи, что позволяет ребенку (и не только ребенку) достаточно быстро овладевать языком и свободно пользоваться им в процессе коммуникации. При создании нового слова, а также воспроизведении уже известного, говорящий опирается на знакомую ему модель, которая является, по сути, ключом к образованию слов. По мнению Н. В. Крушевского, «всякое слово связано с другими словами узами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или, другими словами, всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами» [9, с. 145].

Подчеркнем, что образование слов опирается именно на существующий в языке словообразовательный тип (модель), а не на такую единицу, как словообразовательная категория. Словообразовательная категория представляет собой структуру более абстрактного плана, чем тип. Ведь для того, чтобы объединить дериваты по признаку тождества семантики форманта, человеку необходимо абстрагироваться от конкретного опыта, т. е. произвести категоризацию – включить тот или иной дериват в одну словообразовательную категорию или исключить из нее. Словообразовательная категория значима для дериватологии как метаязыковая единица, в рамках которой можно проследить взаимодействие разных в формальном отношении словообразовательных типов, сходства и различия в их семантическом устройстве.

Таким образом, многолетние споры по поводу того, какая из комплексных единиц дериватологии является важнейшей, оказываются в конечном счете схоластическими: каждая из них может рассматриваться в качестве основной, в зависимости от того, какая цель и какие аналитические задачи стоят перед исследователем. Статусом «основной комплексной единицы» мы наделяем и словообразовательное гнездо, и словообразовательную категорию, и словообразовательный тип. Каждая из этих единиц имеет свою структуру, свои семантические характеристики, сферы использования и области функционирования, и каждая делится на более мелкие единицы. Самыми сложными в структурном отношении предстают словообразовательные категории и гнезда. А словообразовательные типы, наряду со слово-

образовательными гнездами, на наш взгляд, в большей степени когнитивны, именно они позволяют вскрыть механизмы порождения и хранения знаний о мире.

Литература

1. Араева, Л. А. Словообразовательный тип / Л. А. Араева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
2. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров) / Л. А. Араева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994.
3. Джембазов, П. Словообразовательная подсистема языка и ее основные единицы: (по наблюдениям над русским языком) / П. Джембазов // Славистичны проучвания: сборник в чест. на VIII Международен славистичен конгресс. – Велико Търново, 1978. – С. 58.
4. Земская, Е. А. Продуктивность и членимость // Развитие современного русского литературного языка: словообразование. Словообразование. Членимость слова. 1972. – М.: Наука, 1975. – С. 216 – 219.
5. Земская, Е. А. Словообразование / Е. А. Земская, В. А. Белашапова, Е. А. Брызгунова и др. // Современный русский язык: учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / под ред. В. А. Белашаповой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 286 – 441.
6. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М., 1992.
7. Зенков, Г. С. Вопросы теории словообразования / Г. С. Зенков. – Фрунзе, 1969.
8. Кубрякова, Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Общее языкознание (внутренняя структура языка). – М.: Наука, 1972. – С. 344 – 393.
9. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию. – М., 1998. – С. 96 – 222.
10. Немченко, В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: краткий словарь-справочник / В. Н. Немченко. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985.
11. Немченко, В. Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В. Н. Немченко. – М.: Высш. шк., 1984.
12. Осадчий, М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда / М. А. Осадчий. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
13. Русская грамматика. Т. 1. – М.: Наука, 1980.
14. Сахарный, Л. В. О словообразовательной модели и ее продуктивности / Л. В. Сахарный // Лингвистический сборник. – Свердловск, 1963. – Вып. 1.
15. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. – Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987.
16. Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Филология» / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др.; под ред. П. А. Леканта. – М.: Дрофа, 2000.
17. Современный русский язык. 4.2. Словообразование. Морфонология. Морфология / под ред. П. П. Шубы. – Мн.: Плопрес, 1998.
18. Современный русский язык: теория. Анализ языковых единиц: учеб. для высш. учеб. заведений: в 2 ч. – Ч. 1 / под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2001.
19. Тихонов, А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: курс лекций / А. Н. Тихонов. – Самарканд, 1971.
20. Тихонов, А. Н. Системное устройство русского словообразования / А. Н. Тихонов // Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования / под ред. Д. Н. Шмелева. – М., 1988. – С. 71 – 74.
21. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. / А. Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. I.
22. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 467 – 469.
23. Яценецкая, М. Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо / М. Н. Яценецкая // Семантическая структура слова. – Кемерово: Кемеровский ун-т, 1984. – С. 3 – 17.

УДК 811.161.1' 37

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ СЕМАНТИЗИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (на материале данных психолингвистического эксперимента)

Т. Ю. Кузнецова

THE MEANING AND SENSE OF SEMANTIZING EXPRESSIONS (on the basis of psycholinguistic experiment data)

T. J. Kuznetsova

Рассматривается соотношение понятий «значение» и «смысл» слова и их реализации в семантизирующих высказываниях говорящих на материале психолингвистического эксперимента. Изучение соотношения данных языковых категорий предполагает постановку гипотезы: в словарях любое толкование значения от-

ражает лишь часть смысловых признаков, соотносимых с языковым знаком; потенциальный же смысл лексической единицы располагает весьма широкими возможностями своей реализации в речевом воплощении.

The relation of the definitions “meaning” and “sense” of a word and their semantization in the expressions of the speakers is analyzed on the basis of psycholinguistic experiment data. The analysis of the relation between these linguistic categories allows to put forward the following hypothesis: any interpretation of the word meaning in dictionaries reflects only a part of all sense characteristics referred to linguistic sign, whereas, the potential sense has a lot of opportunities of realization in speech.

Ключевые слова: «значение» и «смысл», обыденная лингвистика, рядовой носитель языка.

Keywords: “meaning” and “sense”, ordinary linguistics, ordinary native speaker.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение соотношения понятий «значение» и «смысл» слова и их реализации в семантизирующих суждениях говорящих. Предметом исследования при этом является особенность репрезентации значения слова в контексте. Смысл слова «раскрывается в его толкованиях, подобно тем, которые мы встречаем в толковых словарях» [5, с. 19]. В зависимости от определенных условий, можно говорить о языковой вариативности, специфика которой и заключается в актуализации конкретного смысла, признака денотата в высказывании.

Изучение феномена значения и смысла в семантизирующих высказываниях говорящих предполагает формулировку следующей *гипотезы*, подлежащей экспериментальной проверке: в словарях всякое толкование значения отражает лишь часть смысловых признаков, соотносимых с языковым знаком; потенциальный же смысл лексической единицы располагает весьма широкими возможностями своей реализации в речевом воплощении.

Для проверки данной гипотезы мы используем метод психолингвистического *эксперимента*, цель которого – обнаружить актуальные смыслы слова в семантизирующих высказываниях говорящих и соотнести их со значением слов, зафиксированных в толковом словаре. В эксперименте участвовали 50 студентов Кемеровского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет. Анализу были подвергнуты слова русского языка, относящиеся к денотативной лексике «Натурфакты», референтная зона «Растительный мир» (*подорожник, береза, крапива*), референтная зона «Животный мир» (*чайка, буревестник, аист*). Реципиентам предлагалось заполнить анкеты со следующим заданием: *Какое значение имеют данные слова?*

Проблеме соотношения понятий «значение» и «смысл» в отечественной и зарубежной лингвистике посвящено достаточно много исследовательских работ (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Леонтьев, И. А. Стернин; Дж. Лакофф, Г. Фриге, Ч. Филмор и др.).

При обсуждении этого вопроса общепризнанными являются следующие положения:

1. *Значение и смысл – категории нетождественные*

Современная семасиология не располагает на сегодняшний день однозначным толкованием внутреннего, концептуального содержания понятий «значение» и «смысл». Все это не может не способствовать развитию дискуссий в отечественной и за-

рубежной лингвистике. Условно можно говорить о двух диаметрально противоположных подходах при рассмотрении данных языковых категорий. Представители первого направления склонны считать «значение» и «смысл» понятиями синонимичными. Такое отождествление находим в лексикографической практике. Толковые словари определяют смысл через значение, а значение, в свою очередь, через смысл, рассматривая, таким образом, данные категории как «синонимы, хотя и не абсолютные» [4, с. 303]. Ср. *смысл* – 1. разум, рассудок; 2. внутреннее логическое содержание, **значение** чего-либо, постигаемое разумом; 3. разумное основание, назначение, цель. *Значение* – 1. **смысл**, содержание понятия; 2. важность, значительность; 3. влияние, роль в жизни, предназначение [8, с. 160 – 161; 617 – 618]. *Смысл* – 1. внутреннее логическое содержание, **значение** чего-либо, постигаемое разумом; 2. разумное основание, назначение, цель; 3. разум, разумность. *Значение* – 1. **смысл**, содержание; 2. важность, значительность; 3. влияние, роль в жизни, предназначение [2, с. 368; 1220].

Однако при всем разнообразии подходов и, несмотря на известные противоречия, «современная семасиология дает основание полагать, что «значение» и «смысл» – понятия нетождественные» [1, с. 72].

Представители второго подхода актуализируют тенденцию к дифференциации понятий «значение» и «смысл», восходящей к классической теории Г. Фреге о значении и смысле и реализуемой в ряде современных лингвистических исследований [Бондарко, 1978; Кобозева, 1994; Кравец, 2001; Новиков, 2006; Стернин, 1985]. Характер иллюстративного (лексикографического) материала оказывается, как отметила И. М. Кобозева, недостаточным для того, чтобы убедиться в предположении о семантической нетождественности значения и смысла. На пути решения данного вопроса ученых-лингвистов объединяет общее заключение, согласно которому смысл традиционно рассматривается:

– как одна из потенциальных реализаций значения в коммуникативном пространстве;

– как определенное обозначение «одной из возможных совокупностей признаков, при помощи которых мы обозначаем и выделяем один и тот же круг предметов» [10, с. 98].

Окружающий человека предметный мир многообразен, соответственно наделен неисчерпаемым множеством признаков. Дифференцируя данные

признаки, субъект имеет возможность отличать один предмет от другого, совокупность предметов от другой совокупности, связывая при этом признаки со словом, их обозначающим. Иллюстративным, на наш взгляд, является пример из статьи лингвистического энциклопедического словаря, в которой представлены различные номинации конкретного героя (Коровьева) из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *гражданин, клетчатый, субъект, регент, перевозчик, Фагот*. Все эти выражения характеризуют одно и то же лицо, но при этом каждый раз выделяют и актуализируют его разные качества или функции. Говорящий «выбирает для номинации лишь те признаки, которые позволяют правильно идентифицировать» [6, с. 444], с его точки зрения, субъекта.

Итак, в ходе рассуждений мы наблюдаем наметившуюся тенденцию противопоставления значения как категории, неотделимой от языкового знака, и смысла как потенциальной актуализации значения (признака) предмета.

2. *Значение – категория инвариантная (относительно стабильная во времени), закреплённая за определённым языковым знаком; смысл же – категория изменчивая во времени, варьируемая в объёме, величина ситуативно и контекстуально обусловленная*

Любая актуализация значения в контексте представляет собой смысловое варьирование, т. е. «его семантическое варьирование по составу компонентов» [10, с. 85]. Языковой знак и закреплённое за ним значение, будучи помещённым в контекст, приобретает «нередко уникальный смысл, который в его плане содержания оказывается величиной вариативной, окказиональной» [7, с. 83].

Конкретный предмет, мыслимый нами в разных своих проявлениях (в зависимости от актуализации определённого признака в речевой ситуации), соотносим в лингвистической практике с таким понятием, как денотат (референт); а признаки (смысл) – с сигнификатом.

Денотат – «(от латинского *denotatum* – обозначаемое) – обозначаемый предмет» [6, с. 128 – 129]. Другими словами, денотат – это то, что соответствует языковому знаку. Г. Фреге отмечал, что «денотат – это вещь, на которую знак указывает» (цит. по [5, с. 18]). Однако для того, чтобы соотнести знак с денотатом, необходимо задействовать психические (мыслительные) механизмы. Таким внутренним, мыслительным содержанием языкового знака и является сигнификат.

Сигнификат – «(*significatum* – обозначаемое) – понятийное содержание знака языкового» [6, с. 444]. В традиционной логике понятийному содержанию языкового знака, или сигнификату, приблизительно соответствуют следующие понятия: «смысл» (Г. Фреге), «интенционал» (Р. Карнап) и некоторые другие термины.

Денотат, отмечает Г. Фреге, всегда определяется смыслом выражения. Само по себе значение слова представляет собой относительно абстрактную, отвлечённую от носителя языка категорию. Вне рече-

вого воплощения смысла понятийного содержания лексической единицы «ничего вообще нельзя сказать о денотате знака» [5, с. 18]. Не интерпретируемое слово лишено какого-либо смысла. В связи с этим, значение слова – это его абстрактное содержание, «обусловленное значением языковых единиц, а смысл – его конкретное прагматически обусловленное содержание» [3, с. 53].

3. *Носителем значения «являются языковые единицы (слово, морфема, предложение), носителем смысла – как указанные языковые единицы, так и более крупные коммуникативные единицы (сверхфразовое единство, текст)»* [3, с. 54]

Вышеизложенные положения представляют собой традиционное понимание категорий значения и смысла. Использование данного подхода в настоящей работе в качестве основного, базового отражает нашу концепцию, согласно которой только интерпретируемое, комментируемое, толкуемое слово обладает потенциальным спектром смыслов.

Слово, как известно, содержит комплекс смысловых компонентов, которые актуализируются в процессе его функционирования, в том числе в процессе его толкования носителями языка. Согласно нашим наблюдениям, характер актуализации этих компонентов в разных типах толкования может существенно различаться. Закреплённое за словом значение может в отдельных случаях совпадать с выделяемым носителем языка смыслом слова или не совпадать, что обусловлено, с одной стороны, спецификой речевой ситуации, контекстом употребления слова, с другой – стремлением к субъективному восприятию семантики.

Для наглядности представим некоторые фрагменты словарных статей слова *подорожник* и потенциальные смыслы, актуализируемые в семантизирующих высказываниях по данным психолингвистического эксперимента (см. таблицу).

Так, сравнение соответствующих словарных статей с данными психолингвистического эксперимента позволяет сделать вывод о том, что в семантизирующих высказываниях носителей языка присутствуют почти все элементы значения этого слова, отмеченные в словаре, а именно: место произрастания, размер (форма) листьев и цветов и особенность произрастания. В настоящей статье мы не касаемся вопроса о «качественном» совпадении компонентов значения смысла, зафиксированных в словаре, и смысловых компонентов, актуализируемых говорящими. К примеру, если сравним такой признак, как особенность произрастания, то убедимся, что в ответах респондентов признак особенность произрастания растения будет «качественно» отличаться от того же самого признака, зафиксированного в словарях. Ср.: *Подорожник – «трава, растущая в виде колоса»* (фрагмент совокупного словарного толкования). – *Подорожник – «растение, растущее кустиком»* (данные психолингвистического эксперимента). Нет в словарях только двух семантических элементов: описывающих целебные свойства растения и цвет. Вместо этого, как в словаре русского языка в 4-х томах [8], так и в словаре С. И. Ожегова

[9], есть семантические элементы значения – *сорная, луговая трава*, соответственно, отсутствующие в толкованиях респондентов. Как видим, семантические компоненты смысла, акцентирующие внимание на целебных свойствах растения и его цвете, наиболее частотны в семантизирующих высказываниях говорящих. В связи с этим, проанализировав приведенные в таблице толкования слова *подорожник*, мы обнаружили значимые элементы смысла этого слова, без которых его лексикографическое содержание оказывается описанным неполно. Думается, актуализация определенных смысловых компонентов слова в сознании носителей языка связана с ан-

тропоцентричностью восприятия и использования этих смыслов в процедуре толкования. В то время как лексикограф при составлении словарной дефиниции апеллирует к стандартизированным моделям ее составления. Так, любая словарная статья в толковом словаре должна отражать объективные, внешне наблюдаемые свойства денотата. Отчасти по этой причине составление словарных дефиниций тяготеет к некоторому энциклопедическому описанию. Смысл же лишен подобных стандартов или моделей, поэтому формулировка смысла вариативна в языковом сознании.

Таблица

Фрагменты словарных статей «Словаря русского языка» в 4-х томах, «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и данных психолингвистического эксперимента

Слово	«Словарь русского языка» в 4-х томах	«Словаря русского языка» С. И. Ожегова	Смысл	Примеры (данные психолингвистического эксперимента)
Подорожник	л\Луговая трава с широкими листьями и мелкими цветками в соцветиях в виде колоса, растущая преимущественно около дорог.	Сорная луговая, обычно придорожная, трава с мелкими цветками, собранными в колос.	Целебные свойства растения – 56,5 %; цвет – 4,3 %.	- <u>Целебные свойства</u>: целебное растение, помогает остановить кровь, растет у дороги; растение, обладающее целебными свойствами, растущее вдоль дороги; растение для заживления ран; лекарственное растение, способствующее заживлению ран, ссадин; прикладывают к ушибленному месту – 56,5 %; - <u>место произрастания</u>: растет у дороги; растет вдоль дороги; растущее вблизи дороги; придорожное растение – 36,9 %; - <u>размер (форма)</u>: с небольшими листьями; имеет форму листа; с широким плоским листом – 6,4 %; - <u>особенность произрастания</u>: растет низко к земле; растущее кустиком – 4,3 %; - <u>цвет</u>: зеленого цвета – 4,3 %.

Языковой материал располагает достаточным количеством примеров толкования названий растений, в которых в качестве важных признаков отмечается их полезность, практическая значимость для человека. *Береза* – «*березовый сок, поддерживает тонус*»; «*дерево <...> и целебным свойством сока*»; «*активное с 6 до 9 утра, облегчает страдания, ускоряет выздоровление*». Ср.: *Береза* – «*лиственное дерево с белой корой*» [8, с. 80]. *Береза* – «*лиственное дерево с белой корой и сердцевидными листьями*» [9, с. 42]. *Крапива* – «*народная медицина*»; «*лекарственное растение*»; «*применяется в лечебных целях*»; «*полезная трава*». Ср. *Крапива* – «*травянистое растение с жгучими волосками на листьях и стеблях*» [8, с. 120]. *Крапива* – «*травянистое растение с обжигающими волосками на стебле и листьях*» [9, с. 268].

Таким образом, при семантизации названий растений рядовой носитель языка не апеллирует к на-

учным признакам, соотносимым с денотатом, например, род, вид, семейство и т. д., а обнаруживает иные, наиболее существенные, с его точки зрения, смыслы.

Полученные в ходе проведения эксперимента толкования говорящими названий животных также подтверждают нашу гипотезу о том, что словарные дефиниции не в полной мере, а лишь частично, отражают смысловые признаки, соотносимые носителем языка со словом. Причем происходит это «не всегда в соответствии с психологической осознанностью носителями языка приоритетности тех или иных сем, степени их употребительности, известности» [7, с. 94 – 95]. Так, большинство семантизирующих высказываний о слове *аист* содержит следующую информацию: «*приносит детей*»; «*по легенде приносящая младенцев*»; «*люди верят, что она приносит счастье и младенцев*»; «*птица приносит детей по преданию*»; «*долгожданный гость в*

дружной ячейке общества». Ср.: *Аист* – «крупная перелетная птица с длинным прямым клювом и длинными ногами, с белым или черным оперением» [8, с. 27]. *Аист* – «крупная перелетная птица с длинным прямым клювом из отряда голенастых» [9, с. 23].

Обнаруженные нами смыслы слова в семантизирующих суждениях говорящих формируются «на фоне некоторых единичных, специфических ситуаций, каждый раз требующих от языковой личности обращения к знаниям о мире, актуальным для данной ситуации, и к знаниям о языке» [9, с. 94]. Такое понимание смысла объясняет апелляцию испытуемого к пласту знаний, являющемуся общим для всех членов данного языкового коллектива. К примеру, при комментировании слова *крест*, для многих рядовых носителей языка является актуальной информация о распятии И. Христа или, интерпретируя значение слова *береза*, в обыденном сознании возникает ассоциация с родиной. Н. Л. Чулкина называет такой смысл «интерсубъективным», в котором «закодированы специфические контексты употребления, известные всем носителям языка» [11, с. 216]. Такой смысл оказывается всегда шире исходного значения. Наличие «интерсубъективного» смысла как отношения к языковому знаку не является единственной формой отношения человека к этому знаку. Существуют определенные знания о мире, обусловленные специфичной, единичной и индивидуальной для конкретного субъекта ситуацией употребления языковой единицы. В подобных знаниях присутствуют уникальные, порой окказиональные смыслы. Человека отличает «особое, нетривиальное отношение к данному знаку» [11, с. 91]. Смыслы «выступают в сознании в виде непосредственных переживаний, далеко не всегда отражающих реальные ценностные и мотивационные образования, лежащие в их основе» [1, с. 47]. А. Н. Леонтьев, говоря о формировании такого смысла, подчеркивает, что он присутствует в сознании отдельной языковой личности, и называет этот смысл «личностным». В терминологии Н. Л. Чулкиной это «субъективный смысл». Данные психолингвистического эксперимента фиксируют довольно редкие случаи отражения «личностного» смысла в толковании слова говорящими. *Деньги* – «зло; мера, превращенная меркантильным человечеством во что-то великое и очень ценное». *Меланхолик* – «следствие низкого уровня психологической силы и воли человека». *Одежда* – «первоначально этическая составляющая человека, затем со временем возведенная в культ». В настоящей статье мы не станем подробно останавливаться на рассмотрении «личностного» смысла, т. к. он не является объектом нашего внимания. Важно отметить лишь разницу между «субъективным» смыслом как принадлежностью индивидуального сознания и «интерсубъективным» как совокупном знании о мире, существующем в общественном сознании.

Итак, под значением слова мы понимаем внутреннюю понятийную сущность языкового знака, закрепленную за ним исторически, существующую в общественном сознании. Смысл же слова – это то

содержание, которое получает в данном речевом воплощении и конкретной речевой ситуации слово. Слово приобретает смысл только в контексте. В связи с этим значение слова является зоной наиболее устойчивой, как отметил Л. С. Выготский (цит. по: [11, с. 88]), унифицированной и точной. В то время как смысл слова – текучий, явление весьма сложного образования (цит. по [11, с. 88]). Таким образом, семантические категории значения и смысла тесно взаимосвязаны, но в то же время их не следует отождествлять.

В семантизирующих суждениях говорящих выделяются потенциальные смыслы слова. Словарные дефиниции не отражают (или не в полной мере отражают) выделенные носителями языка смысловые признаки конкретного языкового знака. Думается, с одной стороны, это связано с размытостью границ объема понятия лексического значения и, как результат, возникновение в речевом воплощении дополнительных смыслов; с другой стороны, это объясняется отсутствием стандартных моделей формулировки смыслов в языковом сознании и, как результат, возникновение потенциальных смыслов, не имеющих количественного ограничения.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Ким, Л. Г. Вариативно – интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – 312 с.
4. Кобозева, И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл / И. М. Кобозева // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 303 – 358.
5. Кравец, А. С. Топологическая структура смысла. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / А. С. Кравец; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 17 – 24.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Нестерова, Н. Г. К проблеме соотношения значения и смысла / Н. Г. Нестерова // Актуальные проблемы русистики: сб. статей / под ред. Т. А. Демешкиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 91 – 95.
8. Словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1981.
9. Словарь русского языка / под редакцией Н. Ю. Шведовой. – М., 1982.
10. Стернин, И. А. Лексическое значение в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
11. Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских / Н. Л. Чулкина. – М., 2009. – 256 с.

УДК 81'1

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ПРЕСУППОЗИТИВНОЙ БАЗЫ ЗНАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ***М. Н. Мостовая***UNIVERSAL AND NATIONAL-SPECIFIC COMPONENTS
OF PRESUPPOSITIONAL KNOWLEDGE BASIS IN THE LITERARY TEXT***M. N. Mostovaya*

Данная статья посвящена установлению и описанию универсальных и национально-специфичных компонентов presuppositional knowledge basis as realized in the discourse of the foreign literary work. Presupposition is determined as a mechanism creating and decoding the literary text meaning.

Ключевые слова: смысл текста, дискурсивная обусловленность, дискурс художественного произведения, presuppositional knowledge basis, language/speech person, universal, national-specific, mental-lingual knowledge system.

Keywords: text meaning, discursive conditioning, discourse of literary work, presuppositional knowledge basis, language/speech person, universal, national-specific, mental-lingual knowledge system.

На сегодняшний день в лингвистике дискуссионной остается проблема определения смысла текста. Отталкиваясь от дефиниций текста современных лингвистов (И. Р. Гальперин, З. Я. Тураева, Е. С. Кубрякова и др.), представляющих его в виде «некоей глобальной структуры, включающей в себя глубинные и поверхностные структуры» [1, с. 56], либо «образца сложной языковой формы, которая побуждает нас к творческому процессу ее понимания» [2, с. 518], становится ясно, что смысл текста – это результат его понимания, толкования и интерпретации реципиентом [3, с. 18]. Следовательно, при рассмотрении текста необходимо опираться, прежде всего, на его коммуникативную обусловленность, он не мыслим в статичности, так как является основной единицей дискурсивного взаимодействия людей, представляя собой высшую ступень его организации. Анализ текста с позиций дискурса устанавливает помимо горизонтальных моделей его порождения различные вертикальные линии (по З. Я. Тураевой), без которых каркас текста не мог бы существовать и выполнять одно из наиболее важных своих предназначений – «осмысление человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира», а также служить «сотворению и возникновению нового знания» [2, с. 518]. В этом аспекте смысл текста определяется через усвоенные человеком знания и опыт, что соотносит его «с той внутренней моделью мира, которая создается в сознании человека» [1, с. 85 – 86].

Ментальная природа рассматриваемого понятия предполагает его существование только в процессах непрерывного когнитивно-психологического осмысления, иначе говоря, текст и его смысл существуют только в том случае, если они отталкиваются от сознания человека и воспринимаются и интерпретируются им на основе имеющихся предтекстовых знаний, то есть «в основе текста лежит коммуникативное действие, с одной стороны, его автора,

который реализует с помощью определенных языковых и контекстных сигналов в создаваемой им структуре некую коммуникативно-прагматическую стратегию, или систему «когнитивных (концептуально-смысловых) установок» [4, с. 88], а с другой – его реципиента, который, опираясь на эти сигналы, в свою очередь, «реализует свои намерения наиболее адекватно разгадать эту стратегию или эти концептуально-смысловые установки» [5, с. 182]. С этой точки зрения художественный текст, на материале которого проводится наше исследование, как явление «многократно закодированное» [6, с. 115] вовлекается в процесс художественного дискурса, представляющего собой сосуществование «текстов разного вида» [7, с. 353] с опорой на действительность на более сложном уровне, так как он «реинтерпретирует действительность, вероятно, в более романтическом модусе. И достаточно часто именно он становится путеводителем массового сознания по истории» [7, с. 355 – 356]. Для того чтобы понять художественный текст (как и любой другой тип текста), необходимо «заглянуть в его вертикаль», представленную ментальными процессами и механизмами его организации и функционирования в процессе коммуникации.

К подобным механизмам создания и декодирования смысла текста, располагающимся на ментальном уровне включающего его дискурса, относится исследуемая нами presuppositional knowledge basis, которая рассматривается как единица лингвистических и экстралингвистических знаний субъектов дискурсивного взаимодействия, находящихся в области их ментально-лингвальной компетенции, необходимых для установления соответствия между языковой наполняемостью, коммуникативной направленностью и жанровой отнесенностью данного художественного произведения. В совокупности реализованные в художественном тексте presuppositional knowledge basis составляют presuppositional knowledge basis (ПБЗ),

реализующуюся в трех плоскостях, представленных следующими пластами знаний с опорой на систему «автор – персонажи – читатель»: коммуникативно-прагматический, языковой, энциклопедический.

Первый пласт обозначается через коммуникативный опыт индивидов, то есть их умение ориентироваться в коммуникативной ситуации с опорой на тему общения, социальный статус, жанровое многообразие ведения дискурса. Языковые знания конкретизируются явлениями всех уровней языка, выраженных в грамматических категориях, фразеологических единицах и заполняющих текст в соответствии с протеканием дискурсивного взаимодействия. И, наконец, для понимания любого, а особенно художественного текста, необходимо знание реалий, предтекстов той действительности, к которой относится автор. Следовательно, явление пресуппозиции необходимо рассматривать в тесной связи с языковой/речевой личностью (ее компетенциями), включенной в контекст мировой и национальной культуры, концептуализированной и категоризированной в ее сознании, которое находится в постоянном диалоге, как между собой, так и относительно любого текста [8, с. 35].

Успех данного взаимодействия зависит от степени совпадения пресуппозиций автора (текста) с набором пресуппозитивных знаний реципиента. Безусловно, уровень восприятия текста представителями «своей» культуры будет достаточно высоким в виду общности мировидения и языка. В случае же разнотнесенности культур у субъектов дискурса проблема понимания смысла текста значительно возрастет, причиной тому, в том числе, являются различия в наборах пресуппозиций представителей разных языков-культур (термин З. К. Сабитовой). Определенные типы знаний станут опорой в понимании и интерпретации заложенной в тексте информации, другие же, напротив, создадут сложности и даже могут вызвать полное непонимание частей текста.

Целью нашей статьи является определение и выявление универсальных и национально-специфичных знаний пресуппозиционного типа в составе пресуппозитивной базы знаний художественного дискурса как комплекса культурно-обусловленных знаний ментального характера, необходимого для создания и дешифровки смысла иноязычного художественного текста.

Те знания, которые доступны и общепонятны представителям разных языков-культур, обладающих определенным ментально-лингвальным комплексом в рамках данного коммуникативно-дискурсивного взаимодействия, мы относим к универсальным.

В разрезе пресуппозиции, выступающей в качестве ментальной регулятивной единицы коммуникации и предполагающей единство категорий «язык – сознание – культура», универсальные знания преломляются через данные, детерминирующие понятия в следующем направлении:

язык/речь – сознание – (общеизвестная)
культура,

где язык определяется в качестве средства ведения диалога, который «предопределен самой природой человечества» [8, с. 13]; сознание есть универсальный механизм адаптации к окружающей действительности, а культура представлена наднациональными, общеизвестными формами, фактами, сферами жизнедеятельности человека.

Относительно субъектов выбранного нами в качестве примера дискурсивного взаимодействия внутри романа Г. Грасса «Ein weites Feld» [13, с. 625 – 630], между главным героем Фонти и его внучкой Мадлен, универсальное обнаруживается на всех трех уровнях пресуппозитивных знаний. Пример представлен следующей ситуацией: после убийства главы ведомства (представителя Западной Германии), в котором работает главный герой Фонти (представитель Восточной Германии), ищущий свое место в новой объединенной стране, в состоянии глубокого потрясения он пишет письмо своей случайно объявившейся (как отголосок Второй мировой войны) и ставшей близкой по духу внучке во Франции, которая, как и он, увлечена творчеством немецкого писателя Т. Фонтане:

а) пласт **коммуникативно-прагматических** пресуппозитивных знаний (жанровая идентификация, тема и структура текста, речевое поведение коммуникантов):

– универсальным является выбранный главным героем *жанр* письма. Так как письмо как жанр предполагает адресацию своих мыслей и чувств в письменной форме, подразумевающую неслучайное прочтение, автор обладает возможностью использовать естественный способ экспликации себя как личности. Перлокуцией жанра письма выступает стереотип о том, что переписка обычно предусматривает непринужденность и искренность отношений адресата и адресанта, в противном случае, «отсутствие этой предпосылки обычно сразу же ощущается как препятствие для общения и может даже привести к его прекращению» [9, с. 112]. Доказательством подобного типа общения являются формулы приветствия и прощания, выработанные веками. Так, в данном отрывке письмо начинается с вполне соответствующего статусу адресата обращения – «Mein liebes Kind» («мое дорогое дитя»);

– на уровне *тематики* универсальной является основная тема письма – весть об убийстве главы ведомства, которое глубоко потрясло главного героя, считавшего его хорошим человеком: «*Mir wird er noch lange fehlen. Ein Mann ganz ohne Allueren*» («Мне будет не хватать его. Мужчины без лишней манерности») [13, с. 629]. Даже не вдаваясь в подробности описываемой действительности, любому человеку будут понятны испытываемые горем чувства – сожаления и даже скорби;

– письму как особой *жанровой формой*, вне зависимости от национально-культурной принадлежности автора, характерен диссонанс линейных синтаксических связей в виду произвольного характера тематических элементов в ходе изложения мысли: «*Er lief sich davon. Und nun hat es ihn eingeholt. Was wird kommen? Man sagt, eine Frau sei als Nachfolgerin im*

Gespraech» ... Danach ging Fonty in seinem Brief auf Madeleines Studium ein» («Он пытался убежать от реальности. Но тщетно. Что теперь будет? Говорят, в качестве приемника выбирают женщину» ... После этого Фонти стал интересоваться об учебе Мадлен в университете» [13, с. 629];

б) в пласте **лексико-грамматических характеристик** повествования главного героя общеизвестное обнаруживается в разговорном стиле литературного немецкого языка, на котором написано письмо в соответствии с адресатом (для Мадлен немецкий язык не является родным, поэтому ей ближе его литературный вариант). – *«Natürlich ist nach außen hin Halbmast angesagt. Mit offiziellen Tränen wäre ein Schwimmbassin zu füllen. Aber so süchtig ich alles mir greifbare Zeitungslöschpapier nach einem guten Wort durchraschle, nichts spricht zu Herzen, spaltenlang werden lederne Hülsen geboten, der Mord hat feige oder hinterrücks zu sein, dem Opfer wird Mut zur Härte und Pflichterfüllung bis zum Letzten bestätigt, und in Leitartikeln ist man bestuerzt oder betroffen» («Конечно же кругом приспущены флаги. Слезами официальных лиц можно было бы наполнить целый бассейн. Целыми днями пытаюсь отыскать во всей этой газетной чепухе хоть одно нормальное слово, но все не по душе, везде одна шелуха, его смерть явно была коварно и предательски спланирована, жертве приписывают твердость характера и чувство долга, а в передовых статьях лишь слова сожаления и растерянности» [13, с. 625];*

в) уровень **энциклопедических** пресуппозитивных знаний раскрывается в описании и передаче многих общеизвестных фактов и процессов реальной жизни: *«als fordere der freie Markt diesen Preis» («как будто бы этой цены требовал свободный рынок»», «Der Kanzler hingegen scheint mir eher verärgert, ... er mag sich (wie der Kaiser im Maerchen) entblößt vorkommen, ein kolossaler Nackedei» («Канлер выглядит раздраженным, он чувствует себя будто обнаженный (как король в сказке), огромный голыш» [13, с. 625], «Unser Riese hat was Kleines im Gemuet» («Наш гигант мелок душой»), «Attentate waren schon immer die Regel» («**Политические убийства** существовали во все времена» [13, с. 626] и т. д.*

Как показывает пример, универсальное определяется на всех уровнях пресуппозитивных знаний, реализуемых в данном тексте, выстраивая каркас для его понимания и интерпретации представителям иных языков-культур. При этом к наименее культурноносным относится пласт коммуникативно-прагматических знаний, то есть собственно область дискурсивного взаимодействия, естественно свойственного человеку говорящему.

С другой стороны, во время прочтения и интерпретации данного отрывка на всех трех указанных уровнях ПБЗ нами были установлены определенные «пробелы», потребовавшие дополнительных усилий для их декодирования и расшифровки всего смысла текста (обращение к специализированным словарям, энциклопедиям). Это связано с несовпадением в ментально-лингвальном комплексе знаний автора и

читателя в виду отнесенности к различным языкам-культурам. Такие знания, которые отражают основные черты национального ментально-лингвального комплекса в процессе общения, мы относим к национально-специфичным.

Так же как универсальные пресуппозитивные знания национально-специфичные ПЗ определяются через категории языка, сознания и культуры, но в их обратной интерпретации:

язык/речь – сознание – национальная культура, с той точки зрения, что каждая из данных категорий является ярким признаком нации: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается... общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [10, с. 14]; национальная культура рассматривается как «память народа, специфический вид деятельности определенного национального социума и своеобразное поведение представителей того или иного этноса» [11, с. 24]; сознание интерпретируется в составляющих менталитета нации, таких как национальное мышление, национальная картина мира, когнитивное пространство, концептосфера и пр.

Национально-специфичные знания, так же, как универсальные, обнаруживаются на всех уровнях ПБЗ в указанном отрывке:

а) в области **коммуникативно-прагматических знаний** важным фактором присутствия национального явились личности субъектов внутреннего дискурсивного взаимодействия, точнее, их социальный статус: Фонти – бывший архивный работник по сбору материалов о немецком писателе Т. Фонтане, а его внучка является студенткой, изучающей литературу и пишущей работу по творчеству данного писателя в одном из вузов Франции. Это объясняет интертекстуальную насыщенность письма. Фонти позволяет себе сравнения реальной жизни с творениями и героями немецкого писателя Т. Фонтане (в центре – гендерный аспект – сила духа женщин, так как на место прежнего главы ведомства приходит женщина; пример мужественности духа являет собой и внучка): *«Ausserdem kann, was die Evastoechter angeht, getrost behauptet werden: Uns sind ein Dutzend Weibsbilder von starkem Willen gelungen. Dafuer moegen Melanie van der Straaten, Corinna Schmidt und ihr Widerpart Jenny Treibel, im gewissen Sinn sogar Lene Nimtsch und ganz gewiss Mathilde Moehring buergen, deren Tatkraft nicht von der Pappe war» («Кроме того, что касается дочерей Евы, то здесь можно смело утверждать: нам удалось создать дюжину женских образов с сильным характером. К таковым точно можно отнести Мелани ван дер Страатен, Корину Шмидт и ее противницу Женни Трайбель, в некотором смысле даже Лену Нимтш, ну и конечно же Матильду Мёринг, чья жизненная сила не была пустой болтовней» [13, с. 629]. Все указанные героини являются персонажами произведений Т. Фонтане: Melanie van der Straaten – героиня романа «L'Adultera», женщина, не потерявшая саму себя; Corinna Schmidt и Jenny Treibel – представляют роман «Frau Jenny Treibel» о*

мечтах мелких буржуа попасть в высший свет любой ценой; Lene Nimtsch – героиня романа «*Irrungen Wirungen*», повествующего о любви неравных по сословию людей – барона и офицера Botho von Rienaeker и мелкобуржуазной портнихи Lene Nimtsch; и наконец, Mathilde Moehring героиня одноименного романа Т. Фонтане, рассказывающего о молодой прагматичной девушке, поставленной в жесткие условия выживания и ставшая в конечном итоге сильной и независимой женщиной;

– искренность и глубокое чувство уважения между участниками дискурса, что обуславливает *перлокуцию* жанра письма, передается через обращение к внучке на ты, но с заглавной буквы (что в немецкой этике присуще только местоимению *Вы* – *Sie*): «*Du wirst nun prompt Dein zartbittres Gesicht machen oder altklug das Koepchen schuettern*» («Скорее всего, Твое лицо приобретет особое нежное с горечью выражение или Ты будешь кивать своей головкой с таким видом, как будто Тебе уже много лет»), «*Grossmama Emmi (die Dich uebrigens gruessen laesst) war ... wie erschlagen*» («Бабушка Эмми (которая, кстати, передает Тебе привет) была поражена этим известием») [13, с. 629];

– *диалогичность письма* выражается в использовании особой формы глагола в немецком языке – Конъюнктив I, которая способна передать чужую речь (что не переводится на русский язык): «*Vielleicht, nein, sicher lehnst Du meinen Vergleich ab und sagst, man koenne die deutschen Kuemmernisse, nicht mit La Terreur, der Guillotine und der Tugendherrschaft des Wohlfahrtsausschusses auf ein Mass bringen*» («Нет, наверное, ты не примешь подобное сравнение и скажешь, что скорбь немцев, нельзя ставить на одну чашу с эпохой террора якобинской диктатуры, гильотиной и добродетельным господством Комитета общественного спасения (Франция, 1793 и 1958)») [13, с. 626];

б) естественной лакмусовой бумагой национальной культуры является **язык**, передающий в словах, фразах, устойчивых выражениях, синтаксических конструкциях все краски данной культуры, к которой относится автор письма (главный герой в системе субъектов художественного дискурса по отношению к воспринимающему его текст читателю):

– на *лексическом уровне* национальное проявляется в валентности слов: «предательское убийство» дословно переводится как убийство со спины («*der Mord hat hinterruecks zu sein*»), широта души – как величина души «*Gemuetsgroesse*»;

– на *морфологическом уровне* представлено много сложных слов, что типично для немецкого языка, особенно его литературного варианта: *Pflichterfuellung* (выполнение обязанностей), *hassenswert* (заслуживающий ненависти), *Racheengel* (ангел мести) и т. д.; кроме того, в немецком языке и культуре ярко выражен гендерный аспект, он находит отражение, например, в уточнении женского рода при определении профессий с помощью специального окончания (in) даже во множественном числе – «*Wenn ich Arbeiter sage, meine ich die*

Arbeiterinnen auch» (Если я говорю рабочие, то в их числе я подразумеваю и женщин-рабочих);

– *фразеологический уровень* является одним из наиболее показательных в плане национальной окрашенности передаваемых языком значений: устойчивое выражение «быть по душе» в немецком передается через «сердце» («*nichts spricht zu Herzen*» – досл. «ничто не лежит близко к сердцу»); «заварить кашу» означает «сварить суп» («*all das, was wir unserer Einheitssuppe eingebracht haben*» – досл. «все то, с чем мы сварили наш суп единения страны») и т. д.;

– на *синтаксическом уровне* стоит отметить четкий порядок слов в предложениях, что особенно свойственно литературному языку, а именно – на нем написано письмо: «*Und ich Dummkopf habe den Treuhandchef, als er mich wiederholt in meiner Klause im siebten Stock beehrt und auf meinem Sofa gesessen hat, von maennlichen Taetern zu warnen versucht*» – первая часть СПП являет собой простое повествовательное предложение с прямым порядком слов, а вторая – придаточное предложение времени с союзом *als*, который требует особого порядка слов – изменяемая часть сказуемого ставится в конец предложения; используется свойственное письменной речи простое повествовательное прошедшее время Praeteritum: «*Als mich der Chef zum letzten Mal in meiner Klause besuchte, das war in der Nacht zum Gruendonnerstag, der dem 1 April vorausging, plauderten wir ueber Bismarcks bevorstehenden Geburtstag und machten uns ueber den zu meiner Zeit ueblichen Rummel in Sachsenwald lustig*» [13, с. 630];

в) **энциклопедический уровень**: области жизни, переданные этим уровнем весьма универсальны (реалии, интертекст, фоновые знания), а вот их содержательная наполняемость зачастую национально-специфична. Например, образ сильной женщины передан героинями немецкой прозы (интертекстуальный уровень), поскольку автор романа, как и персонаж, выступающий в отрывке в качестве его автора, увлечены творчеством Т. Фонтане. Национально-окрашенным является фоновое наполнение тематики данной речевой ситуации – убийство главы ведомства, где работает Фонтане. Речь идет о ведомстве по приватизации имущества Тройханд во времена объединения Германии, негативно оцененной жителями восточной части ввиду несправедливости и поспешности в вопросах распределения исконных земель и недвижимости. Прототипом описанного главы ведомства стал действительный глава Тройханд конца 80-х начала 90-х гг. в Германии Детлеф Карстен Роведдер, убитый в своем доме в г. Дюссельдорф из снайперской винтовки. Это убийство стало одним из наиболее громких дел в истории Германии, которое до сих пор осталось нераскрытым. Политические убийства и убийцы – тема всемирноизвестная, однако в тексте даны имена немецких и французских посягателей на жизнь «*Klempner Hoedel*», «*Dr. Nobiling*» (покушения на кайзера Вильгельма I), *Charlotte Corday* (убийца Жана Поля Марата – одного из предводителей Великой Французской Революции) и т. д.

В результате проведенного анализа по трем указанным направлениям выяснилось, что национальное, так же как универсальное, в рамках ПБЗ проявляется на всех уровнях составляющих ее знаний. Национальная картина мира определяет соотношения релевантных для пресуппозиции категорий, которые находят отражение в жанре произведения, его названии, темы и структуры, а также речевом поведении и фоновом наполнении речи субъектов дискурса. Наиболее культуросоносными компонентами при этом являются эксплицитные составляющие ПБЗ – языковые и энциклопедические, что говорит о способности человека выделять и отражать в мышлении и языке наиболее близкие ему явления и события.

Итак, противопоставление универсального и национального, своего чужому, является естественной основой любого дискурсивного процесса, а следовательно, текста как его письменного варианта, наиболее обостряясь в межкультурной коммуникации. Проникая в этот процесс (пройдя все этапы познания) национальное и универсальное вплетаются друг в друга, создавая единое целое, состоящее из двух частей, которые находятся в процессе постоянного совершенствования и дополняют друг друга, то есть представляют собой некий «организм», существующий в диалектическом двуединстве. Представив соотношение этих понятий как части и целого, частного и общего, где основой, ядром служит универсальное, окруженное и составленное из частных микросфер, представленных отдельными нациями и народностями, мы определяем своей основной задачей попытку избежать их конфронтации, взаимопоглощения, что в конечном итоге может вызвать культурную контаминацию, преодоление которой и дает возможность налаживания межкультурной коммуникации, нацеленной на бесконфликтный диалог культур.

Исследуемая нами пресуппозиция относится к национально-культурным особенностям организации дискурса в качестве смыслообразующей единицы коммуникативно-дискурсивного взаимодействия людей как представителей языков-культур. Относительно художественного дискурса мы считаем необходимым выделить конкретные пласты пресуппозитивных знаний – коммуникативно-прагматического, языкового и энциклопедического, внутри которых возможно разграничение универсальных и национально-специфичных знаний, создающих основу для понимания либо непонимания иноязычного художественного текста представителем иного языка-культуры, так как автор и персонажи, выступающие с одной стороны данного дискурса, кодируют полотно художественного текста, «используя пресуппозиции и фоновые знания, присущие их культуре», с другой стороны читатель декодирует заложенную в художественном тексте информацию, «используя другой набор пресуппозиций и фоновых знаний. Декодирование информации фактически представляет собой новое кодирование, то есть перевод информации на собственный код» [12, с. 66].

Таким образом, универсальное и национальное входят в пресуппозитивный набор знаний в качестве компонентов ПБЗ, проявляясь на всех трех ее уровнях в рамках художественного дискурсивного взаимодействия – коммуникативно-прагматическом, языковом и энциклопедическом. В контексте пресуппозитивных знаний универсальное и национальное преломляются через детерминирующие предпосылку категории языка, сознания и культуры, выстраивая смысловую базу художественного текста как письменного варианта дискурса произведения, успех декодирования которого в условиях различий культурных пространств автора и читателя может состояться только при условии совпадения набора пресуппозиций в их ментально-лингвальном комплексе знаний относительно данного дискурса.

Литература

1. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика) [Текст] / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова; Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Солодилова, И. А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла [Текст] / И. А. Солодилова. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. – 133 с.
4. Адмони, В. Г. Морфологическая структура слова в немецком языке [Текст] / В. Г. Адмони // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках: сб. ст. / отв. ред. В. М. Жирмунский, Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1970. – С. 182 – 221.
5. Щирова, И. А. Дискурсивные и коммуникативные параметры текста [Текст] / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова // Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. – СПб.: Книжный дом, 2007. – Гл. 4 – С. 177 – 207.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПб., 1998. – С. 14 – 285.
7. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-Бук: К. Ваклер, 2001. – 656 с.
8. Сабитова, З. К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты [Текст] / З. К. Сабитова. – Алматы: Казак университеті, 2007. – 320 с.
9. Демьянков, В. З. Интерпретация текста и стратегия поведения [Текст] / В. З. Демьянков // Семантика языковых единиц и текста: лингвистические и психолингвистические исследования. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. – С. 109 – 116.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 259 с.
11. Фирсова, Е. В. Национально-культурная специфика речевого поведения русских и немецких

авторов: синтактико-прагматический аспект [Текст] / Е. В. Фирсова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2003. – 154 с.

12. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения [Текст] /

О. А. Леонтович: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.

13. Grass, G. Ein weites Feld Roman / G. Grass. – Goettingen: Steidl Verlag, 1995. – 781 p.

УДК 808.56

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. Ресенчук, М. Ю. Рябова

ETIQUETTE FORMULAE OF GREETING IN ENGLISH

A. A. Resenchuk, M. Y. Ryabova

Данная статья затрагивает проблемы речевой коммуникации, различные уровни вежливости при ведении беседы, представляет этапы общения. Рассматриваются ситуации, в которых используются этикетные формулы приветствия.

This article deals with speech communication problems, different levels and stages of conversation. It analyzes various cases of etiquette formulae of greeting.

Ключевые слова: этикетные формулы, приветствие, принцип вежливости, регистр коммуникации.

Keywords: etiquette formulae, greeting, politeness principle, communication register.

Ведение англоязычной беседы предусматривает достаточно четко очерченные фразы и регламентированные правила участия, что прослеживается в структурной организации практически любого разговора и отражает характерную для британцев и американцев привычку к линейному мышлению. За рубежом учеными в процессе общения выделяется пять этапов: начальный, вводный, основной, «обратная часть», завершающий (табл. 1):

Таблица 1

Этапы общения

Начальный (opening)	Вводный (feed forward)	Основной (business)	«Обратная часть» (feedback)	Завершающий (closing)
------------------------	---------------------------	------------------------	-----------------------------------	--------------------------

В англоязычном обществе между культурными людьми общение ведется в соответствии с соблюдением принципов вежливости согласно трем уровням: официальному, нейтральному и фамильярному. Каждому уровню вежливости соответствует свой собственный стиль речи, и поэтому все вежливые слова и выражения могут быть классифицированы по стилистическому признаку и соответственно отнесены к официальному, нейтральному и фамильярному стилям речи [1, с. 20].

На официальном уровне вежливости ведется вежливое общение в официальной обстановке, когда преобладающее значение имеет не возраст, пол или личные достоинства, а социальное положение собеседников и занимаемые ими должности. Официальный уровень вежливости является нормой в учреждениях, организациях, деловых кругах, в сфере образования, здравоохранения, обслуживания и т. д. Социальная обусловленность поступков, дел и намерений собеседников выражается в стиле их рече-

вого поведения, которое оформляется иначе, нежели речевое поведение в домашней обстановке, приятельском кругу или при случайном общении с незнакомым человеком. Отклонение от официального уровня вежливости в официальной обстановке воспринимается как явное неуважение к собеседнику и может привести к конфликту и даже разрыву их официальных отношений. Поэтому надо строго придерживаться официального уровня вежливости там, где он необходим и предусмотрен этикетом.

На нейтральном уровне вежливости осуществляется вежливое общение между незнакомыми людьми, а также между теми знакомыми людьми, которые не находятся в официальных или фамильярных отношениях [1, 12].

Фамильярный уровень вежливости характерен для общения в семейном и родственном кругу, а также между друзьями и приятелями.

Поясним наличие уровней вежливости и стилей речи примерами. Предположим, что у англичанина остановились часы, и он вынужден уточнить время. Обращаясь к приятелю, англичанин спросит:

– What time is it, Tom? (Который час, Том?)

Вопрос "What time is it?" соответствует фамильярному стилю речи и уместен на фамильярном уровне вежливости – в семье, в родственном кругу, между друзьями и приятелями.

Уместный на фамильярном уровне общения, этот вопрос – "What time is it?" недостаточно вежлив, а иногда и груб на нейтральном уровне, когда англичанин обратится с этим вопросом не к приятелю, а к незнакомому прохожему.

К незнакомому прохожему следует обратиться с вежливой просьбой:

– Excuse me, could you tell me the time, please? (Извините, вы не могли бы сказать, который час, будьте любезны!)

Вежливая просьба "Excuse me, could you tell me the time, please?" соответствует нейтральному уровню вежливости и нейтральному стилю речи, но на фамильярном уровне, в семейном или приятельском кругу, просьба "Excuse me, could you tell me the time, please?" покажется неестественной по тону или искусственно-напыщенной.

В официальной обстановке, на официальном уровне общения вопрос о времени может быть совершенно неуместным, если, например, подчиненный войдет в кабинет к начальнику только за тем, чтобы уточнить у него время. Однако и на официальном уровне вежливости вопрос о времени возможен, если, например, начальник предложит подчиненным сверить часы для того, чтобы слаженно действовать по плану, который расписан по минутам.

Еще пример. Зимой, в гололедицу, женщина поскользнулась и упала. В зависимости от того, кто помог ей подняться – полицейский, муж или случайный прохожий – будут обращенные к ней слова:

– Are you all right, madam? – вежливо осведомится полицейский.

– Are you all right, darling? – побеспокоится заботливый муж.

– Are you all right? – с участием спросит незнакомый прохожий.

В приведенной ситуации все три лица – полицейский, муж и прохожий – спросили бы женщину об одном и том же, но обратились бы к ней по-разному.

Madam – это официальная форма обращения, употребительная на официальном уровне вежливости и соответствующая официальному стилю речи.

Darling – это фамильярная форма обращения, соответствующая фамильярному уровню вежливости и фамильярному стилю речи.

Сочувственный вопрос "Are you all right?", уместно обращенный к незнакомому человеку, служит также и формой обращения к нему. Вопрос "Are you all right?" соответствует нейтральному стилю речи и является вежливым, если уместно задан, на нейтральном уровне вежливости.

В большинстве случаев официальной формой обращения к человеку, фамилия которого известна, является обращение по фамилии в сочетании со словами Mr, Mrs и Miss:

Mr + фамилия (surname), например, Mr Smith (господин Смит) – обращение к мужчине.

Mrs + фамилия мужа, например, Mrs Collins (госпожа Коллинз) – обращение к замужней женщине.

Miss + девичья фамилия, например, Miss Harvey (госпожа Харвей) – обращение к незамужней женщине.

1. В некоторых случаях официальное обращение осуществляется с помощью слов Sir и Madam, а иногда и просто по фамилии (без сочетания со словами Mr, Mrs и Miss).

2. Слова Mr, Mrs и Miss пишутся с большой буквы.

3. Слова Mr, Mrs и Miss в вежливом обращении всегда употребляются только в сочетании с фамилией.

Эти формы обращения являются обязательными на официальном уровне вежливости, т. е. при вежливом общении в официальной и деловой обстановке, поэтому и начальник к рабочему и, например, ветеринар к бедному фермеру (речь идет о вежливом обращении) обратится Mr Smith, а не просто Smith.

Форма обращения Mr (Mrs, Miss) + фамилия употребляется не только на официальном, но и на нейтральном уровне вежливости при обращении людей среднего и пожилого возраста, даже при том условии, что они давно уже знакомы.

В современной культуре в результате действия принципа политкорректности широкое распространение получило гендерно-нейтральное обращение к женщине Ms плюс фамилия, вуалирующая статус женщины, «замужем» она или нет. Такое обращение, как правило, наблюдается в процессе профессиональной коммуникации: научные конференции, деловые встречи, конгрессы, совещания и др.

Употребление фамилии в качестве самостоятельной формы обращения строго ограничено английским этикетом. Просто по фамилии обращаются:

4. Господа-наиматели к своей прислуге – швейцарам, лакеям, горничным и т. д. (официальная форма обращения).

5. Офицеры к солдатам (официальная форма обращения).

6. В учебных заведениях преподаватели и учителя к учащимся и студентам (официальная форма обращения).

7. Клиенты к хорошо знакомым рядовым работникам сферы обслуживания – продавцам, кассирам, портным и т. д. (нейтральная форма обращения).

8. Завсегдатаи баров и ресторанов к знакомым официантам (нейтральная форма обращения).

Почтительное и в ряде случаев официальное обращение как к знакомому, так и незнакомому человеку осуществляется с помощью слов Sir и Madam, о чем ниже будет сказано особо.

К людям, занимающим некоторые должности, можно обратиться, назвав должность или должность и фамилию, например: Professor! или Professor Blackwood!, Doctor! или Doctor White!, Captain! или Captain Grey!

На фамильярном уровне вежливости к знакомому человеку обращаются по имени. Английские имена имеют сокращенные формы, которые в устном общении употребляются чаще, чем полные формы: William – Will (или Bill), Robert – Bob, Christopher – Chris, Albert – Bert, Alexander – Alex, Gilbert – Gill, Elizabeth – Liz, Emily – Em, Betsy – Bess и т. д. Английские имена часто имеют и ласкательные формы, подобные русским Танечка, Сашенька, например: William – Willy (Billy), Elizabeth – Libby и т. д.

Обращение по имени распространено среди молодежи, причем с первого же момента знакомства.

По имени обращаются родители к детям, дети друг к другу, а также друзья и приятели.

По отношению к другу, приятелю или близкому человеку могут употребляться и безымянные звательные формы, соответствующие русским обращениям дорогой(ая), любимый(ая), старина, например: dear, darling, old fellow и т. д. [4].

Допустимо, чтобы по имени обращался пожилой человек к молодому, а также влиятельное лицо к своему хорошо знакомому подчиненному, однако и в первом, и во втором случае вежливое обращение по имени возможно только при определенных условиях, при которых человек не чувствует себя униженным от того, что к нему обращаются по имени. Если же эти условия отсутствуют, то обращение по имени может быть воспринято как неуважение, пренебрежение или надменность. Упомянутыми условиями, например, являются: душевная искренняя беседа, сблизившая собеседников; покровительство влиятельного лица, которое с благодарностью принимается; уважение пожилого человека к молодым; простодушие, замеченное молодым человеком в пожилом; просьба молодого человека, чтобы к нему обращались по имени и т. п.

В общении с англоязычными людьми следует быть осторожными при переходе с официального или нейтрального на фамильярный уровень вежливости, что равносильно переходу с русского "Вы" на русское "ты". Вежливая замена официальной или нейтральной формы обращения на фамильярную возможна тогда, когда один из собеседников сам попросит другого обращаться к нему по имени, что дает основание другому собеседнику ответить такой же просьбой.

Почтительной и в ряде случаев официальной формой обращения к человеку (знакомому или незнакомому) является слово Sir (обращение к мужчине) и слово Madam (обращение к женщине).

С помощью употребления слов Sir и Madam осуществляется:

1. Почтительное обращение прислуги (горничных, швейцаров и т. д.) к их господам - нанимателям, а также к господским посетителям и гостям.

2. Почтительное обращение работников сферы обслуживания (продавцов, кассиров, клерков, парикмахеров и т. д.) к клиентам.

3. Почтительное обращение молодых людей к пожилым мужчинам и женщинам. Примечание: слово Madam не употребляется молодыми женщинами в качестве обращения к пожилым женщинам.

4. Почтительное обращение детей к незнакомым взрослым людям.

5. Официальное обращение подчиненного к начальнику (независимо от разницы в возрасте).

6. Официальное обращение солдат к офицерам и офицеров к их начальникам. ("Разрешите обратиться!" – I beg your pardon, sir! Или просто: Sir!)

7. Официальное обращение к учителям и преподавателям – мужчинам (Sir!).

Примечание: слово Madam в качестве обращения к учительнице или преподавателю – женщине не употребляется. Форма обращения, принятая в США: Mrs + фамилия по мужу (обращение к замужней) и Miss + девичья фамилия (обращение к незамужней женщине). Форма обращения, принятая в Англии: Miss + девичья фамилия (независимо от того, замужем женщина или нет – традиция, сохранившаяся со времен королевы Виктории, когда только незамужним женщинам разрешалось работать в школе).

Примечание: слово Sir употребляется в двух значениях – как почтительная форма обращения и как дворянский титул, унаследованный или пожалованный английской Королевой за заслуги перед отечеством. Обратите внимание: почтительная форма обращения sir никогда не употребляется в сочетании с компонентами полного имени. Например, Excuse me, sir! Can I help you, sir! Дворянский титул Sir всегда употребляется либо в сочетании с полным именем, например, Sir John Goodwin, либо в сочетании с первым именем, например, Sir John.

Формулы приветствия в английской лингвокультуре можно представить в виде следующей таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Формулы приветствия, принятые в английском языке

<i>Формулы приветствия/прощания</i>			
<i>форма обращения</i>	<i>ответ</i>	<i>стиль</i>	<i>функция</i>
How do you do?	the same repeated	formal	greeting after introduction
How are you?	Fine, thank you. (And) how are you?	neutral	enquiry after smb's health
How're things?	Fine, thanks. What about you?	informal	greeting
Good day!	(All the best)	formal	parting (cold dismissal)

Наиболее хрестоматийной является интерпретация How are you?, по аналогии с русским «Как дела?» (в данном случае прямым аналогом является How're things?; возможны и менее формальные ва-

рианты: How's everything?/ How's it going?). Использование How are you? в значении «Как дела?» в некоторой степени характерно для американцев; в настоящее время эта формула приветствия, ранее ис-

пользовавшаяся, чтобы справиться с чьём-либо здоровьем более или менее формально, постепенно всё более десемантизируется, и в ответной реплике подразумевается соответствующее клише из шаблонного набора типа: Fine, thank you/ Not so well, thank you (ответную реплику необходимо рассматривать как своего рода застывшую форму со строго зафиксированным порядком слов; ответ Thank you, fine будет корректен) [2, с. 220].

Приветствовать малознакомых людей или прощаться с ними наиболее «безопасно» при помощи нейтральных фраз, варьируемых в зависимости от времени суток. При этом следует отметить, что формула «добрый день» встречается в качестве приветствия только в американском варианте; для британцев это способ официально вежливо указать человеку на дверь, давая понять (не высказывая явного недовольства), что разговор окончен. Следует также упомянуть, что формула All the best (эквивалент «Всего хорошего!», нейтральный в русском языке) в английском языке имеет более ограниченную сферу употребления и используется при расставании на долгое время (ср. See you sometime soon, а также Take care и Cheerio (informal), не имеющие прямых русских аналогов) [3, с. 130].

Некоторые другие формулы приветствия, используемые по особым случаям, могут иллюстрироваться таблицей 3:

Таблица 3

Особые формулы приветствий и обращений

<i>Специальные случаи</i>	
<i>особые приветствия</i>	<i>пожелания</i>
Happy birthday/Many happy returns (of the day)!	Remember me to N/ Say hello to N for me (AmE)
Happy New Year /Easter! Happy /Merry Christmas!	Give my best wishes/ regards/greetings/ love to...

В случае праздников используются специальные поздравления с конкретным событием (в которых

отсутствуют традиционно русские «поздравляю» и «желаю»). Следует отметить, что функциональная нагрузка их английских эквивалентов существенно иная. Так, например, формулу: «Congratulations!» используют, поздравляя с какой-то важной вехой или событием в жизни человека: юбилей, рождение ребёнка, сдача сложного экзамена и т. п., а различного рода «best wishes» характерны при прощании, где наиболее распространены английские формулы эквивалентны русским, за исключением разве что «Remember me to N», «Say hello to N for me» и «Enjoy yourself!» или просто «Enjoy!» в американском варианте.

Проведенный нами анализ показал, что в зависимости от регистра коммуникации – нейтрального, официального, фамильярного – употребляются различные формулы приветствия и обращения, характеризующиеся соответствующей им категорией вежливости. Данная корреляция между уровнем выражения принципа вежливости и регистром коммуникации для английской лингвокультуры носит жесткий характер и является очевидным отражением национально-культурной специфики.

Литература

1. Кузьменкова, Ю. Б. Материалы курса стратегии речевого поведения в англоязычной среде. (Лекции 5 – 8). [Текст] / Ю. Б. Кузьменкова. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. – 44 с.
2. Mark, L. Knapp. Interpersonal Communication and Human Relationships (5th edition) / M. L. Knapp, A. L. Vangelisti. – 2004. – P. 464.
3. Krivinos, P. D. Initiating Communication: What Do You Say When You Say Hello? / P. D. Krivinos, M. L. Knapp // II Central States Speech Journal. – № 26. – 1975. – Pp. 115 – 125.
4. Григорьев, Л. Л. Английский речевой этикет (Практический интернет-курс для изучающих английский язык) / Л. Л. Григорьев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.englishhome.ru/english-k.html>.

УДК 811.112.2'1

РИСКИ ВОЙНЫ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА («человеческий фактор» в языке)

Л. А. Шарикова

RISKS OF WAR AS A CONCEPTUAL SENSE OF THE POLITICAL DISCOURSE («The human factor» in the language)

L. A. Sharikova

Целью настоящего исследования является выделение концептуального смысла *РИСКИ ВОЙНЫ*, его интерпретация на материале текстов политического дискурса и определение так называемого «человеческого фактора», то есть субъектно обусловленных характеристик анализируемых смыслов.

The purpose of the present research is the allocation of conceptual sense *RISKS of WAR*, its interpretation on a texts material of a political discourse and the definition the so-called «human factor», that are the subject caused characteristics of the analyzed senses.

Ключевые слова: концептуализация мира, концептуальный смысл *РИСКИ ВОЙНЫ*, «человеческий фактор» в языке, политический дискурс.

Keywords: the world conceptualization, the conceptual sense *RISKS of WAR*, «the human factor» in the language, the political discourse.

Вся совокупная культура человечества, материализованная разными способами и средствами, отражает исторический процесс концептуализации мира человеком, создавшем для фиксации этого отражения разные инвентарные знаковые системы, в том числе и язык. Считается, что язык, как и другие инструменты материализации указанного процесса, в свою очередь отражающего деятельность человеческого сознания, были созданы человеком прежде всего для передачи информации себе подобным о мире, окружающей среде. Так ли это? Есть и другое мнение: эти инвентарные системы были созданы человеком для выражения своих чувств, эмоций, аффективных состояний, то есть для материализации своих рефлексов на себя и окружающий мир. На наш взгляд, здесь нет противоречия, и вряд ли следует противопоставлять эти две цели создания материализующих сознание систем, поскольку человек также соотносит себя с миром, являясь его частью, и все, что он воспринимает, субъектно обусловлено как результат деятельности его же сознания.

Благодаря новой – антропологической – исследовательской парадигме, сложившейся в конце прошлого века, и выделению и развитию внутри нее таких новых исследовательских направлений, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, метафорология, теория дискурса и других, стало возможным исследовать принципы деятельности сознания человека, в том числе фиксируемые системами естественных языков. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем смыслы представляют собой некую коллективную концепцию. Свойственный конкретному языку способ вербализации концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, поэтому носители разных языков могут вербально отражать мир по-разному, через призму своих языков [1, с. 112]. Однако есть смыслы, которые концептуально важны для всех людей, независимо от этнической/ национальной и религиозной принадлежности, возраста, пола, образования и т. д. К таким универсальным концептуальным смыслам относятся смыслы *МИР* как пространство существования человека, *ЖИЗНЬ*, *ВОЙНА* как одна из самых распространенных угроз жизни человека, живого существа и мира в современной истории человечества.

В рамках когнитивной лингвистики эти смыслы исследуются сегодня по-разному: как когнitions, концепты, концептуальные метафоры и пр. Это зависит от ракурса исследования, поставленной автором цели, общей методологии и зависящих от нее исследовательских методов и приемов. Все перечисленные современные термины, их выбор и дефи-

ниции есть лишь условности исследовательского процесса, в любом случае имеющие объективно и/или субъективно установленные ограничения. Общее, что их объединяет и определяет их сущность, есть их ментальная природа [К. И. Алексеев, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, М. Блэк, Ю. Н. Караулов, А. В. Кирилина, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, R. Pörings & U. Schmitz, M. Schwarz, W. Sucharowski, M. Zach etc.], поскольку все они называют разным образом рассматриваемые результаты деятельности сознания, **смыслы**. Важно, что эти смыслы в рамках концептуальной лингвистики могут раскрывать не только процесс рациональной вербализации, но содержат в себе субъектно обусловленные черты, которые иначе называют «человеческим фактором» и соответственно позволяют их анализировать, что актуально не только для лингвистов, но и для прочих исследователей, представителей гуманитарных и негуманитарных наук, фундаментальных и прикладных направлений, так как все исследователи (как и все люди) пользуются языком.

Война всегда воспринимается человеком как опасность, риск для его жизни, что заложено в основном инстинкте – инстинкте самосохранения любого живого существа. Согласно дефиниции понятия, война есть крайне опасное, агрессивное проявление отношений (реляций) между субъектами. С самого начала развития человеческих отношений и становления государственности во всем мире существовал этот тип отношений, как способ защиты, обороны от врагов, самоутверждения, упорядочения жизни, установления господства и создания иерархии как внутри, так и вне отдельного государства. В истории любой страны можно проследить цепочку военных эпизодов.

В настоящей статье исследуется концептуальный смысл рисков войны в текстах политического дискурса. Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения и развития теории КС и выделения принципов концептуализации, называемых «человеческим фактором». Актуальным для концептуальных исследований представляется также материал исследования – тексты современного ПД, представляющие собой выступления немецких политиков на заседаниях комиссий парламента ФРГ, Евросоюза по поводу военного конфликта России и Грузии в Южной Осетии, датируемые августом–сентябрем 2008 г. Настоящее исследование проводилось на основе совмещения когнитивной методики и интерпретативного описания национального политического медиадискурса отдельного политического события – Пятидневной войны в Грузии. Данное исследование направлено на изучение со-

временного политического языка, характерного для упомянутого выше политического периода. При отборе текстовых материалов для исследования был использован широкий подход, при котором допускались не только тексты, созданные собственно политиками, но и тексты, посвященные данной политической проблеме. Как отмечает П. Серио, не существует высказывания, "в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения" [2, с. 21]. При этом учитывалось и имплицитное содержание сообщения, соотносимое со сферой политики. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знаний (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), то есть, исследуя дискурс, "мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего" [3, р. 84]. Под «дискурсом» понимается деятельностное культурное пространство (сфера), содержащее этнокультурно окрашенную ценностную информацию (знания), материализуемую устно или письменно, вербально и невербально.

Концептуальный смысл, который заложен человеком в понятие «война», генерализованно может быть представлен семой **‘Krieg als ein Risiko’** «война как риск, опасность», которая, благодаря своему интегративному характеру, может конкретизироваться, реализуясь в менее объемных, обобщенных смыслах по отношению к гиперсеме. Ниже выделены из анализируемого материала и интерпретируются смыслы следующего уровня, которые, в свою очередь, также могут быть разделены на еще более конкретные смыслы, составляя тем самым иерархически стройную смысловую структуру исходной гиперсемы.

Первый выделяемый смысл **‘Krieg als Feuer, Brand’** «война как огонь, пожар» отражает извечный страх человека перед огнем – как стихией, которую человек с древних времен стремился «приручить», но также давно знает его страшную разрушающую силу, уничтожающую жизнь.

Риск ассоциируется, как правило, с теми конкретными средствами и инструментами, которые вызывают пожар: со взрывоопасными веществами (Pulverfass ‘пороховая бочка’, Zündstoff ‘зажигательное вещество’, die Lunte ‘фитиль’, Feuer ‘огонь’), несущими угрозу жизни и деятельности человека.

1) *Florian Willershausen merkt im Handelsblatt an, dass das „Pulverfass Kaukasus“ erneut explodieren könnte. „Флориан Виллерсхаузен отмечает в Хандельсблатт, что «пороховая бочка Кавказ» снова может взорваться’.*

2) *Der Konflikt im Kaukasus sorgt für Zündstoff. „Конфликт на Кавказе готов разгореться (букв. – следит за зажигательным веществом)’.*

Выделяемый концептуальный смысл указывает на сущность войны, которая в данном случае однозначно выражается как рукотворный акт, который создается человеком, точнее, минимум двумя сторонами, доведшими свои отношения до огнеопасной стадии. Зная опасность войны как уничтожающей силы, стороны реляционного процесса «играют» рисками, называемыми «огнем»:

3) *„Beide Seiten spielen mit dem Feuer“, stellt Uwe Halbach fest, Kaukasus-Experte der Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). „Обе стороны играют с огнем“, – констатировал Уве Хальбах, эксперт по Кавказу фонда науки и политики’.*

Человек проверяется на крепость его внутренней позиции, способности принимать решения и доводить их до исполнения именно в экстремальных ситуациях. Если такая позиция обнаружена и «пожар войны» получается потушить, тогда язык зафиксировал этот образ как образное выражение *Feuertaufe bestehen* ‘пройти испытание огнем’, букв. ‘пройти крещение огнем’, устойчивость которого доказывает длительное его применение в речи и фиксируемое в сознании человека устойчивое качество этого образа. И образ, и его языковое выражение восходят своими лингвокультурными корнями к бурной религиозными страстями эпохе средневековья, когда верность христианина проверялась огнем (иногда – водой, как противоположной, по мнению человека, природной стихией, подвластной Богу, сверхъестественным силам). Этот образ понятен любому человеку, поскольку хоть раз в жизни каждый испытывал боль от ожога на себе:

4) *Die Welt: Medwedews Feuertaufe. Заголовок газеты «Ди вельт»: ‘Боевое крещение Медведева’.*

5) *Putin und Medwedjew haben beide als Präsidenten ihre Feuertaufe im Kreml mit Kriegen bestanden, für Putin war die Schlacht gegen Georgien sogar schon der zweite Waffengang nach der Strafexpedition in Tschetschenien. ‘Путин и Медведев в качестве президентов Кремля, оба выдержали боевое крещение войной’.*

Есть и другие вербальные единицы, менее обранные, но синонимичные вышеприведенной, выражающие те же смыслы, но с более спокойной, нейтральной образностью:

6) *Medwedews Bewährungsprobe. ‘Боевое испытание Медведева’.*

7) *Der Georgien-Konflikt war die erste große Bewährungsprobe für den neuen Staatschef. ‘Грузинский конфликт был первым большим боевым испытанием для нового главы государства’.*

В анализируемом материале субъектом «крещения огнем», то есть проверки на прочность выбранной позиции и верность своему долгу согласно занимаемой государственной должности, выступает конкретная политическая личность – президент, премьер-министр государства Российская Федерация, что в качестве персонифицирующего средства

часто применяется в текстах публицистического дискурса, но в политическом дискурсе на сегодняшний день отмечается новая, но уже устойчивая тенденция – наименование не коллективной (страна, государство, народ, военное подразделение и пр.), а единичной политической реалии, репрезентирующей коллективную политическую единицу (примеры 4 – 7).

Риск военного конфликта часто заключается во временном видимом его затухании (примеры 1 – 2). Постоянные риски раздувания огня, начала активных военных действий держат в страхе человека: в следующем примере война приобретает еще один дополнительный оттенок смысла – как нечто незавершенное, незавершенное, недоведенное до конца, способное в любой момент выйти из-под контроля:

8) *Und ein tatsächliches Kriegsende steht auch noch aus. Im Kaukasus glimmt die Lunte weiter. ,Фактический конец войны еще далеко. На Кавказе все еще продолжает тлеть фитиль'.*

Существительное *die Lunte* означает ‘фитиль, бикфордов шнур’, но в сочетании с глаголом *glimmen* ‘тлеть; теплиться’, часто употребляющемся в переносном значении (*die Hoffnung glimmt nur noch* ‘еще теплится надежда’) образует двусмысленную языковую единицу, которая может использоваться и в прямом, и в переносном значении, нагнетая тем самым опасность выражением незавершенности процесса горения, возможности при малейшем неверном движении, действии человека малой искре превратиться в огонь.

До сих пор рассматривались языковые единицы, называющие предметы и процессы, соотносимые с деятельностью человека (*das Pulverfass, der Zündstoff, die Lunte, mit dem Feuer spielen, Feuertaufe bestehen, glimmen*). Человек давно научился создавать и тушить огонь, но не его стихийное проявление – огромный пожар, внезапное извержение вулкана, мощь огненной лавы или огня молнии. Огонь и как его следствие – пожар, как стихию, то есть неуправляемую огромную силу, уничтожающую все на своем пути, человек и сегодня далеко не всегда легко и быстро может остановить при всем наличии современной техники и новых технологий, при консолидации континентальных и межконтинентальных человеческих ресурсов, что постоянно вызывает тот страх, который сопровождает человека в течение всей его истории перед этой великой силой. По этой причине в анализируемом материале встречается употребление метафоры войны как вулкана, естественного явления, объекта природы, воспринимаемого как часть ландшафта, неживого предмета до тех пор, пока он не начнет действовать. Его извержение вербализует мощный молниеносный бессознательный и неподдающийся сознанию, не испытывающий ничего к уничтожаемым им объектам природы и живым существам, смысл, приписываемый ему человеком, выражаемый через инхоативный глагол разрушения *ausbrechen* и его именную производную *der Ausbruch*:

9) *Seit vielen Jahren ist der Vulkan im südlichen Kaukasus aktiv, wenig überzeugend wäre es, seinen Ausbruch nun allein Russland anzulasten. Der georgische Heißsporn Michail Saakaschwili hat die Offensive in Südossetien befohlen.*

Вулкан в горной системе, которой является Кавказ, мог бы восприниматься в прямом значении, если бы не упоминание России в качестве ныне единственной силы, «вызвавшей его извержение». Тему огня продолжает и наименование другой стороны конфликта – Грузии, через упоминание имени президента этого государства, который назван *Heißsporn* ‘горячий человек, сорвиголова’, букв. ‘горячий толчок, стимул’, начавший военные действия, отдав приказ о наступлении на Южную Осетию, который и есть конкретная причина начала военных действий на Кавказе. Очень символично употребление такого стилистически окрашенного слова в политическом дискурсе для наименования главы государства, принесшего своему народу присягу, согласно которой он должен был бы отвечать всеми своими продуманными и взвешенными действиями за судьбы населения страны. Это существительное недвусмысленно оценивает действия данного грузинского политика, как незрелого, подверженного влиянию, слишком эмоционального субъекта, вряд ли способного отвечать за себя, не говоря уже об ответственности за политику всего государства.

Итак, метафорическая вербализация рисков войны выделяет следующий концептуальный смысл, приписываемый ей как концептуальной релятивной единице человеком из-за непредсказуемости и неуправляемости человеческих отношений, – **‘Krieg als eine Naturkatastrophe’** «война как стихийное бедствие». Если отбросить образность этой концептуальной метафоры и выразить ее смысл более рационально, то формула будет выглядеть более логично **‘Krieg als eine Relationskatastrophe’** «война как катастрофа отношений (людей, стран, государств)».

Четыре стихии: вода, огонь, воздух и земля выступают в роли разрушительной, неуправляемой силы, спонтанно возникающей и неподдающейся контролю. Важно отметить, что названные стихии в общем понимании обеспечивают существование человека в мире: дают возможность пить, есть, дышать, удовлетворять свои физиологические потребности. Однако в вышеописанном материале этот онтологический положительный смысл мира и стихий в нем не был представлен ни одним примером. В сравнении со стихией, имеющей двоякий экзистенциальный смысл для человека (как положительный, так и отрицательный), война как концептуальная единица релятивного характера несет в себе лишь негативное, разрушительное воздействие на человека и его социальное, жизненное пространство:

10) *Der Krieg war das Ergebnis eines vorangegangenen „Reifeprozesses“, Ausbruch des Georgien-Kriegs,...*

11) *Die Ansage hat eigentlich mehr symbolischen Charakter, muss nicht als gefährliche Eskalation zwischen Russland und dem Westen gesehen werden.*

Социальные процессы, выражаемые в форме военных конфликтов, передаются крайне образно через наименование характеристик, качественных проявлений стихий, доступных человеческим естественным органам чувств:

– слуху:

12) *All das Getöse (бушевание, гул, рокот, вой ветра) um die neue strategische Bedeutung, den starken Rohstoff-Hebel, die militärische Schlagkraft und die Einfluss-Politik in der unmittelbaren Nachbarschaft entpuppt sich bei näherer Betrachtung vor allem als Kraftmeierei.*

– зрению:

13) *Augenzeugen sprechen von einem Blutbad (кровавая ванна, бассейн), das sich in der Nacht zum Samstag in der Hauptstadt Zchinwali ereignet habe.*

– слуху и зрению:

14) *Die Konfliktparteien könnten mit ihren ständigen Provokationen eine schwere bewaffnete Konfrontation hochschaukeln (высоко раскачать).*

15) *Der Ausbruch (начало, взрыв) der kriegesischen Auseinandersetzung zwischen Russland und Georgien im August 2008 wirft die Europäische Union in diesem Bemühen zurück...*

16) *Neben dem gerade wieder offen ausgebrochenen Konflikt (открыто начатый, разразившийся) um Südossetien existieren der ähnlich gelagerte Konflikt zwischen Georgien und Russland um Abchasien sowie der Konflikt zwischen Armenien und Aserbaidschan um Berg-Karabach.*

17) *Seit vier Jahren, als Georgien das Konfliktfass mit einer militärischen Aktion in der Hauptstadt wieder zum Brodeln (кипение, бурление) brachte, komme Südossetien nicht zur Ruhe.*

– зрению и осязанию:

18) *Der Georgienkrieg nämlich hat nicht nur zwei bis dahin tiefgefrorene (глубоко, сильно замороженные) Konflikte im Schnellverfahren wie in der Mikrowelle aufgetaut, ... - война – еще и катализатор (политических отношений)*

19) *Von einem "eingefrorenen Konflikt" (замороженный) könne im Südkaukasus jedenfalls keine Rede mehr sein.*

20) *In Georgien kristallisiere sich, ..., ein neuer Ost-West-Konflikt, der bereits im Kosovo sichtbar geworden sei.*

21) *Zunächst auch die Nachricht von einem russischen Vorstoß (ударное движение, резкий удар вперед) auf die georgische Stadt Gori.*

22) *...wenn Russland zwei Krisen - Abchasien und Ossetien – immer wieder anheizt (подогревает)?*

– обонянию и зрению:

23) *Auch in Abchasien, der anderen abtrünnigen georgischen Provinz, schwelt (млеет, дымится) der Konflikt.*

24) *Doch nicht nur die Trümmer in Südossetien, in Abchasien und in Georgien glimmen (млеют, дымятся) noch.*

Следующий концептуальный смысл, объясняющий риски войны, можно сформулировать как **‘Krieg als Schreck’** «война как испуг/ страх/ ужас». Называя ощущения, вызванные произошедшими военными событиями, зачастую указывается страх как физиологическая реакция человеческого организма (например, холодный пот, мурашки по коже и пр.):

25) *„Der Anblick russischer Panzer, die in Teile eines Nachbarlandes einmarschieren, hat vielen einen kalten Schauer den Rücken heruntergejagt (испугал до холодного пота на спине)“, sagte der britische Außenminister David Miliband.*

26) *Wir müssen keine Invasion fürchten (бояться, приходить в ужас), wir sind Nato-Mitglied.*

27) 30) *Ich halte überhaupt nichts von einer Dämonisierung Russlands (библейский мотив: ужас, наделяющий кого-то демоническими чертами).*

Все люди по природе своей одинаковы и испытывают одни и те же реакции на внешние раздражители, на ощущение опасности. Страх перед войной – как перед смертью, физической и моральной болью, как реакция самосохранения, возникает у всех людей, независимо от причастности и удаленности от центра событий. В анализируемом немецкоязычном материале актуализируется концептуализация «чужой» войны, происходящей не на территории стран-членов Европейского Союза и других государств Европы, но опасность и ужас перед войной выражаются этими политиками, может быть менее разнообразно, но не менее конкретно и совершенно однозначно:

28) *Nach den Bildern von den russischen Panzern in Georgien – die sich auf fatale Weise mit der Erinnerung an die Niederschlagung des Prager Frühlings vor 40 Jahren überlagerten – ist Russland für Estland, Lettland, Litauen, Polen und wohl auch die Tschechische Republik kein Partner mehr, sondern eine Bedrohung.*

29) *Sie teilen nicht die neu aufgeflamnte (вновь воспламененный страх) Angst vieler im Westen vor der "russischen Gefahr"?*

30) *... die Bevölkerung lebt in ständiger Kriegsangst.*

31) *Und die Russen rücken immer weiter mit ihren Panzern vor, um Panik zu säen.*

32) *Nach dem Georgien-Krieg fürchtet der Westen eine Aggression Russlands gegen die Ukraine.*

33) *In den neuen EU-Mitgliedstaaten im Osten, wo das Geschehen in Russland aufgrund von schlechten historischen Erfahrungen ohnehin mit einer argwöhnischen Aufmerksamkeit betrachtet wird, sind durch die Intervention in Georgien die schlimmsten Ängste bestätigt worden.*

В примере (31) использована языковая метафора, выраженная сочетанием Panik säen ‘сеять панику’, которая, будучи далеко не новой стилистической единицей, порождает яркий образ жуткой опасности. Глагол säen ‘сеять’ в своем прямом значении относится к сельскохозяйственной лексике и обозначает действие кого/ чего-либо (чаще – человека, механизма, ветра) по распространению семян растения на какой-то площади, территории (грядке,

поле и пр.). В сочетании с наименованием проявления массового страха, ужаса, обозначаемым существительным *Panik* 'паника', глагол *säen* теряет свое прямое значение, приобретая переносное – 'быстро и на большие массы людей (= социальные площади) распространять нечто негативное, агрессивные, неуправляемые проявления эмоций, предполагающие печальные, ужасные последствия для них же'. Таким образом, можно заметить следующее: страх, ужас войны, сами являющиеся исходно следствием страха перед противником и своей несостоятельностью принять своевременно и взвешанно правильные, рациональные решения, порождают ужас перед ее непосредственным проявлением (битва, бой, бомбардировка, взрывы, стрельба и пр.) и ее последствиями (боль, горе, страдания, лишения, потери, смерть).

Следует выделить еще один важный смысл военных рисков: '**Krieg als Angst**' «война как страх», выраженный в примерах (29 – 30, 33) и вызванный стесненным состоянием субъекта, о чем свидетельствует этимологическая характеристика имени существительного *die Angst*: "... (mhd. *angest*, *ahd.* *angust*) gehört im Sinne von 'Enge, Beklemmung' zu der *idg.* Wortgruppe von *eng*. Vgl. z. B. aus anderen *idg.* Sprachen *lat.* *angustus* 'eng' *angustiae* 'Enge, Klemme, Schwierigkeiten'..." [4, s. 38]. Это страх не физиологического, а более рационального уровня: живое существо, человек сдавлен (изначально, возможно, непосредственно, но этимология демонстрирует метафорический смысл – трудности, стеснение, удручение, подавленное состояние) некими обстоятельствами, которые его беспокоят. Это проявляется в сомнениях, предчувствиях, беспокойстве из-за конкретных причин:

34) *Welche Folgen der jüngste Waffengang für den gesamten Kaukasus und für alle Nachbarn des Riesenreichs haben wird, lässt sich nicht nur erahnen (предчувствовать, предугадывать).*

35) *Er könne "nur hoffen, dass die letzten Tage allen eine Lehre sind. Wenn es nicht gelingt, die Eigendynamik von Konflikten zu brechen, geraten sie außer Kontrolle."*

36) *Die Besorgnis über den übermächtigen Nachbarn entspringt also nicht nur der jüngsten russischen Offensive im Kaukasus.*

37) *Im Südkaukasus ist genau das passiert, was nur noch eine Frage der Zeit war.* (как стихийное бедствие, что нельзя предсказать, предугадать, но что долго назревает).

Изначальное необдуманное, подверженное синонимичным эмоциям и политическим амбициям поведение субъектов реляции (чаще одного, но возможно и обоих), приводящее из-за страха перед противником к решению вступить с ним в отношения войны, приводит людей в ужас, страх, который далее усиливается в геометрической прогрессии: страх порождает страх. В этой ситуации человеку уже трудно начать контролировать себя (свое поведение, эмоции, решения) и саму ситуацию. Для внешних наблюдателей, непосредственно не участ-

вующих в данном релятивном процессе, как правило, нелегко объективно понять и оценить эту обстановку, так как это тоже субъекты, испытывающие свои страхи и ужасы, поскольку все субъекты в современном мире (с учетом новых технологий уничтожения жизни и современной техники, накопленной в нерационально огромном количестве) находятся в каких-либо отношениях: территориально и/или исторически культурно в более или менее близких. Поэтому при разжигании военного конфликта невозможно обнаружить политического субъекта, не проявляющего никаких отношений к нему и его участникам непосредственно либо опосредованно, через отношения кооперации, союзничества, корпоративности или просто из-за экологической опасности, трансферного неудобства.

В связи с этим политики, как и прочие люди, выражают мнения о субъектах конфликта, сразу дают достаточно резкую и однозначную оценку их действиям, не думая о последствиях своей беспечной однозначности (безапелляционности: пример (29) "*russische Gefahr*"):

38) *"Russland hat das Maß überschritten."*

39) *Sie sehen keine Mitschuld Moskaus, keine Unverhältnismäßigkeit im Vorgehen der russischen Militärs?*

40) *USA werfen Russland "Terrorkampagne" vor.*

Не разобравшись в сути конфликта, политики других стран обвинили Россию в нападении на Грузию. По прошествии некоторого времени, в течение которого были собраны сведения, доказательства, свидетельства в том числе и политических деятелей, независимых наблюдателей от Евросоюза, этим субъектам пришлось признать свою ошибку в оценке событий на Кавказе. Хотя в уже приведенных выше примерах видно, что и в плане истории отношений России, Осетии и Грузии, и в плане современных отношений этих стран и народов, европейские политики показали свою некомпетентность (пример (33) содержит безликое, размытое объяснение причин таких отношений России и кавказских государств '*aufgrund von schlechten historischen Erfahrungen*', которое в таком виде вряд ли могло бы быть высказано русским или кавказцем).

Развитие метафорического процесса, представленное в выделенных концептуальных смыслах рисков войны, можно изобразить следующим образом: «агрессивные природные стихии, чувства и эмоции» -> «человеческие отношения» с развитием специфики этих отношений в сторону большей конкретности: ухудшение отношений -> разделение на два лагеря (*Widerstand*, *Zwietracht*) -> «агрессивный, насильственный способ отстаивать собственные интересы». Этот многоступенчатый акт метафоризации демонстрирует развитие процесса концептуализации исследуемого фрагмента действительности, особенно которого зафиксированы в языковых единицах, в их разноуровневой языковой характеристике.

Однако, вследствие того, что это явление предполагает наличие как минимум двух противодействующих сил и оппозицию «свой-чужой», восприни-

мается оно не однозначно, вызывает много споров как с одной, так и с другой стороны. В СМИ категорично и односторонне зачисляются основные участники описываемого процесса в разряд слабых или сильных противников, в вопросах корреспондентов в интервью с немецкими политиками звучат провокационные вопросы, переспросы, требующие одностороннего ответа. Одновременно с этим, речь политических деятелей осмысленна, сдержанна в отношении прямых и категоричных заявлений, в ней чувствуется основательная подготовка и продуманность высказываний.

Заметим, что все выделенные концептуальные смыслы рисков войны, как, впрочем, и других фрагментов и их проявлений в мире, так же как и их номинации, дефиниции этих номинаций, перечисление их характерных черт и прочее, есть часть культуры человека вообще и конкретных людей, представителей определенного народа, нации. Первое является причиной облигаторной модальности оязыковления смыслов, в чем обязательно и всегда находит свое выражение «человеческий фактор» их порождения, выделения и вербализации, что относится к основам процесса концептуализации мира как процесса ментальной ориентации человека в нем. Второе разделяет людей на разные этносы, народы и нации, а значит, и более или менее древние культуры, в рамках которых общечеловеческие концептуальные смыслы будут представлены по-разному, с учетом отношения к ним как «своим» или «чужим». Выделенные смыслы представляют собой результат оценивания человеком концептуализируемого фрагмента действительности: **что/ кто это? Каково/ каков он/ она/ оно/ они? Как себя проявляют?** Однако одновременно в сознании человека происходят несколько процессов, составляющих процесс концептуализации: восприятие фрагмента действительности (процесс оценивания), выделение характеризующих его смыслов, оценка по признаку «свой – чужой» (оценивание данного концептуального смысла в конкретной ситуации по отношению к себе), проявление чувств и эмоций и оценка ситуации. Таким образом, этот процесс многокомпонентен, на каждом своем этапе устанавливаются разные уровни и соотношения его рефлексивных, саморефлексивных компонентов, значит, конечный результат каждого из уровней не может быть конечным результатом всего процесса. Для валидности выводов, конечных оценок требуется более длительное время. Это понимание человеком также заложено в систему языка на всех его уровнях и во всех его межуровневых связях: вербализация смысла всегда модальна (оценена субъектом в отношении события и содержит его отношение к сообщаемому), что обуславливает облигаторное наличие «человеческого

фактора» в языке, так как человек, создавший язык как одну из наиболее им используемых инвентарных знаковых систем для материализации деятельности своего сознания, подсознательно выражает неуверенность в конечности, абсолютности своих знаний и тем самым актуализирует смысл бесконечности процесса познания мира субъектом.

Литература

1. Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина. – М., 1997. – 576 с.
2. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций [Текст] / П. Серио // Квадратура смысла. – М., 2002. – С. 90 – 94.
3. Yule, G. Pragmatics [Текст] / G. Yule // 2nd ed. Series Editor H. G. Widdowson. – Oxford: Oxford University Press., 1996. – 138 p.
4. HW – Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache [Текст]. Die 3. Aufl. – Bd. 7. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut Dudenverlag, 2001. – 960 S.
5. Spiegel Online. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/i/6320>.
6. Frankfurter Rundschau. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6345>.
7. Konrad Adenauer Stiftung. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6360>.
8. Süddeutsche Zeitung. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6363>.
9. Handelsblatt. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6372>.
10. <http://www.sueddeutsche.de/politik/284/45694/7/text/>.
11. http://www.osce.org/documents/html/pdfhtml/34085_ru.pdf.html.
12. <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,574847,00.html>.
13. http://www.eurotopics.net/de/presseschau/archiv/archiv_results/archiv_article/ARTICLE35813-EU-Mission-im-Kaukasus.
14. <http://www.dw-world.de/dw/episode/0,,3785871,00.html>.
15. <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Re/2008/10/2008-10-02-merkel-petersburger-dialog.html>.
16. <http://www.auswaertigesamt.de/diplo/de/Laendereinformatoren/Georgien/Kaukasuskonflikt.html>.
17. <http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Nachrichten/nachrichten.html>.
18. http://www.sozialwiss.uni-hamburg.de/publish/Ipw/Akuf/kriege_aktuell.htm.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА ВОЛИ»

Г. В. Аллахвердиев

SOCIO-PHILOSOPHICAL ESSENCE OF THE NOTION OF "FREE WILL"

G. V. Allahverdiyev

В статье исследуется социально-философская сущность понятия «свобода воли». В связи с этим, в первую очередь, раскрывается содержание понятия «воля», её проявление в качестве неотделимой и важной части человеческого сознания и личности, важного условия выполнения социальных и духовных функций личности. Доказывается положение о том, что свобода воли, на основе осознания человеком необходимости, проявляется как личное качество в его целенаправленной и выборочной деятельности. Имея широкое содержание, понятие «свобода воли» определяется как направленность воли на формирование положительных чувств и способностей, обосновывается её проявление во всех формах человеческой деятельности. Отмечается, что свобода воли неотделима от общей социальной свободы, и она проявляет себя на всех этапах человеческой свободы. Определяется также место «свободы воли» в социальном содержании категории свободы. Автор приходит к такому выводу, что обладание человеком свободной волей выражается в его целенаправленной активности и что понятие «свобода воли» является главным в социальном содержании свободы.

In the article researched social and philosophic essence of definition "freedom of the will". According to this, firstly, it is described substance of definition "will", its designation as inseparable and important part of human mind and personality, moral functions of personality. Here, it is proved a position connected to manifesting of "freedom of the will" on human purposeful and selective activity as personal quality on the base of awareness of necessity by human. Definition "freedom of the will" having a wide content it is described as directivity of will on forming of positive emotions and skills, validated its manifestation in all forms of human activity. Also it is marked, that freedom of the will is inseparable from general social freedom and its manifest itself on all stages of human freedom. It is defined the place of "freedom of the will" in social content of "freedom" definition. The author resumed, that freedom of human will is expressed in its purposeful activity and "freedom of the will" definition is the main aspect in social content of freedom.

Ключевые слова: воля, свобода воли, свобода человека, психика человека, важная черта личности, осознание необходимости, способность выбора, свобода выбора, субъективная сторона свободы.

Keywords: will, freedom, human freedom, the human psyche, an important feature of identity awareness, the ability to choose, freedom of choice, the mental element of freedom.

Свобода напрямую связана с повседневной жизнью и деятельностью человека. Она также неотделима от интересов каждого человека и в целом от интересов общества. Поэтому все члены общества проявляют глубокий интерес к свободе. Однако для того, чтобы всесторонне точно осознать реальную жизнь свободы, которая является привлекательной общечеловеческой идеей, в первую очередь, необходимо усвоить её научно-теоретическое восприятие.

Можно сказать, что в истории философской и общественной мысли нет мыслителей, которые не выразили бы своё отношение к идее свободы. В связи с этим следует отметить, что, вследствие обладания в высшей степени богатым содержанием и сложной сущностью, изменчивый и гибкий характер свободы в историческом процессе трактуется в очень разных смыслах (иногда даже в противоречивых друг к другу). Подчеркивая эту особенность свободы, Гегель писал: «Не об одной идее не говорят с полным правом столько, как относительно свободы, что эта идея неопределённая, многозначная, может родить большие недоразумения и поэтому их действительно рождает» [1, с. 291].

Свобода занимает особое место в системе социально-философских понятий и категорий. Это в первую очередь, обусловливается тем, что данное понятие выражает жизненную потребность, представляющую основу сущности человека. Объективная потребность человека в разговоре, социальном творчестве и активности как субъекта, исходит из потребности человека осознания объективной необходимости посредством своей свободной воли, реализации намеченных целей. В этом смысле свобода занимает исключительно важное место в ряду сущностных сил человека. Действительно, вне этого реализация активной социальной сущности человека, достижение поставленных целей и его развитие как личности практически невозможно.

В социальном содержании свободы понятие «свобода воли» носит основополагающий характер. Последнее понятие было широко распространено как суждение, объясняющее способность к принятию решений на основе знания дела. Согласно данной логике, чем больше знаний и представлений об объекте имеет человек, чем больше принятые решения научно обосновываются, тем больше его соответствующая деятельность свободна и необходима.

Однако восприятие жизни посредством понятий, получения знаний о закономерностях развития и причинах протекающих здесь событий и процессов ещё не означает само по себе свободу. Для данной свободы главные требования – условие и возможность. Их претворение в жизнь связано с целым рядом других факторов, среди которых воля занимает важное место.

В целом же воля, внутренняя активность человеческой психики, ее целеустремленные усилия означают направленность на выполнение определённой работы. Она выражается в способности к деятельности по регулированию и реализации желаний. Данное понятие также тесно связано с мобилизацией внутренних сил человека для преодоления препятствий на пути достижения поставленных целей. Для претворения в жизнь любой мысли, желания и стремления необходима способность к управлению, являющаяся неотъемлемой частью сознания. Только обладающий данным свойством человек может проявить своё «Я» и характер. Поэтому слабость воли или безволие заканчивается отсутствием самореализации личности, что обуславливает ее крах. А. Спиркин так выражает краткую характеристику воли: «Воля – самая активная сторона сознания человека. Она проявляется в следующих трёх направлениях:

- а) желание осуществления какого-либо действия;
- б) выбор направления данного действия;
- с) принятие решений о движении в определённом направлении» [4, с. 288].

Изучение процессов воли, вследствие своей чрезмерной трудности, в значительной степени было основано на мистических и теологических подходах. Первый подход изображал волю как волшебную силу, полностью независимую от сознания человека и его чувств. Теологическое же объяснение данного явления искало её сущность и причины не в конкретном человеке, а в Божественной силе.

Следует отметить, что воля очень сложный феномен. Современная наука не смогла в полной мере раскрыть все пласты и психофизиологические механизмы воли. Вместе с тем философия, психология и физиология имеют достаточные познания и информацию о сущности актов проявления воли.

При психологическом подходе, в содержании воли основное место занимает нижеследующее: понимание интересов и целей, правильное определение соотношения факторов, помогающих и препятствующих их реализации, поиск эффективных путей и методов претворения целей в жизнь, способность выбора правильного варианта из ряда возможных. Перечисленные элементы по отдельности не образуют определённый ряд в содержании воли. Выступая в тесной взаимосвязи и единстве, они выявляют все механизмы деятельности личности.

Важным свойством воли является обладание ею относительной независимостью. Это означает, что деятельность безусловных рефлекторов в поведении человека не происходит механически, а реализуется, проходя через внутренний мир субъекта. Внутрен-

ний мир нарушает неизменные стереотипные качества субъекта и даёт ему определённую самостоятельность. Воля означает осознанное регулирование человеком своих действий. Поэтому основанные на ней поведение и действия полностью отличаются от хаотичных безвольных действий. Если субъект в выборе своей цели и принятии по её поводу решения не является относительно независимым, то он не сможет свободно участвовать в этих процессах. В этом смысле воля неотделима от свободы.

Воля является очень важной и неотъемлемой составной частью человеческого сознания и личности. Одним из свойств, отличающих члена общества от мира животных, является то, что он может осуществлять свободный выбор между разными альтернативами, действиями положительного и отрицательного характера. Это свойство становится возможным только на основе воли. Отсюда ясно, что воля разумного существа, каким является человек, играет роль своеобразной формы, обеспечивающей переход его сознания в практическую плоскость. Кроме этого, многие отличительные особенности и ценности человеческой личности, его творчество, ответственность и др. тесно связаны с волей.

Вышесказанное показывает, что воля и волевой характер являются основным свойством личности, представляют собой важное условие для выполнения личностью своих социальных и духовных, нравственных функций. Действительно, свобода воли выражает возможность различных действий при одних и тех же условиях, а также способность выбора одного варианта поведения из ряда возможных.

Философское понятие свободы воли выступает как личное качество, проявляемое в целенаправленной и выборочной деятельности, основанной на осознании человеком необходимости. Воля неотделима от сознания. А. Спиркин справедливо говорит: «Сознание и свобода воли являются тесно взаимосвязанными явлениями: чем выше уровень сознания, тем свободней воля» [4, с. 287].

Вместе с тем следует отметить, что свобода воли вовсе не означает произвол воли, её вседозволенность. Действительно, воля обладает относительной свободой. Это значит, что человек, обладая знаниями о природе и обществе, формирует своё поведение и действия на их основе. Эти объективные законы обозначают возможность свободы воли человека в определённых границах, то есть показывают, что сила воли субъекта, степень свободы цели не могут перейти данные границы. В противном случае, себя проявляет уже не относительная, а абсолютная, преемственная свобода воли, что с научной и практической точки зрения ошибочно.

Иногда высказывают такое мнение, что свобода воли представляет собой способность подготовки импульсов поступков, независимо от существующих условий, основываясь на способности самопричинности человека, т. е. вне сознания. При отсутствии другой позиции, речь идет о таком поведении, когда его причины не зависят от внутренних информационных механизмов и от условий существующей среды. Наличие свободной воли означает, что она

выходит из состояния простого передаточного механизма между психикой, организмом и средой, состояния адаптивной коммуникации и переходит в состояние полностью независимого источника решений, свободного от внешних детерминаций [3, с. 102].

Нельзя абсолютно согласиться с данной позицией, так как увязывание свободы воли только с необходимостью (даже с осознанной необходимостью) фактически означает лишение человека этого качества. Такое примитивное материалистическое толкование вышеуказанной проблемы считает всякую вещь однозначно как результат необходимости. Такой подход неизбежно создает представление о человеке как об автоматическом результате необходимости, где, таким образом, не остается места для вариаций в различных сферах социальной деятельности, множеству возможностей и случайностям. Их отсутствие на самом деле означает ограничение свободы человека. Даже осознание тем или иным индивидом необходимости чего-либо в данной проблеме ничего не меняет.

Следует отметить, что варианты поведения находят своё отражение в способности свободного и произвольного выбора во всех формах человеческой деятельности (в экономике, политике, науке, искусстве и др.). Человеческое сознание, исходя в каждой из них из собственных позиций, в конечной степени совершает различные вариации. А это свидетельствует о том, что свободная воля человека играет роль «самоиндукции сознания». Воспринимание свободы воли создаёт необходимость в определении её реальных границ. Данная проблема в социальной философии объясняется неоднозначно. Например, сторонники волюнтаристского течения абсолютизируют и преувеличивают роль свободной воли человека. Таким образом, они приходят к такому ошибочному выводу, что в общественной жизни не существует никаких других оснований для совершения действий, кроме свободной воли субъекта. В результате такого подхода отрицается закономерность человеческой деятельности. Она подразумевается как бессистемная совокупность сменяющих друг друга желаний, стремлений и страстей. Другая крайняя сторона в понимании свободы воли – фатализм. Согласно данному учению, человек обманывает себя иллюзией свободы, когда на самом деле все предопределено судьбой.

Научный анализ данной проблемы приводит к такому правильному выводу, что свобода воли проявляется во всех формах человеческой деятельности. Однако ее роль нельзя абсолютизировать. Свобода вовсе не означает того, что в человеческой деятельности отсутствуют объективные обуславливающие факторы, независимые от воли человека.

Свобода человека базируется на целом ряде психофизиологических основ. Среди них наиболее важную роль играют нижеследующие:

а) способность человека реагировать на воздействия, направленные на него, а также его творческая способность в тесной взаимосвязи с окружающей средой;

в) свойство выборочной реакции на воздействие. Единство этих двух сторон доказывает то, что поведение и действия человека являются закономерным результатом совместного влияния его внутренней природы и окружающей среды. В данном случае свобода воли человека обуславливается его внутренней природой, т. е. выражает его активно-выборочное отношение к реальности.

Следует отметить, что содержание свободы не ограничивается только свободой выбора (субъективная сторона свободы), а в своём развитии переходит на следующий этап – этап принятия решений и от него – к этапу свободы поведения и действий в соответствии с принятым решением, т. е. к этапу объективной свободы.

Свобода воли в определённом смысле означает, что человек сам себе хозяин. Данное положение иногда толкуется односторонне, когда утверждается, что будто бы свобода воли состоит только из способности человека усмирять разумом свои чувства и страсти. В действительности же она обладает более широким содержанием, т. е. в её состав также входят положительные чувства, эмоции в самом человеке и воспитание нравственных качеств. С другой стороны, человек в процессе воспитания и самовоспитания должен уметь побороть негативные традиции и стремления, мешающие достижению его целей. Это же зависит от его воли. Сказанное подтверждает то, что свобода воли, являясь широким понятием по своему содержанию, предусматривает направление человеком своей воли на формирование его положительных чувств и способностей.

Свобода воли проявляет себя на всех этапах свободы человека. Однако она больше связана со знаниями об условиях, в которых происходит поведение, выбор деятельности и свободно-волевые действия человека. Отсюда видно, что «свобода выбора» неотделима от общей социальной свободы. Так, социальная свобода обеспечивает общие условия образования последней, а свобода выбора, в свою очередь, отражает свойство субъекта принимать решения на основе знаний.

Волевые действия индивида исходят от направляющих его активность мотивов, которыми являются его потребности и интересы. Поэтому свобода воли не принимает выбор вне мотивов или случайный выбор. Это также связано с тем, что человек, обладая волей, может контролировать свои потребности и интересы.

В механизме схемы «воля-свобода» человека чрезвычайно важны степень готовности обеспечения своих интересов и установка на проведение конкретных действий, либо конкретной деятельности. Данный фактор является одним из основных факторов, обеспечивающих формирование общих свойств человека, и особенно его целостную структуру. Видный психолог Д. Узнадзе пишет: «При наличии определённой потребности и условий для её удовлетворения у субъекта образуется такое специфическое состояние, которое можно характеризовать как готовность к проведению определённой

деятельности с целью удовлетворения своих актуальных потребностей или как установку» [2, с. 170].

В обществе формируется система установок человека по поводу труда, учебно-воспитательного процесса и процесса общения. С течением времени они совершенствуются и обновляются. В данном процессе часто повторяемые и более соответствующие интересам субъекта установки укрепляются и утверждаются в устойчивой форме.

В целом установки, как необходимый элемент психологического механизма взаимных и многосторонних связей между человеком и социальной жизнью, оказывают важное влияние на формирование и уровень реализации свободы,

Таким образом, обладание человеком свободной волей выражается в его целенаправленной активности, и поэтому это чрезвычайно важно. В свою очередь, границы свободной воли определяются самой свободой. Однако сущность свободы не ограничивается свободой выбора, т. е. субъективной стороной свободы. Так, вследствие того, что человек является социальной сущностью, его свобода выбора переходит в свободу принятия решений, а затем – к свобо-

де действий, т. е. переходит к объективной свободе. В данном процессе свобода человека и его ответственность неотделимы друг от друга. По-другому говоря, ответственность человека выступает как способность использования свободы воли. Однако, с другой стороны, ответственность является важным условием свободы, потому что любое безответственное действие может нанести серьезный удар свободе других людей и в целом свободе всего общества.

Литература

1. Гегель. Сочинения. Т. 3. – М.: Мысль, 1986. – 484 с.
2. Спиркин, А. Г. Философия: учебник / А. Спиркин. – М.: Гардарики, 2000. – 810 с.
3. Моргунов, А. М. Социализм и свобода / А. М. Моргунов. – М.: МГУ, 1989. – 112 с.
4. Узнадзе, Д. И. Основные положения теории установки / Д. И. Узнадзе. – Тбилиси, 1977. – 392 с.

УДК 141.1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КРИТЕРИЙ»

Ю. Л. Игнатюк

HISTORICAL AND CULTURAL COMPREHENSION OF CONCEPT «CRITERION»

Y. L. Ignatyuk

В данной статье исследуется история понятия «критерий» и многообразие его трактовок. Понятие «критерий» рассматривается как история развития отдельных процессов и явлений, происходящих в жизни людей, определяющих развитие культуры общества в целом. Исследованы критерии истины, моральности, духовности и др., что представляется наиболее перспективной платформой для дальнейшего обстоятельного изучения вопроса.

In given article the history of concept «criterion» and variety of its treatments is investigated. The concept «criterion» is considered as history of development of separate processes and the phenomena occurring in a life of people, defining development of culture of a society as a whole. Criteria of true, morality, spirituality, etc are investigated. It is represented the most perspective platform for the further detailed studying of a question.

Ключевые слова: критерий, мера, норма, традиция, истина, моральность, духовность.

Keywords: criterion, measure, norm, tradition, true, morality, spirituality.

Изменения, происходящие в современном мире, ставят перед наукой принципиально новые задачи. Необходимо активно осваивать процессы и явления, происходящие в обществе, уметь их дифференцировать. В связи с этим возникает необходимость изучения понятия «критерий», как средства дифференциации явлений культуры, его сущности и многообразия его трактовок. Данная проблема чрезвычайно актуальна не только в теоретико-методологическом, но и в практическом плане, поскольку до сих пор она не получила должного исследовательского внимания. Изучение понятия «критерий» есть изложение практически необходимого вопроса, проблемы, взятой непосредственно из жизни людей, возникшей в процессе развития культуры человечества. Критерии оказывают непосредственное влияние на про-

цессы дифференциации результатов жизнедеятельности людей, являются своеобразными фильтрами и в последнее время все чаще являются объектом исследовательского интереса. Выявление критерия культуры целесообразно, поскольку он выступает показателем либо возрастания, либо упадка культурного уровня общества в ходе его развития.

Непосредственно термин «критерий» имеет греческое происхождение и переводится как средство для суждения, решения. Критерий есть признак, на основании которого производится оценка, средство проверки, мерило оценки. В теории познания «критерий» – это признак истинности или ложности положения. Критерием выступает определяющая мысль, точка зрения, представляющаяся мерилем для определения оценки предмета, явления, под-

тверждающая достоверность знаний. Надо отметить, что самостоятельно термин «критерий» не употребляется, он используется только в связке с другим словом, соответственно актуализируется необходимость исследования множественности критериев.

Широко известен критерий истинности Евклида, он является одним из приемов доказательства истинности высказывания; критерий ложности Платона, который также является способом доказательства. На основе критерия ложности Платона подтверждается высказывание о невозможности существования наибольшего целого числа. Кроме того, определен критерий оценки власти, то есть мерило оценки действенности и жизнеспособности власти. Критерием здесь выступают результаты деятельности власти, ее престиж, предприимчивость и т. п. Также известен критерий статистический, им считается правило, которое используется в математической статистике при проверке гипотез по данным наблюдения или эксперимента. Критерий указывает условия, при которых проверяемая гипотеза не может считаться согласующейся с фактами, полученными опытным путем и должна быть исключена, в другом случае совместимость гипотезы с достоверными данными считается вполне приемлемым. Известен также критерий нравственности, в качестве мерила нравственности выступает объективная историческая необходимость, которая в некоторой форме отображается в потребностях и интересах людей, которые в свою очередь, проецируются в понимании того, что есть добро, зло, справедливость и другие нравственные категории, нормы, выступающие основанием для предписаний и являющиеся регулятором поведения, поступков людей.

Все предложенные теории, концепции и просто высказывания в науке подвергаются испытанию, проверке на истинность, следовательно, в процессе развития науки возникла необходимость выявления критерия истины. Когнитивизм, преобладающий в философии довольно продолжительное время, устанавливал смысл истины как наполненную, содержательную характеристику философского знания и другого научного знания, закрепляемого при помощи языковых средств.

Термин «истина» используется в двух аспектах, во-первых, в гносеологическом (когнитивном), то есть истина есть совпадение образа и соответствующего ему предмета. Во-вторых, в ценностном, в котором истина понимается как схожесть предмета с неким идеалом, примером для подражания, образцом. Критерием истины выступает практика. Накопленные знания всего человечества, разработанные научные теории, апробированные, испытанные практикой, обнаруживают себя как достоверные знания. Эти знания обладают значением объективной основы, именно практика составляет константу, устойчивую основу, цель и критерий познания. Первым близость в отношении между познанием и практикой была вскрыта марксизмом. Марксизм дал единственно верное решение вопроса об обнаружении критерия истины, этот критерий был найден вне познания. Вместо инертного субъекта прежних ма-

териалистов, а также вместо абсолютного духа Гегеля, марксизм определяет человека, который трансформирует мир со свойственной ему активностью и чувственно-предметной деятельностью. В ходе этих трансформаций он обогащается знаниями об объективной реальности и способах ее реорганизации, переустройства. Единственной и естественной связью человека с объективной действительностью оказывается практика, только она может быть ядром познания и критерием истины, другими словами, практика является действительно связующим звеном субъекта и объекта, которое делает их единство возможным, воплощает его в реальность. Мышление человека, являясь формой отражения существующей действительности, образовалось и беспрестанно развивается в течение всей истории человечества по образцу производственных отношений к объекту деятельности. Вследствие этого, мышление словно бы воссоздает в логической форме существующие истинные, реальные закономерности, открывающиеся человеку в его практической деятельности. Данная деятельность устраняет субъективность цели, реализуя ее, т. е. опредмечивая. Подобное опредмечивание человеческой субъективности выступает в то же время апробированием, испытанием мышления на его предметную истинность. Поэтому К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, то есть действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос. Общественная жизнь является, по существу, практической. Все мистерики, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [3].

Не признавая аргументов агностицизма о том, что мир непознаваем, Ф. Энгельс заметил, что наиболее категоричное и действенное опровержение подобных философских воззрений содержится в практике, он полагал, что поскольку в возможностях человека доказать, что наше осмысление определенного явления природы верно, так как люди сами его производят, подчиняют его своим целям, то кантовская так называемая «вещь в себе» изжила себя, подошла к завершению. Выделенные нами аспекты позволяют предположить, что критерий для различия добрых и злых намерений, культурных и дискультурных явлений, с точки зрения марксизма, можно познать только из практики.

Отметим также, что критерий вообще, все поддается мерилу, мы определяем, что является правильным, то есть ищем критерий истины, критерий поступка и так далее. Все взгляды на критерий можно разделить на две группы. К первой группе относятся взгляды тех философов, которые видят критерий в самом предмете, ко второй группе – тех, кто видит критерий вне предмета. Философы первой группы – это те, кто искал критерий познания в са-

мом познании, например Р. Декарт видел необходимость в преобразовании философии посредством математики. Рационалистическая теория истины Декарта нашла отражение в идее врожденности основ знания, он полагал, что критерий истины в самом мышлении, в его ясности и отчетливости. Примыкают к ним взгляды Лейбница и Спинозы. Спиноза преодолел нелогичность рационализма Декарта и определил протяжение и мышление как атрибуты монолитной, целостной субстанции – природы. Таким образом, объединение идеи с объектом становилось нормой истины, а следовательно, истина существует как критерий нормы самой себя и заблуждения. Лейбниц выделял два критерия истины: для необходимых истин разума – это сводимость к идентичности, тождественности; а для непредумышленных, случайных истин факта – это испытание, исследование опытом. Однако данное положение не устраняло проблемы критерия истины в отношении знания, соотносимого с реальностью. Чтобы понять критерии действительности, Лейбниц изучал субъективные критерии достоверности.

Для сенсуалистов XVII – XVIII вв. этот вопрос оказался достаточно сложным, именно в проблеме критерия истины выявилась их неспособность опровергнуть субъективно-идеалистические воззрения Беркли и Юма. Возникает проблема содержательности знания, того, что является критерием истины того познания, предметом которого является сама реальность, действительность.

Аристотель выделяет критерии сущности, а именно – два критерия сущности:

– первый – это мыслимость, или познаваемость в понятии;

– второй – это способность к автономному существованию.

При этом они несколько противоречат друг другу, поскольку только единичное имеет беспресловенное и независимое существование, однако единичное не познается умом и его невозможно определить, дать понятие. Аристотель пытался найти сущность, способную к независимому существованию, которую можно было бы постичь и выделить в понятии. Познав сущность, можно постичь сущее. Сущее – это совокупность отдельных вещей, в отношении которых может быть совершено действие, кроме того, это качества вещей, количество отношения. Философ утверждает, что все подлежит чувственному восприятию, сфера чувственного действительна, она существует. Например, естественным мерилom добродетели Аристотель рассматривает честь; честь, по его мнению, это награда, заслуженная добродетелью.

Также одним из первых над проблемой осмысления существования критерия задумался Секст Эмпирик, который занимался поиском критерия истины и полагал, что «исследование о критерии для всех является предметом спора не только ввиду того, что человек – существо, любящее истину, но и ввиду взаимной борьбы благороднейших философских школ относительно главнейших предметов мысли. Было бы ужасно, если бы мы со всяческим

усердием разыскивали внешние критерии (вроде циркулей, весов), а то, что в нас самих могло бы оказаться эталоном для этих самых критериев, пропускали» [8].

С. Эмпирик заявляет о двух смыслах критерия: «В одном отношении это то, пользуясь чем, мы одно делаем, другое же никоим образом не делаем; а в другом отношении это то, пользуясь чем, мы одно считаем существующим, другое – несуществующим, и вот это считаем, установлено истинно, а вот это – ложно»; упомянутый критерий существования имеет три значения: «общее: всякое мерило восприятия (зрение, слух, вкус); частное: всякое техническое мерило восприятия (весы, циркуль) и наиболее частное: (всякое мерило восприятия неясного предмета, согласно которому явления животной жизни уже не называются критерием, но лишь предметы разумные и то, что вводят для нахождения истины догматические философы)» [8]. Поскольку критерий имеет три значения, рассмотрим его с разных позиций, а именно: разумный критерий (предмет размышлений философов) и критерий, касающийся практической жизни, «однако этот разумный критерий можно подразделить, если говорить, что один критерий существует в виде «кем», другой – в виде «чем», третий – в виде направленности (на что-нибудь) и состояния; а именно, человек, благодаря «кому» возникает суждение, похож на весовщика и плотника; чувственное восприятие и разум, в силу «чего» возникает то, что относится к суждению, похожи на весы и отвесы; и наконец, направленность представления, благодаря которой человек принимает суждение, похожа на «состояние» вышеуказанных инструментов» [8].

Секст Эмпирик отмечает, что «вопрос, есть ли критерий, еще составляет предмет искания, как мы установили; вследствие этого критерий нуждается в доказательстве, указывающем, что есть критерий, и снова получается троп взаимодоказуемости и затруднения. Если же ни доказательством, ни знаком, ни критерием нельзя установить, что есть доказательство, и оно не является, с другой стороны, вполне очевидным само из себя, как мы указали, то вопрос о существовании доказательства будет не воспринят» [9].

Исследуя существование критерия, С. Эмпирик утверждал, что все предметы и явления можно различить, используя некий критерий, необходимо обрести некое мерило для истинного существования вещей. Пользуясь определенным критерием, мы определяем, что истинно, а что ложно, совершаем те или иные поступки, о критерии говорят «как о взятom для доказательства существования или несуществования», критерий это «то, с помощью чего мы судим о существовании и несуществовании и с чем мы считаемся в жизни» [9]. Далее он пишет: «То, что критерий истинен, доказывается обсужденным доказательством. Значит, для того, чтобы доказать, что доказательство, предпочитающее какое-нибудь из этих противоречивых мнений, истинно, нужно, чтобы был доказан его критерий, а чтобы доказать критерий, нужно раньше обсудить его доказательст-

во; таким образом, получается троп взаимодоказуемости, который не даст движения рассуждению, ибо доказательство всегда нуждается в доказанном критерии, а критерий – в обсужденном доказательстве. Если же кто-либо пожелал бы всегда судить критерий критерием и доказывать доказательство доказательством, то он впадет в бесконечность. Если, таким образом, мы не можем согласиться ни со всеми противоречивыми мнениями об элементах с некоторыми из них, то надлежит воздерживаться от суждения о них» [9]. Следовательно, критерия истины, по мнению Секста Эмпирика, не существует, «так как доказательство нуждается в доказанном критерии, а критерий – в обсужденном доказательстве, то они впадают в троп взаимодоказуемости» [9].

Демокрит, считал, что критерием мудрого человека является способность не только хорошо мыслить и хорошо говорить, но и способность наилучшим образом делать, а самого мудреца предполагал мерилom всех вещей.

Сократ мыслил, что философия должна заниматься нравственной стороной жизни человека, утверждал, что знание порождает добродетель, а пороки и извьяны появляются из неосведомленности, неведения, незнания. Собственные учения он выражал в виде бесед, из которых нам известно его утверждение, что мерой (критерием) всего может быть только Бог.

Протагор утверждал, что мера всех вещей – это человек, критерий, в его понимании, есть мерило, а «вещами» он называет дела и поэтому утверждает, что человек является мерилом всех дел. Позже с ним соглашается и Платон, называя идею блага высшей идеей, а мировую душу, по его мнению, создает Бог.

Иммануил Кант выделил критерий моральности человека – это добродетельность образа мыслей, а «критерием чистой добродетели – долг; долг, а не заслуга должен оказывать не только самое определенное, но, если он представлен в истинном свете своей ненарушимости, и самое неотразимое влияние на душу» [2], критерием же познания называет – опыт. И. Кант выделяет в своих трудах категорический императив, который является критерием нравственности, устанавливаемом личностью для самой себя. Эта моральная норма обязательна и неукоснительна в исполнении. Категорический императив И. Кант формулирует следующим образом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства; поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Вместе с тем он так и не определил критерий в ответе на вопрос, является ли нечто благом или злом.

В философии Г. Гегеля утверждалось, что критерий оценки – внешняя, социально-практическая сторона человеческой деятельности, в качестве решающего критерия добра и зла, с его точки зрения, выступает личное мнение человека.

Артур Шопенгауэр, в фундаменте этики которого лежит утверждение, что основой нравственности

является чувство сострадания, к поиску критерия подлинности человеческого бытия и бытия вообще априори обращен иррационализм, а критерием бытия человека он считает иррациональное начало. В своем труде «Свобода воли и нравственность» критерием морально-чувственного поступка Шопенгауэр называет исключение эгоизма из аргументации.

Ницше Ф. видел критерий нравственности в силе и красоте, он считал, что «если человечество не хочет погубить себя, то должно быть найдено в неизвестном доселе размере знание условий культуры как научное мерило для вселенских целей. В этом состоит огромная задача великих умов ближайшего века» [4].

З. Фрейд мерой культуры считает «нравственный уровень ее участников, – не единственное духовное благо, которое надо принимать в расчет при оценке культуры» [6].

Й. Хейзинга предложил выделить критерий культуры, в качестве которого он видел игровой элемент, «подлинная культура не может существовать без некоего игрового содержания, ибо культура предполагает определенное самоограничение и самообуздание, определенную способность не воспринимать свои собственные устремления как нечто предельное и наивысшее, но видеть себя отгороженной некоторыми добровольно принятыми границами» [7].

Э. Фромм с его неопрейдистскими воззрениями, акцентируя внимание на социальных факторах в концепции психоанализа, которые обуславливают содержание всего существования человека, указывал на то, что критерием добра и зла является благо людей.

Станислав Лемм полагает, что для эволюционного развития человечества однозначным критерием разумности поведения является способность выжить.

Например, изучая природу культуры / дискультуры, некоторые мыслители отмечают, что для определения сущности этой оппозиции не обойтись без значительной доли нормативности, то есть необходимо сопоставить ее с определенной культурной нормой. Они утверждают, что вполне конкретным критерием культуры может выступать «критерий позволяющий отличить феномен культурного ряда от того, что можно считать контркультурным отклонением, выводящим за пределы культуры, хотя и имеющим к ней известное отношение», речь идет о критерии «общезначимости как феномена, претендующего на роль культурного для всего социума» [5].

Синонимом термина «критерий» может выступать также понятие «норма» (пер. с лат. – правило, образец), она понимается как обязательный порядок, установленная мера, отмечающая рубежи, в которых разные культурные явления, а также природные, общественные, удерживают свои качества и функции, задающие их внутреннее соответствие. Нормы регулируют общественные отношения, поведение людей, обеспечивают их организацию и контроль, нормы закрепляются и действуют в кодексах, зако-

нах, правилах. Существует, например, моральная норма, в философском словаре можно найти следующее определение моральной нормы, это – форма нравственных требований, которые регулируют поведение людей посредством общих предписаний и запретов, распространяющихся на однотипные поступки. Человеческая природа может изменяться в процессе жизнедеятельности, меняется характер человека, это происходит вследствие его нормативной переориентации. Помимо того, мышление – высшая ступень человеческого познания, позволяющая овладеть знаниями об объективной реальности вне чувственной стадии познания, тоже подчиняется конкретным суждениям о так называемой «нормальности», воспроизводимым в данной культуре. Удержать неизменность, устойчивость через полагание рубежей вариативности является наиболее значимым для нормы. Измененность в норме есть отсылка к ценности, которая обнаруживается и проявляется в ней. В культуре положение так называемого абсолюта может обладать, пожалуй, только ценностью, но она как бы переустанавливает эту абсолютность в норме. В качестве абсолюта норма представляется неким необходимым, устойчивым отношением функционирования социокультурных целостностей, обеспечивающим их самоидентичность и постоянство.

В реальной жизни общества нормы могут намеренно разрабатываться надлежащими институтами и вводиться в социальную жизнь. Такая норма может быть вытеснена на бытовом уровне, также возможно стихийное формирование норм как практически необходимых результативных схем взаимодействий и отдельных действий. Принятие искусственно сформированных норм означает их постепенную шаблонность, устойчивость в схемах опыта и, возможно, что в дальнейшем возникнет ее вторичное постижение как безусловно возникшей в этом опыте.

Возникла норма из традиции в качестве главного регулирующего инструмента в архаических обществах и как преобладающий, доминирующий инструмент в обществах традиционного уклада. Традиция как таковая может быть рассмотрена как особый тип нормы с определенной точки зрения своей функциональности. Принципиальная разница между традицией и нормой в том, что традиция включена в процессы жизнедеятельности, то есть регуляция происходит как бы изнутри, а в норме урегулирование социальных процессов происходит как бы снаружи. Кроме того, традиция и норма имеют разные исходные принципы, – традиция формируется естественным образом, норма же вырабатывается искусственно. К тому же традиция пытается свои содержания сделать однородными, в то время как норма разъединяется, разобщается в случае вскрытия в ней новых содержаний. Надо отметить и разный характер собственной обязанности: традиция тяготеет к самодостаточности, самостоятельности, не нуждается во внешних регулятивах, а норма контролируется особыми специализированными учреждениями, системами, элементами социальной структуры. Культурные нормы, т. е., проявляющиеся ценностно, в

широком смысле могут иметь достаточно строгий характер (например, «табу»), а выражение прямых, естественных социальных потребностей, увлечений, пристрастий могут быть довольно мягкими (разрешения, санкции). Нормы, которыми особо дорожат, сохраняют их, получили название нравов.

Принятые в определенном обществе нормы поведения регулируются специальной системой, объединением, так называемой совокупностью поведенческих регуляторов, которая содержит в себе механизм социального контроля за соблюдением этих норм, в характеристику которых включены процессы и явления, выгодные, наиболее рентабельные для этой системы в конкретных исторических условиях. Нормы общества бывают истинными и ложными, что проверяется и устанавливается критерием истинности – практикой. Зарождаются нормы и формируются как следствие процесса отражения в сознательной деятельности людей объективных закономерностей осуществления жизни и деятельности социума и реализуются в юридических нормативных актах, также в морально-этических предписаниях. Нормы исполняют функции оценки и ориентации как отдельного человека, так и всего общества аналогично другим ценностям, выполняя при этом роль регулятора поведения и осуществляют его контроль. Кроме этого, норма дает определенные предписания, а не только оценивает и ориентирует по аналогии с идеалами. Таким образом, норма – это обязательное правило, порядок, установленная мера, требуемые и соблюдаемые различными социальными институтами.

Многие исследователи, теоретики сегодня пытаются определить, что является мерилем истинной духовности, найти ее критерий. Данная проблема – проблема критериальности духовной культуры общества – может быть решена только при оценке культуры как отдельного человека, так и уровня повседневной духовной жизни всего общества в целом. Это общество должно освоить и востребовать духовные ценности для человека, который должен жить духовно богаче и насыщеннее.

Отметим, что специфическим способом концентрации, сохранения и передачи последующим поколениям духовных ценностей является эстетическая и художественная культура, а ее основа – это эстетические и художественные ценности, эстетические ценности являются признаком духовности. Эстетическая ценность выражается в «прекрасном, возвышенном», ее противоположностью предстает «безобразное, низменное». Носителем эстетического оказывается «сложившаяся и откристаллизовавшаяся исторически в социальной практике» форма определенного явления. Таким образом, правильное – ошибочное, симметрия – асимметрия, целесообразное – нецелесообразное являются собой только объективное начало эстетических ценностей. Высшую степень ценности, одухотворенности, и очеловеченности природных и социальных явлений выражает – эстетическое, которое влияет на постижение и формирование человеческой общности [1].

Отсюда следует, что эстетическая ценность олицетворяет собою неделимость средства и цели, идеального и истинного. Добро и истина априори, симптоматично есть красота. Красота занимает особое место в ряду требований, предъявляемых культурой. Эстетическая ценность, выступая основой процессов эстетизации производственной среды, продуктов деятельности людей, является также основой эстетического воспитания, образования и обучения по законам красоты. Гарантией отличия истинных носителей эстетической ценности от множества схожих с ними подделок может быть только эстетическая оценка, так как она является, в первую очередь, оценкой качественной и не сводится к формально-количественным показателям, а качественное совершенство безмерно. Одним из важнейших показателей определения духовно-эстетического потенциала человеческой жизни должна стать эстетическая оценка.

Вопрос о критериях отличия ценностей подлинной духовности от сходных с ними суррогатов чрезвычайно важен, проблема истинности духовных ценностей возникает также и из-за возросших темпов развития мира. Пожалуй, основной из таких ценностей, определяющей жизнь человека в обществе, выступает совесть, которая есть категория этики, объясняющая возможности личности контролировать себя, производить самооценку поступков с точки зрения морали. Гораздо эффективнее любого общественного контроля и порицания – это суд совести; собственно нравственные вопросы у всех народов и во все времена в итоге решаются совестью, «ибо из трех сфер бытия и непосредственного проявления духовных ценностей именно нравственность определяет жизнь человека среди других людей, а нравственная культура – залог и основу стабильности и достойной жизни человека в обществе» [1].

Основным условием социокультурного прогресса является перемещение борьбы добра и зла из реальной социальной жизни в сферу духовной культуры, (нравственность, искусство, религия), поскольку именно в этих сферах духовности добро и зло резко отличаются и хорошо заметны, а цели и средства не различаются между собой. Поскольку «добро творится – и ... зло истребляется – одним лишь духовным делом и его осуществлением – любовным единением людей. Никогда еще добро не было осуществлено никаким декретом, никогда оно не было сотворено самой энергичной и разумной общественной деятельностью; тихо и незаметно, в стороне от шума, суеты и борьбы общественной жизни оно нарастает в душах людей, и ничто не может замедлить этого глубокого ... органического процесса ... Политический же фанатизм и рожденный им культ насилия и ненависти есть слепое идолопоклонство» [1].

Одним из основных критериев отличия истинной духовности от мнимой, считается бескорыстность. Бескорыстность по большей части духовная, нежели материальная, которая отчетливо обнаруживает себя в актах альтруизма и является одной из

первых примет красоты, которая, в свою очередь, является выражением духовности и предохраняет наши души от деградации, растрепанности. Следующим критерием духовности выступает искренность, – перед собой, в первую очередь, так как правда – это атрибут культуры, в социальной жизни именно правда как истина является действенным шагом к устранению отчуждения между людьми. И искренность, и бескорыстность выступают исходными признаками любви и красоты, которые, в свою очередь, есть всеобъемлющие, разносторонние духовные ценности человеческой жизни и культуры. Поскольку любовь – это основа жизни, и она обусловлена красотой. Одна из самых благородных энергий – это любовь, содержащая в себе потенциал творческий и созидательный (П. Сорокин). Любовь и красота транслируются последующим поколениям не только социально, но и генетически, «любовь и красота постоянно, ежедневно и ежечасно сохраняют в каждом из людей мир подлинной человечности, личного достоинства и духовной свободы» [1]. Возможно, что единственным средством для преодоления войн и конфликтов между людьми и обеспечить мир и гармонию в отношениях между ними может лишь рост любви бескорыстной, созидательной, которая проявлялась бы в поведении, в отношениях между людьми и культуре в целом.

Постоянно и все более очевидно возрастает роль культуры, поскольку именно культура формирует человеческую душу. Во все времена и при любых условиях она остается основой общественного развития.

Построение жизненного благополучия в современном обществе возможно только в условиях возрастания духовных потребностей человека, его духовного самосовершенствования, человек должен жить духовно богаче и насыщеннее. Следовательно, подлинным и важнейшим делом интеллигенции сегодня является увеличение потенциала основных духовных ценностей и их проявления на соответствующих уровнях культуры и жизни общества. Нужна активизация и объединение людей для созидательной и конструктивной деятельности, направленной на возрождение высокой духовной энергии, интеллектуального совершенствования человека, так необходимого для будущего. Все это возможно при соответствующем отношении к ходу истории, к критериям духовной культуры. Потому как весь мир, сама жизнь неслышно крутится вокруг создателей новых ценностей, а не вокруг создателей нового шума и бессмыслицы (Ф. Ницше).

В итоге отметим, что историко-культурологическое осмысление понятия «критерий» при описании структуры того или иного явления, социальных процессов и действий вносит существенный вклад в развитие научного знания. Данное понятие включает в себя совокупность разнообразных характеристик и особенностей отдельных предметов и явлений жизнедеятельности человека. На протяжении всей истории науки учеными решаются проблемы критериальности: что выступает приемлемым критерием, нормой, мерилom раз-

образных процессов и явлений в жизни общества, могут ли быть критерием предметы и явления, созданные людьми или черта характера человека? Все приведенные в исследовании трактовки понятия «критерий», взаимно дополняя друг друга и определяя основное содержание, не являются противоречащими. Очевидно, что следует и необходимо иметь критерий или инструмент суждения, при помощи которого можно было бы дать оценку исследуемому явлению.

Литература

1. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры [Текст] / Г. П. Выжлецов. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. – 152 с.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1999. – 1472 с.
3. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. – Т. 3. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 629 с.

4. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Весёлая наука. Злая мудрость [Текст]: сборник / Ф. Ницше [пер. с нем.] С. Л. Франка, К. А. Свасьяна. – Мн.: Попурри, 1997. – 704 с.

5. Социология контркультуры: (инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь) [Текст]. – М.: Наука, 1980. – 264 с.

6. Фрейд, З. Психоанализ и культура: Леонардо да Винчи [Текст] / З. Фрейд. – СПб.: Алетейя, 1997. – 295 с.

7. Хейзинга, Й. Homo Ludens [Текст]: статьи по истории культуры / Й. Хейзинга; пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

8. Эмпирик, Секст. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. [Текст] / С. Эмпирик. – М.: Мысль, 1976. – 399 с.

9. Эмпирик, Секст. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. [Текст] / С. Эмпирик. – М.: Мысль, 1975. – 421 с.

УДК 1(092)

КОНФИГУРАЦИЯ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1990 – 2000 гг. XX – XXI вв.

В. И. Красиков

AFOCUS OF INTELLECTUAL ATTENTION OF RUSSIAN PHILOSOPHY AND ITS INNER CONFIGURATION IN THE 1990 – 2000 YEARS OF XX – XXI CENTURIES

V. I. Krasikov

Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы" 2009-2011 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

Статья посвящена анализу процессов, происходивших в отечественной философии последних двух десятилетий. В работе выявлены основные тенденции духовных изменений в сообществе философов, связанные с переходом от идеологического единомыслия к современному плюрализму. Автор эксплицировал четыре наиболее характерных позиции, свойственные современному состоянию философской мысли в России.

The article analyzes the processes that occurred in Russian philosophy of the last two decades. The paper identified key spiritual trends of changes in the community of philosophers associated with the transition from an ideological unity of mind to modern pluralism. Author explicated the four most typical positions that are typical of the current state of philosophical thought in Russia.

Ключевые слова: русская философия 1990 – 2000 гг., основные дискуссии в поле интеллектуального внимания, доминирующие позиции, марксизм, гносеологизм, постмодернизм, контекстуализм.

Keywords: Russian philosophy of 1990 – 2000 years, the main debates in the focus of intellectual attention, dominant positions, Marxism, gnoseologism, postmodernism, contextualism.

Разгром идеологии и новый «девятый вал» духовного импорта вызвали глубокий кризис самоидентификации интеллектуального сообщества. Прежние идентичности были разрушены, новые обретались с трудом и медленно. Сложившееся было к середине 80 гг. в рамках советской философии единое поле внимания было утеряно, поскольку исчезли объединяющие понятийная система координат, тематика и проблематика. Кроме того, российские интеллектуалы оказались обильно «перекормлены» новыми идеями, поднакопившимися за «железным

занавесом» в течение последних 70 лет, и их «пищеварительная система» явно отказала, погрузив их владельцев в состояние душевной сонливости и апатии.

Возникла ситуация хаотического плюрализма и разновекторного движения – при отсутствии общего поля интеллектуального внимания и привычной конфронтации-борьбы сильных фракций за приоритет в нем. Это порождает горестные, пессимистические констатации типа того, что философии в России как организованного дискурсивного простран-

ства просто не существует. Есть локальные и даже весьма продуктивные группы, никак не связанные между собой ни по проблематике, ни по интересам, ни по пониманию задач философии.

Не всё, однако, столь грустно. Все эти два десятилетия шел интенсивный группогенез, затем фракциогенез, когда философствующие интеллектуалы объединялись и под идею, и под лидера. Его особенностями были:

а) идентификационные дискуссии в предметных и концептуальных рамках рождающихся либо трансформирующихся философских направлений;

б) образование неких аморфных, но *позиций* – как коалиций схожих по интересам и мировоззрениям небольших групп.

Эти черты свидетельствуют о младости новой российской философии. Который раз, за два с небольшим века своей истории, она вынуждена начинать опять всё с самого начала.

Общая тенденция в процессах трансформации либо генезиса интеллектуальных групп в рамках аморфного полурасколовшегося философского сообщества России 1990 – 2000 гг. – мучительные поиски и «конструирование» собственных идентичностей. Это происходит в разных по характеру парадигм дискуссиях, в выборах новых «святых угодников» для нового направления, в поисках союзников и врагов. Причем эти поиски не могли не принимать форму определения единственно аутентичной философии – здесь, сейчас и для нас: «Что значит философствовать в России сегодня? Где и как осуществляется ныне русская философия?»

Началась идентификационная дискуссия еще в СССР, в 1989, в общем поле интеллектуального внимания (марксистского), продолжалась и продолжается в последующие годы – в уже раздробленном на самодостаточные сегменты.

Ее затравкой послужила статья А. Л. Никифорова «Является ли философия наукой?», в которой автор, пользуясь набором неокантианских и позитивистских критериев (парадигмального, квантитативности научного языка, верификации-фальсификации и пр.), утверждал, что философия не является наукой в том смысле, в каком этот термин применяется к естественнонаучным дисциплинам.

Автор не открыл ничего особенно нового: это различие (по методу и предмету) стало классикой еще в XIX в. (Баденская школа), сюда были добавлены соображения представителей постпозитивизма (Кун и Лакатос). Но не будем забывать, что еще в начале 90 гг. о неокантианстве мы знали лишь в объеме «Критик современной буржуазной философии», а основные его тексты были напечатаны лишь в середине 90 гг.!

В конце же 80-х это было откровением, это было почти революционно для основного контингента преподавателей философии, особенно в провинции, воспитанных в истовой вере: «философия – царица всех наук», «философия – наука о наиболее общих законах развития мира и человека» и т. п.

Конечно же, не было недостатка в старых добрых пафосных «гневных отповедях» и в обильном цитировании нетленок, утверждавших, что философия – альфа и омега наук. Так оформился край дискуссии супротив Никифорова – ортодоксально-марксистская часть сообщества (весьма, заметим, голосистая), особенно в то время ожидания реванша. Философия была, есть и будет фундирующей наукой поиска первопричин (Аристотель) и основой мировоззрения – такова, если рационализировать поток сознания, их позиция.

Дискуссия позволила впервые самоидентифицироваться и русским читателям текстов постмодернизма и аналитической философии. О чем вы, ребята, говорите? О какой благообразной с седыми буклями метафизике или же «философии как науке»? – когда виднейшие интеллектуальные клиницисты мира давно уже констатировали смерть пациента. Философия всегда была формой полурелигиозного, полуйдеологического мышления либо разновидностью досужей игры в бисер. В лучшем случае, если оставить метафизику попам, художникам и детям, философия остается как некая позитивная разработка в анализе текстов, языка и логики мышления.

Дальнейшие бурные социально-экономические события 1991 – 1993 гг. вместе со страной основательно расшатали и один из ее сегментов – философское сообщество. «Парад суверенитетов» большой социальной системы в 90 гг. конгруэнтно отразился и в одном из малых ее сегментов – философии.

Канули в Лету общие, волнующие всех дискуссии. Они стали делом лишь «своих» – по мировоззрению и направлению. «Другие» демонстративно и, заметим, вполне искренне полагали их для себя незначимыми и малоинтересными, их участников – личностями, заслуживающими в лучшем случае интеллектуального сочувствия в отношении их явных заблуждений и ущербности.

Но жизнь философская продолжалась, хотя и на меньшем уровне общности. Дискуссии и здесь играли свою роль консолидации интеллектуальных групп и генерирования новых идей, привели в итоге к формированию первых оформленных неким институциональным образом позиций-коалиций. Вкратце и неполно их можно обозначить следующим образом.

Ясное дело, что единым общим истоком, разделившимся на множество отдельных ручейков, было сообщество марксистов – других не было по определению, а если и были, то либо в глубоко латентном (даже для себя), либо в подпольном состоянии. Понятно, что предметные интересы членов этого мегаобщества разнились (онтология, гносеология, антропология и пр.), как и мировоззренческие аранжировки единоспасющего учения. Однако понадобились именно дискуссии более свободного формата перестроечного времени, дабы различия перешли из латентного в явные состояния обособления и выработки собственных новых идентичностей.

В перестроечные годы и вплоть до начала 90 гг. шла ревизия наследия советской философии, и страницы журналов пестрели риторическими вопрошаниями типа: «Просто ли быть марксистом в философии?», «Умер ли марксизм?» (в их постановке сквозило: «ох и непросто», «да нет же, жив курилка!»). Дискуссии по марксизму были первыми из последовавшей серии «идентификационных»: «кто мы, еще марксисты или уже немарксисты?»

Обозначились позиции ортодоксов, критических марксистов, немарксистов и антимарксистов. Самыми спокойными оказались третьи, обозначившие полное отсутствие интереса и к Марксу, и к марксизму, когда это стало невозбранным, и просто занявшиеся исследованиями и размышлениями в тех традициях, к которым они всё время тяготели. Наиболее шумными и воинственно настроенными оказались первые и последние. Первые ничего не забыли и ничему не научились, как и последние – скрытые антикоммунисты либо люди, не способные жить без какого-либо «спасающего» и единственно верного учения (таковым стал теперь либерализм).

Наиболее интересными оказались здесь «критические марксисты» – люди, не отказавшиеся от своих основ, но существенно их скорректировавшие, т. е. способные учиться и расставаться хотя бы с частью своих заблуждений. По большей части они представляли собой трансформировавшуюся ильенковскую группу, многие члены которой занялись широким спектром проблем (гносеология, социальная философия, антропология, этика и пр.), стали самостоятельными мыслителями.

Фракция «критических марксистов» и «неомарксистов», обрамляемая большой периферией преподавателей-ортодоксов, профессоров и доцентов, до сих пор еще составляющих основу чтецов философии в провинциальных вузах, может быть охарактеризована как «слабая». Да, она устойчива в институциональном отношении (кадры преподавателей, журналы, политическая поддержка левых), отличается похвальной верностью и истовостью своих членов. Вместе с тем она не привлекает особого внимания основообразующих сил публики, создающей у нас пространство интеллектуального внимания, – ведущих столичных интеллектуалов мира литературы, искусства и студенческой молодежи.

Возводят свою генеалогию к советской группе «критических марксистов» и представители другой, сейчас более влиятельной и сильной – *когнитивной* фракции (коалиции). Она появилась в качестве самостоятельной и самодостаточной уже на излете перестройки, и особенно в условиях «деидеологизации» российской философии, когда заниматься теорией познания и методологией, решать междисциплинарные проблемы, обеспечивая категориальным инструментарием естествознание, стало синонимом реального дела в философии. Тем более, что именно в отечественной гносеологии и методологии, хотя в целом и марксистско-материалистического толка, были созданы серьезные парадигмальные наработки, авторские и региональные школы.

В отличие от «онтологистов», накрепко пристегнутых к «материи» и «диалектике», гносеологи и эпистемологи имели широкое поле для маневра, т. к. классики не удосужились оставить скольконибудь внятных разработок по процессу познания и статусу знания. Ведь в сравнении с легко порождаемыми в области онтологии метафизическими спекуляциями гносеология требует ясно мыслимых и, что важнее всего, верифицируемых гипотез. Также notable было серьезное влияние на формирующуюся в 70 – 80 гг. отечественную «философию науки» («философские проблемы естествознания и развития наук») неопозитивистской, постпозитивистской традиций и аналитической философии.

Сила когнитивистов – в контроле над государственными философскими институтами (большинство РАНовских структур и журналов, факультетов и образовательно-бюрократических структур), а также в поддержке академической элиты естественных наук. Имена их лидеров более всех известны рядовым философам – «пролетариям умственного труда» провинциальных и столичных вузов – и произносятся с соответствующим трепетом чиновничества. По сути дела, это сейчас верхушка казенной институциональной философии в России, если так ее позволительно назвать. То есть они определяют, что изучать как «философию» в вузах и что почитать за «серьезную философию» в отличие от всяких там постмодернистов.

Как и всякая большая и сильная фракция, она подвергается внутренним испытаниям на единство, чреватым последующим дроблением. Общность познавательной тематики и сциентизм обеспечили временный союз в переходный период и перед лицом других, совершенно неприемлемых позиций. Однако, чем сильнее и влиятельнее союзники, тем больший соблазн установить «свое» единомыслие во всей группе. Тем более, что в корневой традиции на Западе мы можем наблюдать такое же внутреннее напряжение и борьбу в неопозитивистско-постпозитивистском стане.

Это споры между классическими и радикальными (школа «историков») рационалистами, между классическим рационализмом западноевропейского извода и аналитической философией англо-американского направления. Воспроизводимы подобные противостояния в специфической форме и у нас. Речь идет, правда, о внутренних местных спорах, поскольку более силен объединительный импульс противостояния отечественному постмодернизму, который был особенно силен в 90 гг. прошлого века. Но вот супостат ослабел, претерпел ослабляющие дробления – значит, назрела пора внутренних размежеваний.

Таким образом, как и в случае с марксистами, мы имеем дело с неким союзом, коалицией философов, согласных друг с другом лишь в самом общем мировоззренческом смысле. Если марксистов объединяет признание парадигмальной роли концепции Маркса в решении большинства теоретических вопросов, то здесь таким объединяющим началом яв-

ляется признание сердцевинной теоретической философии исследований в области эпистемологии, а их основными регулятивами – методологическую рефлексию и рационально-критическую установку. В остальном же присутствуют разногласия между тремя, пока еще составными, частями коалиции – «ортодоксов» (комбинация неопозитивизма и марксизма), «релятивистов» («историки», социологические интерпретации) и «аналитиков».

Вторую по степени влиятельности после когнитивистов коалицию сил в поле интеллектуального внимания современного сообщества российских любителей метафорически можно назвать «язычниками». Это философы, для которых анализ языка, текстов и «игр» составляет эпицентр внимания и творческого интереса. Это сторонники постмодернизма, герменевтики и современной феноменологии. Их генеалогия восходит к группе академических философов «историко-философской» тематики в советской философии, и в особенности М. Мамардашвили, равно как к идеологическому спецназу советской эпохи – «критике современной буржуазной философии». Впрочем, их первородство можно найти еще в литературоцентризме отечественной философии второй половины XIX в., художественской рефлексии Достоевского и Толстого.

Став «немарксистами» в итоге исходной раздельной дискуссии конца 80-х, они постарались побыстрее забыть догматический кошмар марксизма-ленинизма, тем более, что всерьез уверовали в новые евангелия.

Постмодернизм и герменевтика были восприняты нашими литературными кругами и частью сообщества гуманитариев еще в 70 – 80 гг., воплотившись, в частности, в творческой практике Московского концептуализма, в культур-философских проектах М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Библиера. Однако лишь на излете перестройки цензура ослабела настолько, что началась полноценная рецепция, появились постмодернистские авторы и философы. Реакция на эти идеи со стороны благонамеренного большинства, воспитанного в традициях реализма и марксизма, была вполне ожидаема: на них были навешаны ярлыки махрового «иррационализма», оголтелого «релятивизма» и «аморализма», как на всех этих «стиляг, битников, хиппи, панков, металлистов и готов». И как в последних случаях, русским постмодернистам и иже с ними не оставалось ничего делать, как замыкаться в своем кругу и жить своей жизнью – в презрительно-ироничном противостоянии непонимающему окружению. И как всякое неконформистское направление, а тут еще и основательно фундированное философски, оно привлекает к себе и молодежь, и, что важнее, людей среднего возраста. Возникает не только обычная в таких случаях субкультура, но и, в стиле свободной (журналистской) философии XIX в. – начала XX в., социальная сеть журналов, издательств, семинаров с группирующей вокруг них, по обыкновению, гуманитарной молодежью.

Как и всякая мощная критическая духовно-идеологическая волна (кинизм, буддизм, марксизм, фрейдизм, экзистенциализм и др.), периодически накатывающаяся на общества, постмодернизм обладал интенсивным ощущением собственной новизны и претензией на новое умственное зрение. Те же мессианизм и нарциссизм мы видим и в отношении отечественных контрагентов, особенно в первоначальный «сектантский» период миссионерства и эсхатологических предчувствий. Отношение «большого общества» и традиционного философского сообщества было соответствующим – как к некоторой опасной духовной инфекции, которое отчасти, совершенно несправедливо, сохраняется и по сей день. Естественно, что философы-постмодернисты и примыкающие к ним стремились преодолеть эти предрассудки, разъяснить, проманифестировать свою новизну, войти в поле интеллектуального внимания не только части литературно-художественных кругов и столичного студенчества, но и провинциальных интеллектуалов, в том числе и преподавателей философии.

Постмодернизм стал в России 90 гг., вернее, в обеих столицах (по сути, это одно и то же), суперпозицией, подмявшей (ошеломив своей влиятельностью и яркостью) все другие. В эту коалицию-суперпозицию включилась первоначально практически вся столичная продвинутая молодежь, а вожди русского постмодернизма стали культовыми фигурами. Однако приедается, опривычивается всё, тем более, что подобное уже случилось ранее и на Западе. Россия, как всегда, приобщается к инновациям, в том числе и интеллектуальным, в режиме «догоняющей модернизации». По прошествии времени, по мере взросления молодежи, начинается интеллектуально-естественный процесс распада суперпозиции на отдельные фракции. Дело в том, что, во-первых, каждая перегруженная вниманием и фанатами позиция имеет слишком много талантливых лидеров, большинство которых хотят самореализоваться в самостоятельном проекте. И во-вторых, в любом реципируемом идеологическом содержании рано или поздно, но непременно появятся «уши» наших архетипов – универсализма и контекстуализма, или же западничества и славянофильства, прогрессизма и консерватизма, левого и правого и т. п. Хотя они все и будут в данном случае с «постмодернистским душком». Из постмодернистов выйдут и неомарксисты, и неоконсерваторы.

Лидеры коалиции «философов мышления и литературы» уважаемы и известны в поле интеллектуального внимания художественно-литературной, медийной и студенческо-продвинутой среды. Известны именно как «настоящие философы», в отличие от «скупной, казенной, университетской» философии.

Долгое время сознательное игнорирование друг друга двумя крупнейшими силами отечественной философии приводило к самозамыканию и счастливому самодовольству. В последнее время, однако, паковый лед на границах между двумя наиболее

сильными «удельными княжествами» нашей философии начинает постепенно оседать под воздействием тепла нешуточных эмоций от взаимных критических атак во вновь вспыхивающих – уже между ними – идентификационных дискуссиях.

Наконец, *четвертую* позицию, присутствующую в поле интеллектуального внимания современного философского и, шире, гуманитарного сообщества, – наряду с неомарксистами, когнитивистами и язычниками, – трудно назвать даже «коалицией», как предшествующие фракции. Людей, которых мы объединяем здесь в некое целое, в реальной жизни ничто не согласует друг с другом, и, может, они даже с возмущением отвергнут помещение их в некий один общий «теоретический вольер» как очевидное насилие.

Это наиболее разношерстная из всех приведенных ранее теоретических позиций, являющаяся скорее нашей мысленной конструкцией. Вместе с тем конструкция имеет под собой основание некой парадигмальной общности, присущей группам, составляющим фракцию «контекстуалистов». Данная фракция еще не столь заметна, как когнитивисты и особенно язычники, однако за счет ярких лидеров и подъема национализма ее влияние растет очень быстро.

Вместе с тем это наиболее распыленный сегмент поля интеллектуального внимания, сюда входят довольно отличные группы:

- «революционный консерватизм», массмедийствующие философы, прошедшие (переболевшие) через постмодернизм;

- славянофилы традиции – группа С. Хоружего и «эпигоны», «лубочный» вариант славянофильства.

Различие между двумя ветвями контекстуализма в том, что формат мышления последних, ортодоксов, прямо определяем наследием восточно-христианского дискурса, русской религиозной философии и евразийства. Свои проекты они видят как органическое, эволюционное развитие традиции с использованием некоторых современных методологических средств (феноменология, антропология). «Революционеры» также апеллируют к традиции, полагая вместе с тем необходимость неких экстренных радикальных мер, поскольку дело (разрушения, разложения России, национальных основ) зашло слишком далеко. Остальные же фракции в поле интеллектуального внимания, из-за их нероссийского парадигмального первородства, – естественные оппоненты для контекстуалистов.

Их парадигмальная общность образуема следующими составляющими:

- неприятие рационалистических трендов западной культуры, равно как и нигилизм по отношению к их российским аналогам, алармизм относительно катастрофичности современности в ее профанации и симуляризации;

- апелляция к славянофильской генеалогии;

- «экзистенциально-художественное философствование», разудалая мифопоэтика;

- спекулятивные построения универсальных схем и уникальных идентичностей.

Они не связаны в той степени, как, к примеру, «неомарксисты», «когнитивисты» или же «язычники», требованиями когерентности, им не нужно строго вписываться в предшествующую рационально-систематическую традицию основных направлений западноевропейской или же англо-американской философии. Как и их предшественники, русские религиозные философы, они – спекулятивные метафизики, т. е. сами себе полагают основания и вполне комфортно в них резвятся. Такая безотчетность позволяет им создавать красивые глобальные конструкции, отчасти опирающиеся на действительные реалии, привлекая «толпы фанатичных студентов, сорокалетних женщин и любителей халявных чаепитий». Нечего говорить и о том, что масс-медиа также любят интересных, фактурных философов.

Построения на самом деле красивы. И названия также громоподобны: «археомодерн» (А. Дугин), «археоавангард» (Ф. Гиренок), «синергичная антропология» (С. Хоружий), «экзистенциальная культурология» (Г. Гачев), «прикладная метафизика» (А. Секацкий), «философия отчего края» (В. Варава) и т. п. Построения эти обладают прелестным свойством неопровержимости, потому что для спора нужно хотя бы отчасти принять посыпки оппонентов, иметь общую почву для споров. В знаменательном столкновении «путейцев» и «логосовцев» начала прошлого века какая-никакая дискуссия стала возможной благодаря общепонятной и общепринятой платформе немецкой классической философии, еще актуальной в те времена.

Кроме отмеченной выше парадигмальной общности, философы, тяготеющие к «контекстуализму», имеют и некоторые общие паттерны возведения своих мировоззренческих конструкций:

- Полагание неких *всеобщих схем человеческого развития*. Присутствуют схемы двоякого характера:

- а) линейные – «премодерн-модерн-постмодерн» (А. Дугин, Ф. Гиренок), «жрецы-маги – воины – пишущее сословие – гламур и актерство» (А. Секацкий);

- б) мультикультурные – «многовариантность народов и их культур, где каждая национальная целостность представляет собой космо-психо-логос» (Г. Гачев), западная и восточная (византийская) христианско-культурные традиции (С. Хоружий, В. Варава).

- Присутствует *особое внимание к описанию российской спецификации культурного бытия*:

- а) «археомодерн» – сосуществование «керигмы» (индивидуально-рефлексивное начало – декартова, т. е. западного образца) и «структуры» (архетипов отечественного национально-бессознательного) в

конфликтном и неупорядоченном состоянии (А. Дугин);

б) Россия как «трансгрессировавшее государство, то, что не находит себе покоя в составе наличного и отдает себя служению большим иллюзиям» (Ф. Гиренок);

в) наша суть в «стремлении к синергии, согласованности действия, соединению разнотелных энергий – Божественных и человеческих в предельных проявлениях» (С. Хоружий);

г) нам характерно «высокое этическое напряжение, не поддающееся выражению в какой-либо логически ограниченной форме» (В. Варава).

→ *Основная проблема* – в насилии глобализации и вестернизированной унификации (десубъективации): «эгалитарно-гуманистические принципы постиндустриальной европейско-американской цивилизации несовместимы с духовно-мистическими основами российского исторического бытия. Только имперская форма государственности способна нацеливать Россию на решение сверхзадач, требующих сверхусилий, т. е. обеспечивая великой стране полноценное и адекватное ее природе существование».

→ *Спасительный выход* видится в пестовании «русского субъекта», нашей, родной кериγмы, из нашей же хтони национального бессознательного (А. Дугин). Либо надобно построить «археоавангард»: из «архе» и немотствующих черепков современного российского сознания вырастить (пересказать в авангардных терминах) одинокую, но ужасно симпатичную, нашу «самость» (Ф. Гиренок). Каковы же средства пестования и взращивания? Это семиозисы веры, азарта, ревности, авантюры, которые и рекультивируют настоящего, «первородного» субъекта. Сохранность трансцендентного, ценностей иерархии позволят одержать окончательную победу.

Можно избрать и аристократически-индивидуальный эзотерический путь «антропологического размыкания», подобно исихастским практикам самоконцентрации в стремлении к запредельному, когда человек входит в контакт с Иным, самоконституируется, раскрывается и подключается к немереному источнику энергии (С. Хоружий). Но это – для монахов и увлеченных исихазмом философов. Простой же и общенародный способ: «надо философствовать из себя, т. е. из Бытия и Вечности, без оглядки на какие-либо философские догмы, умно и сердечно».

Такова, как представляется, панорама *активных участников* современного, во многом еще не централизованного поля интеллектуального внимания в области общих мировоззренческих и относительно частно-философских интересов. Естественно, что

она является выражением событий, происходящих прежде всего на московском интеллектуальном подиуме (ну, отчасти, Питера и ряда крупных региональных центров). Если где еще и существует интенсивная интеллектуальная жизнь, то она, увы, неизвестна и вследствие того не может оказать сравнимое воздействие на ход отечественного философского развития.

Что дальше? Хотя самонадеянных личностей, называемых предсказателями, всякий раз ждет незавидная участь разочарования и разоблачения вследствие всегдашней мутности будущего, люди всё равно живо ими интересуются. Здесь есть апробированные варианты цыган, делающих акцент на общую повторяемость экзистенциальных рисунков судеб (казенный дом, хлопоты, дамы и короли разных мастей), и библейских пророков апокалипсиса, вещающих о катастрофах, войнах и недородах, которые также повторяются, хотя и реже.

В «цыганском измерении» можно сказать, что продлится, пока есть сообщество людей со сходными интересами, эволюция российской философской рефлексии – в контексте как самородных, так и рецепируемых направлений, в формате их фракционной борьбы в поле интеллектуального внимания. «Сильные» фракции будут раскалываться, «слабые» объединяться – процесс, «цель которого ничто, а движение всё». Обычный «экзистенциальный рисунок» жизни. Рецепция будет возобновляться согласно текущим потрясениям в западной интеллектуальной жизни, а контекстуалисты будут привычно апеллировать к нашей незаурядности.

Проекты «завоевания» западных философских рынков или хотя бы даже «развивающихся» – наш привычный утопизм. Даже если мы-таки вырастим столетиями лелеемого субъекта с большущей кериγмой, ни декартова рациональность, ни юго-восточный традиционализм, ни исламский догматизм его попросту не «вместят». Никому, кроме самих себя, мы не нужны. Вот если бы не в малопонятном философском клекоте, а в более привычном литературно-философском «внутреннем потоке» à la наши основатели, – ну, тогда еще «может быть».

В отношении «потрясений», видимо, вообще всему «духовному производству» предстоят большие изменения – в связи с информационной революцией: катастрофой с бумажной книгой, перемещением существенной части душевной жизни в Интернет и странными, еще не отрефлексированными ее изменениями. Грядет что-то неизведанное, – впрочем, мы это слышим уже несколько тысячелетий, со времен тех же библейских пророков.

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

УДК 502.1

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЗАЦИЯ – ЗАЛОГ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*Л. С. Хорошилова, А. В. Аникин***SOCIAL ENVIRONMENTAL – PLEDGE OF ENVIRONMENTAL SAFETY***L. S. Khoroshilova, A. V. Anikin*

В данной статье представлены методы социальной и экологической политики по реализации экологической безопасности в Кемеровской области и на международном уровне в целом. Также приведены рекомендации по поддержанию экологической безопасности в Кузбассе.

This article presents the methods of social and environmental policies for the implementation of environmental security in the Kemerovo region and at international level in general. Also provides recommendations to maintain ecological safety in the Kuzbass.

Ключевые слова: экологическое благополучие, социоэкологическая безопасность, экологизация, природные механизмы, энвайронментальные проблемы, дихотомия природы, экософия.

Keywords: ecological well-being, social ecological safety, ecologization, natural mechanisms, environmental problems, natural dichotomy, ekosofiya.

Вопросы соотношения природных и социальных факторов в жизнедеятельности общества были в центре внимания социальной науки уже на ранних этапах ее развития. В настоящее время актуальность социологического исследования проблем экологии и экологической безопасности обусловлена возрастающей значимостью данной проблемы в современном обществе.

Взаимоотношение с природой было одним из важнейших факторов, влияющих на формирование и развитие человека, становление общественных отношений, зарождение и совершенствование культуры. В течение столетий характер и направленность этих взаимоотношений изменялись. Воздействие человечества стало одной из движущих сил, определяющих глобальные изменения окружающей среды: перемены климата, снижение концентрации озона в стратосфере, обезлесение, сокращение биоразнообразия, загрязнение окружающей среды, опустынивание и т. д.

Происходящие в природе изменения, в свою очередь, влияют на повседневную жизнь людей. Примерами таких воздействий являются нехватка водных и пищевых ресурсов, наводнения и засухи, угроза здоровью и конкуренция за ресурсный потенциал и т. д., что накладывает отпечаток на процессы социального развития человечества как в глобальном масштабе, так и в пределах национальных границ [1].

Неблагоприятное влияние деятельности человека на природу стало осознаваться как глобальная проблема после того, как масштабы антропогенного воздействия возросли настолько, что превысили возможности земной поверхности, воздуха, воды к естественному самоочищению. В середине XX века индустриально развитые страны столкнулись с тем, что промышленные отходы грозили сделать непригодными для жизни не только местности вокруг

предприятий, но и территории целых стран, регионов и континентов.

Относительное экологическое благополучие, достигнутое к настоящему времени высокоразвитыми государствами, получение за счет серьезных капиталовложений, преимущественно в “чистые” производства, общественного согласия по поводу необходимости устранения экологических загрязнений, выразившегося в жестком национальном, межгосударственном и иногда всемирном праворегулировании. Частично это экологическое благополучие достигнуто за счет нового разделения труда в глобальном масштабе, переноса “грязных” производств в развивающиеся страны [2].

Российская Федерация принадлежит к числу стран, в которых проблема обеспечения баланса между потреблением природных ресурсов и сбережением окружающей природной среды приобрела особую остроту. В силу ряда причин осознание социальных последствий экологического дисбаланса и становление реальной практики исправления возникших деформаций происходит у нас медленнее, чем в других европейских странах. Однако в Указе Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г., утвердившем концепцию отечественной национальной безопасности, отмечается, что угроза ухудшения экологической ситуации в стране и истощения ее природных ресурсов находятся в прямой зависимости от состояния экономики и готовности общества осознать глобальность и важность экологических проблем. В современных условиях ослабление государственного надзора, недостаточная эффективность правовых и экономических механизмов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций увеличивают риск техногенных аварий и катастроф [3]. Таким образом, экологическая безопасность рассматривается как неотъемлемый элемент национальной безопасности в целом, определяется

важнейшая роль государства в достижении такого социально желательного состояния.

Экологическую безопасность невозможно рассматривать в отрыве от социальных процессов, однако на уровне общественного сознания отношение к экологической безопасности пока достаточно противоречиво. С одной стороны, осознается факт значительного ухудшения экологической обстановки в регионах нашей страны, связь между процессами загрязнения природы и ухудшением состояния здоровья людей, особенно детей. С другой стороны, в условиях социально-экономических трудностей, узости рынка труда, отсутствия средств на диверсификацию производства, закрытие “грязных” и стимулирование ресурсосберегающих и чистых производств, экологические угрозы отступают на второй план перед более насущными и срочными экономическими угрозами, такими как социальная депрессия, безработица, отсутствие средств к существованию [4].

Назрела необходимость одновременно решать проблемы социальной и экологической безопасности, связанные с выживанием людей, повышением качества жизни и окружающей среды природной среды. Данный комплекс проблем можно назвать социозэкологическими, а необходимый уровень гарантированности жизнедеятельности – социозэкологической безопасностью. Это требует разработки и применения мер социально-управленческого характера на национальном, региональном и местном уровнях для обеспечения экологической безопасности как структурного элемента социальной и национальной безопасности в целом.

Главной составляющей экологической безопасности должно стать воспитание экологической ответственности как осознанной гомеостатической основы гражданского общества. Именно осознание общих целей всего человечества, сохранение жизни на планете и наследия прошлых поколений выдвигают на первый план актуальность решения экологических проблем и формирование нового типа экологических отношений между обществом и природой.

Федеральные и региональные власти (в Кузбассе ежегодно принимаются и действуют региональные целевые программы “Экология и природные ресурсы Кемеровской области”, “Чистая вода” и др.) предпринимают определенные меры по стабилизации экологической ситуации. Однако эффективность государственной экологической политики на современном этапе зависит от наличия действенных форм и способов взаимодействия государственных структур и широкой общественности в решении экологических проблем, достаточности уровня осознания обществом остроты экологической ситуации. Несмотря на наблюдаемый процесс экологизации общественного сознания, активность общественности в контроле за экологическими составляющими социально-экономической политики, в противодействии экологическим угрозам остается низкой.

Экологическая угроза влияет на возможности и перспективы хозяйственного развития территорий, но на население она воздействует прямо и непосредственно. Поэтому задача обеспечения защиты населения от кризисных экологических воздействий, обеспечение людям нормальных условий социального функционирования, несмотря на неблагоприятные экологические условия, относится к числу первостепенных для органов регионального управления и местного самоуправления [5].

Добиваясь обеспечения устойчивого социально-го развития, гармонично взаимосвязанного с сохранением благоприятной природной среды, прежде всего следует обеспечить целенаправленное формирование экологической политики общества, включив в нее основные компоненты устойчивого экологического развития.

Главной формой реализации экологической политики может стать управление природными системами и природными механизмами, основанное на комплексном научном подходе, на тщательной и всесторонней оценке воздействия человеческих проектов на окружающую среду в настоящем и будущем.

Целевой установкой и критерием управления природными системами должно стать достижение динамического равновесия между социально-экономическим развитием и уровнем устойчивости природных систем, их качественным состоянием. Достичь этого можно с помощью различных технологических элементов системы управления, прежде всего активизацией информационной составляющей управления устойчивым развитием. К числу таких элементов относятся: организация мониторинга экологической безопасности России, проведение социологического анализа охраны окружающей среды. Только через формирование экологически ответственных отношений в обществе, экологизацию образования, науки, информации, культуры можно достичь эффективного поддержания экологической безопасности [6].

Существование и прогресс человечества в третьем тысячелетии возможны лишь при условии устойчивого экологического развития. Концепция устойчивого развития выступает в этой связи, в первую очередь, как система приоритетов в решении экологических проблем, как главное направление в развитии цивилизации, выработанное международным сообществом для ответа на вопрос о том, что следует, а чего не следует делать для длительного благополучия существования и развития человечества. Основой должна стать концентрация всех усилий на том, чтобы вписать все возрастающую активность человека в естественные возможности планеты путем сокращения, компенсации и предотвращения негативных воздействий на окружающую среду.

Вопросы частного и общего характера, которые приходится решать в настоящее время в целях поддержания экологической безопасности, требуют цельного и комплексного подхода и необходимости учитывать три основных компонента, имеющих в

любой проблеме: когнитивный (познавательный), нравственный и аффективный.

Когнитивный аспект затрагивает моменты осознания и понимания связи с исторической, социальной и культурной областями, аффективный связан с отношениями индивида к другому (отдельные лица или группы), а в наши дни и к “мировому порядку”. Нравственный компонент базируется на системе ценностей в процессе оценивания действительности. Соприкосновение с современным миром требует новаторских знаний, чтобы люди получили навыки приспособления к постоянно происходящим изменениям в окружающей их среде.

Когнитивная сфера (включающая систему образования и содержание учебных программ) через передачу знаний должна учить дифференцированно использовать имеющуюся информацию, моделировать конкретные ситуации принятия решений, анализировать их последствия, вырабатывать оптимальную стратегию и реализовывать ее.

Нравственный компонент связан со сферой внутренней стабильности личности, он позволяет индивиду формировать себя и выстраивать ценности, соотнося себя с другими, с обществом и со средой в гуманистической перспективе. Универсальный порядок ценностей, воплощенный в правах человека, а также в нормах социального поведения, таких как терпимость (толерантность), честность, сочувствие и сопереживание, справедливость, рациональность, уважение и сотрудничество, образуют нравственную основу личности и плюрализм ценностей.

Аффективный компонент призван обеспечить адекватную свободу выражения личностных чувств и убеждений в дополнение к философским и нравственным понятиям. Свобода, представляющая собой нравственную категорию, предполагает, что личность должна быть в состоянии идентифицировать себя, уметь разрешать межличностные и межгрупповые конфликты, возникающие на почве эмоциональных отношений.

Принцип жизненной модели, структуру которой образуют названные выше компоненты, используются при решении задач по изменению ситуации, а также для стабилизации отношений и взаимосвязи членов общества, развития навыков учета потребностей и интересов личности и сообщества, для самосовершенствования, использования и развития внутренних и внешних ресурсов и наконец, для привития чувства общности, принадлежности [7].

Поэтому проблемы экологической безопасности должны стать органической частью социологии как науки об обществе, поскольку сама социология глубоко экологична. Именно она восстанавливает экологию человека, возвращая личности ослабленные или утраченные, но необходимые для выживания качества. Иными словами, она возвращает человека в социум, восстанавливая его экологический баланс.

В плане рекомендаций по поддержанию экологической безопасности в Кузбассе можно сформулировать следующие рекомендации:

– необходимо рассмотреть на совете ректоров вузов Кузбасса возможность организации научной дискуссии по экологическим проблемам экологии человека с участием не только профессиональных социологов и ученых, занимающихся методологическими проблемами естествознания, но и всех тех, кто вовлечен в исследование проблем, связанных с экологической безопасностью человека вообще и Кемеровской области в частности. Кемеровский государственный университет в этой дискуссии мог бы играть ведущую роль и стать ее организатором;

– разработать научные рекомендации, по которым Кемеровская область могла бы стать практической опытной площадкой становления нового экологического нравственного императива, примером экологически дружественного социального развития для других регионов Российской Федерации. В связи с этим Кузбассу необходима активная экологическая политика, в которой центр тяжести должен постепенно, но неизбежно перемещаться в сторону образовательно-воспитательной деятельности;

– необходима разработка новой модели просвещения для человека, понимания им дихотомии природы и общества в условиях растущего превалирования рыночной идеологии в интеллектуальной жизни, спад интереса к духовной жизни.

Принципами нового просвещения должны стать рационально организованное общество, раскрытие потенциала отдельной личности, высокий уровень социальной защищенности личности, выполнение нравственного императива. Главные принципиальные рекомендации можно сформулировать в качестве модели экологической безопасности Кемеровской области.

Более конкретные предложения, дополняющие главные принципы, могут быть следующими:

6. Экономия энерго-, водо- и теплоресурсов.

7. Разработка технологий, препятствующих загрязнению воздушного городского бассейна выхлопными газами транспорта.

8. Проектирование и деятельность экологических реабилитационных центров по выведению из организма органических токсикантов и избытка тяжелых металлов.

9. Обеспечение гарантированных социально-экономических расходов на деятельность по улучшению иммунного статуса людей, проживающих в промышленных центрах.

10. Интенсификация разработки правовых механизмов обеспечения экологической безопасности и стимулирование их неукоснительного правоприменения.

Необходимо также:

– усилить взаимодействие комитетов по природе и охране окружающей среды и комитетов социальной защиты населения;

– формировать экологическое сознание молодежи с помощью разнообразных форм: средств массовой информации, развития учебных программ по

экологии в образовательных учреждениях, поддержания общественных движений по охране окружающей среды;

- включить специальные разделы в политические и социальные программы партий и движений;

- обобщать материалы по загрязнению окружающей среды и его влиянию на здоровье человека с тем, чтобы усилить контроль за промышленным производством, работой транспорта, хранением бытовых отходов;

- внедрять новые модели поддержания экологической безопасности на уровне областных и муниципальных структур;

- усилить взаимодействие государственных и общественных организаций, а также структур бизнеса в вопросах воспитания социальной ответственности за сохранность окружающей среды; за переход к новому пути развития цивилизации, названному устойчивым развитием;

- эффективнее использовать новейшие экологически чистые технологии во всех отраслях народного хозяйства: новейшие синтетические материалы, биотехнологии, нанотехнологии и др.;

- усилить комплекс мер по защите окружающей среды, включая налоговые, регламентирующие, добровольные и рыночные компоненты, которые следует гармонично сочетать друг с другом;

- активнее поощрять местные инициативы по одновременному решению социальных, экономических и экологических проблем.

Таким образом, проблемы экологической безопасности являются социальными проблемами и тесно связаны с развитием общества.

Развивающаяся экосоциальная мировоззренческая ориентация становится “экофилей”, т. е. живым знанием, позволяющим с иных позиций взглянуть на окружающий мир. Экофилей образует не только научное, но и гуманистическое мировоззрение, ставя на первое место идеи совместимости человека и природного мира, самоценности любого живого существа, охранение экологической безопасности. Тем самым формируются новые ценностные ориентиры в поисках адекватного места человека в мире и соответствующего ему жизнеспасающего поведения.

Литература

13. Глобальные проблемы и человеческие ценности. – М., 1998.
14. Дрейзер, О. Экология и устойчивое развитие / О. Дрейзер, В. Лось. – М., 1999.
15. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2000.
16. Горелов, А. А. Социальная экология / А. А. Горелов. – М., 1998.
17. Хотунцев, Ю. Л. Экология и экологическая безопасность / Ю. Л. Хотунцев. – М.: Академия, 2002.
18. Серов, Г. П. Экологическая безопасность населения и территорий Российской Федерации / Г. П. Серов. – М.: Анкил, 1998.
19. Малофеев, В. И. Социальная экология / В. И. Малофеев. – М., 2002.

ЭКОНОМИКА

УДК 334.025

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТНЫМИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРОЕКТАМИ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

В. Б. Батиевская

INSTITUTIONALIZATION OF PRIORITY NATIONAL PROJECTS AS A MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE AND REGIONAL ECONOMIC INTERESTS

V. B. Batievskaya

Мероприятия по реализации приоритетных национальных проектов (ПНП) в регионах не дают существенных качественных и структурных изменений, не обладают эффектом синергии и комплиментарности. Это связано с отсутствием полноценной институциональной основы реализации проектов, отражающей систему государственных и региональных экономических интересов. Баланс интересов участников ПНП достигается путем институционализации их взаимодействия в правовом, информационном и инфраструктурном аспекте при главенствующей роли государства.

Actions of the authorities for the implementation of priority national projects do not give good results. Lack of institutional framework for interaction is the reason. All institutions should take into account national and regional

economic interests. Balance of interests must be in legal regulation, information exchange and in the structure of markets and firms.

Ключевые слова: проектное управление, экономический интерес, институционализация, государственное регулирование.

Keywords: project management, economic interest, institutionalization, government regulation.

В последние годы вышли в свет работы различной научной направленности, в которых подчеркивается значимость правового, информационного, финансового, структурно-организационного обеспечения реализации приоритетных национальных проектов. Вместе с тем институционализация отношений, связанных с проектным управлением в региональной и муниципальной социально-экономической системе как самостоятельная проблема, пока недостаточно изучена и осмыслена. Практика показывает, что отдельные направления приоритетных национальных проектов не достигают системного эффекта и комплиментарности в силу отсутствия продуманной институциональной основы. В этом случае стихийно возникающие «институциональные пустоты» социально-экономической среды заполняются неформальными институтами, а экономические интересы хозяйствующих субъектов – участников государственных проектов реализуются в частном секторе экономики.

Автор рассматривает институционализацию государственного управления приоритетными национальными проектами как социально-экономический процесс формирования определённого набора формальных и неформальных целей, ценностей, норм, традиций, взаимосвязей, принципов функционирования.

Практика реализации приоритетных национальных проектов в регионах показывает, что создание системы проектного управления в структурно-организационном аспекте в подавляющем большинстве случаев ограничивается созданием советов, комиссий и рабочих групп при исполнительной ветви региональной власти. Основными функциями этих структур являются: мониторинг хода реализации проектов, координация проектных мероприятий, организация их софинансирования из региональных и местных бюджетов и другое. В отдельных регионах (Ханты-Мансийский автономный округ) к организации управления приоритетными национальными проектами привлекаются научные и консалтинговые организации, которые обеспечивают координацию связей и взаимодействий по проектам; осуществляют экспертную оценку проектных мероприятий и материалов, представленных на конкурсы; выявляют победителей, информируют общественность об условиях и порядке проведения экспертизы, ее результатах [6].

При этом нормативно-правовые акты субъектов Федерации содержат нормы права с размытой диспозицией и отсутствием санкций. Это значит, что правовой базис для формализации, структурирования, упорядочения взаимодействия между субъектами, задействованными в национальных проектах, не может служить основанием для создания эффек-

тивной институциональной среды и требует доработки.

Перечисленные структуры и их дискретные действия в своей совокупности не образуют полноценной институциональной основы реализации проектов, не задают побудительных мотивов для взаимодействия их участников, не обеспечивают синергичного функционирования социально-экономической системы региона.

Таким образом, проблема создания институциональной основы управления приоритетным национальными проектами, способствующей эффективной реализации экономических интересов государства на всех уровнях управления, относится к числу наиболее сложных и до сих пор, не решенных проблем. Для того, чтобы создаваемая институциональная среда была эффективна, задавала систему стимулов (положительных и отрицательных с точки зрения позитивного и негативного мотивирования), направляла деятельность участников проекта по оптимальному руслу, необходимо чтобы она опиралась на государственный экономический интерес. То есть перед моделированием идеальной институциональной системы регионального управления социально-экономическим развитием, необходимо определить сущность государственных экономических интересов в этой связи. Государственные интересы трактуются как необходимость обеспечения безопасности общества, сохранения его целостности и независимости; устойчивого социально-экономического развития, сопровождающегося повышением качества жизни населения.

Региональные экономические интересы являются результатом децентрализации системы управления российской экономикой и представляют собой подсистему экономических интересов российского государства, интегрирующую интересы субъектов, хозяйствующих в рамках определенного административно-территориального образования с учетом его хозяйственно-экономических, климато-географических и природно-ресурсных особенностей в рамках государственной экономической целостности [2, с. 35 – 37].

Обеспечение эффективного управления проектами предполагает реализацию экономических интересов государства, регионов и муниципалитетов, образующих многоуровневую динамическую систему, путем разрешения противоречий объективного и субъективного характера, в основе которых лежит:

- разнообразие экономических отношений и потребностей различных субъектов, многосубъектность каждой из разновидностей интересов;
- нерациональность экономического поведения ряда субъектов рыночного хозяйства;

– отсутствие согласованности в экономической политике мезо- и макроуровней.

Для системы экономических интересов, как и для любой системы с внутри- и межсистемным взаимодействием элементов, помимо противоречий, характерна и общность ее составляющих. Основанием общности интересов служит объективное явление, обусловленное тем, что, вступая в отношения обмена, данный субъект экономической деятельности удовлетворяет какую-то потребность другого, то есть их интересы и усилия по удовлетворению этих интересов соединяются. Сущность гармоничного сочетания экономических интересов заключается в достижении такого положения, чтобы деятельность каждого экономического субъекта, направленная на удовлетворение его собственных частных потребностей, в то же время способствовала реализации интересов всего общества.

Только государство, объективное положение которого позволяет ему охватывать деятельность всех сфер общества, способно поддерживать баланс между всеми составными элементами хозяйственного механизма, обеспечивающими успешную реализацию проекта. Баланс интересов субъектов экономической деятельности достигается путем институционализации процессов взаимодействия при главенствующей роли государства, которая реализуется благодаря выполнению следующих инструментально-конструирующих функций:

- обеспечение правовой основы функционирования экономических субъектов;
- информационное обеспечение, координация взаимодействия между субъектами проекта;
- создание и поддержание инфраструктуры, на которой базируется деятельность по реализации проектов, включающей производственно-хозяйственную, социальную и финансовую компоненты;
- устранение и компенсация недостатков рыночного хозяйственного механизма и другое.

Первым признаком институционализации социально-экономических взаимоотношений при реализации национальных проектов является их **нормативно-правовая закреплённость на всех уровнях управления**. Отдельные аналитики-правоведы [1], рассматривая проблемы законодательства различных субъектов федерации, выделяют серьёзную проблему – его методологическую дефектность. Во многих регионах практикуется упрощённый подход к законотворчеству, неправильно определяются предмет законодательного регулирования и форма правового акта, осуществляется примитивное дублирование федеральных норм, отсутствуют механизмы реализации принимаемых документов. В настоящее время источники права, регулирующие приоритетные национальные проекты, представляют собой комплекс подзаконных нормативно-правовых актов, принятых федеральными, региональными и муниципальными органами исполнительной и законодательной власти. Большинство этих документов страдают излишней декларативностью и неопределённостью, содержат описательные

положения, юридическая регламентация имеет незавершённый характер: механизмы реализации их положений, права, обязанности и ответственность субъектов не устанавливаются с должной конкретностью и определённостью. Более того, их количество не способствует четкой координации системы управления, а, напротив, служит источником правовых коллизий. В качестве примера приведем нормативно-правовую базу, содержащую акты, регулирующие правоотношения по формированию и реализации целевых программ в одном из субъектов Федерации (Кемеровская область) [3]:

- федеральное законодательство содержит 1513 документа,
- региональная база только по Кемеровской области – 2013 документа,
- отраслевой уровень (на примере здравоохранения) – 1122 документа.

Отсутствует Федеральный закон, который включал бы в себя основные и факультативные цели и задачи государства по приоритетным национальным проектам; методы достижения этих целей; перечень органов государственной власти и местного самоуправления, отвечающих за реализацию проектов, определение их прав и обязанностей; меру ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей.

Мерой, способствующей ликвидации пробелов и несоответствий, исключению правовых коллизий, дублирования норм в федеральном и региональном законодательстве автор считает кодификацию регионального законодательства. Успешной кодификации будет способствовать создание центра правовой информации с функцией экспертизы законопроектов, систематизации методического материала, аккумуляции законодательной базы, надзорной практики и в итоге организации правового сопровождения национальных проектов на уровне региона. Необходима разработка регионального отраслевого классификатора, основанного на принципе конституционного разграничения предметов ведения между Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями в сфере программно-целевого регулирования развития региона.

Следующим признаком институционализации социально-экономических отношений, связанных с государственным управлением реализацией приоритетных национальных проектов, является появление и дальнейшее закрепление форм и способов взаимодействия участников работ и мероприятий. Немаловажное значение в этом плане носит информационное обеспечение, т. е. возможность и простота получения сведений о том, как и с помощью какого механизма участник проекта сможет воспользоваться предназначенными для него благами. Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью **информационной среды**, представляющей совокупность:

- информации,
- информационной инфраструктуры,

- субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации;

- системы регулирования возникающих при этом отношений.

Эффективность реализации приоритетных национальных проектов будет напрямую зависеть от состояния информационной среды, которая, исходя из видов и способов представления информации, особенностей ее преобразования и обращения, может быть представлена в следующих блоках:

- поиск, формирование и представление исходной и производной информации;

- формирование информационных ресурсов, подготовка информационных продуктов, предоставление информационных услуг;

- создание и применение информационных технологий и средств их обеспечения;

- запрос, получение и потребление информации;

- создание и применение средств и механизмов информационной безопасности.

Деятельность государства при реализации приоритетных национальных проектов должна осуществляться на принципах информационной открытости, что выражается в доступности информации, представляющей правовой, политический, экономический, финансовый и общественный интерес. В настоящее время проведение аналитической работы затруднено отсутствием на всех уровнях управления консолидированной унифицированной информационной базы, включающей не только ряд количественных параметров реализации проектов, но и набор экономических индикаторов, измерителей социально-значимых результатов по каждому национальному проекту. Общедоступной информацией являются лишь тезисы декларативного характера, а так же укрупненные, безликие цифры, отражающие в самом общем виде размер финансирования проектов и ряд натуральных показателей (квадратные метры введенного в эксплуатацию жилья, количество единиц закупленного медицинского оборудования и т. п.).

Создание информационной составляющей институциональной среды по обсуждаемому направлению должно включать комплекс организационно-технических мероприятий, затрагивающих стадии создания, представления, преобразования и обращения информации:

- в области создания исходной и производной информации необходимо разработать систему экономических измерений по каждому приоритетному проекту, уточнить источник получения каждого показателя, при необходимости доработать существующие формы отраслевой статистической отчетности;

- в области формирования информационных ресурсов и подготовки информационных продуктов необходимо разработать форматы интегрированных баз данных, а также регламенты передачи сведений между элементами системы проектного управления;

- в области предоставления информационных услуг и обеспечения гласности реализации проектов необходимо создание информационных технологий и средств их обеспечения, способных предоставить правомерный доступ к ресурсам всех заинтересованных субъектов при обязательном условии обеспечения надежной информационной безопасности.

В качестве положительного примера развития этого элемента институциональной среды можно привести систему здравоохранения, где в данном направлении уже планируются определенные действия. Разрабатываемая в настоящий момент в каждом субъекте РФ «Программа модернизации здравоохранения субъекта Российской Федерации на 2011 – 2012 годы» содержит блок, посвященный проблеме внедрения современных информационных систем в здравоохранение [5]. Основной целью мероприятий по информатизации системы здравоохранения должно стать обеспечение эффективной информационной поддержки системы здравоохранения, граждан в рамках процессов управления медицинской помощью и ее непосредственного оказания. Результатом производимых мероприятий должно стать создание регионального сегмента информационной системы, содержащей данные об оказанной медицинской помощи и ресурсном обеспечении здравоохранения, наполнение которого осуществляется медицинскими организациями на основании первичных данных.

Следующий признак, дающий возможность оценить степень институционализации государственного управления – *создание и поддержание инфраструктуры*, на которой базируется вся деятельность по реализации проекта, включающей производственно-хозяйственную, социальную и финансовую компоненты.

Инфраструктура государственного управления приоритетными национальными проектами имеет две четко структурированные составляющие:

- производственно-хозяйственная компонента представлена самостоятельными хозяйствующими субъектами разной организационно-правовой формы, которые являются получателями программных средств и исполнителями программных мероприятий;

- социальная компонента представлена обществом, носителем социальных проблем, подлежащих решению при помощи программно-целевого планирования.

Финансовая же компонента механизма реализации приоритетных национальных проектов, а также государственного проектного управления, не имеет должной институциональной основы.

Институционализация процесса государственного управления приоритетными национальными проектами в финансовом аспекте подразумевает спланированные, рассчитанные и предписанные действия по обеспечению исполнимости, адресности использования и устойчивости государственных финансов, направленных на поддержку приоритетных направлений социально-экономического развития страны. Эти действия выполняют структуры и

институты, законодательно наделённые функциями, обязанностями и полномочиями по управлению государственными финансами: бюджетно-налоговая, банковская, страховая системы, казначейство и др.

Претворение в жизнь национальных проектов должно опираться на использование основного финансового средства государственного регулирования

экономики – государственный бюджет и внебюджетные фонды. Финансирование национальных проектов должно рассматриваться в общем контексте текущего этапа бюджетной реформы, суть коротко сформулирована как «от управления затратами к управлению результатами».

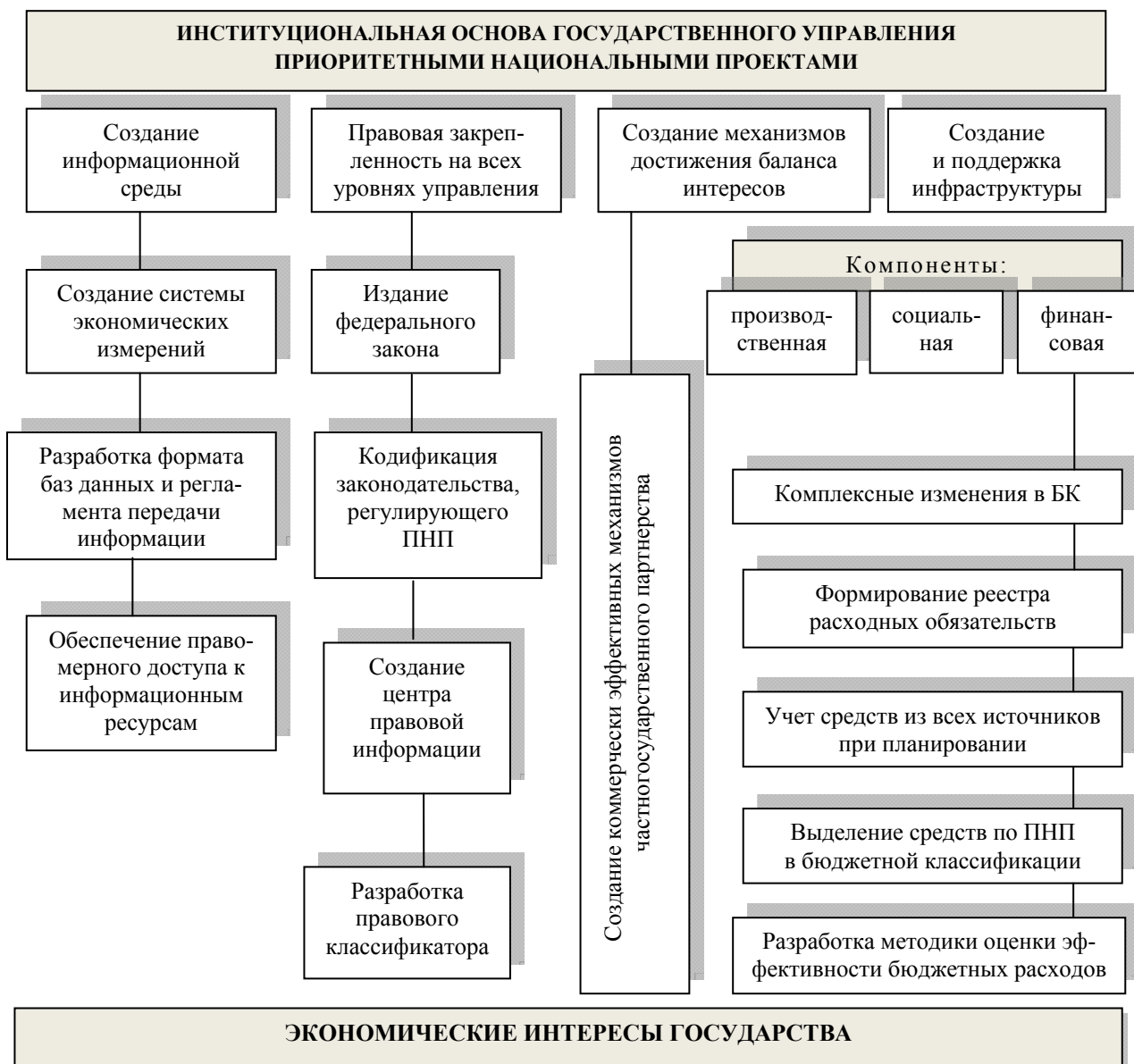

*Рис. Комплекс мер по институционализации ПНП
в контексте реализации государственных интересов*

Бюджетно-налоговая система должна обеспечить достаточную финансовую основу реализации государственных функций по управлению проектами путем:

- изъятия необходимой и достаточной части финансовых ресурсов, обеспечивающих проектные мероприятия, из сферы производства в сферу бюджетного потребления;

- согласования частных (корпоративных) интересов и интересов всего общества, а также государственных интересов макро- и мезоуровней.

Однако органы государственного управления Федерального и регионального уровней, формально признавая принципы бюджетно-налогового федерализма, в своей правоприменительной практике от них отступают, что приводит к несогласованности в

действиях, неточностям в процессе бюджетного планирования, судебным разбирательствам.

Для снятия подобных противоречий в русле институционализации финансовых взаимоотношений между участниками приоритетных проектов необходимы комплексные изменения в Бюджетном кодексе РФ, направленные на приведение его в соответствие с современными требованиями и принципами эффективного управления государственными финансами, в том числе и направленными на реализацию приоритетных национальных проектов. Необходимо также сформировать реестр расходных обязательств и обеспечить его практическое применение при формировании бюджетов всех уровней. При планировании должны учитываться средства бюджетов всех уровней, государственных внебюджетных фондов и средства из иных источников, направляемые на реализацию проектных мероприятий. Необходимо обеспечить большую прозрачность расходования бюджетных средств. Все указанные средства должны быть особо отражены в бюджетной классификации. Целесообразно также утвердить методики оценки эффективности расходов региональных бюджетов в рамках исполнения как собственных, так и делегированных органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий. Такая оценка должна проводиться ежегодно, а ее результаты – публиковаться уполномоченными федеральными органами исполнительной власти.

К следующей инструментально-конструирующей функции государства в процессе институционализации взаимодействия участников проектов отнесено создание механизмов достижения баланса их интересов, а также устранение и компенсация негативного влияния законов рынка на их финансово-хозяйственную деятельность. Показателем успешной реализации этих функций является существование организаций, удовлетворяющих свои корпоративные интересы и достигающих свои коммерческие цели с использованием легитимных форм и способов участия в проектах.

Примером подобного конструктивного взаимодействия между органами государственного управления и бизнес-структурами является деятельность ОАО «Внешторгбанк» по реализации приоритетных национальных проектов, которая основывается на соответствии реализуемых проектов ресурсным возможностям и продуктовой политике ОАО «Внешторгбанк».

Участие ОАО «Внешторгбанк» [4] в приоритетном национальном проекте «Доступное жилье» реализуется через цели:

- содействие государству в решении важной задачи социально-экономического развития России;

- создание коммерчески эффективных механизмов частногосударственного партнерства;

- расширение присутствия ВТБ на основных сегментах финансового рынка (корпоративного кредитования, ипотеки, инвестиционно-банковских услуг и др.);

- выход на новые региональные рынки и (или) увеличение масштабов операций на существующих;

- упрочение репутации ВТБ как социально ответственного банка общенационального масштаба.

Обобщая вышеизложенные подходы к созданию институциональной основы государственного управления приоритетными национальными проектами, автор предлагает комплекс мероприятий, позволяющих (рис.):

- повысить управляемость социально-экономической системы;

- снизить транзакционные издержки, возникающие при взаимодействии ее элементов;

- обеспечить прозрачность и простоту доступа к информации, служащей основой для управленческого анализа и принятия решений;

- привлечь ресурсы бизнес-структур к решению важнейших социально-значимых проблем государства;

- в конечном итоге повысить эффективность проектных мероприятий.

Литература

1. Белякова, Н. В. Нормативно-правовое регулирование механизма обеспечения приоритетных национальных проектов / Н. В. Белякова: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2010. – 29 с.

2. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем [Текст] / Г. Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

3. Консультант Плюс. Справочно-правовая система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. Дата обращения: 12.05.2011.

4. Корпоративный журнал Внешторгбанка. Энергия успеха. № 4 (28) 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vtbmagazine.ru/>. Дата обращения: 07.04.2010.

5. Официальный веб-сайт Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/download/modernizatsiya>. Дата обращения: 30.04.2011.

6. Официальный веб-сайт органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admhmao.ru/>. Дата обращения: 12.09.2009.

УДК 330.34

**ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ПРОДУКТИВНЫМИ И НЕПРОДУКТИВНЫМИ ВИДАМИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ И ИХ ИННОВАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТЬЮ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ЭКОНОМИКИ***С. В. Панюшкин, В. А. Шабашев***EVALUATION OF THE INTERRELATION BETWEEN PRODUCTIVE AND UNPRODUCTIVE TYPES
OF ECONOMIC AGENTS' INTERACTION AND THEIR INNOVATIVE ACTIVITY AT DIFFERENT
ECONOMIC LEVELS***S. V. Panyushkin, V. A. Shabashev*

В статье анализируется взаимосвязь между интенсивностью различных видов взаимодействия агентов и их инновационной активностью. Для систематизации видов взаимодействия предложена концепция коэволюции экономических агентов. Показано, что интенсивность непродуктивного взаимодействия отрицательно сказывается на инновационности экономики на всех ее уровнях. Выявлено, что интенсивность продуктивных видов взаимодействия монотонно положительно отражается на инновационности только на макроуровне, а на микро- и мезоуровне обозначена взаимосвязь между интенсивностью продуктивных видов взаимодействия с инновационностью агентов в виде инвертированной U-кривой.

The authors analyze the interrelation between the intensity of different types of agents' interaction and their innovative activity. The concept of co-evolution of economic agents is taken as a basis for classifying types of their interaction. The article shows that the growth of unproductive interaction intensity has a negative impact on innovative power of economics at all its levels. It was found out that the intensity of productive forms of interaction is positively connected with innovation only at the macro level, however at the micro and meso levels the relation between the intensity of productive types of interaction and innovation is represented in the form of an inverted U-curve.

Ключевые слова: коэволюция, сотрудничество, конкуренция, эксплуататорское взаимодействие, инновации.

Keywords: co-evolution, cooperation, competition, exploitative type of interaction, innovations.

**Эволюция взглядов на роль интерактивности
экономических агентов
в процессе инновационной активности**

Общезвестно, что в современной экономике возрастает значимость взаимодействия между экономическими агентами, так как «новая» экономика является сетевой и высокоинтерактивной. Предпосылка высокой значимости интерактивности экономических агентов для инноваций находится в основе концепции Национальных инновационных систем (НИС), разработанной в 80-х гг. прошлого века Крисом Фриманом и Бенгтом-Оке Лундваллом и являющейся сегодня весьма популярной среди исследователей инноваций. Согласно одному из определений, под НИС понимается *совокупность государственных и частных институтов (организаций), которые в своем взаимодействии благоприятствуют распространению знаний и технологий в пределах конкретного государства* [30, с. 41].

В предшествующих НИС подходах к объяснению природы инноваций не уделялось достаточного внимания роли интерактивности. С самого начала изучения данного вопроса и вплоть до 70-х гг. XX века в экономической науке господствовали линейные модели объяснения инновационных процессов [13]. Одна из них носит название концепции «технологического толчка» и заключается в том, что инновации являются результатом проведения научных исследований, а сам инновационный процесс можно отразить как последовательность: «исследования → изобретение → инновация → диффузия». Сторонником данного подхода являлся Йозеф

Шумпетер, который отводил покупателю и рынку второстепенную роль по сравнению с ролью самих инноваторов. В 1966 г. Джейкоб Шмуклер [24] встал на защиту противоположной точки зрения. Исследуя статистические данные по изобретениям, он пришел к выводу, что успех инновационной деятельности определяет не предложение, а спрос на инновации. И после работы Дж. Шмуклера в экономической науке более популярной стала вторая линейная модель, которая носит название «рыночной тяги». В последующих исследованиях предпринимались попытки объединить указанные концепции. Например, Натан Розенберг и Дэвид Мовери [17], в разработанной ими «интегрированной модели инноваций с обратными связями» попытались учесть как значимость рынка и спроса в появлении новых идей, так и влияние появления новых технологий на самом развитии рынка. Но все же перечисленные модели были довольно упрощенным взглядом на сложные инновационные процессы.

По мнению одного из основателей концепции НИС [6], неосценимое влияние на появление концепции оказали результаты исследовательского проекта SAPPHO [22] и научная статья Кейта Пэвитта [21]. В рамках исследования SAPPHO, проведенного в университете Сассекса, было выявлено, что успех в области инновационной активности гораздо чаще сопутствовал тем фирмам, которые были более интерактивными: они сами гораздо интенсивнее взаимодействовали с другими фирмами, а также их внутренние подразделения гораздо активнее взаимодействовали друг с другом. Что касается работы

Кейта Пэвитта, то он в своем исследовании компаний обрабатывающей промышленности Великобритании за период 1945 – 1979 гг. не только выделил основные секторальные модели технологического развития отдельных отраслей, но, самое главное, отразил их взаимосвязь в технологической системе.

Концепция НИС является, наверное, первой, но отнюдь не единственной концепцией инноваций, в которой высокое значение отводится интерактивности. В последующих теориях также значительный акцент был сделан на взаимодействии агентов, их открытости, а также важности высокой «плотности» институтов (организаций) как факторов инновационной активности. В качестве примера приведем следующие концепции: «инновационная среда» Дэниса Мальята, «кластеры» Майкла Портера, «обучающиеся регионы» Бьерна Эйшима, исследования урбанизационных и локализационных эффектов в рамках Новой экономической географии Пола Кругмана, «региональные инновационные системы» Филиппа Кука, «открытые инновации» Генри Чезборо, сетевые организации [5] и др.

Концепция коэволюции экономических субъектов.

Продуктивные и непродуктивные виды коэволюции

Но являются ли все виды взаимодействия продуктивными с точки зрения инновационных результатов? И является ли высокая интенсивность взаимодействия залогом инновационного успеха? Для ответа на данный вопрос мы предлагаем воспользоваться концепцией **коэволюции**, которая используется в биологии для обозначения *механизма взаимовос обусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему* [2]. Указанное определение коэволюции как механизма взаимовос обусловленных изменений элементов системы полезно для нас именно тем, что оно сочетает в себе как интерактивность, так и инновации (в эволюционной экономической теории под инновациями как раз понимается изменение внутренних рутин фирм).

Нужно отметить, что в экономической науке данный термин используется, но только в другом контексте: под коэволюцией чаще всего подразумевается взаимовос обусловленное развитие систем или процессов. К примеру, Ричард Нельсон вводит в научный оборот концепцию коэволюции технологических и отраслевых систем [19], Дуглас Норт – коэволюцию институциональной и технологической систем [7], а Фали Хуан – коэволюцию политического и экономического развития [14].

Мы предлагаем использовать данную концепцию в исходном для биологии контексте, но применительно к экономике. То есть в качестве объектов коэволюции учитывать не системы или процессы, а экономических агентов. В соответствии с классификацией видов коэволюции английского биолога Мейнарда Смита, выделяется мутуалистический, антагонистический и эксплуататорский типы взаимодействия [25]. Мутуалистическому типу в экономике соответствует сотрудничество, то есть взаимо-

выгодные отношения, которые, как и в биологии, можно охарактеризовать как объединение ресурсов. При антагонистическом взаимодействии субъекты соперничают за один и тот же ресурс, в экономике данному типу соответствует конкуренция. При эксплуататорском взаимодействии один вид (агент в экономике) сам является ресурсом другого. При этом к эксплуататорскому типу в биологии относится хищничество (когда один вид является жертвой другого) и паразитизм (когда один вид использует ресурсы другого в корыстных целях). Можно без труда провести параллель между эксплуататорским взаимодействием с экономическими отношениями: хищничеству соответствует, к примеру, рейдерство, а паразитизму – взяточничество, оппортунизм, нарушение прав на интеллектуальную собственность и др.

Исходя из потенциального влияния на инновационную активность, сотрудничество и конкуренцию мы отнесем к продуктивному виду коэволюции, а эксплуататорское взаимодействие – к непродуктивному виду. У сотрудничающих и/или конкурирующих агентов, как правило, больше стимулов и возможностей к инновационной деятельности, процесс «устаревания» и обновления знаний протекает гораздо быстрее, чем в случае непродуктивной коэволюции, при которой агенты более стремятся к эксплуатации проверенных приемов и сохранению статус-кво.

Проблема непродуктивного взаимодействия не является новой для экономической науки. Начиная с работ Гордона Таллока [27] и Энн Крюгер [15] активно развивается концепция «рентоискательства», в соответствии с которой фирмы могут стремиться к получению прибыли не только путем создания благ и экономических трансакций, но и также они могут извлекать выгоду в виде ренты, путем манипулирования и эксплуатации экономической или политической средами. В более поздней работе Оливер Уильямсон [8] освещает проблему оппортунистического поведения. А Дуглас Норт [7] указывает на то, что качество институтов влияет на то, какая деятельность будет наиболее распространена в экономике: производственная или перераспределительная. Андрей Шлейфер, Роберт Вишны и Кевин Мерфи [18] в своей работе также показали, что институты влияют на направление талантов либо в предпринимательскую деятельность, либо «рентоискательство». Уильям Баумоль [10] показал, что предпринимательство может существовать в нескольких формах: производительной, непроизводительной и разрушительной.

Вместе с указанными авторами мы соглашаемся с тем положением, что связь между интенсивностью эксплуататорского взаимодействия (непродуктивной коэволюцией) и инновационной активностью (как и с экономическим развитием) является отрицательной.

В дальнейшей части статьи мы покажем, что взаимосвязь между интенсивностью продуктивных видов взаимодействия и инновационной активностью

стью является более сложной, чем это может показаться на первый взгляд.

Взаимосвязь между интенсивностью продуктивных видов взаимодействия и инновационной активностью на микро- и мезо-уровне: инвертированная U-образная кривая

Рассмотрим, как взаимосвязаны интенсивность сотрудничества и конкуренции агентов с их инновационной активностью на уровне отдельных фирм и отраслей.

Конкуренция. Рассматривая взаимосвязь между уровнем конкуренции и инновациями, экономисты, как правило, придерживаются двух точек зрения. Согласно одной, которая была популярна в середине прошлого века с момента публикации книги Й. Шумпетера «Капитализм, Социализм и Демократия» [9], конкуренция отрицательно связана с инновациями, так как у крупных компаний, обладающих значительной рыночной силой, существует больше возможностей инвестировать в высокорискованные исследования и разработки. Согласно другой точке зрения, у монополистов отсутствуют стимулы к инновациям, а конкуренция, наоборот, благотворно влияет на новаторство.

Позиция Фредерика Шерера [23] является компромиссной: им была выявлена следующая закономерность: компании из высококонцентрированных отраслей расходовали в НИОКР большие суммы в абсолютном выражении, но меньшие в относительном (% к выручке), чем компании из низкоконцентрированных отраслей.

В 2005 г. Филипп Агийон с коллегами [1] выявил инвертированную U-образную зависимость между конкуренцией и инновациями. Экономистами была предложена следующая теоретическая концепция для обоснования указанной взаимосвязи. На первоначальном этапе интенсивность конкуренции на рынке не является существенной. Если интенсивность конкуренции увеличивается, то у рыночных игроков снижается прединновационная рента (то есть доходы, которые игроки получили бы без инвестиций в инновации), в связи с этим у фирм появляется больше стимулов инвестировать в НИОКР для того, чтобы увеличить постинновационную ренту (то есть доходы после внедрения инноваций). В этом случае действует эффект избегания конкуренции. Но при достижении критического уровня интенсивности конкуренции у агентов, несомненно, будет падать потенциальная постинновационная рента, так как конкуренты очень быстро имитируют инновации, а сама инновационная рента очень быстро элиминируется. В этом случае действует уже «эффект Шумпетера». Указанная взаимосвязь была подтверждена в этой же работе эмпирическим путем на отраслях экономики Великобритании за период с 1973 по 1994 гг.

В работе Густаво Креспи и Пари Патели 2008 г. [12] указанная взаимосвязь была подтверждена на основании данных по 8 секторам экономики стран ЕС, Японии и США в период 1987 – 2003 гг.

Сотрудничество. Вопрос изучения взаимосвязи между сотрудничеством и инновациями в экономической теории изучен в меньшей степени. В новой экономике сотрудничество между компаниями является неопределимым проводником инноваций, так как благодаря ему компании могут получать доступ к комплиментарным знаниям, специализироваться в определенных областях, совместно продвигать стандарты, снижать собственные затраты и риски, получать выгоды благодаря совместному маркетингу. Но, несмотря на все плюсы, на микро- и мезо-уровне связь между интенсивностью сотрудничества и инновациями также представляет собой инвертированную U-образную кривую.

Для подтверждения данной взаимосвязи мы будем использовать концепцию близости («proximity»), предложенную Реном Бошмой [11], представителем такого направления экономики, как эволюционная экономическая география. В понимании автора концепции, близость между агентами означает меру подобию агентов и интенсивность взаимодействия между ними. Концепция близости может быть раскрыта с помощью ее основных форм: когнитивной, социальной, организационной, институциональной и географической.

Когнитивная близость показывает, насколько одинаковыми знаниями обладают взаимодействующие агенты. Как показал Барт Ноутбум [20], при небольшой когнитивной дистанции ценность знаний партнера является низкой, а вот абсорбционная способность (то есть способность понимать и использовать знания партнера), наоборот, высокой. При росте дистанции значение первого параметра увеличивается, а вот второго падает. Поэтому необходимо находить баланс между новизной и возможностью использования потенциала знаний. Отмеченный экономист подтвердил гипотезу эмпирически: среди канадских альянсов в сфере научно-исследовательской деятельности наилучших инновационных результатов достигали компании-партнеры, у которых технологические профили дополняли друг друга.

Социальная близость связана более с персональными отношениями и основана во многом на том, насколько интенсивную совместную деятельность вели агенты в прошлом, что, в свою очередь, определяет уровень доверия между людьми. Недостаточная близость обычно сочетается с проблемой недостатка доверия. В то же время чрезмерная социальная близость связана с проблемой «переукорененности», отмеченной Марком Гранноветтером [3]. Отмеченный экономический социолог показал, что «слабые» связи являются более эффективными, чем сильные, так как позволяют избежать чрезмерной обращенности взаимодействующих агентов вовнутрь и рутинизации их деятельности. Также «слабые» связи требуют более низких затрат на их поддержание. В эмпирическом исследовании промышленных предприятий провинции Валенсия в Испании, проведенном Франческо Молина-Моралес и Мария Мартина-Фернандес [16], показано, что взаимосвязь между уровнем доверия к партнерам и

инновациями, а также между интенсивностью социальных взаимодействий между партнерами и инновациями тоже может быть описана с помощью перевернутой параболы.

Организационная близость обозначает степень контроля или автономии, которая зависит от организационных отношений между фирмами. В континууме Оливера Уильямсона [8] существуют две крайние точки: когда между агентами существуют лишь рыночные отношения и когда агенты являются частью иерархично-организованной фирмы. Игорь Гурков и Виктор Тубалов [4] на примере российских предприятий показали, что пик инновационной активности наблюдается при нахождении баланса между данными экстремумами. Это связано с тем, что рынок не всегда подходит для инновационной деятельности, так как рыночные отношения часто связаны с высокими транзакционными издержками. Но и чрезмерный контроль также вреден, так как инновационную деятельность довольно трудно спрогнозировать и формализовать в форме жестких приказов или инструкций.

По мнению Р. Бошмы [11], также следует находить баланс в формах институциональной и географической близости. Данная рекомендация основана на том, что инновационным фирмам необходимо находить общий язык с организациями, которые работают в рамках разных институциональных режимов. Например, инновационные фирмы ради успеха должны работать не только с коммерческими компаниями, но также и с государственными и научными учреждениями. Баланс в географической близости означает нахождение компромисса между внутренними/локальными и внешними связями.

Помимо исследований в рамках концепции близости в эволюционной экономической географии, важность оптимального уровня интенсивности взаимодействия отмечается и в других работах. Например, в своем исследовании старопромышленных регионов Франц Тодтлинг и Майкл Триппл [26] показали, что в процессе эволюции у данных регионов существует высокая вероятность попадания в одну из двух ловушек. Либо это будет «ловушка фрагментации», когда между основными отраслевыми акторами уровень кооперации находится на очень низком уровне и не хватает общего видения ситуации на рынке, либо это «ловушка интеграции», которая, напротив, может быть охарактеризована «слишком плотной сетью» и чрезмерным уровнем кооперации между агентами.

Приведенный обзор исследований взаимосвязи между конкуренцией, сотрудничеством и инновационной активностью на уровне фирм, отраслей и регионов позволяет нам сделать важный вывод о том, что взаимосвязь между интенсивностью продуктивной коэволюции агентов и инновационной активностью на микро- и мезоуровне может быть описана с помощью перевернутой U-образной кривой.

Взаимосвязь между различными видами коэволюции и инновационной активностью на макроуровне

Как было показано выше, существует достаточно исследований взаимосвязи между взаимодействием агентов и их инновационной активностью на уровне отдельных фирм, отраслей и регионов. В то же время вопрос об указанной зависимости на уровне экономик стран, по нашему мнению, еще недостаточно исследован. Попытаемся выявить некоторые особенности данной зависимости.

Для изучения уровня инновационности в экономиках отдельных стран мы возьмем четыре глобальных рейтинга, связанных с оценкой инноваций: «Глобальный инновационный индекс» (GII) [28], «Глобальный индекс конкурентоспособности» (GCI) [31], «Индекс экономики знаний» (KEI) [29] и рейтинг инновационных экономик в исследовании «Инновационный императив в обрабатывающей промышленности» (ИМ) [32]. Также для исследования нам понадобится информация по уровню ВВП на душу населения, скорректированного по паритету покупательной способности (*GDP per capita, PPP (current international \$)*) [33]. Основные характеристики указанных рейтингов представлены в таблице 1.

Необходимо отметить, что, несмотря на разные методики формирования индексов и различные выходные данные, во всех четырех рейтингах инновационности положения стран очень сильно коррелируют между собой. При этом связь рейтингов с уровнем подушевого ВВП является менее сильной (табл. 2).

Так как все рейтинги практически идентичны по итоговым результатам, для дальнейшего исследования мы возьмем наиболее релевантный рейтинг «Глобальный инновационный индекс», который разрабатывает школа бизнеса INSEAD вместе с индийским отраслевым союзом. Данный рейтинг GIИ является более близким к исследуемой нами теме «инновационная активность» по сравнению с GCI и KEI. А по сравнению с рейтингом ИМ, в нем большее количество исследуемых стран и при его подготовке учитывается гораздо больше переменных (табл. 1).

Для оценки интенсивности различных видов коэволюции мы предлагаем использовать следующие переменные GIИ:

— для оценки интенсивности конкуренции в стране – показатель «Интенсивность локальной конкуренции». Данный показатель по каждой стране был рассчитан на основании опроса руководителей компаний на Всемирном экономическом форуме в 2009 г. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Как бы Вы оценили интенсивность конкуренции на локальных рынках в Вашей стране? (1 = ограничена в большинстве отраслей, 7 = интенсивна в большинстве отраслей)»;

— для оценки интенсивности сотрудничества в экономике страны – показатель «Уровень развития кластеров». Вопрос, который также задавался руко-

водителям компаний на Всемирном экономическом форуме в 2009 г. для данного показателя был следующим: «В Вашей стране, насколько интенсивным является уровень сотрудничества между фирмами, поставщиками, партнерами и др., связанными институтами внутри кластеров? (1 = сотрудничества не наблюдается, 7 = сотрудничество интенсивно)»;

– для оценки интенсивности эксплуататорского взаимодействия предлагаем использовать косвенный фактор – «Индекс оценки качества институтов». Данный индекс является сводным и рассчиты-

вается на основании оценок политической и правовой сред, а также условий ведения бизнеса, которые зависят от общественных институтов. Как и в упомянутых работах Дугласа Норта, Андрея Шлейфера, Роберта Вишны, Кевина Мерфи и Уильяма Баумоля, мы считаем, что «плохие институты» способствуют росту распределительной активности, рентоискательства, непроизводительного и разрушительного предпринимательства и поэтому эксплуататорского взаимодействия.

Таблица 1

Основные характеристики рейтингов инновационности стран и данных по ВВП на душу населения

<i>Характеристики отчетов</i>	<i>Global Innovation Index Report</i>	<i>Global Competitiveness Report</i>	<i>Knowledge Economy Index</i>	<i>The Innovation Imperative in Manufacturing- How the United States can Restore its Edge</i>	<i>GDP per capita, PPP (current international \$)</i>
Аббревиатура индекса	GII	GCI	KEI	IIM	GDP
Организация	World's business school INSEAD, India's Confederation Industry (CII)	The World Economic Forum's Centre for Global Competitiveness and Performance	The World Bank	Boston Consulting Group, The Manufacturing Institute, National Association for Manufacturers	The World Bank
Отчетный период	2009 – 2010	2010 – 2011	2009	2009	2009
Количество стран	132	139	146	110	194
Количество зависимых переменных	60	117	109	24	1

Таблица 2

Коэффициенты корреляции различных рейтингов инновационности стран и ВВП на душу населения, ППС*

	<i>GII</i>	<i>GCI</i>	<i>KEI</i>	<i>ИМ</i>	<i>ВВП на душу населения (ППС)</i>
GII	1				
GCI	0,91	1			
KEI	0,89	0,84	1		
ИМ	0,94	0,89	0,86	1	
<i>ВВП на душу населения (ППС)</i>	0,88	0,85	0,88	0,87	1

* – показатели рассчитаны авторами статьи на основании данных отчетов «Global Innovation Index 2009/10 Report», «The Global Competitiveness Report 2010 – 2011», «KEI and KI Indexes (KAM 2009)», «The Innovation Imperative in Manufacturing 2009» и базы данных Всемирного банка «World Bank, International Comparison Program database».

На основании корреляционно-регрессионного анализа построены однофакторные модели для описания связей между интенсивностью конкуренции, сотрудничества, качества институтов, с одной стороны, и уровнем инновационности экономики, а также уровнем ВВП на душу населения – с другой. Все модели являются статистически значимыми (в

т. ч. коэффициенты детерминации удовлетворяют критерию Фишера, а коэффициенты регрессии – критерию Стьюдента). В приложении 1 представлены поля рассеивания с линиями регрессии. В таблице 3 представлены коэффициенты детерминации указанных моделей.

Таблица 3

**Значение коэффициентов
детерминации в моделях***

<i>Переменные (зависимые в строках и не- зависимые в столбцах)</i>	<i>Индекс иннова- ционности (ГИ)</i>	<i>ВВП на душу на- селения (ППС)</i>
Интенсивность конкуренции	0,51	0,39
Интенсивность сотрудничества	0,54	0,45
Индекс оценки качества институтов	0,80	0,71

* – показатели рассчитаны авторами статьи на основании отчета «Global Innovation Index 2009/10 Report» и базы данных Всемирного банка «World Bank, International Comparison Program database».

Как видно из рис. 1а приложения, существует положительная взаимосвязь между интенсивностью конкуренции и инновационностью страны. Причем связь достаточно сильная: квадратическое уравнение регрессии описывает 51 % вариативности индекса инновационности ($R^2 = 0,51$). В то же самое время связь между конкуренцией и ВВП на душу населения (рис. 1б) является менее сильной ($R^2 = 0,39$). Как видно из рис. 1б, рост конкуренции до определенного уровня не гарантирует высокого показателя ВВП на душу населения. В то же время в странах с высоким уровнем ВВП интенсивность конкуренции также высока.

На рис. 2а отражена взаимосвязь между уровнем сотрудничества и индексом инновационности. Как видно из данного рисунка, взаимосвязь является положительной и может быть выражена с помощью линейного уравнения регрессии, которое описывает 54 % вариативности индекса инновационности ($R^2 = 0,54$). Связь уровня сотрудничества и ВВП на душу населения также может быть описана с помощью линейного уравнения, но при этом она является менее сильной ($R^2 = 0,45$). Так же, как и в случае с конкуренцией, в странах с очень высоким уровнем ВВП наблюдается более высокий уровень конкуренции, при этом средний уровень конкуренции не гарантирует среднего уровня ВВП.

Наиболее сильная зависимость выявлена между уровнем качества институтов и индексом инновационности ($R^2 = 0,8$), связь является положительной и описывается квадратическим уравнением. Связь между институтами и уровнем ВВП также является довольно сильной ($R^2 = 0,71$).

Рассмотрим положение, которое занимает Россия по показателям, которые мы измерили. Как видно из таблицы 4, Россия значительно отстает от развитых стран и прочих стран BRICS по всем входным показателям: уровню конкуренции и сотрудничества между фирмами, а также по качеству институтов. При этом наша страна превосходит все страны BRICS, кроме Китая, по уровню инновационности экономики, что связано прежде всего с более высоким уровнем развития систем образования и науки и более высоким ВВП на душу населения в России [28].

Таблица 4

Анализируемые показатели по России и некоторым другим странам

Страна	Уровень конкуренции между фирмами		Уровень сотрудничества между фирмами		Качество институтов		Индекс инновационности (ГИ)		ВВП на душу населения (ППС) в 2009г., долл. США
	индекс	место	индекс	место	индекс	место	индекс	место	
США	5,91	5	5,45	2	5,55	18	4,57	11	45640
Финляндия	5,44	30	5,26	7	6,06	6	4,66	6	35280
Япония	5,81	8	5,47	1	5,51	19	4,5	13	33440
Россия	4,3	105	3,02	89	3,37	118	3,3	52	18330
Бразилия	5,16	52	4,25	29	3,55	109	2,97	68	10160
ЮАР	4,99	60	4,1	33	5,16	30	3,24	60	10050
Китай	5,75	12	4,71	16	3,89	93	3,32	50	6890
Индия	5,75	13	4,59	19	4,18	73	3,1	65	3280

Источник: данные отчета «Global Innovation Index 2009/10 Report» и база данных Всемирного банка «World Bank, International Comparison Program database».

На основе выявленных взаимозависимостей можно сделать следующий основной вывод: для увеличения инновационности экономики и, соответственно, будущего благосостояния страны необхо-

димо способствовать общему росту уровня конкуренции, сотрудничества и прежде всего улучшать институты.

Заключение

В проведенном исследовании нами была предложена концепция коэволюции экономических агентов для систематизации различных видов взаимодействия агентов по их влиянию на инновационную активность. Были выделены продуктивные виды взаимодействия: сотрудничество и конкуренция и непродуктивный вид (эксплуататорское взаимодействие). Также была проанализирована взаимосвязь между интенсивностью различных видов коэволюции и уровнем инновационной активности агентов. Показано, что на микро- и мезоуровне взаимосвязь между интенсивностью продуктивных видов коэволюции (сотрудничества и конкуренции) представляет собой инвертированную U-кривую, при этом на макроуровне данная взаимосвязь является монотонно положительной. Показано, что на

всех уровнях интенсивность непродуктивного (эксплуататорского) вида взаимодействия негативно отражается на уровне инновационности экономики.

Таким образом, можно предложить следующие рекомендации в области экономической политики. Во-первых, следует поощрять общий уровень сотрудничества и конкуренции в экономической системе, но при этом на уровне отдельных отраслей, фирм и регионов интенсивность сотрудничества и конкуренции не должна быть чрезмерной. Вторая по порядку, но не по значению, рекомендация заключается в том, что для повышения инновационности экономики крайне важно уменьшать интенсивность эксплуататорского взаимодействия, для чего необходимо улучшать качество институтов.

Приложение 1

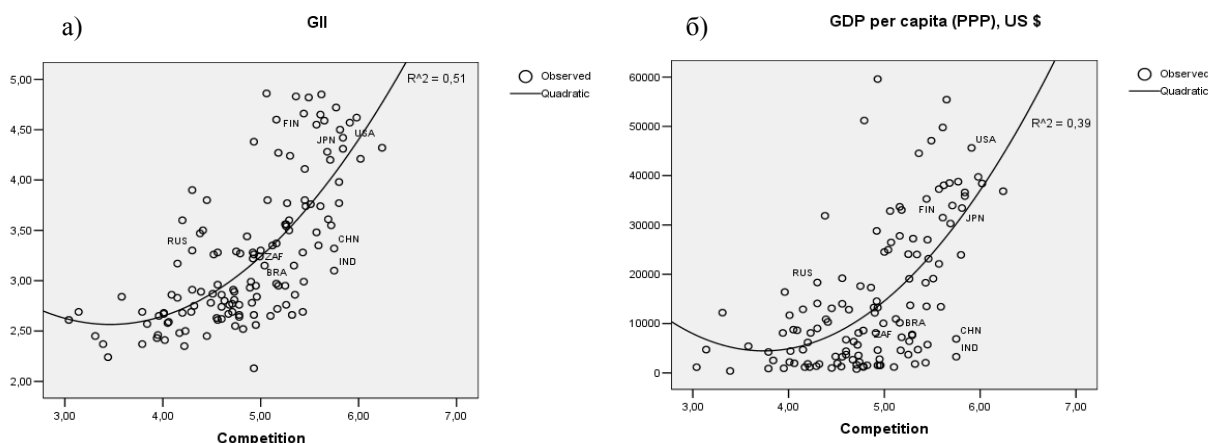

Рис. 1. Взаимосвязь между уровнем конкуренции и инновационным индексом страны (а), а также между уровнем конкуренции и ВВП на душу населения (б)

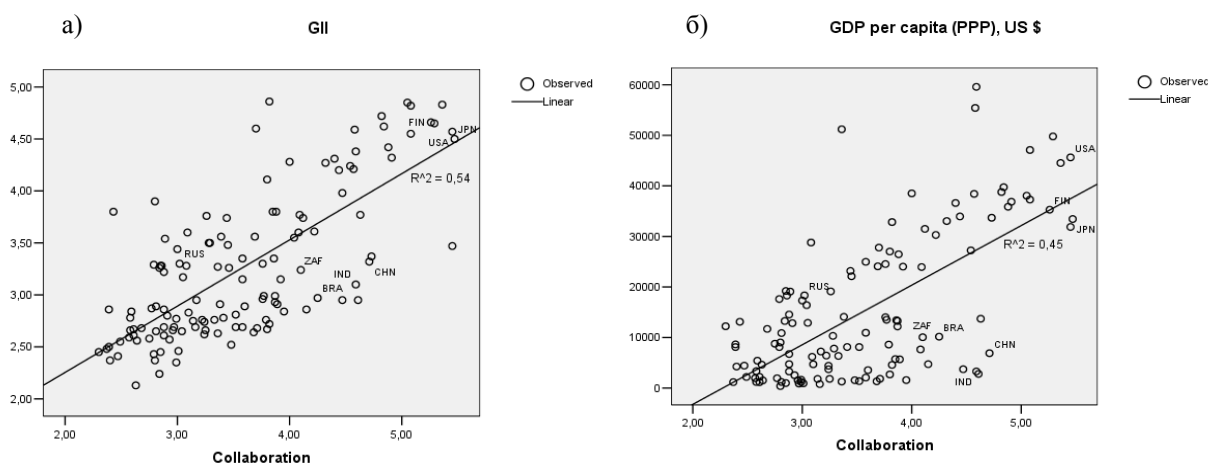

Рис. 2. Взаимосвязь между уровнем сотрудничества и инновационным индексом страны (а), а также между уровнем сотрудничества и ВВП на душу населения (б)

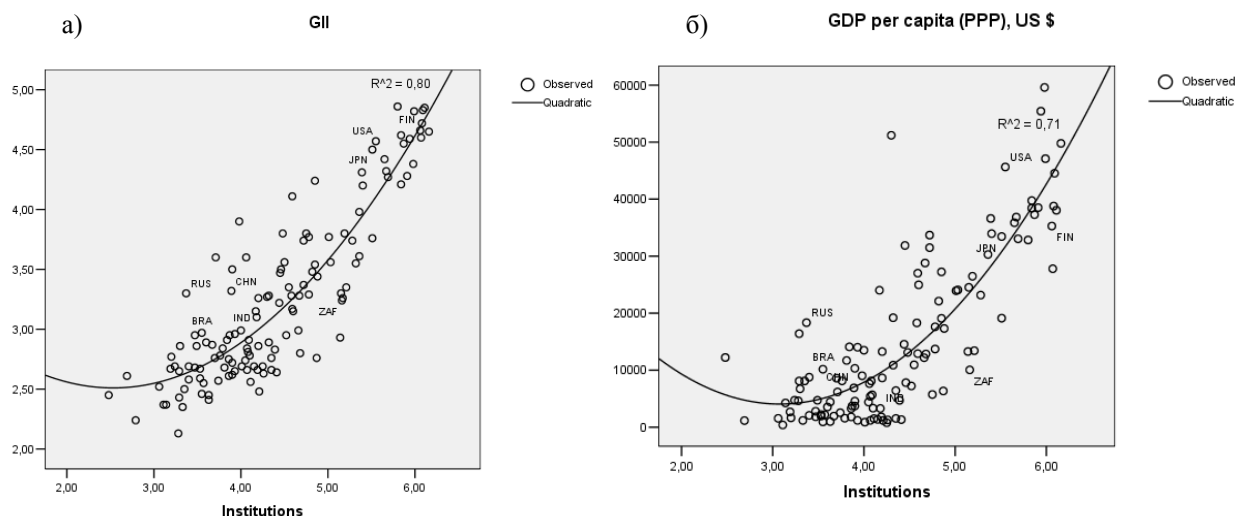

Рис. 3. Взаимосвязь между индексом качества институтов и инновационным индексом страны (а), а также между индексом качества институтов и ВВП на душу населения (б)

Литература

1. Агион, Ф. Конкуренция и инновации: зависимость в форме перевернутой буквы U [Текст] / Ф. Агион, Н. Блум, Р. Бланделл, Р. Гриффит, П. Хауитт // Экономическая школа. Альманах. Конкуренция и конкурентная политика / ред.: С. Д. Авдашева. – М.: Вершина, 2008. – Т. 6. – С. 29 – 58. Aghion, P. Competition and innovation: an inverted-U relationship / P. Aghion, N. Bloom, R. Blundell, R. Griffith and P. Howitt // Quarterly Journal of Economics. – 2005. – Vol. 120. – №. 2. – Pp. 701 – 728.
2. Вязовкин, В. Козэволюция [Текст] / В. Вязовкин // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный дом, 2003. – С. 514.
3. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности [Текст] / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 3. – С. 44 – 58. Granovetter, M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness [Текст] / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1985. – Vol. 91. – №. 3. – Pp. 481 – 510.
4. Гурков, И. Б. Инновации в российской промышленности: создание, диффузия и реализация новых технологий и социальных практик [Текст] / И. Б. Гурков, В. С. Тубалов // Мир России. – 2004. – Т. XIII. – № 3. – С. 28 – 47.
5. Катькало, В. С. Межфирменные сети: проблематика исследований новой организационной стратегии в 1980–1990-е годы [Текст] / В. С. Катькало // Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. Экономика. – 2003. – № 2. – С. 21 – 38.
6. Лундвалл, Б.-А. Исследование инновационных систем: их происхождение и возможные перспективы [Текст] / Б.-А. Лундвалл // Globelics-Russia-2007. – Саратов: СГТУ, 2007. – С. 17 – 40.
7. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 180 с.
8. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция [Текст] / О. И. Уильямсон: [пер. с англ.]. – СПб.: Лениздат: CEV Press., 1996. – 702 с.
9. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер; [предисл. В. С. Автономова]. – М.: ЭКСМО, 2007. – 864 с.
10. Baumol, W. J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive [Text] / W. J. Baumol // Journal of Political Economy. – 1990. – 98(5). – Pp. 893 – 921.
11. Boschma, R. A. Proximity and innovation. A critical assessment [Text] / R. A. Boschma // Regional Studies. – 2005. – Vol. 39. – №. 1. – Pp. 61 – 74.
12. Crespi, G. Relationship between Innovation and Competition [Electronic resource]: Differences across Sectors / G. Crespi, P. Patel. – University of Sussex. – 2008. – 33 p. – URL: http://www.europe-innova.eu/c/document_library/get_file?folderId=24913&name=DLFE-2648.pdf.
13. Godin, B. The Linear Model of Innovation [Text]: The Historical Construction of an Analytical Framework / B. Godin. – Working Paper. – Montreal; Quebec: Project on the History and Sociology of S&T Statistics. – 2005. – 36 p.

14. Huang, F. The Coevolution of Economic and Political Development [Text] / F. Huang // Economics & Statistics Working Papers Series. – School of Economics and Social Sciences – Singapore: Management University. – 2006.
15. Krueger, A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society [Text] / A. Krueger // American Economic Review. – 1974. – № 64 (3). – Pp. 291 – 303.
16. Molina-Morales, F. X. Over-embeddedness and under-exploration issues in cohesive networks [Text]: an application to territorial clusters / F. X. Molina-Morales, M. T. Martínez-Fernández // Knowledge Externalities, Innovation Clusters and Regional Development / J. Suriñach, R. Moreno, E. Vayá. – Edward Elgar Publishing Limited. – 2007. – Pp. 176 – 197.
17. Mowery, D. C. The Influence of Market Demand upon Innovation [Text]: A Critical Review of Some Recent Empirical Studies / D. C. Mowery, N. Rosenberg // Research Policy. – 1979. – Vol. 8. – Pp. 102 – 153.
18. Murphv, K. M. The Allocation of Talent: Implication for Growth [Text] / K. M. Murphv, A. Shleifer and R.W. Vishny // Quarterly Journal of Economics. – 1991. – №106(2). – Pp. 503 – 530.
19. Nelson, R. Diffusion of Development [Text]: Post-World War II Convergence among Advanced Industrial Nations / R. Nelson // American Economic Review. – 1991. – V. 81. – № 2. – Pp. 271 – 75.
20. Nooteboom, B. Interfirm Alliances [Text]: International Analysis And Design / B. Nooteboom. – London: Routledge. – 1999. – 256 p.
21. Pavitt, K. Sectoral patterns of technical change [Text]: towards a taxonomy and a theory / K. Pavitt // Research Policy. – 1984. – № 13. – Pp. 343 – 373.
22. Rothwell, R. Factors for Success in Industrial Innovations [Text]: Project SAPPHO / R. Rothwell // A Comparative Study of Success and Failure in Industrial Innovation, Science Policy Research Unit. – Brighton.: University of Sussex, 1972.
23. Scherer, F. Market Structure and the Employment of Scientists and Engineers [Text] / F. Scherer // American Economic Review. – 1967. – LVII. – Pp. 524 – 531.
24. Schmookler, J. Invention and Economic Growth [Text] / J. Schmookler. – Cambridge; MA : Harvard University Press, 1966.
25. Smith, M. J. Evolutionary Genetics [Text] / M. J. Smith. – Oxford: Oxford University Press, 1989.
26. Todtling, F. Like Phoenix from the Ashes? [Text] The Renewal of Clusters in Old Industrial Areas / F. Todtling, M. Trippel // Urban Studies. – 2004. – Vol. 41. – № 5/6. – Pp. 1175 – 1195. Цит. по: И. Стародубовская. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России [Текст] / И. Стародубовская [и др.]. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 248 с.
27. Tullock, G. The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft [Text] / G. Tullock // Western Economic Journal. – 1967. – №5 (3). – Pp. 224 – 23.
28. Global Innovation Index 2009/10 Report. [Electronic resource]. INSEAD, 2010. – 448 p. – URL: http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/reports/2009-10/FullReport_09-10.pdf
29. KEI and KI Indexes (KAM 2009). [Electronic resource]. – URL: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp.
30. National Innovation Systems [Text]. – Paris: OECD Publications, 1997. – 48 p.
31. The Global Competitiveness Report 2010 – 2011. [Electronic resource]. World Economic Forum, 2010. – 501 p. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf.
32. The Innovation Imperative in Manufacturing [Electronic resource]: How the United States can Restore its Edge. – Boston: Consulting Group: The Manufacturing Institute: National Association for Manufacturers, 2009. – 28 p. – URL: <http://www.bcg.com/documents/file15445.pdf>
33. World Bank, International Comparison Program database. [Electronic resource]. – URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD>.

УДК 33:37.014

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ НАЗНАЧЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ***Р. В. Ростовский*****ABOUT THE SOCIO-ECONOMIC PURPOSE OF EDUCATION*****R. V. Rostovskiy***

В статье рассматривается социально-экономическое назначение образования и дается анализ истории развития образования в России.

Автор на основе данного анализа пытается объяснить особую специфическую роль сферы образования.

In this article the socio-economic purpose of education is considered and the analysis of the history of development of education in Russia is given.

The author tries to explain the particular specific role of the sphere of education on basis of this analysis.

Ключевые слова: образование, высшая школа, образовательные услуги, отрасль народного хозяйства, экономика страны

Keywords: education, higher school, educational service, sector of the national economy, economy of the country

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года подчеркивается актуальность стратегической цели государственной политики в сфере образования – повышения доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Образование относится к той сфере жизнедеятельности людей, где воспроизводятся способности работника к труду, приобретаются общеобразовательные и специальные знания, формируется морально-психологическое отношение к труду. Исключительная важность экономической функции образования состоит в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы для всех отраслей народного хозяйства. В таком смысле образование можно правомерно рассматривать в качестве подготовительной базы для всей экономики страны.

Главная роль образования заключается в удовлетворении потребности людей в образовательных услугах. Поэтому образование занимает важное и вместе с тем особое место. Оно охватывает специфическую отрасль народного хозяйства, которая удовлетворяет потребности общества в образовательных услугах, занята подготовкой кадров, формированием их знаний, умений и навыков, необходимых для разнообразных видов трудовой и иной деятельности [6].

Рассматривая социально-экономическое назначение образования, целесообразно проанализировать историю развития образования в России.

К середине 50-х годов XIX в. в России произошли огромные политические преобразования, существенно повлиявшие на нравственный климат общества.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года, по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, устранила "безнравственное и несправное" отношение человека к человеку. Передовые общественные деятели того времени рассматривали отмену крепостного права как важнейшее условие для нравственного развития народа и страны, необходимую предпосылку для борьбы за дальнейший прогресс. "Наше время, – писал К. Д. Ушинский, – во многих отношениях важнее Петровых преобразований: тогда энергетический гений употребил усилие, чтобы пробудить к деятельности народ; теперь проснувшиеся и получившие свободу народные силы сами требуют деятельности" [3, с. 320]. «Уничтожение крепостного состояния, окружавшего большую часть детей образованного класса крепостною прислугой, есть самая важная реформа, благодетельные плоды которой не замедлят обнаружиться в поднятии нравственного уровня в этом классе. Устройством тысячи самых обдуманных педагогических заведений нельзя сделать и сотой доли того, что сделало одно уничтожение крепостной прислуги» [3, с. 369].

После падения крепостного права в сознание русского человека стала внедряться мысль о единстве и равноправии всех людей, о достоинстве всякой человеческой личности, о необходимости внимательного и гуманного отношения к ее нуждам и запросам. Освобождение личности от сословных, бытовых, семейных, религиозных пут явилось главной задачей поколения интеллигенции 60-х годов.

В этом периоде реформы вызвали чрезвычайно широкое демократическое движение, мощный духовный подъем русского общества, стремление передовых деятелей того времени активно участвовать в обновлении российской действительности, направить ее развитие в соответствии со своими представлениями и идеалами. «В то время Россия в буквальном смысле слова изнемогала под бременем усиленных надежд, возбужденных крестьянской реформой и теми преобразованиями, которые ожидалась вслед за нею. Все ждали, все говорили: золотой век не позади нас, а впереди» – писал М. Е. Салтыков-Щедрин [6, с. 349]. Широко распространилась идея о необходимости отстаивать интересы народных масс, прежде всего крестьян, о выполнении "долга" перед народом. Этот "долг" мог быть уплачен прежде всего в форме распространения образования и культуры в народных массах.

Эпоха реформ закончилась ранее, чем были в достаточной мере осуществлены задуманные политические и экономические преобразования. С конца 1860-х годов начался период длительной политической реакции. Только что проведенные реформы претерпели существенные искажения. Однако начавшийся процесс социально-политического преобразования русского общества уже невозможно было остановить. Никакая реакция не могла повернуть Россию к ее прежнему положению. С этого времени в стране началось развитие различных форм общественной и культурной жизни, систематическая, последовательная разработка новых отраслей русской науки, в том числе педагогики и психологии.

В 60-е годы XIX в. в русской истории появились учреждения и организации, деятельность которых была направлена на распространение знаний среди народных масс (возникли воскресные школы, народные библиотеки и читальни – общедоступные бесплатные библиотеки для трудящихся) [4].

Важную роль в распространении просвещения сыграли комитеты и общества грамотности – общественные просветительные организации, которые занимались изданием лучших произведений русских и зарубежных писателей, составлением каталогов лучших книг для народа, организацией народных чтений, летних педагогических курсов, созданием народных школ и библиотек, сбором статистических данных в области народного образования и т. п.

Значительную роль для развития народного просвещения имела организация педагогических музеев. Одним из первых не только в России, но и

во всем мире был Педагогический музей военно-учебных заведений в Петербурге, созданный в 1864 г., который ставил задачу систематизации учебных пособий, издаваемых в то время лишь за границей, содействия разработке отечественных пособий и пропаганду передовых методов преподавания. В дальнейшем музей стал организовывать педагогические выставки, стал издавать каталог наглядных пособий и учебных руководств для начальных и средних школ, проводить курсы для учителей и воспитателей, организовывать публичные лекции.

Педагогический отдел музея, в работе которого принимали участие ведущие педагоги (П. Ф. Каптерев, Л. Н. Моздалевский, Н. А. Корф и др.) немало сделал для организации изучения наследия выдающихся педагогов, развернул научно-исследовательскую работу и стал общественным научным центром, разрабатывающим многие актуальные вопросы педагогической науки.

Таким образом, реформы 1860-х годов внесли коренные изменения в ход развития научной жизни.

В конце 1850-х – начале 1860-х годов положение русской науки было весьма незавидным. Главными носителями науки были университеты, где наиболее авторитетными признавались ученые, приглашенные из-за границы. После 1848 года были прекращены командировки русских ученых за границу. Прекращение живых контактов с европейской наукой резко отрицательно отразилось на состоянии русской науки.

В 1860-е годы непосредственная связь русских ученых с европейской научной жизнью была восстановлена. Более активной стала деятельность Петербургской академии наук. В 1862 – 1863 гг. было отправлено за границу свыше 60 человек, готовившихся к занятию профессорских кафедр по всевозможным специальностям [5, с. 80].

В 1863 г. был принят новый университетский устав, согласно которому университеты рассматривались не только как высшие учебные заведения, но и как носители науки и просвещения, как посредники между наукой и обществом.

Университетам была возвращена автономия. Расширился объем университетского образования, появилась научная специализация, вводились новые научные дисциплины [1, с. 41].

Реформа создала благоприятные условия для развития университетов, а тем самым и для развития науки. Следствием этого явилась организация научных обществ, оказавших огромное влияние на развитие русской науки. Сначала правом организации научных обществ пользовались физико-математические факультеты, создавшие общества естествоиспытателей. Первым было Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, открытое в 1863 г.

Вслед за естествоиспытателями научные общества стали организовываться в области гуманитарных наук. Одним из первых в этой области было Санкт-Петербургское педагогическое общество (1869 г.). Оно объединило широкий круг ученых, деятелей в области народного образования, ставив-

ших своей задачей содействие научной разработке педагогических проблем.

Важное значение для развития русской науки имели съезды ученых. Первым был съезд естествоиспытателей, состоявшийся в 1867 г. в Петербурге. С этого времени съезд ученых различных специальностей стал мощным двигателем научного прогресса.

Европейская научная мысль середины XIX в. (прежде всего философия и естествознание) характеризуется распространением принципа развития. Сформулировав основные положения диалектического метода познания, принципа развития и принципа историзма в подходе к изучаемым явлениям, Г. Гегель распространил свое учение и на психологию. Он показал, что психику необходимо исследовать не как скопление отдельных фактов и явлений психической жизни, а как целостный процесс формирования и развития, подчиненный определенным закономерностям. Изучение психического развития с позиций диалектического метода впервые потребовало учета качественного своеобразия психики на разных возрастных этапах, в частности, качественного отличия психики ребенка от психики взрослого человека. Такой подход открыл простор для всестороннего изучения различных ступеней развития человеческой психики, начиная с детства.

Распространение идеи развития в естествознании, создание эволюционной теории Ч. Дарвина дало мощный толчок развитию естественных наук. Значительных успехов достигли науки о человеке. Были получены точные научные данные о строении и функциях различных систем человеческого организма.

Мысль о психологическом обосновании педагогического процесса имела давнюю традицию. Она была убедительно основана в трудах Я. А. Коменского, лежала в основе педагогических систем Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, Ф. Фребеля. Но только успехи естествознания в области изучения ребенка, накопление данных в области анатомии, физиологии, патологии позволили поставить задачу научного исследования психического развития ребенка.

Исходя из вышесказанного, ясно, что ответ на вопрос о цели обучения не может быть однозначным. С одной стороны, обучение необходимо для того, чтобы научить человека рассуждать, логически мыслить, делать выводы, исходя из ограниченного набора исходных данных, а с другой стороны, иногда (и довольно часто) нужно просто автоматически проделать некоторые как бы "ритуальные действия" дня быстрого достижения требуемого результата, не особенно вдаваясь в смысл сделанного. Однако, поскольку эти две цели обучения в основе содержат совершенно противоположные философские концепции, их очень трудно совместить в едином подходе. Неизбежным окажется преобладание либо гуманитарного, либо технократического подхода (при этом не следует, конечно, относить к технократическим такие науки, как математика и физика, хотя они традиционно считаются "негуманитарными" – это только проблемы терминологии).

Слепое копирование американского опыта [7] в надежде достичь таких же успехов без полного понимания всех плюсов и минусов и у нас в последнее время стало приводить совершенно не к тем результатам, которых изначально искренне хотелось добиться многим нашим педагогам. В то же время отчасти то, что большинство из них, воспитанных на скорее, гуманитарных принципах, свойственных нашей нации и уходящих корнями в историю, культуре русского народа, быстро осознали это и стали гораздо больше внимания уделять именно личности человека, которого они учат, используя при этом самые последние достижения психологии. Действительно, ведь человек по природе любознателен, и удовлетворение информационного голода у нормальной личности стоит в одном ряду с потребностью в пище и стремлением к размножению. Поэтому действительно талантливый Учитель стремится именно пробудить и закрепить эту тягу к знаниям, показывает своим ученикам, как можно получать удовлетворение от самого процесса познания. Однако учитель, который поставит перед собой такую задачу, неизбежно столкнется с массой трудностей, особенно если он работает в обыкновенной школе. Поэтому в частной школе, где, как везде в условиях рыночного подхода, "все для клиента", таким людям выразиться проще – ведь если детям нравится в школе, то и их родители охотнее тратят свои деньги, видя, что это не напрасно. Кстати, поскольку частные школы, как правило, платные, то и родители у учеников достаточно обеспеченные люди, а все мы знаем, что многие из так называемых "новых русских" не отличаются особым интеллектом, подобно первопроходцам Америки, но в то же время они осознают важность получения хорошего образования для своих детей.

В современных условиях компьютер – отличный помощник для организации индивидуального обучения. Ведь как только педагог перестает видеть в ученике просто сосуд, который нужно наполнить знаниями и умениями, ему приходится искать индивидуальный подход к каждому, подстраиваться под его интересы, темп усвоения материала, личные особенности психики. Современные методы предоставления информации в компьютерах включают в себя не просто текст, но и картинки, видео, звуковые фрагменты. Это позволяет задействовать практически все органы чувств, используемых для восприятия информации, при этом происходит ее дублирование по различным каналам восприятия, что резко повышает скорость и качество усвоения материала.

Компьютерный учебник нельзя уже сравнивать с книгой, как это было всего несколько лет назад – сейчас многие обучающие программы невозможно отличить от игр, и для того, чтобы победить в такой игре, понадобятся знания, которые ребенку трудно принять как необходимые ему, именно сейчас – ведь всем нам свойственно откладывать "на потом" решение многих проблем. А такой элемент современных компьютерных документов, как гипертекстовая ссылка позволяет при необходимости обратиться в любое место документа за дополнительной инфор-

мацией и в то же время при повторном изучении не перегружает исходный текст документа.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно более подробно рассмотреть экономическую функцию образования.

Для функционирования учреждений образования, науки, культуры необходимы здания, соответствующее оборудование, предметы материальной культуры и другие важные вещественные элементы национального богатства.

Исследуя различные литературные источники, можно прийти к рассмотрению структуры духовного производства. В его состав включаются следующие составные части:

- наука – накопление и обновление знаний о природе, обществе, самом человеке и созданном им искусственном мире, выявление закономерностей строения и динамики окружающего мира, методов использования этих закономерностей в интересах человека;

- образование – система, обеспечивающая передачу научных знаний, умений и навыков подрастающим поколениям и всему населению, удовлетворяющая их потребности в образовательных услугах и профессионально-квалификационной подготовке, а также формирующая соответствующие эстетические оценки и нравственные правила поведения в обществе;

- книги и средства массовой информации, способствующие распространению и обновлению духовных ценностей;

- культура – система учреждений (библиотеки, музеи, театры и т. д.), обеспечивающих распространение знаний о духовных и материальных ценностях;

- нравственность – система этических норм, регулирующих поведение людей, оценивающих их поступки;

- идеология – мировоззрение людей, религиозные взгляды, отражающие цели и мотивы сознательной деятельности человека.

Все эти компоненты духовной жизни, конечно же, органически между собой связаны и находятся в сложном взаимодействии. Наиболее тесные связи характерны для ведущих звеньев духовного производства: науки и образования.

Роль нематериального производства постоянно растет. Его отрасли активно воздействуют на повышение эффективности труда, занятого в материальной сфере, создают условия для всестороннего раскрытия творческих возможностей людей, повышения их квалификации и общеобразовательной подготовки.

Каждая из отраслей нематериального производства удовлетворяет общественные потребности в неразрывном единстве с соответствующими отраслями материального производства. Дополняя друг друга, эти сферы общественного производства образуют единый народно-хозяйственный комплекс. Как две разновидности воспроизводственной деятельности материальное и нематериальное производство различаются между собой не только по использу-

мому производственному потенциалу, результатам труда, а и по той роли, которую они выполняют в социально-экономической структуре общества. Однако это одновременно и объединяет их.

Для того, чтобы в полной мере охарактеризовать содержательную сторону и место отрасли образования в системе народно-хозяйственного комплекса, важно знать коренные признаки, по которым выделяется та или иная отрасль. Какие же критерии содержатся в основе определения отрасли?

Под отраслью народного хозяйства понимается качественно однородная совокупность предприятий, учреждений и других хозяйственных единиц, характеризующихся общностью (сходством) условий труда (производства), профессионального состава кадров, выполняемых функций в системе общественного воспроизводства, производимой продукции или услуг.

Образование как отрасль представляет собой систему образовательных учреждений, организаций и предприятий, осуществляющих главным образом образовательную деятельность, направленную на удовлетворение многообразных потребностей населения в образовательных услугах и подготовку квалифицированных работников.

Такое определение отрасли позволяет, с одной стороны, анализировать экономику образования, с другой стороны, рассматривать как сложную систему. А только системный подход и дает возможность всесторонне рассмотреть это сложное явление. Кстати сказать, впервые в истории отечественного законодательства понятие «экономика» применительно к просвещению с полным правом закреплено в Законе «Об образовании». В нем глава IV названа: «Экономика системы образования».

Экономика системы образования включает следующие подсистемы: экономика дошкольного образования, экономика общеобразовательной школы, экономика профтехобразования, экономика среднего специального образования, экономика высшей школы и послевузовского образования. Первичным структурным звеном этой отрасли является образовательное учреждение, выступающее юридическим лицом: детский сад, школа, техникум, вуз и т. п.

Экономика образования, по нашему мнению, характеризуется такими свойствами: целенаправленность, целостность, многоструктурность, взаимосвязь ее элементов, устойчивость, управляемость, самонастройка, способность к самосовершенствованию, т. е. к развитию. Но это не замкнутая система. Она составляет особое единство с окружающей средой, с системой более общего порядка.

Прежде всего, экономика образования выступает неотъемлемой составной частью системы образования в целом. Органическое взаимодействие педагогических и других социальных процессов, свойственных сфере просвещения, накладывает свой отпечаток на экономические процессы и предопределяет специфичность отрасли образования. Сама система образования – важная составная часть народного хозяйства и социально-экономического организма об-

щества, взаимодействующая с остальными его звеньями.

Образовательная отрасль в современных условиях, пожалуй, располагает наибольшими интегрирующими (объединительными) свойствами. Она относится к социальной сфере единого народно-хозяйственного комплекса, которая охватывает и пронизывает своими животворящими потоками весь экономический организм страны.

В чем состоит особая специфическая роль сферы образования?

Во-первых, специфическим местом образования в системе общественного разделения труда. Это единственная отрасль, которая удовлетворяет запросы населения в образовательных услугах и специализируется на воспроизводстве главной производительной силы общества – квалифицированных работников для всех отраслей материального и нематериального производства, а также для различных видов непроизводственной деятельности. Именно этим объективно предопределяется приоритетность отрасли образования. В статье 1 Российского Закона «Об образовании» приоритетность государственной политики в области образования получила юридическое закрепление. Но оно пока что носит декларативный характер. О необходимости создания социально-экономических условий для приоритетного развития системы образования говорится и в «Национальной доктрине образования Российской Федерации».

Во-вторых, уровень образования населения выступает одним из главных показателей благосостояния народа страны. Сам же уровень благосостояния, по мнению экспертов Организации Объединенных Наций, лучше всего отражается с помощью индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Этот индекс определяется следующими тремя основными критериями: средней продолжительностью жизни, уровнем образованности и размерами дохода на душу населения. Эксперты ООН в 1991 г. установили, что бывший Советский Союз по этому индексу находился на 33 месте в мире. В последние годы наша страна заметно ухудшила эти позиции. Если в 1993 г. Россия по ИРЧП занимала 57-е место и находилась в группе стран с высоким уровнем развития, то в 2010 г. она оказалась уже на 65 месте.

Как показали новейшие исследования, обычно дольше живут люди, получившие высшее образование, хорошо зарабатывающие и достигшие заметного положения в обществе. Чем выше интеллект человека, чем разностороннее его образованность, тем больше у него возможностей создать себе оптимальные условия труда. Каждый дополнительный год учебы, считают ученые, продлевает жизнь самое меньшее на несколько лет [1].

Специалисты Лондонского университета [7] обследовали состояние здоровья двух категорий людей: тех, кто получил хорошее образование, и тех, кто не утруждал себя учебой. Выяснилось, что квалифицированные специалисты – умные, знающие люди – более здоровы, чем их сверстники, не обремененные знаниями. Исследователи подсчитали, что

малообразованные люди имеют в 5 раз большую склонность к депрессии. У них в заметно большей степени наблюдаются болезни нашего века: сердечно-сосудистые, психические. Истоки этого всегда лежат в ощущении шаткости своего положения, боязни оказаться не на высоте, неуверенности в себе. Больше того, группа ученых из Карлсруэ установила, что у родителей, которые занимаются в основном умственным трудом, дети в среднем на 7 сантиметров выше, чем в рабочих семьях.

Повышенный риск ранней смертности в социально менее защищенных группах населения объясняется простыми вещами: курением дешевых сигарет, плохим питанием, злоупотреблением алкоголем, тучностью или слабой подвижностью, а главное – тяжелыми физическими нагрузками.

В-третьих, эта отрасль сама для себя готовит профессиональных работников – преподавательские кадры. Учителя и профессорско-преподавательский состав вузов и средних специальных учебных заведений относятся к работникам высококвалифицированного и квалифицированного интеллектуального труда. Для них обучение и воспитание учащихся не побочная, а основная сфера их деятельности.

В-четвертых, труд в области образования стал одним из самых массовых видов человеческой деятельности, начиная с раннего детства вплоть до завершения трудовой биографии значительной части работников. По количеству занятых людей сфера образования превосходит любую другую отрасль народного хозяйства.

Литература

1. Воскресенская, Н. М. Великобритания: стратегические направления развития образования / Н. М. Воскресенская // Педагогика. – 1996. – № 4.

2. Жуков, В. И. Социально-экономическая ситуация и социальная политика в России (библ. соц. работника). – М.: Союз, 1994; Натробица, О. В. Экономика высшего образования: вопросы государственного регулирования (региональный аспект) / В. И. Жуков // Регионология. – 1999. – № 4; Шереги, Ф. Э. Социология образования / Ф. Э. Шереги, В. Г. Харчева, В. В. Сериков. – М., 1997.

3. Мельвиль, А. Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов / А. Ю. Мельвиль. – М., 1986. – С. 35 – 54; Алферов, Ю. С. Управление образованием в США / Ю. С. Алферов // Педагогика. – 1994. – № 1; Тарасюк, Л. П. Образование в США / Л. П. Тарасюк, К. Н. Цейкович // Социально-политический журнал. – 1997. – № 1.

4. Модесюев, В. И. 1890. – С. 80.

5. Русинов, Ф. Эволюция образовательных систем в цивилизованном аспекте / Ф. Русинов, А. Журавлев, М. Кулаков // Высшее образование в России. – 1997. – №1; Арсеньев, К. И. Историко-статистический очерк народного образования в России конца XVIII века / К. И. Арсеньев. – Б.м., 1854; Бубнов, А. С. Статьи и речи о народном образовании / А. С. Бубнов. – М., 1959.

6. Салтыков – Щедрин, М. Е. Собр. соч. Сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М., 1988. – Т. 9. – С. 349.

7. Ушинский, К. Д. Собр. соч. Человек как предмет воспитания / К. Д. Ушинский. – М.: Академия пед. наук, 1950. – Т. 9. – С. 369.

8. Щетинина, Г. И. Студенчество и революционное движение в России: последняя четверть XIX в. / Г. И. Щетинина. – М.: Наука, 1987. – С. 41.

УДК 336.132.11

МЕРОПРИЯТИЯ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ДОХОДНОЙ ЧАСТИ МЕСТНОГО БЮДЖЕТА (на примере муниципального образования города Кемерово)

Т. В. Тышкевич

MEASURES TO INCREASE REVENUES OF LOCAL BUDGETS (for example the municipality Kemerovo)

T. V. Tyshkevich

В статье рассматривается доходная часть бюджета города Кемерово за 2010 год, приведены основные источники формирования доходов, их удельный вес в общем объеме поступлений. Также рассмотрены основные направления проводимой финансовой политики в городе. На основании анализа разработаны мероприятия для увеличения поступлений доходов в местный бюджет.

In the article author deals budget revenues of the city Kemerovo in 2010, talks about the main sources of income, their share in total income. Also, there are the basic orientations of financial policy in the city. Measures to increase revenues of local budgets were developed based on the analysis.

Ключевые слова: местный бюджет, доходы, муниципальная собственность, налог на доходы физических лиц.

Keywords: local budget, revenues, municipal property, taxes.

В связи с проведением административной реформы, полноправными субъектами хозяйственных отношений стали муниципальные образования. Они

приобрели реальные права самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться муниципальной собственностью, создавать муниципальные предпри-

ятия и учреждения, определять порядок и условия проведения приватизации, осуществлять внешне-экономическую деятельность, участвовать в кредитных отношениях. Осуществление органами местного самоуправления самостоятельной хозяйственной деятельности способствует укреплению их экономической основы, от состояния которой напрямую зависят уровень и качество жизни населения конкретной территории и страны в целом.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Но это не означает, что деятельность муниципальных финансовых органов не должна соответствовать общим принципам организации финансовой системы в стране. Средства бюджетов муниципальных образований – это тоже общественные ресурсы, причем весьма значительные.

Согласно Бюджетному кодексу РФ, бюджет муниципального образования – форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для обеспечения задач и функций, отнесенных к предметам ведения местного самоуправления. В Российской Федерации насчитывается свыше 24 тысячи местных бюджетов.

Порядок формирования местных финансов определен Бюджетным кодексом РФ, Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”. Настоящий закон определяет основные принципы организации местных финансов, устанавливает источники формирования и направления использования финансовых ресурсов местного самоуправления, основы бюджетного процесса в муниципальных образованиях и взаимоотношения органов местного самоуправления с финансовыми институтами, а также гарантии финансовых прав органов местного самоуправления.

Самостоятельность местных бюджетов обеспечивается наличием собственных доходов и правом определять направления их использования. Согласно бюджетному законодательству и иным нормативным актам, бюджет муниципального образования складывается из налоговых и неналоговых доходов. К налоговым доходам местного бюджета относятся доходы от налогов, а также пеней и штрафов по ним. Так, например, к налогам, поступающим в бюджет городского округа, относятся:

- земельный налог – по нормативу 100 %,
- налог на имущество физических лиц – по нормативу 100 %,
- налог на доходы физических лиц – по нормативу 30 %,
- единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности – по нормативу 100 %,
- единый сельскохозяйственный налог – по нормативу 70 %.

Не менее значимую роль в местных бюджетах играют неналоговые доходы. В России они учиты-

ваются и формируются в соответствии со ст. 41 – 46 Бюджетного кодекса РФ. К неналоговым доходам бюджетов относятся: доходы от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности; доходы от продажи имущества, находящегося в муниципальной собственности; доходы от платных услуг, оказываемых бюджетными учреждениями; средства, полученные в результате применения мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности, в том числе штрафы, конфискации, компенсации, а также средства, полученные в возмещение вреда, причиненного муниципальным образованиям, и иные неналоговые доходы.

Бюджет муниципального образования города Кемерово строится в соответствии с Бюджетным кодексом РФ и иными нормативными документами. При его составлении учитываются:

- прогноз социально-экономического развития города на очередной финансовый год и плановый период;

- основные направления бюджетной и налоговой политики города на очередной финансовый год и плановый период.

Доходная часть бюджета города в 2010 году исполнена в объеме 100,1 % от плана, в том числе доля налоговых и неналоговых доходов составляет 46,5 % в общем поступлении доходов, а безвозмездные перечисления составляют 53,5 % от общего объема.

В сравнении с 2009 годом поступление по собственным доходам (налоговым, неналоговым) снижено на 18 %, в том числе:

- по налоговым доходам рост составил 2,7 % к уровню предыдущего периода (рост поступлений был отмечен по земельному налогу, по налогу на имущество физических лиц, незначительное уменьшение поступлений произошло по налогу на доходы с физических лиц);

- по неналоговым доходам снижение составило 31,3 % (снижение поступлений по доходам от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности, доходам от продажи муниципального имущества).

Безвозмездные перечисления получены в виде:

- 1) дотаций из областного бюджета на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности – 30,8 %;

- 2) субвенций от других бюджетов бюджетной системы РФ для выполнения переданных полномочий – 42,9 %;

- 3) субсидий от других бюджетов бюджетной системы РФ – 18,3 %;

- 4) иные межбюджетные трансферты – 4,8 %;

- 5) прочие безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы – 0,1 %;

- 6) прочих безвозмездных перечислений (спонсорские средства, безвозмездные поступления бюджетных учреждений и т. д.) – 3,1 %.

По сравнению с 2009 годом, объем безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной

системы РФ сократился на 22 % и составил 53,5 % от общего объема доходов города Кемерово. Такое резкое сокращение безвозмездных поступлений связано с завершением ряда федеральных и региональных целевых программ. В среднем по России за аналогичный период наблюдается рост межбюджетных трансфертов на 5,1 %, что связано с увеличивающимися возможностями субъектов РФ по оказанию финансовой помощи муниципальным образованиям в условиях улучшения экономической ситуации.

В зарубежных странах, имеющих схожую систему государственного управления, субсидии и дотации также составляют значительную часть местных бюджетов. Так, например, в США в структуре местных бюджетов государственные субсидии составляют около 25 % от общего объема доходов, в Германии, Японии, Дании около 40 – 45 %, в Бельгии – более 50 %. Необходимо заметить, что высокая доля внешних доходов местных бюджетов в зарубежных странах не является признаком кризиса экономики. Государственные дотации в качестве важного элемента доходной части муниципальных бюджетов характерны практически для всех зарубежных стран.

В налоговых доходах муниципального образования город Кемерово наибольший удельный вес составляет налог на доходы физических лиц – 71,0 % от общих поступлений, далее 18,5 % – земельный налог, 6,9 % – единый налог на вмененный доход. Остальные налоги зачисляются в бюджет в общем объеме – 3,6 % (госпошлина, налог на имущество, прочие налоговые доходы).

В 2010 году в структуре неналоговых доходов 42,3 % занимают доходы от оказания платных услуг, оказываемых бюджетными учреждениями. В 2009 году этот показатель составлял 28 %. Увеличение связано с расширением спектра платных услуг и снижением объемов продаж муниципальной собственности.

Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, составили 27,1 % (в 2009 году – 22,9 %). Снижение обусловлено тем, что в анализируемом периоде произведена продажа основных объектов муниципальной собственности, которые ранее сдавались в аренду. Доходы от продажи материальных и нематериальных активов в 2010 году установились на уровне 18,8 %, снижение к уровню 2009 года составило 21,4 %. Остальные неналоговые доходы составляют 11,8 % (в 2009 году – 8,9 %). В 2010 году отмечалось снижение практически по всем источникам неналоговых доходов.

С целью увеличения доходов бюджета города Кемерово в 2010 году проводились следующие мероприятия:

1. По налогу на доходы физических лиц осуществлялся анализ по организациям, допускающим задолженность по выплате заработной платы и налога на доходы физических лиц. Неплательщики рассматривались на заседании штаба по финансовому мониторингу и выработке мер поддержки отраслей экономики города Кемерово. Данная работа необхо-

дима не только для увеличения доходной части бюджета города, но и является неотъемлемой частью сохранения стабильности и социальной защищенности населения города.

Продолжена работа по приведению в соответствие регистрационных документов организаций и их месторасположения для своевременной постановки на налоговый учет стационарных рабочих мест, расположенных на территории города Кемерово.

2. Одной из главных задач в течение указанного периода оставалось оформление фактическими землепользователями прав на земельные участки. В этой связи продолжалась осуществляться работа по выяснению законности занятия земельных участков и привлечению виновных лиц к гражданско-правовой и административной ответственности со стороны администрации города при взаимодействии с органами внутренних дел, государственного земельного контроля и других органов государственной власти.

3. Постоянно осуществлялась работа по контролю за соблюдением требований бюджетного законодательства в части правильного перечисления административных взысканий (штрафов). В соответствии с решением Седьмого арбитражного апелляционного суда г. Томска от 24.08.2008 года в бюджет города в отчетном году поступили административные штрафы, налагаемые Инспекцией государственного строительного надзора Кемеровской области, которые ранее зачислялись в бюджеты муниципальных образований Кемеровской области.

4. Проводилась работа с администраторами неналоговых поступлений в бюджет города по осуществлению контроля за своевременным принятием решений по уточнению платежей, с целью исключения роста «невъясненных поступлений».

К сожалению, представленные выше налоги и сборы, а также меры, принятые для увеличения доходов, не покрывают расходов, связанных с реализацией вопросов местного самоуправления, что не позволяет органам местного самоуправления города Кемерово быть в полной мере самостоятельными.

Для увеличения доходов, а также повышения самостоятельности органов местного самоуправления предлагается рассмотреть следующие мероприятия:

1. Для увеличения доходов по налогу на доходы физических лиц необходим более детальный контроль за его начислением. К примеру, необходимо установить в Налоговом кодексе обязательность представления отчетности по налогу на доходы физических лиц, предусмотрев в ней такие показатели, как налогооблагаемая база, сумма начисленного и уплаченного налога. Ввести обязанность налоговых агентов по представлению ежеквартальных отчетов о фактических суммах начисленного, удержанного и перечисленного налога на доходы физических лиц.

Действующее налоговое законодательство предусматривает зачисление налога на доходы физических лиц по месту работы. А налоговые вычеты (социальные, имущественные) по налогу на доходы физических лиц производятся по месту проживания

налогоплательщика, а не по месту его работы. В связи с этим местные бюджеты недополучают финансовые ресурсы для развития инфраструктуры муниципальных образований и предоставления населению социальных услуг. Возврат сумм налога не должен производиться из того бюджета, в который он не поступал. В связи с этим целесообразно установить порядок уплаты налога на доходы физических лиц по месту жительства налогоплательщика, а не по месту регистрации или фактического нахождения организации, в которой он работает, что позволит создать более благоприятные условия для проживания граждан.

Многими субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями выдвигается предложение о введении прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц. Данное предложение аргументируется тем, что реальная инфляция в сфере потребительского рынка, отмена натуральных льгот нуждающимся категориям граждан, изменения в сфере жилищного законодательства и рост реальных расходов населения на оплату жилья и коммунальных услуг требуют постановки вопроса о более справедливом распределении бремени подоходного налогообложения.

Дифференцированная шкала налогообложения по налогу на доходы физических лиц позволит более равномерно перераспределять налоговую нагрузку, реализовать целевую ориентацию на улучшение финансового положения большинства граждан, а также обеспечить гарантированные компенсации выпадающих доходов бюджетов при применении единой налоговой ставки за счет уплаты налога высокодоходными категориями граждан.

Финансовые органы муниципальных образований лишены возможности точно спланировать поступления по налогу на доходы физических лиц, так как данная информация является строго конфиденциальной. Так как поступления по этому налогу занимают большую часть в структуре налоговых доходов, погрешность планирования является довольно существенной потерей для местного бюджета. На мой взгляд, необходимо законодательно закрепить за финансовыми органами муниципального образования право запрашивать необходимые данные в территориальных инспекциях Федеральной налоговой службы.

2. Для увеличения поступлений от земельного налога целесообразно усовершенствовать порядок оформления прав собственности на земельные участки. На сегодняшний момент сложилась ситуация, когда собственники после покупки земельных участков не оформляют право собственности на нее, что позволяет им не уплачивать земельный налог.

Также существенно увеличит доходы в бюджет пересмотр льгот по земельному налогу. В главе 31 Налогового кодекса РФ «Земельный налог» предусмотрено значительное число льгот, снижающих поступления от земельного налога, являющегося значимым местным налогом, в местные бюджеты. В связи с этим необходимо сокращение перечня налогоплательщиков из числа юридических лиц, кото-

рые освобождаются от налогообложения в отношении используемых ими земельных участков, в частности, исключить из льготного перечня земельные участки, занятые находящимися в федеральной собственности объектами использования атомной энергии, пунктами хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ. Либо законодательно закрепить за местными бюджетами право на получение возмещения выпадающих доходов по аренде участков, занятых находящимися в федеральной собственности объектами.

В большинстве муниципальных образований кадастровая оценка земель проводилась в период с 2000 по 2005 годы. Она осуществлялась с использованием показателей, установленных федеральной методикой, на основании информации о рыночной стоимости земельных участков и иных объектов недвижимости. При этом на момент проведения подготовительных работ по оценке земельных участков их рыночный оборот был на достаточно высоком уровне. В связи с мировым финансовым кризисом, затронувшем и Россию, произошел значительный спад рыночных цен на земельные участки под объектами недвижимости, изменились ставки арендной платы за землю, что оказало серьезное влияние на удельные показатели кадастровой стоимости земельных участков. При этом кадастровая стоимость значительно превышает рыночную стоимость земельных участков. В связи с этим, при отсутствии механизма актуализации кадастровой оценки земельных участков экономический эффект от введения земельного налога на основе использования кадастровой стоимости земельных участков будет значительно уменьшен.

В связи с этим было бы целесообразно усовершенствовать методику кадастровой оценки земельных участков, а также рассмотреть вопрос о возможности предоставления права муниципальным образованиям самостоятельно индексировать налоговую базу по земельному налогу в пределах, устанавливаемых федеральным законодательством.

3. Также, в целях увеличения доходной части местных бюджетов, на мой взгляд, необходимо разработать комплекс мер по поступлению неналоговых доходов, так как муниципальные образования имеют возможности по их мобилизации. Увеличению доходов от использования муниципального имущества способствует систематизация сведений о его наличии и использовании. В связи с этим рекомендуются следующие мероприятия:

- проведение инвентаризации имущества, находящегося в муниципальной собственности с целью выявления неиспользуемого и установления направления эффективного его использования;

- корректировка методики установления арендной платы за сдаваемое в аренду муниципальное имущество в направлении максимального ее приближения к рыночной и четкого обоснования исключений из этого правила;

- при привлечении дополнительных доходов, не носящих постоянного характера, необходимо

воздерживаться от использования полученных средств на принятие новых расходных обязательств, носящих постоянный характер.

4. Согласно мнению экспертов, муниципальные образования могут существенно улучшить свое финансовое положение и снизить риски неплатежеспособности, если будут проводить антициклическую финансовую политику. Составление бюджета должно исходить из консервативных сценариев развития доходной базы, так как в результате такой политики у муниципального образования повышается вероятность получения дополнительных доходов. Данные дополнительные доходы, по аналогии с федеральным бюджетом, возможно, использовать по двум направлениям: создавать стабилизационные фонды и увеличивать расходы, которые снижают обязательства муниципалитета в будущем. Для реализации данного предложения необходимо внести изменения в действующее законодательство, которое на сегодняшний день запрещает муниципалитетам создавать различные фонды.

5. Целесообразно рассмотреть еще одно предложение, направленное на увеличение доходов муниципальных образований. Речь идет о передаче штрафных санкций, зачисляемых в настоящее время в федеральный бюджет, на местный уровень. В настоящее время основная часть штрафных санкций поступает в федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ. На мой взгляд, значительное число штрафов следовало бы все же передать муниципальным образованиям, тем более, что в Бюджетном послании Президента на 2011 год говорится о том, что неналоговым поступлениям нужно уделять больше внимания.

6. При недостаточном обеспечении доходными источниками принятых расходных обязательств местный бюджет утверждается с дефицитом в пределах норм, установленных Бюджетным кодексом Российской Федерации. Весьма эффективной мерой по покрытию дефицита бюджета мог бы стать выпуск муниципальных ценных бумаг. Очевидно, что это имеет ряд преимуществ перед заемными средствами в кредитных организациях, в том числе по

стоимости выплат, срокам погашения, срокам уплаты процентов за пользование заемными средствами, регистрации активов и оформлению гарантированного обеспечения.

Таким образом, для дальнейшего успешного становления института местного самоуправления необходимо, во-первых, создать условия, стимулирующие рост доходной базы местных бюджетов, а во-вторых, провести корректировку существующих принципов работы и действующего законодательства. Реализация первой задачи полностью зависит от эффективности политики, проводимой органами местного самоуправления, а что касается второй задачи, то любые изменения в налоговой политике и межбюджетных отношениях должны происходить при условии конструктивного диалога органов местного самоуправления с государственной властью.

На сегодняшний день необходимо четко представлять грань, ограничивающую принципы организационной и финансовой самостоятельности и независимости как субъектов Федерации от центра, так и органов местного самоуправления от субъекта Федерации. Применение экономически обоснованных моделей движения финансовых потоков и контроль за их движением не позволит погибнуть тем росткам самоуправления, которые только начали «прорасти» на достаточно сложной с экономико-политической точки зрения российской «почве».

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с поправками от 30.12.2008 года).
2. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.98 №145-ФЗ (с изменениями от 06.04.2011 г.).
3. Федеральный закон от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
4. Налоговый кодекс Российской Федерации.
5. Письмо Минфина России от 15.12.2006 № 06-04-08/01-161 «Методические рекомендации по организации мероприятий, направленных на обеспечение сбалансированности местных бюджетов».

УДК 338.49

ИНТЕГРАЦИЯ МАРКЕТИНГА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОСЕТЕВОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

И. А. Уншиков

INTEGRATION OF MARKETING FOR DEVELOPMENT OF AN ELECTRIC NETWORK COMPLEX OF REGION

I. A. Unshchikov

Огромный интерес на современном этапе развития электросетевого комплекса страны и отдельно взятых регионов России представляет исследование возможностей применения и интеграции маркетинга на различных уровнях управления электрическими сетями. Статья посвящена описанию основных компонентов, формирующих модель интеграции маркетинга, определению точек интеграции и механизмов её реализации в региональном масштабе.

Huge interest at the present stage of development of an electronetwork complex of the country and separately taken regions of Russia represents research of possibilities of application and marketing integration at various levels

of management of electric networks. Article is devoted the description of the basic components forming model of integration of marketing, definition of points of integration and mechanisms of its realization in regional scale.

Ключевые слова: интеграция маркетинга, имидж территории, развитие электрической сети региона, маркетинг территорий.

Keywords: Marketing integration, image of territory, development of an electric network of region, marketing of territories.

В настоящее время в большинстве регионов Российской Федерации существует проблема территориального развития электрической сети. Во-первых, физически изношенное и морально устаревшее сетевое оборудование энергокомпаний страны в целом составляет около 70 %, что создает серьезные проблемы развития отрасли. Активы магистрального сетевого комплекса, которые находятся под управлением Федеральной сетевой компании изношены на 50 %. Износ мощностей сегмента генерации составляет примерно 60 – 70 %. Наиболее изношенными являются мощности распределительного сетевого сегмента – до 70 %. Износ электросетевого оборудования ОАО «Холдинг Межрегиональная распределительная сетевая компания» – 69 %, что в два раза больше, чем показатели крупных зарубежных электросетевых компаний, которые составляют 30 – 45 %. [3] Острая необходимость реконструкции и модернизации оборудования стала основной предпосылкой для роста объема инвестиций.

Во-вторых, электросетевые компании вынуждены прогнозировать спрос на электросетевые услуги на различных территориях присутствия электрической сети компании. Это, в свою очередь, требует решения вопросов сбора, анализа информации о рынке и инвестиционного планирования развития электрической сети компаний.

В-третьих, строительство энергообъектов должно быть согласовано с администрацией региона и региональным диспетчерским управлением. Зачастую требуется разрешение технических управлений при администрации муниципального образования, что значительно усложняет и тормозит процесс подготовки к строительству или реконструкции электрической сети.

Региональные электросетевые компании нуждаются в качественном и своевременном развитии своих территориальных активов – электрической сети. Региональные органы власти и управления также заинтересованы в развитии инженерной инфраструктуры региона. Контроль над развитием электросетевой сферы в большинстве регионов страны потерян ввиду реструктуризации отрасли и делением электросетевого комплекса на мелкие части. Электросетевая сфера является одной из проблемных частей инженерной инфраструктуры практически любого региона страны. Она существенно сдерживает развитие экономики отдельных муниципальных образований и региона в целом, ухудшая его социально-экономическое положение.

Несмотря на то, что электросетевая сфера считается естественно-монопольной, уровень конкуренции на отдельных территориях региона может быть

высокий ввиду перспективности строительства электрической сети для электрообеспечения новых территорий застройки промышленными, социальными или иными видами объектов. Основным отличительным признаком такой конкурентной борьбы является растянутость по времени разработки, согласования и осуществления планов по строительству сетей на перспективной территории. На успех в конкурентной борьбе сетевых компаний влияет несколько факторов:

1. Уровень взаимодействия с администрацией региона и конкретного муниципального образования по вопросам перспективного расширения сетей и удовлетворения спроса потребителей.

2. Финансовые и технические возможности самой энергокомпании.

3. Тип используемой стратегии освоения перспективных территориальных рынков электросетевых услуг.

4. Уровень качества предоставляемых услуг на различных территориях региона.

Как видно из перечисленных факторов, для повышения конкурентоспособности сетевой компании на региональном электросетевом рынке необходимо подобрать наиболее эффективную маркетинговую стратегию развития сетей в регионе, которая будет базироваться на методологических аспектах эффективного взаимодействия сетевой компании с органами местного самоуправления, региональными органами власти и управления. Поскольку региональные органы власти различных уровней используют региональный и муниципальный маркетинг в развитии подведомственных территорий и крайне заинтересованы в развитии инженерной инфраструктуры региона, а сетевые организации пользуются инструментами маркетинга в основной деятельности, то имеет смысл рассмотреть возможность объединения маркетинговых усилий энергокомпаний, органов местного самоуправления, региональных органов власти и управления.

По мнению автора, сетевой организации необходимо разработать такую стратегию развития электросетевого комплекса региона, с помощью которой энергокомпания сможет заинтересовать региональную администрацию и администрации муниципальных образований в интеграции маркетинговых усилий. Для разработки механизма интеграции маркетинговых мероприятий различных уровней управления (энергокомпания – органы местного самоуправления – региональные органы власти и управления) необходимо найти точки соприкосновения используемого маркетингового инструментария.

В современной научной литературе территориальный маркетинг определяется как маркетинг в ин-

тересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория. В связи с этим выделяют:

- маркетинг территорий, объектом внимания которого выступает территория в целом, он осуществляется как внутри, так и за ее пределами;

- маркетинг на (внутри) территориях, объектом внимания которого являются отношения по поводу конкретных товаров и услуг, осуществляемый в пределах территории [4].

Для того чтобы найти точки соприкосновения маркетинга на разных уровнях управления развитием электрической сети, необходимо выделить общие цели осуществления маркетинга территорий и маркетинга сетевых компаний. На наш взгляд, к ним относятся:

- улучшение имиджа территории, ее престижа, деловой и социальной конкурентоспособности;

- расширение участия территории и ее субъектов (в том числе энергокомпаний) в реализации международных, федеральных и региональных программ;

- привлечение на территорию государственных и иных внешних по отношению к территории заказов;

- повышение притягательности вложения, реализация на территории внешних по отношению к ней ресурсов;

- налаживание механизма взаимодействия органов власти с сетевыми организациями;

- улучшение качества прогнозирования потребительского спроса на электросетевые услуги;

- стимулирование приобретения и использования собственных ресурсов территории за ее пределами к ее выгоде и в ее интересах.

Реализация перечисленных целей прямо или косвенно положительно влияет на деятельность сетевой компании и региональных, а также муниципальных органов власти. Достижение целей позволит сетевой компании наладить коммуникации с региональными и муниципальными органами управления, снимет административные барьеры, ускорит и упростит механизмы согласования и утверждения программы развития электросетевого комплекса. Помимо этого, сетевой компании, как субъекту инженерной инфраструктуры, крайне выгодно участвовать в социально-экономическом развитии региона. Данное участие помогает стимулировать спрос на электросетевые услуги, создавая при этом условия для развития бизнеса на перспективных территориях. Для региональных властей интеграция маркетинга станет гарантом своевременного и качественного развития такой жизненно важной части инженерной инфраструктуры области, как электрические сети. Таким образом, региональные и муниципальные органы власти имеют с электросетевыми компаниями общие цели.

Далее целесообразно выделить маркетинговый инструментарий сетевых компаний, использование

которого вкупе с территориальным маркетингом станет наиболее продуктивным и позволит осуществить вышеперечисленные цели. Из многообразия маркетинга на электросетевом предприятии автор выделяет маркетинг, осуществляемый службами технического и перспективного развития, а также инструменты PR-маркетинга. Энергокомпаниями широко используются маркетинговые исследования регионального рынка электросетевых услуг. Исследуются отдельные территории на предмет перспективного строительства объектов, появления инвесторов, разработки генеральных планов и схем развития территорий. Также зачастую, с приходом сетевой компании на новые территории, используются PEST-анализ и SWOT-анализ отдельных муниципальных образований. Помимо маркетинговых исследований, структурные подразделения энергокомпаний применяют методы системного анализа, скользящего прогнозирования развития электроэнергетики с периодическим переходом к новому временному горизонту и систематическим уточнением всей прогнозной информации, относящейся к предшествующим периодам. Используется также принцип отложенного решения. Принятие решения превращается из одноразового акта в многоэтапный процесс, организованный в порядке возрастания стоимости (ответственности) каждого частного решения о строительстве или реконструкции сетевых объектов. Для строительства новых сетевых объектов подобными решениями являются: финансирование разработки обоснования инвестиций и технического задания на разработку проекта, заключение контрактов с подрядчиками на строительство и поставки оборудования, финансирование первой и затем последующих очередей строительства.

Стоит заметить, что практически в каждом регионе страны работает несколько разных по территориальному охвату, финансовым возможностям и уровню напряжения сетевых компаний, что не позволяет применить рекомендации данной статьи для всех видов энергокомпаний. Большинство региональных электросетевых компаний работают в основном в нескольких муниципальных образованиях, строя и реконструируя свои объекты с учетом территориальных, экономико-географических и социально-демографических различий территорий.

В настоящее время большинство крупных российских электросетевых организаций, такие как ОАО «Федеральная сетевая компания» и ОАО «Холдинг МРСК» имеют филиалы практически во всех регионах и муниципальных образованиях регионов. Такие структурные единицы называются «районными электрическими сетями» (далее РЭС), и в большинстве случаев границы их сетевой хозяйств совпадают с муниципальными образованиями. Это помогает компании контролировать и развивать электрическую сеть непосредственно на местах. Поэтому, к примеру, ОАО «Холдинг МРСК» на различных уровнях управления использует различный инструментарий маркетинга. Исходя из этого, целесообразно проводить интеграцию маркетинговых

усилий на двух уровнях управления: региональный и муниципальный, как показано на рисунке 1.

Поскольку территориальный маркетинг является базисным набором рычагов влияния на развитие территорий, более масштабен по количеству применяемых маркетинговых инструментов, требует более подробного рассмотрения, то целесообразно спроецировать выбранные маркетинговые инструменты сетевой компании (кроме окружного) на все мезоуровни территориального маркетинга. Это позволит сформировать стратегическое направление интегрированного маркетинга и усилить воздействие выполняемого маркетинга на территориях. В научной литературе традиционно выделяют четыре большие группы стратегий, нацеленные на привлечение потребителей и инвесторов, развитие промышленности или экспорта региональных продуктов:

- маркетинг имиджа;
- маркетинг привлекательности;
- маркетинг инфраструктуры;
- маркетинг населения, персонала [4].

Маркетинг имиджа. Его основная цель – создание, развитие и распространение, обеспечение общественного признания положительного образа территории. Ведущий инструмент маркетинга имиджа – коммуникационные мероприятия, демонстрирующие открытость территории для контактов и позволяющие внешним субъектам лучше узнать ее, удостовериться в существенности имеющихся у нее преимуществ. Маркетинг имиджа должен стать одной из основ интеграции маркетинга различных уровней управления, так как большинству электросетевых организаций присуще слабое использование PR-инструментов, которые помогают формировать имидж компании. До появления конкуренции на электросетевом рынке PR-инструменты использовались крайне слабо ввиду того, что не было необходимости создания определенного имиджа. С появлением конкуренции на рынке электросетевых услуг энергокомпания крайне слабо и неохотно задействуют мощный потенциал PR. В рамках выполняемого маркетинга на территории использование интегрированных PR-акций в муниципальных образованиях позволит энергокомпаниям улучшить собственный имидж на конкретной территории, а также улучшить имидж самой территории. При нахождении электросетевого хозяйства других сетевых компаний в данном муниципальном образовании маркетинг имиджа позволит энергокомпаниям превзойти конкурентов в информационной освещенности потенциальных потребителей об услугах компании.

Следует выделить перечень основных PR-инструментов, которые целесообразно использовать в интегрированных кампаниях:

- пресс-конференции, выступления с заявлениями;
- пресс-релизы открытия и ввода в эксплуатацию нового сетевого оборудования, необходимого

для социально-экономического развития территории;

- статьи, ТВ - и радиосюжеты;
- презентации совместных программ развития территорий;
- конкурсы, премии, спортивные мероприятия под спонсорской поддержкой энергокомпаний;
- поездки, дни открытых дверей, пресс-клубы;
- создание общественных и профессиональных организаций;
- каналы обратной связи (по принципу единого окна, "горячие линии", веб-сайты).

Важно отметить, что следует разделять PR-инструменты, используемые на региональном и муниципальном уровнях. Для регионального уровня маркетинга больше подходят публикации в СМИ и организация каналов обратной связи. Для муниципального уровня наиболее эффективными будут мероприятия, проведенные на местах. Наиболее эффективными маркетинговыми мероприятиями на отдельных территориях следует считать специальные акции по привлечению внимания и формированию хорошего имиджа энергокомпаний и той территории, на которой она работает: поддержка спорта, культуры и искусства, проведение фестивалей, праздников и другие виды спонсорства.

В настоящее время Интернет-сайты региональных электросетевых компаний не пользуются успехом, посещаемость их крайне низкая. Хотя, в соответствии со Стандартами раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии, введенными в действие Постановлением Правительства РФ от 21.01.2004 № 24, сетевые компании должны ежемесячно выкладывать на свои Интернет-ресурсы информацию о правилах технологического присоединения, поданных заявках и заключенных договорах, а также информировать о возможностях присоединения объектов на различных территориальных делениях. Проблема в том, что потребители слабо проинформированы об Интернет-сайтах сетевых компаний. Эта проблема актуальна для подавляющего большинства электросетевых компаний. Данная проблема может быть решена с помощью публикаций в СМИ со ссылкой на сайт-компания, с помощью специальных рассылок и распространения информационных буклетов. Но прямая рассылка и распространение информационных буклетов будет эффективнее осуществляться РЭСами на муниципальном уровне, так как работники РЭС гораздо более осведомлены об особенностях территории и напрямую работают с потребителями.

Маркетинг привлекательности. В основном это мероприятия, направленные на повышение привлекательности данной территории для человека. Это может обеспечиваться путем благоустройства береговых линий, создания пешеходных, музейных, исторических или торговых зон, развития архитектуры, культуры, спорта. Электросетевая компания

имеет слабое влияние на привлекательность территории из-за дороговизны создания особых зон, парков, садов, скверов и т. д. Но может вносить свою лепту путем, например, акций по посадке деревьев, обустройства парков и скверов, материальной помощи детским домам, школам, больницам, церквям.

Одним из важнейших инструментов маркетинга привлекательности автор считает курирование, сопровождение и поддержка стратегических инвесторов совместно с администрацией региона. Так как электросетевая компания заинтересована в технологическом присоединении крупных объектов к её сетям, она может ускорить процесс выдачи технических условий и выполнения мероприятий по присоединению. Интеграция маркетинга в данном случае будет состоять в объединении маркетинговых инструментов: со стороны сетевой компании – Система управления взаимоотношениями с клиентами (или CRM, сокращение от англ. Customer Relationship Management System), а со стороны региональных и муниципальных властей – создание благоприятных условий для инвестора (налоговые льготы, выделение территории под застройку и т. д.). Интеграция маркетинга позволит создать наиболее благоприятные условия для инвесторов, что повлияет в итоге на развитие инфраструктуры региона, создаст новые рабочие места и увеличит налоговые поступления в местный и региональный бюджеты.

Маркетинг инфраструктуры. Он направлен на создание таких условий жизни на территории, чтобы на ней было удобно жить, работать и развиваться. Для этого нужно, прежде всего, развивать инфраструктуру жилых районов, промышленных зон, в целом рыночную инфраструктуру. Территория реализует комплекс политических, правовых, научно-технических и других действий и акций, направленных на развитие деловой, социально-экономической, культурной жизни территории, соответствующей инфраструктуры. Электросетевая компания в данном случае способна предложить региональным органам власти результаты собственных маркетинговых исследований инфраструктуры региона и отдельных муниципальных образований, методику прогнозирования внешнеэкономических, политических, демографических и других рисков. Также целесообразно сформировать единый механизм совместного анализа и проектирования планов по развитию территорий. Однако, в силу своей специфики электросетевые компании способны помочь региональным управлениям только в развитии электроэнергетики региона, как основной отрасли, субъектами которой являются сетевые компании.

Маркетинг населения, персонала. Территории, характеризующиеся разным состоянием дел, проблемами и потребностями в сфере занятости, выбирают разные стратегии. Так, территории с низким уровнем занятости и дешевой рабочей силой могут выдвигать это как аргумент для привлечения промышленников, предпринимателей сферы услуг с целью создания новых рабочих мест. Возможен и адресный маркетинг, нацеленный на привлечение на

территорию людей конкретных профессий, определенных уровней квалификации. Основная роль интегрирующей функции маркетинга населения и маркетинга сетевой компании в данном случае может быть следующей: сетевая компания, расширяя фронт собственных электрических сетей, создает дополнительные рабочие места в муниципальных образованиях. И поэтому маркетинг на территории, осуществляемый органами муниципального образования, которые ставят перед собой задачу снизить уровень безработицы, будет направлен на создание условий снижения безработицы, то есть условий, при которых сетевая компания сможет увеличивать объем сетевых активов.

Наращивание электросетевого хозяйства на территории и создание тем самым новых рабочих мест, а также установление достойного уровня зарплат для работников – общая цель для различных уровней управления маркетингом.

Очевидно, что выбранная стратегия совместного развития электросетевого комплекса региона должна базироваться на маркетинге имиджа, маркетинге привлекательности, маркетинге инфраструктуры и маркетинге населения с интегрированным инструментарием маркетинга сетевых компаний. Для каждого муниципального образования целесообразно разработать отдельную, уникальную стратегию ввиду территориальных, отраслевых и демографических различий.

Региональный уровень использования территориального маркетинга характеризуется менее эффективным влиянием его элементов, контролем исполнения маркетинговых мероприятий в муниципальных образованиях.

Автор считает, что основным документом, устанавливающим нормы взаимодействия администраций региона и муниципальных образований со структурными единицами сетевой компании, а также устанавливающим нормы использования интегрированного маркетинга, должно быть соглашение о взаимодействии администрации региона и её территориальных подразделений с сетевой организацией в области управления развитием перспективных и проблемных территорий региона. Основными элементами данного соглашения должны быть:

1. Утвержденная методика маркетинговых исследований и анализа подведомственных территорий.
2. Разработанные и утвержденные бизнес-процессы взаимодействия субъектов управления маркетингом.
3. Назначенные исполнители и ответственные за выполнение бизнес-процессов.
4. Порядок разработки, согласования и утверждения инструментария интегрированного маркетинга.
5. План мероприятий.
6. Бюджет мероприятий.
7. Порядок осуществления и анализа качества и эффективности маркетинговых мероприятий.
8. Утвержденные мероприятия отдельно для регионального и муниципального уровней.

9. Механизм контроля исполнения маркетинговых мероприятий на отдельных муниципальных территориях.

Основной целью соглашения о взаимодействии органов власти и управления региона с региональной сетевой компанией является формирование устойчивых условий развития электросетевого комплекса региона для снятия сетевых ограничений, развития подведомственных территорий, обеспечения доступности электрической сети для строительства объектов инвесторов. Доступность электрической сети для объектов потенциальных инвесторов в настоящее время играет немаловажную роль при принятии решения о строительстве на перспективной территории. Поэтому необходимо, чтобы соглашение о сотрудничестве с администрацией региона в сфере перспективного развития электросетевого комплекса энергокомпании давало право на строительство электрических сетей на перспективных территориях именно данной электросетевой компании. В настоящее время электросетевая компания по запросу администрации региона может предоставлять технические условия на технологическое присоединение к электрическим сетям объектов, планируемых к строительству на выделяемых администрацией региона территориях. В рамках заключенного соглашения, сразу после разработки технических условий, сетевая компания должна строить электрическую сеть для электроснабжения перспективной территории. Электросетевой компании необходимо инициировать заключение данного соглашения, обосновывая это общей заинтересованностью в развитии территорий и совместным использованием маркетинговых инструментов. Также дополнительным стимулом совместного развития территорий региона должно быть Постановление Правительства РФ от 17 октября 2009 г. № 823 «О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики», по которому администрация региона совместно с электросетевыми организациями и региональным диспетчерским управлением обязана разрабатывать и утверждать схемы перспективного развития электроэнергетики региона на ближайшие 5 лет. [1] В настоящее время зачастую региональные администрации занимают пассивную позицию по данному вопросу, поэтому важной задачей и стимулом для электросетевой компании в такой ситуации должна стать работа с администрацией региона по выполнению требований данного постановления.

Стоит отметить, что воздействие интегрированного маркетинга, по мере его использования и с учетом особенностей отдельных территорий муниципальных образований, должно плавно перетекать от регионального уровня к муниципальному. Муниципальный уровень использования интегрированного маркетинга характеризуется делегированием полномочий РЭСам компании по осуществлению маркетинга на территориях непосредственно в границах муниципального образования, крупными различиями в социально-экономическом развитии, отраслевой направленности, развитии инфраструктуры и

других немаловажных внешних и внутренних факторов. На муниципальном уровне маркетинг на территории осуществляется РЭСом и органами власти и управлениями муниципального образования. Он включает несколько отличный от регионального уровня инструментарий маркетинга, выбор которого зависит от вышеперечисленных внутренних и внешних факторов территории.

В отечественной научной литературе разделяют несколько типов муниципальных образований:

- городской округ;
- муниципальные районы;
- городские поселения;
- сельские поселения [2].

Для каждого типа муниципального образования целесообразно выделить точки интеграции маркетинговых усилий со стороны различных уровней управления маркетингом.

Для городского типа муниципальных образований свойственен городской тип организации жизнедеятельности, значительные человеческие и, как правило, незначительные территориальные ресурсы. Применительно к городскому типу муниципального образования осуществляется маркетинг, учитывающий следующие особенности городского образа жизни:

- высокая плотность населения, что, например, диктует целесообразность активной работы с наружной рекламой и особые формы и каналы распределения, сбыта товаров, оптовой и розничной торговли, развития муниципального потребительского рынка;
- концентрация в городах транспортной и деловой инфраструктуры, что ставит специфические задачи перед маркетингом услуг транспорта, связи, гостеприимства и туризма;
- размещение в городах, как местных, так и вышестоящих органов власти, что ведет города к совмещению муниципальных и столичных функций, усиливает "знаковость", символичный характер и значимость имиджевых проблем городского маркетинга как ведущего звена маркетинга территории более высокого уровня организации и управления;
- насыщенность информационной и образовательной среды города, что предоставляет особые возможности маркетинговым коммуникациям, научным разработкам, обучению маркетингу и задает повышенные требования к этим сферам деятельности;
- концентрированная обеспеченность современными городскими удобствами (особую роль может сыграть маркетинг жилищно-коммунальных услуг, а также недвижимости);
- высокая (относительно сельских районов) стоимость жизни и земли, особенно в крупных городах;
- напряженное состояние экологии большинства городов [5].

Исходя из перечисленных особенностей городского типа муниципальных образований, наиболее эффективными инструментами интегрированного маркетинга станет совместное проведение спортивных и праздничных мероприятий при информационной поддержке администрации города, использование совместной наружной рекламы, социальной рекламы, призывающей заботиться об окружающей среде человека в городе и использовать энергоэффективные технологии в производстве и жизнедеятельности. Важным элементом маркетинга населения в городском типе поселений автор считает совместную с администрацией города разработку и проведение курсов электробезопасности для школьников и студентов общеобразовательных учреждений.

Совместное с управлениями города создание центров обслуживания клиентов по принципу единого окна позволит сетевой компании улучшить качество и скорость работы по оформлению первичных документов на объекты потребителей, создаст возможности для анкетирования клиентов в целях выявления проблем обслуживания, а также создаст условия для раздачи информационных брошюр о проводимых акциях сетевой компании, администрации и управлений города.

Важным аспектом интеграции маркетинговых усилий автор считает совместное развитие моногородов, посредством предоставления субсидий на технологическое присоединение различных групп потребителей в моногородах. Для многих регионов, таких, как Кемеровская, Томская, Самарская области, Алтайский край и других, это является актуальной проблемой реструктуризации инфраструктуры, в том числе и инженерных сетей.

Перечисленные мероприятия, проведенные в рамках маркетинга на территории, позволят сформировать положительный имидж компании у потребителей, упрочат коммуникационную связь с органами власти различных уровней и потребителями, а также будут способствовать привлечению на территорию потенциальных инвесторов. Улучшая качество услуг, перечисленные субъекты управления интегрированным маркетингом способствуют улучшению общей картины электрообеспечения потребителей на данной территории, повышая инвестиционную привлекательность территории.

Комплексная форма территориальной организации муниципального образования снимает территориальные ограничения для развития городов и поселков муниципального образования, позволяет задействовать агломерационный потенциал города и окрестностей, с одной стороны, и ресурсы деревни – с другой. Как показывает анализ комплексных образований, значительную их часть составляют бывшие административные районы, включающие районные центры, а также агломерационные муниципальные образования, включающие в свой состав города, окружающие поселки, села, деревни.

Комплексный тип территориальной организации муниципального образования наиболее сложен в выборе и использовании инструментов маркетинга. Наличие городских поселений, граничащих с сель-

скими территориями, находящимися в неразрывной связи друг с другом, на небольшой по размерам территории указывает на малую эффективность влияния различных инструментов маркетинга на потенциальных потребителей и инвесторов ввиду разобщенности их интересов. Маркетинговый эффект от общих мероприятий, которые используются для всех типов муниципальных образований, проведенных на комплексной форме территории, будет в разы меньше, чем в других типах муниципальных образований. Поэтому целесообразно разделять инструменты интегрированного маркетинга для городских поселений и сельских территорий. Инструментарий интегрированного маркетинга, частично выбранный из маркетинга, осуществляемого на городской и сельской территории, объединенный в комплекс маркетинговых мероприятий для осуществления в муниципальном образовании со смешанным типом поселений, будет эффективен при условии адаптации маркетинговых инструментов. Помимо основных внешних и внутренних факторов на выбор интегрированных маркетинговых инструментов будут влиять такие факторы, как соотношение доли городских поселений к сельским, их отраслевая направленность и численный состав населения.

Сельский тип проявляется в усилении процессов натурализации всего хозяйства, а также в наличии значительных территориальных ресурсов для развития. Сельский тип, с точки зрения применения маркетинга, характеризуется прежде всего слабым развитием инфраструктуры, в том числе и инженерной. Это обусловлено высокой долей сельского хозяйства, которое крайне слабо нуждается в развитии инженерной инфраструктуры. Однако в сельской местности во многих регионах страны существует проблема стабильного и качественного электрообеспечения потребителей. Это связано с большим объемом бесхозного сетевого оборудования, которое выходит из строя и его зачастую некому ремонтировать.

Основой интеграции маркетинга сетевой компании и управления муниципального образования в данном случае должна стать совместная работа РЭСа энергокомпании и администрации муниципального образования по сбору информации, анализу и изучению электросетевых активов территории с последующим принятием бесхозного сетевого оборудования на баланс энергокомпании. Для этого в рамках интегрированного маркетинга целесообразно использовать интегрированные методологии маркетинговых исследований таких территорий, их PEST-анализ и SWOT-анализ.

После обработки и анализа информации для данной сельской территории должна быть выбрана стратегия развития сетевого комплекса, которая будет осуществляться при непосредственной поддержке региональных и муниципальных органов власти. Этот механизм интеграции маркетинговых усилий и последующего развития электрической сети может быть задействован также при выявлении необходимости промышленного развития сельских территорий. Так как привлечение инвесторов на

перспективные территории является одной из основных целей энергокомпании и органов власти, то имеет смысл создавать благоприятные условия для инвесторов именно на той территории, где инвестор планирует осуществить свои планы. Помимо уже предложенной интеграции CRM со стороны энергокомпании и маркетинга на территории, направленно-го на создание благоприятных условий для инвесторов, стоит рассмотреть интеграцию усилий со стороны различных уровней управления маркетингом по формированию механизма подготовки перспективных территорий для привлечения инвесторов.

Перспективная территория станет успешнее привлекать инвесторов сама собой, если к ней будут подведены все необходимые инженерные сети, дороги, железнодорожные пути и т. д. Также территория должна быть уже с готовыми техническими условиями на технологическое присоединение объектов потенциальных потребителей к электрическим и тепловым сетям.

Интегрирующая роль маркетинга в данном случае состоит в том, чтобы исследовать возможные территории, которые в ближайшем будущем будут пользоваться спросом у инвесторов, определить наиболее перспективные и организовать подвод и строительство инженерных коммуникаций, привлечь мелкий и средний бизнес для формирования полноценной инфраструктуры территории. Пере-

численные мероприятия усилят конкурентные преимущества данной территории, станут примером для соседних территорий региона и позволят улучшить инвестиционный климат региона. А электросетевая компания, выполняя комплекс предложенных интегрированных маркетинговых мероприятий, качественно простимулирует спрос на электросетевые услуги на данной территории. Также, по мнению автора, наружная реклама, размещенная в крупных промышленных агломерациях, способна привлечь внимание потенциальных инвесторов на конкурентные преимущества перспективных сельских территорий.

Помимо перечисленных интегрированных маркетинговых усилий, поддержку сельским производителям могут оказать ярмарки и выставки, организованные сетевой компанией в районных центрах или городских поселениях. Это заинтересует городских потребителей сельскохозяйственной продукции, поможет наладить или увеличить её сбыт и будет способствовать развитию сельскохозяйственных регионов, что в итоге привлечет потенциальных инвесторов и увеличит спрос на электросетевые услуги.

Общая структура взаимодействия региональных органов власти и управлений с региональной электросетевой компанией в рамках интегрированного маркетинга приведена на рисунке 1.

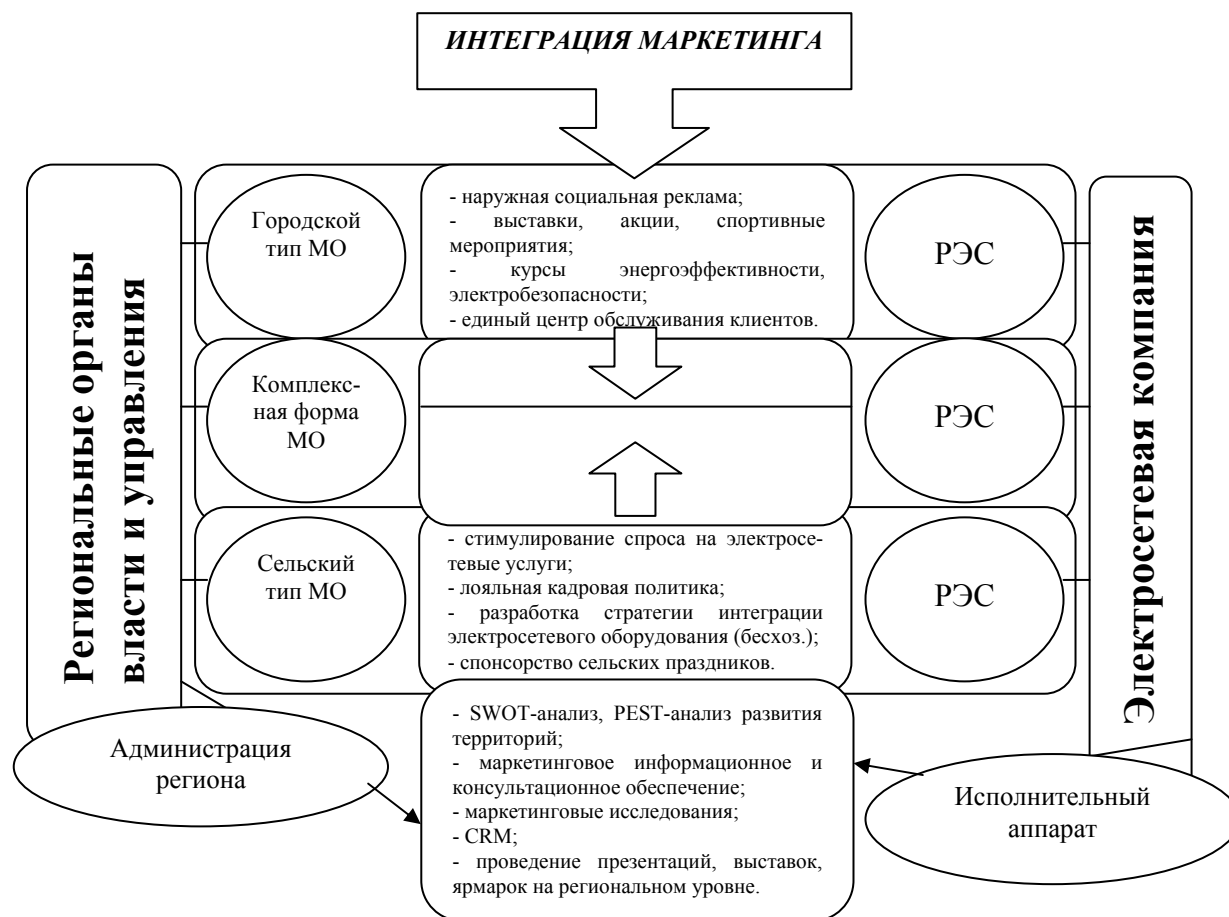

Рис. 1. Схема интеграции маркетинга сетевой компании и маркетинга муниципальных территорий

Использование энергокомпанией и администрацией региона адекватных типу муниципального образования и региона в целом инструментов интегрированного маркетинга должно сыграть особую роль в позиционировании территории, определении стратегии деятельности компании для развития ее преимуществ, уменьшения конкурентных недостатков на территориальных рынках, улучшению имиджа энергокомпаний и налаживанию совместной работы с администрациями различных уровней. Помимо этого, интеграция маркетинга позволит энергокомпаниям практически беспрепятственно развивать электрическую сеть в регионе, проводить плановые ремонты оборудования и реконструировать морально и физически устаревшие сетевые активы.

Создание образа региона – долгосрочная работа, она не только способствует развитию экономики, но и создает благоприятный фон для повышения качества жизни населения, улучшая существующий психологический микроклимат и снимая социальную напряженность. Эффективная и слаженная работа сетевой компании и администрации региона в рамках интегрированного маркетинга должна преобразить регион, улучшить инвестиционную привлека-

тельность и значительно повысить спрос на электросетевые услуги, к чему и стремятся электросетевые компании.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 17 октября 2009 г. № 823 «О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики».
2. Бочкарева, Т. В. Типы муниципальных образований в РФ [Текст] / Т. В. Бочкарева, В. Н. Калущков // Местное самоуправление и государственная власть: сб. науч. тр. – М.: РОПЦ, 1998. – С. 79.
3. Рост энергопотребления + износ оборудования = катастрофа [Электронный ресурс] / И. Власов. – URL: <http://www.tehsovet.ru/article-2010-10-1-1312>.
4. Панкрухин, А. П. Зачем, кому и какой нужен маркетинг территорий [Текст] / А. П. Панкрухин // Рекламодатель: теория и практика. – 2002. – № 1.
5. Панкрухин, А. П. Маркетинг города, муниципального образования [Текст] / А. П. Панкрухин // Рекламодатель: теория и практика. – 2002. – № 1.

УДК 330.002

ИНФОБИЗНЕС КАК ВИРТУАЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

А. И. Щербakov

INFOBUSINESS AS THE VIRTUAL FACTOR OF ECONOMIC GROWTH

A. I. Scherbakov

В данной статье инфобизнес рассматривается как особая форма малого бизнеса, предпринимательства. Кроме того, инфобизнес представлен как специфическая часть нематериального производства в системе отношений экономического роста. Рассмотрены черты продукта инфобизнеса и его особенности как вида деятельности.

Infobusiness is considered as the special form of small-scale business in given article. Besides infobusiness is presented as a specific part of non-material production in system of relations of economic growth. Lines of a product of infobusiness and its features as activity kind are considered.

Ключевые слова: инфобизнес, нематериальное производство, экономический рост.

Keywords: infobusiness, non-material production, economic growth.

В литературе последних десятилетий четко вырисовывается тенденция изменения отношения к проблеме экономического роста, к новому представлению о структуре современной экономики, о значении ее составных частей. Если речь заходит об источниках экономического роста в современных условиях, то на первый план выходит значение науки, научных продуктов, информации, новейших технологий, образования, человеческого капитала. Обратим внимание, что к факторам роста относят нематериальные продукты. На наш взгляд, это – не случайное явление, а закономерность, нематериальное производство должно развиваться более быстрыми темпами, чем материальное. Это связано с рядом причин. Одна из них – истощение материальных ресурсов, загрязнение окружающей среды. Человеческая цивилизация вступила в глубокий

конфликт с природой, окружающим миром. Расточительное и необдуманное расходование природных ресурсов экономическими субъектами всех уровней привело к глобальному экологическому кризису, который находит проявление в изменении климата, в загрязнении окружающей среды, атмосферы, океана, в образовании парникового эффекта и озоновых дыр и т. д. В плане решения данной проблемы сфера услуг является вариантом нахождения выхода из положения. Сфера обслуживания, как известно, составляет важнейшую часть нематериального производства, она в большей мере ориентирована на затраты ресурса труда, чем капитала, по этой причине она гораздо меньше влияет на загрязнение окружающей среды. Вторая причина – эта структурная часть экономики более непосредственно выходит на нужды человека, а человек с его потребностями и

предпочтениями стоит во главе экономики. Третья причина заключается в том, что такие продукты сферы нематериального производства, как «знания, научные открытия, информационные продукты имеют результативность, в десятки раз превышающую общественно-необходимые затраты на их получение» [2, с. 56]. То есть продукция этой сферы, будучи нефондоемкой, неэнергозатратной, не загрязняющей окружающую среду, в то же время может существовать как мощный источник роста. Последнее время наметилась тенденция опережающего роста сферы услуг по сравнению с традиционным производством. Так, в США с 1950 по 1933 г.г. относительная численность занятых в сельском хозяйстве и лесоводстве сократилась в 5,2 раза, в добывающей промышленности – в 4 раза, в обрабатывающей индустрии – фактически вдвое. При этом в строительстве, транспорте и связи сокращения числа занятых не наблюдалось, в торговле за указанный период был незначительный прирост; в то же время валовый продукт сферы интерперсональных услуг рос темпами, опережающими валовой продукт сферы материального производства во Франции – в 2 раза, в США и Германии в 6 раз, в Англии – 30 раз [4, с. 66]. Сфера услуг не является однородной, поэтому существует необходимость определения ее структуры. В этом вопросе у авторов нет единого мнения. Ряд авторов считают, что все отрасли данной сферы вносят одинаковый вклад в результаты деятельности материального производства, поэтому нет смысла делить сферу услуг на материальную и нематериальную составляющие. В то же время очевидно, что те отрасли сферы услуг, которые основаны на использовании интеллектуального капитала, играют более важную роль в экономике, растут более быстрыми темпами и должны быть выделены как отдельный компонент. Многие авторы обращают внимание на классификацию, предложенную В. Иноземцевым. В соответствии с ней выделяются следующие секторы: непосредственно третичный, охватывающий услуги материального характера (транспорт, связь, складское хозяйство), четвертичный (торговля, финансы, страхование, недвижимость) и пятеричный (личные, профессиональные, деловые услуги и услуги государственного управления) [3, с. 112].

Само понятие «услуга» до сих пор не определено на унифицированной основе, более того, есть основания полагать, что в дальнейшем углубление и расширение деятельности в этой сфере еще больше сократит шансы на договоренность в этом вопросе. На эмпирическом уровне выход из положения находится в классификации видов услуг. Составляются перечни-классификаторы конкретных операций (сделок), сфер деятельности или результатов конкретной деятельности (потребительских благ), которые относятся к услугам. Несмотря на различия в методологии и широте охвата группируемых элементов и критериев их отбора, основой всех классификаторов является «услуга вообще», исходя из которой в качестве элемента классификатора определяется «услуга конкретная». Впервые Универсальный между-

народный классификатор был создан в 1988 г. с целью упорядочения торговых отношений. Изначально были рассмотрены несколько основных международных классификационных систем, имеющих отношение к услугам, которые можно условно разделить на три группы: классификаторы международных операций, классификаторы видов деятельности и классификаторы продуктов.

В соответствии с методикой МВФ, балансовый счет международных операций состоит из двух частей: счета капитальных операций и счета текущих операций. Недостатком этой части расчетов являлось то, что в данный раздел включались не все операции, а именно услуги, предоставляемые иностранными поставщиками гражданам другого государства на его территории. Что касается классификаторов видов деятельности, то по отношению к услугам обнаруживаются два недостатка. Во-первых, классификация не является полной с точки зрения охвата услуг: каждая рубрика классификатора, посвященная какому-либо одному их виду, может включать в себя только те услуги, оказание которых является основным видом деятельности экономической единицы, ее основной специализацией. Второй недостаток проистекает из того, что в данной системе расчетов учитываются только услуги, предназначенные для конечного потребления, и не учитываются те, которые являются факторами производства, то есть используются для производственного потребления.

В системе классификаторов продуктов выделяются методики CPC и ISIS, вторая методика является более однонаправленной, то есть предполагает включение только тех услуг, которые относятся к сектору, представляющему основной предмет деятельности такого производителя, то есть производство продукта; в CPC, напротив, все виды деятельности такого предприятия будут сгруппированы в соответствующих рубриках и подрубриках. Таким образом, CPC дает более детальную и всеобъемлющую картину секторов услуг. CPC выделяет около 600 видов услуг, в то время как ISIS содержит только 138 «услуговых» видов деятельности, и позволяет достичь большей четкости, точности и высокой детализации при описании обстоятельств в отношении услуг в торгово-политическом соглашении. В классификаторе ГАТС услуги сгруппированы в следующие двенадцать разделов: деловые услуги, услуги в области связи; строительные и связанные с ними инженерные услуги; дистрибьюторские услуги; услуги в области образования; услуги, связанные с защитой окружающей среды; финансовые услуги; услуги в области здравоохранения и социального обеспечения; туризм и услуги, связанные с путешествиями; услуги по организации досуга, культурных и спортивных мероприятий (кроме аудиовизуальных услуг); транспортные услуги; прочие услуги, не вошедшие в перечисленные разделы (например бытовые). Каждый из этих разделов подразделяется на рубрики, которые в большинстве случаев детализируются на подрубрики.

Итак, данный классификатор в очередной раз подтверждает, что международная торговля услугами стала важнейшей сферой торгово-политических интересов. Есть данные, что в 1980-е годы темпы роста международной торговли услугами обгоняли темпы роста внешней торговли товарами примерно на 2,4 – 2,8 пункта [1, с. 5]. Это явление объясняется многими причинами. К ним относятся, во-первых, расширение сектора производственных услуг и выделение его в самостоятельную сферу, к которой относятся проектно - конструкторские разработки, подготовка технико-экономического обоснования производства, исследование рынка, обслуживание вычислительной техники, разработка программного обеспечения и обработка данных, бухгалтерский учет, консультирование по вопросам сбыта, транспортировка, реализация продукции. Во - вторых, научно-техническая революция, прежде всего в сфере телекоммуникаций и информатизации, значительно расширила возможности оказания ранее существовавших услуг; в литературе есть масса примеров, свидетельствующих о расширении масштабов электронной торговли. В-третьих, услуги становятся сферой приложения крупного капитала транснациональных компаний, в то время как раньше они занимали нишу малого или среднего бизнеса. Особенно эти тенденции нашли применение в финансовой сфере. Растет доля прямых иностранных инвестиций в секторе услуг.

Мы обратили внимание на то, что не только появился, но и активно развивается новый сектор услуг – информационный электронный бизнес. В одном из источников говорится, что Интернет-бизнес – это компания, получающая все или часть доходов с помощью Интернета, то есть путем предоставления услуг или продажи товаров через Интернет [5, с. 40]. Изначально он представляет собой своеобразное явление, так как имеет форму малого бизнеса, но включает в себе черты других форм бизнеса. По профилю деятельности информационный бизнес представляет собой сложный синтез информационного рынка, торговли, производства, маркетинга. По форме собственности он также выступает продуктом комбинирования: личной собственности, общественной, международной. Специфика данной формы бизнеса непосредственно обусловлена его составляющими компонентами. Если обратится к литературе, то к основным моментам деятельности в этой сфере относятся следующие направления:

- технические моменты создания и оформления собственных сайтов – как тематического центра, так и коммерческого мини-сайта (или нескольких мини-сайтов);
- написание собственных авторских публикаций для всевозможных целей, то есть подготовка авторского контекста – статей, электронных книг, курсов обучения, аудиозаписей, видеоматериалов и пр. как для бесплатной раздачи, так и для продажи в виде собственных товаров; издание собственной рассылки;

- Интернет-маркетинг, то есть деятельность по формированию личного бренда, бренда собственных товаров и услуг, использование различных рекламных каналов, укрепление отношений с аудиторией и пр.;

- раскрутка, то есть деятельность по обеспечению целевого трафика на свои сайты, наращивание количества подписчиков рассылки и пр.;

- копирайтинг, то есть написание эффективных продающих текстов для своих товаров и услуг;

- управление собственной партнерской программой и совместными проектами;

- GRM-управление отношениями с клиентами, прием платежей, доставка товаров и все прочие моменты клиентского обслуживания, прежде всего послепродажного.

В обозначенных выше направлениях деятельности инфобизнеса, хотя их перечень здесь далеко не полный, прослеживается вся специфика явления предпринимательства. Во-первых, наличие субъективного фактора: человек, нашедший свою нишу в системе Интернета, сумевший привлечь внимание покупателей, должен обладать огромным творческим потенциалом; быть изобретательным; находиться в постоянном поиске, так как этот рынок быстро насыщается; чувствовать настроения своих покупателей, то есть в определенной степени быть психологом; быть эмоционально устойчивым, так как первые продукты редко пользуются спросом и необходимо выстоять первые неудачи. Во-вторых, что касается информационного бизнеса как объективного явления предпринимательской деятельности. Такие компоненты, как риск, комбинирование факторов производства, выбор наиболее оптимального варианта из массы возможных, самостоятельность в принятии решений, вклад в формирование общественного богатства, наличие первоначального капитала, получение предпринимательского дохода как конечная цель деятельности – все эти моменты в наличии и свидетельствуют о том, что перед нами – явление предпринимательства (мы сознательно не вдаемся в дискуссии по вопросу содержания предпринимательства, это не наша исследовательская задача). Вместе с тем очевидно, что специфика неизбежна. Она объясняется особенностями самого продукта и особенностями данного процесса деятельности. Продукт инфобизнеса имеет следующие особенности:

- прежде всего он виртуален в большинстве случаев, то есть не имеет даже вещественного носителя, материальность продукта определяется его существованием в пространстве Интернета. Продуктом он выступает, так как несет определенную пользу потребителю;

- продукт быстро устаревает, как и любая информация;

- фактор пользы этого продукта достаточно неопределенный, так как в информационном пространстве существует много аналогов;

– факт потребления инфопродуктов в большей мере, чем на других рынках, зависит от особенностей потребителей: их настроений, их капризов, их предпочтений. Например, потребитель отказался от покупки картошки, но заплатил в Интернете за совет о том, как стать счастливым и молодым, хотя его выбор в пользу последнего блага вполне может оказаться совершенно бесполезным.

Интернет-бизнес как вид деятельности имеет следующие особенности:

– прежде всего люди, связанные с ним, заняты данной формой деятельности в личное время, то есть их профессиональная жизнь зачастую осуществляется отдельно. Так, в работе западного автора К. Ших говорится: «...люди работают сами на себя, работают дома, а на работе трудятся так, как будто ведут свой собственный бизнес» [6, с. 33];

– разумеется, предприниматели подобного рода имеют все-таки одну квалификационную особенность: они обладают компьютерной грамотностью, как правило, совершенствуют свои навыки в этой сфере, более того, привычка работать с электронной техникой доставляет им удовольствие, поэтому они и выбирают нетрадиционные, контактные виды бизнеса;

– бремя риска, на наш взгляд, значительно отличается в исследуемом случае. Организаторы информационного бизнеса не осуществляют больших затрат, не арендуют помещения, не берут кредиты, не обременены проблемой создания инвестиционного фонда, перед ними не стоит проблема заговаривания, хотя нельзя отрицать фактор серьезной конкуренции. Доступность данного вида бизнеса как раз привлекает потенциальных конкурентов;

– наличие собственного капитала, проблема предпринимательства-собственности всегда была спорной, но в данном случае она становится несущественной, по крайней мере, в отношении первоначального капитала. Человеку, выбравшему этот вид деятельности, достаточно иметь компьютер с выходом в Интернет. Главный его ресурс – это его интеллект, творчество, фантазия. Характеристика Й. Шумпетером предпринимателя как новатора весьма подходит к данной ситуации;

– необходимость заниматься комбинацией традиционных ресурсов: труда, земли, капитала, выбор их оптимальной комбинации тоже утрачивает свое значение, так как выше мы уже обозначили главный и практически единственный ресурс (проблему включения интеллектуальной собственности следует изучить отдельно);

– предпринимательское пространство для данного вида деятельности тоже имеет свою специфику: оно практически не ограничено географическими условиями, оно зависит от сферы действия Интернета. По сути дела, глухая сельская местность или Антарктида могут быть включены в сферу действия данного вида предпринимательства при выполнении вышеуказанного условия;

– такой элемент предпринимательской деятельности, как целевая установка на предпринимательский доход выражена в этой ситуации достаточно ярко, хотя есть и свои особенности. Интернет-бизнес может достаточно быстро принести большие доходы при незначительных затратах, причем людям таких категорий, как женщины с маленькими детьми, инвалиды, молодежь. Важен и тот факт, что отсутствие дохода не влияет на благосостояние человека, так как он, как правило, занят в дневное время в реальном секторе экономики.

Таким образом, предпринимательскую деятельность в сфере Интернет-бизнеса мы можем определить как деятельность через посредство возможностей компьютеризации с целью получения предпринимательского дохода на основе незнергоемкого, нефондоемкого нематериального производства (практически виртуального производства) с преимущественным использованием одного ресурса – интеллектуального.

Предпринимательская деятельность подобного направления имеет следующие положительные результаты для экономики и общества:

– она дает, как и любой другой вид малого бизнеса, возможность самозанятости, человек себя чувствует более защищенным как в отношении получения доходов, наличия рабочего места, так и в плане востребованности его личных способностей и устремлений. Многие источники, дающие рекомендации по тому, как начать Интернет-бизнес, советуют посвятить его работе в сфере интересов автора, причем не обязательно профессиональных;

– эта деятельность связана с использованием своеобразного вещественного капитала – электронной техники, поэтому она изначально является инновационной, передовой, она потребляет продукты современных технических знаний и способствует их развитию;

– она расширяет возможности потребителей: люди могут получить полезную информацию, купить литературу, даже получить возможность зарабатывать, не отходя от компьютера;

– эта деятельность способствует формированию принципиально новых рынков – виртуальных, где нет надобности в географическом пространстве, непосредственной встрече покупателя и продавца, где объектом купли-продажи тоже является виртуальный продукт;

– данная форма малого бизнеса является особой нишей на рынке информационных услуг, она заполняет «белые пятна» рынка информации, предоставляет редкие, специфические информационные ресурсы для людей о счастье, о здоровье, о воспитании детей, об управлении весом, об организации семьи, о получении особых навыков за короткое время, об умении зарабатывать деньги, об умении грамотно общаться с людьми в социальной среде, с подчиненными, с начальством, с конкурентами и т. д.;

– как мы уже подчеркивали выше, эта форма предпринимательской деятельности не загрязняет

окружающую среду, не предполагает выбросов в атмосферу, не требует поглощения природных ресурсов, не связана с вредными процессами, ее расширение не повлечет за собой дополнительные энергозатраты;

– данная форма деятельности изначально является международной, поэтому не надо прилагать дополнительные усилия по распространению продукции этой сферы на мировых рынках.

Литература

1. Данилова, Е. В. ВТО: регулирование торговли услугами / Е. В. Данилова. – М.: Академкнига, 2003. – 95 с.
2. Ельмеев, В. Трудовая парадигма политической экономии / В. Ельмеев // Экономист. – 2006. – № 11. – С. 52 – 59.

3. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев – М.: Наука, 1998. – 640 с.

4. Супрун, В. А. Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке / В. А. Супрун. – М.: Ком. Книга, 2006. – 192 с.

5. Уилсон, Р. Планирование стратегии Интернет-маркетинга / Ральф Ф. Уилсон – М.: Издательский дом Гребенникова, 2003. – 264 с.

6. Ших, К. Эра Facebook. Как использовать возможности социальных сетей для развития Вашего бизнеса / Клара Ших; пер. с англ. Михаила Фербера. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 304 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «Актуальные проблемы современного словообразования» (г. Кемерово, КемГУ, 4 – 6 июля 2011 г.)

И. А. Свиридова, Л. А. Араева, Э. С. Денисова

IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "Topical problems of modern building" (Kemerovo, KemGU, 4 – July 6, 2011) *I. A. Sviridova, L. A. Araeva, E. S. Denisova*

В Кемеровском государственном университете прошла очередная – четвертая – Международная научная конференция, на которой обсуждались актуальные проблемы современного словообразования. Организация и проведение конференции уже вторично были поддержаны Российским гуманитарным научным фондом (проект № 11-04-14087г).

Как и прежде, на информацию о проведении конференции откликнулись ученые из разных городов России, Ближнего и Дальнего Зарубежья. Как и прежде, был мощный в научном отношении состав участников – это известные научные сотрудники российских НИИ, профессора, доктора наук ведущих вузов России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Башкортостана, Бурятии, Татарстана, Монголии и др., кандидаты наук, старшие преподаватели, учителя, аспиранты, студенты и даже школьники. Были те, кто не равнодушен к проблемам современного словообразования. По сложившейся многолетней традиции сформировались уже целые коллективы, объединенные не только территориальной, но и научной сферой. В очередной раз подали заявки делегации из:

Павлодара (Р. Р. Жаева, А. Ж. Кайрамбаева, М. Н. Мостовая, К. М. Рожкова),

Бийска (А. И. Акимова, А. М. Геращенко, Т. В. Бус, Е. В. Белгородцева, Т. В. Жукова,

А. М. Кубарич, С. Н. Сокольникова, У. М. Трофимова, Ю. В. Трубникова), **Барнаула** (В. П. Барбашов, К. И. Бринев, И. А. Вагнер, И. С. Карташевич), **Лесосибирска** (И. В. Евсеева, М. В. Веккерс, Г. К. Кеосиди, М. И. Махракова),

Оренбурга (Г. Г. Москальчук, И. Г. Гороя, Е. Н. Карельская),

Ставрополя (Т. Г. Борисова, В. М. Грязнова, И. В. Горбунова),

Улан-Удэ (В. С. Макрова, Д. Б. Очирова, Д. Ш. Харанутова),

Уфы (С. С. Габдуллин, Г. Р. Искандарова, Р. А. Шаяхметов),

Томска (З. А. Резанова, Е. А. Юрина, О. В. Нагель, Ю. В. Филь).

Впервые не была заявлена в качестве участника Елена Самойловна Кубрякова, впервые в нашем сборнике нет ее работы. Но, как и прежде, на конференции звучало имя Елены Самойловны – русского дериватолога, известного всему миру. Светлая память этому замечательному Ученому. Ушла целая эпоха. Елена Самойловна – это незаурядный человек, масштабно мыслящий и всегда готовый прийти на помощь, щедро даря свои идеи. И вот ее нет. Но нет физически, духовно она с нами. И настоящая конференция посвящается светлой памяти Елены Самойловны Кубряковой.

Всего в работе конференции в очной и заочной формах приняли участие дериватологи из 32-х городов России, 7 городов ближнего зарубежья (Бишкек, Минск, Киев, Алматы, Астана, Атырау, Павлодар), 4-х городов республик России (Абакан, Казань, Улан-Уде, Уфа) и из Дальнего Зарубежья (Улан-Батор) – 139 человек, из них: д-р филол. наук – 24; канд. филол. наук – 60 (из них канд. техн. наук – 1; канд. пед. наук – 1); аспирантов и соискателей – 31; магистров – 3 (2 – филол. наук; 1 – пед. наук); магистрантов – 5; студентов – 9; школьников – 6; независимых исследователей – 1.

С приветственным словом выступила председатель оргкомитета конференции, ректор Кемеровского государственного университета, доктор медицинских наук Ирина Альбертовна Свиридова, отметившая высокий уровень квалификации преподавателей факультета филологии и журналистики, на котором в настоящее время работает 10 докторов наук; скоро будет еще один: защитила докторскую диссертацию в мае этого года под руководством проф. Н. Д. Голева доц. Н. В. Мельник. Не за горами защиты докторских диссертаций М. А. Осадчего и А. В. Чепкасова (научный консультант – проф. Л. А. Араева) и С. В. Оленева (научный консультант – проф. П. А. Катышев). В январе 2012 г. в докторантуру поступает Э. С. Денисова (научный консультант – проф. А. Г. Антипов). И. А. Свиридова, в частности, сказала: «На факультете 6 ведущих научных школ, утвержденных Советом университета, то есть у нас сильное филологическое научное сообщество, не уступающее в качественном отношении центральным вузам России. Четвертая Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного словообразования» проходит в Кемеровском государственном университете в рамках Кемеровской дериватологической школы, которая существует более 23 лет. Поэтому совершенно не случайно к нам едут ученые из России, Ближнего и Дальнего Зарубежья. У вас, коллеги, есть проблемы, которые необходимо обсудить на конференции в наше непростое, очень разбалансированное время. Желаю вам плодотворной работы. В свою очередь, я уверена в будущем сотрудничестве с лингвистами в рамках научных проектов, потому что на основе анализа речи можно диагностировать многие психофизиологические заболевания и с помощью речевого воздействия их излечивать, что особенно необходимо для сохранения здоровья учащейся молодежи».

На пленарном заседании выступили профессора: Л. А. Араева (Кемерово) высветила основные проблемы изучения словообразования в XXI веке, сделав акцент на том, что структурно-системная лингвистика должна находиться в основе когнитивной научной парадигмы, с объяснением тех деривационных процессов, которые были описаны в традиционном словообразовании, отметив при этом, что новый взгляд позволил выявить ранее не отмеченные языковые факты (в частности, пропозиционально-словообразовательная синонимия и пропозиционально обусловленная полимотивация) и объяснить

уже описанные явления, например, многозначность производных слов; пропозиционально-фреймовое устройство словообразовательного типа и гнезда однокоренных слов.

Г. Е. Крейдлин (Москва) рассмотрел актуальную проблему, связанную с взаимодействием вербальных и невербальных компонентов в речи преподавателей, убедительно показав, как жесты дополняют, конкретизируют речь, делают ее образной и запоминающейся. Производные жесты, равно как и производные слова, отметил докладчик, способны к взаимодополнению на том основании, что их системное устройство изоморфно тем парадигматическим связям, которые описаны при исследовании вербальных компонентов. Неподдельный интерес вызвало описание производных слов, именующих названия частей детского тела с выявлением особенностей полисемии данных производных и ее спецификой по сравнению с наименованиями частей тела взрослого человека.

Три доклада были посвящены вопросам префиксального словообразования.

В докладе М. А. Кронгауза (Москва) выдвигается гипотеза о семантической мотивированности сочетаемости приставок с глаголами, которая предполагает обусловленность выбора конкретной приставки и набора значений соответствующего приставочного глагола семантикой глагольной основы или, точнее говоря, наличием или отсутствием у нее определенных семантических признаков. Гипотеза задает два направления лингвистической деятельности. Во-первых, формулирование правил сочетаемости глаголов с той или иной приставкой и правил «вычисления» значения соответствующих приставочных глаголов, основанных на семантических признаках мотивирующих глаголов. Во-вторых, поскольку приставочная сочетаемость глагола семантически мотивирована, она должна служить важным языковым свидетельством для семантического анализа бесприставочных глаголов. О значении бесприставочного глагола можно судить по наличию у него приставочных коррелятов. Докладчик считает значимым говорить о приставочной парадигме глагола, матрице его совместимости со структурами толкования рассматриваемых приставок. Семантически близкие глаголы имеют сходные приставочные парадигмы, так что по сходству парадигм можно судить о наличии общих (релевантных для приставочного словообразования) признаков.

О. И. Дмитриева (Саратов) показала динамику словообразовательных процессов в сфере глагольного словопроизводства: процесса формирования производящей базы внутриглагольной префиксации, процесса семантической эволюции глагольных приставок, процесса взаимодействия префиксальных и конфиксальных структур в разные периоды истории русского языка. В ходе динамического структурно-семантического анализа подсистемы производных префиксальных глаголов выявляются тенденции когнитивной динамики глагольной концептосферы: движение идет от исходных базовых концептов *физическое действие, положение в пространстве, пе-*

ремещение к усилению концепта *деятельность*, не связанного с представлением о пространственной реализации действия.

В докладе Н. Б. Лебедевой (Кемерово) представлены теоретические предпосылки, принципы и методика когнитивного анализа денотативной семантики префиксальных глаголов. В результате анализа ситуатем, выраженных префиксальными глаголами, делается вывод о том, что префиксы могут маркировать отдельные ситуации в семантической структуре производного глагола, пропозиционально насыщая ситуатему, что сопровождается актуализацией семантической самостоятельности морфем. Ситуатема трактуется как содержательная структура, соотносимая с языковой формой и включающая полиситуативный комплекс, представленный на логическом уровне соотношением пропозиций.

В докладе А. Н. Баранова (Москва) дана типология деривации значений фразеологизмов. Выделяются основные модели деривации значений, демонстрируются продуктивные и непродуктивные модели в русской фразеологической системе. Предлагаются эвристики, позволяющие по семантическим признакам актуального значения и внутренней формы предсказать направление семантической деривации. Обсуждается возможность распространения понятия семантической деривации на нестандартные контексты употребления идиом. Предпринимается попытка выявить регулярное в нестандартной семантической деривации.

В докладе Н. Д. Голева (Кемерово) анализируются основания традиционной типологии словообразовательных средств русского языка. Докладчик выделяет и обсуждает логические непоследовательности данной типологии и предлагает выходы в более строгие классификационные схемы. В частности, в докладе рассматриваются возможности последовательного разделения аспектов «способ словообразования» и «словообразовательное средство», «словообразование» и «основообразование», уровней статусов словообразовательных средств. Динамическое словообразование трактуется как один из приоритетов современной русистики, поскольку динамический подход к изучению семантико-словообразовательных подсистем позволяет обнаружить механизм словообразовательных процессов, выявить наиболее явные тенденции языковой эволюции в целом.

В. И. Заика (Великий Новгород) на основе анализа более 300 текстов сочинений ЕГЭ рассматривает особенности устройства развернутого ответа как вторичного текста, создаваемого на основе исходного текста. Структура вторичного текста рассматривается как соотношение основы и форманта. Выявлены особенности связывания элементов вторичного текста и проблема расширения поля исходных текстов за счет служебных.

В докладе О. Ю. Крючковой (Саратов) рассматриваются функции некоторых продуктивных моделей словообразовательной редупликации, формировавшихся на разных этапах истории русского языка

в подсистемах всех знаменательных частей речи. Показана структурная, семантико-когнитивная, коммуникативная обусловленность редупликационных моделей, их роль в закреплении важнейших тенденций развития словообразовательных и грамматических категорий русского языка.

З. И. Резанова (Томск) анализирует явление «открытого текстового функционирования» дериватов. Характеризуются способы текстового маркирования дериватов разных типов: семантической и морфологической деривации. Выявляются деривационные (формальные и семантические аспекты) и текстовые факторы, влияющие на актуализацию данного типа функционирования дериватов.

Доклад М. Дж. Тагаева (Бишкек) посвящен анализу мотивационной структуры и мотивационного значения существующих разновидностей личных имен киргизского языка как экспонентов лингвокультурной информации, заключенной в именах собственных. На основе исчисления типов мотивирующих, лежащих в основе создаваемых имен, делаются выводы о приоритетных ценностях киргизского народа, которые закреплены в его языке и ментальности.

Категория общего рода рассматривается в докладе Е. Б. Трофимовой (Бийск) в двух аспектах: системно-структурном и антропоцентрическом. С позиции когнитивной лингвистики обосновывается изменение представлений об объеме данной категории; описываются и интерпретируются результаты психолингвистических экспериментов, позволяющие пересмотреть состав единиц, традиционно включаемых в исследуемый класс слов.

Доцент А. В. Чепкасов (Кемерово) на материале выступлений А. Г. Тулеева представил в своем докладе обращение как деривационную детерминанту композиционного формирования речи политика.

Многие из проблем, поднятых в докладах на пленарном заседании, обсуждались на секционных заседаниях и круглых столах.

В рамках конференции работали три Круглых Стола, один из них – «Дериватологическая карта Сибири (научные школы: история, традиции и современность)» – проведен под руководством проф. Л. А. Араевой. Похожей тематикой были объединены Круглые Столы под руководством проф. Н. Д. Голева «Когнитивное словообразование: “за” и “против”» и проф. О. Ю. Крючковой «Аспекты когнитивной интерпретации словообразовательных единиц и процессов».

Секционные заседания были посвящены описанию актуальных направлений современного словообразования. Всего было организовано и проведено десять секций.

В секции № 1 «Теоретико-методологические проблемы словообразования» (председатель д-р филол. наук, проф. В. И. Заика – г. Великий Новгород) заслушаны доклады д-р филол. наук, доц. Л. Г. Ким (г. Кемерово), канд. филол. наук, доц. Н. В. Мельник (г. Кемерово), канд. филол. наук, ст. преп. Н. Н. Шпильной (г. Новосибирск).

В докладе Л. Г. Ким «Вариативность словообразовательной структуры слова как источник развития полиинтерпретационного потенциала текста» рассмотрены различные стратегии восприятия адресантами словообразовательной структуры включенных в текст производных слов. Автором представлены результаты проведенного им эксперимента, который позволил обосновать множественность интерпретаций структуры производного слова, при восприятии которого его внутренняя форма может быть актуализована или же нейтрализована. Доклады Н. В. Мельник «Деривационное функционирование текста: лингвоперсонологический аспект» и Н. Н. Шпильной «Внутренняя форма текста как носитель потенциала его деривационного развития» посвящены анализу специфики вторичных текстов. С опорой на значительный по объему материал проанализированных вторичных текстов, созданных на основе первичных художественных текстов Ф. М. Достоевского, Н. В. Мельник выделила два основных типа моделирования вторичного текста: ономастиологическую модель построения вторичного текста, опирающуюся преимущественно на означаемое первичного текста, и семасиологическую модель, в которой значительную роль играет учет формы первичного текста (означающего).

Н. Н. Шпильная на материале текстов жанра «сплетня» проанализировала возможности развертывания исходного текста, обусловленные характером его внутренней формы.

В секции № 2 «Деривация в свете межкультурных и межъязыковых связей» (председатель д-р филол. наук, проф. М. Д. Тагаев – г. Бишкек) выступили с докладами канд. филол. наук, доц. А. В. Есипова (г. Новокузнецк), ст. преп. Г. К. Кеосиди (г. Лесосибирск), канд. филол. наук, доц. Т. А. Логунов (г. Кемерово).

А. В. Есипова в докладе «Аффиксальные общности слов в шорском языке» предложила критерии систематизации производной лексики шорского языка с учетом свойственной тюркским языкам грамматической и словообразовательной специфики.

В докладах Г. К. Кеосиди «Репрезентация концепта «кошка» на уровне словообразования (на материале русского и английского языков)» и совместного доклада Л. А. Араевой и Т. А. Логунова «Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова как источник информации (на материале наименований ягод в английском и русском языках)» представлены результаты исследований, выполненных в русле когнитивной лингвистической парадигмы. Л. А. Араева и Т. А. Логунов проанализировали состав пропозиций и фреймов, задействованных в процессах номинации ягод в русском, английском и немецком языках, отметив общее и этноспецифическое в характере мотивирующей базы наименований ягод, общность и национальное своеобразие знаний носителей языков о соответствующих референтах. Убедительно доказано действие единого когнитивного механизма работы мозга, представленного в языке людей разных националь-

ностей. Г. К. Кеосиди рассмотрела структурно-семантическую организацию словообразовательных гнезд с вершинами *кот* и *cat* с позиций репрезентированного в данных словообразовательных гнездах элементов содержания концепта «кошка».

Секция № 3 «Проблемы изучения комплексных единиц словообразования» была представлена двумя подсекциями.

Ведущим направлением работы подсекции № 1 «Способы словообразования в аспекте семантики и прагматики» (председатель д-р филол. наук, проф. О. И. Дмитриева – г. Саратов) стало исследование динамических тенденций в области словообразования русского языка рубежа тысячелетий. В докладе А. М. Геращенко и Т. В. Бус (г. Бийск) «Способы образования наименований биологически активных добавок» показано многообразие как собственно словообразовательных, так и лексико-семантических способов номинации биологически активных препаратов, выявлены наиболее продуктивные модели словопроизводства в исследуемой группе новой лексики. Интересны результаты сопоставительно-типологического анализа названий БАДов, выпускаемых российскими и американскими компаниями, позволяющие обнаружить языковые универсалии, а также обозначить экстралингвистические и лингвистические факторы, определяющие специфику подобных номинаций.

В последнее время все большее научное значение приобретают социолингвистический и культурологический аспекты ономастических исследований. В докладе Т. А. Кодоло (г. Минусинск) «Реализация принципа контаминации в наименованиях городских торговых объектов (на материале эмпоронимов г. Абакана)» эти два аспекта анализа современных эмпоронимов представлены в комплексе со структурно-семантическим. Показано усиление в ономастике на рубеже XX – XXI вв. роли словообразовательной игры и прецедентности, выявлены типовые словообразовательные модели, по которым создаются эмпоронимы, убедительно продемонстрировано действие принципа контаминации в процессе образования названий городских торговых объектов.

Отдельные тенденции словообразовательной динамики имен прилагательных в русском языке обозначены в докладе студента 5 курса А. А. Горланова (г. Кемерово) «Роль мотивирующего в словообразовании относительных прилагательных (на материале адъективов с суффиксом -ий)». Доклад соискателя Л. А. Беляковой (г. Кемерово) «Фреймово-пропозициональный анализ детского дискурса как метод изучения процесса категоризации» посвящен проблемам развития речетворческой способности ребенка. По результатам ассоциативного эксперимента, проведенного в группе дошкольников шестилетнего возраста, автор описывает пропозициональные структуры детской речи и показывает с их помощью способы категоризации действительности в сознании детей. Автор доклада является учителем-логопедом, что свидетельствует о практической значимости полученных результатов.

В подсекции № 2 «**Проблемы деривационного макро моделирования**» (председатель канд. филол. наук, доц. В. П. Васильев – г. Кемерово) заслушанные доклады объединялись темой «Лексическая и словообразовательная категоризация мира в разных формах национального языка и в его отдельном субязыке». Эта тема развивалась через освещение ряда проблем, связанных с:

1) языковым картированием мира через призму производных и непроизводных слов и в его обусловленности менталитетом и культурой диалектоносителей (доц. В. П. и Е. В. Васильевы);

2) семантической деривацией глаголов восприятия как проявлением динамичности языковой системы (доц. Н. И. Шапилова), обсуждение которой осуществлялось с использованием понятийного аппарата семасиологии и когнитивной лингвистики. Исходя из понимания значения как интегративного образования, систематизирующего в себе разные слои обработки познавательного опыта человека, докладчик обоснованно говорил о явлениях деривации и актуализации, о предвосхищении результатов деривации и реальном перечне переносных значений, развиваемых на базе глаголов восприятия;

3) установлением структуры словообразовательной ниши в плане её наполнения производными со значением натурфакта и их различий по набору мотивирующих слов (ст. преп. Н. В. Гришина);

4) рассмотрением отсубстантивного словообразования в языке аффинажного производства (Е. В. Иванова). Производные слова, представленные терминами, профессиональными словами, профессиональными жаргонизмами и др., анализировались в рамках словообразовательного типа и словообразовательного гнезда.

В секции № 4 «**Диахронный аспект изучения словообразовательной системы**» (председатель д-р филол. аук., проф. О. Ю. Крючкова – г. Саратов) выступили асп. А. М. Дементьянова (г. Кемерово), канд. филол. наук доц. И. В. Новицкая (г. Томск), канд. филол. наук, доц. И. Г. Темникова (г. Томск).

В докладе А. М. Дементьяновой «Пространственные приставки в древнерусском языке: полиситуативный аспект рассмотрения» представлены результаты предпринятого автором пропозиционального анализа древнерусских приставочных глаголов. Изучение семантического потенциала древнерусских глаголов в условиях их текстового функционирования позволило автору доклада выделить набор выражаемых префиксальными глаголами пропозиций-ситуативом.

И. В. Новицкая и И. Г. Темникова представили результаты исследований словообразовательных систем древних языков. В докладе И. В. Новицкой «Система словообразовательных маркеров абстрактности в готском и древнеисландском языках» рассмотрены состав и системная (полевая) организация словообразовательной категории и словообразовательных типов абстрактных имен в готском и древнеисландском языках. В докладе И. Г. Темниковой «Основные словообразовательные модели собирательных существительных в древнеанглийском

языке» проанализирована система словопроизводства существительных со значением собирательности, зафиксированная памятниками древнеанглийского языка.

В секции № 5 «**Семантические вопросы словообразования**» (председатель д-р филол. наук, проф. З. И. Резанова – г. Томск) заслушаны и обсуждены 4 доклада. Докладчики представляли три сибирских вуза – Томский государственный университет (О. В. Нагель., Ю. В. Филь), Алтайскую государственную академию образования (г. Бийск) – А. М. Кубарич., Кемеровский государственный университет – О. В. Майкова.

В составе участников были как начинающие исследователи, представившие первые результаты самостоятельных исследовательских проектов (А. М. Кубарич, О. В. Майкова), так и доклады, в которых были представлены фрагменты многолетних научных изысканий (О. В. Нагель, Ю. В. Филь).

Вместе с тем следует отметить: высокий уровень всех докладов начинающих исследователей обусловлен принадлежностью докладчиков к серьезным научным школам, их работы явились частью значительных исследовательских программ – экспериментального исследования звуко-символизма как междзыковой универсалии под руководством проф. Е. Б. Трофимовой и исследования обыденного мета-языкового сознания, осуществляемые под руководством проф. Н. Д. Голева. А. М. Кубарич представила результаты экспериментального исследования мета-языковой рефлексии тона носителями китайского языка. На обсуждение была вынесена методика построения эксперимента и варианты интерпретации первых полученных результатов. О. В. Майкова также вынесла на обсуждение результаты экспериментального исследования. Объект интерпретации – варианты толкования производной лексики в аспекте репрезентации в толкованиях явления смысловой и формальной членимости в соответствии со свойством их производности. Предмет обсуждения – параметры, влияющие на характер и направленность семантизации – как собственно языковые, в том числе – тип языковой личности. О. В. Нагель представила результаты комплексного исследования семантики производных имен синкретичной деривационной семантики, то есть такой, которая включает модусные и диктумные элементы. Комплексность подхода заключалась в соединении на принципах дополнительности результатов текстологического и экспериментального исследования. О. В. Нагель представила анализ конкретных методик проведения эксперимента и варианты интерпретации их результатов. Доклад Ю. В. Филь был посвящен результатам исследования пространственной семантики префиксальных глаголов. В центре внимания докладчика – семантика префикса как относительно автономной единицы, типы ее трансформации во взаимодействии с разными вариантами производящих глагольных основ, варианты семантических трансформаций от смыслов физического пространства к пространству метафизическому.

Заседание было плодотворным. Основной аспект обсуждения – методология современных дериватологических исследований, соотношение традиционных, текстологических и структурно-семантических методов и экспериментальных методик, проблемы ограниченности каждого отдельного метода, соотношение гипотезы и экспериментальной процедуры и др.

В рамках секции № 6 «**Деривация в тексте и дискурсе**» работали две подсекции.

В подсекции № 1 «**Когнитивно-дискурсивный аспект в изучении словообразования**» (председатель д-р филол. наук, проф. Е. А. Юрина – г. Томск) заслушано 5 докладов, посвященных актуальным проблемам исследования комплексных единиц словообразования с точки зрения их участия в когнитивно-дискурсивных процессах. Выступили ученые из вузов г. Кемерово, г. Барнаула, г. Томска, г. Лесосибирска.

Доклад д-ра филол. наук К. И. Бринёва был посвящен проблеме интерпретации теории языковой концептуализации (Дж. Лакофф, Э. Рош и др.) с позиции теории эссенциализма (теории истинности суждений). Автором доказывалась идея о том, что именование некоего понятия лексемой, называющей тот или иной класс объектов, ещё не свидетельствует о том, что происходит процесс познания этого понятия, так как причисление его к определенному классу не привносит новой информации о самом номинируемом понятии. Доклад вызвал множество вопросов и оживленную дискуссию.

Доклады доц. И. В. Евсеевой и проф. Е. А. Юриной были обращены к проблеме лингвокогнитивного моделирования комплексных единиц словообразования с учетом межуровневых, структурно-семантических и концептуальных связей их элементов. И. В. Евсеева рассмотрела словообразовательные типы, гнезда и парадигмы, объединяющие производные с семантикой «животные», на материале производных единиц русского языка, включая литературный язык, его разговорную разновидность и русские народные говоры. Е. А. Юрина представила опыт структурно-семантического и когнитивного моделирования мотивационно-образной парадигмы как комплексной единицы образного строя языка. В докладе подробно описана модель парадигмы с вершиной «стряпать», насчитывающая более 30 образно мотивированных единиц, в составе образного поля «Еда», а также даны примеры дискурсивного функционирования образной лексики этой парадигмы.

В докладе доц. Ю. С. Паули рассмотрено функционирование корневых анафонов (однокоренных слов, а также слов, созвучных по корневой части основы) в политическом дискурсе на примере текстов посланий Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию. Проанализированы различные функции, отмечена частотность повторения в текстах слов с корневыми морфемами *государств-, россий-, экономик-* и др. Отмечен не случайный, а осознанный выбор анафонов в тщательно и заранее подго-

товленном тексте с целью максимальной силы его воздействия на адресата.

В докладе проф. П. А. Катышева и асс. С. К. Соколовой представлены методы экспериментального исследования раскрытия языкового образа в дискурсивной деятельности носителей русского языка. Обоснована методика проведения эксперимента, предполагающая текстовое раскрытие информантом языкового образа дериватов с разной степенью прозрачности внутренней формы, посредством предъявления текста-стимула и задания к нему, предлагающего написание продолжения данного текста. Представлены результаты эксперимента, позволяющие моделировать дискурсивную деятельность носителей языка.

В работе подсекции № 2 «**Проблемы дискурсивного анализа текста**» (председатель д-р филол. наук, проф. П. А. Катышев) приняло участие шесть докладчиков из вузов г. Кемерово, Барнаула и Павлодара. Основным мотивом выступлений стала проблема деривации вторичных знаков, решаемая исследователями на материале текстов гибридных и реактивных жанров, переводов художественного произведения. В докладе И. А. Вагнер «Деривационные отношения между первичным и вторичным текстами (на материале рассказов-анекдотов)» прозвучала мысль о необходимости рассмотрения текстов гибридных жанров как пространств взаимодействия нескольких дискурсивных практик. При этом в рассказах-анекдотах комбинированию и соединению подвержены признаки письменной и устной речи, а вариативность текстовых структур зависит от того, какая разновидность нарратива выбирается в качестве опорной. По мнению Ю. В. Трубниковой (сообщение «Лексико-деривационная структура как форма текста»), понятие вторичного текста является одним из дискуссионных в текстологии, что объясняется разнообразием мотивационно-деривационных отношений, лежащих в основе межтекстового семиозиса.

Между тем, наиболее важным показателем формально-смыслового своеобразия вторичного текста выступает его лексико-деривационная структура, представляющая собою совокупность, последовательность, взаимодействие и сочетание рядов (вос)производимых элементов как носителей информации о первообразном знаке. Похожая логика рассуждения прослеживается и в докладе И. С. Карташевич «Перевод как вид вторичного текста», в котором обращается внимание не только на различные способы межязыкового преобразования исходного текста, но и на условие эквивалентности как на гарантию соотносимости перевода с оригиналом.

Кроме того, в рамках секционного заседания прозвучали и были обсуждены доклады, авторы которых занимаются исследованием механизмов восприятия и порождения текстов. В выступлении М. Ю. Басалаевой «Глубинная структура письменного дискурса и ее отражение в поверхностной структуре» поднята одна из тем детерминационной лингвистики, связывающая процесс восприятия текста с комплексом предпосылок интра- и экстралин-

гвистического характера – типом текста, его пунктуационным оформлением, свойствами языковой личности реципиента. Рассматривая оценочные высказывания, произносимые политиками в период мирового финансового кризиса, О. В. Буракова в докладе «К вопросу о способах формирования оценочных высказываний в политическом дискурсе» указала на значимость мелиоративной и пейоративной риторических стратегий, каждая из которых в условиях политического дискурса носит манипулятивный характер. Широтой осмысленного историко-научного контекста отличался доклад М. Н. Мостовой «Пресуппозитивные особенности презентации “универсального” и “национального” в художественном тексте». Значительную часть своего выступления автор посвятил обзору традиций понимания термина «пресуппозиция». Наиболее близким существу предпринимаемого исследования оказался коммуникативно-прагматический подход, трактующий искомое понятие в качестве фонда общих знаний пишущего и читающего.

Секция № 7 «Словообразование в функционально-стилистическом аспекте» работала в двух смежных направлениях.

В подсекции № 1 «Словообразование в средствах массовой коммуникации» (председатель канд. филол. наук, доц. А. И. Акимов – г. Бийск) заслушаны три доклада: А. И. Акимовой (Бийск), Е. В. Кишиной (г. Кемерово), Ф. С. Рагимовой (г. Кемерово).

Все доклады были посвящены различным аспектам исследования текстов СМИ: сообщение А. И. Акимовой «Особенности образования производной лексики в средствах массовой информации» посвящено выявлению и характеристике производных слов, используемых в современной общественно-политической газете, с позиций структурно-системной лингвистики. Доклад доц. Е. В. Кишиной «Характер мотивационных связей на уровне публицистических текстов» – описанию типов мотивационных связей, выявляемых в публицистических текстах, а также установлению зависимости типа мотивации с общей направленностью (политической, экономической, социальной и пр.) текста. Доц. Ф. С. Рагимова в сообщении «Стилистическая адаптивность к медиалингвистическому тексту как жанрообразующий признак пресс-релиза: взаимодействие или трансформация?» обратила внимание на проблемы развития жанра пресс-релиза, получившего широкое распространение и вобравшего черты российской и западной модели.

В работе подсекции № 2 «Словообразование в естественной письменной речи» (председатель д-р филол. наук, проф. Н. Б. Лебедева – г. Кемерово) заслушано 5 докладов: Т. В. Алтуховой, Д. А. Валишиной, Е. Г. Зыряновой, Т. Ю. Плаксиной, Е. А. Штифель. 4 доклада были посвящены словообразовательным аспектам электронной коммуникации. Доклады перекликались друг с другом как по материалу, так и по наблюдениям, что было отмечено присутствующими как положительное начало, поскольку создало большую степень взаимопонима-

ния и исследовательских «перекличек». Была выявлена такая черта деривационных процессов в электронных текстах, как контаминация семиотических систем (латиница – кириллица – цифровая система – графические символы), конкуренция левополушарных и правополушарных стратегий, увеличивающееся преобладание графических и иконических знаков над вербальными, что свидетельствует о глубинных тектонических сдвигах в речевом мышлении, имеющих, возможно, цивилизационный масштаб. Уделялось большое внимание взаимодействию электронной и рукописной традиций; отмечалось, что идет на спад и локализуется в определенном социальном локусе так называемый «олбанский язык», а те некоторые следы его воздействия на письменный язык молодежи оценивались как стилистические явления: проникновение разговорного и просторечного стиля устной речи в письменный вариант естественной русской речи. Вызвал большой интерес доклад канд. филол. наук Н. Ю. Плаксиной свежестью своего объекта и подхода: была предложена классификация графической деривации в текстах естественной письменной речи, дано определение этому понятию.

В процессе работы секции № 8 «Словообразование в социо-и психолингвистическом аспектах» (председатель д-р филол. наук, проф. Е. Б. Трофимова – г. Бийск) заслушано 4 доклада, объединённых общей проблематикой – исследованием словообразовательных процессов в психолингвистических экспериментах. В докладе М. В. Грековой, магистранта факультета филологии и журналистики КемГУ, проанализированы особенности экспрессивного словообразования наименования денежных купюр и монет в четырёх возрастных группах, представляющих четыре возрастных периода: детство, юность, зрелость, пожилой возраст. Учитывалось также место жительства (город, село) информантов и гендерный фактор. В целом направление работы оценено как перспективное. Тем не менее, было отмечено, что автору на данном этапе работы не удалось выявить, какой из факторов – социальный, возрастной или гендерный в большей степени определяет характер окказионального номинирования монет. Предложено для чистоты эксперимента увеличить число испытуемых. Коллективный доклад кандидата филологических наук, доц. кафедры стилистики и риторики Э. С. Денисовой и студентки 4 курса Т. Н. Сокольниковой был посвящён исследованию особенностей идентификации дериватов нетиповой словообразовательной структуры. В условиях психолингвистического эксперимента требовалось определить значение деривата через соотнесённость его с исходной формой. В результате исследования выделены семантические и формальные стратегии идентификации. Стоит отметить качество выбранного для эксперимента материала (карточная игра «Свинтус»). Доклад М. А. Домрачева, аспиранта кафедры стилистики и риторики КемГУ «Фреймовое и нейронное моделирование актов речемыслительной интерпретации нового лингвистического объекта» представляет со-

бой поисковое междисциплинарное исследование, в котором осуществлена попытка, используя в качестве экспериментальных стимулов весьма своеобразные, обладающие высокой степенью энтропии сочетания, определить способы фреймового и нейтронного моделирования на основе данных психолингвистического эксперимента. В работе задействован математический аппарат, который используется не только для повышения степени достоверности результатов, но и включён в исследование в качестве необходимой процедуры. По завершении работы, возможно, удастся определить зависимость характера указанного моделирования от типа личности, возраста, пола. В докладе к. филол. наук, доцента кафедры русского языка Алтайской государственной академии У. М. Трофимовой описываются результаты психолингвистических экспериментов, направленных на установление роли семантического признака, отраженного во внутренней форме слова или его словарном толковании, в структуре спонтанной дефиниции. Выявляется зависимость экспликации признака информантом от его когнитивного и синтаксического статуса в структуре значения. Неизоморфизм формально-семантических связей слов в языке и сознании его носителей позволяет говорить о различиях в системной организации лексик и лексикона носителей.

Секция № 9 «Словообразовательная игра и способы её реализации в различных типах дискурса» (председатель д-р филол. наук, проф. Л. А. Араева – г. Кемерово). В работе секции приняли участие 5 докладчиков, кроме этого был обсужден доклад д.филол.н., проф. Ильясовой (Ростов-на-Дону). В докладе магистранта КемГУ Е. А. Василенко «Словообразовательная игра: способы и приемы реализации в текстах наружной рекламы» представлен феномен словообразовательной игры в сфере наружной рекламы г. Кемерово. Анализу подверглись основные языковые тенденции в рамках данного медиатекста: способы и приемы словообразовательной игры в рекламных именах и слогах, функционирование окказионализмов в контекстах, отдельное внимание уделено графической трансформации деривата. В докладе А. Ж. Кайрамбаевой (Павлодар) «Воздействующая функция как доминанта рекламного текста (на материале наружной рекламы г. Павлодара)» анализировалась доминирующая функция рекламного текста – воздействующая. Воздействие, имеющее междисциплинарный характер, рассматривается как психолингвистический механизм, комплекс вербальных и невербальных средств информационно-рационального либо эмоционального характера. Эмоциональный компонент воздействия определен как доминантный. По сути дела, эти два доклада взаимно дополняли друг друга: языковые и внеязыковые средства наружной рекламы непосредственным образом связаны с их воздействием на подсознание потенциальных потребителей. Пересекается с идеями, высказанными в докладах Е. А. Василенко и А. Ж. Кайрамбаевой, доклад Д. В. Казаковой (Красноярск) «Смеховая метафора в медицинском дискурсе: ме-

ханизм порождения и особенности функционирования» в котором рассматривается механизм порождения смеховой метафоры в медицинском жаргоне, определяются основные модели ее формирования, выявляются объекты комического снижения, описываются функции смеховой метафоры.

Выступления канд. филол. наук А. А. Шумиловой (Кемерово) и аспиранта Я. А. Дударевой (Кемерово) посвящены явлению синонимии в русском языковом пространстве.

В докладе Я. А. Дударевой рассматривается вопрос организации синонимического поля с позиции носителей языка, что является актуальным для современного периода развития лексикографии, создания словарей «нового» типа, представляющих комплексную информацию о слове как элементе ассоциативно-вербальной сети носителей языка. Структура синонимического поля понимается как состоящая из цепочек синонимических пар. Синонимическую пару образуют деривационно связанные лексемы, направление этой связи выявляется на основе сопоставления ассоциативных полей лексических единиц. Существование направленной деривационной связи между лексемами, близкими в смысловом отношении, разрушает представление о наличии абсолютных синонимов в языке.

В докладе А. А. Шумиловой «Когнитивный подход к исследованию словообразовательной синонимии» рассматривается развитие и формирование синонимических связей в словообразовательной системе, развивающихся по ассоциативному типу, а также представлено когнитивное видение словообразовательной синонимии, определение и подробное описание словообразовательно-пропозициональной синонимии. Следует отметить в определенной мере пересекающееся видение синонимии, синонимического поля и отношение к явлению абсолютной синонимии в представленных докладах, что послужило основой для хорошего диалога, к которому подключились все присутствующие.

Доклад Д. Ш. Харанутовой (Улан-Удэ) «Лексико-словообразовательное гнездо монгольских языков: лексикографический аспект» посвящен разработке проблемы составления толково-словообразовательного словаря генетически родственных языков. Раскрывается понятие лексико-словообразовательного гнезда. Рассматриваются вопросы организации дериватов внутри гнезда данного типа и размещения гнезд сопоставляемых языков с идентичными вершинами в словаре. Доклад вызвал интерес в силу того, что в рамках Кемеровской дериватологической школы активно разрабатывается пропозиционально-фреймовая теория гнезда однокоренных слов, в том числе и в лексикографическом аспекте. Предложенный в докладе подход в определенной мере пересекается с идеями, высказываемыми И. В. Евсеевой.

На секции заслушан и обсужден доклад С. В. Ильясовой (Ростов-на-Дону) «Феномен лавинообразного словотворчества (на материале языка современных СМИ). Феномен лавинообразного словотворчества представлен многомерно: как разно-

видность языковой игры, как реализация словообразовательных возможностей ключевых слов, которые могут быть представлены именами собственными, именами нарицательными, аббревиатурами. Первая группа в статье представлена антропонимом Барак Обама, вторая – актуализированным существительным мэр, третья – аббревиатурой ЕГЭ. Лавинообразное словотворчество рассматривается с позиций категории оценочности.

В целом, несмотря на определенную разнонаправленность тем докладов секция прошла продуктивно, было высказано много интересных мыслей, которые в дальнейшем могут реализоваться в работах выступавших.

Секцию № 10 «**Детское словотворчество**» (председатель канд. филол. наук, доц. Э. С. Денисова – г. Кемерово) представляли юные деривтологи – дети и внуки преподавателей. Самому младшему участнику конференции – Шумилу Всеволоду – исполнилось 7 лет, а самому старшему – Мришук Елизавете – 12 лет.

В секции заслушано 5 докладов. В созвучном названию секции направлению прозвучали доклады Денисова Степана и Шумилова Всеволода. В докладе Степана (2-ой класс, гимназия № 41, г. Кемерово) «Особенности детского словотворчества (в возрасте 3 – 7 лет)» проанализированы основные способы детского словообразования (префиксальный, суффиксальный, сложение, опора на словообразовательную модель), показано преобладание новых слов определенной части речи в конкретный возрастной период, а также приведены контексты функционирования дериватов. Доклад Всеволода «Специфика словообразовательных моделей в детской речи (6 – 7 лет)» также опирался на материал собственного детского словотворчества и был посвящен анализу создания, употребления и функционирования деривата *танкёр*. В качестве сопоставительных моделей были избраны слова как одного словообразовательного типа, так и слова с синонимичными суффиксами.

Продолжил системно-структурное направление исследования Зырянов Павел (3-й класс, лицей № 23 г. Кемерово), в своем докладе «Освоение англицизмов в современном русском языке» он представил подробный анализ слов, прошедших русификацию, разграничив их по классам производной и

непроизводной лексики, группам англицизмов и экзотизмов, а также по сфере функционирования в текстах и способам образования.

Доклады Мришук Елизаветы и Трофимовой Марии отражали психолингвистическое и ономаσιологическое направления современного словообразования соответственно. В своем докладе «Исследование стереотипов иностранных государств у русскоязычных школьников» Мришук Елизавета (6-й класс, Бийский лицей-интернат) осветила результаты ассоциативного эксперимента, связанного с выявлением приоритета старых стереотипов, сложившихся еще во времена СССР (прежде всего, связанных с Германией и США), на современные национальные представления. Трофимова Мария (4-й класс, гимназия № 11, г. Бийск) в докладе «О некоторых принципах номинирования животных (на материале кличек кошек и собак г. Бийска)» осуществила попытку описать основные закономерности, характерные для современных номинаций кошек и собак. На основе анализа проведенного анкетирования ею сделан вывод об основных принципах называния животных в наше время. В ходе небольшого экспресс-опроса докладчиков конференции Мария также получила материал для дальнейшего описания региональной и временной закреплённости этих принципов.

В конце секционного заседания проведен эксперимент креативного характера: детям были даны 4 слова (*часы, гнилой, жёлтый, очки*), которые в русском языке имеют ограниченную словообразовательную производность в силу определенных языковых причин. Участникам и слушателям секции было предложено образовать от слов-стимулов как можно больше производных слов. Полученные дериваты были совместными усилиями проанализированы с точки зрения их частеречной принадлежности, способа образования, а также дальнейшего вхождения в язык/ речь.

Кроме выступающих с докладами школьников, в секции активное участие в виде слушателей принимали Мельник Ксения и Соколова Екатерина – несомненно, будущие докладчики на нашей детской секции.

(Информация представлена с использованием отчетов председателей секций).

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Агеева Юлия Александровна – аспирант кафедры истории и культуры России КемГУ. Ageeva Julia Aleksandrovna – post-graduate student of the chair of Russian history and culture of KemSU.	8-923-614-05-10, age_julia@mail.ru
Айзман Роман Иделевич – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, ГОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет. Aizman Roman Idelevich – the Doctor of Biology, the professor, anatomy, physiology and health and safety, GOU VPO the Novosibirsk state pedagogical university managing chair of anatomy, physiology and health and safety.	8(383)244-05-81, roman.aizman@mail.ru
Аллахвердиев Гариб Вели оглы – кандидат философских наук, доцент, Нахчыванский государственный университет, Азербайджанская Республика. Allakhverdiyev Garib Veli ogli – candidate of philosophical Sciences, Assistant Professor, Nakhchivan State University, Azerbaijan Republic.	g.allahverdiyev@yandex.ru
Аникин Антон Владимирович – аспирант кафедры медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ. Anikin Anton Vladimirovich – post-graduate student of Faculty of medicine and safety KemGU.	8-384-2-35-95-72,
Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики КемГУ. Araeva Liudmyla Oleksiivna – doctor of Philology, Professor, head of the Department of stylistics and rhetoric KemGU.	8-384-2-58-27-45, araeva@list.ru
Барсуков Александр Михайлович – ассистент кафедры политических наук КемГУ. Barsukov Alexandr Mikhailovich – the lecturer of the department of political sciences KemSU.	8-913-282-84-48, amb2@inbox.ru
Батиевская Вероника Богдановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии здравоохранения ГОУ ВПО «Кемеровская медицинская академия Росздрава». Соискатель ученой степени доктора экономических наук, прикреплена к кафедре экономической теории экономического факультета ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Batievskaya Veronika Bogdanovna - PhD, docent. Department of Economics and Management at the plant health. State educational institution: The Kemerovo Medical Academy. Ministry of Health of Russia.	8-903-945-12-36, 8 (3842) 35-45-20, batvb@kemsma.ru
Белокуров Геннадий Михайлович – кандидат физико-математических наук, ст. научный сотрудник Института углеродной и химического материаловедения Сибирского отделения РАН. Belokurov Gennady Mihajlovich – candidate of Physico-mathematical Sciences, Senior Researcher, Institute of Carbon Chemistry and Material Science of the Siberian Branch of the RAS.	8-384-2-74-07-01, 8-905-075-95-84, belogem@mail.ru, belogem@rambler.ru
Берёзкин Александр Викторович – преподаватель кафедры социологии и социальной работы Дальневосточного государственного технического университета. Berëzkin Aleksandr Viktorovich – (teacher of sociologists and social work of far Eastern State Technical University.	8-924-23-32-158, soulas_84@mail.ru
Богатырева Наталья Игоревна – аспирант, кафедра математической кибернетики КемГУ. Bogatyрева Natalya Igorevna – post-graduate student, chair of mathematical cybernetics of KemSU.	8-384-2-54-25-09, nnattikka@rambler.ru

Вестник КемГУ	№ 3 (47) 2011
Бугаец Алексей Анатольевич – старший преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века факультета филологии и журналистики КемГУ. Bugaets Aleksei Anatolyevich – Senior Lecturer in journalism and Russian literature of the 20 th century, Faculty of philology and journalism KemSU.	8-923-609-70-31, bugaec_a@mail.ru
Васильев Василий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета. Vasilyev Vasilyi Pertrovich – is a candidate of science in philology (Ph. D. in Philology), an associate professor of general philology and slavistics in Kemerovo State University.	8-384-2-58-27-45, 8-384-2-72-82-89, wwpetrovich@rambler.ru
Воробьева Марина Евгеньевна – студентка 5 курса факультета филологии и журналистики КемГУ. Vorobyova Marina Evgenyevna – the student of 5 courses from faculty of philology and journalism of the Kemerovo state university.	8-950-598-74-31, marina_vorobyova_89@mail.ru
Глушков Андрей Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, директор Института экологии человека СО РАН. Glushkov Andrey Nikolayevich – Doctor of Medicine, Professor, Director Institute of Human Ecology SB RAS.	
Гудов Александр Михайлович – кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра ЮНЕСКО по новым информационным технологиям КемГУ. Gudov Alexander Mikhailovich – candidate of physical and mathematical sciences, associated professor, UNESCO chair of new information technologies of KemSU.	8 (3842) 58-35-76, good@kemsu.ru
Гусев Борис Борисович – кандидат педагогических наук, Москва. Gusev Boris Borisovich – the candidate of pedagogical sciences, Moscow.	8(495)601-90-17, gusev1960@mail.ru
Денисова Эльвира Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ. Denisova Elvira Khokhlova – candidate of philological sciences, Associate Professor of stylistics and rhetoric KemGU.	
Домрачев Михаил Александрович – аспирант кафедры стилистики и риторики КемГУ, Кемерово. Domrachev Mikhail Alexandrovich – graduate student, department of stylistic and rhetoric KemSU, Kemerovo.	m.domrachev.scientist@gmail.com
Дружинин Владимир Геннадьевич – доктор биологических наук, зав. кафедрой генетики КемГУ. Druzhinin Vladimir Gennadievich – Doctor of Biology, Professor at Genetics.	druzhinin_vladim@mail.ru
Евсеева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Лесо-сибирского педагогического института-филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», докторант КемГУ. Evseeva Iryna Vladimirovna – candidate of scientific works. Sciences, Assistant Professor of Russian language and literature of the forest of the Siberian Branch of the FGAOU Institute of education-HPE "Siberian Federal University, doctoral student GOW HBO" KemSU.	8-391-452-84-09, ivevseeva@yandex.ru
Завозкин Сергей Юрьевич – кандидат технических наук, доцент, кафедра ЮНЕСКО по новым информационным технологиям КемГУ. Zavozkin Sergey Y. – candidate of technical sciences, associated professor, UNESCO chair of new information technologies of KemSU.	8 (3842) 58-32-89, shade@kemsu.ru
Залубовская Наталья Сергеевна – ассистент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ. Zalubovskaya Nataliya Sergeevna – adjunct lecturer in general psychology and developmental psychology KemSU.	8(3842)58-81-92, zalubovskaya_83@mail.ru
Иванчук Владимир Витальевич – старший преподаватель Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Ivanchuk Vladimir Vitaljevich – Kemerovo state university of culture and arts grand teacher.	8 (384-2) 73-28-56, priemnaya@kemguki.ru
Игнатюк Юлия Леонидовна – старший преподаватель кафедры философии, истории и социологии ГОУ ВПО «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права». Ignatyuk Yuliya Leonidovna –senior lecturer in philosophy, history and sociology, «Tyumen State Academy of World Economics, Management and Law».	8-922-266-62-87, ignatyuk72@mail.ru

Вестник КемГУ	№ 3 (47) 2011
Иуков Евгений Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук КемГУ. Iukov Yevgeny Aleksandrovich – Ph.d. (political science), Assistant Professor of political science KemGU.	8(384-2) 54-49-33, iukov@mail.ru
Косенкова Мария Викторовна – ассистент кафедры математической кибернетики КемГУ. Kosenkova Mariya Viktorovna – assistant lecturer, Chair of Mathematical Cybernetics, Kemerovo State University.	8 (3842) 54-25-09, kosenkovam@mail.ru
Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ. Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophy, Professor of mezhfakul'tetskoj philosophy KemSU.	8(384-2) 72-77-75, Krasikov@kemcity.ru
Крейдун Юрий Александрович – кандидат физико-математических наук, докторант кафедры истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета, проректор Барнаульской духовной семинарии. Kreidun Yuri Alexandrovich – candidate of physico-mathematical science, Doctoral candidate of Department of Histories Domestic and Foreign Art, Altai State University; Vice-chancellor of Barnaul Orthodox Theological Seminary.	8-385-2-28-39-07, krey70@mail.ru
Кузнецова Татьяна Юрьевна – ассистент, аспирант кафедры русского языка Кемеровского государственного университета. Kuznetsova Tatjana Jurievna – the assistant of Russian language sub department Kemerovo State University, Philology department.	8-905-912-52-33, tanechka525@mail.ru
Ларионов Алексей Викторович – аспирант КемГУ, инженер КемГУ. Larionov Alexey Viktorovich – KemSU graduate student.	
Лебедев Алексей Владимирович – кафедра анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, ГОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет. Lebedev Alexey Vladimirovich – chair anatomy, physiology and health and safety, GOU VPO Novosibirsk state pedagogical university.	8-913-770-93-43, lebedev_05@mail.ru
Леонов Евгений Евгеньевич – аспирант Кемеровского государственного университета культуры и искусств, методист Муниципального образовательного учреждения «Центр дополнительного образования детей им. В. Волошиной» г Кемерово. Leonov Evgeny Evgenievich – the post-graduate student of the Kemerovo state university of culture and arts, the methodologist of Municipal educational institution «the Center of additional education of children of V. Voloshinoj»Kemerovo.	8-923-611-30-64, Lvenok1308@rambler.ru, Lucky-number@mail.ru
Логунова Лариса Юрьевна – докторант кафедры социологических наук КемГУ. Logunova Larisa Yurievna – doctoral student Department of sociological Sciences KemGU.	8-384-2-54-82-58, vinsky888@mail.ru
Ляхова Марина Аанатльевна – ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ. Lyakhova Marina Aanatl'evna – assistant Teacher, Department (Chair) of Social Psychology and Psychosocial Technologies of KemSU.	
Малахов Илья Сергеевич – аспирант кафедры политических наук Кемеровского государственного университета, Кемерово. Malakchov Iliya Sergeevich – the aspirant of The Political Sciencies Department of the KemSU.	8 9096208570
Мешечкин Владимир Викторович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математической кибернетики КемГУ. Meshechkin Vladimir Viktorovich – candidate of physical and mathematical sciences, associated professor, chair of mathematical cybernetics of KemSU.	8-384-2-54-25-09, vvm@kemsu.ru
Минина Варвара Ивановна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики КемГУ, старший научный сотрудник Института экологии человека СО РАН. Minina Varvara Ivanovna – Candidate of Biology Associate Professor of Genetics.	vminina@mail.ru

Вестник КемГУ	№ 3 (47) 2011
Михайлов Юрий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России КемГУ. Michailov Yuri Innokentevich – professor of department history and culture of Russia KemGU.	8(384-2)58-05-87, hiscult@mail.ru
Мостовая Маргарита Николаевна – соискатель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, преподаватель кафедры «Практический курс иностранных языков» Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан. Mostovaya Margarita Nikolaevna – applicant of Oratory and Stylistics Department, teacher of Department for Practical Teaching of foreign languages, Pavlodar state university after S. Toraygyrov, Pavlodar, Kazakhstan.	+7-701-536-26-08, ritamn82@mail.ru
Никифорова Елена Владимировна – соискатель кафедры истории России и культуры КемГУ. Nikiforova Helena Vladimirovna – applicant department Russia history and culture of Kemerovo State University.	8-913-295-66-80, a-777-888@mail.ru
Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета. Nikolaeva Nadezhda Alexeevna – candidate of historical sciences, Professor of ancient history and middle ages, Moscow State regional University.	8(499)1609682; +7(916)4715150, nikolaeva3145@yandex.ru
Новикова Анна Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики ЧитГУ. Novikova Anna Vladimirovna – candidate of Sciences (Politics), the associate professor of State, Amunicipal Management and Politics Department Chita State University.	8-914-439-99-55, beydina@inbox.ru
Нятина Наталья Владимировна – ассистент кафедры социологических наук КемГУ, аспирант кафедры социологических наук КемГУ. Nyatina Natalia Vladimirovna – assistant of sociological sciences department of Kemerovo State University, post-graduate of sociological sciences department of Kemerovo State University.	8-905-912-24-89, kozeeva_n@mail.ru
Осипов Владимир Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики-3 Сибирского федерального университета, Красноярск. Osipov Vladimir Vladimirovich – candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor Higher Mathematics-3 of Siberian Federal University, Krasnoyarsk.	vv-osipov@yandex.ru
Осипова Светлана Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой высшей математики Сибирского федерального университета, Красноярск. Osinova Svetlana Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Chief of the Higher Mathematics Department of The Siberian Federal University, Krasnoyarsk.	osisi@yandex.ru
Панюшкин Станислав Валерьевич – аспирант КемГУ, Кемерово. Panyushkin Stanislav Valeryevich – PhD student KemSU, Kemerovo.	8-909-516-46-14, e025psv@rambler.ru
Портнова Алла Георгиевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ. Portnova Alla Georgievna – candidate of psychological Sciences, senior lecturer of the Department of General Psychology and developmental psychology KemSU.	8(3842)58-81-92, portall@kemt看.ru
Пряженникова Оксана Евгеньевна – аспирант, ассистент кафедры ботаники биологического факультета КемГУ. Pryazhennikova Oksana Evgenievna – postgraduate, assistant department of botany, faculty of biology.	Pryazhenniro-va84@rambler.ru
Пьянов Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории ФИиМО КемГУ. Pianov Alexander Evgenevich – candidate of historical sciences, assistant professor of modern national history Faculty of History and International Relations KemSU.	8-904-570-64-44, alpianov@yandex.ru
Ресенчук Анна Александровна – соискатель кафедры английской филологии № 1 КемГУ, Кемерово. Resenchuk Anna Alexandrovna – applicant for degree Kemerovo State University, Kemerovo.	8-902-756-96-11, reseanna@yandex.ru

Вестник КемГУ	№ 3 (47) 2011
Рожнов Олег Александрович – кандидат социологических наук, Москва. Rozhnov Oleg Aleksandrovich – the candidate of sociological sciences, Moscow.	8(495)601-90-68, or67@mail.ru
Ростовский Роман Валерьевич – кандидат экономических наук, Московский психолого-социальный институт, ст. преподаватель кафедры экономики и управления, Москва. Rostovskiy Roman Valeryevich – the Candidate of Economics, the Moscow psychologo-social institute, the Senior Lecturer of Economics and Management Department, Moscow.	8-903-961-43-02, RVRostovskiy@mail.ru
Рябова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1 КемГУ, Кемерово. Ryabova Marina Yurievna – PhD, professor Kemerovo State University, Kemerovo.	mriabova@inbox.ru
Свиридова Ирина Альбертовна – доктор медицинских наук, доцент, ректор КемГУ. Sviridova Irina Albertovna – doctor of medical sciences, Assistant Professor, Rector KemGU.	8-384-2-58-12-26, rector@kemsu.ru
Соловьева Татьяна Владимировна – аспирант Сибирского федерального университета, ст. преподаватель кафедры прикладной информатики и экономики Хакасского технического института – филиала СФУ, Абакан. Solovyova Tatyana Vladimirovna – Postgraduate student of The Siberian Federal University, senior teacher of the Department of «Applied informatics and economics» of the Khakas Technical Institute – the Branch of the SFU, Abakan.	soltan-17@mail.ru
Солодова Галина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, Кемерово. Solodova Galina Gennadievna – candidate of pedagogies, Kemerovo State University.	kasatkina@kemsu.ru
Спитченко Елена Владимировна – аспирантка кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета. Spitchenko Elena Vladimirovna – a post-graduate student, the chair of Modern history of Russia of Kemerovo State University.	8-904-966-76-26, elenas1702@yandex.ru
Суботялов Михаил Альбертович – кандидат биологических наук, доцент, ГОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет. Subotjalov Michael Albertovich – candidate of Biology, Assistant professor, GOU ВПО Novosibirsk state pedagogical university.	8(383)375-11-08, sumial@bk.ru
Сычева Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории КемГУ. Sycheva Tatyana Anatolievna – candidate of historical sciences, associate professor the latest national history KemSU.	8-384-2-58-40-16, tsycheva@rambler.ru
Тимофеева Анна Александровна – аспирант КемГУ, инженер-технолог Института экологии человека СО РАН. Timopheeva Anna Aleksandrovna – Kemerovo State University graduate student.	coldunica@mail.ru
Тышкевич Татьяна Владимировна – аспирантка Научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации, экономист ООО «СервисТрансКлининг». Tyshkevich Tatiana Vladimirovna – competetor of The State Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation, economist LLC “ServisTransClining”.	8-926-857-76-63, ttv86@mail.ru
Унщикова Иван Анатольевич – аспирант кафедры маркетинга экономического факультета КемГУ. Unshchikov Ivan Anatolevich – the post-graduate student of chair of marketing, economic faculty KemsU.	+7-923-605-86-26, unshch@rambler.ru
Хорошилова Лилия Семеновна – доктор географических наук, профессор социальной медицины и БЖД КемГУ. Khoroshylova Lilia Semenovna – doctor of geographical sciences, Professor of social medicine and BDZ KemSU.	8-923-516-19-38 bgd@kemsu.ru
Чернова Екатерина Сергеевна – аспирант, ассистент кафедры математической кибернетики КемГУ. Chernova Ekaterina Sergeevna – postgraduate student, assistant lecturer, Chair of Mathematical Cybernetics, KemSU.	8 (3842) 54-25-09, elvangie@mail.ru

Вестник КемГУ	№ 3 (47) 2011
Шабашев Владимир Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории экономического факультета КемГУ, академик МАН ВШ. Šabašev Vladimir Alekseevich – doctor of economic sciences, Professor, head Chair of economic theory, economic faculty, KemSU, academician of MAN.	8(384-2) 58-17-35, bash@kemsu.ru
Шарикова Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета. Sharikova Ludmila Anatoljewna – Cand. of Phil. Scienc., Professor of the department of the germany philology of the romanistic and germanistic faculty of the Kemerovo State University.	8-923-492-51-95, charikova@kemcity.ru
Щербakov Александр Иванович – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления НОУ ВПО Кузбасский институт экономики и права. Scherbakov Aleksandr Ivanovich – candidate of economic sciences, professor (Kuzbass Institute of Economics and Low).	8(384-2)62-02-90, iskander7@kiel.ru

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
"Вестник Кемеровского государственного университета"

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «Пресса России», 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»). Электронная версия журнала представлена на сайте <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной электронной библиотеке [eLIBRARY.RU](http://elibrary.ru) и включена в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210x297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.

2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Бланк экспертного заключения для авторов, являющихся сотрудниками КемГУ, представлен в приложении 1.

3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала и публикуются по решению редакционного совета журнала.

4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.

8. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

9. Сторонние авторы оплачивают публикацию, статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.

10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация – книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) – строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки. Например:

$$J_g^+ : g = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1)i + \operatorname{Im}(z_1/z_2)j + \\ + |z_1|^2 - |z_2|^2 k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *Jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация – подрисуночная по центру.

Например: *Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита*

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица I

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например: ссылка на полный текст документа [6]; ссылка на фрагмент текста документа [6, с. 24 – 28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7,12 – 93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде сносок.

13. В конце текста статьи указываются: **полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (на русском и английском языках).**

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4 – 7 страниц компьютерного набора формата А4 (210х297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX В.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article is investigated the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their source and strives to demonstrate their influence upon a style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Текст...

Литература...

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ.

Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophy, Professor of mezhfakul'tetskoj philosophy KemSU.

E-mail: krasikov.1958fd@yahoo.com. Тел.: 8(3842) 72-77-75.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ),

650043, Кемерово, ул. Красная, 6, Редакция журнала «Вестник КемГУ».

Электронный адрес: [gos\(@\)kemsu.ru](mailto:gos(@)kemsu.ru), **телефон:** (3842) 58-80-24.

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ:

- *Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).*
- *Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944*
- *Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.*